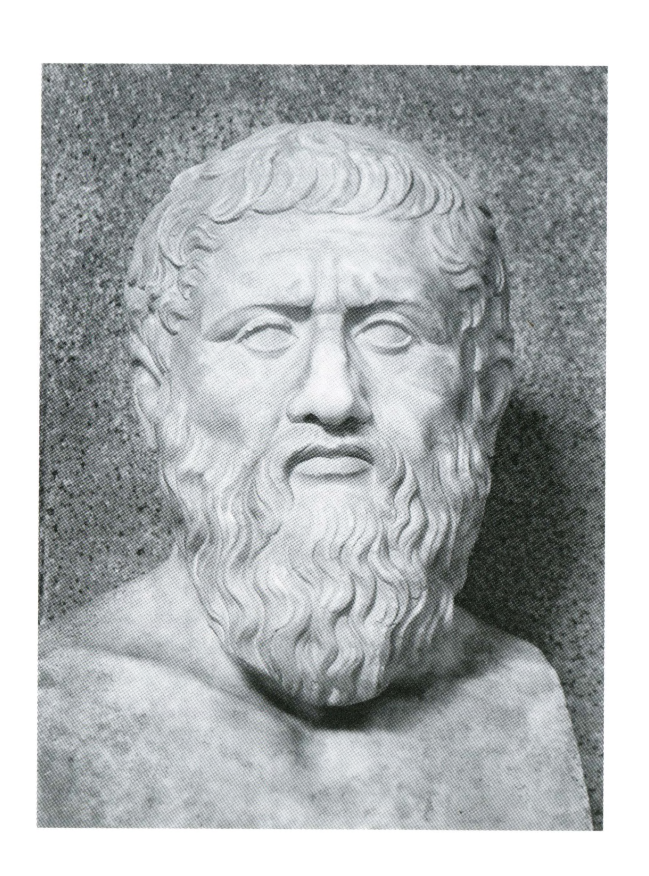
Платон

ЗАКОНЫ
ПОСЛЕЗАКОНИЕ
ПИСЬМА

Платон



Том 89

Платон

ЗАКОНЫ
ПОСЛЕЗАКОНИЕ
ПИСЬМА

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2014

УДК 14
ББК 87.3
П37

Серия основана в 1992 году

ISBN 978-5-02-025434-3

А. Я. Слинин

«ЗАКОНЫ» ПЛАТОНА: ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ И НОЧНОЕ СОБРАНИЕ

1

«Законы» — самый большой по объему диалог Платона. Специалисты относят его к числу поздних диалогов афинского философа. В самом деле: имеются основания предполагать, что он написан где-то около 367—361 гг. до н. э. Платону в это время было уже шестьдесят с лишним лет.

Диалог получил такое название потому, что в нем содержится разработанный в мельчайших деталях свод законов для полиса. Дело в том, что Платон отнюдь не был «кабинетным» философом: в течение всей своей жизни он интересовался политикой. Стать государственным деятелем в своем родном городе Афины ему не пришлось, в отличие от своего дяди Крития, который был, как известно, главой правления Тридцати тиранов. Однако стремление к тому, чтобы принять участие в управлении каким-нибудь полисом, у Платона было, о чем свидетельствуют его неоднократные попытки вмешаться в государственные дела Сиракуз.

Платон полагал, что знает, как должен быть обустроен греческий полис. Ни одно из существовавших в Греции государственных устройств его не удовлетворяло. Поэтому он и считал себя в праве выступить в роли законодателя.

Какими особенностями должно обладать справедливое государственное правление? Платон касается этого вопроса во многих своих диалогах. В центре его внимания эта проблема находится в таких диалогах, как «Государство», «Политик» и «Законы».

В «Государстве» Платон подробно описывает свой идеал государственного устройства. Он говорит, что к построению такого государства, какое описано в этом диалоге, следует стремиться, но не надеется на то, что оно когда-либо будет построено. В «Законах» дается практически достижимый, по мнению Платона,

проект устройства полиса. В нем требования, предъявляемые к построению государства, несколько смягчены.

По всей видимости, проект законодательства, содержащийся в «Законах», был составлен для молодого сиракузского тирана Дионисия Младшего, к которому Платон ездил дважды — в 367 и 361 годах — в качестве преподавателя философии и государственного советника.

Платон считал тиранию наихудшим из всех возможных образов правления. Однако в его сознании, как ни странно, имелась парадоксальная мысль о том, что при определенных условиях от этого наихудшего образа правления можно сразу перескочить к наилучшему. Вот что можно прочесть в диалоге «Законы», участниками которого являются афинянин, Клиний и Мегилл:

Афинянин. «Скажи же, законодатель, — обратимся мы к нему, — какое и находящееся в каком состоянии государство надо тебе дать, чтобы, приняв его, ты смог во всем остальном устроить его сам?» Какого ответа, по справедливости, можно на это ждать? И не ответить ли нам от его имени?

Клиний. Да.

Афинянин. Так вот его ответ: «Дайте мне государство с тираническим строем. Пусть тиран будет молод, памятлив, способен к учению, мужествен и от природы великодушен; пусть, кроме того, душа этого тирана обладает теми свойствами, которые, как мы сказали раньше, сопровождают каждую из частей добродетели. Только тогда от остальных его свойств будет польза».

Клиний. Мне кажется, Мегилл, наш гость говорит о рассудительности как о спутнице добродетели» (Платон. Законы, IV, 709 d—710 a).

Платон продолжает следующим образом:

«*Клиний.* Что ты разумеешь? Если бы был, говоришь ты, тиран — молодой, рассудительный, способный к учению, памятливый, мужественный, великодушный...

Афинянин. Прибавь: удачливый, но лишь в том, что во время его владычества появится славный законодатель и некая судьба их сведет воедино. Если это произойдет, то богом будет совершено почти все, что он делает, когда хочет, чтобы какое-нибудь государство особенно преуспело. ⟨...⟩ Мы же говорим, что возникновение наилучшего государства произойдет лишь тогда, когда явится истинный по природе законодатель и когда мощь его будет действовать сообща с самыми сильными в государстве лицами» (Там же, IV, 710 c—e).

И вот чем в этом отношении хорош тиран:

«*Афинянин.* Если тиран захочет изменить нравы государства, ему не потребуется особых усилий и слишком долгого времени. Хочет ли он приучить своих граждан к добродетельным обычаям или, наоборот, к порочным, ему стоит только самому вступить на избранный им путь. Собственное его поведение будет служить предписанием, так как одни поступки будут вызывать с его стороны похвалу и почет, другие — порицание; ослушника же он будет покрывать бесчестим за всякий его поступок» (Там же, IV, 711 b—c).

Приведенное рассуждение Платона выглядит довольно-таки наивным. Не знаю, относился ли к нему серьезно он сам. Не менее наивной представляется и надежда Платона на то, что ему крупно повезло, и что молодой Дионисий как раз и есть тот рассудительный, способный к учению, памятливый, мужественный и великодушный тиран, с помощью которого ему удастся основать в Сиракузах единственное в своем роде «наилучшее государство».

Суровая действительность скоро положила конец всем упованиям Платона. Дионисий оказался юношей, обладающим свойствами, диаметрально противоположными тем, которые были нужны Платону. Он не захотел быть во всем послушным учителю и повел себя так, что афинский гость и после первого, и после второго посещения Сиракуз с трудом уносил оттуда ноги.

Другим кандидатом на пост тирана, который мог бы установить в Сиракузах государственный строй, описанный Платоном в «Законах», был родственник Дионисия — Дион. Дион в течение долгого времени жил в Афинах, был членом платоновской Академии и слыл одним из любимейших учеников ее основателя. Однако, когда ему удалось в 357 г. захватить в Сиракузах власть, он проявил себя дюжинным, жестоким и вдобавок неудачливым тираном, вскоре убитым своими же бывшими соратниками. Так что и в этом случае планы Платона потерпели крах. История взаимоотношений Платона с Дионом и Дионисием отражена в дошедших до нас письмах философа к разным лицам.

Таким образом, практическую деятельность Платона в роли государственного мужа иначе, как крайне неудачной, не назовешь. Единственным весомым результатом авантюрных предприятий Платона в Сиракузах являются «Законы», в которых заключена теоретическая часть его затеи построения «наилучшего государства». Каким же виделось таковое Платону?

2

В «Законах» ни слова не говорится о Сиракузах. Этот диалог, как и все другие диалоги Платона, помимо всего прочего, представляет собой блестяще написанное художественное произведение. В нем действие перенесено на расположенный не так уж далеко от Сицилии остров Крит.

В беседе участвуют трое: критянин Клиний и его гости: спартанец Мегилл и афинянин, которому в диалоге не присвоено никакого имени. Но как раз афинянин и ведет диалог; Клиний и Мегилл выступают в роли отвечающих. По мнению Аристотеля, который обсуждает «Законы» в своем трактате «Политика», афинянин — это Сократ, но мне кажется, что афинянин — это, скорее, сам Платон. Он уже немолод, немолоды и оба его собеседника. Действие начинается в Кносе, главном городе Крита. Три мудрых старца собираются совершить паломничество в храм Зевса на отрогах горы Иды. По дороге они намерены побеседовать о существующих и могущих существовать государственных устройствах, законах и нравах:

«*Афинянин.* ⟨...⟩ Так как вы оба, ты и Мегилл, воспитаны в покоящихся на законах нравах, я надеюсь, что мы не без удовольствия совершим наш путь, беседуя о нынешнем государственном устройстве и о законах. Во всяком случае дорога из Кноса к гроту и святилищу Зевса, как мы слышали, длинная, и по пути, верно, встречаются тенистые места под высокими деревьями, где можно будет отдохнуть от этого зноя. В наши лета нам следует часто делать передышки в подобных местах и так без труда совершить весь путь, ободряя друг друга речами» (Там же, I, 625 a —b).

Таким образом, разговор о законах и обсуждение проблем, связанных с ними, происходит в процессе неспешного пешеходного путешествия к святилищу Зевса. В «Законах» ничего не говорится о том, добрались путники до цели своего похода или же окончание диалога застало их еще в дороге.

Диалог состоит из двенадцати книг. Композиционно он четко делится на две части. Первая из них включает в свой состав первые три книги, вторая — оставшиеся девять. В первой части диалога собеседники обсуждают общие проблемы законодательства существующих полисов, а также бытующие в них обычаи, особенности воспитания граждан, историю возникновения различных видов государственных устройств. В конце третьей книги внезапно возникает повод резко изменить характер беседы:

Афинянин. ⟨...⟩ А сказано все это ради рассмотрения вопроса о том, как лучше всего устроить государство и каким образом част-

ному человеку лучше всего прожить свою жизнь. Можем ли мы себе доказать, Мегилл и Клиний, что мы поступили дельно?

Клиний. Мне кажется, чужеземец, у меня есть такое доказательство. Все рассуждения, что мы вели, возникли у нас, видимо кстати. Ведь мне они сейчас совершенно необходимы, и я удачно встретил тебя и Мегилла. Не скрою от вас обоих то, что со мной случилось, ибо нашу встречу я считаю счастливым предзнаменованием. Бóльшая часть Крита задумала основать колонию и поручила кносийцам заботу об этом; Кнос же передал это дело мне и девяти другим лицам. Мы уполномочены устанавливать законы — здешние, если некоторые из них нам нравятся, и чужеземные, не обращая никого внимания на их чуждое происхождение, если они окажутся лучше. Доставим же себе это удовольствие: сделав отбор из того, что было сказано, построим, беседуя, государство, устроя его как бы с самого начала. Мы будем рассматривать занимающий нас вопрос, а вместе с тем возможно, что и я воспользуюсь этим построением для будущего государства» (Там же, III, 702 a—d).

Собеседники дружно соглашаются «словесно устроить наше государство» (Там же, III, 702 d). После этого начинается подробное изложение обширного свода законов, предназначенного для будущей колонии.

Нам необходимо теперь рассмотреть основные положения как первый, так и, в особенности, второй частей диалога. Но прежде чем к этому приступить, отметим, что в диалоге имеются три больших отступления, которые хотя и связаны с основной темой «Законов», однако имеют самостоятельное значение и довольно ложную композицию. Первое из них занимает всю третью книгу диалога и представляет собой изложение своеобразный «квазиистории» возникновения и развития греческих полисов. Второе отступление находится в девятой книге и посвящено учению о справедливости. Третье охватывает всю десятую книгу: это очерк учения Платона о космосе, мировой душе и богах, иначе говоря — конспективное изложение его космологии и теологии.

3

Платон отнюдь не был «оголтелым» государственником из числа тех, которые объявляют государство неким самодовлеющим целым, честь и могущество которого превыше всего. Граждане го-

сударства являются, по мнению подобного рода государственников, всего лишь необходимыми его частичками, не имеющими никакой самостоятельной ценности: они суть лишь «винтики» грандиозного государственного механизма. Не знаю, были ли среди государственных деятелей сравнительно небольших греческих полисов люди, которые придерживались подобной точки зрения. Платон, во всяком случае, таковым не был. В первую очередь, он заботился о благе отдельно взятого человека. Высшей ценностью, с точки зрения Платона, является человек, а не государство, в котором он живет.

Однако, как и его ученик Аристотель, Платон хорошо знал, что человек — существо общественное. Люди, по природе своей, не могут существовать в одиночку, отдельно друг от друга. Полис — это необходимая форма существования современников Платона. Поэтому забота о благе отдельных людей предполагает прежде всего заботу о том, чтобы полис, в котором они живут, был устроен наилучшим образом.

Приступая к составлению свода государственных законов, Платон руководствовался очень простым соображением: если граждане могут жить хорошо только в хорошем государстве, то хорошим государство может быть только тогда, когда в нем живут хорошие граждане. Поэтому в платоновском законодательстве мы находим не только законы, регулирующие управление полисом, но и законы, которые нацелены на организацию воспитания в гражданах полиса необходимых добродетелей.

Если обратиться к формам государственного устройства, существовавшим во времена Платона, то какие из них следует считать хорошими, а какие — плохими? В диалоге «Политик» Платон перечисляет основные типы государственных устройств, оценивая эти типы по их достоинству. Самым хорошим он считает царское правление, несколько менее хорошим — аристократию, еще менее хорошим — демократию, опирающуюся на законы. Демократическое управление государством, пренебрегающее законами, Платон считает плохим. Еще хуже — олигархия, и самое плохое, чтó только может быть, — это тирания. В диалоге «Государство» даются развернутые характеристики всех этих видов правления.

Почему платоновская оценка перечисленных видов правления именно такова? В ее основе лежит то, что можно назвать беспредельной верой Платона во всемогущество знания. Ведь кто, по Платону, имеет право именоваться царем? Это должен быть не просто человек благородного происхождения. Это должен быть человек,

обладающий «царским», т. е. совершенным знанием. Таким образом, царь — это в то же время и философ. При этом знание, которым он обладает, совершенно и в том смысле, что оно не только теоретическое, но и практическое. Конечно, царь обязан в совершенстве знать и арифметику, и геометрию, и астрономию, но — главное — он должен безошибочно отличать благо от зла. Последнее возможно, лишь если ему будет присуще «господство в душе представления о высшем благе» (Там же, IX, 864 а).

И тут вступает в силу следующий принцип Платона: если человек знает, в чем заключается благо, то он всегда и во всех случаях будет поступать в соответствии с этим знанием и творить благо. Злые поступки люди совершают только тогда, когда им не известно, что поступки эти злые. Иначе говоря, зло люди творят лишь по незнанию. Из сказанного следует, что, по Платону, злой воли не существует, а существует только добрая воля. Добровольно никто не делает зла, никто не совершает никаких несправедливостей. Дурные, несправедливые поступки совершаются лишь в силу неведения, в силу неспособности отличить добро от зла. Платон заявляет, что «все дурные люди бывают дурными во всем лишь против воли» (Там же, IX, 860 d), а также — что «все совершают несправедливости лишь против воли» (Там же).

Отсюда вытекает, что царь, в душе которого всегда господствует высшее благо, и который, вследствие этого, всегда видит, где добро, а где зло, по определению, не способен совершать злых деяний, а может творить одно лишь благо. В связи с этим он в совершенстве владеет и теоретическим знанием, т. е. может хорошо предвидеть будущее, и практическим, т. е. может определить, какое действие поведет ко благу, а какое — ко злу, постольку жизнь подданных в его государстве будет самой благополучной и самой хорошей.

И будет лучше всего, если он станет править единолично, не имея никаких советников и не прислушиваясь ни к чьему мнению: ведь обладание царственным знанием — удел редких людей, поэтому с почти стопроцентной уверенностью можно сказать, что никто из его подданных не будет таковым обладать. Значит, их советы и пожелания будут для него бесполезны, будут ему только мешать. Если он никого не станет слушать, то будет быстрее, эффективнее и безо всяких колебаний осуществлять принятые им решения. Вот почему Платон считает единоличное правление лучше других в том случае, когда власть принадлежит царю, т. е. лицу, в душе которого господствует идея высшего блага.

Но, конечно, Платон понимает, что правитель, обладающий всеми вышеописанными характеристиками — это идеальный правитель, что в реальной жизни подобного человека никогда не было и что едва ли можно ожидать его появления в будущем. Поэтому ни проект законодательства для критской полонии, предлагаемый в «Законах», ни даже описание идеального полиса, каковое мы имеем в «Государстве», не предусматривает монархической формы правления.

Если царская власть — это правление одного, то аристократия — это правление немногих. Платоновская гипертрофированная оценка роли знания в жизни людей заставляет его требовать, чтобы эти немногие тоже были философами. Предполагается между строк, что ни у одного из них знание не достигает «царского» уровня, однако каждый из них должен стремиться быть как можно более мудрым. Все они должны быть сведущи как в науках о природе, так и в делах человеческих.

Известно, что знания и мудрость у некоторых людей имеют тенденцию увеличиваться с годами. Значит, настоящих философов следует искать среди достаточно пожилых граждан. Платоновское правление немногих — это не что иное, как совет старейшин. Оно не так эффективно, как царское, потому что старейшинам, прежде чем принять решение, необходимо каждый раз держать совет, а это требует известного времени. Да и само решение проблемы может быть не столь качественным, поскольку никто из членов совета не обладает «царским» знанием. Зато аристократическое правление ближе к реальности: тут не требуется искать «сверхчеловека» на должность идеального царя. Определенное количество умных и образованных старцев можно, по-видимому, найти в любом полисе.

Демократический образ правления низко оценивается Платоном из-за его плохой эффективности. Ведь власть тут принадлежит народу, т. е. большинству населения полиса. Все вопросы решаются здесь голосованием в народном собрании. Но ведь не может весь народ или хотя бы необходимое большинство его состоять из мудрецов. В народном собрании заседают простые, ничему не обученные люди. Они очень плохо разбираются в тех государственной важности вопросах, которые они вынуждены решать. В результате, при обсуждении таких вопросов возникают весьма длительные прения, по окончании каковых принимаются решения, в основе которых лежит не мало-мальски удовлетворительное знание предмета обсуждения, а скорее, эмоции, обуревающие в данный момент тех, кто голосует. Ясно, что

принятые таким способом решения, по сути своей, случайны: они могут быть хорошими, но могут быть и губительными для государства.

Хорошо еще, если в демократическом государстве существуют и чтятся законы. Законы все-таки как-то упорядочивают жизнь в такого рода государствах и предохраняют членов народного собрания от принятия совсем уж глупых и ни с чем не сообразных постановлений. Но если демократическое правление беззаконно, если решения принимаются только на основании одних лишь мнений тех или иных людей, то тут ничего хорошего ждать не приходится. Тут постановления всегда принимаются не потому что побеждают разумные мнения, а в результате того, кто кого перекричит. Появляются демагоги, способные своим краснобайством «увлечь за собой массы». У каждого демагога появляются сторонники, в народном собрании возникают борющиеся друг с другом партии, и люди голосуют уже не исходя от того, что им кажется разумным и лучшим, а в зависимости от того, к какой партии принадлежат. Если какая-либо партия побеждает в борьбе за власть, то беззаконная демократия быстро перерождается в олигархию или в тиранию.

Олигархия, подобно аристократии, представляет собой правление меньшинства, но в отличие от членов аристократического совета старейшин, олигархи — отнюдь не философы и совсем не обязательно пожилые люди. Члены олигархического правления — это невежественные, вышедшие из низов, энергичные, не имеющие моральных устоев, разбогатевшие, алчные деятели. О том, насколько скверно живется людям при такого рода правителях, распространяться не приходится.

Но хуже всего, когда после развала демократии к власти приходит тиран. Тирания — это антипод царской власти. Если царь обладает высшим, совершенным знанием, то тиран не обладает никаким знанием. Это темный, честолюбивый, не сдерживаемый никакими этическими принципами и, как правило, жестокий человек, в результате политических интриг захвативший власть. В дошедших до нас исторических сочинениях того времени мы находим многочисленные описания нравов и деяний греческих тиранов. Эти описания свидетельствуют о том, что, захватив власть, тиран чаще всего проявляет себя как самодовольный, склонный к садизму самодур. О том, как демократия порождает тиранию, и о том, что представляют собой тираны, Платон подробно разъясняет в восьмой и девятой книгах «Государства».

4

Все перечисленные Платоном разновидности государственных устройств, за исключением добродетельного царского правления, встречались в античные времена. Но были и такие государства, где по-разному смешивались особенности описанных и оцененных в диалогах Платона «типовых проектов» государственного устройства. К числу таковых относились, например, Спарта и критский Кнос. Образы правления обоих полисов были родственны и весьма импонировали афинскому философу. Недаром он поместил действие своих «Законов» на Крит и выбрал себе в спутники и собеседники критянина Клиния и лакедемонянина Мегилла. Этим Платон хотел подчеркнуть, что в качестве образцов для создания того свода законов, с которым мы знакомимся в данном диалоге, он выбрал законодательства указанных городов.

Как мы знаем, в первой части диалога собеседники еще не приступают к формулированию нового законодательства, предназначенного для кносской колонии. Они заняты обсуждением форм, обычаев и установлений уже существующих государств. В частности, о формах государственного устройства Лакедемона и Крита Мегилл и Клиний говорят следующее:

«*Афинянин.* Ну, так пусть тот из вас, кто хочет первым ответить на мой вопрос, укажет, какое государственное устройство у него на родине.

Мегилл. Не мне ли как старшему справедливее отвечать первым?

Клиний. Пожалуй.

Мегилл. Чужеземец, размышляя о государственном устройстве Лакедемона, я не могу так вот сразу указать, к какому роду его следует причислить. Оно похоже даже на тиранию, так как власть эфоров в нем удивительно напоминает тираническую. А иной раз мне кажется, что моя родина похожа на самое демократическое из всех государств. В свою очередь было бы во всех отношениях странным не признать в ней аристократию. Впрочем, есть у нас и пожизненная царская власть, признаваемая как нами самими, так и всеми другими людьми самой старинной. Так что на этот твой внезапный вопрос я, повторяю, не могу дать точного определения государственного строя моей родины.

Клиний. Оказывается, Мегилл, в таком же положении и я: ведь я в большом затруднении, к какому виду можно с уверенностью причислить государственный строй Кноса» (Там же, IV, 712 c—e).

Однако указать самую главную черту установлений своей родины, равно как и ту цель, достижение которой определяет все ее законодательство, Клиний все-таки может:

«*Клиний.* Я думаю, чужеземец, всякий легко поймет наши установления. ⟨...⟩ Все это у нас приспособлено к войне, и законодатель, по-моему, установил все, принимая в соображение именно войну ⟨...⟩. Ибо то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами. Став на эту точку зрения, ты, пожалуй, найдешь, что критский законодатель установил все наши общественные и частные учреждения ради войны; он заповедал охранять законы именно согласно с этим, т. е. никакое достояние, никакое занятие, вообще ничто не принесет никому пользы, если не будет победы на войне: ибо все блага побежденных достаются победителю» (Там же, I, 625 d—626 b).

Спартанец Мегилл добавляет, что и в его городе законодательство ориентировано точно таким же образом.

Но афинянин, соглашаясь с тем, что между полисами то и дело возникают внешние войны, и отмечая, что даже внутри полисов нередко возникают междоусобные стычки, все же полагает, что, стремясь к тому, чтобы законодательство было как можно ближе к наилучшему, нельзя при его разработке ставить во главу угла исключительно военные нужды.

«*Афинянин.* А ведь самое лучшее — это ни война, ни междоусобия: ужасно, если в них возникнет нужда; мир же — это всеобщее дружелюбие. И победа государства над самим собой относится, конечно, не к области наилучшего, но к области необходимого. Это все равно как если бы кто стал считать наилучшим состоянием тела такое, когда оно страждет и ему достается в удел врачебное очищение, и не обратил бы внимания на тело, которое в этом совсем не нуждается. Точно так же не может стать настоящим государственным человеком тот, кто, имея в виду благополучие всего государства и частных лиц, будет прежде всего и только обращать внимание на внешние войны. Он не окажется и хорошим законодателем; разве только он станет устанавливать законы, касающиеся войны, ради мира, а не законы, касающиеся мира, ради военных действий» (Там же, I, 628 c—e).

Становится ясно, что Платон — не только не государственник, но и не милитарист. Он заявляет, что гражданам лучше всего живется тогда, когда в их полисе царит мир, и нет ни междоусобиц, ни внешних войн. Нормальным состоянием государства является мир, поэтому, если его законодательство претендует на то, чтобы

быть совершенным, оно не должно быть ориентировано на войну. Коль скоро в законодательствах Кноса и Лакедемона установлено все, принимая в соображение, по преимуществу, войну, как об этом сообщают Клиний и Мегилл, то это обстоятельство относится к числу недостатков этих законодательств. Если это так, то пусть в других отношениях законодательства этих двух городов вполне удовлетворительны, но данного их недостатка в совершенном законодательстве быть не должно: оно должно быть нацелено не на войну, а на мир.

Платон, разумеется, понимает, что ни от внешних войн, ни от внутренних междоусобиц никто не может быть гарантирован, и поэтому законы, касающиеся войны, должны иметь место и в наилучшем государстве. Однако в нем они должны быть подчинены законам, касающимся мира. В частности, это означает, что оно ни в коем случае не должно вести захватнических войн; ему нужно лишь всегда быть готовым к самообороне.

Впрочем афинянин в диалоге Платона не склонен до конца доверять той характеристике, которую дает Клиний критскому законодательству. Афинянин считает подход Клиния односторонним: военные законы, по идее, должны составлять далеко не самую большую и значительную часть такого прославленного законодательства, каким является критское, установленное, по преданию, самим Миносом. И вообще: всякое хорошее законодательство должно опираться на высшую добродетель во всей ее полноте. Афинянин полагает, что таков и свод законов Миноса, сына Зевса:

«*Афинянин.* ⟨...⟩ Очевидно, что и здешний, критский законодатель, поставленный Зевсом, как и любой другой хоть на что-то годный, устанавливал законы, более всего имея в виду высшую добродетель. Эта высшая добродетель и заключается, по словам Феонида, в сохранении верности среди опасностей: ее можно назвать совершенной справедливостью» (Там же, I, 630 с).

Обращаясь к Клинию, он добавляет:

«*Афинянин.* По-моему, истинно и справедливо утверждать, беседуя о божественном государстве, что устроитель, устанавливая в нем законы, имел в виду не одну часть добродетели, притом самую ничтожную, но всю добродетель в целом ⟨...⟩. Я весьма восхищен твоей попыткой истолкования законов (ибо правильно начать именно с добродетели и утверждать, что ради нее-то и установил устроитель свои законы). Что же касается твоих слов, будто он законодательствовал, сообразуясь лишь с частью добродетели, и притом с самой малой, это показалось мне неверным, и пото-

му-то я и предпринял все дальнейшее рассуждение. Хочешь я скажу тебе, как мне было бы желательно, чтобы ты говорил, а я слушал?

Клиний. Конечно, чужеземец.

Афинянин. Надо было бы сказать так: «Критские законы, чужеземец, недаром славятся среди эллинов. Они правильны, так как делают счастливыми тех, кто ими пользуется, предоставляя им все блага. Есть два рода благ: одни человеческие, другие — божественные. Человеческие зависят от божественных. И если какое-либо государство получает бо́льшие блага, оно одновременно приобретает и меньшие, в противном же случае лишается и тех, и других. Меньшие блага —это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте — сила в беге и в остальных телесных движениях, на четвертом — богатство, но не слепое, а зоркое, спутник разумности. Первое же и главенствующее из божественных благ — это разумение; второе — сопутствующее разуму здравое состояние души; из их смешения с мужеством возникает третье благо — справедливость; четвертое благо — мужество. Все эти блага по своей природе стоят впереди тех, и законодательно следует ставить их в таком же порядке. Затем ему подлежит убедить сограждан, что все остальные предписания имеют в виду именно это, т. е. земные блага обращены на божественные, а все божественные блага направлены к руководящему разуму» (Там же, I, 630 е —631 d).

В приведенном отрывке содержится главная мысль Платона о законодательстве: оно необходимо не само по себе, а для того, чтобы сделать счастливыми людей. Но не всякое законодательство способно сделать их таковыми, а только совершенное: лишь правильные законы делают счастливыми тех, кто ими пользуется. Итак, счастье граждан — вот главная цель законодательства; сами по себе законы и само по себе государство не имеют никакой ценности: они ценны лишь как необходимые средства для достижения этой цели.

Но в чем заключается счастье человека? Платон отвечает: в том, чтобы обладать благами. Хорошее законодательство должно обеспечить тем, кто им пользуется, возможность обладать ими. Афинянин перечисляет восемь благ, деля их на две группы: четыре низших и четыре высших блага. Человек будет абсолютно счастлив, если будет обладать всеми восемью, т. е. если он окажется, во-первых, здоров, красив, силен и богат, а во-вторых, — и это главное — разумен, великодушен, справедлив и мужествен.

Обладание «человеческими» благами зависит не только от принятых в государстве законов, но в значительной степени — от

природы и случая. Тем не менее, государство обязано сделать все от него зависящее для того, чтобы его граждане были здоровыми, красивыми, сильными и жили в достатке. Что касается «божественных» благ, то государство обязано воспитывать их в своих гражданах. Оно должно так воспитать своих граждан, чтобы каждый из них обладал разумностью, великодушием, справедливостью и мужеством. Для этого государственное законодательство должно предусмотреть соответствующие институты, а также осуществлять поддержку соответствующих обычаев.

К обсуждению того, как воспитываются граждане современных им полисов, и переходят афинянин, Клиний и Мегилл. Но с чего начать? Афинянин предлагает следующее:

«*Афинянин.* Мне думается, нам надо начать все сызнова, как мы и делали, и прежде всего разобрать обычаи, касающиеся мужества. Затем, если хотите, мы перейдем к другому виду добродетели, а потом — к третьему. ⟨...⟩ Под конец же, если богу угодно, мы покажем, как все то, что мы теперь разобрали, относится к добродетели в целом (Там же, I, 632 d—e).

Собеседники решают последовать тому, что предложил афинянин, и начинают разбирать установления и обычаи, нацеленные на воспитание мужества. Однако довести до конца программу, выдвинутую афинянином, им не удается. Дело в том, что в своих рассуждениях о мужестве они весьма скоро сталкиваются вот с чем:

«*Афинянин.* Ты говоришь хорошо, лакедемонский гость! Но скажи мне, что будем мы считать мужеством? Лишь борьбу со страхом и страданием, или же и с тоской, с удовольствиями, с ужасными, обольстительными соблазнами, которые делают мягкими, точно воск, души даже и тех людей, что считают себя неприступными?

Мегилл. Я думаю, что борьбу со всем этим. ⟨...⟩

Афинянин. Теперь кого мы назовем дурным: того ли, кто побежден страданиями, или скорее того, кто побежден удовольствиями?

Клиний. Мне кажется последнего» (Там же, I, 633 c—e).

И тут встает вопрос: как быть с удовольствиями? Он оказывается весьма и весьма непростым. Его обсуждение занимает вторую половину первой книги «Законов» и всю их вторую книгу. В третьей книге мы находим некий квазиисторический очерк, о котором уже упоминалось выше, а в ее конце обнаруживается необходимость составить уложение законов для новой кносской колонии, о чем тоже уже упоминалось. Собеседники переключаются на составление нового свода законов и занимаются этим делом до

конца диалога. Таким образом, первоначальный замысел афинянина последовательно обсудить все виды добродетели и сопоставить их с добродетелью в целом так и остается невыполненным.

Если возвратиться к удовольствиям, то Мегилл предлагает разобраться с ними самым кардинальным образом. Он сообщает о том, как решается проблема удовольствий в Лакедемоне:

Мегилл. ⟨...⟩ Мне все-таки кажется правильным, что лакедемонский законодатель повелевает избегать удовольствий. Что же касается кносских законов, то пусть придет им на помощь Клиний, если ему угодно. Мне кажется, спартанские постановления относительно удовольствий — лучшие в мире. Ибо наш закон изгоняет из пределов страны то, под влиянием чего люди более всего подпадают сильнейшим удовольствиям, бесчинствам и всяческому безрассудству. Ни в селениях, ни в горах, о которых пекутся спартиаты, ты не увидишь нигде пиршеств и того, что после них неудержимо влечет к удовольствиям всякого рода, и каждый, кто встретит пьяного гуляку, сейчас же налагает на него величайшее наказание, которое уж не снимут под предлогом Дионисийских празднеств» (Там же, I, 636 e—637 b).

Однако афинянину не кажется правильным запрет абсолютно всех удовольствий. По его мнению, подобный максимализм чреват серьезными опасностями:

«*Афинянин.* Прекрасно. Однако я не стану порицать ваши законы, прежде чем по мере сил не рассмотрю их основательно. Я только выскажу свои недоумения. Ведь только у вас одних из всех эллинов и известных нам варваров законодатель постановил воздерживаться от величайших удовольствий и забав и не отведывать их. Относительно же страданий и страха он полагал именно так, как мы только что разобрали: если человеку, с малолетства полностью их избегавшему, придется столкнуться с неизбежными трудами, страхами и огорчениями, он будет обращен в бегство и порабощен людьми, во всем этом искушенными. Я полагаю, то же самое мог думать этот законодатель и об удовольствиях. Он должен был сказать самому себе так: „Если граждане с малолетства будут у нас несведущи в самых больших удовольствиях, не станут упражняться в их преодолении, так, чтобы сладостное стремление к удовольствиям не могло побудить их к совершению позорных поступков, то с ними случится то же самое, что и с теми, кто уступает страху. Иным, но еще более постыдным образом подчинятся они тем, кто умеет господствовать над удовольствиями и приобрел потребные для этого навыки, несмотря на то, что иной раз это люди попросту скверные. Душа граждан станет в чем-то рабской и лишь

отчасти свободной: они вообще не будут достойны называться свободными и мужественными людьми”» (Там же, I, 635 b—d).

Тот, кто никогда не испытывал никаких удовольствий, легко может поддаться любому случайному соблазну и, как человек неопытный, не сможет остаться в надлежащих границах, что может повести к совершению им позорных поступков. Поэтому граждан необходимо, во-первых, знакомить со всевозможными удовольствиями, а во-вторых, учить их господствовать над ними. Таково мнение афинянина, т. е. самого Платона.

Научить граждан господствовать над удовольствиями — непростая задача. Для ее решения в полисах существует целая система государственных установлений. Сюда относятся всенародные празднества и увеселения, а также религиозные действа, сопровождаемые винопитием, плясками и хороводами, например — те же Дионисии. Принимая участие во всем этом, граждане знакомятся с умеренными удовольствиями. При этом их воспитывают: учат, как оставаться в рамках приличий, как преодолевать стремление к неумеренным удовольствиям, влекущим к совершению позорных действий. Их учат, как вести себя на пирах; учат музыке, танцам; учат, как благолепно вести хороводы. Описанию всего этого «мусического» воспитания уделено в диалоге очень много места.

5

Перейдем теперь непосредственно к законодательству для кносской колонии. Первым делом афинянин осведомляется о том, где она будет расположена.

«*Клиний.* То государство, о котором у нас сейчас шла речь, чужеземец, будет отстоять от моря примерно на восемьдесят стадий.

Афинянин. Что же, будут у него на прибрежной полосе гавани, или оно совершенно будет их лишено?

Клиний. Да, чужеземец, там будут самые прекрасные гавани, какие только бывают.

Афинянин. Ах, что ты говоришь?! А окружающая местность? Разве она не производит все необходимое? Или чего-то недостает?

Клиний. Пожалуй, там нет ни в чем недостатка.

Афинянин. Будет ли там по соседству какое-либо государство?

Клиний. Нет: потому-то и основывается поселение. Вследствие давнего выселения, происшедшего здесь, местность эта с незапамятных времен осталась пустынной.

Афинянин. Далее. Какая достанется здесь нам доля равнин, гор и леса?

Клиний. Местность эта по своей природе похожа на всю остальную часть Крита.

Афинянин. Значит, ты назвал бы ее скорее гористой, чем равнинной?

Клиний. Именно так.

Афинянин. Следовательно, это государство может исцелиться и обрести добродетель. Ведь если бы оно было приморским, с прекрасными гаванями, и в то же время не производило всего необходимого, но испытывало бы во многом недостаток, то при такой природе ему понадобились бы великий спаситель и божественные законодатели, чтобы воспрепятствовать развитию всевозможных дурных наклонностей. Однако восемьдесят стадий служат некоторым утешением. Правда, оно расположено к морю ближе, чем должно, поскольку, по твоим словам, у него есть прекрасные гавани; однако удовольствуемся хоть этим.

Близость моря хотя и дарует каждый день усладу, но на деле это горчайшее соседство. Море наполняет страну стремлением нажиться с помощью крупной и мелкой торговли, вселяет в души лицемерные и лживые привычки, и граждане становятся недоверчивыми и враждебными как друг по отношению к другу, так и к остальным людям. Утешением в таких случаях служит то, что страна производит все необходимое, а раз эта местность гориста, то, очевидно, она производит немного, но зато все, что нужно. Иначе, обладая большим вывозом, она снова наполнилась бы, в обмен на него, серебряной и золотой монетой. А для государства, если взять вопрос в целом, нет, так сказать, большего зла, чем это, когда речь идет о приобретении благородных и справедливых нравов: сколько помнится, именно так мы сказали раньше в нашей беседе» (Там же, IV, 704 b—705 b).

Уже этот открывающий тему нового законодательства отрывок, где обсуждается географическое положение предполагаемой колонии, говорит о том, какой Платону хотелось бы ее видеть. Хорошо, что нет других государств по соседству, но плохо, что колония сравнительно недалеко от моря и имеет прекрасные гавани. Хорошо, что земля не слишком плодородная, однако может обеспечить всем необходимым. Видим, что Платон стоит за натуральное хозяйство и против оживленной торговли. Новый город должен иметь возможность сам обеспечить себя всем необходимым и иметь как можно меньше поводов контактировать с другими городами. Он должен быть как можно более изолирован. Поэтому он

не должен быть слишком бедным, так как это заставило бы обращаться за помощью к другим. Не должен он быть и слишком богатым, так как богатство развращает. По мнению Платона, только в таком полисе может быть эффективным законодательство, основанное на добродетели и справедливости.

Платон не сразу начинает формулировать законы, предназначенные для новой колонии. Вначале идет обширное вступление, занимающее всю четвертую и половину пятой книги «Законов». В нем в основном рассказывается о том, как должен действовать законодатель и каковы должны быть граждане устрояемого города.

Так, говоря о себе как о будущем законодателе, афинянин заверяет своих собеседников:

«*Афинянин.* Друг мой, следи за мной, помня о том, что в самом начале было сказано о критских законах: ведь они, как вы оба сказали, имеют в виду только одно — войну; я же, возражая, ответил: прекрасно, если подобные узаконения имеют в виду добродетель, но нельзя согласиться с тем, что они имеют в виду лишь часть добродетели, а не всю добродетель в целом. Так вот, следите теперь за мной и за предстоящим законодательством — установлю ли я хоть один закон, который не имел бы отношения к добродетели или к какой-то ее части. Я полагаю, что лишь тот надлежащим образом устанавливает закон, кто подобно стрелку всякий раз метит в одну цель — ту, которая непрестанно влечет за собой нечто прекрасное и оставляет в стороне все прочее — богатство и тому подобные вещи, если это не сопряжено с добродетелями, о которых мы говорили раньше» (Там же, IV, 705 d —706 a).

Но в чем же заключается та добродетель, та справедливость, в соответствии с которой должно жить хорошо устроенное государство? Она — отнюдь не в том, чтобы власть стояла над законом; она — в том, чтобы закон стоял над властью:

«*Афинянин.* 〈...〉 Законы, по мнению иных людей, не должны иметь в виду ни войну, ни всю добродетель в целом; люди полагают, что законы должны иметь целью пользу уже установившегося правления, так, чтобы оно оставалось навеки и не было никогда нарушено. Такое определение справедливости они считают наиболее согласным с природой.

Клиний. Какое определение?

Афинянин. Гласящее, что справедливость есть польза сильнейшего.

Клиний. Скажи яснее.

Афинянин. Вот в чем дело: они утверждают, что те, кто одержал верх в государстве, и устанавливают там всегда законы. Не так ли?

Клиний. Ты прав. ⟨...⟩

Афинянин. Так как в государствах этих происходила борьба за власть, то победители присваивали исключительно себе все государственные дела — настолько, что побежденным, как самим, так и их потомкам, не давали ни малейшей доли в управлении. Всю жизнь они были настороже друг против друга, ибо боялись, что кто-то восстанет, захватит власть и припомнит им тогда прошлые их злодения. А ведь подобное положение вещей, как мы теперь утверждаем, не есть государственное устройство: неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях, и то, что считается там справедливостью, носит вотще это имя. Мы говорим так потому, что ведь в твоем государстве мы будем предоставлять государственные должности не тем, кто богат, силен, велик ростом, знатен или обладает другим каким-либо из подобных качеств, но тем, кто будет всего более послушен установленным законам и этим одержит победу в государстве. Такому человеку, утверждаем мы, надо первому предоставить верховное служение богам; второе по важности служение — тому, кто одержал вторую победу, и так далее, распределяя места по тому же признаку. Не ради нового словца назвал я сейчас правителей служителями законов: я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» (Там же, IV, 714 с—715 d).

Из процитированного отрывка становится совершенно ясно, какую роль, с точки зрения Платона, должны играть в государстве законы. А граждане государства? Каковы должны быть они, как они должны относиться к законам, установленным законодателем ради общего блага всего государства в целом? Если правители должны править в строгом соответствии с такими законами и быть в этом смысле «рабами закона», то простые граждане должны быть законопослушны:

«*Афинянин.* Я хотел бы, чтобы граждане покорно следовали добродетели. Очевидно, и законодатель постарается провести это через все свое законодательство» (Там же, IV, 718 с).

Важно отметить, что, с точки зрения Платона, граждане станут покорно следовать добродетели только тогда, когда они будут

знать, что делают. Это значит, что законодатель не должен просто издавать один закон за другим и силой требовать их исполнения, а обязан терпеливо разъяснять гражданам смысл и пользу каждого закона. Только когда граждане поймут смысл и пользу законов, они будут следовать им добровольно, и только это может обеспечить прочность государства, сделать его вполне счастливым и блаженным. Лишь к немногим гражданам, обнаружившим свое полное неразумие и непокорность, следует применять «голое» принуждение. Вот что говорит по этому поводу афинянин:

«*Афинянин.* ⟨...⟩ Что же касается того, как мы должны относиться к нашим потомкам, родственникам, друзьям, согражданам, к лицам, связанным с нами узами гостеприимства, вообще, как должны мы общаться с людьми, чтобы и собственная наша жизнь стала радостной и красивой, согласно закону, — все это объяснят сами законы. Они будут частью убеждать, частью исправлять с помощью силы и правосудия те характеры, что не повинуются убеждению: законы, руководясь советом богов, сделают наше государство вполне счастливым и блаженным» (Там же, IV, 718 а—b).

Несколько ниже мы читаем:

«*Афинянин.* Разве тот, кто у нас поставлен над законами, не предпошлет им ничего в этом роде, но сразу объявит: то-то надо сделать, а того-то не надо и, пригрозив наказанием, сразу обратится к другому закону, не добавив ни словечка для увещания и убеждения тех, кому он эти законы дает? Впрочем, и врачи нас обычно так лечат — кто во что горазд. Однако припомним оба способа, чтобы обратиться к законодателю с той же просьбой, с какой обращаются дети к врачу, прося лечить их понежнее» (Там же, IV, 719 е—720 а).

6

Пятая книга «Законов» представляет собой монолог афинянина: в ней содержатся слова, принадлежащие только ему. Сначала он продолжает вступление к законодательству, но, наконец, говорит: «Этими положениями можно закончить наше вступление к законам. За вступлением необходимо должен следовать сам закон или, вернее, очерк законов государства» (Там же, V, 734 е).

С чего же начать? Платон считает, что начать нужно вот с чего: «Так или иначе, надо устроить, чтобы граждане в отношении имущества не имели повода жаловаться друг на друга; ибо нельзя при

наличии старинных взаимных жалоб продвигаться вперед в остальном государственном устроении; это ясно всем, у кого есть хоть немного разума. Где, как нам теперь, бог даровал возможность основать новое государство, там не может быть никакой взаимной вражды. ⟨...⟩ Каким же способом можно произвести такое правильное распределение? Прежде всего следует установить численность населения, иными словами, сколько будет у нас граждан. Затем надо решить, на сколько частей мы их поделим и как велика будет каждая часть. Обусловив все это, можно приступить к наиболее равномерному распределению земли и жилищ. Какое количество граждан будет достаточным, можно определить не иначе, как сообразуясь с количеством земли и с близлежащими государствами. Земли надо столько, чтобы она была в состоянии прокормить это число людей при условии их рассудительности, но не более. Граждан же нужно столько, чтобы они без особых затруднений могли отражать нападения окрестных жителей и помогать тем соседям, кого обижают. Когда мы увидим и местность, и соседей, мы определим все это и на словах, и на деле. Пока же это лишь общий очерк или набросок; покончив с ним, перейдем к законодательству» (Там же, V, 737 a—d).

Видим, что для Платона главное — прочность и стабильность государства. Лишь в таком государстве его граждане могут благоденствовать и вести достойную и счастливую жизнь. Для того чтобы государство было прочным и стабильным, в нем, во-первых, не должно быть внутренних распрей, и, во-вторых, оно должно быть способно успешно противостоять возможным нападениям внешних врагов.

Без междоусобиц не обходится там, где у граждан имеются имущественные претензии друг к другу. Поэтому первым требованием Платона к новому законодательству является изыскание возможности сделать так, чтобы в отношении имущества граждане не имели оснований жаловаться друг на друга.

Что касается внешней безопасности новой колонии, то хотя она будет расположена на местности, с незапамятных времен пустынной, но все же какие-то государства — пусть находящиеся в значительном отдалении от нее — будут соседствовать с нею. Из этих соседей одни станут ей враждебны — от них нужно будет защищаться, другие станут ее союзниками — им необходимо помогать. Эти обстоятельства жестко определяют количество граждан колонии: их должно быть ровно столько, сколько необходимо, чтобы они могли отразить нападения врагов и помочь, если понадобится друзьям.

Численностью населения колонии определяется количество земли, которая должна ей принадлежать: земли должно быть достаточно для того, чтобы прокормить всех людей, живущих в колонии.

Понимая, что о том, сколько чего конкретно нужно, можно будет судить, лишь побывав на местности и познакомившись с будущими соседями, Платон все же решает предложить некий предварительный набросок устрояемого государства, который в общих чертах должен, по его мнению, подойти. Что касается численности народонаселения нового государства, то он даже берет на себя смелость назвать точную цифру. Не будем забывать, что Платон весьма высоко ставил пифагорейское учение о числах. Не иначе, как принимая его во внимание, он и определил эту цифру.

Вот что можем мы прочесть в диалоге: «Пусть будущих граждан будет пять тысяч сорок. Это — число подходящее: так земледельцы смогут отразить врага от своих наделов. На столько же частей будут разделены земля и жилища; человек и участок, полученный им по жребию, составят основу надела. Все указанное число можно прежде всего разделить на две части, затем на три. По своей природе оно делится последовательно и на четыре, и на пять, и на последующие числа вплоть до десяти. Что касается чисел, то всякий законодатель должен отдавать себе отчет в том, какое число и какие свойства числа всего удобнее для любых государств. Мы признаем наиболее удобным то число, которое обладает наибольшим количеством последовательных делителей. Конечно, всякое число имеет свои разнообразные делители; число же пять тысяч сорок имеет целых пятьдесят девять делителей, последовательных же — от единицы до десяти. Это очень удобно и на войне, и в мирное время для всякого рода сделок, союзов, налогов и распределений» (Там же, V, 737 e—738 b).

Поистине замечательными свойствами обладает число 5040! Правда, описывая его, Платон допускает небольшие неточности: число 5040 последовательно делится не вплоть до десяти, а лишь вплоть до семи, но зато разнообразных делителей у него не 59, а 60. Не знаю уж, кто в этих неточностях виноват — пифагорейцы, сам Платон, переписчики его текстов или их переводчики. Впрочем, это, разумеется, мелочи, на которые нет смысла обращать внимание.

Гораздо более серьезное замечание по поводу числа 5040, причем замечание практического свойства, делает Аристотель. Ему оно кажется слишком большим. В своей «Политике» он пишет:

«Все рассуждения Сократа остроумны, отличаются тонкостью, новшествами, заставляют задумываться, но, пожалуй, трудно было бы признать, что все в них совершенно правильно: так, едва ли возможно не считаться с тем, что для указанной массы населения потребуется территория Вавилонии или какая-нибудь другая огромных размеров; только при таком условии пять тысяч ничего не делающих людей да, сверх того, относящаяся к ним во много раз бóльшая толпа женщин и прислуги могли бы получить пропитание. Конечно, можно строить предположения по своему желанию, но при этом не должно быть ничего заведомо неисполнимого» (Аристотель. Политика, II 3, 1265a 11—18).

Трудно сказать, прав Аристотель или нет. Возможно, что для относительно скромной колонии на Крите численность граждан, предлагаемая Платоном, действительно, великовата. Кстати, обратим внимание на то, как характеризует Аристотель этих граждан. Он называет их «ничего не делающими людьми», и это, как мы увидим ниже, имеет свой резон.

Как бы там ни было, Платон намерен строить новое государство, исходя из названного им количества граждан. Но что является самым основным и первоначальным в устроении государства? Платон выдвигает на авансцену два момента.

Прежде всего, не следует колебать традиционных святынь. В диалоге читаем: «Создается ли с самого начала новое государство или переустраивается выродившееся старое, все равно никто из имеющих разум не станет колебать ничего, касающегося богов и святынь: какие именно, каким богам должны быть воздвигнуты святилища в государстве и именем каких богов или демонов будут они называться, во всем этом надо следовать Дельфам, Додоне, Амону или же убедительным древним сказаниям о бывших знамениях и божественных наитиях. ⟨...⟩ Согласно этим сказаниям освящали божественные речения, статуи, алтари и храмы и отводили каждому из богов священные участки. Из всего этого законодателю нельзя трогать ничего, даже самого малого, но дóлжно каждой части граждан дать особого бога, демона или героя» (Платон. Законы, V, 738 b—d).

Затем необходимо наладить взаимное общение граждан: «При разделе земли надо прежде всего выделить отборный священный участок со всем, что ему подобает; там в установленные сроки должна собираться каждая часть граждан, дабы облегчать взаимные нужды, выражать друг другу доброжелательство при жертвоприношениях, привыкать друг к другу и взаимно ознакомляться. Для государства нет более великого блага, как взаимное

ознакомление граждан. Где во взаимоотношениях нет света, но царит тьма, там никто не может правильно достичь заслуженного почета, власти и подобающих прав» (Там же, V, 738 d—e).

Таковы два необходимых условия построения всякого государства. Дальше же есть возможность выбирать. Существует несколько проектов государственного устройства. Афинянин уже подумал и остановился на одном из них: «Однако когда кто поразмыслит и понаблюдает, то согласится, что мы строим государство лишь второе по сравнению с наилучшим» (Там же, V, 739 a). Но если бы стояла задача преподать общую теорию построения государств, то следовало бы поступить так: «Всего правильнее сначала изложить наилучший государственный строй, затем второй по достоинству и, наконец, третий, а после изложения предоставить выбор тому, кто стоит во главе общества. Согласно этому же замыслу поступим мы и сейчас, указав на государственное устройство первое по достоинству, затем на второе и третье» (Там же, 739 a—b).

И в самом деле, далее следует краткое описание первого по достоинству, идеального, государственного устройства. Затем афинянин переходит к подробному описанию второго по достоинству государственного строя, предназначенного для кносской колонии. Оно занимает всю оставшуюся часть диалога, так что до описания третьего по достоинству государственного устройства дело так и не доходит.

Как представлял себе идеальное государственное устройство Платон? В «Законах» дается лишь его краткий набросок; что касается подробного, яркого и впечатляющего рассказа о нем, то этот последний мы находим в «Государстве».

В «Законах» об идеальном государстве сказано следующее: «Наилучшим является первое государство, его устройство и законы. Здесь все государство тщательнейшим образом соблюдает древнее изречение, гласящее, что у друзей на самом деле все общее. Существует ли в наше время где-либо и будет ли когда, чтобы общими были жены, дети, все имущество и чтобы вся собственность, именуемая частной, всеми средствами была повсюду устранена из жизни? Чтобы измышлялись по мере возможности средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, — глаза, уши, руки, — так, чтобы казалось, будто все сообща видят, слышат и действуют, все восхваляют или порицают одно и то же? По одним и тем же причинам все будут радоваться или огорчаться, а законы по мере сил как можно более объединят государство: выше этого, в смысле добродетели, лучше и правиль-

нее никто никогда не сможет установить предела. Если такое государство устрояют где-нибудь боги или сыновья богов и обитают в нем больше, чем по одному, то это — обитель радостной жизни. Когда оно есть, нет надобности взирать на другой образец государственного устройства, но достаточно возможно сильнее к нему стремиться» (Там же,V, 739 b—e).

Известно пристрастие Платона к коммунизму. Самым лучшим и добродетельным он считал государство, устроенное так, что у его граждан все общее. Прежде всего у них должны быть общими жены и дети. У них также должно быть общим имущество, т. е. в наилучшем из всех возможных государстве обязательно должна быть уничтожена частная собственность. Этого мало: все граждане должны одинаково воспринимать окружающий их мир и слаженно, единообразно в нем действовать. У них должны быть одинаковые этические, эстетические и социальные ценности: одно и то же все граждане должны восхвалять, одно и то же — порицать. Наконец, и эмоциональный мир у них должен быть подведен под общий знаменатель: всех граждан одно и то же должно радовать, одно и то же — огорчать. По мнению Платона, лучше государства, в котором все так устроено, быть не может. В самом деле, ни по каким вопросам и ни в каких отношениях у его граждан просто невозможны разногласия. Значит, в нем никогда не будет никаких междоусобиц, все граждане в нем всегда будут единодушны и счастливы. Такое государство будет монолитным и очень сильным, способным отразить нападения любых врагов.

Конечно, Платон отчетливо сознавал всю идеальность такого рода государства. Он не надеялся на то, что люди когда-либо захотят и смогут его построить. Он с сожалением говорит, что это по нраву и под силу только богам и сыновьям богов.

Тем не менее, мечта о том, чтобы хотя бы частично воплотить в жизнь коммунистический идеал не оставляла ни самого Платона, ни многочисленных любителей коммунизма, которые возникали один за другим в ходе человеческой историй. Воплотить в жизнь общность жен и детей оказалось делом очень трудным, зато уничтожение частной собственности, а также единодушное восхваление всеми гражданами чего-то одного и единодушное порицание ими чего-то другого — это нечто нам всем очень и очень знакомое.

Что касается Платона, то в законодательство второго по достоинству государства, он, по возможности, старается вставить побольше деталей, приближающих его к первому по достоинству

государству. Он высоко ценит свое второе по достоинству государство: «То государство, что мы теперь попытались изобразить, также очень близко к бессмертию, но оно занимает по своему значению второе место» (Там же, V, 739 е).

7

Во втором по достоинству государстве имущество не будет общим, равно как не будут общими жены и дети. Это, между прочим, означает, что «общинного земледелия может и не быть, так как нынешнее поколение по своему воспитанию и образованию не доросло до этого» (Там же, V, 740 а).

Но частная собственность на землю не будет допущена: земля навсегда останется собственностью государства. Она будет по жребию разделена между гражданами на 5040 участков. «Однако раздел надо производить, считаясь со следующим: каждый получивший по жребию надел должен считать свой надел общей собственностью всего государства» (Там же). Покупать и продавать полученные земельные участки разрешено не будет.

Новый город, будучи основан, не должен, по мысли Платона, ни уменьшать, ни увеличивать количества земельных наделов; территория, занимаемая каждым из них, всегда должна оставаться одной и той же. В связи с этим встают проблемы наследования. Как их решить? Платон предлагает сделать так: «А чтобы все это сохранилось навеки, надо еще заметить, что установленная нами численность очагов должна быть всегда одинаковой, то есть не увеличиваться и не уменьшаться. Прочного положения во всем государстве можно достигнуть так: обладатель надела оставляет в наследство свое жилище всегда лишь одному из своих детей, самому любимому, который и будет его преемником, почитателем богов своего рода, государства и людей, живых или уже окончивших свой век. Что касается остальных детей, — если у кого их не один, а несколько, — то девочек пристраивают согласно закону, который будет установлен, мальчиков же отдают в сыновья тем из граждан, у кого нет потомства, руководясь при этом более всего личным расположением. Если же такого расположения нет, а потомство мужского или женского пола многочисленно и в обратном случае, то есть при недостатке деторождения, всем этим будет ведать правительственное должностное лицо, причем должность эта будет значительнейшей и очень почтенной. Лицо это будет наблюдать, как следует поступить в том или ином случае, и изыскивать

средство, чтобы общее количество хозяйств всегда равнялось только пяти тысячам сорока» (Там же, V, 740 b—d). По мнению Платона, в его распоряжении средств таких много, хотя Аристотель в своей «Политике» замечает, что упомянутому государственному чиновнику справиться со своей работой будет нелегко.

В самом деле, ему в высшей степени нелегко будет с ней справиться при условии, что он будет чтить (а он обязан это делать) главный принцип платоновского устроения второго по достоинству государства, который состоит в том, что хотя частная собственность и допускается, но доходы граждан должны быть относительно невелики, и богатство должно распределяться между гражданами как можно более равномерно. Законодатель должен выработать такие установления и правила, чтобы граждане жили в достатке, но чтобы среди них никогда не было чрезмерно богатых и слишком бедных. Ведь, согласно Платону, именно в неконтролируемом имущественном неравенстве коренится все зло. В государстве, где подобное неравенство господствует, нет дружелюбия между гражданами, а есть зависть и недоброжелательство, что ведет к частым смутам и междоусобицам. В такого рода государствах люди и несправедливы, и несчастливы. Между тем хороший законодатель должен стремиться к тому, чтобы люди в его государстве были добродетельны и счастливы.

Платон пишет: «Мы утверждаем, что намерения разумного политика вовсе не таковы, какими их рисует себе большинство: оно считает, будто хороший законодатель должен стремиться видеть свое государство великим; будто он дает хорошие законы, думая о том, чтобы оно обладало золотыми и серебряными рудниками и владычествовало над большинством государств как на море, так и на суше» (Там же, V, 742 d).

В этом отрывке перед нами не что иное, как описание политики Афин, родного города Платона. С ней он не согласен. По его мнению, «надлежащий законодатель должен стремиться к тому, чтобы его государство было наилучшим и счастливейшим» (Там же). Но это невозможно, если проводить политику, подобную афинской, которая нацелена на беспредельное увеличение могущества города и богатства граждан: «Например, устроитель пожелал бы, чтобы граждане стали добродетельными, а вместе с тем и неизбежно счастливыми; стать же очень богатыми, оставаясь добродетельными, невозможно — по крайней мере богатыми в том смысле, как это понимает большинство. Ведь богатыми называют тех избранных людей, которые приобрели имущество, оцениваемое огромной суммой, хотя бы сам владелец и был дурным че-

ловеком. Если это и в самом деле так, то я лично никогда не соглашусь с большинством, будто богатый может стать поистине счастливым, не будучи хорошим человеком. А одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно» (Там же, V, 742 е—743 а).

Вот кредо Платона! Большое богатство несовместимо со счастьем. Между тем, главная его забота как законодателя — устроить государство так, чтобы люди в нем были добродетельны и, следовательно, счастливы. Поэтому он не намерен строить государство, стремящееся к богатству и всемогуществу. Он хочет учредить государство, не стремящееся к расширению своей территории и господству над соседями. Оно должно быть стабильным, неагрессивным, сравнительно небогатым, как можно менее подверженным чужеземным влияниям, но способным постоять за себя.

Какие меры необходимо принять для того, чтобы государство было таким? Порядок наследования земельных участков мы уже рассмотрели. После него вводятся своеобразные правила денежного обращения: «Сюда же относится и следующий закон. Никто из частных лиц не имеет права владеть золотом или серебром. Однако для повседневного обмена должна быть монета, потому что обмен почти неизбежен для ремесленников и всех тех, кому надо выплачивать жалованье, — для наемников, рабов и чужеземных пришельцев. Ради этого надо иметь монету, но она будет ценной лишь внутри страны, для остальных же людей не будет иметь никакого значения. Общей же эллинской монетой государство будет обладать лишь для оплаты военных походов или путешествий в иные государства — посольств, либо — если это будет нужно государству, — всевозможных вестников. Словом, всякий раз как надо кого-то послать в чужие земли, государству необходимо для этой цели обладать действительной по всей Элладе монетой. Если частному лицу понадобится выехать за пределы родины, оно может это сделать лишь с разрешения властей; по возвращении домой оно должно сдать государству имеющиеся у него чужеземные деньги, получив взамен местные деньги, согласно расчету» (Там же, V, 742 а—b).

Данный закон воскрешает в памяти нечто до боли знакомое: ведь он создает ситуацию, подобную той, которая существовала в нашей стране при советской власти в отношении неконвертируемого рубля. И подобие «железного занавеса» тоже налицо: если человеку понадобится выехать за пределы родины по делам, то он сможет это сделать только с разрешения властей.

Во втором по достоинству государстве законодатель, скрепя сердце, допускает имущественное неравенство граждан: «Было бы прекрасно, если бы каждый член колонии обладал и всем остальным имуществом в равной доле со всеми. Но это невозможно: один явится, обладая бóльшим имуществом, другой — меньшим. Поэтому, а также по многим другим причинам для удобства и равной доли для всех в государстве надо установить неравный имущественный ценз. Стало быть, должности, подати, распределения и подобающий каждому почет устанавливаются не только по личной добродетели или по добродетели предков, не только по силе и красоте тела, но и по имущественному достатку или нужде. 〈...〉 В зависимости от величины имущества надо установить четыре класса, назвав их: первый, второй, третий, четвертый или как-нибудь иначе. Граждане либо пребывают в своем классе, либо, разбогатев или обеднев, переходят в подобающий каждому из них класс» (Там же, V, 744 b—c).

Но допустить, чтобы кто-либо из граждан был чрезмерно богат или слишком беден, никак нельзя: «Вот и надо теперь законодателю установить пределы бедности и богатства. Пределом бедности пусть будет стоимость надела, который должен оставаться у каждого; ни один правитель, а равно и ни один другой гражданин, ревнующий о добродетели, не должен тут ни у кого допускать уменьшения. Приняв это за меру, законодатель допускает приобретение имущества, большего по своей стоимости в два, три, четыре раза; если же кто приобретет свыше этого, найдя ли что-нибудь, получив ли от кого-то в подарок или наживши, — словом, если благодаря какому-нибудь подобного рода случаю у него окажется имущество, превышающее меру, он должен отдать избыток государству и его богам-покровителям» (Там же, V, 744 e—745 a).

Видим, что как предел бедности, так и предел богатства устанавливаются в платоновском государстве принудительно. Никто не имеет права продать свой надел, и никто не имеет права ни у кого отнять его надел. Этим власти устанавливают неотчуждаемый имущественный минимум для граждан. Власти устанавливают и имущественный максимум, который по закону не имеет права превысить ни один гражданин. Излишнее имущество граждан конфискуется в пользу государства. Оба эти установления властей имеют коммунистический оттенок, в особенности — второе. С его подобием мы встречаемся в истории нашей страны: продразверстка в период Гражданской войны, раскулачивание во время коллективизации.

Решив вышеописанным образом имущественные проблемы граждан новой колонии, законодатель переходит к административным вопросам. Тут снова проявляет себя «пифагорейство» Платона: ведь число 5040, как выясняется, взято им в первую очередь потому, что оно без остатка делится на 12. В диалоге читаем: «Затем прежде всего, что касается местоположения нашего города, то оно должно быть по возможности серединным в стране. Надо выбрать местность, дающую городу все удобства. Сообразить это и выразить совсем нетрудно. После этого надо разбить страну на двенадцать частей. Прежде всего надо установить святилище Гестии, Зевса и Афины, назвать его акрополем и окружить стеной; начиная отсюда, надо разделить на двенадцать частей и самый город, и всю страну» (Там же, V, 745 b—c).

И далее: «Граждан также надо разделить на двенадцать частей. Для этого надо произвести учет их имущества, а затем поделить его на двенадцать по возможности равноценных частей. Вслед за тем эти двенадцать наделов надо поделить между двенадцатью богами и каждую определенную жребием часть посвятить тому или иному богу, назвав ее его именем. Такая часть будет носить название филы» (Там же, V, 745 d—e).

И еще: «Теперь нужно внимательно рассмотреть, какой смысл в этом решенном нами разделении на двенадцать частей. Ведь внутри этих двенадцати частей есть много подразделений, а также других, вытекающих из этих последних как их естественное порождение. Так мы дойдем и до числа пять тысяч сорок. Этими подразделениями будут: фратрии, демы, комы и различные военные отряды» (Там же, V, 746 d).

И наконец: «Всех наделов устанавливается пять тысяч сорок. Каждый из них опять-таки делится пополам на два участка: близкий и дальний. Из этих двух половин и составляется каждый надел. 〈...〉 Каждому гражданину следует отвести два жилища: одно — близ серединной части города, другое — на окраине» (Там же, V, 745 c—e).

8

Перейдем к органам управления платоновского государства. Каковы они и как формируются?

Если считать главным отличительным признаком демократии выборность всех должностных лиц при помощи всеобщего голосования, то строй учреждаемой на Крите кносской колонии нужно

признать в высшей степени демократическим. В диалоге читаем: «В выборах государственных должностных лиц участвуют все, кто носит оружие, — всадники ли или пехотинцы — и кто принимал участие в войне, состоя в отрядах соответственно своему возрасту» (Там же, VI, 753 b). Те, кто тут перечислен, и суть граждане учреждаемого государства; таким образом, в выборах должностных лиц участвуют все граждане.

Выборы главных должностных лиц — трехступенчатые.

«Но кто, Клиний и Мегилл, будет в нашем государстве руководить выборами должностных лиц и производить докимасию? Мы понимаем, что в государствах, впервые таким образом становящихся единым целым, до выбора должностных лиц необходимо должны быть какие-то руководители. При этом они должны быть не кое-какими, но как можно более деятельными» (Там же, VI, 753 d—e). Поставив этот вопрос, афинянин предлагает следующее его решение: «Кносийцы сообща должны позаботиться обо всем этом, выбрав старейших и по возможности лучших людей из числа колонистов в количестве не менее ста. Из среды самих кносийцев пусть поставят других сто человек. Они должны, утверждаю я, отправиться в новое государство и там позаботиться, чтобы должностные лица были назначены и проверены согласно законам. После этого кносийцы возвратятся в Кнос, новое же государство будет стараться самостоятельно поддерживать себя и преуспевать» (Там же, VI, 754 c—d).

Итак, «избирательная комиссия» создана; сами же выборы проходят следующим образом: «Выборы происходят в святилище, которое государство наиболее почитает. Каждый должен возложить на жертвенник бога дощечку, написав на ней имя и отчество избираемого, филу и дем, членом которого тот состоит; точно таким же образом он должен приписать и собственное имя. 〈...〉 Выбрав до трехсот дощечек, признанных главными, должностные лица показывают их всем гражданам. Граждане подобным же образом выбирают из этих трехсот того, кого каждый хочет. Во второй раз из них отбирают сто и снова показывают всем. На третий раз пусть голосуют за тех, кто значится в числе этих ста, опять-таки за кого кто хочет, но уже принося клятву над внутренностями жертвенных животных. Тридцать семь человек, получивших наибольшее число голосов, становятся государственными правителями» (Там же, VI, 753 b—d).

Видим, что выборы, ведутся вполне демократическим путем. Они всеобщие, хотя и не тайные: избиратели обязаны указывать свое имя на избирательных дощечках. Платон подводит итог:

«Пусть у нас и теперь, и впредь выбираются указанным способом тридцать семь должностных лиц» (Там же, VI, 754 d).

Каковы же обязанности этих тридцати семи? «Они будут прежде всего стражами законов, затем — хранителями записей, где каждый гражданин укажет, для сведения должностных лиц, количество своего имущества, за исключением четырех мин для первого класса, трех мин — для второго, двух мин — для третьего и одной мины — для четвертого. Если же окажется, что кто-нибудь приобрел сверх указанного в записи, то излишек изымается в пользу государства» (Там же, VI, 754 d—e).

Платон налагает на стражей законов возрастные ограничения: «Страж законов не должен стоять у власти более двадцати лет; избирать на эту должность можно лишь лиц не моложе пятидесяти. Если будет избран шестидесятилетний, он будет править только десять лет, и так дальше, по тому же расчету, так что переступившие за семьдесят пусть имеют в виду, что в своем возрасте они уже не могут занимать эту должность» (Там же, VI, 755 a—b).

Получается, что стражи законов составляют что-то вроде коллегии старейшин. Платон придает этому обстоятельству большое значение. Он убежден в том, что только в пожилом возрасте люди приобретают опыт и мудрость, достаточные для того, чтобы быть способными управлять государством. Поэтому, с точки зрения Платона, коллегия старейшин — нечто вроде лакедемонской герусии — является оптимальным верховным правящим органом в его государстве. При этом чрезмерно старыми члены этого органы быть не должны: ведь у людей за семьдесят умственные способности и физические силы ослабевают, так что столь почтенные старцы уже не годятся для исполнения обязанностей стражей законов.

Об обязанностях стражей законов Платон говорит еще следующее: «По мере развития законодательства перед этими лицами встанут кроме только что указанных новые задачи, о решении которых им также придется позаботиться» (Там же, VI, 755 b).

Кроме стражей законов, в государстве имеется много других должностных лиц. И все они приходят к власти демократическим путем, через посредство выборов.

Афинянин так продолжает свою речь об этом: «Вслед за указанными лицами надлежит произвести выборы стратегов и, так сказать, их помощников в ратном деле: гиппархов, филархов и тех, кто командует пехотными отрядами; этим последним всего более приличествовало бы название таксиархов, как, впрочем, большинство их и называет. Лиц на должность стратегов стражи зако-

нов выдвигают из числа граждан. Все причастные военному делу в данный момент и раньше имеют право избирать из числа предложенных лиц. Если окажется, что кто-то может предложить кого-нибудь лучшего, чем те, кто был предложен стражами, он может, присягнув, взамен этих выставить другого. Кто из двух при голосовании, производимом путем поднятия рук, соберет наибольшее число голосов, тот допускается в качестве избираемого. Трое, получившие наибольшее число голосов, становятся стратегами и попечителями военных дел, однако лишь после того, как и они подобно стражам законов подвергнутся докимасии. Избранные стратеги сами выбирают двенадцать таксиархов, по одному для каждой филы. Впрочем, и здесь, как при выборе стратегов, допускается выдвижение других лиц. При этом точно так же происходит голосование путем поднятия рук и принятие окончательного решения» (Там же, VI, 755 b—e). Аналогичным образом происходит и избрание гиппархов.

Текущими делами государства должен ведать специальный, ежегодно избираемый совет: «Совет пусть состоит из тридцати дюжин членов. Число «триста шестьдесят» допускает удобное деление. Разделив это число на четыре части, по девяносто в каждой, мы постановим, чтобы каждый из четырех классов граждан выбирал девяносто членов совета. Прежде всего все поголовно должны избрать представителей высшего класса ⟨...⟩. После голосования следует записать имена избранных. На другой день избирают представителей второго класса, таким же образом, как происходило избрание накануне. На третий день все желающие голосуют за представителей третьего класса ⟨...⟩. На четвертый день все голосуют за представителей четвертого, самого низшего класса ⟨...⟩. На пятый день должностные лица выносят списки с именами избранных для обозрения всем гражданам. Всякий снова должен голосовать за кого-нибудь из них ⟨...⟩. Когда таким образом от каждого класса окажутся избранными сто восемьдесят человек, половина их устраняется путем жеребьевки, остальные же на этот год становятся членами совета» (Там же, VI, 756 b—e).

Описав порядок выборов в совет, Платон делает замечание, которое может вызвать недоумение: «Выборы, производимые таким образом, занимают середину между монархическим и демократическим устройством: государственное устройство вообще должно всегда придерживаться середины» (Там же, VI, 756 e).

В самом деле, демократические черты в государственном устройстве, предлагаемом Платоном, мы видим, но где же монар-

хические? Характеристика, даваемая Платоном своему проекту государственного устройства, озадачила и Аристотеля. Он не согласен с ней: «Что такого рода государственное устройство не будет представлять собой соединения демократического и монархического начал, ясно» (Аристотель. Политика, II 3, 1266а 23). Аристотель характеризует платоновское государственное устройство по-другому: «Государственный строй в его целом является не демократией и не олигархией, но средним между ними — тем, что называется политией» (Там же, II 3, 1265b 27—28).

Получается, что, если Аристотель прав, то в платоновском государственном устройстве можно найти олигархические черты. Где же их искать? Может быть, они коренятся в том, что Платон допустил в своем втором по достоинству государстве имущественное расслоение граждан? Может быть, граждане первого и второго классов будут иметь больший вес и авторитет на выборах, причем вовсе не потому, что они добродетельны и справедливы, а лишь потому, что богаты? Если так произойдет, то и должности стражей законов, и должности стратегов, и все другие значимые должности в государстве, с большой долей вероятности, займут представители этих классов. Вот тогда элементы олигархического начала будут просматриваться весьма отчетливо.

Все же, коль скоро Аристотель называет проект государственного устройства, описываемого Платоном в «Законах», политией, то он считает это устройство более близким к демократии, чем к олигархии. Ведь что такое полития? Ниже, в той же «Политике», Аристотель дает такую классификацию возможных в античной Греции государственных устройств: «Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более, чем одного — аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, — полития» (Там же, III 5, 1279а 33—39). И далее: «Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти — тирания, от аристократии — олигархия, от политии — демократия. Тирания — монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия — выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет» (Там же, III 5, 1279В 4—10). Аналогичную классификацию государственных устройств мы находим в диалоге Платона «Политик», и примечательно, что в платоновской класси-

фикации аристотелевской политии соответствует демократия, скрепленная законами, которой противостоит демократия, не руководствующаяся законами, каковую Аристотель в своей «Политике» именует просто демократией.

Заканчивая обсуждение вопроса о том, к какому виду государственных устройств относится устройство, описываемое в «Законах», можно, по-видимому, сказать, что возражение Аристотеля против того, как смотрел на это Платон, не имеет под собой достаточного основания. Скорее всего, Платон, говоря о «середине между монархическим и демократическим устройством» вовсе не имел в виду «соединение демократического и монархического начал». Он хотел лишь сказать, что описываемый им государственный строй расположен между двумя крайними точками упомянутой классификации: где-то между монархией и демократией. Но с этим, как мы видим, согласен и Аристотель. Так что, дело сводится, надо полагать, к простому недоразумению.

У Аристотеля имеется замечание и по поводу того, как организуются выборы в платоновском государстве. В «Политике» он пишет: «Относительно же избрания должностных лиц нужно еще заметить, что, когда выборы происходят из намеченных заранее кандидатов, создается опасное положение: если известное число лиц, даже и небольшое, захотят войти между собой в соглашение, то выборы всегда будут совершаться так, как они того пожелают» (Там же, II 3, 1266а 26—29).

Замечание Аристотеля следует сразу же отвести, потому что Платон, как он неоднократно об этом упоминает, создает свой проект государственного устройства для честных граждан, честных должностных лиц, честных членов избирательных комиссий. Если в дело вмешаются нечестные люди, которые не уважают добродетель и справедливость, и начнутся разного рода сговоры, подкупы и тому подобное, то, как все мы очень хорошо знаем, любые выборы могут легко быть сфальсифицированы, независимо от того, по какой схеме они организованы. Однако в платоновском государстве такая возможность не предусмотрена: в нем все держится на добродетели и справедливости.

9

Как же будет действовать избранный гражданами совет? Афинянин разъясняет: «Правда, необходимо допустить, чтобы большинство членов совета значительную часть времени занимались

своими делами и приводили в порядок свое хозяйство. Однако каждая двенадцатая их часть поочередно должна быть на страже — соответственно двенадцати месяцам. Они были бы к услугам каждого приходящего из чужих земель или гражданина самого государства, если он захочет сообщить о чем-то, либо, наоборот, узнать что-нибудь из числа тех вещей, о которых одному государству подобает давать ответы другим государствам или же, напротив, получать от них ответы. В особенности они должны предупреждать всякий раз внутренние волнения в государстве, которые обычно возникают по самым различным поводам; в случае их возникновения государство должно как можно скорее позаботиться о том, чтобы они улеглись. Поэтому верховные правители государства должны обладать постоянным правом созывать и распускать собрания, как установленные законами, так и те, необходимость в которых возникает внезапно. Всем этим пусть ведает двенадцатая часть совета, прочие же одиннадцать частей пусть отдыхают остальную часть года. Двенадцатая часть совета постоянно стоит на страже государства вместе с остальными правителями» (Платон. Законы, VI, 758 b—d).

В самом деле, государство, учреждаемое афинянином, Клинием и Мегиллом, как мы знаем, достаточно велико: в нем много всевозможных служб и ведомств, нуждающихся в попечении специальных должностных лиц. Афинянин формулирует такую максиму: «Пусть по мере сил ничего не остается без надзора» (Там же, VI, 760 a).

И вот что требует надзора и попечения в первую очередь: «Скажем же, что в святилищах должны быть смотрители, жрецы и жрицы. А что касается дорог, построек и поддержания там порядка, — чтобы люди и животные не причиняли вреда в черте города и в предместьях и чтобы в государстве осуществлялось все надлежащее, — надо выбрать три рода должностных лиц: для только что указанного — так называемых астиномов, для наблюдения за рынком — агораномов, для святилищ жрецов» (Там же, VI, 759 a).

Афинянин продолжает: «Затем следует назначить должностных лиц, ведающих мусическими и гимнастическими искусствами, — тех и других по два: одного — для обучения, другого — для состязаний. Под первыми закон понимает попечителей над гимнасиями и училищами, поставленных для наблюдения за порядком, воспитанием, посещаемостью и пребыванием там мальчиков и девочек; под вторыми — судей над участниками гимнастических и мусических состязаний. Эти последние будут опять-таки двоякого

рода: одни — судьи в мусическом искусстве, другие — в телесных состязаниях» (Там же, VI, 764 c—d).

Воспитанию детей и юношества придается в новом государстве очень большое значение. В нем предусмотрено должностное лицо, курирующее процесс воспитания детей и юношей во всем государстве в целом. Афинянин говорит: «Поэтому законодатель не должен допускать, чтобы воспитание детей было чем-то второстепенным и шло как попало. Напротив, это первое, с чего должен начать законодатель. Если он хочет создать должное попечение о детях, ему надо выбрать из числа граждан человека наилучшего во всех отношениях и по возможности именно его назначить попечителем о детях» (Там же, VI, 766 a—b).

Человек этот избирается тайным голосованием из числа стражей законов и должен удовлетворять следующим требованиям: «Пусть во главе этого дела стоит, согласно законам, одно должностное лицо, достигшее не менее пятидесяти лет и имеющее законнорожденных детей, лучше всего и сыновей, и дочерей, или по крайней мере хоть кого-то из них. Как избиратель, так и избираемый должны понимать, что эта должность гораздо значительнее самых высоких должностей в государстве» (Там же, VI, 765 d—e).

И наконец, избираются судьи: «Всякое государство перестает быть государством, если суды в нем не устроены надлежащим образом» (Там же, VI, 766 d). Предусматривается учреждение судов трех видов: «Самым важным пусть будет тот суд, который назначат для себя тяжущиеся стороны, выбрав его сообща. Кроме того, пусть будут еще два суда: один для разбора дел между частными лицами, чтобы тот, кто считает себя оскорбленным другим человеком, мог по желанию обратиться к правосудию; другой же суд — для тех случаев, когда, по мнению гражданина, кем-нибудь нарушаются интересы общества и он желает прийти им на помощь» (Там же, VI, 767 b—c).

Важно отметить, что хотя во всех трех судах разбирательство дел проводится судейскими чиновниками, приговор по всем делам выносит народ, точнее — те граждане, которые присутствуют на судебном заседании. Гражданам вменяется в обязанность на судебных заседаниях присутствовать: «Кто не использует возможность общего отправления правосудия, тот считается вовсе не имеющим отношения к государству» (Там же, VI, 768 b).

«Вот все, что касается судов» (Там же, VI, 768 c), — заключает афинянин.

Что является основой общественной жизни страны? Разумеется, «брачные отношения и сочетания» (Там же, VI , 771 е). Как мы помним, Платон не требует, чтобы во втором по достоинству государстве жены и дети были обобществлены. Поэтому основой общественной жизни такого государства являются брачные отношения и сочетания в рамках семьи.

Необходимо сформулировать законы, касающиеся брака, деторождения, воспитания детей в семье, в школах и в других общественных организациях. Этому посвящены последняя треть шестой книги, вся седьмая и начало восьмой книги диалога.

В «Законах», как и в «Государстве», главным для Платона является забота о том, чтобы граждане государства были сильны, здоровы и жизнеспособны. Если они станут такими, то это будет превосходно как для них самих, так и для всего государства в целом. Но как добиться этого, имея дело с государством, вторым по значению?

По-прежнему у Платона на первом месте стоит чисто биологический фактор: граждане должны производить на свет детей, находясь в оптимальном для деторождения возрасте. Этим определяется следующая регламентация: «После того как человек, достигший двадцатипятилетнего возраста, посмотрит невест и они посмотрят его, пусть он выберет по желанию женщину и уверится, что она подходит для рождения и совместного воспитания детей, и тогда пусть женится — не позднее тридцати пяти лет» (Там же, VI, 772 d—e).

Тут сказано, что человек имеет право выбрать себе жену по собственному желанию, однако желание это не должно целиком и полностью определяться ни чисто эротическим моментом, ни корыстью: выбирая себе жену, человек должен учитывать интересы государства. Он должен помнить следующее: «Относительно всякого брака пусть соблюдается одно предписание: каждый человек должен заключать брак полезный для государства, а не только очень приятный ему самому» (Там же, VI, 773 b). Для государства же полезно лишь то, чтобы потомство вступающих в брак мужчины и женщины было здоровым, сильным и жизнеспособным.

Поэтому государство поощряет любовь только к тем женщинам, которые подходят для рождения и совместного воспитания детей. То же самое и относительно богатства: государство не советует «при заключении брака избегать бедности и гнаться особенно за богатством. При прочих равных условиях следует предпочесть

скромное состояние и тогда заключить брачный союз» (Там же, VI, 773 а). Если речь идет о богатых людях, имеющих детей, то «надо попытаться как бы заворожить родителей и убедить их, что в браке каждый человек должен выше всего ставить взаимное соответствие своих детей, а не стремиться ненасытно к имущественному равенству. Кто при браке всячески обращает внимание лишь на имущественное положение, того мы попытаемся отвратить от этого путем порицания» (Там же, VI, 773 d—e). Не поощряется государством и обычай давать приданое. Максимально доступное приданое — пятьдесят драхм. «Повторим снова: людей бедных надо наставить, что взаимное равенство заключается в том, чтобы не брать и не давать вследствие имущественной нужды приданого» (Там же, VI, 774 с).

Государство, создаваемое афинянином, Клинием и Мегиллом, намерено соблюдать свои интересы весьма строго: вступление в брак является для гражданина, достигшего брачного возраста, обязательным. Имеет силу следующее предписание: «Упомянем еще только что сказанное выше, а именно: человек должен следовать своей вечнотворящей природе; поэтому он должен оставлять по себе детей и детей своих детей, постоянно доставляя богу служителей вместо себя. 〈...〉 Но если кто не будет повиноваться по доброй воле, станет вести себя как чужеземец, непричастный данному государству, и не женится по достижении тридцати пяти лет, он будет ежегодно платить пеню 〈...〉. Итак, нежелающий жениться подвергнется подобной денежной пене; что касается почета, то младшие будут подвергать его всевозможному поруганию. Пусть никто из молодых не слушается его добровольно, если же он попытается принудить кого-либо, то всякий должен прийти на помощь и защитить обижаемого» (Там же, VI, 773 е—774 b).

Вернемся к законопослушным гражданам, к тем, кто вовремя вступает в брак: «Новобрачные должны подумать о том, чтобы дать государству по мере сил самых прекрасных и наилучших детей» (Там же, VI, 783 d). Для того чтобы выполнить это пожелание, они должны вести себя надлежащим образом. Для наблюдения за поведением молодых супругов назначаются специальные женщины-блюстительницы: «Блюстительницами тут будут женщины, которых мы изберем; число их может быть бóльшим или меньшим по усмотрению правителей, точно так же и срок их деятельности» (Там же, VI, 784 а).

И вот очень важный в биологическом отношении декрет: «Срок для рождения детей и охраны лиц, их рождающих, пусть будет десятилетний, не более, в том случае, когда течение рождений

идет хорошо. Если же в продолжение этого времени у некоторых супругов не будет потомства, то они для взаимной пользы, расходятся, посоветовавшись сообща с родными и женщинами-надзирательницами» (Там же, VI, 784 b).

Упомянем еще один декрет, тоже очень важный: «Начало жизни каждого — его первый год. Это начало жизни мальчика или девочки надо записать в родовых святилищах. ⟨...⟩ Срок вступления в брак для девушки будет с восемнадцати до двадцати лет: это самое позднее; для молодого человека — с тридцати до тридцати пяти лет. Для занятия государственных должностей устанавливается возраст: для женщины — сорок лет, для мужчины — тридцать. Военную службу мужчина должен нести с двадцати до шестидесяти лет, а женщина (если будет решено и их привлекать к ратному делу, установив там дополнительно то, что им подходит и подобает), лишь после того как она уже родит детей — и до пятидесяти лет» (Там же, VI, 785 a—b).

Видим, что в проектируемом государстве женщины будут иметь право занимать государственные должности и даже будут привлекаться к военной службе. Эти вещи вписываются в общую программу уравнения в правах мужчин и женщин, необходимость которого Платон защищает как в «Государстве», так и в «Законах». С другими элементами эмансипационной программы Платона мы еще встретимся ниже.

Теперь же перейдем к его воспитательной программе: «После речи о рождении детей мужского и женского пола всего правильнее было бы сказать об их воспитании и образовании» (Там же, VII, 788 a).

До трех лет дети должны воспитываться в семье, для детей же, которым больше трех лет, в государстве предусмотрено совместное воспитание. С трех до шести лет воспитываются совместно и мальчики, и девочки: «Все дети этого возраста, то есть от трех до шести лет, пусть собираются в святилищах по поселкам, так, чтобы дети всех жителей поселка были там вместе. Кормилицы должны смотреть, чтобы и дети этого возраста были скромными и не распущенными. Над самими же кормилицами и над всей этой детской стайкой будут поставлены двенадцать женщин — по одной на каждую стайку, чтобы следить за ее порядком; их будут ежегодно назначать из числа упомянутых раньше кормилиц стражи законов. Выборы их будут производить главные попечительницы о браках» (Там же, VII, 794 a—b).

У детей старше шести лет воспитание и образование становятся раздельными: «После того как дети достигнут шестилетнего

возраста, оба пола отделяются. Мальчики проводят время с мальчиками, точно так же и девочки с девочками. Но и те и другие должны обратиться к учению. Мальчики поступают к учителям верховой езды, стрельбы из лука, из пращи, метания дротиков. Если девочки согласятся, они также занимаются этим, по крайней мере до тех пор, пока не обучатся; в особенности следует им научиться употреблению оружия» (Там же, VII, 794 c).

Все вышеперечисленное относится к области военного и гимнастического искусства. Но Платон считает, что ограничиваться чисто физическим воспитанием нельзя: «Обучение надо давать, так сказать, двоякое: тело следует обучать гимнастическому искусству, а душу — для развития ее добродетели — мусическому» (Там же, VII, 795 d).

Платон придает очень большое значение обучению музыке, пляскам, хороводам и массовым играм. Военные пляски и хороводы — это составная часть подготовки к возможной войне: они поднимают боевой дух граждан. Однако игры бывают не только военными: в государстве установлено много игр, связанных с различными празднествами в честь богов и героев. Такие игры, как правило, являются традиционными, и, согласно Платону, их роль в деле укрепления и сохранения незыблемых устоев государства невозможно переоценить: «Я утверждаю: ни в одном государстве никто не знает, что характер игр очень сильно влияет на установление законов и определяет, будут они прочными или нет. Если дело поставлено так, что одни и те же лица принимают участие в одних и тех же играх, соблюдая при этом одни и те же правила и радуясь одним и тем же забавам, то все это служит незыблемости также серьезных узаконений» (Там же, VII, 797 a—b).

Участие в одних и тех же играх сплачивает граждан, делает их единым народом. У них вырабатываются одинаковые взгляды на мир, одинаковые нравы, они привыкают испытывать одинаковые удовольствия. Необходимо сделать все, чтобы традиционные игры всегда сохранялись в неизменности: «Если же молодые колеблют это единообразие игр, вводят новшества, ищут постоянно перемен и считают приятными разные вещи 〈...〉, то мы полностью вправе сказать, что для государства нет ничего более гибельного, чем все это» (Там же, VII, 797 b—c).

Итак, юношей и девушек необходимо обучать хороводным пляскам и возвышенным песнопениям. Но в программу их обучения включены и другие предметы: «Относительно хоровых песен и плясок уже было сказано, а именно о том, какой характер они должны носить, как их надо выбирать, исправлять и освящать.

Но мы еще не сказали, какие именно сочинения письменные, хоть и не стихотворные, станешь ты использовать, наилучший из попечителей детей, для занятий со своими воспитанниками, и каким именно образом будешь ты это делать. Впрочем, относительно ратного дела ты уже знаешь из нашей беседы, что́ должны изучать воспитанники и в чем они должны упражняться. Грамоте же прежде всего, затем игре на кифаре и счету по крайней мере, поскольку они применяются в ратном деле, домоводстве и в государственном управлении, как мы сказали, следует обучаться каждому, а кроме того, получать полезные сведения о божественных круговоротах — звезд, Солнца и Луны» (Там же, VII, 809 b—c).

И это еще не все. Платон сообщает: «Итак, для свободных людей остаются еще три предмета обучения: счет и арифметика составляют один предмет; измерение длины, плоскости и глубины — второй; третий касается взаимного движения небесных светил и свойственных их природе круговращений. Трудиться над доскональным изучением всего этого большинству людей не надо, но лишь некоторым. Кому же именно — об этом у нас пойдет речь потом, под самый конец: там это будет уместнее» (Там же, VII, 817 e—818 a).

Сказанное Платоном следует понимать так, что в системе образования учреждаемого государства предполагаются две ступени: низшая и высшая. Низшее образование рассчитано на всех граждан; высшее же, где арифметика, геометрия и астрономия изучаются углубленно, — не на всех. О том, кто в его государстве будет получать высшее образование, Платон обещает рассказать в конце диалога.

Посмотрим, как будет организовано обучение, рассчитанное на всех граждан: «Далее пойдет речь о постройке гимнасиев и вместе с тем школ в трех местах посередине города. Затем — об устроении опять-таки в трех местах, но уже вне города, в окрестностях, ипподромов и площадок, хорошо приспособленных для стрельбы из лука и других упражнений в метании. Они будут устроены для обучения и вместе с тем для упражнения молодых людей. ⟨...⟩ Во всех этих школах наемные учителя из числа оседлых чужеземцев будут обучать приходящих учеников всем военным наукам и мусическому искусству; при этом училище будет посещать не только тот, у кого этого желает отец — у кого же он не хочет, тот, мол, может и отстраниться от воспитания, — но, как говорится, и стар, и млад должны по мере сил непременно его получить: ведь дети больше принадлежат государству, чем своим родителям» (Там же, VII, 804 c—d).

Как видим, Платон настаивает на том, чтобы в новом государстве было установлено обязательное всеобщее обучение. Он настаивает также на том, чтобы оно было обязательным не только для юношей, но и для девушек, причем программа обучения должна быть у тех и других одной и той же. Последнее необходимо для воплощения в жизнь его идеи установления равенства мужчин и женщин в учреждаемом государстве: «Все это мой закон предписал бы одинаково и для женщин, и для мужчин: первые таким же образом должны упражняться. Я ничуть не побоялся бы утверждать то же самое о верховой езде и о гимнастике; разве это подобает только мужчинам, а женщинам нет? Слыша древние предания, я убеждаюсь в своей правоте; да, к слову сказать, и сейчас, я знаю, есть бесчисленное множество женщин в области Понта — их называют савроматидами, — которые наравне и сообща с мужчинами, упражняются не только в верховой езде, но и в установленной стрельбе из лука и в употреблении другого оружия. Сверх того, у меня есть еще вот какие соображения по этому поводу: я утверждаю, что коль скоро это вообще возможно, то в высшей степени неразумно поступают теперь в наших местах, когда не приучаются к этому изо всех сил единодушно и одинаково как мужчины, так и женщины. Чуть ли не всякое государство становится таким образом половинным, вместо того, чтобы быть вдвое бо́льшим благодаря единству трудов и цели» (Там же, VII, 804 d—805 b).

Теперь понятно, к чему клонит Платон! Если женщины будут иметь то же образование, что и мужчины, то таким образом вдвое увеличивается количество полноценных граждан в государстве. Тем самым государство становится вдвое сильнее: во-первых, женщины, наравне с мужчинами смогут занимать важные государственные посты, во-вторых, — и это главное — смогут, наравне с мужчинами, воевать, защищая родину, когда нападут враги. Ведь женщины будут владеть всевозможным оружием не хуже, чем мужчины, и из них можно будет сформировать специальные женские батальоны. Армия станет вдвое больше!

И вот окончательный вердикт Платона: «Я же высказал бы свое прежнее мнение: законодатель должен быть последователен до конца, а не останавливаться на полдороге. Поэтому он не должен допускать, чтобы женщины предавались неге, расточительности и вели беспорядочный образ жизни; ведь до конца позаботившись лишь о мужчинах, законодатель тем самым дает государству, пожалуй, половину счастливой жизни вместо двойной» (Там же, VII, 806 c).

11

В седьмой и восьмой книгах «Законов» значительное место отведено обсуждению вопросов хозяйственной деятельности и домоводства в учреждаемом государстве.

Надо сказать, что в этом государстве будут жить не только граждане, но и «неграждане». К числу «неграждан» относятся рабы и чужеземцы. Основные виды хозяйственной деятельности в новом государстве таковы: земледелие, ремесло, торговля. При этом граждане имеют право заниматься только земледелием, обрабатывая свои наделы. Ни ремеслом, ни торговлей закон им заниматься не разрешает. И тем, и другим могут заниматься только чужеземцы, обитающие в государстве. Что касается граждан, то они, помимо земледелия, обязаны заниматься государственными делами, а также защищать страну с оружием в руках. Чужеземцы же не имеют права занимать какие-либо государственные должности, им нет места и в армии.

В диалоге написано: «С ремесленниками надо поступить так: прежде всего пусть никто из местных жителей не занимается ремеслами. Дело в том, что гражданину достаточно владеть тем искусством, которое одновременно нуждается в упражнении и во многих познаниях: это — умение поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство. Гражданин не может этим заниматься так, между прочим. Усердно же предаваться двум занятиям или двум искусствам не способен, пожалуй, по своей природе ни один человек, так же как никто не может и сам упражняться в чем-то, как надо, и одновременно руководить упражнениями других. Вот это-то и должно осуществиться в государстве» (Там же, VIII, 846 d—e).

Но как же тогда обстоит дело с земледелием? Ведь каждый гражданин, наряду с поддержкой и соблюдением государственного благоустройства, занимается земледелием на своем участке. Как же он сможет одновременно усердно предаваться и тому, и другому? Вопрос решается очень просто: никто из граждан сам не вспахивает и не боронит свою землю, ни кто из них не сеет зерно и не собирает урожай. Все это делают их рабы. Вот что говорит афинянин о порядках в новой колонии: «Ремесла там поручены чужеземцам; земледелие предоставлено рабам, собирающим с земли жатву, достаточную, чтобы люди жили в довольстве» (Там же, VII, 806 e).

Итак, каждый из граждан учреждаемого государства — рабовладелец. Рассмотрим, каково в нем положение рабов. Когда мы

слышим слово «раб», в нашем воображении возникает фигура закованного в цепи человека, которого его господин бичом понуждает выполнять непосильную работу. Ничего похожего нет в древнегреческом государстве. Рабы в нем похожи, скорее, на русских крепостных крестьян, граждане же — на помещиков. Рабов, как и крепостных, можно было купить и продать; их, как и крепостных, никто не бил бичом и не заковывал в цепи. Точно так же, как и у нас, часть из них обрабатывала землю помещика, сиречь надел гражданина, другая часть занималась разными работами по дому, т. е. выступала в роли дворни.

Тем не менее, рабам в Элладе жилось не легко и не так уж редко бывали их восстания, как, впрочем, нередко случались и в России крестьянские бунты. Чтобы предотвратить подобное в новой критской колонии Платон рекомендует гуманно обращаться с рабами:

«*Клиний.* Раз все это так различно, что же делать нам, чужеземец, в нашей стране с рабами — как владеть ими и как наказывать их?

Афинянин. В чем дело, Клиний? Раз человек — существо с нелегким нравом, то, думается мне, ясно, что он ни за что не захочет добровольно подвергнуться этому необходимому разграничению — на свободных господ и рабов. Владение рабами тяжко. Это многократно было доказано возникновением частых и ставших обычными восстаний мессенцев. Сколько случается бедствий в государствах, которые обладают большим числом рабов, говорящих на одном языке! Добавим еще разнообразные хищения и ущерб, причиняемый в пределах Италии так называемыми пиратами. Взглянув на все это, иной затруднился бы сказать, как надо поступать во всех этих случаях. Остается только два средства: во-первых, чтобы рабы лучше подчинялись, они не должны быть между собой соотечественниками, а, напротив, должны по возможности больше разниться по языку; во-вторых, надо воспитывать рабов надлежащим образом, и не только ради них самих, но и ради своей собственной чести. Это воспитание заключается в том, чтобы не позволять себе никакой резкости в отношении к рабам и по возможности причинять им еще меньше обид, нежели тем, кто нам равен. Ведь именно в отношениях с теми людьми, которых легко обидеть, и обнаруживается вполне, кто по природе, а не ради видимости чтит справедливость и подлинно ненавидит несправедливость. Итак, кто в своих привычках и действиях по отношению к рабам окажется незапятнанным нечестием и несправедливостью, тот будет самым достойным сеятелем на ниве добродете-

4 Зак. 3846

ли. ⟨...⟩ Впрочем дóлжно наказывать рабов по справедливости и не изнеживать их, как свободных людей, увещаниями. Почти каждое обращение к рабу должно быть приказанием. Никоим образом и никогда не надо шутить с рабами — ни с женщинами, ни с мужчинами. Многие весьма безрассудно изнеживают рабов; этим они лишь делают более трудной их подчиненную жизнь, да и себе затрудняют управление ими.

Клиний. Ты прав (Там же, VI, 777 b—778 a).

Надо отметить, что не все рабы заняты исключительно физическим трудом. Раб своим поведением может снискать расположение господина, стать его доверенным лицом, советчиком, полезным и верным помощником в управлении хозяйством. Такого рода людей господа нередко отпускают на волю. Вольноотпущенники вливаются в ряды чужеземцев; они составляют отдельную обособленную группу последних. В государстве, учреждаемом афинянином, Клинием и Мегиллом, вольноотпущенники обязаны заботиться об отпустивших их на свободу: «Забота же эта заключается вот в чем: вольноотпущенник должен три раза в месяц навещать очаг человека, отпустившего его на волю, предлагая ему свои услуги для исполнения всего, что только справедливо и вместе с тем возможно. Точно так же и вступать в брак он должен лишь с согласия бывшего своего господина. Равным образом вольноотпущеннику не разрешается стать богаче отпустившего его господина: излишек пусть будет собственностью господина» (Там же, XI, 915 a).

Вольноотпущенники, а также все прочие чужеземцы не имеют права жить в проектируемом Платоном государстве слишком долго. Чужеземцы не имеют в нем права и быть слишком богатыми.

В диалоге читаем: «Вольноотпущенник не должен оставаться в государстве более двадцати лет; по прошествии этого времени пусть он подобно остальным чужеземцам удалится, захватив собой все свое имущество, если только не получит разрешения на дальнейшее пребывание от правителей и от того, кто его отпустил. Если же имущество вольноотпущенника или кого-либо из остальных чужеземцев возрастет до такой степени, что превысит имущественный ценз граждан третьего класса, то в течение тридцати дней, начиная с того дня, как случилось превышение, он должен удалиться, взяв то, что ему принадлежит. Правители не должны соглашаться ни на какие его просьбы о разрешении ему дальнейшего пребывания в стране» (Там же, XI, 915 b—c).

Общее положение о пребывании чужеземцев в учреждаемом афинянином, Клинием и Мегиллом государстве таково: «Чужезе-

мец, который хочет и может поселиться, получит жилище, если он владеет ремеслом, и останется в стране не более как на двадцать лет, считая со времени записи. Никакой пошлины за право переселения с него не возьмут; от него требуется лишь рассудительность. За право торговли с него также не возьмут пошлин. Но зато по истечении срока он должен взять свое имущество и удалиться. Если же в течение этих лет ему удастся обратить на себя внимание своими добрыми делами для государства; если он верит, что может убедить совет и народное собрание и что просьба его об отсрочке выселения будет уважена, даже если он испросит позволения пожизненно остаться в стране, — то пусть он выступит перед советом и народным собранием и, коль скоро он убедит государство, пусть исполнится то, в чем он его убедил» (Там же, VIII, 850 b—c).

Рассмотрим теперь, каков статус, предоставляемый законодателем двум чаще всего упоминаемым группам чужеземцев: ремесленникам и торговцам.

Начнем с ремесленников: «Сословие ремесленников находится под покровительством Гефеста и Афины: ведь ремесленники своим общим трудом дают нам возможность жить» (Там же, XI, 920 d). Платон настаивает на следующем: «Ни один кузнец не должен одновременно заниматься и плотничьим делом; в свою очередь и плотник не должен заботиться о чужом кузнечном деле больше, чем о своем собственном ремесле ⟨...⟩. Нет, в государстве каждый должен владеть только одним ремеслом, которое и доставляет ему средства к жизни» (Там же,VIII, 846 e—847 a). Ремесленникам «не пристало допускать обман в своем труде» (Там же, XI, 920 e). «Дело в том, что ремесленник знает действительную стоимость своей работы; следовательно, в государствах свободнорожденных людей ремесленнику никогда не следует хитростью уловлять несведущего человека; нет, его ремесло — дело ясное и чуждое по своей природе обмана» (Там же, XI, 921 b).

Перейдем к торговцам: «Всякий взаимный обмен, производимый путем купли и продажи, должен происходить на месте, особо отведенном для каждого вида обмена на городской площади. Стоимость должна быть выплачена непременно тут же; всякая купля и продажа в кредит запрещается» (Там же, XI, 915 d). «За рыночной площадью должны иметь надзор агораномы. После надзора за святилищами, расположенными на площади, этот надзор будет состоять в охране необходимого достояния людей; кроме того они должны быть на страже рассудительности и противодействия на-

глости и должны наказывать тех, кто нуждается в наказании» (Там же, VIII, 849 a). «Никто в государстве не должен платить никакой пошлины ни за ввозимые товары, ни за те, что вывозятся. Не допускается ввоз ладана и других чужеземных курений, употребляемых при богослужении, и ввоз пурпура и окрашенных тканей, которые не производит страна, а также всего того, что нужно для ремесел, работающих на чужеземных товарах, раз в этом нет ровно никакой необходимости. Точно так же не разрешается вывоз таких предметов, наличие которых необходимо в стране» (Там же, VIII, 847 b—c). Прибыль торговцев должна быть регламентирована: «С этой целью придется опять-таки стражам законов собраться вместе с лицами, опытными в каждом отдельном виде торговли ⟨...⟩. На этом собрании надо будет рассмотреть, какого рода приход и расход обусловливает торговцу соразмерную прибыль» (Там же, XI, 920 b—c).

Вернемся к земледелию, точнее — к его плодам. Что происходит с собранной рабами с земли жатвой, достаточной для того, чтобы люди жили в довольстве? Тут мы сталкиваемся с поистине коммунистическим принципом распределения урожая. Оказывается, в государстве, спроектированном Платоном, введен закон о тотальных госпоставках: земледельцы обязаны ежегодно сдавать всю полученную ими продукцию государству, которое затем распределяет ее между всеми слоями населения в соответствии с установленной разнарядкой. Разнарядка, которая должна действовать в новой колонии, такова: «Что касается пищи и распределения доставляемых страной припасов, то правильным здесь было бы, конечно, осуществить порядок, близко напоминающий критский закон. Все эти припасы должны быть всеми разделены на двенадцать частей и соответственно должны потребляться. А каждая двенадцатая часть, — например пшеницы, ячменя и всего того, что созреет, а также всех тех животных, которые у каждого идут на продажу, — будет, согласно расчету, разделена еще на три части: первая часть назначается для свободнорожденных людей, вторая — для их рабов, третья — для ремесленников и вообще чужеземцев, как для тех переселенцев, что поселились у нас из нужды в пропитании, так и для тех, что всякий раз приезжают к нам по государственным или частным делам. Только эту третью часть, выделенную из необходимых припасов, придется пустить в продажу; из остальных же двух частей нет никакой необходимости что бы то ни было продавать. Но как всего правильнее произвести подобное разделение? ⟨...⟩ Раз это так и раз всех частей три, то часть, предназначенная для господ, ничем не должна быть обильнее осталь-

ных двух частей, предназначенных для рабов, а равным образом и для чужеземцев. Надо произвести разделение так, чтобы все части были вполне равны и в отношении качества. Каждый из граждан получает две части и производит распределение припасов между рабами и свободнорожденными людьми: количество и качество распределяемого он определяет по своему желанию» (Там же, VIII, 847 е —848 с).

Рассмотренный нами закон ежегодного обобществления и последующего регламентированного распределения всех доставляемых страной припасов спровоцирован тем, что Платон очень хотел бы, чтобы в новом государстве имели место сисситии. Сисситии — это ежедневные совместные трапезы граждан. Такой обычай существовал в Лакедемоне и на Крите. Не случайно Платон говорит, что предлагаемый им порядок распределения припасов напоминает критский закон. На Крите и в Спарте в сисситиях участвовали только мужчины, когда воины на привалах совместно поглощали пищу, приготовленную в «походных кухнях». Но и в мирное время в Спарте и на Крите мужчины участвовали в сисситиях, причем обязаны были делать одинаковый для всех взнос на продукты для общих трапез.

Платон хотел бы ввести сисситии и в проектируемом государстве. Однако он хотел бы их расширить: он предлагает наряду с мужскими ввести еще и женские сисситии, чего не было ни в Лакедемоне, ни на Крите. Являясь сторонником равноправия мужчин и женщин, он хочет и тут уравнять оба пола. Тем более, что гражданки его государства обучены военному делу и составляют половину армии этого государства. Привычка к совместным трапезам очень помогла бы им в военных походах.

Вот что по этому поводу говорит афинянин в диалоге: «У вас, Клиний и Мегилл, как я сказал, словно по какой-то божественной необходимости, на удивление прекрасно установились сисситии. Однако они предназначены только для мужчин. А для женщин сисситии нигде, как следует не узаконены, и этот обычай не появился на свет. Между тем женский пол — это другая часть нашего человеческого рода 〈...〉. Поэтому, если оставить женщин в стороне, многое от нас ускользнет. 〈...〉 Если оставить все касающееся женщин неупорядоченным, то мы просмотрим более половины необходимых законов. 〈...〉 Следовательно, для благополучия государства лучше повторно возвращаться к этому вопросу, производить здесь улучшения и все обычаи устанавливать одинаково как для женщин, так и для мужчин» (Там же, VI, 780 d—781 b).

12

В жизни граждан новой колонии имеется одна удивительная, на первый взгляд, особенность, на которую стоит обратить наше внимание:

«*Клиний.* По крайней мере мы должны установить количество праздников.

Афинянин. Итак, прежде всего определим их количество. Пусть празднеств будет не менее трехсот шестидесяти пяти, чтобы всегда какое-нибудь одно должностное лицо совершало жертвоприношение какому-нибудь богу или гению за государство, за граждан и за их достояние. Пусть толкователи, жрецы, жрицы и прорицатели соберутся вместе со стражами законов и определят то, что неизбежно пропустит законодатель. Потому-то им и надо знать толк во всем том, что законодателем было пропущено. Закон же гласит так: пусть будет двенадцать празднеств в честь двенадцати богов, имена которых носят двенадцать фил. Каждому из этих богов пусть совершаются ежемесячные жертвоприношения; пусть устраиваются хороводы и мусические состязания; что же касается гимнастических состязаний, то их надо добавить положенным образом, соответственно всем этим богам и временам года. Надо определить, на какие женские празднества не допускаются мужчины, а на какие допускаются. Кроме того, почитание подземных богов не следует смешивать с почитанием богов, которых следует назвать небесными, и их спутников» (Там же, VIII, 828 a—c).

В чем дело? Для чего нужно устраивать празднества каждый день, да еще такие, которые сопровождаются массовыми хороводами, мусическими и гимнастическими состязаниями?

А дело в том, что перед Платоном встал очень важный вопрос: чем занять досуг граждан нового государства? Им не позволено заниматься ремеслом и торговлей, их землю обрабатывают рабы, рабы же выполняют и все работы по дому. «Какой же образ жизни станут вести люди, в должной мере снабженные всем необходимым?» (Там же, VII, 806 d).

Мы уже приводили цитату из «Политики» Аристотеля, где тот пренебрежительно именует жителей платоновской колонии, «ничего не делающими людьми». Платон и сам понимает, что поголовная праздность граждан недопустима, что она представляет собой прямой путь к гибели государства. В то же самое время он, как мы видели, считает, что человек продуктивно может заниматься только одним каким-нибудь делом, отдавая этому делу все свои силы, знания и умения. Только в этом случае оно будет спориться.

И Платон хорошо знает, каково то дело, которому каждый гражданин обязан посвятить всего себя: «Дело в том, что гражданину достаточно владеть тем искусством, которое одновременно нуждается в упражнении и во многих познаниях: это — умение поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство» (Там же, VIII, 846 d). Мы уже цитировали это высказывание Платона.

Но что значит «поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство»? Об этом мы тоже уже говорили: во-первых, каждый гражданин должен участвовать в общественной жизни страны и, во-вторых, он должен принимать участие в военных действиях.

Участие в общественной жизни страны означает осуществление права избирать и быть избранным на государственные посты. Однако этих постов хоть и много, но все-таки ограниченное количество. Население же учреждаемого государства, как мы знаем, весьма велико: пять с лишним тысяч граждан и столько же гражданок. Очевидно, что постов всем не хватит, и большинство населения будет пребывать в праздности, если его чем-нибудь не занять.

Другое дело — военные действия. Если начинается война, то объявляется всеобщая мобилизация, и все граждане и гражданки (ведь не напрасно же в платоновском государстве они обучены военному делу) отправляются на фронт. Ясно, что ни о какой праздности тут не может быть и речи.

Однако такой способ борьбы с праздностью населения может быть эффективным, только в том случае, если государство ведет перманентную войну, а Платон, как мы знаем, твердо стоит на том, что мир во всех отношениях лучше войны. Его государство не агрессивно и ведет только оборонительные войны. Если так, то в его жизни будут наблюдаться весьма продолжительные периоды мирного существования: ведь в диалоге не предполагается, что новая критская колония будет окружена суперагрессивными соседями. Напротив того: предполагается, что войны, хотя к ним, естественно, нужно быть всегда готовым, будут редкими, и потому Платона, по сути дела, заботит, по преимуществу, состояние государства в мирное время.

Так чем же в мирное время занять такое большое количество граждан? Аристотель полагает, что эта задача неразрешима. Он считает, что Платону стоило бы все-таки отступить от принципа ведения одних лишь оборонительных военных действий: «Хорошо было бы прибавить к этому и «соседние места», раз государство должно вести государственный, а не уединенный образ жизни;

ведь государству неизбежно приходится пользовать ся такого рода вооруженными силами, которые пригодны не только для защиты собственной территории, но и для действий в местностях вне ее. Если даже кто-либо не одобряет такого образа жизни — ни частного, ни общественного, тем не менее необходимо внушать страх врагам не только при их вторжении в страну, но и когда они далеко» (Аристотель. Политика, II 3, 1265a 20—28).

Однако Платон твердо стоит за мир и от своего принципа не отступает. При этом он понимает всю важность подготовки в мирное время к возможной войне. Во-первых, маневры делают страну более обороноспособной; во-вторых, при условии, что маневры интенсивны, часты и продолжительны, они занимают значительную часть досуга граждан, внося вклад в борьбу с их поголовной праздностью.

Платон пишет: «Точно так же бывает и с государством: у государства, ставшего добродетельным, жизнь бывает мирной, а у государства порочного — мятежной вовне и внутри. И раз дело обстоит таким образом, каждый должен упражняться в войне не на войне, а в мирной жизни. Поэтому разумное государство должно уделять воинским упражнениям в лагерях каждый месяц не меньше одного дня, лучше же — больше, если так решат правители; при этом не надо бояться ни холода, ни жары» (Платон, Законы, VIII, 829 a—b).

На маневрах гимнастические состязания преобразуются в состязания воинские: «Прежде всего у нас глашатай на состязаниях, как это делают и теперь, станет вызывать бегуна на ристалище. Тот выйдет с оружием: для состязающихся без оружия мы не установим наград. ⟨...⟩ Пусть таким образом будут устроены состязания в беге мужчин и женщин. Что касается состязаний в силе, то вместо борьбы и других принятых теперь тяжелых упражнений будет введен бой с оружием: один на один, два против двух и так далее — до десяти против десятерых. ⟨...⟩ Вслед за этим надо установить правила конных состязаний» (Там же, VIII, 833 a—834 b).

Платон описывает многочисленные и разнообразные состязания с оружием в руках. Но вообще-то он, по-видимому, не был хорошо знаком с военным делом. В своих диалогах он редко касается военных событий и почти никогда не вникает в их детали.

Когда же автор «Законов» все-таки рискует войти в детали организации военного дела, тогда из-под его пера появляются шедевры, подобные вот такому: «Что касается военных походов, то здесь надо многое обсудить, да и законов придется дать немало. Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен остава-

ться без начальника — ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда — и на войне и в мирное время — надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например по первому его приказанию останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться и пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений. Даже в самых опасных обстоятельствах нельзя преследовать врага или отступать иначе, как по разъяснению начальников. Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей. Ибо нет и никогда не будет ничего лучшего, более полезного и искусного в деле достижения удачи и победы на войне. Упражняться в этом надо с самых ранних лет, и не только в военное, но и в мирное время. Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям» (Там же, XII, 942 а—с).

Этот пассаж можно принять за пародию на высокопарные поучения какого-нибудь малограмотного, но высокопоставленного солдафона. Похоже, однако, что Платон пишет все это от собственного лица и всерьез.

Военная подготовка в мирное время не может полностью снять проблему избыточного досуга граждан. Кардинальным образом, по мнению Платона, она решается введением ежедневных празднеств. Они вводятся для этого и только для этого. Хороводы и мусические состязания, сопровождающие жертвоприношения, становятся обязательным ежедневным занятием для всех граждан. Хороводы и мусические состязания приравниваются таким образом к государственной службе. Граждане обязаны ежедневно приходить в храмы и к жертвенникам, подобно тому как государственные чиновники по утрам являются в свои конторы и офисы. Получается, что каждый день водить хороводы, а также участвовать в мусических соревнованиях и означает поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство.

Достаточны ли придуманные Платоном меры для того, чтобы обеспечить государственное благоустройство — большой вопрос. Во всяком случае, Аристотель, как мы видели, в их эффективность не верит.

13

Девятая, десятая, одиннадцатая и большая часть двенадцатой книги «Законов» содержат то, что можно назвать гражданским и уголовным кодексом учреждаемой колонии. В этих книгах формируются многочисленные постановления о преступлениях и наказаниях. Постановления эти разработаны весьма подробно и в мельчайших деталях.

Бывают преступления против богов, против государства, против личности. Если говорить о последних, то бывают преступления, связанные с убийством, насилием, побоями, оскорблениями, злословием, воровством, обманом, подлогом, опаиванием зельями, ворожбой, а также с нарушением законов о почитании родителей, о взаимных обязанностях отцов и сыновей, о браках и разводах, о наследовании, о сиротах и опекунах, о торговле, о ремесленниках, о беглых рабах, о дезертирстве, об уклонении от военных походов, о бросивших оружие в битве. Этот список возможных преступлений, разумеется, неполон: в нем перечислены только самые главные из упоминаемых в диалоге.

Что касается наказаний за содеянные преступления, то они весьма суровы. Вот список кар, применяемых в новом государстве: «Наказанием должны быть: смерть, тюремное заключение, палочные удары, унизительные места для сидения и стояния или стояние возле святилищ на окраине страны; либо наказанием должна быть денежная пеня» (Там же, IX, 855 с).

Смертная казнь применяется не так уж часто. Ей могут быть подвергнуты нечестивцы, государственные преступники, убийцы. При этом к смерти приговариваются лишь наиболее злостные и неисправимые преступники. Для тех же, кто не заслуживает смерти, в платоновском законодательстве предусмотрены меры исправления и перевоспитания.

Выше мы уже упоминали о платоновском убеждении в том, что никто из людей не чинит зла и несправедливости добровольно. Вот что говорит по этому поводу афинянин в диалоге: «Человек несправедливый дурен; но дурной человек бывает таким против воли. Совершать против воли что-либо добровольное не имеет смысла. Итак, тому кто установил, что несправедливость совершается против воли, человек, совершающий несправедливость, должен казаться совершающим это невольно. С этим я также должен согласиться; дело в том, что и я утверждаю: все совершают несправедливости лишь против воли» (Там же, IX, 860 d).

Таким образом, по Платону, воля человека всегда направлена к добру, и коль скоро он все же совершает злые и несправедливые поступки, то это потому, что он ошибочно считает их добрыми и справедливыми. Иными словами, злые и несправедливые поступки совершаются исключительно по незнанию: человек, который их допускает, не знает, что есть добро и что есть зло; он плохо отличает добро от зла.

Если так, то его нужно учить добру, его нужно исправлять и воспитывать:

«*Афинянин.* В свою очередь, что касается несправедливого нанесения вреда, из-за корысти, когда кто-то, путем несправедливостей способствует обогащению другого, то, поскольку здесь зло исцелимо, его надо исцелить, считая это душевной болезнью. Надо признать, что, по-нашему, исцеление от несправедливости клонится вот в какую сторону...

Клиний. В какую?

Афинянин. Всякого совершившего большой или малый несправедливый поступок закон наставит и принудит либо никогда более не отваживаться на повторение подобных поступков по доброй воле, либо совершать это в значительно меньшей степени; кроме того, надо возместить нанесенный вред. Делом или словом, удовольствием или страданием, почетом или бесчестьем, пенями или дарами — словом, вообще каким бы то ни было образом заставить человека возненавидеть несправедливость и полюбить или по крайней мере не питать ненависти к природе справедливости — это и есть задача наилучших законов» (Там же, IX, 862 c—d).

Пока вроде бы все хорошо: коль скоро воля совершающего злые поступки человека нацелена на добро, то необходимо ему так или иначе разъяснить, дать ему понять, что его поступки недобрые. Ему надо поскорее раскрыть глаза на то, что является, на самом деле, добром, и тогда он автоматически перестанет творить зло и сделается добродетельным. Значит, надо неустанно всеми возможными способами воспитывать злодеев, и, в конце концов, всякий, в ком есть хоть капля разума, поймет, *что* ему говорят. Он, в конце концов, научится отличать добро от зла.

Единственное, что представляется неудачным в процитированном отрывке, так это предложение склонность ко злу считать душевной болезнью, откуда вытекает, что несправедливость необходимо «исцелять». Хорошо, если это просто аллегория, уподобление, и не более того. Но ведь можно понять сказанное Платоном и буквально. Тогда может получиться что-то подобное тому, что

практиковалось у нас при советской власти, когда инакомыслие приравнивали к сумасшествию и «лечили» инакомыслящих в психушках.

Идем дальше: сразу после процитированного отрывка в «Законах» находится очень нехорошее место. Афинянин говорит: «Если законодатель заметит, что человек тут неисцелим, он назначит ему наказание и установит другой закон. Законодатель сознает, что для самих этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью; тем самым они принесли бы двойную пользу всем остальным людям: они послужили бы примером для других в том смысле, что не следует поступать несправедливо, а к тому же избавили бы государство от присутствия дурных людей. Таким образом законодатель вынужден назначить в наказание таким людям именно смерть, а не что-то иное» (Там же, IX, 862 е—863 а).

Итак, имеются столь злостные и неисправимые преступники, которые, как уже говорилось выше, приговариваются законом к смерти. Но кто они такие, если разобраться? Это люди настолько тупые, что премудрый законодатель, который в совершенстве владеет всеми методами воспитания, так и не смог научить их добру. В этих людях не оказалось даже капли разума, и за это законодатель приговаривает их к смерти. Они неисцелимы и за это должны умереть. Выходит, что в платоновском государстве к смерти приговаривают только непроходимых глупцов, только тех, кто в силу своей «неисцелимости», никак не может понять то, что ему внушает законодатель. Как вам это нравится?

Но еще хуже тут другое: мудрец-законодатель, оказывается, твердо знает, что «для самих этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью». Для них самих это будет лучше! Хорошенькое дело! Велико же самомнение законодателя, если он осмеливается такое утверждать. Как это он может знать, что для кого-то будет лучше, если тот прекратит свое существование? Как вообще человеку может быть лучше или хуже, если он свое существование прекратил? Ладно, что у Платона все это остается на бумаге. Но ведь точно такой же «логикой» пользовались, например, инквизиторы. Они ханжески заявляли, что грешникам самим же будет гораздо лучше, если их сожгут на костре или удушат с помощью гарроты, после чего с благочестивым видом принимались приводить в исполнение свои приговоры.

14

В десятой книге «Законов» Платон устами афинянина говорит: «Но законам о каре, которую должен понести человек, словом или делом оскорбляющий богов, надо предпослать наставление. А наставление это будет таким: никто из тех, кто, согласно с законами, верит в существование богов, никогда намеренно не совершит нечестивого дела и не выскажет беззаконного слова. Человек может это сделать в одном из трех случаев: либо, повторяю, если он не верит в существование богов, либо (второй случай) хотя и верит в их бытие, но отрицает их вмешательство в людские дела, либо, наконец (третий случай), если человек полагает, будто богов легко склонить в свою пользу и умилостивить жертвами и молитвами» (Там же, X, 885 b).

Клиний спрашивает, как поступить с такими людьми, и афинянин от имени этих людей отвечает: «Мы считаем справедливым, чтобы законодатели, объявившие себя кроткими, а не свирепыми, применили сначала по отношению к нам убеждение» (Там же, X, 885 e).

Но как можно убедить их? Платон считает, что это можно сделать только так: сначала необходимо доказать, что боги существуют, затем следует показать, что они принимают участие в жизни людей и что они неумолимы. Выполнению такой программы убеждения неверующих посвящена вся десятая книга «Законов».

Большую часть программы занимает доказательство существования богов, в ходе которого Платон формулирует свое учение о космосе и мировой душе. Это учение в более развернутом, чем в «Законах», виде мы находим в диалоге Платона «Тимей». В «Законах» же Платон дает его относительно краткий очерк.

Как относится Платон к пантеону традиционных эллинских богов? Он признает их существование. Более того, он настаивает на строжайшем соблюдении всех связанных с их почитанием обрядов. Он неоднократно указывает на то, что нарушение традиции в богослужениях может повести к быстрой гибели всего государства.

Это не мешает Платону весьма сдержанно относиться к традиционным богам. И в «Государстве», и в «Тимее», и здесь, в «Законах», он сознается, что ничего толком не знает о них. С открытым неудовольствием он относится к старинным сказаниям о них. Так, в «Законах» афинянин говорит Клинию: «У нас, афинян, есть сказания о богах, закрепленные письменно — частью в стихах, частью в простом изложении. У вас их нет благодаря, насколько

я могу судить, хорошему государственному строю. Древнейшие из сказаний повествуют о происхождении первой природы неба и всех остальных вещей. Вслед за тем сказания переходят к происхождению богов и повествуют о взаимоотношении богов после их возникновения. Впрочем, если в известном смысле эти сказания плохо влияют на слушателей, в этом трудно их укорять ввиду их глубокой древности. Я по крайней мере никогда не похвалил бы их, говоря, что они полезны и способствуют попечению о родителях и их почитанию или что в них рассказывается полностью правдивая быль. Однако довольно о древних сказаниях. Распростимся с ними, и пусть они повествуются лишь постольку, поскольку они любезны богам» (Там же, X, 886 b—d).

Видим, что Платон, хоть и недоволен древними сказаниями о богах, но относится к этим сказаниям снисходительно. Зато он непримирим к сочинениям современных ему философов-материалистов. Афинянин так продолжает свою речь, обращенную к Клинию: «Но зато пусть подвергнутся нашему порицанию сочинения нового поколения мудрецов, поскольку они являются причиной зол. Вот что влекут за собой сочинения подобных людей: мы с тобой, приводя доказательства существования богов, говорим об одном и том же — о Солнце, Луне, звездах, Земле — как о богах, о чем-то божественном. Люди же, переубежденные этими мудрецами, станут возражать: все это — только земля или камни и, следовательно, лишено способности заботиться о делах человеческих. Приукрасив словами это моление, они делают его весьма убедительным» (Там же, X, 886 d).

Против этих философов, считающих небесные тела неодушевленными и состоящими только из земли и камней, и полемизирует в дальнейшем Платон, развивая свое учение о вселенной. Как и в «Тимее», он учит здесь о том, что мировая душа возникла раньше всех тел, что именно она упорядочила материальный мир, превратив его в космос. Именно она — причина всех движений всех тел и, в частности, равномерных круговых движений небесных сфер.

Вот итог всех рассуждений Платона на эту тему:

«*Афинянин.* Теперь уже очень легко с точностью сказать, что раз душа производит у нас круговращение всего, то по необходимости надо признать, что попечение о круговом вращении неба и упорядочивание его принадлежит благой душе. Или же злой?

Клиний. Чужеземец, из сказанного сейчас вытекает, что нечестиво даже было бы утверждать иное. Нет, такое круговращение — дело души, обладающей всяческой добродетелью, одна ли есть такая душа, или, быть может, их несколько.

Афинянин. Ты прекрасно понял мою мысль, Клиний. Обрати же еще внимание на следующее.

Клиний. А именно?

Афинянин. Если душа вращает все, то, очевидно, она же вращает и каждое в отдельности — Солнце, Луну и другие звезды.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Рассудим о чем-то одном из этого; наше рассуждение окажется приложимым и ко всем остальным звездам.

Клиний. Что же мы возьмем?

Афинянин. Всякий человек видит тело Солнца, душу же его никто не видит. Равным образом никто вообще не видит души тел одушевленных существ — ни живых, ни мертвых. Существует полная возможность считать, что род этот по своей природе совершенно не может быть воспринят никакими нашими телесными ощущениями и что он лишь умопостигаем. Примем же с помощью одного только ума и размышления следующее положение...

Клиний. Какое?

Афинянин. Коль скоро душа вращает Солнце, то вряд ли мы ошибемся, если предположим, что она делает одно из трех...

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Либо она, находясь внутри этого кажущегося круглым тела, всячески приводит его в движение, подобно тому как и наша душа всячески нами движет. Либо, по учению некоторых, приобретя себе откуда-то извне огненное или какое-то воздушное тело, она насильно теснит тело телом, либо, наконец, она сама лишена тела, но обладает зато какими-то иными удивительными возможностями и таким образом правит Солнцем.

Клиний. Да, несомненно, душа руководит всем одним из этих трех способов.

Афинянин. Эту душу, все равно возводит ли она Солнце на колесницу, давая всем свет, или не воздействует на него извне, либо действует каким-то другим образом, всякий человек должен почитать выше Солнца и признавать богом. Не правда ли?

Клиний. Да, по крайней мере всякий, кто не дошел до последних пределов неразумия.

Афинянин. Относительно же всех звезд, Луны, лет, месяцев, времен года какое иное рассуждение можем мы привести, как не подобное этому, а именно: ввиду того, что душа или души оказались причиной всего этого и к тому же они обладают всеми нравственными совершенствами, мы признаем их божествами, все равно пребывают ли они как живые существа, в телах или еще где-то и

другим способом управляют небом. Найдется ли человек, который согласившись с этим, стал бы отрицать, что «все полно богов»?

Клиний. Не найдется никого, чужеземец, столь превратно мыслящего.

Афинянин. Закончим же, Мегилл и Клиний, это наше рассуждение и укажем границы тому, кто раньше отрицал богов.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Ему придется доказать нам, что мы неправильно сочли душу возникшей прежде всего, а также и опровергнуть все то, что мы высказали вслед за этим» (Там же, X, 898 с—899 с).

Солнце, Луна и другие звезды — вот боги, в каких Платон верит по-настоящему. И в «Тимее» боги, которых сотворил демиург, — это небесные светила. В таких богов поверить легко: они не скрыты от людей, их можно видеть, они ежедневно и еженощно — с людьми.

15

Еще не обо всех должностных лицах новой колонии нам известно. Разговор о ряде государственных учреждений самого высокого ранга Платон отложил до самого конца диалога.

Необходимо наладить контроль над финансовой деятельностью всех должностных лиц государства. Для этой цели избирается особый орган: коллегия евфинов. Евфины обладают очень большими полномочиями и пользуются большим почетом. Их избрание происходит так: «Учредим назначение евфинов следующим образом: ежегодно после поворота солнца от лета к зиме все государство собирается на священном участке, посвященном Гелиосу и Аполлону. Там перед лицом бога пусть каждый заявит, кого он считает во всех отношениях наилучшим, за исключением самого себя, — причем человек этот должен иметь не менее пятидесяти лет. Всего таких лиц надо избрать троих. ⟨...⟩ Эти лица назначат на первый год двенадцать евфинов, и так будет, пока им не исполнится семидесяти пяти лет. На будущее же время надо ежегодно назначать еще троих евфинов. Они поделят все государственные должности на двенадцать частей и подвергнут их всевозможным пригодным для свободнорожденных людей испытаниям. ⟨...⟩ Отчасти каждый в отдельности, отчасти же сообща друг с другом они подвергнут рассмотрению деятельность всех должностных лиц и доложат об этом государству, поместив на площади свои записи относительно каждой государственной должности с

указанием, чему дóлжно подвергнуть, по мнению евфинов, то или иное должностное лицо или какую на него следует наложить пеню» (Там же, XII, 945 е—946 d).

Мы уже говорили о том, что законодателю очень хотелось бы изолировать новую колонию от внешнего мира. Однако построить железный занавес, доходящий до небес, все же никак нельзя: «С другой стороны, не принимать у себя иноземцев и самим не ездить в чужие страны совершенно недопустимо. Вдобавок это показалось бы остальным людям грубой и суровой мерой: они сочли бы это за проявление тяжелого нрава и самоуправства и прозвали бы это неприятным словом «гонения», имея в виду изгнание чужеземцев» (Там же, XII, 950 a—b).

Выглядеть же в глазах других государств хорошей очень важно для новоиспеченной колонии: «Нельзя относиться безразлично к мнению о нас остальных: считают ли они нас хорошими или нет. ⟨...⟩ В особенности следовало бы нашему основываемому на Крите государству снискать себе у остальных людей самую прекрасную и высокую славу добродетели. Можно, очевидно, надеяться, что спустя короткое время Солнце и остальные боги узрят среди благоустроенных государств и стран и наше государство, коль скоро оно будет иметь разумные законы» (Там же, XII, 950 b—d).

И все же ограничения на въезд и выезд должны быть введены, и достаточно строгие. Нельзя допустить, чтобы любой и каждый гражданин мог путешествовать, где ему заблагорассудится, а также — чтобы в государство мог въезжать любой и каждый чужеземец.

Вот что говорит афинянин: «Итак, относительно путешествий в чужие края и страны и допущения к себе чужеземцев надо поступать следующим образом. Прежде всего, кто не достиг сорока лет, тому вовсе не разрешается путешествовать куда бы то ни было. Затем вообще не разрешается никому путешествовать по частным надобностям, а только по общегосударственным: речь идет о глашатаях, послах и феорах» (Там же, XII, 950 d).

Выезд за границу по частным надобностям никому из граждан не разрешен! Значит, железный занавес все-таки воздвигнут. До небес он не доходит, но все-таки выше, чем был в Советском Союзе.

Феоры — особый вид должностных лиц. Они могут выезжать, например, в Пифийский храм Аполлона, в Олимпию к Зевсу, в Немею и на Истм для участия в жертвоприношениях и состязаниях в честь этих богов. «Других феоров посылают в чужие земли по своему усмотрению стражи законов. Если кто из граждан пожела-

ет в течение большего срока наблюдать жизнь других людей, никакой закон им в этом не может препятствовать. Ведь государство, из-за своей необщительности не ознакомившееся на опыте с хорошими и дурными людьми, никогда не сможет быть достаточно кротким и совершенным. Да и законы невозможно соблюдать, если они будут восприняты не сознательно, а лишь в силу привычки. Среди многих постоянно выделяются люди с божественным нравом, вполне достойные общения. Правда, их немного, и в государствах с благими законами они встречаются не чаще, чем там, где законы плохи. Человек, живущий в государстве с благими законами, должен постоянно, странствуя по морю и по суше, разыскивать следы тех, кто не испорчен, дабы с их помощью укрепить хорошие стороны узаконений, а упущения исправить. Без таких поисков, предпринимаемых с целью наблюдения, государство не может быть вполне устойчивым, так же как и тогда, когда наблюдения выполняются плохо» (Там же, XII, 951 a—c).

Видим, что феоры, посылаемые в чужие края стражами законов, суть важные государственные чиновники, от действий которых во многом зависит благополучие страны. Как добиться того, чтобы они выполняли возложенные на них обязанности хорошо? Клиний задает этот вопрос афинянину и тот отвечает: «Вот как: прежде всего такой феор должен у нас уже переступить за пятьдесят лет и, кроме того, быть из числа людей, снискавших себе добрую славу, — как вообще, так и на войне, — чтобы предстать перед остальными государствами образцовым стражем законов. Кто уже переступил за шестьдесят лет, тот не может быть феором. В пределах этого десятилетия феор может производить наблюдения столько лет, сколько он хочет. По возвращении на родину он должен предстать пред собранием лиц, надзирающих за законами» (Там же, XII, 951 c—d).

Какими должны быть феоры и как они должны функционировать, нам теперь ясно. Но что это за собрание лиц, надзирающих за законами? До сих пор Платон ничего не сообщал нам о нем. Между тем, как это скоро выяснится, оно является самым важным органом управления новой колонией: по словам афинянина, его роль в государстве подобна роли ума в организме и роли кормчего на корабле. Однако прежде чем уяснить себе, кто в него входит и как оно работает, остановимся на вопросе о чужеземцах. Каким чужеземцам разрешено по закону въезжать в учреждаемое афинянином, Клинием и Мегиллом государство?

Тут все регламентировано очень четко: «Есть четыре рода чужеземцев, заслуживающих упоминания. Первый род совершает

путешествия большей частью летом, точно это перелетные птицы. Большинство таких людей действительно словно перелетают море: они занимаются торговлей ради обогащения и слетаются в другие государства, пользуясь благоприятным временем года. Их должны принимать специально назначенные для этого должностные лица — на рынках, в гаванях и общественных зданиях, расположенных вне города, но близ него — из осторожности, как бы кто-нибудь из таких чужеземцев не ввел каких-нибудь новшеств. 〈...〉 Второй род чужеземцев состоит из охотников посмотреть и послушать, что можно, из произведений Муз. Для всех таких людей должны быть приготовлены пристанища у святилищ, где они встретят полное гостеприимство. 〈...〉 Третий род чужеземцев, приезжающих из другого государства по его поручениям, — надо принимать от имени государства. 〈...〉 Чужеземцы четвертого разряда могут приезжать разве лишь изредка. Это те, что прибывают к нам из чужих краев также для наблюдения» (Там же, XII, 952 d—953 c).

Таким образом, сквозь железный занавес в новое государство проникают только торговцы, туристы, послы и феоры других государств. Торговцы представляют некоторую опасность для устоев государства, но, к сожалению, без них не обойтись. Остальные три разряда чужеземцев никакой опасности не представляют. Интересно, что, оказывается, и в других государствах имеются должности феоров — чиновников, официально командируемых к соседям для того, чтобы наблюдать за всем, что у соседей делается, и докладывать об этом своему начальству.

Обратимся теперь к собранию лиц, надзирающих за законами. Вот что говорит о нем Платон: «Собрание это состоит из молодых и престарелых людей и собирается ежедневно, обязательно на заре, до восхода Солнца. В него прежде всего входят жрецы, получившие знаки отличия, затем десять стражей законов, всегда старейших; далее, в нем участвуют вновь назначенный попечитель всего в целом воспитания и лица, уже освобожденные от этой должности. При этом каждый член собрания участвует в нем не только сам по себе, но и вводит в него по своему выбору молодого человека между тридцатью и сорока годами. Эти люди постоянно собираются вместе и обсуждают законы своего государства» (Там же, XII, 951 d—952 a).

Платон придает этому собранию чрезвычайно большое значение. Он считает учреждение этого собрания венцом всего своего законодательства. Оно задумано как орган охранительный: его главной задачей является следить за тем, чтобы установленные

афинянином, Клинием и Мегиллом законы впредь оставались незыблемыми. Это, разумеется, означает не только то, что оно не должно позволять вносить какие-либо изменения в законы: оно также обязано осуществлять контроль за тем, соответствуют ли те или иные постановления, решения или действия тех или иных должностных лиц установленным законам. При этом оно должно обладать властью, достаточной для того, чтобы иметь возможность отменять все несоответствующие законам постановления и препятствовать всем несоответствующим законам действиям. Если так, то фактически описываемому собранию будет принадлежать верховная власть: ведь его вердикты уже не подлежат отмене, а сама его деятельность не подлежит никакому контролю.

Вся заключительная часть последней книги «Законов» посвящена собранию лиц, надзирающих за законами. Платон снова говорит нам о его составе и формулирует те условия, которые обязательно должны быть соблюдены для того, чтобы оно могло полностью соответствовать своему назначению. В диалоге читаем:

«*Афинянин.* ⟨...⟩ Каким образом законы приобретут, согласно с их природой, эту способность оставаться неколебимыми?

Клиний. Ты упомянул о чем-то очень существенном, если только вообще возможно найти средство придать чему бы то ни было это свойство.

Афинянин. Однако, как я сейчас ясно увидел, это действительно возможно.

Клиний. Так давайте неотступно отыскивать это средство, пока не найдем его для изложенных нами законов. Ведь было бы смешно понапрасну трудиться над чем-нибудь и не достичь ничего прочного.

Мегилл. Твой совет правилен; во мне ты найдешь человека таких же взглядов.

Клиний. Хорошо. В чем же, по-твоему, состояло бы спасение для государства и наших законов? Каким образом это могло бы осуществиться?

Афинянин. Разве мы не сказали, что в нашем государстве должно быть особое собрание, устроенное так: десятеро самых престарелых стражей законов и все те, кто имеет отличия, должны постоянно собираться вместе. Кроме того, люди, путешествовавшие с целью разыскать, нет ли где чего-нибудь подходящего для охраны законов, и вернувшиеся на родину, после того как они подвергнутся испытанию со стороны вышеуказанных лиц, могут быть достойными участниками этого собрания. Сверх того, каждый из них должен привести с собой одного молодого человека, однако

достигшего уже тридцати лет: обсудив сначала, достоин ли он этого по своей природе и воспитанию, его вводят в среду остальных, и, если все согласны, он становится участником собрания. ⟨...⟩ Это собрание будет собираться рано утром, пока каждый всего более свободен от своих личных и от государственных дел. Таковы были наши прежние указания.

Клиний. Да.

Афинянин. Возвращаясь опять к этому собранию, я сказал бы вот что: я утверждаю, что, если им воспользоваться, как якорем для всего государства, оно спасло бы все то, что нам желательно, так как в нем сосредоточено все полезное» (Там же, XII, 960 d—961 c).

В чем же заключается это полезное? Афинянин продолжает:

Афинянин. Вот и теперь, как видно, если только мы намерены завершить устройство поселения в нашей стране, у нас должно быть нечто такое, что само по себе ведало бы прежде всего цель этого поселения, как у нас это обычно ведомо государственному мужу. Далее, надо знать, каким образом следует приняться за дело, чтó именно в самих законах, а затем и в людях может пригодиться, а чтó не может. Если государство не будет всего этого иметь, не будет ничего удивительного, коль скоро, лишенное ума и ощущений, оно в каждом деле станет отдаваться на волю случая.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Так вот, в какой части или в каком обиходе нашего государства существует такой достаточно способный к охране орган? На что можем мы указать?

Клиний. Это еще не совсем ясно, чужеземец. Если можно догадываться, то, кажется мне, твои слова клонятся к тому собранию, которое, как ты только что сказал, должно собираться ночью.

Афинянин. Твое замечание совершенно верно, Клиний. Это собрание, как показывает наше нынешнее рассуждение, должно обладать всевозможной добродетелью» (Там же, XII, 962 b—d).

Если собирающееся ночью собрание действительно будет таким, если оно будет обладать всевозможной добродетелью, то тогда все в порядке: оно будет править государством в соответствии с добродетелью. А больше ничего и не нужно:

«*Клиний.* Следовательно, чужеземец, правильно наше давнее утверждение: мы сказали, что все наши законы должны всегда иметь в виду единую цель. И мы совершенно правильно согласились, что цель эта — добродетель».

Афинянин. Да». (Там же, XII, 963 a).

Однако с добродетелью дело обстоит не так просто. Прежде всего, необходимо знать, в чем она конкретно состоит. Кроме того, нужно знать, как, в соответствии с ней, боги правят вселенной; нужно знать и то, как устроена вселенная. Наконец, людям, берущимся управлять государством, необходимо знать, как, подражая богам, править в соответствии с добродетелью. Словом, государственные мужи, стоящие у кормила власти обязаны обладать многочисленными и глубочайшими знаниями. В противном случае у них ничего не получится.

В диалоге читаем:

«*Афинянин.* 〈...〉 Неужели мы не будем делать различия между теми, кто имеет эти знания, и теми, кто их не имеет?

Клиний. Нет, удивительный ты человек, это невозможно.

Афинянин. Следовательно, надо стремиться к более основательному образованию, чем существовало раньше.

Клиний. Быть может. 〈...〉

Афинянин. Итак, по-видимому, надо принудить стражей нашего божественного государства прежде всего научиться тщательно различать то, что состоит из четырех частей, на самом же деле составляет единство и тождество: оно включает в себя, как мы говорили, мужество, рассудительность, справедливость и разумность и справедливо носит единое имя добродетели. 〈...〉 Что же дальше? Мыслим ли мы точно так же о прекрасном и о благом? Дóлжно ли учить наших стражей, что то и другое множественно, или они должны считать каждое из этого единым? Вообще каково это? 〈...〉 Но разве не одна из самых прекрасных вещей — это понятие о богах, которое мы усердно разобрали, а именно понятие о том, что они существуют, и явное обладание великой силой такого познания — насколько это возможно для человека» (Там же, XII, 965 а—966 с).

Все то, что перечислил здесь афинянин, относится к области чисто теоретических, к области философско-теологических знаний. Ими вовсе не обязательно должны обладать простые граждане. Но охранители законов обязаны обладать ими, ибо это, согласно Платону, необходимо им в их практической деятельности. Только владея всем богатством знаний, можно приобщиться к добродетели во всей ее полноте, и только зная добродетель во всей ее полноте, люди, стоящие во главе государства, могут рассчитывать на то, что им удастся успешно поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство.

Обратимся к заключительным строкам диалога. В них Платон раскрывает «телос» своего сочинения, обозначает явным и недву-

смысленным образом то, к чему он вел в нем свои долгие и трудные рассуждения:

«*Афинянин.* Никто из смертных не может стать твердым в благочестии, если не усвоит только что указанных двух положений: во-первых, душа старше всего, что получило в удел рождение; она бессмертна и правит всеми телами; во-вторых, как мы не раз говорили, пребывающий в звездных телах ум — это царь всего существующего. Необходимо усвоить эти предварительные знания, чтобы заметить их общность с мусическими искусствами и воспользоваться ими для нравственного усовершенствования в согласии с законами и чтобы быть в состоянии отдать себе разумный отчет во всем том, что разумно. А кто не в состоянии, в дополнение к гражданским добродетелям, приобрести эти знания, тот едва ли когда-нибудь будет удовлетворительным правителем всего государства: он будет только слугою другим правителям. Теперь, Клиний и Мегилл, нам нужно посмотреть, следует ли ко всем указанным раньше и разобранным нами законам добавить еще такой: следует установить, согласно закону, охранный орган для спасения государства — Ночное собрание должностных лиц, приобщившихся к указанному образованию. Так ли мы поступим?

Клиний. Как же, мой друг, нам этого не добавить, если это хоть сколько-нибудь возможно. 〈...〉

Афинянин. Прежде всего надо составить перечень лиц, пригодных для такой охранительной службы по своему возрасту, по силе своих знаний, нравственным качествам и привычкам. После этого нелегкой задачей будет найти, что же именно надо изучать; нелегко также стать учеником того, кто это нашел. Вдобавок, есть еще определенный срок, предназначенный для усвоения» (Там же, XII, 967 d—968 d).

И вот апофеоз всего законодательства, предлагаемого Платоном в «Законах»:

Афинянин. 〈...〉 Если же, дорогие мои друзья, это божественное собрание будет у нас создано, то ему надо вручить государство. 〈...〉 Пусть и члены этого собрания будут у нас тщательно смешаны между собой и надлежащим образом воспитаны. Получив такое воспитание, они поселятся на акрополе, возвышающемся над всей страной, и будут совершенными стражами по охране добродетели, каких мы не видывали в прежней жизни (Там же, XII, 969 b—c).

16

В собрании сочинений Платона после диалога «Законы» всегда помещают небольшой диалог «Послезаконие», содержащий в своем составе всего одну книгу и служащий продолжением «Законов». В «Послезаконии» участвуют те же собеседники, что и в «Законах». Диалог этот представляет собой очерк всего того, что необходимо изучить лицам, пригодным для охранительной службы.

В «Послезаконии» Платон лишний раз показывает свою склонность к пифагорейству, заявляя, что основой человеческой мудрости является наука о числе. Афинянин в этом диалоге говорит: «Так вот, надо обнаружить такое какое-то знание, обладание которым делало бы человека действительно мудрым, а не только по видимости. Посмотрим, что это за знание. ⟨...⟩ Знание это не очень трудно заметить. В самом деле, сравнивая, так сказать, одно знание с другим, мы найдем, что сказанное может относиться только к тому из них, которое дало всему смертному роду понятие о числе. Я думаю, что его нам дал для нашего спасения скорее бог, чем какой-то случай» (Платон. Послезаконие, 976 с—е).

В космосе все определяется числовыми отношениями. Поэтому наука о числе лежит в основе всех наук о космосе. Она лежит как в основе учения о протяженных телах, так и в основе учения о душе.

Афинянин напоминает Клинию и Мегиллу о том, чему он учил их ранее, в «Законах», и добавляет: «Да, высказанное тогда было вполне истинным. Самым главным из этого было то, что любая душа старше любого тела. Помните ли вы это?» (Там же, 980 d).

После такого напоминания в «Послезаконии» следует:

«*Афинянин.* Скажи, разве не будет согласным с природой и вполне истинным утверждение, что живое существо возникает тогда, когда сочетание души и тела порождает единую форму?

Клиний. Верно. ⟨...⟩

Афинянин. ⟨...⟩ Итак, есть пять тел. Здесь надо назвать, во-первых, огонь, во-вторых — воду, в-третьих — воздух, в-четвертых — землю, в-пятых — эфир. Смотря по главенству того или иного тела, получается много разных живых существ. Для каждого отдельного случая это надо понимать так: прежде всего установим единый земной род; это — все люди, все многоногие и безногие животные, все, что способно передвигаться и пребывать на месте, будучи прикреплено корнями. Единство здесь надо мыслить так: все эти существа состоят из разных родов, но бóльшая часть каж-

дого из них состоит из земли и из твердой природы. В качестве другого рода живых существ следует установить тот, что также рождается и может быть видим. В нем всего больше огня, хотя есть также земля, воздух и незначительные доли всех остальных тел; поэтому надо признать, что из этого разряда возникают разнообразные и видимые живые существа. Надо опять-таки думать, что таков род живых существ на небе: весь божественный род звезд — им уделено прекраснейшее тело и блаженнейшая и наилучшая душа» (Там же, 981 а—е).

В этом отрывке описаны два крайних рода живых существ, но всего их пять: «Далее надо попытаться сказать о трех средних родах из пяти, находящихся между указанными двумя. Они всего более ясны на основании обычных представлений. После огня мы поместим эфир и установим, что душа образует из него живые существа, обладающие той же силой, что и остальные роды, причем они большей частью состоят из своей собственной природы и лишь в небольшой части образованы при помощи сопряжения со свойствами остальных родов. После эфира душа образует другой род живых существ из воздуха и третий род из воды» (Там же, 984 b—c).

Вот какие роды живых существ наполняют вселенную. Из всех этих родов афинянина больше всего интересуют небесные светила. Иначе говоря, его больше всего интересует астрономия. Движения небесных светил строго упорядочены в числовом отношении, так что наука о числе является одной из основных составных частей астрономии. В «Послезаконии» обсуждаются законы перемещения Солнца, Луны и других звезд по небосклону.

Афинянин еще раз напоминает о том, что небесные светила суть боги, что они оказывают воздействие на дела людей, что их надо почитать. Таким образом, астрономия — это, с одной стороны, теология, а с другой — наука о благочестии.

Вспомним, чтó говорил афинянин в седьмой книге «Законов»: «Итак, для свободных людей остаются еще три предмета обучения: счет и арифметика составляют один предмет; измерение длины, плоскости и глубины — второй; третий касается взаимного движения небесных светил и свойственных их природе круговращений. Трудиться над досконапьным изучением всего этого большинству людей не надо, но только лишь некоторым. Кому же именно — об этом у нас пойдет речь потом, под самый конец: там это будет уместнее (Платон. Законы, VII, 817 е—818 а).

Речь об этом пошла в «Послезаконии». Теперь нам ясно, кому именно надо трудиться над доскональным изучением арифметики,

геометрии и астрономии. Это нужно тем, кто готовит себя к тому, чтобы стать членом Ночного собрания.

Вот как завершается «Послезаконие»: «Но люди божественные, рассудительные и причастные по своей природе всей остальной добродетели, а вдобавок еще овладевшие всем, что имеет отношение к блаженной науке (мы уже указали, в чем это состоит), — такие люди, и только они одни, получают в удел обладание всеми божественными дарами. Итак, людям, именно таким образом потрудившимся (мы сейчас говорим об этом частным порядком, но одновременно устанавливаем это в качестве государственного закона), и следует предоставлять главные государственные должности, лишь только они достигнут преклонного возраста. 〈...〉 Мы же, достаточно распознав и проверив членов Ночного собрания, призываем их всех к наилучшему пониманию этой мудрости» (Платон. Послезаконие, 992 с—е).

Ночное собрание... Может быть наличие этого всесильного верховного органа власти в придуманном Платоном государстве делает это последнее ближе все-таки к олигархии, а не к демократии, несмотря на наличие в нем всевозможных выборов. И вообще: наличие такого бесконтрольного и всемогущего Ночного собрания вызывает большие опасения и подозрения. Что если оно не будет добродетельным? Ведь тогда государство Платона может легко превратиться в наихудшую из всех возможных олигархий и диктатур. Члены Ночного собрания беспрепятственно смогут тогда править государством, руководствуясь исключительно собственным произволом. Они легко смогут сделать все выборы фиктивными, на все государственные должности протащить своих ставленников, с противниками же их режима, не торопясь, в свое удовольствие расправляться по ночам.

Как предотвратить подобное? У Платона есть лишь одно единственное средство. Это — его догма: человек разумный и знающий по необходимости добродетелен. Опираясь на свою беспредельную веру во всемогущество знания, Платон и предлагает в «Законах» и «Послезаконии» грандиозную программу всестороннего обучения членов Ночного собрания, с которой мы ознакомились выше.

Все у Платона держится лишь на одном, шатком, с точки зрения других мыслителей, основании: на убеждении в том, что всякий, кто пройдет до конца курс предлагаемого Платоном обучения, тот автоматически сделается добродетельным человеком и станет творить только добро. Если же то, на что надеется Платон, не осуществится, если его программа обучения не сможет сделать

всех членов Ночного собрания образцами добродетели, то весь его проект развалится, как карточный домик.

Но что если все будет так, как предполагает Платон, и его программа обучения сделает-таки всех членов Ночного собрания добродетельными? Что за люди будут тогда править государством? Ответ на этот вопрос таков: им будут править люди, овладевшие всеми знаниями, которые только могут быть доступны смертным, иначе говоря — философы. В Ночном собрании будут заседать одни лишь философы.

Таким образом, в новой критской колонии найдет свое воплощение давняя мечта Платона, которую он высказывал и в «Государстве», и в других диалогах, мечта о том, чтобы не кто иной, как философы, правили государством.

Но тогда, коль скоро государством, созданным по проекту афинянина, Клиния и Мегилла, управляет собрание одних только мудрых и добродетельных людей, правильнее, наверное, будет сказать, что оно ближе не к олигархии, а к аристократии, если мы вспомним о той классификации государственных режимов, которая приводится в диалоге Платона «Политик» и в трактате Аристотеля «Политика».

Трудно сказать, насколько серьезно Платон верил в возможность сделать описанное им в «Законах» законодательство действующим реально в каком-либо из городов Эллады. По-видимому, у него все-таки была мечта осуществить что-то подобное в Сиракузах. Мы уже упоминали о его поездках к Дионисию и дружбе с Дионом. О том, что упомянутую мечту он лелеял и позже, свидетельствует его письмо близким и друзьям Диона, участвовавшим в борьбе за власть в Сиракузах уже после смерти самого Диона.

Речь идет о письме Платона, которому присвоен восьмой номер. В нем философ дает совет своим адресатам как бы от имени покойного Диона. Он советует им принять определенные меры для прекращения междоусобиц в Сиракузах. Сначала речь заходит о сане царя, затем — о других политических реалиях: «Если род Дионисия и Гиппарина захочет для вас и ради спасения Сицилии положить конец теперешним бедствиям, приняв и для себя, и для своего рода и на нынешние, и на будущие времена этот сан, вы на этих условиях, как было сказано раньше, пригласите старцев, каких они пожелают, и дайте им полномочия решать вопросы мира — будут ли эти старцы из местных жителей, или чужеземцы, или те и другие вместе, причем количество их будет такое, относительно которого они между собой согласятся. Пусть эти старцы, придя, прежде всего издадут законы и установят такое правление,

в котором царям будет дано полномочие принесения жертв и любое другое, приличествующее бывшим благодетелям государства. А руководителями в вопросах войны и мира надо сделать стражей законов, числом тридцать пять, избрав их совместно с народом и советом. Другие судебные обязанности пусть будут в руках других, но смерть и изгнание пусть присуждаются этими тридцатью пятью стражами. В дополнение к этим пусть будут избраны другие судьи, каждый раз из числа должностных лиц прошлого года — одного от каждой должности, проявившего себя лучшим и самым справедливым. Все они в течение следующего года должны служить судьями в делах, касающихся смерти, заключения и изгнания граждан. Царю же в делах подобного рода не полагается быть судьей, потому что он, являясь жрецом, должен быть чистым от убийств, изгнаний и заключений» (Платон. Письма, VIII, 356 с—е).

Согласитесь, что кое-что похожее на то, что предлагается в этом письме сиракузанам, мы уже встречали в «Законах». Правда, царей там нет, зато старцам, издающим законы, в диалоге соответствуют афинянин, Клиний и Мегилл. Стражи законов имеются и тут, и там, причем в примерно равном количестве: если в письме их — тридцать пять, то в диалоге — тридцать семь. И там, и здесь они избираются с участием народа. И там, и здесь есть совет. И там, и здесь налицо судебные органы. Очевидно, что если бы письмо было длиннее и обстоятельнее, то сходств между его содержанием и содержанием «Законов» могло бы быть больше.

Похоже на то, что практический политик никогда не умирал в Платоне. Избрав полем своей деятельности Сиракузы, он всю жизнь ждал момента, когда политическая ситуация в них сложится так, что он сможет лично начать осуществлять в этом городе свои преобразования. Не исключено, что он видел себя одним из членов сиракузского Ночного собрания. К сожалению для Платона, он так и не дождался вожделенного момента: возможности стать законодателем Сиракуз ему не представилось.

ЗАКОНЫ

Афинянин, Клиний, Мегилл

КНИГА ПЕРВАЯ

Афинянин. Бог или кто из людей, чужеземцы, был виновником 624
вашего законодательства?

Клиний. Бог, чужеземец, бог, говоря по правде. У нас это Зевс, у лакедемонян же, откуда родом Мегилл, я полагаю, назовут Аполлона.[1] Не так ли?

Мегилл. Да.

Афинянин. Неужели ты утверждаешь, согласно Гомеру, что
Минос каждые девять лет отправлялся для бесед к своему отцу и, b
сообразно его откровениям, устанавливал законы для ваших государств?[2]

Клиний. У нас в самом деле рассказывают это, а также и то, что брат Миноса Радамант — конечно, вам знакомо это имя — был в
высшей степени справедлив.[3] О нем мы, критяне, сказали бы, что 625
он по праву заслужил эту похвалу своим тогдашним правосудием.

Афинянин. Прекрасная слава, вполне подобающая сыну Зевса. Так как вы оба, ты и Мегилл, воспитаны в покоящихся на законах нравах, я надеюсь, что мы не без удовольствия совершим наш путь, беседуя о нынешнем государственном устройстве и о законах.
Во всяком случае дорога из Кноса к гроту и святилищу Зевса,[4] b
как мы слышали, для этого подходит: по пути, верно, встречаются тенистые места под высокими деревьями, где можно будет отдохнуть от этого зноя. В наши лета нам следует часто делать передышки в подобных местах и так полегоньку совершить весь путь, ободряя друг друга речами.

Клиний. К тому же, чужеземец, когда мы немного пройдем вперед,
нам встретятся в рощах удивительно высокие и красивые ки- c
парисы, а также и луга, где мы сможем передохнуть и побеседовать.

Афинянин. Ты прав.

Предварительные проблемы. Основной принцип законодательства

Клиний. Да, но, когда мы их увидим, мы еще
не так о них отзовемся. Однако отправимся,
в добрый час!

Афинянин. Да будет так! Скажи мне, с какой
целью закон установил у вас совместные
трапезы, гимнасии[5] и ваш способ вооружения?

Клиний. Я думаю, чужеземец, всякий легко поймет наши уста-
d новления. Ведь вы видите природу местности всего Крита: это не
равнина, как Фессалия.[6] Поэтому-то фессалийцы больше пользуют-
ся конями, мы же передвигаемся пешком. Неровность местности
более подходящая для упражнения в беге; из-за нее и оружие по не-
обходимости должно быть легким, чтобы не обременять при беге,
для этого по своей легкости кажутся подходящими лук и стрелы.
e Все это у нас приспособлено к войне, и законодатель, по-моему,
установил все, принимая в соображение именно войну; так он ввел
сисситии, имея в виду, мне кажется, что на время походов сами об-
стоятельства вынуждают всех иметь общий стол — ради собствен-
ной своей безопасности. Он заметил, я думаю, неразумие большин-
ства людей, не понимающих, что у всех в течение жизни идет непре-
рывная война со всеми государствами. Если же на войне, во имя
безопасности, следует иметь общий стол и надо, чтобы стражами
626 были какие-то начальники и их подчиненные, люди организо-
ванные, то именно так надо поступать и в мирное время. Ибо то, что
большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от
природы существует вечная непримиримая война между всеми го-
сударствами.[7] Став на эту точку зрения, ты, пожалуй, найдешь, что
критский законодатель установил все наши общественные и част-
ные учреждения ради войны; он заповедал охранять законы именно
b согласно с этим, так как никакое достояние, никакое занятие, вооб-
ще ничто не принесет никому пользы, если не будет победы на вой-
не: ибо все блага побежденных достаются победителю.

Афинянин. Мне кажется, чужеземец, ты прекрасно подготов-
лен, чтобы постичь критские законы. Но разъясни мне еще вот что:
c из данного тобой определения благоустроенного государства вы-
текает, насколько я могу судить, что его надо устроять так, чтобы
оно побеждало на войне остальные государства. Не так ли?

Клиний. Конечно. Я думаю, и Мегилл того же мнения.

Мегилл. Как же иначе, мой друг, мог бы ответить любой лаке-
демонянин?

Афинянин. Но это положение, верное для взаимоотношений
государств, не может ли оказаться иным, когда речь пойдет об от-
ношениях поселков?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Значит, оно одинаково верно в обоих случаях?

Клиний. Да.

Афинянин. Что же? Оно одинаково в приложении к отношениям и между двумя домами одного поселка, и между двумя людьми?

Клиний. Одинаково.

Афинянин. Должен ли думать каждый человек, что он сам себе d
враг, или не должен? Что сказать на это?

Клиний. Афинский чужеземец, — я не хотел бы назвать тебя «аттическим», так как, мне кажется, ты скорее достоин быть назван по имени богини,[8] — ты сделал яснее нашу беседу, правильно вернув ее к началу. Так тебе легче будет обнаружить правильность нашего нынешнего утверждения, что все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый — с самим собой.

Афинянин. Что ты разумеешь, удивительный ты человек? e

Клиний. И здесь тоже, чужеземец, победа над самим собой есть первая и наилучшая из побед. Быть же побежденным самим собой всего постыднее и хуже. Это и показывает, что в каждом из нас происходит война с самим собой.

Афинянин. Давайте снова изменим течение нашей беседы. Так
как каждый из нас либо сильнее самого себя, либо слабее, то ста- 627
нем ли мы утверждать то же самое по отношению к домам, поселкам, государствам или нет?

Клиний. Ты говоришь, что одни из них сильнее самих себя, другие — слабее?

Афинянин. Да.

Клиний. Ты правильно поставил вопрос, ибо это целиком и полностью приложимо и к государствам. О том государстве, где лучшие побеждают большинство худших, правильно было бы сказать, что оно одерживает победу над самим собой и в высшей степени справедливо заслуживает хвалы за эту победу; в противном же случае происходит противоположное.

Афинянин. Однако оставим в стороне вопрос, может ли худшее b
оказаться сильнее лучшего (ведь это требует более длинного рассуждения). Теперь я понимаю твои слова: если связанные родством несправедливые граждане одного государства сойдутся в большом количестве с целью насильно поработить не столь многочисленных справедливых граждан и если они одержат над теми верх, то правильно можно было бы сказать, что подобное государство ниже самого себя и что вместе с тем оно и порочно. Наоборот,

где несправедливые терпят поражение, там государство сильнее и лучше.[9]

c *Клиний.* Сказанное тобой, чужеземец, весьма необычно. Тем не менее совершенно необходимо это принять.

Афинянин. Конечно. Обсудим и следующее: может родиться много братьев, сыновей от одних и тех же отца и матери; однако не будет ничего удивительного, если большинство из них окажется несправедливыми и лишь меньшинство — справедливыми.

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Ни мне, ни вам не подобало бы гоняться за словами, утверждая, что всякий дом и всякая семья, где дурные люди одерживают верх, должна считаться побежденной самой собой, в про-
d тивном же случае — победившей. Ведь не ради благообразия или безобразия слов ведем мы это рассуждение сообразно с пониманием большинства людей, но рассуждаем о том, что в законах правильно по природе и что ошибочно.

Клиний. Ты сказал, чужеземец, сущую правду.

Мегилл. Прекрасно. Я также присоединяюсь к только что сказанному.

Афинянин. Рассмотрим же еще вот что: не может ли оказаться кто-либо судьей над упомянутыми нами братьями?

Клиний. Конечно, может.

Афинянин. Какой же судья будет лучше: тот ли, который погу-
e бит дурных из них и постановит, чтобы хорошие властвовали над собой сами, или тот, кто достойных заставит властвовать, худших же, оставив им жизнь, добровольно повиноваться? Представим себе еще третьего, состязающегося в умении, судью, который
628 был бы таким, что, взяв подобную терзаемую раздорами семью, никого бы не погубил, но примирил бы их, установив на будущее время такие законы их взаимоотношений, чтобы они были друзьями.

Клиний. Подобный судья и законодатель был бы несравненно лучше.

Афинянин. Между тем он, давая им законы, имел бы в виду не войну, а как раз противоположное.

Клиний. Это правда.

Афинянин. А устроитель государства? Станет ли он устроять жизнь, обращая больше внимания на внешнюю войну, чем на
b внутреннюю, называемую междоусобием? Последнее случается время от времени в государствах, хотя всякий очень хотел бы, чтобы междоусобий вовсе не было в его государстве, или, раз уж они возникли, то чтобы они как можно скорее прекратились.

Клиний. Очевидно, устроитель государства будет иметь в виду именно междоусобия.

Афинянин. Что предпочитает всякий: то ли чтобы в случае междоусобия мир был достигнут путем гибели одних и победы других, или же чтобы дружба и мир возникли вследствие примирения и чтобы все внимание было, таким образом, неизбежно обращено на внешних врагов? c

Клиний. Всякому хотелось бы, чтобы с его государством случилось последнее.

Афинянин. Не так ли и законодателю?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Не правда ли, всякий стал бы устанавливать законы ради наилучшей цели?

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. А ведь самое лучшее — это не война, не междоусобия: не дай бог, если в них возникнет нужда; мир же — это всеобщее дружелюбие. И победа государства над самим собой относится, конечно, не к области наилучшего, но к области необходимого. d
Это все равно как если бы кто стал считать наилучшим такое состояние тела, когда оно страждет и ему достается в удел врачебное очищение, и не обратил бы внимания на состояние тела, когда оно в этом совсем не нуждается. Точно так же не может стать настоящим государственным человеком тот, кто, имея в виду благополучие всего государства и частных лиц, будет прежде всего и только обращать внимание на внешние войны. Не окажется он и хорошим законодателем, разве только станет устанавливать законы, касающиеся войны, ради мира, а не законы, касающиеся мира, ради военных действий. e

Клиний. Кажется, чужеземец, это рассуждение правильно. Однако я удивляюсь, что наши, а также лакедемонские законоположения, столь тщательные, установлены вовсе не ради этого.

Афинянин. Возможно. Но теперь не время нам их сурово оспа- 629
ривать. Нам должно спокойно задавать им вопросы, так как и мы, и они относимся к этому с величайшей серьезностью. Следите, прошу вас, за моим рассуждением. Возьмем сперва Тиртея,[10] афинянина родом, но приобретшего лакедемонское гражданство. Ведь среди всех он с особенным рвением относится к войне, говоря:

Ни во что не считал бы и не помянул бы я мужа,[11]

даже если бы он был самым богатым из людей и обладал многими b
благами (здесь поэт перечисляет чуть ли не все блага), если только

он не будет всегда отличаться в военном деле. Эти стихи, конечно, слышал и ты, Клиний, Мегилл же, я думаю, прямо-таки ими пресыщен.

Мегилл. Конечно.

Клиний. Да и к нам они перекочевали из Лакедемона.

Афинянин. Давайте же теперь все сообща спросим этого поэта
c примерно так: «О Тиртей, божественнейший из поэтов! Ты кажешься нам мудрым и благим за то, что ты отлично прославил отличившихся на войне. Мы — я, Мегилл и этот вот житель Кноса Клиний — вполне, по-видимому, с тобой в этом согласны. Но нам хочется точно узнать, говорим ли мы о тех же самых лицах, что и ты, или нет. Итак, скажи нам: не правда ли, ты так же, как мы, ясно различаешь два вида войны? Или ты смотришь иначе?» На это, я ду-
d маю, даже тот, кто гораздо ниже Тиртея, ответит правду, т. е. что есть два вида войны: первый вид, который мы все называем междоусобием, как мы только что сказали, самый тягостный; второй же, как все мы, думаю я, считаем, это война в случае раздора с внешними иноплеменными врагами; этот вид гораздо безобиднее первого. Клиний. Без сомнения.

Афинянин. «Скажи-ка, каких людей и какой вид войны ты разумел, столь превознося, прославляя одних и порицая других?
e По-видимому, ты думал о внешней войне. По крайней мере ты сказал в своих стихах, что не выносишь тех, кто не отваживается

...взирать на кровавое дело
И не стремится с врагом в бой рукопашный вступать.[12]

Разве мы не вправе после этого утверждать, что и ты, Тиртей, видимо, всего более прославляешь тех, кто отличился во внешней войне с иноземцами?» Пожалуй, он признается в этом и согласится с нами.

Клиний. Конечно.

630 *Афинянин.* Такие люди прекрасны, но гораздо лучше, добавим мы, те, кто отличился во втором, величайшем виде войны. В свидетельство мы можем привести поэта Феогнида, гражданина сицилийских Мегар, который говорит:

Злата ценнее, о Кирн, серебра бесконечно дороже
Тот, кто верным пребыл в междоусобной войне.[13]

Мы утверждаем, что подобный человек во время более тяжкой войны несравненно лучше первого, чуть ли не настолько, насколь-
b ко справедливость, рассудительность и разумность, соединенные

с мужеством, лучше отдельно взятого мужества. Ибо во время междоусобий никак нельзя остаться верным и здравомыслящим, не обладая всей добродетелью в совокупности. Между тем многие из наемников — большая их часть, за редчайшими исключениями, люди смелые, но несправедливые, наглые и чуть ли не самые неразумные из всех — готовы бодро идти сражаться и даже умереть в той войне, о которой говорит Тиртей.[14]

Но какова теперь цель этого нашего рассуждения и что мы
этим хотим разъяснить? Очевидно, что и здешний, критский зако- c
нодатель, поставленный Зевсом, как и любой другой хоть на
что-то годный, устанавливал законы, более всего имея в виду вы-
сшую добродетель. Эта высшая добродетель и заключается, по
словам Феогнида, в сохранении верности среди опасностей, ее мож-
но назвать совершенной справедливостью.[15] А та добродетель, ко-
торую всего более прославляет Тиртей, хотя и прекрасна, да, кстати,
и приукрашена поэтом, однако самое правильное было бы поста-
вить ее, в смысле силы и ценности, лишь на четвертое место.[16] d

Клиний. Чужеземец, неужели мы поместим нашего устроителя среди законодателей второго сорта?

Афинянин. Не его, дорогой мой, но нас самих, если мы полагаем, будто Ликург и Минос установили все лакедемонские и здешние законы, имея в виду преимущественно войну.

Клиний. Но что же мы должны утверждать?

Афинянин. По-моему, истинно и справедливо утверждать, бе-
седуя о божественном государстве, что устроитель, устанавливая e
в нем законы, имел в виду не одну часть добродетели, притом са-
мую ничтожную, но всю добродетель в целом; сообразно с ее вида-
ми он и исследовал законы, а не так, как это делают нынешние за-
конодатели, исследующие произвольно установленные виды.
Ведь теперь каждый исследует и устанавливает то, в чем у него в
данное время нужда: один — законы о наследовании и дочерях-на-
следницах,[17] другой — об оскорблениях действием, третий —
что-либо иное подобное, и так до бесконечности. Мы же утверж- 631
даем, что правильный путь исследования законов есть тот, на ко-
торый вступили мы. Я весьма восхищен твоей попыткой истолко-
вания законов (ибо правильно начать именно с добродетели и
утверждать, что ради нее-то и установил устроитель свои законы).
Что же касается твоих слов, будто он законодательствовал, сооб-
разуясь лишь с частью добродетели, и притом с самой малой, это
показалось мне неверным, и потому-то я и предпринял все даль-
нейшее рассуждение. Хочешь, я скажу тебе, как мне было бы же-
лательно, чтобы ты рассуждал, а я слушал? b

Клиний. Конечно, чужеземец.

Афинянин. Надо было бы сказать так: «Критские законы, чуже-
земец, недаром особенно славятся среди эллинов. Они правильны,
так как делают счастливыми тех, кто ими пользуется, предостав-
ляя им все блага. Есть два рода благ: одни — человеческие, дру-
гие — божественные. Человеческие зависят от божественных.
И если какое-либо государство получает бóльшие блага, оно одно-
c временно приобретает и меньшие, в противном же случае лишает-
ся и тех и других. Меньшие блага — это те, во главе которых стоит
здоровье, затем идет красота, на третьем месте — сила в беге и
в остальных телесных движениях, на четвертом — богатство,
но не слепое, а зоркое, спутник разумности. Первое же и главенст-
вующее из божественных благ — это разумение; второе — сопут-
ствующее разуму здравое состояние души; из их смешения с му-
жеством возникает третье благо — справедливость; четвертое
d благо — мужество. Все эти блага по своей природе стоят впереди
тех, и законодателю следует ставить их в таком же порядке. Затем
ему надлежит убедить сограждан, что все остальные предписания
имеют в виду именно это, то есть земные блага обращены на боже-
ственные, а все божественные блага направлены к руководящему
разуму. Законодателю следует позаботиться о браках, соединяю-
e щих людей, затем — о рождении детей и воспитании как мужчин,
так и женщин от ранних лет и до зрелых — вплоть до старости. Он
должен заботиться о том, чтобы почет, как и лишение его, были
справедливыми, наблюдать людей во всех их взаимоотношениях,
интересоваться их скорбями и удовольствиями, а также всевоз-
632 можными вожделениями и страстями, своевременно выражая им
порицание и похвалу посредством самих законов. И что касается
гнева и страха, то есть душевных потрясений, которые происходят
вследствие несчастья или вследствие освобождения от них при
счастье, а также всех состояний, которые бывают с людьми во вре-
мя болезней, войны, бедности и при противоположных обстояте-
льствах, — в отношении всего этого законодателю следует и поу-
b чать граждан, и определять, чтó хорошо и чтó дурно в каждом от-
дельном случае. Потом законодателю необходимо оберегать
достояние граждан и их расходы и знать, в каком они положении;
следить за всеми добровольными и недобровольными сообщест-
вами и их расторжениями и знать, насколько при этом выполняют-
ся взятые на себя взаимные обязательства. Законодатель должен
наблюдать, где осуществляется справедливость, а где нет; он дол-
жен установить почести тем, кто послушен законам, а на ослушни-
c ков налагать положенную кару, и так до тех пор, пока не рассмот-

рит до конца все государственное устройство вплоть до того, каким образом должно в каждом отдельном случае погребать мертвых и какие уделять им почести. Обозрев все это, законодатель поставит надо всем этим стражей, из которых одни будут руководствоваться разумением, другие — истинным мнением, так чтобы разум, связующий все это, явил рассудительность и справедливость вопреки богатству и честолюбию». Мне, чужеземцы, d
раньше да и по сей день желательно было, чтобы вы именно так разобрали, каким образом все это содержится в так называемых законах Зевса и Пифийского Аполлона, установленных Миносом и Ликургом, и каким путем все это получает известную стройность: для человека, сведущего в законах благодаря ли искусству или какому-то навыку, это вполне очевидно, нам же, всем остальным, далеко не ясно.

Клиний. Как же дóлжно излагать дальнейшее, чужеземец?

Афинянин. Мне думается, нам надо начать все сызнова, как мы и делали, и прежде всего разобрать обычаи, касающиеся мужества. e
Затем, если хотите, мы перейдем к другому виду добродетели, а потом — к третьему. Способ, которым мы станем разбирать первый вид добродетели, возьмем за образец и с его помощью попытаемся истолковать остальные ее виды, доставляя себе этим в пути утешение. Под конец же, если богу угодно, мы покажем, как все то, что мы теперь разобрали, относится к добродетели в целом.

Мегилл. Прекрасно сказано; прежде всего попытайся привлечь 633
к суду Клиния, этого нашего хвалителя Зевса.

Афинянин. Попробую, а также тебя и себя самого. Ведь наше рассуждение общее. Итак, скажите, утверждаем ли мы, что совместные трапезы и гимнасии законодатель изобрел для войны?

Мегилл. Да.

Афинянин. Что же еще третье и четвертое? Ведь для обозначения частей добродетели — впрочем, их можно называть и иначе, лишь бы ясен был смысл — нам, пожалуй, понадобится подобное перечисление.

Мегилл. Я, да и любой лакедемонянин сказал бы, что третьей b
была изобретена охота.

Афинянин. Попытаемся, если только сможем, указать четвертое и пятое.

Мегилл. Я попытался бы поставить на четвертом месте выносливость в перенесении боли; это у нас часто случается в драках и при кражах, сопровождающихся всякий раз побоями.[18] Кроме того, подобную выносливость чудесно воспитывает и так называемая криптия,[19] с нею связано хождение зимой босиком, спанье без c

постелей, обслуживание самого себя без помощи слуг, скитание ночью и днем по всей стране. Представляется случай проявить чрезвычайную выносливость и на наших гимнопедиях,[20] где приходится преодолевать силу зноя, да и очень многое другое, что перечислять было бы, пожалуй, бесконечно долго.

Афинянин. Ты говоришь хорошо, лакедемонский гость! Но
d скажи мне, что будем мы считать мужеством? Лишь борьбу со страхом и страданием или же и с тоской, с удовольствиями, с ужасными, обольстительными соблазнами, которые делают мягкими, точно воск, души даже и тех людей, что считают себя неприступными?

Мегилл. Я думаю, что борьбу со всем этим.

Афинянин. Припомним же предшествующие рассуждения. Клиний утверждал, что и государство, и отдельный человек могут быть ниже самих себя. Не так ли, кносский гость?

Клиний. Разумеется, так.

e *Афинянин.* Теперь, кого мы назовем дурным: того ли, кто побежден страданиями, или скорее того, кто побежден удовольствиями?

Клиний. Мне кажется, последнего. Ведь все мы признаём, что тот, над кем властвуют удовольствия, оказывается ниже самого себя, и притом несравненно более постыдным образом, чем тот, кем владеет страдание.

634 *Афинянин.* Неужели же законодатели Зевса и Аполлона Пифийского своими законами требовали увечного мужества, способного сопротивляться лишь слева, а справа, по отношению к тонким обольщениям, бессильного? Или они требовали и того и другого?

Клиний. И того и другого, по-моему.

Афинянин. Не показать ли нам теперь, какие обычаи в обоих ваших государствах хотя и позволяют не избегать удовольствий, как не избегнешь и страдания, однако умеряют их, принуждая и
b убеждая при помощи наград властвовать над ними? Где именно в законах содержатся те же постановления об удовольствиях, что и об огорчениях? Пусть будет указано, что делает у вас одних и тех же людей одинаково мужественными как по отношению к боли, так и по отношению к удовольствиям и заставляет их побеждать то, что следует побеждать, ничуть не подчиняясь самым близким и грозным врагам.

Мегилл. Пожалуй, чужеземец, мне не удастся указать на значительные и ясные законы, касающиеся удовольствий, как я это мог
c сделать при наличии многих законов, противопоставленных скор-

би. Но, быть может, я смогу указать на кое-какие мелкие узаконения.

Клиний. Точно так же и я вряд ли смогу указать на что-либо подобное в критских законах.

Афинянин. В этом нет ничего удивительного, лучшие из чужеземцев! Однако не станем раздражаться, но отнесемся мягко друг к другу, если кто из нас, желая отыскать истину и высшее благо, подвергнет порицанию что-либо в законах родины.

Клиний. Ты прав, афинский гость! Надо тебя послушаться.

Афинянин. К тому же это не подошло бы и к нашим летам, Кли- d
ний.

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Надо было бы особо исследовать, правильно ли порицают государственный строй Лакедемона и Крита или же нет. А то, что говорит об этом большинство, я сам смог бы высказать, и, пожалуй, в большей мере, чем вы. Ведь у вас — хотя вообще-то ваши законы составлены надлежащим образом — в особенности превосходен один закон, запрещающий молодым людям исследовать, что́ в законах хорошо и что нет, и повелевающий всем едино- c
гласно и вполне единодушно соглашаться с тем, что в законах все хорошо, ибо они установлены богами; иные же утверждения вовсе не следует допускать. Если у вас что-либо подобное придет в голову человеку старому, он может высказать свое мнение должностному лицу или человеку своих лет, но только не в присутствии юноши.

Клиний. Ты совершенно прав, чужеземец; мне кажется, ты, словно прорицатель, хорошо разгадал тогдашнее намерение зако- 635
нодателя — хотя ты и не был там — и верно его выразил.

Афинянин. Не правда ли, мы ничуть не погрешим против этого правила, если между собой, уединясь, станем рассуждать именно об этом? Ведь законодатель позволил это людям нашего возраста, да и к тому же здесь нет молодых людей.

Клиний. Это правда. Поэтому смело укажи на слабые стороны наших законов. Ведь нет ничего бесчестного в познании плохого; наоборот, случается, что это служит к исцелению, если прини- b
мается благосклонно и без зависти.

Афинянин. Прекрасно. Однако я не стану порицать ваши законы, прежде чем по мере сил не рассмотрю их основательно. Я только выскажу свои недоумения. Ведь из всех эллинов у вас одних да еще, насколько нам известно, у варваров законодатель постановил воздерживаться от величайших удовольствий и забав и не отведывать их. Относительно же страданий и страха он полагал именно

c так, как мы только что разобрали: если человеку, с малолетства полностью их избегавшему, придется столкнуться с неизбежными трудами, страхами и страданиями, он будет обращен в бегство и порабощен людьми, во всем этом, искушенными. Я полагаю, то же самое мог думать этот законодатель и об удовольствиях. Он должен был сказать самому себе так: «Если граждане с малолетства будут у нас несведущи в самых больших удовольствиях, не станут упражняться в их преодолении так, чтобы сладостное стремление к удовольствиям не могло побудить их к совершению позорных поступков, то с ними случится то же самое, что и с теми, кто уступает страху. Иным, но еще более постыдным образом подчинятся
d они тем, кто умеет господствовать над удовольствиями и приобрел потребные для этого навыки, несмотря на то что иной раз это люди попросту скверные. Душа граждан станет в чем-то рабской и лишь отчасти свободной, они вообще не будут достойны называться свободными и мужественными людьми».

Итак, смотрите, одобряете ли вы до известной степени что-либо из только что сказанного?

e *Клиний.* Твои мысли казались нам убедительными, пока ты их излагал. Однако сразу поверить тебе в столь важных вопросах было бы достойно скорее неразумного юноши.

Афинянин. Клиний и лакедемонский гость! Если мы продолжим наш разбор в том порядке, какой мы предложили раньше, то есть если после мужества станем говорить о рассудительности, то какую разницу заметим мы между этими государствами и теми, что управляются кое-как? Ведь мы только что заметили разницу
636 между ними в деле войны.

Мегилл. Это не так-то просто. Пожалуй, сисситии и гимнасии прекрасно изобретены для обеих этих добродетелей.

Афинянин. По-видимому, чужеземцы, трудно в вопросах государственного устроения установить и на деле, и на словах что-либо бесспорное. Кажется, это подобно тому, как для одного человеческого тела невозможно установить один какой-либо образ жизни, который не оказался бы отчасти для него вредным, отчасти
b полезным, хотя он один и тот же. Точно так же гимнасии и сисситии во многом приносят пользу государствам еще и поныне; однако в смысле междоусобий они вредны. Это явствует из поступков милетской, беотийской и фурийской молодежи.[21] К тому же, вероятно, эти учреждения извратили существующий не только у людей, но даже и у животных древний и сообразный с природой закон, касающийся любовных наслаждений. И в этом можно винить прежде всего ваши государства, а также и те из остальных госу-

дарств, где более всего привились гимнасии. Как бы ни смотреть c
на подобные вещи, шутливо ли или серьезно, приходится заметить, что наслаждение от соединения мужской природы с женской, влекущего за собой рождение, уделено нам от природы, соединение же мужчины с мужчиной и женщины с женщиной — противоестественно и возникло как дерзкая попытка людей, разнузданных в удовольствиях.[22] Мы все порицаем критян за то,
что они выдумали миф о Ганимеде.[23] Так как они были убеждены, d
что их законы происходят от Зевса, они и сочинили о нем этот миф, чтобы вслед за богом срывать цветы и этого наслаждения. Однако распростимся с мифом. Когда люди исследуют законы, почти все рассмотрение вращается вокруг удовольствий и страданий как в государственной жизни, так и в частной. Природа предоставила течь этим двум потокам. Когда из них черпают как надо,
когда надо и сколько надо, то счастливы одинаково и государство, e
и частные лица, и всякое живое существо, но когда это делают невежественно, да к тому же и не вовремя, тогда людям выпадает на долю иная жизнь.

Мегилл. Чужеземец! Хоть сказанное тобой в каком-то отношении прекрасно, мы не в силах найти слова для достойного ответа. Мне все-таки кажется правильным, что лакедемонский законодатель повелевает избегать удовольствий. Что же касается кносских законов, то пусть придет им на помощь Клиний, если ему угодно.
Мне кажется, спартанские постановления относительно удоволь- 637
ствий — лучшие в мире. Ибо наш закон вообще изгоняет из пределов страны то, под влиянием чего люди более всего подпадают сильнейшим удовольствиям, бесчинствам и всяческому безрассудству. Ни в селениях, ни в городах, о которых пекутся спартиаты, ты не увидишь нигде пиршеств и того, что после них неудержимо влечет к удовольствиям всякого рода, и каждый, кто
встретит пьяного гуляку, сейчас же налагает на него величайшее b
наказание, которое уж не снимут под предлогом Дионисийских празднеств.[24] А у вас видел я как-то повозки с такими гуляками, да и в Таранте[25] у наших поселенцев видел я во время Дионисий весь город пьяным. У нас же ничего подобного не бывает.

Афинянин. Все это и тому подобное, лакедемонский гость, достойно похвалы, если только сопровождается известным самообладанием; где же царит распущенность, там это тем более нелепо.
Впрочем, любой афинянин мог бы легко задеть тебя, указав на рас- c
пущенность ваших женщин. Как в Таранте, так и у нас, и у вас все это может быть разрешено, мне кажется, одним словом: это не плохо, а правильно. Удивленному же чужеземцу, видящему нео-

бычное для себя зрелище, всякий может ответить: «Не удивляйся, чужеземец! Таков у нас закон. У вас, быть может, есть закон иной,
d но о том же самом». Дорогие друзья, речь идет у нас теперь не о прочих людях, но о добродетели и недостатках самих законодателей. Поэтому разберемся подробнее в вопросе об опьянении. Ведь это обычай немаловажный и требует для своего распознания недюжинного законодателя. Я не говорю о том, надо ли вообще пить вино или нет, но только об опьянении: надо ли относиться к этому, как скифы, персы, карфагеняне, кельты, иберы, фракийцы — все
e это племена воинственные, — или же так, как вы? Как ты говоришь, вы от этого обычая воздерживаетесь полностью, скифы же и фракийцы употребляют вообще несмешанное вино[26] — как сами, так и их жены; они льют его на свои одежды и считают этот обычай благим и счастливым. Персы весьма привержены этому обычаю, да и вообще они склонны к роскоши, которую вы отвергаете, однако все это у них более упорядочено, чем у остальных.

638 *Мегилл.* Бесценный мой, мы обращаем в бегство всех их, лишь только берем оружие в руки.

Афинянин. Дорогой мой, не говори так! Ведь сплошь и рядом причины бегства и преследования остаются, да и будут оставаться невыясненными. Поэтому не стоит ссылаться на победу или поражение в битвах, точно они служат ясным, а не сомнительным показателем обычаев хороших и плохих. Ведь бóльшие государства
b побеждают в сражениях и порабощают меньшие, как, например, сиракузцы локров (несмотря на то что последние слывут за обладающих наилучшими в тех местах законами), афиняне — кеосцев;[27] можно было бы найти тысячи таких примеров. Поэтому отложим в сторону победы и поражения и попытаемся говорить о каждом обычае самом по себе, чтобы убедиться, что одно прекрасно, другое же плохо. Однако прежде всего выслушайте несколько слов, как, по моему мнению, надо рассматривать, что хорошо, а что нет в этих обычаях.

c *Мегилл.* Что ты разумеешь?

Афинянин. Мне кажется, все, кто готов сразу, лишь только услышат упоминание о каком-либо обычае, порицать его или хвалить, поступают совершенно не так, как надо. Это все равно как если бы кто, лишь только при нем похвалят пшеничный хлеб,[28] стал бы тотчас же ругать хлеб, не допытываясь ни о производимом им действии, ни об его употреблении, а также не зная, каким образом, кому, с какой иной пищей и в каком состоянии надо его
d употреблять. Так же точно, кажется мне, поступаем мы теперь в наших рассуждениях. Услышав одно лишь упоминание об опья-

нении, одни тотчас стали его порицать, другие — хвалить; все это совершенно неуместно. Каждый из нас пытался это делать при помощи свидетелей и хвалителей. Одни из нас, опираясь на большинство, полагали, что высказывают господствующее мнение; другие основывались на том, что мы видим, как побеждают в сражениях те, кто не употребляет вина. Однако в свою очередь и это у нас осталось невыясненным. Если мы и каждое из остальных уза- e
конений будем разбирать таким образом, то, по-моему, это будет неразумно. Я хочу говорить о том же самом, то есть об опьянении, но иным образом — тем, который мне кажется надлежащим, если только я смогу выяснить для нас правильный способ исследования всех подобных вопросов. К тому же по этому поводу сотни и тысячи племен находятся в разногласии с вашими двумя государствами и могли бы, пожалуй, словесно с вами сразиться.

Мегилл. Конечно, если есть какой-либо правильный путь для 639
рассмотрения подобных вопросов, не надо медлить с их обсуждением.

Афинянин. Давайте рассмотрим это следующим образом: если бы кто стал хвалить разведение коз и само это животное как прекрасное приобретение, а другой, увидев, что козы пасутся на обработанной земле без пастуха и причиняют там вред, стал бы их ругать и порицать так же всякое другое живое существо, не имеющее над собой начальника или имеющее его, но плохого, то, скажи, признали бы мы порицание подобного человека хоть сколько-нибудь здравым?

Мегилл. Конечно, нет.

Афинянин. Можем ли мы считать начальника корабля пригод- b
ным, если он только обладает знанием морского дела, но еще неизвестно, подвержен ли он морской болезни или нет? Что скажешь на это?

Мегилл. Никоим образом нельзя считать его пригодным, если он обладает кроме своего искусства еще и той слабостью, о которой ты говоришь.

Афинянин. А начальник войска? Способен ли он начальствовать, если обладает знанием военного дела, но в то же время труслив и при опасностях, опьяненный страхом, страдает головокружением?

Мегилл. Как можно!

Афинянин. Но если бы он и не обладал искусством и был бы к тому же трусом?

Мегилл. Ты говоришь о совершенно негодном человеке, начальнике не над мужчинами, а над какими-то бабами.

c *Афинянин.* Что же, если кто хвалит или порицает какое-либо сообщество, которое по своей природе должно иметь начальника, чтобы быть полезным, и он никогда не видел правильного руководства и отношений в этом сообществе, но всегда наблюдал его либо в состоянии безначалия, либо с дурными начальниками, признаем ли мы дельными похвалу или порицание со стороны подобных наблюдателей этих сообществ?

Мегилл. Как можно! Ведь они никогда не видели ни одного из
d этих сообществ в правильном действии и не были к ним близки.

Афинянин. Так имей это в виду! Не признаём ли мы совместно пирующих и самые эти пиршества одним из видов многочисленных этих сообществ?

Мегилл. Вполне признаём.

Афинянин. Но разве кто видел когда-нибудь правильный порядок этих пиршеств? Вам-то легко ответить, что никогда и никто. Вам они чужды, у вас они не узаконены. Но я часто бывал на мно-
e гих пиршествах да и, к слову сказать, много о них расспрашивал; и даже я никогда не видел и не слышал, чтобы какой-либо пир, весь целиком, прошел как следует, — разве только лишь в малой и незначительной своей части; в большинстве же случаев все совершается, так сказать, превратно.

Клиний. Что ты этим хочешь сказать, чужеземец? Выразись яснее! Ведь мы, как ты говоришь, даже если нам случится
640 быть на пиру, вряд ли сможем, ввиду нашей неопытности, сразу распознать, что происходит там надлежащим образом, а чтó — нет.

Афинянин. Естественно. Но попробуй понять это с помощью моих указаний. Ты понимаешь, что на всяких собраниях, во всяких обществах, каковы бы ни были их занятия, должен быть надлежащий начальник?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Мы сейчас сказали, что начальник над воинами должен быть мужествен.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Ведь мужественный человек меньше труса подвержен смятению под влиянием страха.

b *Клиний.* И это так.

Афинянин. Если было бы какое-то средство поставить во главе войска полководца, совершенно не подверженного страху и смятению, неужто мы не постарались бы изо всех сил сделать это?

Клиний. Постарались бы, и очень.

Афинянин. Теперь же у нас речь не о начальнике войска, место которого на войне, при враждебных столкновениях, но о начальнике дружелюбия и мирных взаимоотношений, наступающих между друзьями.

Клиний. Верно.

Афинянин. Подобного рода общение, особенно если ему со- c
путствует опьянение, не происходит без шума. Не так ли?

Клиний. Разумеется, и еще какого!

Афинянин. Стало быть, и здесь прежде всего должен быть начальник?

Клиний. Еще бы! Больше, чем где бы то ни было!

Афинянин. Не дóлжно ли, если это возможно, поставить таким начальником человека, не склонного к шуму?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И очевидно, он должен разумно относиться к по-
добным собраниям. Ведь ему надо не только быть на страже при- d
сущей им дружбы, а еще и заботиться об ее укреплении через это
общение.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Не правда ли, надо ставить начальником над нетрезвыми человека трезвого, мудрого, а не наоборот. Ведь если над нетрезвыми будет поставлен пьяный, юный, неразумный начальник, он лишь благодаря очень счастливой случайности не наделает страшных бед.

Клиний. Да, то был бы поистине счастливый случай.

Афинянин. Если бы такого рода общения происходили в госу-
дарствах по мере сил правильно, а кто-то стал бы порицать самый e
этот обычай, то, быть может, его порицание было бы обоснованно.
Если же этот обычай ругают за полнейшее его извращение, то от-
сюда явствует, что не сознают, во-первых, свойственной ему не-
правильности, а во-вторых, того, что все оказывается скверным,
если происходит подобным образом, то есть без трезвого хозяина
и распорядителя. Разве ты не замечаешь, что пьяный кормчий и во-
обще всякий нетрезвый начальник — чем бы он ни распоряжал-
ся — опрокидывает вверх дном корабли, колесницы, войско — 641
все, чем он управляет.

Клиний. Ты молвил истинную правду, гость. Скажи нам еще, что хорошего принесет нам законное и правильное свершение пиров? Как мы сейчас сказали, если войско находится под правильным руководством, то, кто за таким военачальником следует, одерживает победу, а это немалое благо. Точно так же и в остальных случаях. Ну, а правильно поставленные пиршест-

b ва — какие преимущества дадут они частным лицам или государствам?

Афинянин. А какие преимущества принесет, могли бы мы спросить, государству один правильно воспитанный мальчик или хорошо поставленный хор? На это мы ответили бы: от одного-то государство получило бы малую пользу. Но если вы спрашиваете вообще, какая выгода государству от воспитания тех, кто воспитан, то нетрудно ответить, что хорошо воспитанные дети легко
c станут хорошими людьми и, став такими, и все остальное будут делать прекрасно, в том числе и побеждать в битвах врагов.[29] Воспитание ведет и к победе, победа же иной раз — к невоспитанности. Ведь многие, обнаглев из-за одержанных на войне побед, под влиянием этой наглости преисполнены множеством пороков. Воспитание никогда не оказывалось Кадмовым, победы же часто для людей бывают и будут такими.[30]

Клиний. Как нам кажется, друг мой, ты утверждаешь, будто со-
d вместный досуг за чашей вина имеет большое значение в воспитании, если при этом все совершается правильно.

Афинянин. Конечно.

Клиний. А сможешь ли ты затем доказать истинность своего утверждения?

Афинянин. Доказать, чужеземец, что поистине дело обстоит именно так, мог бы, ввиду частых сомнений, один только бог. Но я охотно укажу, почему, как мне кажется, следует это утверждать. К тому же ведь мы приступили сейчас к рассуждению о законах и государственном устройстве.

Клиний. Именно твое мнение по вопросам, вызывающим ныне
e так много сомнений, мы и хотели бы знать.

Афинянин. Нам надлежит поступить так. Вы постарайтесь усвоить, а я попробую так или иначе разъяснить свою мысль. Сперва выслушайте вот что: все эллины считают, что наше государство словоохотливо и многословно, что же касается Лакедемона, то он немногословен, а на Крите развивают скорее многомыс-
642 лие, чем многословие.[31] Я боюсь, как бы вы не подумали, что о предмете незначительном — об опьянении — я говорю много, распространяясь в длиннейших рассуждениях о столь малозначительной вещи. Однако в рассуждении было бы невозможно с достаточной ясностью охватить вопрос о сообразном с природой исправлении пиршеств, если не принять во внимание правильных основ мусического искусства.[32] Равным образом и мусическое искусство нельзя понять без всего в совокупности воспитания. А все это требует длиннейших рассуждений. Решите же, как нам посту-

пить: не оставить ли пока этот вопрос и не перейти ли к рассмотре- b
нию какого-либо другого закона?
Мегилл. Чужеземец-афинянин! Ты, может быть, не знаешь, что
мой домашний очаг связан узами гостеприимства[33] с вашим госу-
дарством. Пожалуй, у всех нас, кто в детстве слышит о том, что он
гость такого-то государства, с ранних лет появляется чувство рас-
положения к нему — своей второй после родного города родине.
По крайней мере я испытываю это. Ведь с детства, если я слышал, c
как лакедемоняне за что-либо порицали или хвалили афинян, гово-
ря: «Вот какое скверное (или прекрасное) по отношению к нам
деяние совершило, Мегилл, это ваше государство», я постоянно
спорил, защищая вас, с теми, кто вас порицал. Я всегда был распо-
ложен к афинянам, мне и посейчас приятны звуки вашего говора;
мне кажется вполне правильным утверждение многих, что хоро-
шие афиняне особенно хороши. Ибо только их добродетель возни-
кает без принуждения, сама собой; божество уделяет им ее, так что d
в ней поистине нет ничего искусственного. Поэтому не бойся пре-
пятствий с моей стороны; выскажи все, что тебе дорого.
Клиний. Точно так же, чужеземец, прими и выслушай мое сло-
во, а затем смело говори что хочешь. Быть может, ты слышал
здесь, на Крите, об Эпимениде, этом божественном муже.[34] Он был
наш сородич. За десять лет до персидских войн прибыл он в Афи-
ны и принес там, согласно повелению бога, предписанные богом e
жертвы. Как раз в то время афиняне опасались персидского наше-
ствия. Он им предсказал, что персы придут не раньше чем через
десять лет, а когда придут, будут отражены, вовсе не осуществив
своих надежд и потерпев бедствий больше, чем причинив их. С тех
пор наши предки заключили с вами союз гостеприимства; отсюда
и вытекает мое к вам расположение, а также и моих родителей. 643
Афинянин. Вы, как я вижу, готовы меня слушать. С моей же
стороны есть желание говорить, но исполнить его не так-то легко,
однако попробуем. Прежде всего сообразно с ходом нашего рас-
суждения определим, что такое воспитание и каковы его свойства.
Ведь мы согласились, что впредь в нашем рассуждении надо идти
именно этим путем, пока он не приведет нас к богу вина.
Клиний. Конечно, поступим так, если тебе это нравится.
Афинянин. Я буду разъяснять, что́ надо разуметь под воспита- b
нием, а вы смотрите, согласны ли вы со мной.
Клиний. Говори же!
Афинянин. Я говорю и утверждаю, что человек, желающий
стать достойным в каком бы то ни было деле, должен с ранних лет
упражняться, то забавляясь, то всерьез, во всем, что к этому отно-

сится. Например, кто хочет стать хорошим земледельцем или до-
мостроителем, должен еще в играх либо обрабатывать землю,
c либо возводить какие-то детские сооружения. Их воспитатель дол-
жен каждому из них дать небольшие орудия — подобия настоя-
щих. Точно так же пусть он сообщит им начатки необходимых зна-
ний, например строителя пусть научит измерять и пользоваться
правилом, воина — ездить верхом и так далее, все это путем игры.
Пусть он пытается при помощи этих игр направить вкусы и склон-
ности детей к тому занятию, в котором они должны впоследствии
достичь совершенства. Самым важным в обучении мы признаём
d надлежащее воспитание, вносящее в душу играющего ребенка лю-
бовь к тому, в чем он, выросши, должен стать знатоком и достичь
совершенства. Смотрите же, одобряете ли вы все до сих пор выска-
занное?

Клиний. Вполне.

Афинянин. Не оставим также без определения того, что мы ра-
зумеем под воспитанием. Ведь теперь, порицая или хваля воспи-
тание отдельных лиц, мы называем одних из нас воспитанными,
e а других — нет, причем иной раз прилагаем это обозначение и к
людям, вся воспитанность которых заключается в умении вести
мелкую или морскую торговлю и в других подобных сноровках.
В нашем рассуждении мы, очевидно, подразумеваем под воспита-
нием не это, а то, что с детства ведет к добродетели, заставляя че-
ловека страстно желать и стремиться стать совершенным гражда-
нином, умеющим согласно справедливости подчиняться или же
644 властвовать. Только это, кажется мне, можно признать воспита-
нием согласно данному в нашей беседе определению. Воспита-
ние же, имеющее своим предметом и целью деньги, могущество
или какое-нибудь иное искусство, лишенное разума и справедли-
вости, низко и неблагородно, да и вовсе недостойно носить это
имя. Мы не станем спорить сами с собой о названиях. Пусть лишь
останется в силе наше нынешнее рассуждение, в котором мы
согласились, что люди, получившие правильное воспитание,
b становятся, пожалуй, хорошими, и нельзя недооценивать воспи-
танность, ибо она — самое прекрасное из того, что имеют лучшие
люди. Если же воспитание отклонится от своего пути, но его мож-
но выправить, всякий по мере сил должен это делать в течение
всей своей жизни.

Клиний. Это верно. Мы согласны с твоими словами.

Афинянин. Еще раньше мы согласились, что те, кто может вла-
ствовать над собой, хороши, а кто нет, дурны.

Клиний. Ты вполне прав.

Афинянин. Давайте повторим яснее, чтó мы тогда с сказали. Позвольте мне с помощью уподобления разъяснить вам это по c
мере сил.

Клиний. Пожалуйста.

Афинянин. Не признаём ли мы, что каждый из нас — это единое целое?

Клиний. Да.

Афинянин. Но каждый имеет в себе двух противоположных и неразумных советчиков: удовольствие и страдание.

Клиний. Так оно и есть.

Афинянин. К ним присоединяются еще мнения относительно
будущего, общее имя которым «надежда». В частности, ожидание d
скорби называется страхом, ожидание удовольствия — отвагой. Над всем этим стоит разум, решающий, что из них лучше, что хуже; он-то, став общим установлением государства, получает название закона.

Клиний. Хоть я и с трудом за тобой поспеваю, все же считай, что я следую за тобой, и продолжай.

Мегилл. И со мной то же самое.

Афинянин. Об этом мы станем размышлять так: представим себе, что мы, живые существа, — это чудесные куклы богов, сде-
ланные ими либо для забавы, либо с какой-то серьезной целью,[35] e
ведь это нам неизвестно; но мы знаем, что внутренние наши состояния, о которых мы говорили, точно шнурки или нити, тянут и влекут нас каждое в свою сторону и, так как они противоположны, увлекают нас к противоположным действиям, что и служит разграничением добродетели и порока. Согласно нашему рассуждению, каждый должен постоянно следовать только одному из влечений, ни в чем от него не отклоняясь и оказывая противодействие
остальным нитям, а это и есть златое и священное руководство ра- 645
зума, называемое общим законом государства. Остальные нити — железные и грубые; только эта нить нежна, хотя она и златая, те же подобны разноóбразным видам. Следует постоянно помогать прекраснейшему руководству закона. Ибо разум, будучи прекрасен, кроток и чужд насилия, нуждается в помощниках при своем руководстве, так, чтобы в нас золотой род побеждал остальные роды.
Этот миф о том, что мы куклы, способствовал бы сохранению b
добродетели; как-то яснее стало бы значение выражения «быть сильнее или слабее самого себя». Что же касается государства и частного человека, то этот последний принял бы за истину слово о руководящих нитях и счел бы нужным жить сообразно ему; государство же, приняв это слово от богов или же от познавшего все

это человека, сделает его законом как для своих внутренних отношений, так и при сношениях с остальными государствами. Таким образом, порок и добродетель будут у нас яснее разграничены.
c Когда это станет нагляднее, то и воспитание и остальные обычаи станут, пожалуй, яснее, в том числе и вопрос о том, стоит ли проводить время, предаваясь вину. Раньше показалось, что по поводу столь незначительного предмета сказано было слишком много слов; теперь же может оказаться, что вопрос этот не так уж недостоин этих длинных рассуждений.

Клиний. Прекрасно сказано. Приведем наше рассуждение к достойному концу.

d *Афинянин.* Итак, скажи: если мы предоставим подобной кукле опьяняться, в какое состояние мы ее приведем?

Клиний. Что ты имеешь в виду, спрашивая так?

Афинянин. Ничего, кроме следующего: что случится, если одно соединится с другим? Попытаюсь еще яснее выразить свою мысль. Я спрашиваю следующее: не делает ли питье вина более сильными удовольствия, страдания, гнев, любовь?

Клиний. И даже очень.

e *Афинянин.* А наши ощущения, память, мнения, мысли? Становятся ли они точно так же сильнее, или же человек, предаваясь чрезмерному пьянству, совершенно лишается их?

Клиний. Совершенно лишается.

Афинянин. Не правда ли, такой человек возвращается к состоянию души, какое ему было свойственно в младенчестве?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И тогда он всего менее может собой владеть. Клиний.

646 *Клиний.* Да, всего менее.

Афинянин. Но разве это будет не никчемнейший человек?

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Так что, видимо, не одни только старики снова впадают в детство, но также и люди пьяные?

Клиний. Ты верно заметил, гость.

Афинянин. Есть ли доказательство, убеждающее нас, что надо отведать этого обычая, а не избегать его изо всех сил?

Клиний. Видимо, есть. По крайней мере ты утверждаешь это и даже был готов доказать.

b *Афинянин.* Ты верно напомнил. Я готов и сейчас это сделать, ведь вы оба выразили живое желание меня слушать.

Клиний. Как же нам не желать? Если уж не ради чего иного, так ради удивительного и странного утверждения, будто человеку следует добровольно впадать в самое мерзкое состояние.

Афинянин. Ты разумеешь состояние души, не так ли?

Клиний. Да.

Афинянин. Ну а тело, мой друг? Удивимся ли мы, если кто по доброй воле опускается до негодности, худобы, срама, бессилия? c

Клиний. Как не удивляться!

Афинянин. Так что же? Станем ли мы думать, будто те, кто обращается к врачам, не знают, что прием лекарств уже вскоре сделает их тело надолго таким, что они согласились бы лучше умереть, если бы им предстояло до конца своих дней пребывать в подобном состоянии? И разве нам неизвестно, что те, кто занимается тяжелыми гимнастическими упражнениями, становятся сперва точно больными.

Клиний. Мы все это знаем.

Афинянин. А также и то, что они добровольно идут на это ради последующей пользы?

Клиний. Конечно. d

Афинянин. Но разве не надо и об остальных обычаях мыслить таким же образом?

Клиний. Да, надо.

Афинянин. В том числе и относительно того времяпрепровождения, когда люди предаются вину, если мы только правильно рассмотрели приведенные примеры.

Клиний. Без сомнений.

Афинянин. Итак, если окажется, что вино по своей пользе ничуть не хуже телесных упражнений, то у него будет перед ними еще и то преимущество, что они вначале сопряжены с болью, оно же нет.

Клиний. В этом-то ты прав, но я был бы удивлен, если бы мы e смогли усмотреть в нем какую-то пользу.

Афинянин. Вот это мы теперь и должны попытаться разъяснить. Скажи мне, можем ли мы мыслить два чуть ли не противоположных вида страха?

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Следующие: мы боимся зол, ожидаемых нами.

Клиний. Да.

Афинянин. И боимся мы нередко чужого мнения — как бы нас не сочли за дурных людей, если мы совершаем или говорим что-либо нехорошее. Этот вид, страха мы — да думаю, что и все,— 647 называем стыдом.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Вот о каких двух видах страха я говорил. Из них второй противоположен боли и остальным страхам; равным обра-

зом он противоположен и большинству величайших удовольствий.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Неужели же законодатель, да и всякий мало-мальски полезный человек не станет благоговейнейшим образом чтить этот страх? И, назвав его совестливостью, не обозначит
b ли он противоположную ей отвагу как бесстыдство, которое он сочтет величайшим злом для всех как в частной, так и в общественной жизни?

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Не правда ли, ничто — если только мы станем сравнивать каждое в отдельности — не доставляет нам столько великих преимуществ, в том числе победы и спасения на войне, как именно этот вид страха. Ведь есть две причины победы: отвага перед неприятелем и страх злого стыда перед друзьями.

Клиний. Это так.

Афинянин. Следовательно, каждый из нас должен стать и бесстрашным, и вместе с тем подверженным страху. Мы уже разобра-
c ли, почему это так.

Клиний. Да, вполне.

Афинянин. Желая сделать каждого человека бесстрашным, мы достигнем этого, согласно с законом, тем, что поставим его лицом к лицу со множеством разных страхов.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Ну а если мы хотим вселить в кого-либо справедливый страх? Разве не столкнем мы его с бесстыдством для того, чтобы он наловчился побеждать свои удовольствия? А кто хочет достичь совершенства в мужестве, не должен ли бороться с прису-
d щей ему трусостью и не должен ли ее победить? Ведь тот, кто не упражнялся и неопытен в подобной борьбе — все равно, кто бы он ни был, — не станет по отношению к добродетели и наполовину тем, кем он должен бы стать. Кто же может стать вполне рассудительным, — тот ли, кто борется со множеством удовольствий и вожделений, увлекающих к бесстыдным, несправедливым поступкам, и побеждает их разумом, действием и искусством как во время развлечений, так и в серьезных делах, или же тот, кто вовсе не подвержен всему этому?

Клиний. Последнее маловероятно.

e *Афинянин.* Так что же? Дал ли некий бог людям зелье, возбуждающее в них страх, и, чем больше кто станет его пить, тем несчастнее станет он себя считать с каждым глотком? Он будет
648 страшиться и настоящего, и всего будущего, так что даже самый

мужественный человек в конце концов будет охвачен ужасом; когда же он выспится и отрезвится, он снова станет самим собой.

Клиний. О каком напитке, принятом у людей, можем мы это утверждать, чужеземец?

Афинянин. Ни о каком. Но если бы такое средство откуда-нибудь взялось, разве не было бы оно полезно законодателю для испытания мужества? Мы могли бы в таком случае сказать ему, например, следующее: «Скажи, законодатель, дающий закон критянам или кому-то другому, не хотел бы ты прежде всего иметь b средство испытывать граждан — их мужество и трусость?»

Клиний. Ясно: всякий скажет, что хотел бы.

Афинянин. «Далее. Хочешь ли ты испытать это средство осторожно и без больших опасностей или же наоборот?»

Клиний. И тут любой согласится, что лучше осторожно.

Афинянин. «Не воспользуешься ли ты этим напитком, чтобы, возбудив страх, наблюдать, кто каким оказался в таком состоянии, принудить человека стать бесстрашным, прибегая к увещаниям, c внушениям и поощрениям и покрывая бесчестьем того, кто тебя не послушается и не станет во всем таким, как ты приказал? Не отпустишь ли ты без наказания того, кто хорошо и мужественно упражнялся, а тому, кто делал это плохо, не назначишь ли наказание? Или ты совсем не станешь пользоваться таким напитком, хотя нет никаких поводов его порицать?»

Клиний. Как же ему не пользоваться, чужеземец, этим напитком?

Афинянин. Это было бы, друг мой, легчайшим испытанием в сравнении с нынешними упражнениями в гимнастике. Его можно всегда применить к отдельным лицам, к немногим и вообще к какому угодно числу людей. Если кто-либо из стыдливости счи- d тал бы, что не должно показываться, пока не усовершенствуешься, и стал бы наедине упражняться в борьбе со страхом, пользуясь вместо тысячи других средств только этим напитком, он поступил бы правильно. Кто верит самому себе, что он и природой, и своими заботами хорошо подготовлен, тот ничуть не побоится упражняться на виду, вместе со многими сотрапезниками. Он поступит правильно, потому что преодолеет и победит силу неизбежного e действия[36] напитка; ни в чем важном он не будет поколеблен непристойностью и вследствие своей добродетели ни в чем не изменится. Но пусть он остерегается излишеств в питье, боясь той победы, какую одерживает этот напиток над всеми людьми.

Клиний. Да, чужеземец, поступающий так выказал бы свою рассудительность.

649 *Афинянин.* Скажем же снова законодателю вот что: «Да, о законодатель, ни бог не дал людям такого зелья для возбуждения страха, ни сами мы не изобрели его, — ибо здесь нет речи о магах на пиру. Но напиток, возбуждающий бесстрашие, чрезмерную отвагу, к тому же несвоевременную, недóлжную, существует ли он? Или как мы скажем?»

Клиний. Существует, скажет он, имея в виду вино.

Афинянин. «Не есть ли этот напиток полная противополож-
b ность первому? Сперва он делает человека, который его пьет, снисходительным к самому себе; и чем больше он его отведывает, тем большими исполняется надеждами на благо и на свою мнимую силу. В конце же концов он преисполняется словесной несдержанностью, точно он мудр, своеволием и совершенным бесстрашием, так что, не задумываясь, говорит и делает все, что угодно. С этим, я думаю, согласится всякий».

Клиний. Конечно.

Афинянин. Вспомним еще следующее. Мы сказали, что в на-
c ших душах дóлжно воспитывать два чувства: первое — чувство чрезмерной отваги, второе, наоборот, — чрезмерного страха.

Клиний. Если не ошибаемся, это то, что ты назвал совестливостью.

Афинянин. Вы прекрасно помните. Так как мужество и бесстрашие дóлжно развивать среди страха, то спрашивается, не следует ли воспитывать противоположные качества среди того, что противоположно страху?

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Итак, по-видимому, в тех состояниях, испытывая которые мы по своей природе становимся смелыми и отважными,
d и надо упражняться, как можно менее преисполняясь бесстыдством и дерзостью и боясь совершить, испытать или сказать что-либо постыдное.

Клиний. Похоже, что так.

Афинянин. Вот все, что делает нас такими: гнев, страсть, наглость, невежество, корыстолюбие, трусость. Кроме того, еще: богатство, красота, сила и все пьянящее наслаждением и делающее нас безрассудными. Можем ли мы назвать какое-нибудь другое удовольствие, кроме испытания вином и развлечениями, более приспособленное к тому, чтобы сперва только взять пробу, деше-
e вую безвредную, всех этих состояний, а уж затем в них упражняться? Конечно, при этом необходимы некоторые предосторожности.

Обсудим же, как лучше испытать сварливую и вялую душу, из которой рождаются тысячи несправедливостей: путем ли личных

с ней общений, причем нам будет грозить опасность, или же путем
наблюдений на празднестве Дионисий? Чтобы испытать душу че- 650
ловека, побеждаемого любовными наслаждениями, вверим ли мы
ему собственных дочерей, сыновей и жен, подвергая опасности
самые дорогие для нас существа, только для рассмотрения склада
его души? Приводя тысячи подобных примеров, можно было бы
говорить бесконечно в пользу того, насколько лучше это безвред-
ное распознавание во время забав. Мы полагаем, ни критяне, ни
другой кто не могут сомневаться, что это весьма удобный способ b
испытать друг друга. К тому же он превосходит остальные спосо-
бы испытаний своей дешевизной, безопасностью и быстротой.

Клиний. Это верно.

Афинянин. Распознавание же природы и свойств душ было бы одним из самых полезных средств для того искусства, которое о них печется. А мы, я полагаю, признаём, что это относится к искусству государственного правления. Не так ли?

Клиний. Несомненно.

КНИГА ВТОРАЯ

Мусическое (хороводное) восприятие как необходимое условие истинного законодательства

Афинянин. После этого надо, конечно, рас- 652
смотреть следующий вопрос: приносит ли
правильно поставленное употребление вина
на пиршествах только одно это благо, то
есть возможность распознать природные
качества человека, или же есть еще одно
великое преимущество, достойное всяческого усердия? Как мы
скажем? Да, есть и еще одно преимущество; так, по-видимому,
следует из нашего рассуждения. Но в чем оно состоит — вот что
нам нужно рассмотреть со вниманием, чтобы не запутаться в этом b
вопросе.

Клиний. Итак, говори!

Афинянин. Я хочу вспомнить то, что ранее мы назвали пра- 653
вильным воспитанием. Ибо я догадываюсь, что упомянутое нами
преимущество существует благодаря этому правильно поставлен-
ному обычаю.

Клиний. Ты говоришь о чем-то очень важном.

Афинянин. Я утверждаю, что первые детские ощущения — это удовольствие и страдание, и благодаря им сперва и проявляются в душе добродетель и порок. Что же касается разумения и прочных истинных мнений, то счастлив тот, в ком они проявляются хотя бы

в старости. Ведь кто обладает ими и всеми зависящими от них
b благами, тот — совершенный человек. Я называю воспитанием добродетель, проявляющуюся первоначально в детях. Если удовольствие, чувство дружбы, скорбь и ненависть возникнут надлежащим образом в душах людей, еще неспособных отнестись к ним разумно, то впоследствии, получив эту способность, они станут согласовывать с разумом эти правильно полученные ими навыки. Эта-то согласованность и есть вся добродетель в совокупности. Ту же часть добродетели, которая касается удовольствия и страда-
c ния, которая надлежащим образом приучает ненавидеть от начала до конца то, что следует ненавидеть, и любить то, что следует любить, — эту часть можно выделить в рассуждении и не без основания, по-моему, назвать ее воспитанием.

Клиний. Думается, ты прав, чужеземец, в своих прежних и нынешних замечаниях относительно воспитания.

Афинянин. Прекрасно! Итак, верно направленные удовольствия и страдания составляют воспитание; однако в жизни людской они во многом ослабляются и извращаются. Поэтому боги из со-
d страдания к человеческому роду, рожденному для трудов, установили взамен передышки от этих трудов божественные празднества, даровали Муз, Аполлона, их предводителя, и Диониса[1] как участников этих празднеств, чтобы можно было исправлять недостатки воспитания на празднествах с помощью богов.[2] Итак, повторяю, надо рассмотреть, истинно ли и согласно ли с природой наше нынешнее утверждение. Мы утверждали, что любое юное существо не может, так сказать, сохранять спокойствия ни в теле,
e ни в голосе, но всегда стремится двигаться и издавать звуки, так что молодые люди то прыгают и скачут, находя удовольствие, например, в плясках и играх, то кричат на все голоса. У остальных живых существ нет ощущения нестройности или стройности в движениях, носящей название гармонии и ритма. Те же са-
654 мые боги, о которых мы сказали, что они дарованы нам как участники наших хороводов, дали нам чувство гармонии и ритма, сопряженное с удовольствием.[3] При помощи этого чувства они движут нами и предводительствуют нашими хороводами, когда мы объединяемся в песнях и плясках. Хороводы (χοροῦς) были названы так из-за внутреннего сродства их со словом «радость» (χαρᾶς).

Не согласимся ли мы прежде всего с этим и не установим ли, что первоначальное воспитание совершается через Аполлона и Муз? Как вам думается?

Клиний. Да, так.

Афинянин. Следовательно, мы скажем, что тот, кто не упражнялся в хороводах, человек невоспитанный, а кто достаточно в них упражнялся, тот воспитан. b

Клиний. Конечно.

Афинянин. Искусство хоровода в целом состоит из песен и плясок.[4]

Клиний. Несомненно.

Афинянин. Поэтому хорошо воспитанный человек должен уметь прекрасно петь и плясать.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Посмотрим же, что означают эти только что сказанные слова.

Клиний. Какие?

Афинянин. Он прекрасно поет, сказали мы, и прекрасно пляшет. Не добавим ли мы, что это лишь тогда будет прекрасно, если c
он поет и пляшет что-то прекрасное?

Клиний. Добавим.

Афинянин. А также и другое условие: он должен считать прекрасным то, что действительно прекрасно, и безобразным то, что действительно безобразно, и эти свои убеждения применять на деле. Не будет ли такой человек лучше воспитан в смысле мусического искусства и искусства хороводов, чем тот, кто не радуется прекрасному и не питает ненависти к дурному, хотя и умеет иной раз удачно служить телодвижениями и голосом тому, что он признает прекрасным? Верно, все-таки лучше тот, кто не слишком d
исправен в голосе и телодвижениях, но правильно следует удовольствиям и скорби и таким путем приветствует прекрасное и отвергает дурное?

Клиний. Между ними, чужеземец, большая разница в воспитании.

Афинянин. Не правда ли, если бы мы все трое узнали, что́ именно прекрасно в пении и пляске, мы надлежащим образом отличили бы человека воспитанного от невоспитанного. Если же мы не будем этого знать, то вряд ли сможем определить, что и как способствует сохранению воспитания. Не так ли? e

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. И вот после этого нам, точно собакам-ищейкам, надо разыскать, что́ прекрасно в телодвижениях, пляске, напеве и песне. Если же это от нас ускользнет, все наше рассуждение о правильном воспитании, эллинском или варварском, будет впустую.

Клиний. Да.

Афинянин. Хорошо! Какие же телодвижения и напевы надо
655 признать прекрасными? Скажи-ка: при одних и тех же, равно тяжелых, обстоятельствах схожими ли окажутся телодвижения и речи души мужественной и души трусливой?

Клиний. Как можно! Даже оттенок у них будет разный.

Афинянин. Отлично, друг мой! Ведь и в мусическом искусстве есть телодвижения и напевы. Но так как предметом этого искусства служат гармония и ритм, то оно может быть только ритмичным и гармоничным; поэтому совершенно неверно уподобление, которое делают учителя хоров, когда говорят о красочности напевов или телодвижений. Что же касается телодвижений и напевов человека трусливого или мужественного, то справедливо можно при-
b знать, что у мужественных они прекрасны, у трусливых — безобразны. Но чтобы не возникло у нас по этому поводу чрезмерного многословия, давайте просто признаем, что все телодвижения и напевы, выражающие душевную и телесную добродетель — ее самое или какое-либо ее подобие, — прекрасны, а все те, что выражают порок, безобразны.

Клиний. Твое предложение правильно; именно так пусть и будет теперь постановлено нами.

Афинянин. Вот еще что: с одинаковой ли радостью мы все уча-
c ствуем во всех хороводных плясках с или же вовсе нет?

Клиний. С совершенно неодинаковой.

Афинянин. Что же, скажем мы, вводит нас в заблуждение? Разве не одно и то же прекрасно для всех нас или же хотя на деле это так, но кажется нам, что не одно и то же? Никто не скажет, будто хороводы, выражающие порок, прекраснее хороводов, выражающих добродетель, и будто сам он радуется скверным телодвижениям, а остальные радуются какой-либо противоположной этому Музе. Впрочем, большинство утверждает, что степень получае-
d мого душой удовольствия и служит признаком правильности мусического искусства. Однако такое утверждение неприемлемо и совсем нечестиво. Вот что, по-видимому, вводит нас в заблуждение...

Клиний. Что именно?

Афинянин. Ввиду того что все относящееся к искусству — это воспроизведение поведения людей, их разнообразных поступков и обычаев при всяких обстоятельствах, так что путем подражания воспроизводятся все черты этого поведения, то естественно, что
e им в радуются, их хвалят и признают прекрасными, конечно, те люди, с природой или с привычками которых — либо с тем и другим вместе — согласуются как хороводные слова и напевы, так и

сами хороводы. Те же, природе, нравам или привычкам которых эти пляски противоречат, не могут ни радоваться им, ни их хвалить, но признают их безобразными. Наконец, у тех, кто имеет хорошие природные свойства, но обычаи, им противоположные, или же, наоборот, обычаи правильные, а природные свойства негодные, похвалы, высказываемые вслух, противоречат испытываемо- 656
му удовольствию. Так, они говорят, что иные хороводы дурны, хотя и доставляют удовольствие. Они стыдятся подобных телодвижений, стыдятся подобных песен перед людьми, которых они признают разумными, боясь, как бы не подумали, что они признают это прекрасным и потому так усердны; про себя же они всему этому радуются.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Не приносит ли это некоторого вреда тому, кто радуется безобразным телодвижениям и песням? Напротив, не получают ли некоторой пользы те, кто находит удовольствие в противоположном?

Клиний. Вероятно.

Афинянин. Только ли вероятно или же необходимо должно b
случиться с таким человеком то же самое, что бывает с теми, кто постоянно общается с испорченными и злыми людьми? Он не отталкивает их, а, наоборот, радуется им, они ему приятны; если же он их порицает, то только в шутку, точно его собственная никчемность лишь сон. В этом случае радующийся неизбежно уподобляется тем, кому он радуется, хотя он и стыдится их хвалить. Разве можно назвать большее благо или зло, возникновение которого неизбежно?

Клиний. Мне кажется, нельзя.

Афинянин. Но там, где законы прекрасны или будут такими c
впоследствии, можно ли предположить, что всем людям, одаренным творческим даром, будет дана возможность в области мусического воспитания и игр[5] учить тому, что по своему ритму, напеву, словам нравится самому поэту? Допустимо ли, чтобы мальчики и юноши, дети послушных закону граждан, подвергались случайному влиянию хороводов в деле добродетели и порока?

Клиний. Как можно! Это лишено разумного основания.

Афинянин. Однако в настоящее время именно это разрешается d
во всех государствах, кроме Египта.

Клиний. Какие же законы относительно этого существуют в Египте?

Афинянин. Даже слышать о них удивительно! Искони, видно, было признано египтянами то положение, которое мы сейчас вы-

сказали: в государствах у молодых людей должно войти в привычку занятие прекрасными телодвижениями и прекрасными песнями. Установив, что́ прекрасно, египтяне объявили об этом на свя-
e щенных празднествах и никому — ни живописцам, ни другому кому-то, кто создает всевозможные изображения, ни вообще тем, кто занят мусическими искусствами, — не дозволено было вводить новшества и измышлять что-либо иное, не отечественное. Не допускается это и теперь. Так что если ты обратишь внимание, то найдешь, что произведения живописи или ваяния, сделанные там десять тысяч лет назад[6] (и это не для красного словца — десять тысяч лет, а действительно так), ничем не прекраснее и не безобраз-
657 нее нынешних творений, потому что и те и другие исполнены при помощи одного и того же искусства.

Клиний. Это удивительно!

Афинянин. Да, в высшей степени мудрый закон для государства. В другом ты сможешь найти там и кое-что неудачное. Но это постановление относительно мусического искусства верно. Заслуживает внимания, что оказалось возможным и в таком деле установить, путем твердых законов, бодрящие песни, по своей природе ведущие к надлежащему. Это должно было быть делом бога или какого-либо божественного человека. Недаром египтяне утверж-
b дают, что песни эти, сохраняющиеся в течение столь долгого времени, — творение Исиды.[7] Как я уже сказал, если бы кто смог так или иначе схватить то, что в произведениях искусства есть надлежащего, ему надо было бы смело установить это как правило и закон. Ведь стремление к удовольствию или страданию, выражающееся в мусическом искусстве в поисках нового, не настолько, пожалуй, сильно, чтобы сгубить древние священные хороводы под предлогом, будто они устарели. По крайней мере в Египте это вовсе не могло случиться, совсем напротив.

c *Клиний.* Из нынешних твоих слов ясно, что это действительно так.

Афинянин. Отважимся же сказать, что применение мусического искусства и игр, сопряженных с плясками, правильно в том случае, если мы радуемся, когда поступаем хорошо, и, наоборот, когда радуемся, это значит, что мы хорошо поступаем. Не правда ли?

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. Ив то время, когда мы радуемся, мы не можем сохранять спокойствие?

Клиний. Это так.

d *Афинянин.* Наша молодежь и сама по себе готова водить хороводы, мы же, старшие, считаем более приличным коротать время,

глядя на них, радуясь их праздничным играм. Мы тоскуем по былой нашей ловкости, покинувшей нас теперь, и охотно устраиваем состязания для тех, кто всего более может пробудить в нас воспоминание о нашей молодости.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Станем ли мы считать сущим вздором высказываемое в наше время большинством мнение об участниках празднеств, гласящее, что надо считать самым мудрым и признать победителем того, кто всего более развеселит нас и заставит радоваться? На празднествах мы предаемся играм; поэтому будто бы дóлжно всего более почитать тех, кто сильнее развеселит большинство людей. Такой человек, как я только что сказал, должен будто бы получить победный приз. Разве неверно это мнение, раз- 658
ве неправильно было бы поступать именно так?

Клиний. Возможно, и правильно.

Афинянин. Но, дорогой мой, не станем поспешно судить о столь важном деле. Разберемся в нем и по частям обсудим его таким образом: если бы вдруг кто-нибудь попросту установил какое-либо состязание, не определив, будет ли оно гимнастическим, конным или мусическим; если бы он собрал всех находящихся в государстве, установил награды и сказал перед началом, что всякий желающий может выступить на этом состязании и цель этого состязания заключается только в том, чтобы доставить удовольствие, так что тот, кто всего более усладит зрителей (хоть и неясно, b
каким именно образом), этим-то и одержит победу и будет признан самым приятным участником состязания, — к чему привело бы подобное предисловие?

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Возможно, что один выступит с рапсодией,[8] как Гомер, другой — с песнями под кифару, третий — с какой-либо трагедией, четвертый — с комедией, и нет ничего удивительного, c
если кто выступит с кукольным театром и станет считать, что у него всего более данных для победы. И вот, если явятся такие состязающиеся и тысячи других им подобных, можем ли мы сказать, кому достанется по праву победа?

Клиний. Странный вопрос! Кто может тебе на него ответить со знанием дела, прежде чем он выслушает сам каждого из состязающихся?

Афинянин. А хотите, я отвечу на этот странный вопрос?

Клиний. Как?

Афинянин. Если бы судили малыши, они высказались бы в пользу кукольника. Не так ли?

d *Клиний.* Да.

Афинянин. Если бы судили подростки, то в пользу комедии; в пользу трагедии — образованные женщины, молодые люди и, пожалуй, чуть ли не большинство зрителей.

Клиний. Весьма возможно.

Афинянин. Мы же, старики, скорее всего присудили бы победу рапсоду, хорошо прочитавшему «Илиаду» или «Одиссею» или что-либо из Гесиода; ведь нам он доставит всего более удовольствия. Вот после этого и является вопрос: кто же на самом деле победитель? Правда ведь?

Клиний. Да.

e *Афинянин.* Очевидно, мы с вами неизбежно скажем, что на самом деле победил тот, кто признан людьми нашего возраста. Ведь наш образ мыслей кажется наилучшим из всех, встречающихся ныне повсюду в различных государствах.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Соответственно я соглашаюсь и с большинством, по крайней мере в том, что мерило мусического искусства — удовольствие. Однако прекраснейшей я признаю ту Музу, что доставляет наслаждение не первым встречным, но людям наилучшим, получившим достаточно хорошее воспитание, в особенности же
659 ту Музу, которая доставляет его человеку, выделяющемуся своей добродетелью и воспитанием. Мы потому утверждаем необходимость добродетели для тех, кто судит об этих вопросах, что им нужно быть причастными ко всей остальной разумности, особенно к мужеству. Ибо истинный судья не должен судить под влиянием театральных зрителей, не должен быть ошеломлен шумом толпы и своей собственной невоспитанностью. Человек сведущий не должен из-за недостатка мужества, из-за трусости легкомыс-
b ленно произносить ложное суждение теми же устами, которыми призывал он богов пред началом суда. Ведь судья восседает в театре не как ученик зрителей, но, по справедливости, как их учитель, чтобы оказывать противодействие тем, кто доставляет зрителям неподобающее и ненадлежащее удовольствие. Именно таков был старинный эллинский закон. Он не был таким, как нынешние сицилийские и италийские законы, предоставляющие решение толпе зрителей, так что победителем является тот, за кого всего
c больше было поднято рук. Этот закон погубил и самих поэтов, ибо они в своем творчестве стали приноравливаться к дурному вкусу своих судей, так что зрители воспитывают сами себя. Он извратил и удовольствие, доставляемое театром, ибо следовало, чтобы зрители усовершенствовали свой вкус, постоянно слыша о нравах

лучших, чем у них самих. Теперь же дело обстоит как раз наоборот. Однако что мы имеем в виду при наших нынешних рассуждениях? Посмотрите, не это ли?..

Клиний. Что?

Афинянин. Мне кажется, наше рассуждение в третий или чет- d
вертый раз приходит к одному и тому же: воспитание есть привлечение и приведение детей к такому образу мыслей, который признан законом правильным и в действительной правильности которого убедились к тому же на опыте люди самые почтенные и престарелые. И вот, чтобы душа ребенка не приучалась радоваться и скорбеть вопреки закону и людям, ему послушным, и чтобы ребенок следовал в своих радостях и скорбях тому же самому, что и старик, и появились в песни (ᾠδαί). Мы их так называем; на самом e
же деле это заклинания (ἐπῳδαί), зачаровывающие душу; они имеют серьезную цель — достичь гармонии, о которой мы говорили. А так как души молодых людей не могут выносить серьезного, то их и надо было назвать забавой, песнями и исполнять их только в качестве таковых, ведь людям больным и слабым телом ухаживающие за ними стараются подносить полезную пищу в сладких 660
блюдах или напитках, а вредные средства — в несладких, чтобы больные правильно приучались любить первые и ненавидеть вторые.[9] Точно так же хороший законодатель будет убеждать поэта прекрасными речами и поощрениями; в случае же неповиновения он уже станет принуждать его творить надлежащим образом и изображать в ритмах телодвижения, а в гармониях — песни людей рассудительных, мужественных и во всех отношениях хороших.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужеземец, неужели ты думаешь, b
будто так поступают теперь в остальных государствах? Я по крайней мере, насколько мог заметить, не вижу, чтобы то, что ты говоришь, соблюдалось где-либо, кроме как у нас и у лакедемонян. Наоборот, постоянно возникают новшества и в плясках, и во всем прочем мусическом искусстве. Эти изменения происходят не по закону, а под влиянием каких-то беспорядочных удовольствий, которые далеко не таковы, как в Египте, и следуют совсем не тем c
обычаям, какие, по твоим словам, приняты там.

Афинянин. Совершенно верно, Клиний. Если же тебе показалось, будто я сказал, что уже теперь осуществлено то, о чем ты говоришь, то, видно, — и это неудивительно — я допустил неясность в выражении моей мысли, и потому она была так понята. Я высказал только свои пожелания об осуществлении в мусическом искусстве известных вещей, а тебе, вероятно, показалось, будто я говорю о том, что уже существует. Осуждать то, что неисп-

равимо и уже погрязло в пороке, вовсе не сладко, однако иногда
d это неизбежно. Если и ты согласен с этим, то скажи: у вас и у лакедемонян эти обычаи соблюдаются лучше, чем у прочих эллинов?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Если бы они соблюдались и у остальных, то не признали бы мы такое положение вещей лучшим, чем нынешнее?

Клиний. Было бы несравненно лучше, если бы осуществилось это твое пожелание и эти обычаи соблюдались не только у нас и у лакедемонян.

Афинянин. Давайте же сделаем общее заключение. Не сводятся
e ли правила всего вашего воспитания и мусического искусства к следующему: вы принуждаете поэтов говорить, что хороший человек, будучи рассудительным и справедливым, счастлив и блажен, все равно велик ли он и силен или же мал и слаб и богат ли он или нет. Если он богаче Кинира и Мидаса,[10] но несправедлив, то он несчастлив и жизнь его докучна. «Ни во что не считал бы, — говорит наш поэт (и, видно, он прав), — и не помянул бы я мужа», который не имеет и не осуществляет на деле всех так называемых благ,
661 руководствуясь справедливостью. Хотя бы «и устремлялся» такой человек «в бой рукопашный вступить», однако, будучи несправедливым, он не осмелится «взирать на кровавое дело» и не будет в беге «быстрей, чем фракийский Борей».[11] Такому человеку никогда и ничего из этих благ не достанется. Впрочем, то, что большинство называет благом, называется так неверно. Ведь говорят обычно, будто самое лучшее — это здоровье, во-вторых, красота, в-третьих, богатство; называют и тысячи других благ, например
b острое зрение и слух и вообще хорошее состояние органов чувств. Сюда же относят возможность исполнять все свои желания в случае обладания тиранической властью. Наконец, верхом всякого блаженства, при обладании всем этим, считается возможность стать поскорее бессмертным. Мы же с вами утверждаем, что для людей справедливых и благочестивых все это действительно наилучшие достояния, но для несправедливых все это, начиная со здо-
c ровья, наихудшее зло. Да и зрение, слух, чувства, вообще вся жизнь — величайшее зло для такого человека, хотя бы он обладал вечным бессмертием и приобрел все так называемые блага, кроме справедливости и всей добродетели в целом. Меньшее зло, если такой человек проживет возможно более короткое время. Я думаю, вы убедите и принудите ваших поэтов выражать все сказанное мною: подобрав соответствующие ритмы и гармонию, они именно таким образом должны воспитывать вашу молодежь. Не
d так ли? Смотрите, я определенно утверждаю: то, чтó называют

злом, есть благо для людей несправедливых, а для справедливых — зло. Благо же для людей благих на самом деле благо, для злых — зло. Поэтому я и задаю вопрос: согласны ли вы со мной или нет?

Клиний. Мне кажется, кое в чем — да, но в ином — нет.

Афинянин. Неужели же я не убедил вас, что человек, обладающий здоровьем, богатством, наконец, тиранической властью (прибавлю еще для вас: у него выдающаяся сила, мужество и вместе с e тем бессмертие, с ним не случается ни одного из так называемых бедствий, кроме только того, что он исполнен несправедливости и наглости), — что человек, живущий таким образом, вовсе не счастлив, а, напротив, жалок?

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Прекрасно. О чем же нам говорить после этого? Разве вам не кажется, что жизнь человека несправедливого и наглого неизбежно позорна, будь он и мужествен, и силен, и красив, 662 и богат, и делай в течение всей своей жизни все, что он захочет? С тем, что она позорна, вы, пожалуй, все-таки согласитесь?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Что же? И с тем, что она плоха?

Клиний. С этим не в такой степени.

Афинянин. Почему? А с тем, что она неприятна и вредна для него самого?

Клиний. Но как можно с этим согласиться?!

Афинянин. По-видимому, лишь в том случае, если какой-либо b бог дарует нам, друзья, согласие; ведь теперь-то у нас порядочная разноголосица. Мне же, друг Клиний, все это кажется более необходимым и очевидным, чем то, что Крит — остров. Будь я законодатель, я попытался бы принудить поэтов и вообще всех в государстве высказываться именно так; чуть ли не самое большое наказание назначил бы я тому, кто стал бы в стране выражать мне- c ние, будто существуют какие-то люди, жизнь которых приятна, хотя они и дурны, и будто полезным и выгодным является одно, а справедливым — другое. Я стал бы убеждать моих граждан выражать и много других мнений, по-видимому противоположных взглядам нынешних критян и лакедемонян, да и отличающихся от взглядов прочих людей. Скажите-ка вы, лучшие из людей, ради Зевса и Аполлона, не спросить ли нам самих этих богов, давших вам законы: не есть ли жизнь в высшей степени справедливая d вместе с тем и в высшей степени приятная или же есть два рода жизни: один — в высшей степени приятный, другой — в высшей степени справедливый? Если боги ответят, что есть два рода, мы,

пожалуй, спросили бы (надо только правильно ставить вопросы): кого следует называть более счастливыми — тех ли, кто ведет самую справедливую жизнь, или тех, кто ведет самую приятную? Если бы боги ответили, что последних, слова их прозвучали бы странно. Но не хочу говорить таких вещей о богах; скорее скажу
e это о наших отцах и законодателях. Пусть поставленный раньше вопрос относится к отцу и к законодателю. Предположим, он ответит, что человек, ведущий самую приятную жизнь, всего более счастлив. Я по крайней мере после этого спросил бы его: «Отец мой, разве ты не хотел бы, чтобы я жил возможно более счастливо? Между тем ты непрестанно внушал мне, что надо вести жизнь по возможности более справедливую». Кто изложил бы так свои правила — все равно, законодатель он или отец, — тот оказался бы, думаю я, в странном и затруднительном положении с точки зрения согласованности своих слов. Если же, напротив, он объявил бы, что наиболее справедливая жизнь и есть самая счастливая, то, думаю, всякий внимающий его словам стал бы исследовать, что
663 именно прекрасное и благое оказывается в человеке сильнее удовольствия и одобряется в качестве такового законом. Что, лишенное удовольствия, может явиться для человека справедливого благом? Скажи-ка, неужели слава и хвала со стороны людей и богов, хотя они и есть нечто благое и прекрасное, все же неприятны, а бесславие — наоборот? Конечно, нет, дорогой наш законодатель, скажем мы. Неужели неприятно никого не обижать и не быть никем обиженным, хотя это-то и есть нечто благое и прекрасное, и неужели же противное приятно, несмотря на то что оно позорно и дурно?

Клиний. Как же иначе?

b *Афинянин.* Итак, учение, не отделяющее приятное от справедливого, благого и прекрасного, имеет по крайней мере то преимущество, что убеждает каждого человека желать благочестивой и справедливой жизни. Если же законодатель станет утверждать, что это не так, то слова его будут в высшей степени позорны и противоречивы. Ведь никто не дал бы себя убедить добровольно исполнять то, что не влечет за собой больше радости, чем страдания. То, на что смотрят издалека, причиняет, так сказать, головокружение всем, а особенно детям. Законодатель же, по-моему, разогнав
c эту дымку, должен создать у других ясное мнение. Он должен убеждать с помощью всяких навыков, похвал и рассуждений, что справедливость и несправедливость — точно свет и тень на картине: несправедливость противоположна справедливости, и, когда смотришь на нее с ее собственной точки зрения, несправедливой и

дурной, она кажется приятной, а справедливость — в высшей степени неприятной; если же смотреть с точки зрения справедливости, то все выходит как раз наоборот.

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Какую из этих двух точек зрения признаем мы более значительной в смысле истинности суждения? Точку ли зрения худшей души или же лучшей?

Клиний. Необходимо признать, что лучшей. d

Афинянин. Значит, необходимо признать и то, что несправедливая жизнь не только более позорна и скверна, но и поистине более неприятна, чем жизнь справедливая и благочестивая.

Клиний. По крайней мере, мой друг, так вытекает из нашего рассуждения.

Афинянин. Но если бы даже это было не так — а возможность этого показало наше нынешнее рассуждение, — то законодатель, хоть сколько-нибудь полезный, дерзнул бы, как и в иных случаях, употребить ложь по отношению к молодым людям ради их же блага. А разве смог бы он найти ложь более полезную, чем эта, для e
того чтобы заставить добровольно, а не по принуждению поступать во всем справедливо?

Клиний. Истина прекрасна, чужеземец, и пребывает незыблемой, но убедить в ней, видимо, нелегко. Афинянин. Допустим. Однако оказалось легким делом заставить поверить сказке про сидонца, хотя она столь невероятна, да и тысяче других.

Клиний. Какой сказке?

Афинянин. О том, как из посеянных зубов родились вооруженные люди.[12] Для законодателя это великий пример, что можно убедить души молодых людей в чем угодно. Поэтому ни о чем другом 664
он так не должен заботиться, как о том, чтобы разыскать все то, уверенность в чем доставит государству величайшее благо. Законодатель должен найти всевозможные средства, чтобы узнать, каким образом можно заставить всех живущих совместно людей постоянно, всю свою жизнь выражать как можно более одинаковые взгляды относительно этих предметов как в песнях, так и в сказаниях и рассуждениях. Если вы придерживаетесь иного мнения, чем я, то ничто не препятствует подвергнуть обсуждению спорный вопрос.

Клиний. Мне кажется, ни один из нас не может спорить с этими b
положениями.

Афинянин. Следовательно, мое дело говорить о дальнейшем. Я утверждаю, что все три существующих хоровода[13] должны петь песни, очаровывающие молодые, еще нежные души детей. В этих

песнях надо высказывать все то прекрасное, что мы изложили и еще, пожалуй, изложим. Но главным пусть будет следующее: наилучшая жизнь признается богами наиприятнейшей. Высказы-
c вая это, мы выразим сущую правду и вместе с тем скорее убедим тех, кого надо, чем если бы мы выражали этот взгляд как-то иначе.

Клиний. Надо согласиться с твоими словами.

Афинянин. Итак, вполне правильно было бы первым выступить детскому хороводу Муз, чтобы со всевозможным рвением перед всем государством открыто воспевать все нами сказанное. Второй хоровод будет состоять из людей, еще не достигших тридцати лет. Он будет призывать Пеана[14] в свидетели истинности своих слов, моля его быть милостивым к молодым и помочь убе-
d дить их. В третьем хороводе будут петь люди от тридцати лет до шестидесяти. А кто старше этого возраста, кто уже не в силах петь, те пусть будут сказителями мифов об этих же нравственных правилах, основанных на божественном откровении.

Клиний. О каком это третьем хороводе говоришь ты, чужеземец? Мы как-то не слишком ясно представляем себе, что ты хочешь этим сказать.

Афинянин. А между тем чуть ли не ради него и было изложено почти все предшествующее,

e *Клиний.* Мы все еще не понимаем. Попытайся объясниться.

Афинянин. Как вы помните, мы сказали в начале нашего рассуждения, что природа всех молодых существ пламенна и потому не в состоянии сохранять спокойствия ни в теле, ни в голосе, а непрерывно и беспорядочно издает звуки и скачет. Кроме человека, ни одно из остальных живых существ не обладает чувством поряд-
665 ка в телодвижениях и звуках. Порядок в движении носит название ритма, порядок в звуках, являющийся при смешении высоких и низких тонов, носит имя гармонии. То и другое вместе называется искусством хора. Затем мы сказали, что боги из сострадания дали нам в участники и предводители наших хороводов Аполлона и Муз; третьим же мы назвали, насколько помнится, Диониса.

Клиний. Конечно, мы помним это.

Афинянин. О хоре Аполлона и Муз уже было сказано. Теперь
b необходимо поговорить об оставшемся, третьем хоре — хоре Диониса.

Клиний. Как? Расскажи об этом. Ведь тому, кто впервые слышит о дионисическом хоре старцев, это кажется очень странным. Неужели этот хор действительно будет состоять из людей, которым уже за тридцать, из тех, кому пятьдесят лет, вплоть до шестидесяти?

Афинянин. Ты говоришь сущую правду. Действительно, это надо обосновать, чтобы показать, как это согласуется со здравым рассудком.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Не правда ли, по крайней мере относительно предшествующего-то мы согласны?

Клиний. Относительно чего именно? c

Афинянин. Что каждый человек, взрослый или ребенок, свободный или раб, мужчина или женщина, — словом, все целиком государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни, в которых будет выражено все то, что мы разобрали. Они должны и так и этак постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали удовольствие и какую-то ненасытную страсть к песнопениям.[15]

Клиний. Можно ли не согласиться, что это должно быть именно так?

Афинянин. При каких же условиях лучшая часть государства, d
внушающая наибольшее доверие ввиду своего возраста да и разумности, воспевая самое прекрасное, принесет всего больше блага? Неужели мы по неразумию пропустим самое замечательное из наипрекраснейших и наиполезнейших песен?

Клиний. Из твоих слов вытекает, что пропустить это совершенно невозможно.

Афинянин. Но как можно подобающим образом это осуществить? Посмотрите, не так ли?..

Клиний. Как?

Афинянин. Всякий человек, достигший преклонных лет, полон робости по отношению к песням. Он уже не испытывает удоволь- e
ствия, исполняя их; если же в том возникает нужда, то он стыдится тем больше, чем он старше и рассудительнее. Не правда ли?

Клиний. Правда.

Афинянин. Поэтому еще больше стал бы он стыдиться, если бы ему пришлось петь в театре, выступая перед пестрой толпой людей. Если бы слабые старики были принуждены петь натощак, как это делают натренированные хоры, состязающиеся из-за победы, они делали бы это совершенно без удовольствия, напротив, со стыдом и неохотой.

Клиний. Да, это неизбежно. 666

Афинянин. Как же можем мы их уговорить петь охотно? Не правда ли, мы установим закон, чтобы дети до восемнадцати лет совершенно не вкушали вина; мы растолкуем, что не надо ни в теле, ни в душе к огню добавлять огонь, прежде чем человек не

достигнет того возраста, когда можно приняться за труд. Дóлжно
b остерегаться неистовства, свойственного молодым людям. Более
старшим, 30-летним, можно уже вкушать вино, но умеренно, ибо
молодой человек должен совершенно воздерживаться от пьянства
и обильного употребления вина. Достигшие сорока лет могут
пировать на сисситиях, призывая как остальных богов, так в особенности и Диониса на священные празднества и развлечения
стариков. Ведь Дионис даровал людям вино как лекарство от угрюмой старости, и мы снова молодеем и забываем наше скверное
c настроение, жесткий наш нрав смягчается, точно железо, положенное в огонь, и потому делается более гибким. Итак, прежде
всего разве не с большой охотой пожелает всякий, испытывающий
подобное состояние, петь и, как мы не раз уже говорили, зачаровывать окружающих? При этом он будет испытывать меньший стыд,
находясь среди скромного числа слушателей, а не перед целой
толпой, среди близких, а не среди чужих.

Клиний. Конечно.

d *Афинянин.* Так что этот способ заставить стариков участвовать
у нас в пении не так-то уж несообразен.

Клиний. Совсем нет.

Афинянин. Но что будут петь эти люди? Какова будет их Муза?
Впрочем, ясно, что это будет нечто приличествующее им самим.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Но что подобает божественным людям? Не хороводные ли песни?

Клиний. По крайней мере мы, чужеземец, да и лакедемоняне
также вряд ли сможем исполнять какие-либо иные песни, чем те,
которым мы научились в хороводах и которые мы привыкли петь.

e *Афинянин.* Это естественно. В самом деле, ведь вы не владеете
лучшими песнопениями, ведь ваше государство — это военный
лагерь, а не мирное городское жительство, и ваши юноши — точно
жеребята, пасущиеся в общих стадах.[16] Никто из вас не держит при
себе своего сына, не извлекает его, сильно одичавшего и раздраженного, из среды пасущихся вместе с ним, не приставляет к нему
особого конюха, не воспитывает его, чистя скребницей и укрощая.
Никто не предоставляет молодому человеку всего требуемого для
667 воспитания, чтобы он стал не только хорошим воином, но мог бы
управлять государством и городами. А ведь такой человек, как мы
вначале сказали, будет лучшим воином, нежели воины Тиртея, ибо
он повсюду — ив частном обиходе, и в государственном — станет
всегда почитать мужество четвертым, а не первым достоянием
добродетели.[17]

Клиний. Я не знаю, чужеземец, за что ты снова порицаешь наших законодателей.

Афинянин. Дорогой мой, если я и делаю это, то совершенно ненамеренно. Впрочем, если хотите, давайте двигаться тем путем, которым нас ведет рассуждение. Если бы у нас была Муза более прекрасная, чем Муза хороводов и общественных театров, мы попыта- b
лись бы предоставить ее тем, кто, по нашим словам, стыдится этой Музы и разыскивает ту, что всех прекраснее, чтобы с нею общаться.

Клиний. Конечно.

Афинян и н. Не правда ли, со всем тем, с чем связана какая-нибудь приятность, дело обстоит так, что самое важное — это либо именно сама приятность, либо какая-то правильность, либо, наконец, польза. Для примера укажу на ту приятность, которая связана с едой, питьем и всем вообще питанием и которую мы, пожалуй, назовем удовольствием. Что же касается правильности и пользы, c
то признаваемое нами в каждом отдельном случае за здоровое и есть в этих случаях самое правильное.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Точно так же и в учении присутствует связанное с приятностью удовольствие, а истина довершает правильность, пользу, благо и красоту.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Ну а изобразительные искусства? Если созданные ими произведения, схожие с подлинником, доставляют вдобавок и d
удовольствие, то не следует ли с полным правом и это признать приятностью?

Клиний. Да.

Афинянин. Однако правильность в этих искусствах обусловлена прежде всего не удовольствием, но, говоря в целом, равенством воспроизведения и подлинника в отношении величины и качества.

Клиний. Верно.

Афинянин. Следовательно, удовольствие служит правильным мерилом только в таких вещах, которые хотя и не несут с собой пользы, истины и подобия, однако, с другой стороны, не доставляют и никакого вреда, но творятся исключительно ради того, что e
в других случаях является лишь сопутствующим, то есть ради приятности, которую великолепно можно назвать удовольствием, если с ней не связаны вышеупомянутые свойства.

Клиний. Ты говоришь лишь о безвредном удовольствии?

Афинянин. Да, и называю это забавой тогда, когда оно не приносит ни вреда, ни пользы чему-нибудь действительно существенному.

Клиний. Ты сказал сущую правду.

Афинянин. На основании только что сказанного уже нельзя утверждать, будто мерило подражания — это удовольствие
668 или неистинное мнение. То же самое относится и ко всякому равенству. Ведь равное является равным и соразмерное соразмерным не потому, что так нравится или по вкусу кому-либо, но мерилом здесь выступает по преимуществу не что иное, как истина.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Не признаем ли мы всякое мусическое искусство изобразительным и подражательным?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Значит, совершенно нельзя согласиться с тем, что мерило мусического искусства — удовольствие. Если где и существует такое мусическое искусство, то всего менее стоит его ис-
b кать, точно это нечто важное. Надо исследовать лишь тот род мусического искусства, который, воспроизводя прекрасное, обладает с ним сходством.

Клиний. Ты вполне прав.

Афинянин. Поэтому люди, ищущие самую прекрасную песнь, должны разыскивать, как кажется, не ту Музу, что приятна, но ту, которая правильна. А правильность подражания заключается, как мы сказали, в соблюдении величины и качества подлинника.

Клиний. Это так.

Афинянин. Что касается мусического искусства, то ведь всякий
c согласится, что все относящиеся к нему создания — это подражания и воспроизведения. Неужели с этим не согласятся все поэты, слушатели и актеры?

Клиний. Без сомнения, согласятся.

Афинянин. Конечно, о каждом отдельном произведении надо, чтобы не впасть в ошибку, знать, чтó оно собой представляет. Кто не знает его сущности, направленности и чему оно действительно подражает, тот едва ли распознает правильность или ошибочность его замысла.

Клиний. Да, едва ли.

d *Афинянин.* Но человек, не знающий, чтó правильно, будет ли в состоянии распознать, что хорошо и что дурно? Впрочем, я выражаюсь недостаточно ясно; быть может, так будет яснее...

Клиний. Как?

Афинянин. У нас есть тысячи воспроизведений, предназначенных для глаз.

Клиний. Да.

Афинянин. Далее. Если бы кто-нибудь при этом не знал, что́ именно служит предметом того или иного воспроизведения, разве мог бы он судить о правильности выполнения? Я разумею вот что: разве сможет он распознать, соблюдены ли при воспроизведении e
пропорции тела, а также, соответственно, его отдельных частей, столько ли их, сколько в действительности, соблюден ли надлежащий порядок в их взаимном расположении, их окраска и облик, или же все это находится в беспорядке? Неужели можно думать, что все это распознает тот, кто совершенно не знаком с существом, служившим предметом подражания?

Клиний. Нет, это невозможно.

Афинянин. Но если бы мы знали, что нарисован или изваян человек, если бы художник уловил все его части и равным образом окраску и облик, то неизбежно тот, кто знает подлинник, будет го- 669
тов судить, прекрасно ли это произведение, или же в нем есть какие-то недостатки с точки зрения красоты.

Клиний. Да, чужеземец, потому что все мы, так сказать, знакомы с красотой живых существ.

Афинянин. Ты совершенно прав. Значит, тот, кто хочет здраво судить о каждом изображении живописного, мусического или какого иного искусства, должен обладать следующими тремя вещами: прежде всего знанием, что́ именно изображено, затем — правильно ли это изображено и, в-третьих, хорошо ли любое изобра- b
жение исполнено в словах, напевах и ритмах.

Клиний. По-видимому, так.

Афинянин. Однако не станем унывать при обсуждении трудных вопросов, связанных с мусическим искусством. Ведь именно потому, что мусическое искусство прославлено несра́вненно больше остальных видов изображения, здесь-то более, чем во всех них, необходима особая осторожность. Кто здесь ошибется, тот нанесет себе огромный вред, ибо он станет благоволить к дурным нра- c
вам; заметить же свою ошибку в высшей степени трудно, ибо поэты гораздо худшие творцы, чем сами Музы. Ведь Музы никогда не ошиблись бы настолько, чтобы словам мужчин придавать женскую окраску и напев и чтобы, с другой стороны, соединять размер и напев благородных людей с ритмами рабов и людей неблагородных и, начав с благородных ритмов и тонов, вдруг присоединить к ним напев или слово противоположного рода. Никогда Музы не смешали бы вместе голоса зверей, людей, звуки орудий и всяче- d
ский шум с целью воспроизвести что-либо единое. А люди-поэты страшно спутывают и неразумно смешивают все это, так что непременно должны вызвать смех людей, по выражению Орфея,

получивших в удел «возраст услад»;[18] эти-то ведь видят, что все здесь спутано. Подобного рода поэты отделяют сверх того размер
e и ритм от напева, перекладывая в стихи непоэтичную речь, а с другой стороны, они употребляют напев и ритм без слов, пользуясь отдельно взятой игрой на кифаре или на флейте. В таких случаях, когда ритм и гармония лишены Слов, бывает очень трудно распознать их замысел и к какому из достойных внимания родов относится это подражание. Необходимо, впрочем, заметить, что, насколько подобного рода искусство пригодно для скорой, без запинки ходьбы и для изображения звериного крика, настолько же
670 оно, пользующееся игрой на флейте и на кифаре независимо от пляски и пения, исполнено немалой грубости. Без того и другого игра на флейте и на кифаре становится чем-то в высшей степени безвкусным и достойным лишь фокусника.

Вот что я хотел сказать по этому поводу. Впрочем, наше внимание направлено не на то, чего не должны делать наши граждане, уже достигшие тридцати лет и переступившие за пятьдесят, но на то, что́ они должны исполнять. Из сказанного раньше, мне кажется, вытекает следующее: те из пятидесятилетних граждан, которым подобает петь, должны быть лучше образованы в хорической
b Музе, ибо им необходимо иметь тонкий вкус и сведения относительно ритмов и гармоний; иначе как мог бы кто-нибудь распознать правильность напевов, — подходит ли в известном случае дорический лад[19] или нет, правильный ли или нет употребил поэт ритм?

Клиний. Ясно, что иначе никак нельзя. Афинянин. Так что смешна толпа в своем мнении, будто она достаточно распознает, что́ гармонично и ритмично и что́ нет, — по крайней мере таковы те из них, которые по принуждению научились подпевать и мар-
c шировать в такт. Они не понимают, что делают это, не зная ничего о пении и ритме в отдельности. А ведь правилен тот напев, который связан с тем, что к нему подходит, и наоборот.

Клиний. Это безусловно необходимо.

Афинянин. Так что же? Тот, кто даже не знает, с чем связана песня, сможет ли, как мы сказали, распознать, насколько она правильна?

Клиний. Это невозможно.

Афинянин. Итак, думается, теперь мы открыли, что нынешним нашим певцам, которых мы приглашаем и стараемся каким-либо образом заставить петь добровольно, необходимо достигнуть та-
d кой степени обученности, чтобы каждый из них мог следовать за поступью ритма и за напевом струн. Наблюдая гармонии и ритмы, они могли бы таким образом выбирать подобающее, подходящее

для пения людям их возраста и характера и петь именно это. При
таком пении они и сами тотчас насладятся невинной усладой и ста-
нут руководить более молодыми людьми, возбуждая в них дол- e
жную любовь к добрым нравам. Достигнув такой степени обу-
ченности, они получат более утонченное образование, нежели то,
которое получает большинство и даже сами поэты. Ведь поэту нет
никакой надобности знать, прекрасно ли его подражание или нет,
что составляет третье требование; но ему почти необходимо знать
правила гармонии и ритма. Те же, кому предстоит избрать самое
прекрасное и то, что к нему приближается, должны иметь в виду
все эти три требования, ибо иначе они не смогут, зачаровывая,
увлекать молодежь к добродетели. 671

Мы показали по мере сил то положение, которое выставили
в начале нашей беседы, а именно что можно отлично защитить ди-
онисийский хор. Посмотрим, удалось ли нам это. Подобное собра-
ние по необходимости постоянно становится тем более шумным,
чем больше пьют. Уже вначале мы предположили такую необхо-
димость в случаях, о которых идет речь. b

Клиний. Да, это необходимо.

Афинянин. Во время такого собрания всякий чувствует себя
в приподнятом настроении; он весел, преисполнен словесной не-
сдержанности, не слушает окружающих, воображает, что он в си-
лах управлять самим собой и остальными людьми.

Клиний. Да и как же иначе?

Афинянин. Разве мы не сказали, что в этом случае души пью-
щих людей охватываются огнем и, точно раскаленное железо, ста-
новятся мягче, моложе, а вследствие этого и податливее в руках
того, кто может и умеет воспитывать их и лепить, словно души мо- c
лодых людей? Таким лепщиком является то же самое лицо, что
и раньше: это — хороший законодатель.[20] Он должен установить
такие законы, касающиеся пиров, чтобы человек, окрыленный на-
деждами, ставший дерзким и позабывший стыд более чем дóлж-
но, — до того, что он не желает соблюдать порядка и выжидать
своей очереди говорить или молчать, пить или петь, — был вы-
нужден поступать противоположным образом. Они должны вну-
шить ему справедливый страх, самое прекрасное средство против d
вселившейся в него совсем не прекрасной отваги — божественный
страх, который мы зовем совестливостью и стыдом.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Стражами, содействующими этим законам, дол-
жны быть люди спокойные и трезвые; именно они должны быть
начальниками над нетрезвыми. Без них воевать с опьянением

страшнее, чем воевать с врагами, не имея невозмутимых военачальников. Кто не может заставить себя повиноваться этим зако-
e нам и переступившим за шестьдесят лет руководителям дионисийских обрядов, того пусть постигнет равный или даже больший стыд, чем человека, не повинующегося военачальникам Ареса.[21]

Клиний. Правильно.

Афинянин. Не правда ли, если бы опьянение и забавы были та-
672 ковы, то пирующие получали бы от них пользу и расходились с них не врагами, как ныне, но еще большими друзьями, чем были прежде. Если бы трезвые руководили нетрезвыми, все взаимное общение на пирах совершалось бы согласно законам.

Клиний. Верно, если бы все было так, как ты сейчас сказал.

Афинянин. Не станем же безусловно порицать дар Диониса и говорить, будто он плох или недостоин быть принят в государство. Можно было бы сказать даже больше, однако я не решаюсь указывать большинству на величайшее благо, даруемое вином, ведь эти
b люди так превратно воспринимают и разумеют слова.

Клиний. О каком благе ты говоришь?

Афинянин. Как-то незаметно распространился взгляд и молва, будто у этого бога мачеха его, Гера, похитила душевное разумение, будто бы поэтому он из мести ввел вакхические празднества и всякие неистовые пляски и с этой-то целью и даровал вино.[22] И предоставляю это говорить тем, кто считает, что можно без опа-
c сения высказывать о богах подобные вещи. По крайней мере, насколько я знаю, ни одно живое существо не рождается на свет, обладая всем тем умом, какой подобает ему иметь в зрелых летах. Пока это живое существо не приобрело еще свойственной ему разумности, оно неистовствует и кричит что-то несвязное, а как встанет на ноги, начинает без толку скакать. Припомним же наше утверждение, что в этом-то и кроется начало мусического и гимнастического искусств.

Клиний. Как этого не помнить!

Афинянин. Не правда ли, мы утверждаем, что это начало дало
d нам, людям, чувство ритма и гармонии и что из богов виновниками этого стали Аполлон, Музы и Дионис.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Остальные люди, видимо, считают, что вино дано людям в наказание, чтобы мы впадали в неистовство. Мы же теперь, наоборот, утверждаем, что вино дано как лекарство для того, чтобы душа приобретала совестливость, а тело — здоровье и силу.

Клиний. Ты верно напомнил, чужеземец, наше утверждение.

Афинянин. Одну половину вопросов о хороводных плясках мы e
разобрали. Разобрать ли нам другую половину, чтобы выяснить, что мы думаем, или же оставить так?

Клиний. О чем ты говоришь и как ты разделяешь хороводные пляски надвое?

Афинянин. По-нашему, все в целом искусство плясок и составляет совокупное воспитание. Одну его часть составляет то, что относится к звуку, то есть гармонии и ритмы.

Клиний. Да.

Афинянин. Другая же часть касается телодвижений, которые имеют нечто общее с движением звука: это ритм. Но они имеют
свой собственный образ, поскольку движение звуков — это мело- 673
дия.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Действие звуков, воспитывающее и ведущее душу к добродетели, мы, уж не знаю, каким именно образом, назвали мусическим искусством.

Клиний. И правильно назвали.

Афинянин. Если же телодвижения, которые мы обозначили как пляску забавляющихся людей, ведут к усовершенствованию тела, то такое искусное руководство им мы назвали бы гимнастическим искусством.

Клиний. Правильно.

Афинянин. Я и сейчас повторяю, что теперь мы уже достаточно b
разобрали вопрос о мусическом искусстве, составляющем почти половину искусства хоров. Что же, будем ли мы говорить о другой ее половине? Как нам поступить?

Клиний. Мусическое искусство нами разобрано, гимнастическое же еще нет. Между тем, дорогой мой, ведь ты ведешь беседу с критянами и спартанцами; что же, думаешь ты, каждый из нас ответит тебе на подобный вопрос?

Афинянин. Я сказал бы, что этим своим вопросом ты, пожалуй, c
даешь мне ясный ответ. Но я понимаю, что твой вопрос — это не только ответ, но и поручение разобрать гимнастическое искусство.

Клиний. Ты прекрасно заметил; так и поступи.

Афинянин. Приходится. Впрочем, говорить о вопросе, знакомом вам обоим, не слишком трудно. Ведь вы гораздо более опытны в этом искусстве, чем в мусическом.

Клиний. Пожалуй, ты прав.

Афинянин. Не правда ли, начало и этого развлечения кроется в
природной склонности каждого живого существа к скачущим дви- d

жениям? Человек же, получив, как мы сказали, чувство ритма, создал и породил пляску. Ритм пробуждает и вызывает в памяти напев. Их взаимное соединение породило хороводы как развлечение.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Одну часть, именно мусическую, мы уже разобрали. Попытаемся в дальнейшем разобрать другую часть, то есть гимнастическую.

Клиний. Конечно.

e *Афинянин.* Однако, если вам угодно, сперва завершим обсуждение вопроса об опьянении как о средстве.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Если какое-нибудь государство стало бы, согласно порядку, установленному законами, серьезно пользоваться упомянутым раньше обычаем, употребляя его как упражнение в рассудительности, если на том же основании оно не воздержалось бы и от остальных удовольствий, применяя их как средство для их же обуздания, то пользоваться всем этим такое государство должно было бы именно вышеуказанным образом. Если же оно смотрит на них только как на забаву и позволяет всякому желающему пить
674 в любое время, с кем угодно и в соединении с любыми другими обычаями, то я не подал бы своего голоса за то, что государство и отдельный человек должны именно так использовать опьянение. Но еще более, чем за критский и лакедемонский обычай, подал бы я свой голос за карфагенский закон.[23] во время похода никто из воинов не должен вкушать вина, но должно в течение всего этого времени пить на совместных трапезах одну только воду; в пределах государства ни рабыня, ни раб никогда не должны вкушать
b вина; ни правители в течение того года, когда они отправляют свою должность; ни кормчие, ни судьи, стоящие у своего дела, совершенно не должны вкушать вина; ни один из тех, кто собирается участвовать в каком-либо совещании, достойном внимания; совершенно нельзя пить никому днем — разве что для телесных упражнений или по причине болезни; ни мужчине, ни женщине нельзя пить и ночью, когда замышляется зачатие ребенка. Можно было бы перечислить еще целый ряд случаев, при которых люди, имеющие разум и правильный закон, не должны пить вина; так что
c по этому правилу ни одно с государство не будет нуждаться в большом числе виноградников. Все остальные виды земледелия и весь вообще образ жизни были бы упорядочены, виноделие же велось бы в самых скромных размерах. Этим-то, чужеземцы, если вы согласны, хотел бы я увенчать нашу беседу о вине.

Клиний. Отлично. Мы согласны.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Историческая необходимость нового законодательства

Афинянин. Все это так. Но что же, скажем мы, послужило началом государственного устройства? Не будет ли всего легче и лучше рассмотреть это вот с какой точки зрения... 676

Клиний. С какой?

Афинянин. С той же, с какой дóлжно в каждом отдельном случае рассматривать постепенное уклонение государства то в сторону добродетели, то порока.

Клиний. Что же именно ты разумеешь?

Афинянин. Я разумею безграничную протяженность времени и b
протекших в нем перемен.

Клиний. Как, как?

Афинянин. Скажи, сможешь ли ты определить, сколько времени прошло с тех пор, как существуют государства и объединенные в государства люди?

Клиний. Это совсем нелегко.

Афинянин. Не была ли эта продолжительность огромной и неизмеримой?

Клиний. И даже очень.

Афинянин. Не правда ли, тысячи государств возникали в этот промежуток времени одно за другим и соответственно не меньшее количество их погибало. К тому же они повсюду проходили через c
самые различные формы государственного устройства, то становясь бóльшими из меньших, то меньшими из бóльших или худшими из лучших и лучшими из худших.[1]

Клиний. Это неизбежно.

Афинянин. Не сможем ли мы вскрыть причину этих перемен? Быть может, тогда мы скорее получим указание относительно возникновения государственного устройства и происходящих в нем перемен.

Клиний. Отлично, надо постараться сделать это. Ты разъясни свои мысли по этому поводу, а мы последуем за тобой.

Афинянин. Считаем ли мы, что древние сказания содержат 677
в известной мере истину?

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Относительно частой гибели людей от потопов, болезней и многого другого; оставалась лишь незначительная часть человеческого рода.

Клиний. Все это любому покажется весьма вероятным.

Афинянин. Представим же себе один из множества случаев, именно гибель от потопа.

Клиний. И что мы должны об этом думать?

b *Афинянин.* Что избежавшими тогда гибели оказались чуть ли не исключительно горные пастухи — слабые искры угасшего человеческого рода, сохранившиеся на вершинах.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Такие люди неизбежно будут несведущими в остальных искусствах, так же как и в городских взаимных уловках, направленных на удовлетворение своекорыстия и честолюбия, и в прочих кознях, измышляемых друг против друга людьми.

Клиний. Это естественно.

c *Афинянин.* Допустим, что государства, расположенные на равнинах или у моря, совершенно погибли в то время.

Клиний. Допустим.

Афинянин. Следовательно, мы должны предположить, что пропали и все орудия, а также погибло и все относящееся к искусству государственного правления или к иной какой-либо мудрости, которой с усилием удалось к тому времени достичь. Но, дорогой друг, если бы в течение всего времени все было устроено так, как теперь, как могло быть открыто что-либо новое?

d *Клиний.* Новое было скрыто от тогдашних людей на многие тысячелетия. Лишь тысяча или две тысячи лет прошло с тех пор, как Дедалу открылось одно, Орфею — другое, Паламеду — третье, Марсию и Олимпу — все то, что относится к мусическому искусству, Амфиону — все о лире, и многое-многое остальное — другим.[2] Все это возникло, так сказать, недавно, чуть ли не вчера.

Афинянин. Великолепно, Клиний! Но ты пропустил друга, жившего действительно вчера.

Клиний. Ты разумеешь Эпименида?

e *Афинянин.* Да, его. Ибо у вас, мой друг, он всех опередил в изобретательности; как вы утверждаете, он выполнил на деле то, о чем на словах некогда вещал Гесиод.[3]

Клиний. Да, мы утверждаем это.

Афинянин. Итак, когда случилось это опустошение, дела у людей складывались так: кругом была необозримая страшная пустыня, огромная масса земли; все животные погибли, лишь кое-где случайно уцелели стада рогатого скота да племя коз. Эти стада и
678 доставляли вначале пастухам скудные средства к жизни.

Клиний. Несомненно.

Афинянин. Можем ли мы считать, что тогда сохранилось хотя бы, так сказать, воспоминание о государстве, государственном устройстве и законодательстве, о чем у нас теперь и идет речь?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Однако подобного рода условия повели к возникновению всего нынешнего: государств, государственных устройств, искусств, законов; возникла великая испорченность, но и великая добродетель.

Клиний. То есть как?

Афинянин. Друг мой, ведь тогдашние люди были незнакомы со b
многими благами, доставляемыми городами, а также и со многим таким, что этим благам противоположно. Можно ли считать этих людей совершенными в добродетели или в пороке?

Клиний. Прекрасно сказано! Мы улавливаем твою мысль.

Афинянин. Итак, с течением времени и с умножением человеческого рода все пришло в нынешнее состояние.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Но не сразу, а, как это и естественно, мало-помалу, в течение очень долгого времени.

Клиний. Так это и должно быть. c

Афинянин. Думаю, что слишком еще был свеж в памяти недавний страх, чтобы люди решились спуститься с возвышенности на равнину.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Ввиду своей малочисленности они с удовольствием взирали друг на друга в те времена, а так как с исчезновением искусств пропали, если так можно сказать, чуть ли не все средства сноситься друг с другом по суше или по морю, то людям не очень-то было возможно встречаться друг с другом. Железо, медь
и все руды слились воедино и скрылись под землей, так что стало d
очень трудно их извлекать; поэтому редко удавалось тогдашним людям срубить дерево. Если где на горах и находилось уцелевшее орудие, то оно из-за частого употребления скоро изнашивалось, нового же взять было негде, пока снова не возродилось среди людей искусство добычи металла.

Клиний. Каким же образом это произошло?

Афинянин. Как ты думаешь, через сколько поколений это произошло?

Клиний. Ясно, что поколений прошло очень много. e

Афинянин. Значит, столько же времени или даже долее не существовали тогда и те искусства, для которых нужно железо, медь и тому подобное.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. И вот в те времена по многим причинам совершенно исчезли междоусобия и войны.

Клиний. Каким образом?

Афинянин. Прежде всего тогдашние люди любили друг друга и вследствие малочисленности относились друг к другу доброже-
679 лательно; пищу им также не приходилось оспаривать друг у друга, ибо не было недостатка в пастбищах — разве что кое у кого вначале, — а этим-то они в то время и жили по большей части. Не могло у них быть и недостатка в молоке и мясе; кроме того, они охотой добывали себе изрядную пищу. В изобилии имели они одежду, постель, жилища и утварь, как обожженную, так и простую; ибо ни одно из искусств, связанных с лепкой и плетением, не нуждается
b в железе. Оба этих искусства бог даровал людям, чтобы человеческий род, когда ощутит недостаток в железе, все же мог продолжаться и преумножаться. Благодаря этому не было и особенно бедных, так что бедность не принуждала людей к вражде. С другой стороны, они не могли также стать богатыми, ведь в те времена у них не было ни золота, ни серебра. Самые благородные нравы, пожалуй, возникают в таком общежитии, где рядом не обитают
c богатство и бедность. Ведь там не будет места ни наглости, ни несправедливости, ни ревности, ни зависти. По этой причине и благодаря так называемому простодушию люди обладали тогда достоинством: по простоте душевной они считали истинным все то и повиновались всему тому, что слышали о прекрасном и безобразном. Ибо никто из них не обладал той хитростью, которая в наши дни заставляет во всем подозревать ложь; они считали истиной все рассказываемое о богах и людях и сообразно этому жили. Потому-то они и были вполне такими, как мы их сейчас
d изобразили.

Клиний. Я согласен с тобой, да и Мегилл тоже.

Афинянин. Итак, мы признаём, что много поколений прожило подобным образом. По сравнению с людьми, жившими до потопа, и нынешними они были менее сведущи и опытны в различных искусствах, в том числе и в военном, которое применяют теперь на суше и на море и даже внутри своего государства, причем называ-
e ют это справедливостью или междоусобием; при этом и на словах и на деле изобретаются всякие средства, чтобы причинить друг другу зло и несправедливость. А те люди были более цельными и мужественными, а вместе с тем и более рассудительными и вообще более справедливыми. Причину этого мы уже разобрали.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Пусть сказанное нами со всеми вытекающими отсюда следствиями будет иметь одну цель: мы должны понять, 680
была ли нужда в законах у тогдашних людей и кто был их законодателем.

Клиний. Отлично сказано.

Афинянин. Не правда ли, те люди не нуждались в законодателях? Да этого обычно и не бывает в такие времена, ведь в тот отрезок круговращения у них еще не было письменности, но жили они, следуя обычаям и так называемым дедовским законам.

Клиний. Вполне естественно.

Афинянин. Однако и это есть уже некий вид государственного устройства.

Клиний. Какой же?

Афинянин. Мне кажется, все называют тогдашнее государст- b
венное устройство династией. Оно и до сих пор встречается во многих местах как у эллинов, так и у варваров. Гомер рассказывает, что именно так было в месте пребывания киклопов, говоря:

> Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
> В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
> Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
> Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.[4] c

Клиний. Прелестный, видно, это у вас поэт; кое-какие и другие отрывки, очень изящные, изучали мы из него, правда немногочисленные, потому что мы, критяне, не очень-то пользуемся чужеземными поэмами.

Мегилл. А мы ими пользуемся, и нам кажется, Гомер превосходит других поэтов подобного рода, хотя он повсюду описывает не
лакедемонскую, а скорее какую-то ионийскую жизнь.[5] Сейчас же d
он прекрасно подтвердил твои слова, изображая, согласно преданию, первоначальный быт киклопов диким.

Афинянин. Да, он это подтверждает, и мы можем взять его в свидетели, что такие государственные устройства некогда существовали.

Клиний. Отлично.

Афинянин. Вследствие нужды, вызванной опустошением, люди разделились по родам с определенным местопребыванием для каждого, причем господствовал старейший, так как он получил эту власть от отца и матери; за ним следовали остальные, e
составляя, точно птицы, одну стаю, и они находились под управлением законов наших дедов и наиболее справедливой из всех царской власти.[6]

Клиний. Конечно.

Афинянин. Постепенно все большее количество людей сходятся вместе, составляя большие по размеру сообщества. Прежде всего они обращаются к земледелию на склонах гор, сооружая камен-
681 ные ограды наподобие стен для защиты от зверей и образуя одно общее большое жилище.

Клиний. Очень вероятно, что все это было именно так.

Афинянин. А это разве не будет вероятным...

Клиний. Что именно?

Афинянин. Что эти большие жилища увеличивались за счет первых, небольших. Каждое из меньших сообществ делилось на роды во главе со старейшиной и имело свои собственные обычаи,
b возникшие под влиянием раздельного жительства. Благодаря различным родоначальникам и воспитателям они приучались к различным воззрениям на богов и на самих себя. От более порядочных воспитателей они перенимали большую упорядоченность, от мужественных — бóльшую мужественность и точно таким же образом запечатлевали в своих детях и внуках усвоенные ими взгляды. Словом, они вошли в большее сообщество, имея каждый свои законы.

Клиний. Не иначе.

c *Афинянин.* Неизбежно каждому нравились больше свои законы, чужие же — меньше.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Так, по-видимому, мы незаметно подошли к началу законодательства.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Вслед за этим сошедшиеся неизбежно должны были сообща избрать некоторых лиц из своей среды, чтобы те рассмотрели все узаконения, выбрали из них те, которые им больше понравятся, и, ясно их изложив, представили бы на общий совет
d предводителей и вожаков, игравших роль царей народов. Сами они должны были получить наименование законодателей, назначить должностных лиц, а государственный строй изменить, введя вместо династий аристократический образ правления или какой-либо род царской власти.

Клиний. Это было бы последовательно.

e *Афинянин.* Я хочу указать теперь еще и на третью форму государственного устройства, в которой сливаются все виды и состояния государственных правлений и вместе с тем государств.

Клиний. Какая это форма?

Афинянин. Та, на которую вслед за второй указывает и Гомер, так описывая ее возникновение:

Он основал Дарданию, когда Илион знаменитый
Не был еще на равнине в то время построен, и люди
Жили тогда на предгорьях богатой потоками Иды,[7] —

говорит он где-то. Эти стихи, так же как и те, где говорится о кик- 682
лопах, он изрек согласно богу и природе. Ибо поэты — это божественное и вдохновенно поющее племя; нередко под воздействием Харит и Муз они касаются и истинных происшествий.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Проследим же дальше это подвернувшееся нам предание; быть может, оно даст некоторые указания и для нашей цели. Не правда ли, это стоит сделать?

Клиний. И даже очень. b

Афинянин. Так вот, говорим мы, обитателями возвышенностей был основан Илион среди обширной прекрасной равнины, на невысоком холме, омываемом многими реками, стекающими с высот Иды.

Клиний. Говорят, что так.

Афинянин. Не правда ли, можно предполагать, что это произошло спустя много времени после потопа?

Клиний. Конечно, спустя много времени.

Афинянин. Потому что люди должны были полностью забыть
о только что упомянутом опустошении, если, доверившись ка- c
ким-то не очень высоким холмам, они решились основать город, несмотря на угрозу многих стекающих с высот рек.

Клиний. Ясно, что должно было пройти много времени после несчастья.

Афинянин. Я думаю, тогда было заселено уже много других городов ввиду увеличения числа людей.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Они-то и выступили в поход против Илиона, возможно даже и по морю, так как все уже безбоязненно им пользовались.

Клиний. По-видимому. d

Афинянин. Но разрушили Трою ахейцы после десятилетнего пребывания возле нее.[8]

Клиний. Это так.

Афинянин. В течение этого десятилетнего промежутка, пока шла осада Илиона, на родине каждого из осаждающих многое случилось из-за смут, затеянных молодыми, которые неблагосклонно и не по-справедливому приняли воинов, возвращавшихся в свои
города и дома, так что произошло немало смертей, убийств и изг- e

наний.[9] Но тогдашние изгнанники снова возвратились, переменив свое имя: вместо ахейцев они стали называться дорийцами, так как их собрал тогда Дорией.[10] Ну а обо всем том, что было после этого, вы, лакедемоняне, и сами рассказываете в своих преданиях.

Мегилл. Как же иначе?

Афинянин. Точно по внушению бога, мы возвращаемся опять к тому же, с чего начали наше собеседование о законах, хотя и отклонились в сторону, остановившись на мусическом искусстве и опьянении. Теперь наше рассуждение дает нам случай снова
683 взяться за нашу тему. Ибо мы пришли опять к лакедемонским учреждениям, правильность которых вы утверждаете, и к критским, родственным с ними в смысле законов. Вот какое преимущество дало нам то, что рассуждение наше отклонилось в сторону, когда мы рассматривали некоторые государственные устройства и учреждения: мы последовательно рассмотрели три государства, учреждение которых отстояло друг от друга, по-нашему, на огромный промежуток времени. Данное же государство или, если угодно, племя представляется нам уже четвертым, некогда учрежденным и поныне сохраняющим свои установления.
b Не сможем ли мы, Мегилл и Клиний, из всего этого заключить, что учреждено хорошо, а чтó нет? Какие законы хранят сохраняющееся и губят гибнущее? Какие изменения сделают государство счастливым? Об этом нам вновь нужно говорить как бы сначала, если только у нас нет возражений против того, что было сказано раньше.

Мегилл. Если бы, чужеземец, некий бог обещал нам, что при
c вторичной попытке рассмотреть законодательство нам придется услышать рассуждения не хуже и не слабее только что высказанных, я лично пустился бы и в дальний путь, и этот нынешний день показался бы мне коротким, хотя теперь как раз стоит пора, когда бог поворачивает от лета к зиме.

Афинянин. Видно, надо рассмотреть и этот вопрос.

Мегилл. Без сомнения.

Афинянин. Перенесемся же мысленно в те времена, когда Ла-
d кедемон, Аргос, Мессена и прилегающие области очутились во власти ваших, Мегилл, предков; они решили после этого, как говорит предание, разделить вооруженный народ на три части и учредить три государства: Аргос, Мессену и Лакедемон.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Темен стал царем Аргоса, Крес-фонт — Мессены, царями же в Лакедемоне — Прокл и Еврисфен.[11]

Мегилл. Да, так.

Афинянин. И все их современники поклялись оказывать им помощь, если кто захочет упразднить их царскую власть. e

Мегилл. Да.

Афинянин. Царская же, клянусь Зевсом, и вообще всякая власть разрушается разве не самими ее носителями? Или мы позабыли уже то, что установили попутно немного раньше?

Мегилл. Как могли мы забыть?

Афинянин. Теперь мы будем настаивать на этом с еще большей определенностью. Похоже, что встретившиеся нам обстоятельства привели нас к такому же точно заключению, так что мы будем 684
исследовать не какие-то пустяки, но действительно бывшее и содержащее истину. Речь идет о следующем. В трех государствах установилась царская власть, и каждое из правительств клятвенно обещало своим городам соблюдать установленные общие законы относительно управления и подчинения: одна сторона клялась не усиливать власти с течением времени при ее переходе от поколения к поколению; другая сторона клялась, если указанные условия будут соблюдены правителями, самим не низвергать никогда царской власти и другим не способствовать в их попытках подобного рода. Цари обещались помогать царям и народам, терпящим оби- b
ды, а народы — народам и царям. Не так ли?

Мегилл. Да, так.

Афинянин. Цари ли дали такие законы или кто другой, но это было величайшим установлением для сохранения государственного строя этих трех государств.

Мегилл. Какое именно?

Афинянин. То, что два государства всегда помогали друг другу против третьего в случае его неповиновения установленным законам.

Мегилл. Это ясно.

Афинянин. Однако большинство требует от законодателей, c
чтобы они устанавливали такие законы, которые были бы добровольно приняты большей частью народа. Это вроде того, как если бы требовали от учителей гимнастики и врачей только приятного упражнения и врачевания для поручаемого их попечению тела.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Но нередко приходится довольствоваться и тем, что тело делают здоровым и крепким без особой боли.

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Вот еще какое обстоятельство значительно облег- d
чило тогдашним людям установление законов...

Мегилл. Какое?

Афинянин. Эти законодатели, устраивая для людей имущест-
венное равенство, не имели дела с величайшим препятствием, ко-
торое встречается во многих других получающих законы государ-
ствах. Ведь, принимая во внимание, что невозможно установить
достаточное равенство без передела земли и отмены долговых
обязательств, законодатель пытается поколебать что-либо из это-
e го, и тогда все восстают против него, утверждая, что нельзя ко-
лебать непоколебимое, и проклинают того, кто предлагает пере-
дел земли и отмену долгов, так что положение такого человека
становится крайне затруднительным. У дорийцев же и здесь дело
обстоит прекрасно и безупречно: земля поделена без споров и нет
больших и давних долгов.

Мегилл. Это правда.

Афинянин. Почему же, мои дорогие, эти установления и зако-
нодательство имели у них такой дурной исход?

685 *Мегилл.* Как? Что именно ты порицаешь?

Афинянин. То, что из создавшихся трех больших сообществ
два вскоре извратили свой строй и свои законы и лишь третье со-
хранило их, именно ваше государство.

Мегилл. Ты задал нелегкий вопрос.

Афинянин. Однако нам теперь надо рассмотреть его и исследо-
вать, чтобы беспечально пройти весь путь, забавляясь разумной
старческой забавой, касающейся законов, ведь мы так решили
b в начале пути.

Мегилл. Что ж! Сделаем так, как ты говоришь.

Афинянин. К какому же рассмотрению законов и лиц, их упо-
рядочивших, могли бы мы обратиться скорее, чем к этому? И ка-
кие более славные и великие государства и установления могли бы
мы исследовать?

Мегилл. Нелегко назвать другие взамен этих.

Афинянин. Почти наверняка тогдашние законодатели считали
такое устройство, при котором оказывается взаимная помощь,
c пригодным не только для Пелопоннеса, но и для всех эллинов
в случае, если кто из варваров станет их притеснять, — например
когда население Илиона, доверившись ассирийскому могуществу,
значительному во времена Нина,[12] неосмотрительно вызвало Тро-
янскую войну. А ведь сохранившееся тогда еще величие этой
державы было немалым; подобно тому как мы теперь опасаемся
Великого царя, так тогдашние люди боялись создания этого союза.
d Вторичное же взятие Трои вызвало немало нареканий на греков,
ибо она составляла часть ассирийской державы.[13] Учитывая все
это, прекрасно, видимо, было придумано и упорядочено единое

устройство того войска под властью братьев-царей, сыновей Ге-
ракла,[14] которое было поделено между тремя государствами, го-
раздо лучше, чем устройство ополчения, пришедшего под Трою.
Во-первых, Гераклиды считались лучшими правителями, нежели
Пелопиды;[15] затем и войско это в считалось превосходящим по e
добродетели то, что пришло под Трою, ибо, победив троянцев,
ахейцы в свою очередь были превзойдены дорийцами.[16] Не правда
ли, все было устроено тогдашними законодателями именно так и с
такой целью?

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Итак, естественно было им считать, что такое поло-
жение сохранится незыблемым на долгое время, так как они разде- 686
лили выпавшие на их долю немалые труды и опасности, а находи-
лись они под властью единого рода братьев-царей, да к тому же и
вопросили много разных прорицателей, в том числе и Дельфий-
ского Аполлона.[17]

Мегилл. И это было естественно.

Афинянин. Но все это ожидаемое величие, видно, быстро тогда
рассеялось, за исключением, как мы теперь указали, небольшой
части вашей области, которая никогда не прекращает войны про- b
тив остальных двух частей, даже и в наши дни. Между тем возник-
ший тогда единый и согласованный образ мыслей создал бы мощь,
непобедимую на войне.

Мегилл. Не иначе.

Афинянин. Как же, каким путем все это погибло? Разве не сто-
ит рассмотреть, какая судьба погубила столь совершенный союз?

Мегилл. Если этим пренебречь, то, рассматривая что-либо дру-
гое, с трудом можно было бы понять, как законы и государствен- c
ный строй сохраняют величие прекрасных деяний или, наоборот,
совсем его губят.

Афинянин. Значит, как кажется, мы счастливо напали на пред-
мет, достойный рассмотрения.

Мегилл. Несомненно.

Афинянин. Не правда ли, дорогой мой, видя возникновение
чего-то прекрасного, пригодного для создания удивительных
вещей, все люди так же, как мы сейчас, забывают о том, хорошо
ли сумеет кто-либо этим воспользоваться и как? Вот и мы теперь, d
пожалуй, рассуждали об этом неверно и несообразно с природой,
так же как и все при таком подходе относительно любых других
вещей.

Мегилл. Скажи, в чем дело? И к чему относится это твое заме-
чание?

Афинянин. Друг мой, сейчас я сам себе смешон. Когда я обратил внимание на то войско, о котором у нас идет речь, оно показалось мне превосходным и чудесным эллинским достоянием, —
e если бы, повторяю, им тогда умело воспользовались.

Мегилл. Но ведь ты говорил обо всем хорошо и разумно, и мы хвалили тебя.

Афинянин. Может быть. По крайней мере я думаю, что при виде чего-то великого, имеющего большую силу и мощь, у всякого тотчас же создается впечатление, что если бы обладатель этой великой силы умел ею пользоваться, то, совершая много чудесных дел, он непременно бы благоденствовал.

687 *Мегилл.* Разве это не верно? Каков же твой взгляд?

Афинянин. Посмотри, на что обращает внимание тот, кто правильно высказывает похвалу этого рода. Но сначала поговорим о том, о чем у нас шла теперь речь: если бы тогдашние устроители сумели надлежащим образом поставить войско, то как бы они этим воспользовались? Если бы они непоколебимо установили войско так, чтобы самим быть свободными, властвовать над кем
b угодно и вообще среди всех людей, эллинов и варваров, совершать то, что было бы предметом вожделения и для них самих, и для их потомков, то они сохранили бы войско на вечные времена. Разве это не заслужило бы им похвалы?

Мегилл. И даже очень.

Афинянин. Так же точно при виде большого богатства и особых отличий знати, равно как и других подобных вещей, всякий обратит внимание на это и скажет то же самое, то есть что посредством этого можно достичь исполнения всех или по крайней мере большинства достойных упоминания желаний.

Мегилл. Естественно,

c *Афинянин.* Скажи, нет ли у всех людей одного общего желания, к выяснению которого и стремится наше рассуждение, как само оно о том говорит?

Мегилл. Какое же это желание?

Афинянин. Чтобы все происходящее, а если не все, то хотя бы все человеческое, делалось по приказу нашей души.

Мегилл. Хорошо бы!

Афинянин. Так как все мы всегда желаем этого — и дети, и старики, то, не правда ли, мы неизбежно только об этом и молимся?

Мегилл. Конечно.

d *Афинянин.* Для дорогих нам людей мы в наших молитвах просим того же, чего они просят сами себе.

Мегилл. Да.

Афинянин. Сын дорог отцу: он — ребенок, а тот — взрослый.

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Однако многое из того, о чем молит для себя ребенок, отец просит богов отвратить, — чтобы это никогда не исполнилось по молитвам сына.

Мегилл. Ты говоришь о молитвах неразумного юноши.

Афинянин. Когда отец, будучи стариком или очень еще молодым
и не имея понятия о том, чтó прекрасно и чтó справедливо, усердно e
молится, а сам находится в состоянии, подобном тому, которое испытывал Тесей в отношении злополучно погибшего Ипполита, как ты думаешь, станет ли сын, зная это, молиться с ним заодно?[18]

Мегилл. Я понимаю, о чем ты говоришь. Мне кажется, ты утверждаешь, что дóлжно желать и стремиться не к тому, чтобы все следовало нашей воле, но скорее, чтобы воля следовала за нашим разумением, так что и государству, и каждому из нас дóлжно молиться и хлопотать о том, чтобы обладать умом.

Афинянин. Да, я помню и хочу напомнить вам, что законода- 688
тель, человек государственный, должен устанавливать распорядок
законов, имея в виду всегда именно это. Вспомним, о чем мы говорили вначале: вашим требованием было, чтобы хороший законодатель устанавливал все свои узаконения ради войны. По-моему, это значило бы устанавливать законы только ради одной добродетели, между тем как их четыре. Дóлжно иметь в виду всю сово-
купность добродетелей, в особенности же первую, руководящую b
добродетель, а именно разумность, ум и [верное] мнение вместе с любовью и желанием, следующими за ними. Так что наше рассуждение снова вернулось к тому же, и я снова повторяю то, что сказал тогда, — в шутку или серьезно, как хотите: я утверждаю, что для того, кто не обладает умом, опасно пользоваться молитвами и если уж ему следует молиться, то скорее о том, что противоположно его
желаниям. Однако, если угодно, примите мои слова всерьез. c
Я ожидаю, что вы, следуя за рассуждением, изложенным несколько раньше, найдете теперь, что причина гибели царей и всех их замыслов не трусость и отсутствие военных знаний у правителей и тех, кому надлежит подчиняться, но всевозможная порочность
другого рода, в особенности же невéдение величайших человече- d
ских дел. Что тогда это произошло именно так, да и теперь кое-где случается и в последующее время будет происходить не иначе, я, если хотите, попробую показать по порядку и по мере сил разъяснить это вам как моим друзьям.

Клиний. Чужеземец, было бы в высшей степени неуместно восхвалять тебя на словах; лучше пусть это покажут наши дела. Мы

усердно будем следить за твоим рассуждением, ведь именно таким образом свободнорожденный человек всего более обнаруживает свое одобрение или порицание.

e *Мегилл.* Превосходно, Клиний. Мы поступим, как ты говоришь.

Клиний. Да будет так, если угодно богу. Только бы ты продолжал.

Афинянин. Итак, следуя дальнейшему ходу нашего рассуждения, мы теперь утверждаем, что ту власть погубило тогда величайшее невéдение, так же как оно по своей природе совершает это и ныне. При таком положении дела законодателю надо постараться сколь возможно внедрить в государстве разумность, неразумие же как можно скорее изъять.

Клиний. Очевидно.

689 *Афинянин.* Какое же невéдение может быть названо по справедливости величайшим? Посмотрите, согласны ли вы с тем, что я говорю. Я полагаю, что следующее...

Клиний. Какое?

Афинянин. Когда кто-нибудь не любит, но ненавидит то, что ему кажется прекрасным и добрым, кажущееся же скверным, несправедливым любит и приветствует. Эту несогласованность страдания и удовольствия с разумным мнением я считаю крайним и величайшим невéдением, так как оно принадлежит большей части
b души. Часть души, испытывающая скорбь и удовольствие, это все равно что народное большинство в государстве. Когда душа противится знаниям, [правильным] мнениям или разуму, от природы предназначенным править, это я признаю неразумием, так же как и в государстве, когда большинство не повинуется правителям и законам. То же самое происходит и в каждом отдельном человеке, если имеющиеся в душе прекрасные понятия порождают лишь
c свою прямую противоположность. Все это я счел бы самым порочным неведением как для государства, так и для каждого отдельного гражданина, исключая разве только ремесленников. Улавливаете ли вы, чужеземцы, смысл моих слов?

Клиний. Мы понимаем, друг мой, и согласны с тем, что ты говоришь.

Афинянин. Так пусть же это будет у нас так постановлено и выражено: невежественным гражданам нельзя поручать ничего относящегося к власти; их должно поносить как невежд, даже если они
d и горазды рассуждать и наловчились во всевозможных душевных тонкостях и извивах. Людей же противоположного склада дóлжно называть мудрыми, даже если они, как говорят, ни читать, ни пла-

вать не умеют;[19] как людям разумным, им надо поручать управление. В самом деле, друзья мои, без лада может ли родиться хоть какой-то вид разумности? Это невозможно. Всего справедливее было бы назвать самой большой мудростью прекраснейшую и величайшую гармонию. Ей причастен тот, кто живет сообразно с разумом; а кто ее лишен, тот разрушитель своего дома и никогда не будет спасителем государства, но как невежда вечно все будет делать наоборот. Итак, пусть, согласно только что сказанному, это e
считается установленным.

Клиний. Да будет так.

Афинянин. Необходимо, чтобы в государствах были правители и подчиненные.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Прекрасно. Но на каких основаниях одни должны 690
править, а другие подчиняться в больших государствах и малых семьях? Одно из таких оснований — отцовская и материнская власть, да и вообще правильно повсюду понимаемая родительская власть над потомством.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Кроме того, благородные должны править неблагородными; и, в-третьих, следовательно, старшие должны править, младшие подчиняться.

Клиний. Да.

Афинянин. В-четвертых, рабы должны подчиняться, а их гос- b
пода — править.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. В-пятых, я думаю, должен править сильный, а слабый ему подчиняться.

Клиний. Ты указал на необходимый вид власти.

Афинянин. К тому же это самая распространенная и сообразная с природой власть для всех живых существ, как некогда сказал фиванец Пиндар.[20] Но главнейшим требованием, является, по-видимому, шестое, чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью.[21] Впрочем, о мудрейший Пиндар, c
по моему мнению, это, пожалуй, и не противоречит природе; я бы сказал, что природе соответствует не насильственная власть закона, но добровольное ему подчинение.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Седьмой вид власти можно назвать счастливым и угодным богам; мы установим его в зависимости от жребия: вынувший жребий должен править, не вынувший — отступиться и подчиняться. Мы признаём это в высшей степени справедливым.

Клиний. Совершенно верно.

d *Афинянин.* «Видишь ли ты, законодатель, — шутя сказали бы мы тому, кто с легким сердцем приступает к установлению законов, — сколько есть обоснований власти, по природе своей противоречивых. Ныне мы открыли некий источник раздоров, о котором ты должен подумать. Прежде всего рассмотри вместе с нами, в чем и как погрешили против сказанного сейчас цари Аргоса и Мессены, погубившие, таким образом, и самих себя, и великую
e в ту пору мощь эллинов. Ведь они знали в высшей степени верное изречение Гесиода, что часто половина больше целого:[22] например, когда захватить целое опасно, а половины вполне достаточно, то, думал он, достаточное больше чрезмерного, так как оно лучше его».

Клиний. Совершенно правильно.

Афинянин. Что же, по-нашему, причина гибели в каждом отдельном случае коренилась прежде всего в царях или же в народе?

691 *Клиний.* Вероятнее то, что бывает чаще: это болезнь царей, непомерно заносчивых по причине жизни в роскоши.

Афинянин. Итак, очевидно, что прежде всего это постигло тогда царей. Они желали стоять выше установленных законов и не были согласны друг с другом в том, в чем поклялись и что на словах одобряли. Разногласие же, как мы утверждаем, — это величайшее невежество, хотя и кажется мудростью. Оно-то и погубило все из-за небрежности и дремучей необразованности.

Клиний. По-видимому.

b *Афинянин.* Отлично. Как же мог бы тогдашний законодатель уберечься от возникновения этого зла? Клянусь богами, теперь-то не мудрено это знать и нетрудно высказать; но если бы кто предвидел это тогда, он был бы мудрее нас.

Мегилл. Что ты разумеешь?

Афинянин. Теперь это можно понять, если обратить внимание на то, что произошло у вас, Мегилл, а поняв, нетрудно сказать, что должно было тогда случиться.

Мегилл. Скажи яснее.

Афинянин. Всего яснее будет, пожалуй, сказать вот как...

Мегилл. Как?

c *Афинянин.* Если, забыв меру, слишком малому придают что-либо слишком большое: судам — паруса, телам — пищу, а душам — власть, то все идет вверх дном; исполнившись дерзости, одни впадают в болезни, другие — в несправедливость, это порождение высокомерия.[23] Но к чему мы клоним речь? Вот к чему: смертная душа, друзья мои, не может по своей природе, если она

молода и безответственна, вынести величайшей среди людей влас-
ти; разум ее преисполняется тяжелейшим недугом неразумия, и d
она начинает ненавидеть ближайших друзей, а это вскоре губит ее
и уничтожает всю ее мощь. Только великие законодатели, познав
соразмерное, могут этого остеречься. Теперь весьма легко догада-
ться, чтó тогда случилось. По-видимому, вот что...

Клиний. Да?

Афинянин. Некий бог, провидящий будущее,[24] заботился о вас.
Он сделал более умеренной царскую власть, установив вместо од-
ного двойной царский род. Затем некая человеческая природа, сое- e
динившись с какой-то божественной силой, поняла, что вашу
власть все еще лихорадит, и соединила рассудительную мощь ста-
рости с гордой силой происхождения, установив в важнейших де- 692
лах равнозначность власти двадцати восьми старейшин и царской
власти.[25] Третий же спаситель вашего государства, видя, что его
все еще обуревают страсти, как бы узду набросил на него в виде
власти эфоров, близкой к выборной власти.[26] Потому-то у вас цар-
ская власть, возникнув из смеси надлежащих частей, была умерен-
ной и, сохранившись сама, оказалась спасительной и для других.
Между тем при Темене, Кресфонте и тогдашних законодателях, b
кто бы они ни были, даже и удел Аристодема[27] не был бы сохранен,
ибо они были недостаточно опытными в законодательстве: иначе
они не сочли бы возможным с помощью клятв укрощать молодую
душу, получившую такую власть, что из нее легко могла возник-
нуть тирания. Но бог указал, какой и раньше и теперь должна быть
постоянно пребывающая власть. Как я сказал раньше, ничего муд- c
реного нет, если мы теперь это знаем, ведь нетрудно судить на
примере прошлого. Но если бы тогда кто-нибудь мог это предви-
деть и был в состоянии сделать власть более умеренной и единой
вместо тройственной, он спас бы все прекрасное, что тогда было
придумано, и никогда не двинулось бы ни персидское, ни какое
иное войско против Эллады и не отнеслось бы к нам презрительно,
как к малодостойным людям.

Клиний. Ты верно говоришь.

Афинянин. Постыдно защищались от них эллины, d

Клиний. Не потому постыдно, что тогда не было одержано пре-
красных побед в сухопутных и морских сражениях, но, полагаю,
вот почему: во-первых, из трех существовавших тогда государств
лишь одно сражалось за Элладу, остальные же два настолько низ-
ко пали, что одно из них даже препятствовало Лакедемону защи-
щаться, ведя по мере сил с ним войну, другое же, а именно Аргос, e
первенствовавшее при тогдашнем разделе, не повиновалось при-

зыву идти против варваров и не пошло.[28] Много можно было бы привести примеров из тогдашней войны, которые вовсе не свидетельствуют в пользу Эллады. Было бы даже неверно утверждать,
693 что Эллада себя защитила. Если бы афиняне и лакедемоняне, следуя общему замыслу, не отвратили надвигавшегося рабства, то почти смешались бы между собой все эллинские племена, а также варварские с эллинскими и эллинские с варварскими, подобно тому как эллины, находящиеся теперь под властью персов, живут скверно, в рассеянии: их то разъединяют, то объединяют.

Вот в чем, Клиний и Мегилл, можем мы упрекнуть тех давних так называемых государственных людей и законодателей, равно
b как и нынешних. Вскрывая причины их неудач, мы станем отыскивать, что же надо делать вместо этого. Вот, например, то, что мы сейчас сказали: не надо устанавливать законами могущественные и несмешанные власти, принимая во внимание, что государство должно быть свободным, разумным и дружественным самому себе; законодатель должен давать законы, имея в виду именно это.

Не станем удивляться тому, что нередко, выдвинув какое-либо положение, мы утверждаем, что его-то и должен иметь в виду законодатель в своем законодательстве, между тем как у нас всякий
c раз, казалось бы, выдвигаются различные положения; надо принять в расчет следующее: когда мы утверждаем, что дóлжно иметь в виду рассудительность, или разумность, или дружбу, то ведь это не разные точки зрения, но все одна и та же. Поэтому не будем смущаться разнообразием подобных выражений.

Клиний. Попытаемся поступить так, когда вернемся к нашему рассуждению. Поведай нам о дружбе, разумности и свободе, кото-
d рые, по твоим словам, должны быть целью законодателя.

Афинянин. Слушай же! Есть два как бы материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать по праву, родились остальные. Было бы правильно указать на монархию как на первый из них и на демократию как на второй. Монархия достигла высшего развития у персов, демократия — у нас. Почти все остальные виды государственного устройства, как я сказал, представляют собой пестрые соединения этих двух.[29] Чтобы существовала свобода и дружба в соединении с разумностью, неизбежно надо быть причастным и к тому и к другому виду. Этого требует наше
e рассуждение, утверждающее, что государство, не причастное к ним, не может иметь хорошего строя.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Персы более, чем было дóлжно, полюбили монархическое начало, афиняне — свободу; вот почему ни у тех, ни у

других нет умеренности. В лакедемонском и критском государственном устройстве больше меры; у афинян и у персов в старину тоже так было, теперь же в меньшей степени. Причины этого мы разобрали. Не так ли? 694

Клиний. Вполне, если только завершим нашу задачу.

Афинянин. Итак, внимание! Персы при Кире[30] держались середины между рабством и свободой и стали сначала свободными сами, а затем — господами над многими другими. Но, будучи правителями, они уделяли подчиненным долю в свободе и относились к ним как к равным, так что воины были в большой дружбе с военачальниками и охотно шли навстречу опасности. Если кто из них b
был разумен и мог подать совет, царь не завидовал, но позволял быть откровенным и ценил тех, кто мог быть советчиком; он давал им возможность публично проявлять свою разумность, и потому в ту пору персам все удавалось благодаря свободе, дружбе и обмену мнениями.

Клиний. По-видимому, все было так, как ты говоришь.

Афинянин. Почему же это погибло при Камбисе и снова почти c
возродилось при Дарий?[31] Хотите, прибегнем в наших рассуждениях к своего рода предвидению?

Клиний. Да, это приведет наше рассмотрение к той цели, которую мы себе поставили.

Афинянин. Итак, я догадываюсь относительно Кира, что в общем он был хорошим полководцем и любил свое государство, но совершенно не воспринял правильного воспитания и не проявил разума как домохозяин.

Клиний. Можем ли мы это утверждать?

Афинянин. Видно, он с юных лет и в продолжение всей своей d
жизни был в военных походах, воспитание же своих детей поручил женщинам. А те воспитали их в сознании, что они счастливы и блаженны от рождения и ни в чем более не нуждаются. Женщины никому не позволяли хоть в чем-то противоречить этим детям как вполне счастливым, а также заставляли всех восхвалять их слова и поступки. Вот как они их воспитали.

Клиний. Прекрасное рисуешь ты воспитание!

Афинянин. Это женское воспитание — женщин царского дво- e
ра, недавно разбогатевших, ибо в отсутствие мужчин — те заняты войной и многими опасными делами — именно эти женщины воспитывали детей.

Клиний. Это понятно.

Афинянин. Отец приобрел для них обширные стада крупного и мелкого скота, толпы рабов и много другого имущества. Но он не 695

знал, что те, кому он собирался передать все это, получают воспитание не на отечественный лад, ведь персы — пастухи, дети суровой страны, потому и воспитание их суровое, умеющее создать сильных и крепких пастухов, способных жить под открытым небом, обходиться без сна и в случае нужды нести военную службу. Между тем Кир просмотрел, что его сыновьям женщинами и евнухами было дано гибельное воспитание — в счастье, как принято
b говорить, воспитание на мидийский лад, из-за чего они стали такими, какими и должны были стать воспитанные без наказаний. После смерти Кира власть перешла к его сыновьям, развращенным негой и безнаказанностью. Из них сперва один убил другого, не желая терпеть себе равного, а затем и сам, безумствуя от пьянства и невоспитанности, потерял свою власть из-за мидян и известного тогда евнуха, который презирал Камбиса за его глупость.

c *Клиний.* Да, так рассказывают об этом, и, видно, все и было именно так.

Афинянин. Говорят, что власть снова перешла к персам благодаря Дарию и Семи.[32]

Клиний. Так что же?

Афинянин. Рассмотрим это по порядку. Ведь Дарий не был сыном царя и не получил изнеженного воспитания. Встав у власти, которую он получил как один из Семи, он разделил государство на семь частей, от которых ныне осталось лишь одно воспоминание;
d затем он установил законы, введя некое всеобщее равенство; он обусловил законом Кирову дань, которую тот обещал персам, и дружелюбно общался со всеми персами, привлекая персидский народ деньгами и подарками. Поэтому войска охотно добавили к его землям не меньше, чем оставил Кир. После Дария Ксеркс[33] был снова воспитан на царский, изнеженный лад. «Ах, Дарий, Дарий, — по праву, пожалуй, можно было бы сказать, — как это ты
e не понял беды Кира и воспитал Ксеркса в тех же нравах, что Кир Камбиса!» Так как Ксеркс вырос в тех же условиях, что и Камбис, он и претерпел примерно то же самое. Приблизительно с этого времени у персов уже не было на самом деле Великого царя — разве что только по имени.[34] По-моему, причина здесь не в судьбе, но в дурном образе жизни, какой ведут большей частью дети особо
696 богатых людей и тиранов. Под влиянием такого воспитания ни в коем случае нельзя отличиться в добродетели — ни в детстве, ни в зрелом возрасте, ни в старости. На это-то, утверждаем мы, и должен обратить внимание законодатель, а также и мы теперь в нашей беседе. Надо отдать справедливость, лакедемоняне, вашему государству: вы ни частному лицу, ни царю, ни богатому, ни бед-

ному не уделяете особых почестей и не создаете для них особых условий воспитания, кроме тех, которые возвестил вам изначально божественный законодатель от имени некоего божества. Ибо в государстве не должно существовать чрезмерных почестей лишь за то, что такой-то отличается богатством, быстротой, красотой либо силой, если все это не сопровождается какой-либо добродетелью, и даже за добродетель, если при этом отсутствует рассудительность. b

Мегилл. Что ты имеешь в виду, чужеземец?

Афинянин. Мужество не есть ли часть добродетели?

Мегилл. Как же иначе?

Афинянин. Так выслушай же мое слово и сам рассуди: хотел бы ты иметь в своем доме или соседом человека очень мужественного, но нерассудительного и разнузданного?

Мегилл. Боже избави! c

Афинянин. Ну а мастера, мудрого в каком-либо искусстве, но несправедливого?

Мегилл. Никоим образом.

Афинянин. Но ведь справедливость не встречается отдельно от рассудительности?

Мегилл. Конечно, нет.

Афинянин. И так же точно не лишен рассудительности описанный нами сейчас мудрый человек, чьи удовольствия и страдания согласуются с верными мнениями и вытекают из них?

Мегилл. Да.

Афинянин. Рассмотрим же еще следующее по поводу государственных почестей — правильно ли они каждый раз воздаются d или нет...

Мегилл. Что именно?

Афинянин. Если рассудительность одиноко пребывает в душе, без всей остальной добродетели, то какой она будет по справедливости — ценной или наоборот?

Мегилл. Не знаю, как и сказать.

Афинянин. Это удачный ответ, ибо, что бы ты ни сказал, все, по-моему, было бы невпопад.

Мегилл. Значит, получилось все к лучшему.

Афинянин. Отлично. Ведь то, добавление чего обусловливает e ценность, достойно не слова, но скорее полного молчания.

Мегилл. Мне кажется, ты говоришь именно о рассудительности.

Афинянин. Да. Из остального самым правильным будет выше всего ценить то, что с этим добавлением приносит нам наиболь-

шую пользу, а то, что приносит меньше пользы, ставить на втором месте, и так все по порядку займет подобающее ему место.

697 *Мегилл.* Действительно, это так.

Афинянин. Что же? Подобное распределение ценностей не входит разве в задачу законодателя?

Мегилл. Вполне.

Афинянин. Согласен ли ты предоставить ему такое распределение в каждом деле, даже в мелочах? Или, так как и мы — ревнители законов, не попытаться ли нам со своей стороны произвести троякое различение, выделив самое важное, а затем — стоящее на втором и на третьем месте?

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Итак, мы утверждаем, что государство, желающее
b себя сохранить и по мере человеческих сил быть счастливым, должно по необходимости правильно оценивать честь и бесчестье. Но самое ценное по праву — это блага, относящиеся прежде всего к душе, если в ней есть рассудительность, затем прекрасные качества тела и, в-третьих, так называемые бла́га, относящиеся к имуществу и достатку. Если какой-нибудь законодатель или какое-то государство выйдут за эти пределы, оценив наиболее высоко достаток или поместив в смысле ценности низшее перед высшим,
c они совершат дело и негосударственное, и нечестивое. Согласны мы с этим или нет?

Мегилл. Конечно, согласны!

Афинянин. Несколько дольше распространиться об этом заставило нас рассмотрение персидского государственного устройства. Мы видим, что оно с каждым годом становится хуже. Причина же заключается в том, что персы чрезмерно урезали свободу народа и дали более, чем следует, развернуться деспотическому началу, так что в их государстве погибли дружба и общность. А без них со-
d вет правителей, совещаясь, имеет в виду не благо подданных и народа, но лишь свою собственную власть. Если они находят хотя бы малейшую выгоду для себя, они разрушают города, сжигают и опустошают даже дружественные племена, сея повсюду беспощадную ненависть; поэтому-то их все и ненавидят. Когда случается надобность, чтобы народ сражался за них, они не встречают в нем никакой готовности подвергаться вместе с ними опасностям
e и сражаться за них, так что все их неисчислимые полчища оказываются непригодными для войны. И вот, точно у них недостаток людей, нанимают они наемников и думают найти спасение при по-
698 мощи чужеземцев. К тому же они поневоле обнаруживают свое неведение, показывая своими поступками, что все считающееся цен-

ным и прекрасным в государстве — всегда пустяк в сравнении с золотом и серебром. Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Этим можно заключить наше доказательство, что у персов теперь все устроено неправильно из-за жестокого рабства и деспотизма.[35]

Мегилл. Безусловно.

Афинянин. Теперь после этого нам нужно точно так же разо-
брать аттическое государственное устройство, чтобы показать, b
что полная свобода и независимость от всякой власти гораздо
хуже умеренного подчинения другим людям. Во времена персид-
ского нашествия на эллинов и чуть ли не на все племена, живущие
в Европе, у нас еще существовал древний государственный строй,
где правительственные должности основывались на имуществен-
ном цензе четырех классов.[36] Владычицей у нас была некая совест-
ливость, благодаря которой мы охотно жили в подчинении тог-
дашним законам. К тому же величина персидского войска и флота
нагнала на нас безысходный страх; мы еще больше подчинялись c
властям и законам, и благодаря этому среди нас воцарилась боль-
шая взаимная дружба. Ибо почти за десять лет до Саламинской
битвы прибыло персидское войско во главе с Датисом,[37] которого
Дарий послал прямо против афинян и эретрийцев, чтобы их пора-
ботить, причем угрожал ему смертью, если он это не выполнит.
Датис при помощи многочисленного войска в короткое время d
совершенно завладел Эретрией,[38] а в наше государство пустил
страшную весть, будто ни один эретриец от него не ушел, так как
его солдаты, взявшись за руки, прочесали всю Эретрию. Это изве-
стие — верное или нет, — откуда бы оно ни исходило, поразило
остальных эллинов, в том числе и афинян. Они разослали во все
стороны гонцов, но никто не хотел оказать им помощи, кроме ла- e
кедемонян. Помешала ли им тогдашняя их война с Мессеной или
что другое — этого мы не знаем, — но они пришли на день позже
Марафонской битвы.[39] После этого то и дело приходили известия
о больших приготовлениях и бесчисленных угрозах со стороны
царя; однако через некоторое время стало известно, что Дарий
умер, власть же перешла к его молодому горячему сыну, который
вовсе и не думал прекратить наступление. Афиняне полагали, что 699
все это готовится именно против них — из-за Марафонской битвы.
Узнав, что уже подкапывают Афон, а через Геллеспонт наводят мост,[40] и услышав о множестве судов, они решили, что им нет спасения ни на суше, ни на море и что никто им не поможет, ведь они помнили, что во время первого нашествия и эретрийских событий им никто не помог и не пожелал рискнуть стать их союзником.

b То же самое, полагали они, постигнет их и на суше; в то же время и на море было очень трудно спастись, ибо там находилось более тысячи судов.[41] Оставался один-единственный лишь выход, слабый и почти безнадежный: оглянувшись на предшествовавшие события, они заметили, что сражались и тогда при обстоятельствах, казавшихся очень трудными, однако победили. Опираясь на эту надежду, они обрели прибежище только в самих себе и в богах.
c Все это и господствовавший тогда страх, возникший под влиянием прежних законов и заставлявший им подчиняться, внушили им взаимную дружбу. В предшествовавших рассуждениях мы нередко называли этот страх совестливостью. Мы утверждаем, что ей должны служить те, кто намерен быть порядочным человеком. Лишь презренные трусы свободны от этого страха. Кого не охватил бы тогда этот ужас, тот не собрался бы с духом и не дал бы отпора, не защитил бы святынь, могил, родины, своих домашних и
d друзей, не пришел бы им на помощь, но все мы были бы рассеяны поодиночке и разбросаны по миру.

Мегилл. Чужеземец, ты говоришь все правильно и достойно самого себя и своей родины.

Афинянин. Так обстоит дело, Мегилл. Перед тобой можно по праву излагать события того времени, так как ты одной породы с твоими предками. Посмотри же вместе с Клинием, имеет ли то, о чем мы говорили, какое-то отношение к законодательству. Ибо я распространяюсь об этом не для того, чтобы только гово-
e рить, но ради предмета нашего рассуждения. Ведь вы видите, каким-то образом мы, афиняне, оказались в том же положении, что и персы, хотя те ведут народ к всевозможному порабощению, мы же, наоборот, направляем людей к всевозможной свободе. Какой же отсюда вывод? Ведь наши прежние рассуждения в известном смысле были прекрасны.

700 *Мегилл.* Хорошо сказано, но попытайся еще лучше разъяснить нам свои слова.

Афинянин. Пусть будет так. Друзья мои, когда были в силе наши древние законы, народ ни над чем не владычествовал, но в некотором смысле добровольно им подчинялся.

Мегилл. О каких законах ты говоришь? Афинянин. Прежде всего о тогдашних законах относительно мусического искусства, если уж разбирать с самого начала чрезмерный расцвет свободной жизни. Тогда у нас мусическое искусство различалось по его ви-
b дам и формам. Один вид песнопений составляли молитвы к богам, называемые гимнами; противоположность им составлял другой вид песнопений — их по большей части называют френами; затем

шли пэаны и, наконец, дифирамб, уже своим названием намекающий, как я думаю, на рождение Диониса.[42] Как некий особый вид песнопений дифирамбы называли «номами», а точнее — «кифародическими номами».[43] После того как это и кое-что другое было установлено, не дозволено стало злоупотреблять обращением од- c
ного вида песен в другой. Распознать же их суть, а вместе с тем найти их знатока, а найдя, наказать неповинующегося — это не было делом свистков и нестройных криков толпы, как теперь; и не рукоплесканиями воздавали хвалу, но было постановлено, чтобы те, кто занимается воспитанием, выслушивали их в молчании до конца; дети же, их руководители и большинство народа вразумлялись при помощи указующего жезла. При таком порядке большин- d
ство граждан охотно повиновалось и не осмеливалось высказывать шумом свое суждение. Впоследствии, с течением времени, зачинщиками невежественных беззаконий стали поэты, одаренные по природе, но не сведущие в том, чтó справедливо и законно в области Муз. В вакхическом исступлении, более должного одержимые наслаждением, смешивали они френы с гимнами, пэаны с дифирамбами, на кифарах подражали флейтам, все перемешивая между собой; невольно, по неразумию, они извратили мусическое e
искусство, словно оно не содержало никакой правильности и словно мерилом в нем служит только наслаждение, испытываемое тем, кто получает удовольствие, независимо от того, плох он или хорош.[44] Сочиняя такие творения и излагая подобные учения, они внушили большинству беззаконное отношение к мусическому искусству и дерзкое самомнение, заставлявшее их считать себя достойными судьями. Поэтому-то театры, прежде спокойные, стали 701
оглашаться шумом, точно зрители понимали, чтó прекрасно в музах, а что нет; и вместо господства лучших в театрах воцарилась какая-то непристойная власть зрителей. Если бы при этом здесь возникло только господство благородных людей из народа, еще не было бы чрезмерной беды. Но теперь с мусического искусства началось у нас всеобщее мудрствование и беззаконие, а за этим последовала свобода. Все стали бесстрашными знатоками, бесстрашие же породило бесстыдство. Ибо это дерзость — не стра- b
шиться мнения лучшего человека, и, пожалуй, худшее бесстыдство — следствие чересчур далеко зашедшей свободы.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. За этой свободой последовало нежелание подчиняться правителям, затем стали избегать подчинения отцу с матерью,[45] всем старшим и их вразумлениям, а в конце концов появилось стремление не слушаться и законов. Достигнув этого предела,

c уже не обращают внимания на клятвы, договоры и даже на богов; здесь проявляется так называемая древняя титаничеекая природа; в своем подражании титанам[46] люди вновь возвращаются к прежнему состоянию и ведут тяжелую жизнь, преисполненную бедствий. Однако ради чего это нами сказано? Мне кажется, наше рассуждение нужно иной раз осаживать, точно коня, иначе нас
d понесет необузданность речи. Нам надо, по пословице, не ронять с осла нашей поклажи.[47] Вот почему я и задаю вопрос: ради чего это сказано?

Мегилл. Отлично.

Афинянин. Это сказано вот ради чего...

Мегилл. А именно?

Афинянин. Мы утверждали, что законодатель должен иметь в виду троякую цель: чтобы устрояемое государство было свободным, внутренне дружелюбным и обладало разумом. Так было сказано, не правда ли?

Мегилл. Совершенно верно.

e *Афинянин.* Ради этого мы выбрали, с одной стороны, самый деспотический, а с другой — самый свободный государственный строй. Посмотрим же теперь, какой из них более правильный. Если ввести и там и тут некоторую умеренность, в одном из них ограничить власть, а в другом свободу, тогда, как мы видели, в них наступит особое благополучие; если же довести рабство или свободу до крайнего предела, то получится вред и в первом, и во втором случае.

702 *Мегилл.* Ты говоришь сущую правду.

Афинянин. Ради этого мы рассмотрели устройство дорийского войска, поселения Дардана на предгорьях, приморские поселения, а также поселения первых людей, оставшихся после потопа; к тому же самому клонились прежние наши рассуждения о мусическом искусстве, об опьянении и все, что было сказано до того. А сказано все это ради рассмотрения вопроса о том, как лучше всего устроить государство и каким образом частному человеку луч-
b ше всего прожить свою жизнь. Можем ли мы себе доказать, Мегилл и Клиний, что мы поступили дельно?

Клиний. Мне кажется, чужеземец, у меня есть такое доказательство. Все рассуждения, что мы вели, возникли у нас, видимо, кстати. Ведь мне они сейчас совершенно необходимы, и я удачно
c встретил тебя и Мегилла. Не скрою от вас обоих то, что со мной случилось, ибо нашу встречу я считаю счастливым предзнаменованием. Большая часть Крита задумала основать колонию и поручила кносийцам заботу об этом; Кнос же передал это дело мне

и девяти другим лицам. Мы уполномочены устанавливать законы — здешние, если некоторые из них нам нравятся, и чужеземные, не обращая никакого внимания на их чуждое происхождение, если они окажутся лучше. Доставим же себе это удовольствие: d
сделав отбор из того, что было сказано, построим, беседуя, государство, устрояя его как бы с самого начала. Мы будем рассматривать занимающий нас вопрос, а вместе с тем возможно, что и я воспользуюсь этим построением для будущего государства.

Афинянин. Клиний, это совсем не звучит как объявление войны![48] Если только Мегилл не против, я готов предоставить в твое распоряжение все, что у меня есть: и силы, и разумение.

Клиний. Отлично.

Мегилл. Я также предоставляю все, что у меня есть.

Клиний. Прекрасно сказали вы оба! Однако попробуем сначала словесно устроить наше государство.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Общее вступление к законодательству

Афинянин. Ну а каким же надо представлять 704
себе это будущее государство? Я спрашиваю не о наименовании — нынешнем или будущем, ведь имя оно получит скорее всего от способа своего основания или от места, от реки, от источника либо от богов той местности, где оно будет основано, ведь вновь возникающее государство приобщится к их славе. Задавая свой вопрос, я хотел бы b
узнать, будет оно приморским или нет.

Географические условия будущего государства

Клиний. То государство, о котором Географические у нас сейчас шла речь, чужеземец, будет отстоять от моря примерно на восемьдесят стадий.[1]

Афинянин. Что же, будут у него там гавани или оно совершенно будет их лишено?

Клиний. Да, чужеземец, там будут самые прекрасные гавани, какие только бывают.

Афинянин. Ах, что ты говоришь?! А окружающая местность? c
Производит ли она все необходимое? Или чего-то недостает?

Клиний. Пожалуй, там нет ни в чем недостатка.

Афинянин. Будет ли там по соседству какое-либо государство?

Клиний. Нет, потому-то и основывается поселение. Вследствие давнего выселения, происшедшего здесь, местность эта с незапамятных времен осталась пустынной.

Афинянин. Далее. Какая достанется здесь нам доля равнин, гор и леса?

Клиний. Местность эта по своей природе похожа на всю остальную часть Крита.

d *Афинянин.* Значит, ты назвал бы ее скорее гористой, чем рав-
нинной?

Клиний. Именно так.

Афинянин. Следовательно, это государство может исцелиться
и обрести добродетель. Ведь если бы оно было приморским, с пре-
красными гаванями и в то же время не производило всего необхо-
димого, но испытывало бы во многом недостаток, то при такой
природе ему понадобились бы великий спаситель и божественные
законодатели, чтобы воспрепятствовать развитию всевозможных
дурных наклонностей. Однако восемьдесят стадий служат некото-
705 рым утешением. Правда, оно расположено к морю ближе, чем дóл-
жно, поскольку, по твоим словам, у него есть прекрасные гавани,
однако удовольствуемся хоть этим.

Близость моря хотя и дарует каждый день усладу, но на деле
это горчайшее соседство. Море наполняет страну стремлением
нажиться с помощью крупной и мелкой торговли, вселяет в души
лицемерные и лживые привычки, и граждане становятся недовер-
чивыми и враждебными как друг по отношению к другу, так и к
остальным людям.[2] Утешением в таких случаях служит то, что
b страна производит все необходимое, а раз эта местность гориста,
то, очевидно, она производит немного, но зато все, что нужно.
Иначе, обладая большим вывозом, она снова наполнилась бы в об-
мен на него серебряной и золотой монетой. А для государства, если
взять вопрос в целом, нет, так сказать, большего зла, чем это, когда
речь идет о приобретении благородных и справедливых нравов:
сколько помнится, именно так мы сказали раньше в нашей беседе.

Клиний. Мы помним это и согласны, что и тогда и теперь мы были правы.

c *Афинянин.* Дальше. Как обстоит в нашей местности с корабе-
льным лесом?

Клиний. Там нет ни елей, ни сосен, о которых стоило бы говорить. Кипарисов тоже немного, пихт и платанов мало совсем. А ведь они всякий раз нужны кораблестроителям для внутренних частей судов.

Афинянин. И в этом отношении природа местности неплоха.

Клиний. Как так?

Афинянин. Хорошо, когда государству нелегко а подражать
d своим врагам в дурном.

Клиний. Что из сказанного раньше ты имеешь при этом в виду?

Афинянин. Друг мой, следи за мной, помня о том, что в самом начале было сказано о критских законах: ведь они, как вы оба сказали, имеют в виду только одно — войну; я же, возражая, ответил: прекрасно, если подобные узаконения имеют в виду добродетель, но нельзя согласиться с тем, что они имеют в виду лишь часть добродетели, а не всю добродетель в целом. Так вот, следите теперь за e
мной и за предстоящим законодательством — установлю ли я хоть один закон, который не имел бы отношения к добродетели или к какой-то ее части. Я полагаю, что лишь тот надлежащим образом устанавливает закон, кто, подобно стрелку, всякий раз метит в одну цель — ту, которая непрестанно влечет за собой нечто пре- 706
красное, и оставляет в стороне все прочее — богатство и тому подобные вещи, если это не сопряжено с добродетелями, о которых мы говорили раньше. Я сказал, что дурное подражание врагам возникает в том случае, если какой-либо народ живет у моря и его тревожат враги, примером может служить (я говорю это не из злопамятства против вас) Мин ос, некогда принудивший жителей Аттики платить тяжкую дань.[3] Он располагал большой морской b
мощью,[4] у них же в стране не было ни военных судов, как теперь, ни корабельного леса, из которого было бы легко построить флот. Поэтому они не смогли, подражая корабельщикам Миноса, сами стать моряками и отразить тогда же врагов. Еще много раз довелось им терять по семь мальчиков, прежде чем стали они из стой- c
ких пеших бойцов моряками и приучились делать частые высадки с судов, а затем бегом быстро возвращаться опять на суда; прежде чем возомнили, будто нет ничего постыдного в недостатке стойкой отваги и готовности умереть при натиске врага; прежде чем стали пользоваться весьма сподручными и правдоподобными предлогами при потере оружия и обращении в «почетное», как они выражаются, отступление.[5] Ведь подобные выражения, излюбленные на морской службе, вовсе не достойны бесчисленных похвал, какие им нередко воздают: напротив, никогда не следует приви- d
вать дурные привычки, тем более лучшей части граждан. А что подобные привычки нехороши, можно усвоить и из Гомера. Ведь Одиссей порицает у него Агамемнона, который приказал стащить корабли в море, когда ахейцев стали теснить троянцы. Одиссей обращается к нему с сердитой речью:

Ты предлагаешь теперь же, во время войны и сраженья, e
В море спустить корабли, чтоб еще совершилось полнее
Все по желанию тех, кто и так торжествует над нами!
Гибель над нами нависнет вернейшая. Кто из ахейцев

Выдержит бой, если в море спускать корабли вы начнете?
Будут все время они озираться и битву покинут.
707 Вред лишь советы твои принесут, повелитель народа![6]

Значит, и Гомер также признавал дурным, когда на море, невдалеке от сражающихся гоплитов, стоят триеры. С такими привычками даже львы научились бы бегать от ланей. Кроме того, в государствах, обязанных своими силами флоту, почести достаются вовсе не лучшему из воинов: ведь там, где победа зависит
b от кормчих, пентеконтархов[7] и гребцов, то есть от людей различных и не слишком дельных, вряд ли кто-нибудь сможет надлежащим образом распределить почести. А если государство этого лишено, может ли быть правильным его строй?

Клиний. Пожалуй, это невозможно. Однако, чужеземец, мы, критяне, считаем, что морская битва эллинов с варварами при Саламине спасла Элладу.[8]

Афинянин. Да, так считает большинство эллинов и варваров.
c Но мы — я и вот Мегилл — думаем, мой друг, что спасению Эллады положила начало сухопутная битва при Марафоне, а завершением его была битва при Платеях.[9] Именно эти битвы сделали эллинов лучшими, а те — нет: я имею в виду обе морские битвы — при Саламине и при Артемисии;[10] таким образом, я охватываю все битвы, способствовавшие тогда нашему спасению.

d Однако сейчас мы и природу местности, и строй законов обсуждаем с точки зрения наилучшего государственного устройства, ибо мы считаем самым ценным для людей не спасение во имя существования, как это считает большинство, но достижение совершенства и сохранение его на всем протяжении своей жизни. Впрочем, мне кажется, мы уже об этом сказали раньше.

Клиний. Конечно!

Афинянин. Итак, рассмотрим еще только вот что: является ли тот путь, на который мы вступили, наилучшим для основания государств и для законодательства?

Клиний. Да, несомненно, он наилучший.

e *Афинянин.* Далее, скажи, какой народ сделаете вы поселенцами? Сможет ли быть поселенцем всякий желающий с Крита, если в том или ином городе народа станет больше, чем может прокормить земля? Ведь вы не всякого из эллинов к себе принимаете, хотя я и вижу в вашей стране переселенцев из Аргоса, Эгины и других
708 мест Эллады. Скажи же нам, откуда вы навербуете граждан?

Клиний. Со всего Крита, конечно, а из остальных эллинов предпочтение, как мне кажется, будет отдано поселенцам из Пелопон-

неса. Ведь, как ты верно заметил, здесь, на Крите, есть выходцы из
Аргоса, да и наиболее известное здешнее племя, гортинское, обра-
зовано выходцами из пелопоннесской Гортины.

Афинянин. Основание государств происходит не так легко, b
если оно не совершается наподобие отроении пчел; хорошо, когда
единое племя выселяется из одной какой-то страны, если она тес-
на, причем друзья отделяются от друзей, или когда какие-нибудь
другие подобные обстоятельства вынуждают этот род выселиться.
Бывает, однако, что междоусобия заставляют какую-то малую
часть граждан переселиться в другое место, а иногда и все гражда-
не какого-нибудь государства бывают вынуждены бежать, наголо-
ву разбитые на войне. В одних из этих случаев легче основать по- c
селение и дать ему законы, в других труднее. Единство племени,
языка, законов, общность жертвоприношений и других подобных
обычаев способствуют дружбе, однако в этом случае нелегко при-
нимаются чужие законы и иное, чем на родине, государственное
устройство. Иногда из-за плохих законов и стремления по привыч-
ке держаться тех же обычаев, которые привели племя к гибели,
происходят даже восстания; это причиняет немало затруднений
основателю поселения и законодателю, вселяет к нему недоверие. d
С другой стороны, когда разноплеменные поселенцы стекаются
воедино, они, быть может, более расположены повиноваться но-
вым законам, но трудно создать среди них единодушие — так, что-
бы по пословице, относящейся к лошадям, вся упряжка шла на
едином дыхании, это требует долгого времени. Во всяком случае
ничто так не способствует людской добродетели, как законода-
тельство и основание государств.

Клиний. Возможно. Разъясни нам, что ты имеешь в виду, гово-
ря это?

Афинянин. Друг мой, возвращаясь к рассмотрению законода- e
телей, я должен буду, вероятно, указать и на кое-что нехорошее.
Но это не беда, лишь было бы кстати. Что же именно мне не нра-
вится? Ведь так, по-видимому, обстоит со всеми человеческими
делами.

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Я хотел сказать, что никогда никто из людей не дает 709
никаких законов, но все законы даются нам случайностями и раз-
ными выпавшими на нашу долю несчастьями. Либо какая-нибудь
война насильно перевертывает весь государственный строй и из-
меняет законы, либо бедствие тяжкой нужды. Да и болезни — если
нападет мор — вынуждают делать много нововведений, так что
иной раз надолго, на много лет, водворяется безвременье. Усмот-

рев все это, всякий поспешит сказать, как я, что ни один смертный
b не дает никаких законов, но все человеческое зависит от судьбы и случая. Это утверждение кажется верным в приложении к мореплаванию, кораблевождению, медицине, военному делу, однако оно прекрасно применимо и в настоящем случае.

Клиний. Какое именно утверждение?

Образ идеального правителя

Афинянин. Что бог управляет всем, а вместе с богом судьба и благовремение правят всеми человеческими делами.[11] Впрочем, не
c будем так строги: есть и нечто третье, следующее за ними, — искусство. В самом деле: своевременное применение искусства кормчего в случае бури дает, по-моему, большие преимущества. Не так ли?

Клиний. Да, так.

Афинянин. То же самое действительно и для других дел, особенно же для законодательства. Чтобы государство благополучно существовало, оно постоянно нуждается кроме удачного сочетания местных условий еще и в законодателе, придерживающемся истины.

Клиний. Сущая правда.

d *Афинянин.* Итак, тот, кто обладает каким-либо из упомянутых искусств, правильно стал бы молить о таком стечении обстоятельств, при котором испытывалась бы нужда в искусстве?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Значит, все упомянутые сейчас люди, если предложить им высказать свое желание, высказали бы именно это? Не правда ли?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И законодатель, думаю я, поступил бы так же?

Клиний. По крайней мере я так считаю.

Афинянин. «Скажи же, законодатель, — обратимся мы
e к нему, — какое и находящееся в каком состоянии государство надо тебе дать, чтобы, приняв его, ты смог во всем остальном устроить его сам?»

Клиний. Какого ответа, по справедливости, можно на это ждать?

Афинянин. Не ответить ли нам от его имени?

Клиний. Да.

Афинянин. Так вот его ответ: «Дайте мне государство с тираническим строем. Пусть тиран будет молод, памятлив, способен к учению, мужествен и от природы великодушен; пусть, кроме того, душа этого тирана обладает теми свойствами, которые, как

мы сказали раньше, сопровождают каждую из частей добродетели. Только тогда от остальных его свойств будет польза». 710

Клиний. Мне кажется, Мегилл, наш гость говорит о рассудительности как о спутнице добродетели. Не так ли?

Афинянин. Да, Клиний, о рассудительности, и притом в общепринятом смысле слова, а не о той, которую иные торжественно принуждают быть разумением. Нет, рассудительность с самого начала врождена даже животным и детям и сказывается в том, что одни из них могут, а другие не могут воздерживаться от удовольствий. Если эту рассудительность брать отдельно от многого того, b
что называется благом, то о ней не сто́ит и говорить. Ведь вы понимаете, что я имею в виду?

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. Так пусть у нас тиран обладает и этим природным свойством в придачу к прочим, если только государство должно возможно скорее и лучше получить такое устройство, при котором оно станет самым счастливым. Ведь нет и не будет более удачного положения вещей для скорейшего и наилучшего устроения государства.

Клиний. Но как, чужеземец, и на каком основании тот, кто вы- c
сказывает подобные взгляды, мог бы убедиться в своей правоте?

Афинянин. Легко заметить, Клиний, что, согласно природе, дело обстоит именно так.

Клиний. Что ты разумеешь? Если бы был, говоришь ты, тиран — молодой, рассудительный, способный к учению, памятливый, мужественный, великодушный...

Афинянин. Прибавь: удачливый,[12] но лишь в том, что во время его владычества появится славный законодатель и некая судьба их d
сведет воедино. Если это произойдет, то богом будет совершено почти все, что он делает, когда хочет, чтобы какое-нибудь государство особенно преуспело. На втором месте мы поставим появление двух таких правителей, на третьем — трех; словом, трудностей будет тем больше, чем бо́льшим будет число правителей, и наоборот.

Клиний. Оказывается, ты утверждаешь, что наилучшее государство может возникнуть из тирании — благодаря выдающемуся законодателю и рассудительному тирану и что подобный переход там всего быстрее и легче; возникновение же наилучшего государства из олигархии стоит у тебя на втором месте, из демократии — e
на третьем. Так ведь?

Афинянин. Вовсе нет. На первое место я ставлю возникновение государства из тирании, на второе — из царской власти, на

третье — из какого-либо вида демократии, на четвертое — из олигархии. В самом деле, из нее труднее всего возникнуть совершенному государству, ибо при ней больше всего властителей. Мы же говорим, что возникновение наилучшего государства произойдет лишь тогда, когда явится истинный по природе законодатель и когда мощь его будет действовать сообща с самыми сильными
711 в государстве лицами. А поскольку, чем меньшее число лиц стоит у власти, тем она крепче, как, например, при тирании, то именно в этом случае всего быстрее и легче совершается переход.[13]

Клиний. Но каким образом? Мы все-таки не понимаем.

Афинянин. Между тем об этом было сказано у нас не один раз. Но может быть, вы и не видели государства с тираническим строем?

Клиний. Я не слишком большой охотник до подобного зрелища!

b *Афинянин.* Но ты увидел бы тогда то, о чем у нас сейчас идет речь.

Клиний. А что именно?

Афинянин. Если тиран захочет изменить нравы государства, ему не потребуется особых усилий и слишком долгого времени. Хочет ли он приучить своих граждан к добродетельным обычаям или, наоборот, к порочным, ему стоит только самому вступить на
c избранный им путь. Собственное его поведение будет служить предписанием, так как одни поступки будут вызывать с его стороны похвалу и почет, другие — порицание; ослушника же он будет покрывать бесчестьем за всякий его поступок.

Клиний. Но можем ли мы предположить, что остальные граждане поспешат пойти за тем, у кого есть власть не только убеждать, но и принуждать?

Афинянин. Друзья мои, не давайте никому себя убедить, будто государство может легче и скорее изменить свои законы другим каким-то путем, чем под руководством властителей; нигде этого не случится ни теперь, ни впредь. Однако не в этом немыслимость
d и сложность осуществления. Трудность здесь иного рода, и она редко, на протяжении веков, бывает устранена; зато уж если удастся ее устранить, государство, где это случилось, пользуется бесчисленными и даже всеми благами.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Это бывает, когда божественная любовь к рассудительным и справедливым нравам зарождается в лицах, облеченных высшей властью, — потому ли, что они монархи, или потому,
e что выделяются своим богатством и знатностью, — когда кто-нибудь из них возрождает в себе природные свойства Нестора,[14] превосходившего всех людей не только силой слова, но еще больше

своей рассудительностью. Так было, по преданию, во времена
Трои; в наше же время этого вовсе не бывает. Но если подобный
человек родился, родится или теперь среди нас существует, то
жизнь его блаженна и блаженны люди, внимающие словам, исхо-
дящим из рассудительных уст. То же самое можно сказать и о вся-
кой власти вообще: если у человека величайшая власть соединяет- 712
ся с разумением и рассудительностью, возникают наилучший
государственный строй и наилучшие законы — иного не дано.
Пусть это будет у нас неким священным словом, точно бы возве-
щенным оракулом; пусть считается доказанным, что хоть и труд-
но, с одной стороны, стать государству благоустроенным, с другой
стороны, если бы случилось то, о чем мы сказали, нет ничего быст-
рее и легче.

Клиний. Как так?

Афинянин. Давайте мы, старики, попробуем, точно дети, соз- b
дать на словах законы, подходящие твоему государству.

Клиний. Давайте, немедля.

Предварительный набросок идеального законодательства

Афинянин. Призовем бога в помощь устроению нашего государства! Пусть услышит он нас и снизойдет к нам милостиво и благосклонно, чтобы совместно с нами упорядочить наше государство и его законы!

Клиний. Пусть снизойдет! Афинянин. Итак, какого рода госу-
дарственный строй установим мы мысленно в нашем государстве? c

Клиний. Разъясни, будь добр, нам свой замысел. Говоришь ли ты о демократии, олигархии, аристократии или о царской власти? Ведь не о тирании же в самом деле станешь ты говорить!

Афинянин. Ну так пусть тот из вас, кто хочет первым ответить на мой вопрос, укажет, какое государственное устройство у него на родине.

Мегилл. Не мне ли как старшему справедливее отвечать первым?

Клиний. Пожалуй. d

Мегилл. Чужеземец, размышляя о государственном устройстве
Лакедемона, я не могу так вот сразу указать, к какому роду его сле-
дует причислить. Оно похоже даже на тиранию, так как власть
эфоров в нем удивительно напоминает тираническую. А иной раз
мне кажется, что моя родина похожа на самое демократическое из
всех государств. В свою очередь было бы во всех отношениях
странным не признать в ней аристократию. Впрочем, есть у нас и e
пожизненная царская власть, признаваемая как нами самими, так
и всеми другими людьми самой старинной. Так что на этот твой

внезапный вопрос я, повторяю, не могу дать точного определения государственного строя моей родины.[15]

Клиний. Оказывается, Мегилл, в таком же положении и я, ведь я в большом затруднении, к какому виду можно с уверенностью причислить государственный строй Кноса.

Афинянин. Это потому, дорогие мои друзья, что у вас действительно есть государственное устройство; те же виды, которые мы
713 только что назвали, — это не государства, а попросту сожительства граждан, где одна их часть владычествует, а другая рабски повинуется. Каждое такое сожительство получает наименование по господствующей в нем власти. Если бы и наше государство надо было наименовать таким образом, то дóлжно было бы назвать его по имени бога — истинного владыки разумных людей.

Клиний. Какой же это бог?[16]

Афинянин. Не надо ли снова отчасти воспользоваться мифом, чтобы дать складный и ясный ответ на этот вопрос?[17]

Клиний. Да, надо это сделать.

Афинянин. И даже очень. Говорят, что гораздо раньше тех го-
b сударственных образований, которые мы разобрали выше, существовало, при Кроносе, в высшей степени счастливое правление и общество, которому подражает лучшее нынешнее государственное устройство.

Клиний. По-видимому, очень стоит об этом послушать.

Афинянин. По крайней мере мне так кажется, поэтому-то я и обратил на это особое внимание.

Кяиний. Ты поступил очень правильно и сделаешь еще лучше,
c если расскажешь миф до конца — раз уж он нам подходит.

Афинянин. Я должен исполнить ваше желание. До нас дошло предание о блаженной жизни тогдашних люден, о том, как им все в изобилии и само собой доставалось. Причина этому была, говорят, вот какая: Крон ос знал, что никакая человеческая природа — мы говорили об этом — не в состоянии неограниченно править человеческими делами без того, чтобы не преисполниться заносчивости и несправедливости; сознавая все это, Кронос поставил тогда царями и правителями наших государств не людей, но дай-
d монов — существ более божественной и лучшей природы. Мы в наше время поступаем так со стадами овец и других домашних животных, ведь мы не ставим быков начальниками над быками и коз — над козами, но сами, принадлежа к лучшему, чем они, роду, над ними властвуем. Точно так же и бог, будучи человеколюбив, поставил тогда над нами лучший род, роддаймонов. Сами они
e с необычайной легкостью, не затрудняя людей, заботились о них и

доставляли им мир, совестливость, благоустроенность и изобилие справедливости, что делало человеческие племена свободными от раздоров и счастливыми.[18] Это сказание, согласное с истиной, утверждает и ныне, что государства, где правит не бог, а смертный, не могут избегнуть зол и трудов. А подразумевается здесь, что мы должны всеми средствами подражать той жизни, которая, как говорят, была при Кроносе; мы должны, насколько позволяет присущая нам доля бессмертия, убежденно следовать этой жизни как в общественных, так и в частных делах — в устроении наших государств и домов, — именуя законом эти определения разума.[19] 714
Если же какой-то отдельный человек, олигархическая власть или демократия, обладая душой, стремящейся к удовлетворению вожделений, требуют этого удовлетворения, в то же время ничего не могут сберечь и одержимы нескончаемым, ненасытным недугом, и при этом все они, поправ законы, станут управлять государством или каким-либо частным лицом, — тогда, как мы только что сказали, нет средств к спасению. Вот нам и надо, Клиний, рассмотреть b
это сказание: прислушаемся ли мы к нему или поступим как-то иначе?

Клиний. Необходимо к нему прислушаться.

Афинянин. Ты, конечно, заметил, что иные люди утверждают, будто существует столько же видов законов, сколько есть видов государственного устройства.[20] Сколько видов государственного устройства насчитывает большинство людей, это мы недавно разобрали. Не думай, будто это наше разногласие с мнением большинства незначительно; наоборот, оно очень важно, ибо мы снова разошлись во мнениях относительно того, что надо подразумевать под справедливостью и несправедливостью. Законы, по мнению иных людей, не должны иметь в виду ни войну, ни всю доброде- c
тель в целом; люди полагают, что законы должны иметь целью пользу уже установившегося правления, так, чтобы оно оставалось навеки и не было никогда нарушено. Такое определение справедливости они считают наиболее согласным с природой.

Клиний. Какое определение?

Афинянин. Гласящее, что справедливость есть польза сильнейшего.[21]

Клиний. Скажи яснее.

Афинянин. Вот в чем дело: они утверждают, что те, кто одержал верх в государстве, и устанавливают там всегда законы. Не так ли?

Клиний. Ты прав.

Афинянин. «Не думаете ли вы, — говорят они, — что одержав- d
ший победу тиран, народ или другое какое-нибудь правление доб-

ровольно установят законы, имеющие в виду что-то иное, кроме их собственной пользы, то есть закрепления за собой власти?»

Клиний. Как может быть иначе?

Афинянин. Значит, тот, кто устанавливает законы, назовет эти законы справедливыми, а нарушившего их станет наказывать как преступника.

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Стало быть, так и всегда обстоит дело со справедливостью.

Клиний. По крайней мере так вытекает из сказанного.

e *Афинянин.* А это и есть одна из тех основ власти.

Клиний. Каких?

Афинянин. Тех, о которых мы упомянули, когда разбирали, кому надлежит кем править. Выяснилось, что родители должны править детьми, старшие — младшими, благородные — неблагородными. Помнится, было там немало и других утверждений, причем многие из них противоречили другим. В том числе говорилось
715 там и об этом, и мы сказали, что Пиндар, ссылаясь на природу, оправдывает величайшее насилие,[22] так по крайней мере он говорит.

Клиний. Да, именно это было тогда указано.

Афинянин. Смотри же, кому нам следует вручить наше государство. Ведь в некоторых государствах многократно случалось вот что...

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Так как в государствах этих происходила борьба за власть, то победители присваивали исключительно себе все государственные дела — настолько, что побежденным, как самим, так и их потомкам, не давали ни малейшей доли в управлении. Всю
b жизнь они были настороже друг против друга, ибо боялись, что кто-то восстанет, захватит власть и припомнит им тогда прошлые их злодеяния. А ведь подобное положение вещей, как мы теперь утверждаем, не есть государственное устройство: неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях и то, что считается там справедливостью, носит вотще это имя. Мы говорим так потому,
c что ведь в твоем государстве мы будем предоставлять государственные должности не тем, кто богат, силен, велик ростом, знатен или обладает другим каким-либо из подобных качеств, но тем, кто будет всего более послушен установленным законам и этим одер-

жит победу в государстве. Такому человеку, утверждаем мы, надо первому предоставить верховное служение богам;[23] второе по важности служение — тому, кто был вторым, и так далее, распределяя места по тому же признаку. Не ради нового словца назвал я сейчас правителей служителями законов, я действительно убеж- d
ден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужеземец, ты дальновиден, как это и бывает в твоем возрасте!

Афинянин. Когда человек молод, он очень плохо различает по- e
добные вещи, в старости же, наоборот, очень отчетливо.[24]

Клиний. Сущая правда.

Афинянин. Что же дальше? Не предположить ли нам, что наши переселенцы уже пришли и стоят перед нами и дальнейшая наша речь должна быть обращена уже к ним?

Клиний. Конечно.

Афинянин. «Поселенцы, — скажем мы им, — бог, согласно древнему сказанию, держит начало, конец и середину всего суще-
го.[25] Прямым путем приводит он все в исполнение, вечно вращаясь 716
при этом,[26] согласно природе. За ним всегда следует правосудие, мстящее тем, кто отступает от божественного закона.[27] Кто хочет быть счастлив, должен держаться этого закона и следовать ему смиренно и в строгом порядке. Если же кто, по надменности, кичится богатством, почестями, телесным благообразием или, по молодости и неразумию, распаляет свою душу заносчивостью и начинает считать, что ему не нужен ни правитель, ни руководитель, но он сам годится в руководители другим, то такой будет покинут b
богом. Покинутый таким образом, он вместе с другими себе подобными мечется, все вокруг сокрушая. Многим он кажется человеком значительным, но в скором времени ему приходится дать должное удовлетворение правосудию; он до основания губит себя самого, свой дом и государство. Вот как обстоит дело. Как же должен здесь поступать и мыслить разумный человек и от чего он должен воздерживаться?»

Клиний. Во всяком случае вот что ясно: всякий человек должен мыслить себя одним из спутников бога.

Афинянин. «Какой же образ действий любезен и соответствует c
богу? Только один, согласно одному старинному изречению: по-

добное любезно подобному, если оно сохраняет меру; несоразмер-
ные же вещи не любезны как друг другу, так и вещам соразмер-
ным.[28] Пусть у нас мерой всех вещей будет главным образом бог,
гораздо более, чем какой-либо человек, вопреки утверждению не-
которых. Поэтому, кто хочет стать любезным богу, непременно
d должен, насколько возможно, ему уподобиться. В силу этого, кто
из нас рассудителен, тот и любезен богу, ибо подобен ему, а кто не-
рассудителен, тот ему не подобен и, наоборот, отличен от него и
несправедлив. То же самое положение сохраняется и в осталь-
ном. Выведем же отсюда правило, на мой взгляд прекраснейшее
и вернейшее из всех: для хорошего человека в высшей степени
прекрасно, хорошо и полезно во имя счастливой жизни совершать
жертвоприношения богам, общаться с ними путем молитв, прино-
e шений и всякого иного служения, ему это особенно подобает. Для
человека дурного все по самой природе обстоит наоборот, ибо
душа такого человека нечиста, хороший же человек чист, а прини-
717 мать дары от человека запятнанного не дóлжно ни доброму чело-
веку, ни богу. Поэтому служение богам со стороны людей нечес-
тивых тщетно, со стороны же благочестивых — очень уместно.
Вот та цель, в которую мы должны метить. Но что будет нашими
стрелами и в каком направлении их надо метать, чтобы вернее все-
го попасть в эту цель? Благочестивой цели, скажем мы, вернее все-
го достигнет тот, кто прежде всего вслед за почитанием олимпий-
ских богов и богов — охранителей государства будет уделять под-
b земным богам все четное, вторичное и левое, высшие же почести,
противоположные перечисленным, следует уделять тем богам,
которые были названы первыми. Вслед за всеми этими богами ра-
зумный человек станет почитать священными обрядами даймо-
нов, а после них и героев. Затем следует священное почитание,
согласно с законом, частных святилищ родовых богов[29] и почита-
ние тех родителей, что еще живы, ведь священная наша обязан-
ность — выплатить им самые большие и настоятельные долги —
древнейшие из всех наших повинностей; мы должны сознавать,
что все, чем мы обладаем и что имеем, принадлежит тем, кто нас
родил и вскормил; потому-то и дóлжно по мере сил предоставлять
все это к их услугам: во-первых — наше имущество, затем — наше
тело, наконец — нашу душу. Только этим можем мы отплатить на-
шим родителям, когда они состарятся и нужды их увеличатся, за
их заботливость, за муки родов и давние страдания, которые они
претерпели ради нас в нашем детстве. Всю свою жизнь надо с осо-
бым благоговением относиться к своим родителям, выражая его
d в речах, потому что тяжкой бывает кара за легкомысленные, бро-

шенные мимоходом а слова: над всем этим поставлена надзирать
Немесида,[30] вестница Правосудия. Когда родители гневаются, сле-
дует уступать их гневу, все равно сквозит он в словах или в поступ-
ках, ведь надо признать, что, если отец считает себя обиженным
сыном, великий гнев его будет естественным. Когда родители
скончаются, то самые скромные похороны — самые лучшие; не
следует в пышности превосходить принятое обычаем, но не надо и
отклоняться от того, что было установлено в отношении своих ро-
дителей нашими предками. Опять-таки должно проявлять ежегод-
ное попечение о покойных, служащее их прославлению. Но вы-
сшее почитание заключается в постоянной, неослабной памяти о 718
покойных и в уделе-нии им соответствующей части дарованного
нам судьбой имущества. Так поступая и живя сообразно этому, все
мы в каждом отдельном случае получим награду от богов и от тех,
кто стоит выше нас, и бóльшую часть нашей жизни проведем
в добрых надеждах».

Что же касается того, как должны мы относиться к нашим
потомкам, родственникам, друзьям, согражданам, к лицам, связан-
ным с нами священными узами гостеприимства, вообще, как дол-
жны мы общаться с людьми, чтобы и собственная наша жизнь ста- b
ла радостной и красивой, согласно закону, — все это объяснят
сами законы. Они будут частью убеждать, частью исправлять с по-
мощью силы и правосудия те характеры, что не повинуются убеж-
дению: законы, руководясь советом богов, сделают наше госу-
дарство вполне счастливым и блаженным. Мне кажется, что для
законодателя, который придерживается тех же взглядов, что и я,
но не может выразить их в форме закона, мной уже дан образец,
чтó и как следует говорить и ему и тем, для кого он устанавливает c
законы. Поэтому нужно, разобрав по мере сил все остальные во-
просы, приступить к самому законодательству. Но какая форма
для этого больше всего подходит? Не очень-то легко охватить все
то, что сюда относится, как бы в одном общем очерке, однако не
сможем ли мы здесь все-таки выставить одно основоположение...

Клиний. Скажи, какое?

Афинянин. Я хотел бы, чтобы граждане покорно следовали добродетели. Очевидно, и законодатель постарается провести это через все свое законодательство.

Клиний. Как же иначе? d

Афинянин. Сказанное нами принесет, мне кажется, некоторую пользу в том смысле, что, восприняв это, граждане, если только у них не окончательно загрубела душа, станут более кротко и благосклонно внимать увещаниям законодателя. Во всяком случае

следует удовольствоваться уже и тем, что мы сделаем слушателя хоть немного более благосклонным и в силу этого более способным к усвоению. Ведь не слишком-то легко и часто можно встретить людей, усердно стремящихся как можно скорее достичь по возможности более полного совершенства. И большинство людей
e объявляет Гесиода мудрецом за его слова, что путь к пороку «удобен и прям» и его можно совершить без труда,

Но добродетель от нас отделили бессмертные боги
Тягостным пóтом: крута, высока и длинна к ней дорога.
719 Если ж достигнешь вершины, настолько же легким
Станет тогда твой путь, насколько был ранее тяжек.[31]

Клиний. Похоже, что это прекрасно сказано.

Афинянин. Да, в высшей степени. Но я хочу сказать вам, какое впечатление произвело на меня наше прежнее рассуждение.

Клиний. Скажи.

Афинянин. Давайте обратимся к законодателю со следующими
b словами: «Скажи нам, законодатель, если бы ты знал, как нам надо поступать и говорить, ты, очевидно, и сказал бы нам это?»

Клиний. Непременно.

Афинянин. «Но разве мы не слышали от тебя несколько раньше, что законодатель не должен дозволять поэтам творить то, что им нравится? Ведь поэты не знают, какими своими противозаконными словами принесут они вред государству».

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Будут ли несообразны наши слова, если мы от лица поэтов скажем законодателю...

Клиний. Что именно?

c *Афинянин.* Вот что. «Есть одно древнее поверье, законодатель, постоянно рассказываемое нами, поэтами, и принятое всеми остальными людьми: поэт, когда садится на треножник Музы, уже не находится в здравом рассудке, но дает изливаться своему наитию, словно источнику.[32] А так как искусство его — подражание,[33] то он принужден изображать людей, противоположно настроенных, и в силу этого вынужден нередко противоречить самому себе, не ведая, что из сказанного истинно, а чтó нет. Но законодателю нельзя
d высказывать два различных мнения относительно одного и того же предмета, а следует всегда иметь одно и то же. Примени это к только что сказанному тобой о похоронах. Так, хотя существуют три вида похорон — чрезмерно пышные, наоборот, бедные и, наконец, умеренные, — ты, законодатель, избрал только один вид, соблюдающий средину между двумя крайностями, и его одобрил и

предписал. Я же, если бы вывел в своем сочинении чрезвычайно богатую женщину, делающую распоряжения о своем погребении, стал бы хвалить только пышные похороны. Наоборот, если бы я e
вывел человека скаредного и бедного, то похвалил бы убогое погребение. Если же я выведу человека с умеренным состоянием, да и умеренного характера, то я похвалю и похороны соответствующие. Но тебе нельзя просто говорить: «умеренные похороны», — как ты это сделал сейчас. Твое дело определить, что именно и в каком размере можно назвать умеренным, иначе не думай, что подобное твое слово станет законом».

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Разве тот, кто у нас поставлен над законами, не предпошлет им ничего в этом роде, но сразу объявит: то-то надо делать, а того-то не надо и, пригрозив наказанием, сразу обратится 720
к другому закону, не добавив ни словечка для увещания и убеждения тех, кому он эти законы дает? Впрочем, и врачи нас обычно так лечат — кто во что горазд. Однако припомним оба способа, чтобы обратиться к законодателю с той же просьбой, с какой обращаются дети к врачу, прося лечить их понежнее. Возьмем пример: ведь бывают врачи, но бывают и их помощники, которых мы тоже называем врачами.

Клиний. Конечно. b

Афинянин. Эти последние, все равно свободные ли они люди или рабы, овладевают своим искусством путем наблюдения, опыта и указаний своих господ, но не в силу природной одаренности, благодаря которой свободные люди научаются сами да еще и обучают своих детей. Принимаешь ли ты это разделение тех, кого мы называем врачами, на два рода?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И вот не подметил ли ты, что врачи-рабы, хотя в городах болеют как рабы, так и свободные люди, лечат по большей c
части рабов, снуя повсюду и принимая их у себя в лечебницах?[34] Никто из подобных врачей не дает своим пациентам-рабам отчета в их болезни да и от них этого не требует, но каждый из них, точно он все доподлинно знает, с самоуверенностью тирана предписывает те средства, что по опыту кажутся ему пригодными, вслед за чем поднимается и удаляется к другому больному рабу. Таким образом, он немало облегчает господину заботу о своих больных рабах. Врач же из свободных пользует и лечит большей частью лю- d
дей такого же рода. Он исследует начало и природу их болезней, беседует с больным и его друзьями, так что и сам получает кое-какие сведения о тех, кого лечит; вместе с тем, насколько это в его

силах, он наставляет больного и предписывает ему лечение не
прежде, чем убедит в его пользе. Такой врач путем убеждения де-
e лает своего больного все более и более послушным и уж тогда пы-
тается достичь своей цели, то есть вернуть ему здоровье. Так какой
же из этих двух врачей применяет лучший способ лечения (то же
можно спросить и об учителях гимнастики)? Кто лучше: тот ли,
кто употребляет двоякий способ для достижения своей цели, или
тот, кто держится одного способа, к тому же более сурового и худ-
шего из двух возможных?

Клиний. Несравненно лучше тот, кто применяет двоякий способ.

Афинянин. Хочешь, мы рассмотрим, как применяются эти способы — двоякий и однозначный — в законодательстве?

Клиний. Конечно, хочу.

Афинянин. Скажи же, ради богов, какой закон установил бы за-
конодатель первым? Не естественно ли, что он прежде всего упо-
721 рядочит рождение детей — эту первооснову государств?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Основа же для рождения детей во всех государствах — это брачные отношения и союзы.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Следовательно, первыми во всяком государстве будут по праву законы о браке.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Применим же сначала однозначный способ. Полу-
b чится, пожалуй, следующий закон: всем надлежит жениться начи-
ная с тридцати лет до тридцати пяти; кто этого не сделает, будет
присужден к пене и лишению гражданских прав — пеня такая-то,
лишение прав такое-то. Это простой закон о браке.

Закон же, основанный на двойном способе, будет следующий:
всем надлежит жениться начиная с тридцати лет до тридцати пяти
и сознавая при этом, что человеческий род по природе своей при-
частен бессмертию, всяческое стремление к которому врождено
c каждому человеку.[35] Именно это заставляет стремиться к славе и
к тому, чтобы могила твоя не была безымянной. Ведь род челове-
ческий тесно слит с совокупным временем, он следует за ним и бу-
дет следовать на всем его протяжении. Таким-то образом род че-
ловеческий бессмертен, ибо, оставляя по себе детей и внуков, род
человеческий благодаря таким порождениям остается вечно тож-
дественным и причастным бессмертию. В высшей степени небла-
гочестиво добровольно лишать себя этого, а между тем, кто не за-
ботится о том, чтобы иметь жену и детей, тот лишает себя этого
d умышленно. Повинующийся закону не подвергнется наказанию.

Ослушник же, не женившийся до тридцати пяти лет, должен ежегодно в наказание выплачивать такую-то сумму, чтобы ему не казалось, будто холостая жизнь приносит ему облегчение и выгоду. Ему не будет доли в тех почестях, которые всякий раз люди помоложе оказывают в государстве старшим.

Выслушав этот закон наряду с тем, вы можете судить, надо ли,
чтобы законы не только угрожали, но и убеждали и вследствие e
этого стали бы по меньшей мере вдвое большими по объему, или же они должны употреблять только угрозы и быть вполовину короче первых?

Мегилл. Следуя лакедемонскому обычаю, чужеземец, всегда дóлжно предпочитать краткость. Но, если бы меня поставили судьей над двумя этими положениями, так что мне предстояло бы решить, какое из них принять в государстве, я выбрал бы более про-
странное. То же самое сказал бы я и относительно любого закона, 722
если бы он был составлен по этому образцу, двояким способом. Впрочем, и Клинию должны нравиться только что предложенные законы. Ведь мы держим в мыслях, что именно его государство будет пользоваться этими законами.

Клиний. Ты прекрасно сказал, Мегилл.

Афинянин. Однако дело совсем не в пространности или кратко-
сти. Дóлжно ценить, думаю я, не краткое и не подробное изложе- b
ние, но наилучшее. Из приведенных сейчас законов один лучше другого для применения на деле вовсе не потому, что он вдвое больше; впрочем, здесь вполне уместно только что приведенное сравнение с двумя родами врачей. Видно, ни одному законодателю никогда не приходило на ум, что, издавая законы, можно пользоваться двумя средствами — убеждением и силой, насколько это возможно при невежественности и невоспитанности толпы; обычно законодатели пользуются только вторым средством. В са-
мом деле, издавая свои законы, они не примешивают увещаний и c
убеждений к необходимости,[36] но употребляют лишь чистое насилие. Я же, друзья мои, вижу, что к законам надо присоединить еще нечто третье, чего сейчас нигде нет.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. О том, что вытекает по воле некоего бога из наших нынешних рассуждений. Мы начали наш разговор о законах ранним утром, а теперь настал уже полдень, и мы подошли к этому прекрасному месту, где так хорошо отдохнуть; разговор наш все
время шел об одних законах; между тем, мне кажется, мы только d
недавно начали говорить о самих законах, все же предшествовавшее было у нас лишь вступлением. Что я хочу сказать? Да то, что у

всяких речей, у всего, что мы сообщаем с помощью голоса, бывает вступление и как бы предварительная разминка, представляющая собой некую искусную подготовку, облегчающую достижение цели. Например, так называемым кифародическим номам, как и номам любой другой музыки, предпосылаются на диво тщательно
c разработанные вступления.[37] Вступлений же к действительным законам — а таковы, утверждаем мы, только государственные законы — никто никогда не составлял, а если даже и составлял, то не стремился их обнародовать — словно и в природе их нет. Нынешняя же наша беседа, думается мне, обнаруживает, что такие вступления существуют. В самом деле, только что указанные законы с двойным значением кажутся мне не просто двузначными, но состоящими из двух частей: собственно закона и вступления к нему. Однозначный, несмешанный закон мы назвали тираническим по-
723 велением, уподобив его повелениям врачей, названных нами несвободными. То же, что было изложено прежде и вот им[38] было признано увещанием, действительно является таковым и по своему значению равняется вступлениям в речах. Мне ясно, что подобное увещательное рассуждение законодатель приводит ради того, чтобы те, кому он дает законы, благосклонно приняли его предписания (а это и есть закон) и вследствие этой своей благосклонности стали бы восприимчивее. Поэтому-то, по моему разумению, это
b может быть названо только вступлением, но не смыслом закона. Что же еще хотелось бы мне добавить к этим моим словам? А вот что: законодатель всегда должен предпосылать своим законам вступления, помня хотя бы на основании только что разобранного примера, как велика разница между законами, имеющими вступления и не имеющими их.

Клиний. По моему мнению, человек, знающий толк в подобных вещах, должен давать нам законы именно так.

c *Афинянин.* Мне кажется, ты верно заметил, Клиний, что у всех законов должны быть вступления и что, приступая к любому законодательству, следует каждому положению предпослать подобающее ему вводное слово. Ибо слово такое имеет большое значение. Очень важен также вопрос, будет ли это ясно запоминаться или нет. Однако мы были бы не правы, если бы постановили, что вступления к так называемым большим законам и к менее значительным должны звучать одинаково. Так ведь не следует
d поступать ни при пении, ни при произнесении речей. И хотя естественно, чтобы были вступления ко всему, но не всеми ими надо пользоваться. Предоставим же это на усмотрение самого оратора, певца и законодателя.

Клиний. Ты говоришь, по-моему, сущую правду. Однако, чу-
жеземец, не будем больше замедлять течение нашей беседы и об-
ратимся к основному ее предмету. Начнем, если тебе угодно, с
того, что ты высказал тогда, еще не думая, что это окажется вступ-
лением. Давайте снова, как говорят в играх, начнем сначала; быть e
может, во второй раз нам выпадет больше удачи[39] и мы действи-
тельно изложим вступление, не уклоняясь в обсуждение случай-
ных предметов, как это случилось с нами недавно.

Итак, потолкуем о том же сызнова, признав, что законам должно предшествовать вступление. Однако о почитании богов и заботе о родителях довольно того, что было уже сказано. Попытаемся сказать о том, что за этим следует, пока ты не найдешь, что все вступление изложено достаточным образом. А уж после этого перейдем к изложению самих законов.

Афинянин. Итак, мы говорим, что в тогдашнем вступлении до- 724
статочно было высказано о богах, о тех, кто идет вслед за богами,
и о родителях, живых или уже покойных. Очевидно, ты пригла-
шаешь меня высказать то, что не было пока затронуто, и как бы вы-
вести на свет эти вопросы.

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. Итак, после этого слушателям да и самому держа-
щему речь надо обратиться к очень важному и касающемуся всех
вопросу о том, в какой степени ревностно — больше или мень-
ше — следует заботиться о своей душе, теле и об имуществе, что- b
бы по мере сил усовершенствовать свое воспитание. Вот что дей-
ствительно нам надо вслед за тем подвергнуть рассмотрению.

Клиний. Ты совершенно прав.

КНИГА ПЯТАЯ

Афинянин. Да внемлет всякий, кто ныне внимал сказанному о 726
богах и любезных нам прародителях! Из всех достояний человека
вслед за богами душа — самое божественное, ибо она ему всего
ближе. Все, что принадлежит каждому человеку, двояко: одна его
часть — высшая и лучшая — господствует, другая — низшая и
худшая — рабски подчиняется. Господствующую свою часть каж- 727
дый должен предпочитать рабской. Поэтому я прав, требуя, чтобы
каждый почитал свою душу, ведь, как я говорю, она занимает вто-
рое место после богов-владык и тех, кто за ними следует. А между
тем никто из нас, можно сказать, не почитает душу понастоящему,
но только по видимости. Ведь почет — божественное благо, из зол

же ничто его не заслуживает. Кто думает возвеличить душу каки-
ми-либо речами, дарами, уступками, но ничуть не старается сде-
лать ее из худшей лучшею, тот почитает ее лишь по видимости, но
не на самом деле. Всякий человек с раннего детства считает себя
b в состоянии все познать, думает, что похвалами он возвеличивает
свою душу, и потому охотно позволяет ей делать все, что угодно.
Мы же утверждаем, что, поступая так, человек вредит своей душе,
а вовсе не возвеличивает ее. Между тем, согласно нашему утверж-
дению, она должна занимать второе место после богов. Точно так
же, когда человек в каждом отдельном случае считает виновником
своих проступков и многих громадных зол других людей, а не са-
мого себя и когда он постоянно выгораживает себя, точно он вовсе
и не виновен, он лишь по видимости почитает свою душу, на деле
c же очень далек от этого, ибо он ей вредит. Так же и в том случае че-
ловек вовсе не оказывает ей почета, но бесчестит ее, наполняя
злом и раскаянием, когда он предается удовольствиям вопреки на-
казу и одобрению законодателя. И если, наоборот, он не выдержит
до конца одобряемых законодателем трудов, страхов, болей и
скорбей, но уступит им, то этой уступчивостью он тоже не окажет
почета своей душе. Ибо, поступая подобным образом, он ее только
d бесчестит. Бесчестит он ее и тогда, когда считает жизнь во всех от-
ношениях благом. Ибо если душа считает злом все находящееся
в Аиде, то она не может противостоять этой мысли, не может рас-
судить, пребывая в неведении, не будет ли, наоборот, то, что отно-
сится к подземным богам, для нас величайшим из благ. И если кто
предпочитает красоту добродетели, это тоже будет подлинным
и совершенным бесчестьем души. Ибо, согласно такому взгляду,
тело ложно считается более достойным почета, чем душа. Ведь ни-
e что земнородное недостойно большего почета, чем олимпийское;
тот, кто держится иного мнения о душе, не ведает, каким чудес-
ным достоянием он пренебрегает. Точно так же, если кто стре-
728 мится неблаговидным путем приобрести имущество и обладание
таким имуществом для него не тягостно, он всеми этими дарами
вовсе не оказывает почета своей душе, при этом он очень ее уни-
жает, ибо за небольшое количество золота продает все, что есть
в душе драгоценного и вместе с тем прекрасного. Ведь все золото,
что есть на земле и под землею, не сто́ит добродетели. Короче го-
воря, кто не захочет любыми средствами воздерживаться от всего,
что законодатель, указав на это, постановил считать позорным и
дурным, и кто, наоборот, не пожелает всеми силами упражняться
в том, что законодатель постановил считать хорошим и прекрас-
b ным, тот, кто бы он ни был, не ведает, что во всех этих случаях он

крайне бесчестно и безобразно обращается с самым божественным — со своей душой. Ведь никто, можно сказать, не принимает в расчет того, что почитается величайшим наказанием за злодеяние; состоит же это наказание в уподоблении людям, дурным по самой своей сути, и в том, что вследствие этого уподобления человек начинает избегать хороших людей и их слов, отходит от них и прилепляется к дурным людям, ищет их общества. Сроднившись с этими людьми, он по необходимости должен поступать так, как, согласно со своей природой, поступают друг в отношении друга и c
говорят друг с другом подобные люди, и ждать от них соответствующего обращения с собой. Впрочем, это даже не правосудие — ибо правосудие и справедливость есть нечто прекрасное, — но возмездие, иными словами, страдание, сопутствующее несправедливости. Постигнет ли человека это возмездие или нет, все равно он несчастен; в последнем случае — потому, что он неисцелим, в первом — потому, что он погибнет, чтобы спаслись многие другие. Говоря в целом, честь наша состоит в том, чтобы следовать лучшему и улучшать худшее, если оно еще может стать совершеннее.

У человека нет ничего, что было бы больше души способно по своей природе избегать зла, разыскивать и находить высшее благо c
и, нашедши его, проводить остальное время жизни сообща с ним. Потому-то душа и поставлена на втором месте в смысле почета, и всякий может сообразить, что наше тело по своей природе занимает в этом отношении лишь третье место.

В свою очередь надо рассмотреть и разные виды почета: какие из них истинны, какие обманчивы. Это задача законодателя. Мне кажется, он разъяснит этот вопрос приблизительно так: не то тело заслуживает почета, которое красиво, сильно, быстро, велико, здо- e
рово, хотя многие и держатся такого мнения; равным образом и не то, которое обладает противоположными качествами. Несравненно более надежны и лучше ведут к рассудительности свойства, занимающие средину между этими двумя состояниями. Ибо первое делает души пустыми и дерзкими, второе — низменными и неблагородными. То же самое относится к приобретению имущества и владений — оно расценивается в таком же соотношении. Избыток всего этого порождает неприязнь и раздоры как в государствен- 729
ной, так и в частной жизни, недостаток же — большей частью рабскую подчиненность. Пусть также никто не будет корыстолюбив ради детей — чтобы оставить им возможно больше богатства: это нехорошо и для них, и для государства. Для молодых людей всего лучше и целесообразнее такое имущественное положение, при ко-

тором обеспечивалось бы необходимое и не было бы повода к лести; оно сделало бы их жизнь беспечальной, так как согласовало бы ее с нашей жизнью и уравновешивало бы ее со всем остальным.
b Не золото надо завещать детям, а побольше совестливости. Мы думаем, будто молодым людям, поступающим бесстыдно, внушим ее своими наказами. Но это достигается не запоздалыми советами и не словесными требованиями во всем сохранять стыдливость. Разумный законодатель скорее посоветует старшим стыдиться младших и всего более остерегаться, как бы кто из молодых людей не увидел и не услышал с их стороны какого-нибудь скверного по-
c ступка или слова, ибо юноши неизбежно будут весьма бесстыдными там, где бесстыдны даже старики.

Наилучшее воспитание молодых людей, да и самих себя, заключается не во внушениях, а в явном для всех осуществлении в собственной жизни того, что внушается другому. Кто чтит и уважает членов своей семьи и всех тех, которые вследствие кровного родства чтут одних и тех же богов, тот с полным правом может рассчитывать на милость семейных богов к его собственному семени — детям. Чтобы приобрести расположение друзей и прияте-
d лей в житейском общении с ними, надо оценивать их услуги выше, чем это делают они сами; наоборот, наши одолжения друзьям надо считать меньшими, чем это полагают наши друзья и приятели. По отношению к государству и гражданам наилучшим будет, бесспорно, тот, кто победам на Олимпийских играх и в любых военных или мирных состязаниях предпочтет славу служителя отечественных законов, лучше всех людей осуществившего в своей
e жизни это служение.[1]

С другой стороны, в высшей степени священными дóлжно считать все обязательства по отношению к гостям-чужеземцам. Ибо почти все, что касается чужеземцев и направленных против них преступлений, подлежит божьему отмщению даже в большей степени, чем проступки против сограждан. Ведь чужеземец, не имеющий друзей и родичей, внушает более жалости и богам, и людям. Тот, кто способен отмстить, тем охотнее вступается за них. В особенности это может сделать имеющийся у каждого гостеприим-
730 ный демон и бог, ведь они следуют за Зевсом-Гостеприимцем.[2] Вот почему всякий, у кого есть хоть немного предусмотрительности, должен очень остерегаться, как бы не совершить никакого проступка против чужеземцев, и уж так держаться всю свою жизнь. Из проступков против чужеземцев и земляков величайшими являются всегда те, что совершены против молящих пощады.[3] Ибо тот бог, которого молящий призвал в свидетели данных ему

обязательств, становится его главным стражем, и, таким образом, пострадавший никогда не останется неотмщенным.

Мы разобрали почти все об отношениях к родителям, к самому b
себе, к своему имуществу, государству, друзьям, родичам, чужеземцам и землякам. Вслед за этим надо рассмотреть, какие качества дают человеку возможность наилучшим образом прожить свою жизнь. И уже не закон, а похвала и порицание должны здесь воспитывать людей и делать их кроткими и послушными тем законам, которые будут изданы. Вот об этом нам и придется теперь говорить.

Во главе всех благ как для богов, так и для людей стоит прав- c
да.[4] Кто хочет быть счастливым и блаженным, тот с самого начала должен быть ей причастен, чтобы правдиво прожить по возможности долгое время. Такой человек внушает доверие, но его не внушает тот, кому мила добровольная ложь; кому же мила невольная ложь, тот безрассуден. Однако ни то ни другое не заслуживает зависти. Ведь никому не мил невежда, не заслуживающий доверия; его легко распознают по прошествии некоторого времени, и он сам себе подготовляет в конце жизни тяжкое одиночество старости. Жизнь его потечет сиротливо, все равно, живы ли его друзья и дети d
или же нет.

Кто не совершает несправедливости — почтенен; но более чем вдвое достоин почета тот, кто и другим не позволяет ее совершать. Ибо первый равноценен одному, второй же — многим, так как он указывает правителям на несправедливость других людей. А кто по мере сил содействует правителям в осуществлении наказаний, тот человек совершенный и великий для государства, о нем следует возвестить как о победителе в добродетели.

Точно такую же похвалу нужно высказать относительно рас- e
судительности, разумности и остальных благ, если обладающий такими благами не только владеет ими, но и может передать их другим. Передающий заслуживает самых высоких почестей; на втором месте стоит тот, кто хоть и не может все это передать, но желал бы уметь это делать. Порицания заслуживает завистник, не желающий добровольно и дружески поделиться какими-либо бла- 731
гами. Однако не следует бесчестить достояние из-за его обладателя; наоборот, надо изо всех сил постараться это достояние приобрести. Пусть каждый из нас без зависти печется о добродетели. Тот, кто так делает, способствует росту государства, стремясь к добродетели сам и не препятствуя остальным клеветой. Завистник думает выдвинуться, клевеща на других, сам же не слишком стремится к истинной добродетели. Несправедливым порицанием

b он подрывает дух своих соперников и таким образом не дает госу-
дарству возможности развивать состязание в добродетели; завист-
ник, насколько это в его силах, уменьшает добрую славу своего го-
сударства.

Однако любой должен уметь сочетать яростный дух с величай-
шей кротостью. Есть только одно средство избежать тяжких, труд-
ноисцелимых и даже вовсе неисцелимых несправедливостей со
стороны других людей — это бороться с ними, отражать, побеж-
дать и неуклонно карать их. Никакая душа не может этого совер-
c шить без благородной ярости духа. Что же касается тех, кто совер-
шает несправедливые, но исправимые поступки, то прежде всего
надо знать, что всякий несправедливый человек бывает несправед-
ливым не по своей воле. Ибо никто, никогда и нигде не приобретал
добровольно ни одного из величайших зол, и всего менее в той об-
ласти, которая для него всего ценнее. Душа же, как мы сказали,
поистине самое ценное для всех. И пусть лучше никто не воспри-
мет добровольно величайшего зла той своей частью, что ему доро-
же всего, и не проведет всей своей жизни с таким достоянием.
Человек несправедливый и обладающий злом заслуживает всяче-
d ского сожаления. Но уместно сожалеть лишь о человеке исправи-
мом; надо укрощать поднимающуюся ярость духа и не поступать
под влиянием огорчения несдержанно, словно женщина. В отно-
шении же человека, не поддающегося вразумлению, безусловно
скверного и злого, надо дать волю своему гневу. Вот почему мы
сказали, что хорошему человеку надо в каждом, отдельном случае
быть и яростным, и кротким.

В душах большинства людей есть врожденное зло, величайшее
из всех зол; каждый извиняет его в себе и вовсе не думает его избе-
e гать. Зло это заключается вот в чем: говорят, что всякий человек по
природе любит самого себя и что таким он и должен быть. Но по-
истине в каждом отдельном случае виновником всех проступков
человека выступает как раз его чрезмерное себялюбие. Ибо любя-
щий слеп по отношению к любимому, так что плохо может судить,
что́ справедливо, хорошо и прекрасно, и всегда склонен отдавать
732 предпочтение перед истиной тому, что ему присуще. Кто намерен
стать выдающимся человеком, тот должен любить не себя и свои
качества, а справедливость, осуществляемую им самим либо
кем-то другим.

Из этого же заблуждения проистекает и то, что всем свое соб-
ственное невежество кажется мудростью. Поэтому-то мы и счи-
таем, что знаем все, тогда как мы не знаем, можно сказать, ничего.
b Мы не поручаем другим делать то, чего не умеем, пытаемся все де-

лать сами и неизбежно ошибаемся. Вот почему каждый человек
должен избегать чрезмерного себялюбия, всегда искать тех, кто
лучше его, и не стыдиться ставить их выше себя. Часто даются на-
казы не столь значительные, как эти, однако не менее полезные,
надо припомнить их и о них побеседовать. Ведь как в реке вода
постоянно убывает и прибывает, так и припоминание есть прилив
уходящей разумности. Так вот, следует удерживаться от излишне- c
го смеха и слез, надо советовать друг другу скрывать любую чрез-
мерную радость и страдание и стараться сохранять благообразие.
К нашему благополучию приставлен даймон;[5] некоторым поворо-
там в нашей судьбе даймоны противостоят как чему-то чрезмер-
но высокому. Хорошие люди всегда должны надеяться, что бог d
уменьшит трудности, выпадающие на долю каждого, изменит
к лучшему теперешнее положение и дарует им на доброе счастье
всевозможные блага, противоположные прежним бедам. Каждый
должен жить в такой надежде и всегда обо всем этом помнить;
надо, не скупясь, явственно напоминать об этом и самому себе, и
другим как при серьезных занятиях, так и в играх.

Итак, о том, какой образ жизни нужно вести и каким должен
быть каждый из нас, уже приблизительно сказано. Но это вещи e
скорее божественные, человеческих же мы еще не изложили, а
между тем следовало бы. Ведь мы обращаемся к людям, а не к бо-
гам. Преимущественно человеческими по природе являются
удовольствия, страдания, вожделения. Всякое смертное существо
неизбежно подвержено им и в своих устремлениях очень от них за-
висит. Поэтому дóлжно хвалить наилучшую жизнь не только за то, 733
что она своим обликом может стяжать добрую славу, но и за то,
что она приведет нас к тому, к чему все мы стремимся, — именно
к тому, чтобы в течение всей жизни испытывать больше радости и
меньше скорби, если только мы захотим вкусить наилучшей жиз-
ни и не удалимся от нее еще в юности.

Весьма легко выяснить, кто правильно вкушает от этой жизни.
В чем состоит эта правильность? Это надо обсудить на основе ра-
зума и посмотреть, естествен или противоестествен тот или иной
образ жизни. Поэтому должно сравнить приятную жизнь с непри-
ятной. Мы желаем удовольствия, а не страданий, уж их-то мы не b
пожелаем избрать. Промежуточное состояние мы не предпочтем
удовольствию, но страдание охотно на него сменим. Нам хотелось
бы поменьше страданий в соединении с большим удовольствием;
меньшее же удовольствие, сопряженное с большой скорбью, для
нас нежеланно. Если же удовольствие и страдание соединены по-
ровну, нелегко узнать, желанны они для нас или нет.

Во всем этом — как и в состояниях, противоположных тому,
чего мы хотим, — количество, величина, сила и равенство далеко
не безразличны для осуществления выбора.[6] Все это неизбежно
c устроено именно так. Значит, мы предпочтем такую жизнь, в кото-
рой в больших количествах и в сильной степени присутствуют
и удовольствия, и страдания, но удовольствий больше и они более
сильные. Противоположного мы не предпочтем. Так же точно мы
не захотим такой жизни, где как то, так и другое незначительно,
невелико и протекает спокойно и при этом страдания перевеши-
вают; той же, где дело обстоит как раз наоборот, пожелаем. А где
наблюдается равновесие, такую жизнь надо расценивать согласно
d сказанному выше: мы желаем такого равновесия, когда переве-
шивает то, что нам мило, а того, что нам противно, присутствует
меньше.

Следует заметить, что жизнь любого человека от природы
заключена в эти пределы, и надо уяснить, какой именно жизни мы
ждем согласно природе. Если же мы станем утверждать, что же-
лаем чего-либо вопреки природе, то наши слова будут следствием
лишь неопытности и незнания действительной жизни.

Сколько же есть родов жизни и какие они, в отношении кото-
рых нам следует заранее совершать выбор и усматривать в них не-
добровольное, но желательное и, сделав такую жизнь законом, од-
e новременно избрав милое, приятное, благое и прекрасное, жить
наисчастливейшим образом, насколько это доступно людям? Мы
можем указать на следующие виды: рассудительную жизнь, ра-
зумную, мужественную, здоровую. Этим четырем видам проти-
воположны четыре других: безрассудная жизнь, разнузданная,
трусливая, нездоровая. Кто знаком с рассудительной жизнью, со-
гласится, что она тиха во всех отношениях: страдания ее спо-
койны, удовольствия также спокойны; она не несет с собой ни
расслабляющих вожделений, ни неистовых страстей. Наоборот,
734 разнузданная жизнь полна резкости: страдания ее сильны, сильны
и удовольствия; она несет с собой безумные, бешеные вожделения
и самые неистовые, какие только могут быть, страсти. В рассуди-
тельной жизни удовольствия перевешивают тяготы, в разнуздан-
ной — страдания превышают удовольствия как величиной, так
b и количеством и напряженностью. Поэтому первый род жизни для
нас более приятен, а второй по своей природе неизбежно становит-
ся более скорбным. Для того, кто хочет приятно жить, становится
невозможным по доброй воле жить невоздержанно. Отсюда ясно,
что всякий бывает разнузданным против воли; это необходимо,
если правильно то, что мы только что установили.

Жизнь всякой людской толпы лишена рассудительности либо
по невежеству, либо из-за отсутствия самообладания, либо по обе-
им этим причинам. То же самое надо заметить и о здоровой жизни
и нездоровой; в той и в другой есть удовольствия и страдания, но
в здоровье удовольствия превышают страдания, а в болезнях нао-
борот. Мы же не захотим избрать такой род жизни, где перевеши- c
вают страдания; тот род жизни, в котором их меньше, мы считаем
более приятным. В целом мы можем сказать, что жизнь рассудите-
льная перевешивает разнузданную, разумная — безрассудную,
мужественная — трусливую, ибо в первых как удовольствий, так и
страданий меньше, они незначительнее и реже. Но в первых пере-
вешивают удовольствия, а во вторых, наоборот, страдания. Так-то
мужественная жизнь берет верх над трусливой, разумная — над d
безрассудной. Поэтому первые виды жизни приятнее вторых, то
есть рассудительная, мужественная, разумная и здоровая жизнь
приятнее трусливой, безрассудной, разнузданной и нездоровой.
Словом, жизнь, причастная добродетели, душевной ли или те-
лесной, приятнее жизни, причастной пороку. С избытком пре-
восходит она ее как во всем прочем, так и в смысле красоты, пра-
вильности, добродетели и доброй славы. Своего обладателя она e
заставляет жить решительно во всех отношениях счастливее, чем
живет тот, кто ее лишен.

Этими положениями можно закончить наше вступление к за-
конам. За вступлением необходимо должен следовать сам закон
или, вернее, очерк законов государства.

В тканях или в плетении нельзя делать утóк и основу из одного
и того же материала, ведь основа неизбежно должна отличаться
добротностью, обладать силой и известной крепостью; утóк же 735
может быть слабее, и к нему относятся с известным снисхожде-
нием. Точно так же надо известным образом отличать будущих
правителей в государствах от тех, кто иной раз может получать
лишь незначительное воспитание. Есть два вида государственного
устройства: один — где над всем стоят правители, другой — где
и правителям предписаны законы.

Но предварительно надо обратить внимание вот на что: всякий
пастух, волопас, конюх и другие такие же люди не раньше берутся b
за дело, чем очистят с помощью соответствующего подбора стада,
отделив здоровых животных от нездоровых, породистых от непо-
родистых; этих последних конюх отошлет в какие-нибудь другие
стада и лишь тогда займется уходом за первыми.[7] Он понимает,
что тщетным и напрасным будет труд, потраченный как на тело,
так и на душу, если не произвести такой чистки. В последнем слу- c

чае природная испорченность и скверное воспитание погубят в его
стаде также и ту породу, что обладает здоровым и чистым нравом,
а также телом. Впрочем, что касается всех прочих живых существ,
то здесь забот меньше; их стоит привести в этом рассуждении
лишь для примера. Но люди заслуживают величайшей заботли-
вости. Поэтому законодатель должен изыскивать и объяснять, что
кому подобает делать для очищения и для всего остального.[8]

d Относительно очищений государства дело обстоит так: пол-
ных очищений существует немало; одни из них легче, другие бо-
лее тягостны. Тягостные и наилучшие мог бы установить лишь
тот, кто одновременно является и тираном, и законодателем. Зако-
нодатель, лишенный тиранической власти, при установлении но-
вого государственного строя и законов должен удовольствоваться
самыми мягкими способами очищений. Наилучший способ мучи-
e телен совершенно так же, как бывает, когда принимают подобного
рода лекарства. При этом способе правосудие влечет за собой
справедливое возмездие; возмездие заканчивается смертью или
изгнанием.[9] Так обыкновенно отделываются от величайших, к
тому же неисцелимых, преступников, чрезвычайно вредных для
государства. Более мягкий способ очищения заключается у нас вот
в чем: если неимущие люди, следуя за своими вождями, выкажут
из-за недостатка воспитания склонность выступить против иму-
736 щих, это станет болезнью, вкравшейся в государство. Поэтому их
надо выслать прочь, делая это, однако, в высшей степени друже-
любно и смягчая их удаление названием «переселение».[10] Так или
иначе всякому законодателю надлежит это сделать сразу. Мы-то
пока оказываемся еще в более легком положении, ибо в настоящее
время мы не должны прибегать к переселению или к какому-либо
отбору путем очищения. Но когда много ручьев и потоков вли-
b ваются в одно озеро и там сливаются вместе, надо прежде всего
следить, чтобы сливающаяся вода была как можно чище, а для
этого надо то вычерпывать, то отводить воду, устраивая каналы.
Стало быть, и всякое устроение государства сопряжено, как водит-
ся, с трудом и опасностью. Впрочем, сейчас мы занимаемся этим
лишь словесно, а не на самом деле. Поэтому предположим, что
наши граждане уже собраны и что уже произведено разумное
их очищение. Мы не дали плохим людям, пытавшимся сделать-
c ся гражданами нашего государства, осуществить свое намере-
ние, ибо мы хорошо распознали их за достаточный промежуток
времени путем всяческих испытаний; наоборот, хороших людей
мы привлекли, обходясь с ними по мере сил дружелюбно и мило-
стиво.

Пусть не укроется от нас одно счастливое обстоятельство, благоприятствовавшее, как мы указали, также и Гераклидам[11] при их переселении, а именно отсутствие страшного и опасного спора о переделе земли и о снятии долгов. Если в государстве понадобится такое законодательство, нельзя будет так или иначе не поколебать d
его древних установлений; с другой стороны, попытка поколебать их будет недопустимой. Остается, можно сказать, только одно — молиться, чтобы переход этот осуществился незаметно, мало-помалу и в течение долгого времени. Поколебать существующее положение могли бы люди, в изобилии владеющие землей, если бы они пожелали снисходительно отнестись к многочисленным своим должникам, видя их нужду: если бы они согласились часть e
долгов простить, часть же своего имущества поделить и если бы они так или иначе держались умеренности, полагая, что бедность заключается не в уменьшении принадлежащего им имущества, а в увеличении ненасытности. Это было бы величайшим началом спасения государства, на этом, как на надежном основании,[12] можно затем воздвигать государственное устройство, подобающее такому положению дел. Напротив, когда этот переход болезнен,[13] даль- 737
нейшее положение общества никоим образом не будет благоприятным для государства. Мы считаем, что нам удастся этого избежать или, правильнее сказать, если и не избежать, то все же обрести для этого средство. Это средство заключается в том, чтобы не искать несправедливого обогащения. Нет иного пути, ни широкого, ни узкого, чтобы избегнуть этой беды. Да будет это отныне как бы краеугольным камнем нашего государства.[14]

Так или иначе, надо устроить, чтобы граждане в отношении b
имущества не имели повода жаловаться друг на друга, ибо нельзя при наличии старинных взаимных жалоб продвигаться вперед в остальном государственном устроении; это ясно всем, у кого есть хоть немного разума. Где, как нам теперь, бог даровал возможность основать новое государство, там не может быть никакой взаимной вражды. Если бы и здесь возникла вражда друг к другу из-за раздела земли и жилищ, то виной было бы нечеловеческое невежество, соединенное со всяческой испорченностью.

Каким же способом можно произвести такое правильное рас- c
пределение? Прежде всего следует установить численность населения, иными словами, сколько будет у нас граждан. Затем надо решить, на сколько частей мы поделим всех граждан и как велика будет каждая часть. Обусловив все это, можно приступить к наиболее равномерному распределению земли и жилищ. Какое количество граждан будет достаточным, можно определить не иначе

как сообразуясь с количеством земли и с близлежащими госу-
d дарствами. Земли надо а столько, чтобы она была в состоянии про-
кормить это число людей при условии их рассудительности, и не
более того. Граждан же нужно столько, чтобы они без особых
затруднений могли отражать нападения окрестных жителей и по-
могать тем соседям, кого обижают. Когда мы увидим и местность,
и соседей, мы определим все это и на словах, и на деле. Пока же это
лишь общий очерк или набросок; покончив с ним, перейдем к за-
конодательству.

e Пусть будущих граждан будет пять тысяч сорок. Это — число
подходящее, так земледельцы смогут отразить врага от своих на-
делов.[15] На столько же частей будут разделены земля и жилища;
человек и участок, полученный им по жребию, составят основу на-
дела. Все указанное число можно прежде всего разделить на две
части, затем на три. По своей природе оно делится последователь-
но и на четыре, и на пять, и на последующие числа вплоть до деся-
738 ти. Что касается чисел, то всякий законодатель должен отдавать
себе отчет в том, какое число и какие свойства числа всего удобнее
для любых государств. Мы признаем наиболее удобным то число,
которое обладает наибольшим количеством последовательных
делителей. Конечно, всякое число имеет свои разнообразные дели-
тели; число же пять тысяч сорок имеет целых пятьдесят девять де-
b лителей, последовательных же — от единицы до десяти. Это очень
удобно и на войне, и в мирное время для всякого рода сделок, сою-
зов, налогов и распределений.

Следующее надо на досуге крепко усвоить тем, кому предпи-
сывает это закон, ибо дело обстоит именно так, и потому надо ука-
зать на это устроителю государства. Создается ли с самого начала
новое государство или переустраивается выродившееся старое,
все равно никто из имеющих разум не станет колебать ничего, ка-
сающегося богов и святынь: какие именно, каким богам должны
быть воздвигнуты святилища в государстве и именем каких богов
или даймонов будут они называться, во всем этом надо следовать
c Дельфам, Додоне, Аммону[16] или же убедительным древним сказа-
ниям о бывших знамениях и божественных наитиях. Люди, веря
в это, устанавливали жертвоприношения, сопряженные с таинст-
вами, либо местные, либо Тирренские или Кипрские, наконец,
заимствованные еще откуда-нибудь.[17] Согласно этим сказаниям
освящали божественные речения, статуи, алтари и храмы и отво-
d дили каждому из богов священные участки. Из всего этого законо-
дателю нельзя трогать ничего, даже самого малого, но дóлжно
каждой части граждан дать особого бога, даймона или героя. При

разделе земли надо прежде всего выделить отборный священный участок со всем, что ему подобает; там в установленные сроки должна собираться каждая часть граждан, дабы облегчать общие нужды, выражать друг другу доброжелательство при жертвоприношениях, привыкать к соседям и знакомиться. Для государства нет e
более великого блага, чем близкое знакомство граждан друг с другом. Где во взаимоотношениях нет света, но царит тьма, там никто не может правильно достичь заслуженного почета, власти и подобающих прав. В любом государстве каждый человек должен стремиться всегда быть простым, правдивым, нелицемерным по отношению к другим и, будучи таковым, остерегаться обмана с их стороны.

Дальнейший ход рассуждения о законодательстве (точно ре- 739
шительный шаг в игре[18]) сначала, пожалуй, удивит слушателя, так он необычен. Однако когда кто поразмыслит и понаблюдает, то согласится, что мы строим государство лишь второе по сравнению с наилучшим. Вероятно, его не примут, ибо необычно государство, где законодатель не обладает тиранической властью. Всего правильнее было бы сначала изложить наилучший государственный строй, затем второй по достоинству и, наконец, третий, b
а после изложения предоставить выбор тому, кто стоит во главе общества. Согласно этому замыслу мы и поступим сейчас, указав на государственное устройство первое по достоинству, затем на второе и третье. А выбор мы теперь предоставим Клинию, вообще же в дальнейшем любому желающему, когда бы он этого ни пожелал, дабы он мог избрать по своей склонности то, что подходит для его родины.

Наилучшим является первое государство, его устройство и за- c
коны. Здесь все государство тщательнейшим образом соблюдает древнее изречение, гласящее, что у друзей взаправду все общее.[19] Существует ли в наше время где-либо и будет ли когда, чтобы общими были жены, дети, все имущество и чтобы вся собственность, именуемая частной, всеми средствами была повсюду устранена из жизни? Чтобы измышлялись по мере возможности средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, — глаза, уши, руки, — так, чтобы казалось, будто все сообща видят, d
слышат и а действуют, все восхваляют или порицают одно и то же? По одним и тем же причинам все будут радоваться или огорчаться, а законы по мере сил сплотят в единое целое государство, выше которого в смысле добродетели, правильности и блага никто никогда не сможет установить. Если такое государство устрояют где-нибудь боги или сыновья богов и обитают в нем больше чем по

e одному, то это — обитель радостной жизни. Когда оно есть, нет надобности взирать на другой образец государственного устройства, но достаточно возможно сильнее к нему стремиться. То государство, что мы теперь пытаемся изобразить, также очень близко к бессмертию, но оно занимает по своему значению второе место. Если будет на то воля бога, мы попытаемся обрисовать и третье по значению государство. Сейчас же мы посмотрим, каково это второе по значению государство и как оно образуется.

740 Прежде всего пусть граждане разделят землю и жилища; общинного Земледелия может и не быть, так как нынешнее поколение по своему воспитанию и образованию не доросло до этого. Однако раздел надо производить, считаясь со следующим: каждый получивший по жребию надел должен считать свой надел общей собственностью всего государства. Более, чем дети о своей матери, должны граждане заботиться о родимой земле, ведь она
b богиня — владычица смертных созданий.[20] Так же надо мыслить и о местных богах и даймонах. А чтобы все это сохранилось навеки, надо еще заметить, что установленная нами численность очагов должна быть всегда одинаковой, то есть не увеличиваться и не уменьшаться. Прочного положения во всем государстве можно достигнуть так: обладатель надела оставляет в наследство свое жилище всегда лишь одному из своих детей, самому любимому, ко-
c торый и будет его преемником, почитателем богов рода, государства и людей, живых или уже окончивших свой век. Что касается остальных детей — если у кого их не один, а несколько, — то девочек пристраивают замуж согласно закону, который будет установлен, мальчиков же отдают в сыновья тем из граждан, у кого нет потомства, руководясь при этом более всего личным расположением. Если же такого расположения нет, а потомство мужского или женского пола многочисленно и в обратном случае, то есть при нехватке детей, всем этим будет ведать правительственное
d должностное лицо, причем должность эта будет значительнейшей и очень почтенной. Лицо это будет наблюдать, как следует поступить при излишке или недостатке, и изыскивать средство, чтобы общее количество хозяйств всегда равнялось только пяти тысячам сорока.

Средств таких много, например воздержание от деторождения для тех, у кого обширное потомство, или, наоборот, попечение и заботы о многочисленном потомстве. Можно достичь нашей
e цели с помощью почета или бесчестья или если старшие будут обращаться с увещаниями и наставительными речами к молодым. Наконец, если уж будет крайне трудно сохранить число пять тысяч

сорок семей ввиду появления чрезмерного количества граждан (плод взаимной любви, существующей между жителями), то, чтобы выйти из этого затруднения, у нас имеется старинное средство, о чем мы не раз упоминали, — устройство колоний. Это средство носит вполне миролюбивый характер, поэтому оно кажется вполне пригодным. Если же иной раз нахлынет обратная волна, несущая с собой разлив болезней или гибельные и войны, и граждане 741
осиротеют, причем их станет гораздо меньше установленного числа, то все же нельзя включать в число граждан всех желающих — тех, что воспитаны ложным образом. Ведь, по пословице, даже бог не может противиться необходимости.[21]

Только что сказанное может быть выражено и в виде такого совета: «Лучшие из людей! Ни на сколько не уклоняйтесь от естественного и общественного почитания этим числом подобия, равенства, тождества и согласованности и не упускайте ни одной возможности для прекрасных и добрых деяний. Поэтому прежде b
всего сохраняйте на протяжении всей жизни установленную численность; затем сохраняйте величину и размеры вашего имущества. Не бесчестите ваш первоначально соразмерный надел взаимной куплей или продажей, ибо не будет вам в этом союзником ни законодатель, ни бог, по жребию выделивший его вам».

Здесь впервые устанавливается закон для ослушников, предупреждающий, что лишь при этих условиях желающий может получить надел, но не иначе: во-первых, земля посвящена всем богам; c
затем при первом, втором и третьем жертвоприношении жрецы и жрицы будут совершать молитвы о том, чтобы того, кто купил или продал полученные по жребию под жилище или поле наделы, постигла за это достойная кара. Записав это на кипарисовых таблицах, пусть поместят их в святилищах, дабы это служило напоминанием на будущее. Кроме того, за исполнением всего этого будет d
поручено следить самому зоркому из должностных лиц, так, чтобы не укрылись происходящие иной раз нарушения и ослушники наказывались бы законами и богами. Насколько это установление, если ему хорошо следовать, оказывается благом для выполняющих его государств, этого, по старинной пословице, не узнать ни одному дурному человеку, но лишь тот узнает об этом, кто обладает опытом и разумным нравом. Наживе вовсе нет места e
при подобном устройстве, а отсюда следует, что никто не должен — да, впрочем, и не может — наживаться неблагородным способом; поскольку это зазорное, так сказать, ремесло извращает благородные нравы, недопустимо даже желать подобного обогащения.

Сюда же относится и следующий закон. Никто из частных лиц
742 не имеет права владеть золотом или серебром.[22] Однако для по-
вседневного обмена должна быть монета, потому что обмен почти
неизбежен для ремесленников и всех тех, кому надо выплачивать
жалованье, — для наемников, рабов и чужеземных пришельцев.
Ради этого надо иметь монету, но она будет ценной лишь внутри
страны, для остальных же людей не будет иметь никакого значе-
ния. Общей же эллинской монетой государство будет обладать
лишь для оплаты военных походов или путешествий в иные госу-
b дарства посольств либо — если это будет нужно государству —
всевозможных вестников. Словом, всякий раз, как надо кого-то
послать в чужие земли, государству необходимо для этой цели об-
ладать действительной по всей Элладе монетой. Если частному
лицу понадобится выехать за пределы родины, оно может это сде-
лать лишь с разрешения властей; по возвращении домой оно дол-
жно сдать государству имеющиеся у него чужеземные деньги,
получив взамен местные деньги, согласно расчету. Если обнару-
жится, что кто-либо присвоил чужеземные деньги, они забирают-
ся в пользу казны; знавший же об этом и не сообщивший подвер-
гается вместе с тем, кто ввез эти деньги, порицанию и проклятию,
c а также и пене в размере не менее количества ввезенных чужезем-
ных денег. При женитьбе или замужестве совершенно не разре-
шается давать или брать какое-нибудь приданое. Далее, нельзя от-
давать денег на хранение тому, кто не внушает доверия. Нельзя
также отдавать деньги под проценты, в этом случае позволяется
вовсе не возвращать ростовщику ни процентов, ни всего долга.

Судить о высоких качествах этих установлений правильнее
d всего, обращаясь всякий раз к нашему исходному намерению. Мы
утверждаем, что намерения разумного политика вовсе не таковы,
какими их рисует себе большинство: оно считает, будто хороший
законодатель должен стремиться видеть свое государство вели-
ким; будто он дает хорошие законы, думая о том, чтобы государст-
во было как можно богаче, чтобы оно обладало золотыми и сереб-
ряными рудниками и владычествовало над большинством госу-
дарств как на море, так и на суше. Надо было бы добавить:
надлежащий законодатель должен стремиться к тому, чтобы его
e государство было наилучшим и счастливейшим. Это отчасти
исполнимо, отчасти нет. Устроитель пожелал бы исполнимого;
желать же неисполнимого было бы тщетно, тут напрасны все по-
пытки. Например, устроитель пожелал бы, чтобы граждане стали
добродетельными, а вместе с тем и неизбежно счастливыми; стать
же очень богатыми, оставаясь добродетельными, невозможно —

по крайней мере богатыми в том смысле, как это понимает большинство. Ведь богатыми называют тех избранных людей, которые приобрели имущество, оцениваемое огромной суммой, хотя бы сам владелец и был дурным человеком. Если это и в самом деле 743
так, то я лично никогда не соглашусь с большинством, будто богатый может стать поистине счастливым, если только он не является хорошим человеком. Но одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно. «Почему же?» — спросит, быть может, кто-то. Потому, ответил бы я, что, если кто приобретает и честным, и бесчестным путем, его барыши вдвое больше, чем у того, кто приобретает одним только честным. Издержки же тех, кто не желает тратиться ни на прекрасное, ни на постыдное, вдвое меньше издержек прекрасных людей на прекрасные нужды. При таких b
двойных доходах и половинных расходах одного разве разбогатеет другой, тот, кто поступает прямо наоборот? Из этих двух людей один хорош и другой не плох, если он бережлив, но нередко он вовсе плох и уж во всяком случае не хорош, как мы это сейчас показали. Тот, кто добывает средства и честным, и бесчестным путем, но не расходует их ни первым, ни вторым способом, бывает богат, если он к тому же и бережлив. Вовсе же плохой человек, как правило, расточителен и вследствие этого очень беден. Тот же, кто тратится на прекрасные дела, а приобретает свои средства одним c
лишь честным путем, вряд ли особо разбогатеет, однако не станет и очень бедным.

Следовательно, наше утверждение, что нет хороших и вместе с тем очень богатых людей, правильно. А кто не хорош, тот и не счастлив.

Наш набросок законов имел целью сделать людей возможно более счастливыми и дружелюбными. Но разве будут граждане дружелюбны там, где между ними много тяжб и много несправед- d
ливостей? Нет, только там они будут дружелюбными, где несправедливостей всего меньше и где они незначительны. Поэтому мы говорим, что в нашем государстве не должно быть ни золота, ни серебра, ни большой наживы путем ремесел и ростовщичества, ни чрезмерно обширного скотоводства, но должны быть только доходы, доставляемые земледелием; да и из них лишь такие, получение которых не вынуждает пренебрегать тем, для чего и нужно имущество. Это — душа и тело; лишенные упражнения и другого воспитания, они не заслуживали бы внимания. Потому-то мы и го- e
ворили неоднократно, что имущество заслуживает всего меньше почета. Из трех вещей, о которых заботится каждый человек, забота об имуществе по справедливости занимает лишь третье, то есть

последнее, место, забота о теле — среднее, на первом же месте сто-
ит забота о душе. И государственный строй, который мы сейчас
разбираем, окажется правильно установленным только в том слу-
чае, если почет будет распределен в нем именно так. Если же ка-
744 кой-либо из установленных законов ставит в государстве здоровье
выше рассудительности по оказываемому ему почету либо богат-
ство — выше рассудительности и здоровья, то это будет служить
признаком, что подобный закон установлен неправильно. Вот по-
чему законодатель должен часто задавать себе вопрос: «К чему,
собственно, я стремлюсь? Достигну ли я своей цели или же потер-
плю неудачу?» Таким образом он, пожалуй, скорее завершит свое
законодательство и избавит других от этих забот; никакого друго-
го способа у него нет.

Итак, мы утверждаем, что получивший надел по жребию дол-
b жен владеть им на указанных условиях. Было бы прекрасно, если
бы каждый член колонии обладал и всем остальным имуществом
в равной доле со всеми. Но это невозможно: один явится, обладая
большим имуществом, другой — меньшим. Поэтому, а также по
многим другим причинам для удобства и равной доли для всех
в государстве надо установить неравный имущественный ценз.
Стало быть, должности, подати, распределения и подобающий
каждому почет устанавливаются не только по личной добродетели
c или по добродетели предков, не только по силе и красоте тела, но и
по имущественному достатку или нужде. Должности и почести
распределяются как можно более равномерно, сообразно этому
имущественному неравенству, причем нет никаких поводов к раз-
дорам. В зависимости от величины имущества надо установить че-
тыре класса, назвав их: первый, второй, третий, четвертый или
как-нибудь иначе. Граждане либо пребывают в своем классе, либо,
d разбогатев или обеднев, переходят в подобающий каждому из них
класс.[23]

Кроме того, я установил бы как вытекающий из предыдущего
и следующий вид закона: ведь мы утверждаем, что в государстве,
не причастном величайшей болезни, более правильным названием
которой было бы «междоусобие» или «раздор», не должно быть ни
тяжкой бедности среди некоторых граждан, ни в свою очередь бо-
гатства, ибо бедность и богатство взаимно порождают друг друга.
Вот и надо теперь законодателю установить пределы бедности
e и богатства. Пределом бедности пусть будет стоимость надела,
который должен оставаться у каждого; ни один правитель, а равно
и ни один другой гражданин, ревнующий о добродетели, не дол-
жен тут ни у кого допускать уменьшения. Приняв это за меру, за-

конодатель допускает приобретение имущества, большего по
своей стоимости в два, три, четыре раза; если же кто приобретет
свыше этого, найдя ли что-нибудь, получив ли от кого-то в пода-
рок или наживши, — словом, если благодаря какому-нибудь по-
добного рода случаю у него окажется имущество, превышающее
меру, он должен отдать избыток государству и его богам-покрови- 745
телям. Сделав это, он обретет добрую славу и останется безнака-
занным; ослушника же этого закона может выдать всякий желаю-
щий, причем ему достанется половина суммы, другая же половина
будет отдана в пользу богов; кроме того, виновный должен будет
заплатить еще такую же сумму из своего имущества.

Все, чем владеет каждый, не считая надела, будет публично за-
писано теми, кому это предписывает закон, то есть должностными
лицами-стражами, так, чтобы все тяжбы, касающиеся имущества,
стали бы легкими и вполне ясными. b

Затем прежде всего что касается местоположения нашего
города, то оно должно быть по возможности серединным в стра-
не. Надо выбрать местность, дающую городу все удобства. Сооб-
разить это и выразить совсем нетрудно. После этого надо раз-
бить страну на двенадцать частей. Прежде всего надо установить
святилище Гестии,[24] Зевса и Афины, назвать его акрополем и ок-
ружить стеной; начиная отсюда, надо разделить на двенадцать
частей и самый город, и всю страну. Эти двенадцать частей дол- c
жны быть равноценными, поэтому те участки, где почва хороша,
будут меньше, а где плоха — больше. Всех наделов устанавливает-
ся пять тысяч сорок. Каждый из них опять-таки делится на два
участка: близкий и дальний. Из этих двух половин и составляется
каждый надел. Участок, ближайший к городу, надо объединить
в один надел с участком, расположенным на окраине; участок,
который поодаль от города, — с таким, который не на самом d
краю, и так далее. При этом разделении на две части надо, как
мы сейчас сказали, обращать внимание на плохое или хорошее
качество почвы и соответственно увеличивать или уменьшать
участки.

Граждан также надо разделить на двенадцать частей. Для этого
надо произвести перепись прочего их имущества, а затем поделить
все на двенадцать по возможности равноценных частей. Вслед за
тем эти двенадцать наделов надо поделить между двенадцатью бо-
гами и каждую определенную жребием часть посвятить тому или
иному богу, назвав ее его именем. Такая часть будет носить назва- e
ние филы. В свою очередь и город надо разделить на двенадцать
частей, точно так же как разделена остальная страна. Каждому

гражданину следует отвести два жилища: одно — близ срединной части государства, другое — на окраине.

На этом можно закончить вопрос о поселении.

Но мы должны вообще иметь в виду еще вот что: всему указанному сейчас вряд ли когда-нибудь выпадет удобный случай для
746 осуществления, так, чтобы все случилось по нашему слову. Найдутся ли люди, которые не возмутятся подобным устройством общества и которые в течение всей жизни станут соблюдать установленную умеренность в имуществе и рождении детей, о чем мы упоминали раньше, или люди, которые расстанутся с золотом и всем тем, что будет запрещено законодателем? А что такие запрещения будут, это ясно из всего сказанного раньше. К тому же это срединное положение страны и города, это кругообразное расположение жилищ! Все это точно рассказ о сновидении или лепка государства и граждан из воска!

b В известном смысле все сказанное нами не так уж плохо, но надо еще раз обдумать про себя следующее. Ведь законодатель снова обратится к нам с такими словами: «Друзья мои, не думайте, будто от меня укрылась определенная истинность этих возражений. Но я держусь того мнения, что правильнее всего в каждом наброске будущего не опускать ничего из самого прекрасного и истинного; это будет служить образцом, к которому мы должны
c стремиться. Если там встретится что-либо неосуществимое, то, конечно, его нужно будет избегать и не стремиться к его выполнению. Но в остальном надо стараться осуществить то, что ближе всего к подобающему и по своей природе более всего ему сродни. Стало быть, надо дать законодателю возможность довести до конца все его намерения. Но затем надо вместе с ним рассмотреть, что из сказанного им полезно, а что слишком резко для законодательства. Ведь даже самый захудалый ремесленник, намереваясь со-
d здать что-либо заслуживающее упоминания, должен постоянно сообразовываться с сутью дела».

Теперь нужно внимательно рассмотреть, какой смысл в этом решенном нами разделении на двенадцать частей. Ведь внутри этих двенадцати частей есть много подразделений, а также других, вытекающих из этих последних как их естественное порождение. Так мы дойдем и до числа пять тысяч сорок. Этими подразде-
e лениями будут: фратрии, демы, комы[25] и различные военные отряды (τάξεις χαὶ ἀγωγάς); кроме того, будут и такие подразделения: монета, меры веса, а также сухих и жидких тел. Закон должен установить соразмерность и взаимную согласованность всего этого.

При этом не надо бояться упрека в мнимой мелочности, когда будет устанавливаться количество обиходной утвари, и не допускать несоразмерности даже здесь. Следуя общему правилу, надо считать числовое распределение и разнообразие числовых отно- 747
шений полезным для всего, безразлично, касается ли это отвлеченных чисел или же тех, что обозначают длину, глубину, звуки и движение — прямое, вверх и вниз или же круговое. Законодатель должен все это иметь в виду и предписать всем гражданам по мере их сил не уклоняться от этого установления. Ибо для хозяйства, b
для государства, наконец, для всех искусств ничто так не важно и никакая наука не имеет такой воспитательной силы, как занятие числами. Самое же главное то, что людей, от природы вялых и невосприимчивых, это занятие с помощью божественного искусства пробуждает и делает вопреки их природе восприимчивыми, памятливыми и проницательными. Если еще с помощью других законов и занятий удастся изгнать неблагородную страсть к наживе из душ тех, кто собирается усвоить себе на пользу эту науку, то все это вместе было бы прекрасным и надлежащим с воспитательным c
средством. В противном случае вместо мудрости незаметно получится, так сказать, лишь плутовство, как это теперь можно наблюдать у египтян, финикиян и у многих других народов.[26] Они стали такими либо из-за других, неблагородных занятий и стяжаний, либо потому, что у них был никчемный законодатель, либо из-за постигшей их тяжкой доли, либо, наконец, потому, что такова d
сама их природа.

От нас, Мегилл и Клиний, не должно укрыться, что одни местности превосходят другие в смысле рождения лучших или худших людей. И невозможно устанавливать законы вразрез с местными условиями. Ведь в иных местах различные воздушные течения и зной делают людей странными и неудачливыми;[27] с другой стороны, влажность климата и даваемая землей пища не только делает то лучшим, то худшим тело, но все это не меньше может влиять и e
на душу. На земле превосходнее всех те местности, где чувствуется некое божественное дуновение: местности эти — удел даймонов, милостивых к исконным жителям; где этого нет, там все бывает наоборот. Разумный законодатель, обратив на это внимание, попробует, насколько это в человеческих силах именно так устанавливать законы. Вот это-то и предстоит тебе сделать, Клиний, ибо прежде всего на это надо обратить внимание, если ты хочешь заселить страну.

Клиний. Твои слова, афинянин, прекрасны. Я так и поступлю.

КНИГА ШЕСТАЯ

Организация идеального государства: должности, воспитание и образ жизни граждан

751 *Афинянин.* Однако после всего только что высказанного тебе придется обратиться к установлению должностей в этом государстве.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. К государственному благоустройству относятся две вещи: во-первых, установление должностей и будущих должностных лиц, то есть определение их количества и способа введения их в должность; во-вторых, надо установить, какими законами будет ведать каждая
b из должностей, и определить количество и качество этих законов. Однако, прежде чем произвести этот отбор, задержимся немного и выскажем приличествующее этому поводу соображение.

Клиний. Какое именно?

Афинянин. Следующее: всякому ясно, что законодательство — это великое дело. Но если хорошо устроенное государство поставит непригодную власть над хорошо установленными законами, то законы эти не принесут никакой пользы и положение создается
c весьма смешное; более того, это наносит государству величайший ущерб и приводит его к гибели.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Представим себе, мой друг, что именно эта опасность угрожает сейчас твоему государственному строю и государству. Потому, видишь ли, и надо, чтобы лица, законно домогающиеся правительственных должностей, представили достаточное доказательство добродетели как своего рода, так и своей собственной, начиная с детства и вплоть до времени избрания.[1] В свою очередь и будущие избиратели должны быть хорошо воспитаны,
d в духе законов, чтобы путем порицания или одобрения либо выбрать, либо отвергнуть избираемого — смотря по заслугам каждого. И разве смогут безупречно выбрать должностных лиц люди, лишь недавно собравшиеся вместе, не знающие друг друга да к тому же и лишенные воспитания?

Клиний. Это почти невозможно.

Афинянин. Однако, как говорится, отговорки не очень-то при-
e нимаются во внимание на состязаниях. Так вот и нам с тобой надо сейчас так поступить. Ведь ты, по твоим словам, обещал критскому народу, вместе с девятью другими лицами, позаботиться об установлении государственного строя нового поселения. Я же обе-
752 щал помочь тебе в нынешнем собеседовании. Поэтому мне не хо-

телось бы оставить свою речь незавершенной, ведь в таком случае она блуждала бы вокруг да около и показалась бы совершенно бесформенной.

Клиний. Превосходно сказано, чужеземец!

Афинянин. И не только сказано, но по мере сил я и осуществляю это.

Клиний. Давай же поступим так, как мы говорим.

Афинянин. Да будет так, если угодно богу и если мы сможем настолько превозмочь нашу старость.

Клиний. Вероятно, богу это угодно. b

Афинянин. Да, видно, и в самом деле это так. Значит, следуя богу, заметим вот что...

Клиний. Что именно?

Афинянин. Что наше нынешнее государство будет устроено мужественно и отважно.

Клиний. В каком смысле? Что ты имеешь сейчас в виду?

Афинянин. Что мы легко и бесстрашно устанавливаем законы для людей неопытных, желая, чтобы они когда-нибудь приняли установленные ныне законы! Однако, Клиний, всякому человеку, пускай и не слишком мудрому, ясно по крайней мере следующее: c
сначала люди нелегко примут законы — какие бы они ни были. Но если мы будем стоять на своем до того времени, пока их дети, вкусившие этих законов, не вырастут и достаточно с ними не освоятся и пока они не станут принимать участие в государственных выборах, то, когда осуществится все, о чем мы говорим, — если только каким-то образом это произойдет как следует, — по моему мнению, государству, так воспитанному, обеспечена прочная устойчивость на будущее время.

Клиний. Это не лишено основания. d

Афинянин. Итак, посмотрим, не найдем ли мы какого средства, достаточного для этой цели. Я утверждаю, Клиний, что кносийцы, преимущественно перед остальными критянами, должны не только принести очистительные жертвы во имя заселяемой ими страны, но употребить также все старания, чтобы главные государственные должности оказались прочными и наилучшими. Что касается остальных должностей, то здесь дело проще. Од- e
нако сперва нам надо со всей тщательностью избрать стражей законов.

Клиний. Но что послужит нам для этого указанием и основанием?

Афинянин. А вот что: я утверждаю, о дети Крита, что кносийцы, вследствие своего старшинства сравнительно со многими го-

сударствами, должны вместе с остальными поселенцами выбрать из них и из своей среды в общей сложности тридцать семь человек, при этом девятнадцать — из числа поселенцев, остальных же — из
753 самого Кноса. Пусть этих последних кносийцы предоставят твоему государству; ты сам также будешь гражданином этой колонии и одним из этих восемнадцати. Кносийцы поступят так либо по личному убеждению, либо уступая умеренному нажиму.

Клиний. Так разве, чужеземец, ты и Мегилл не будете принимать участия в нашем государственном строе?

Афинянин. Афины, Клиний, держатся гордо; да и Спарта горда.
b Кроме того, они далеки отсюда. А у тебя все обстоит хорошо, да и у остальных поселенцев точно так же, как у тебя. Итак, пусть будет сказано о том, как лучше всего устроить дела при нынешнем положении.

С течением времени, когда окрепнет государственный строй, избрание должностных лиц будет производиться примерно следующим образом. В выборах государственных должностных лиц обязаны участвовать все, кто носит оружие, — всадники ли или пехотинцы — и кто принимал участие в войне, состоя в отрядах
c соответственно своему возрасту. Выборы происходят в святилище, которое государство наиболее почитает. Каждый должен возложить на жертвенник бога дощечку, написав на ней имя и отчество избираемого, филу и дем, членом которого тот состоит;[2] точно таким же образом он должен приписать и свое собственное имя. Всякий желающий может, если ему покажется, что какая-либо дощечка заполнена несообразно с его намерением, изъять ее и выставить на площади на срок не менее тридцати дней. Выбрав до
d трехсот дощечек, получивших предпочтение, должностные лица показывают их всем гражданам. Граждане подобным же образом выбирают из этих трехсот того, кого каждый хочет. Во второй раз из них отбирают сто и снова показывают всем. На третий раз пусть голосуют за тех, кто значится в числе этих ста, опять-таки за кого кто хочет, но уже принося клятву над внутренностями жертвенных животных. Тридцать семь человек, получивших наибольшее число голосов, становятся государственными правителями. Но кто, Клиний и Мегилл, будет в нашем государстве руководить выбора-
e ми должностных лиц и производить докимасию? Мы понимаем, что в государствах, впервые таким образом становящихся единым целым, до выборов должностных лиц должны быть какие-то руководители. И это должны быть не бездельники, но люди самые лучшие. Пословица гласит, что начало — половина всякого дела, и мы всегда воздаем прекрасному началу хвалу. В нашем же случае, как

мне кажется, начало — больше, чем половина, и никому не дано 754
достойным образом восхвалить это прекрасное начинание.[3]

Клиний. Ты совершенно прав. Афинянин. Раз мы это сознаем, мы не можем обойти молчанием этот вопрос, не уяснив самим себе средства, ведущего к его разрешению. На этот счет я могу сказать разве только одно, однако необходимое и полезное при настоящем положении дел.

Клиний. Что же это?

Афинянин. Я утверждаю, что у государства, которое мы собираемся основать, не будет иного отца и матери, кроме того государства, что основывает поселение. Мне хорошо известно, что b
часто бывают — да и будут впредь — многие различия между колониями и городами-основателями. Но наше государство, словно дитя, даже если будут у него какие-нибудь отличия от родителей, любит их, несмотря на все сложности нынешнего своего воспитания, да и родители его любят. Оно прибегает к своим родственникам и только в них всегда находит себе необходимых союзников. Вот я и утверждаю, что именно так будет обстоять дело у кносийцев благодаря их заботливости о новом государстве; и это новое c
государство будет так же относиться к кносийцам. Я повторяю только что сказанное, ибо прекрасное полезно повторить дважды. Кносийцы сообща должны позаботиться обо всем этом, выбрав старейших и по возможности лучших людей из числа колонистов в количестве не менее ста. Из среды самих кносийцев пусть поставят других сто человек. Они должны, утверждаю я, отправиться в новое государство и там позаботиться, чтобы должностные лица были назначены и проверены согласно законам. После этого кно- d
сийцы возвратятся в Кнос, новое же государство будет стараться самостоятельно поддерживать себя и преуспевать.

Пусть у нас и теперь, и впредь выбираются указанным способом тридцать семь должностных лиц. Они будут прежде всего стражами законов, затем — хранителями записей, где каждый гражданин укажет, для сведения должностных лиц, количество своего имущества, за исключением четырех мин для первого класса, трех мин — для второго, двух мин — для третьего и одной e
мины — для четвертого. Если же окажется, что кто-нибудь приобрел сверх указанного в записи, то излишек изымается в пользу государства. Кроме того, всякий желающий может возбудить против приобретшего судебное дело; оно поведет вовсе не к доброй славе, а, напротив, к позору, если обнаружится, что этот гражданин пренебрег законами из-за корыстолюбия. Всякий желающий, указав в письменном виде на его позорное корыстолюбие, может

755 привлечь его к суду в присутствии самих стражей законов. В слу-
чае осуждения он лишается права иметь свою часть в общем
имуществе; если в государстве будет производиться какой-нибудь
передел, он не получит в нем своей доли, кроме первоначального,
полученного по жребию надела; имя виновного в продолжение
всей его жизни будет начертано там, где всякий желающий может
его прочесть.

Страж законов не должен стоять у власти более двадцати лет;
избирать на эту должность можно лишь лиц не моложе пятидеся-
ти. Если будет избран шестидесятилетний, он будет править толь-
ко десять лет, и так далее из того же расчета, так что переступив-
шие за семьдесят лет пусть имеют в виду, что в своем возрасте они
b уже не могут занимать эту должность.

Ограничимся пока этими тремя предписаниями относительно
стражей законов. По мере развития законодательства перед этими
лицами встанут кроме только что указанных новые задачи, о реше-
нии которых им также придется позаботиться.

А теперь перейдем к вопросу об избрании других должност-
ных лиц. Вслед за указанными лицами надлежит произвести выбо-
ры стратегов и, так сказать, их помощников в ратном деле: гиппар-
c хов, филархов и тех, кто командует пехотными отрядами; этим
последним всего более приличествовало бы название таксиархов,
как, впрочем, большинство их и называет.[4] Лиц на должность стра-
тегов стражи законов выдвигают из числа граждан. Все причаст-
ные военному делу в данный момент и раньше имеют право изби-
рать из числа предложенных лиц. Если окажется, что кто-то может
d предложить кого-нибудь более достойного, чем тот, кто был пред-
ложен стражами, он может, присягнув, взамен его выставить дру-
гого. Кто из двух при голосовании, производимом путем поднятия
рук,[5] соберет наибольшее число голосов, тот допускается в качест-
ве избираемого. Трое получивших наибольшее число голосов ста-
новятся стратегами и попечителями военных дел, однако лишь
после того, как и они, подобно стражам законов, подвергнутся
докимасии. Избранные стратеги сами выбирают двенадцать такси-
e архов, по одному для каждой филы. Впрочем, и здесь, как при вы-
боре стратегов, допускается выдвижение других лиц. При этом
точно так же происходит голосование путем поднятия рук и при-
нятие окончательного решения. Пока не избраны пританы и совет,
стражи законов созывают это собрание в самом священном и подо-
бающем месте, по отдельности разместив гоплитов,[6] всадников,
а также всех остальных воинов. За стратегов и гиппархов пусть го-
756 лосуют путем поднятия рук все граждане; за таксиархов же лишь

те, кто носит щит; филархов пусть избирает вся конница. Пусть стратеги сами назначат начальников над легковооруженными, над лучниками или над иного рода войсками.

Нам остается еще коснуться вопроса о назначении гиппархов. Их пусть выдвигают те, кто выдвигает также стратегов; избрание и встречное выдвижение на эту должность пусть тоже производит-
ся так, как при выборах стратегов, но здесь пусть конница голосует b
путем поднятия рук на виду у пехоты. Двое получивших наибольшее число голосов становятся во главе конницы. Если при поднятии рук возникнет неясность, допускается вторичное голосование. Если же и в третий раз будет неясность, пусть дело решают те, кто в каждом отдельном случае руководил голосованием.

Совет пусть состоит из тридцати дюжин членов. Число «триста шестьдесят» допускает удобное деление. Разделив это число на че-
тыре части, по девяносто в каждой, мы постановим, чтобы каждый c
из четырех классов граждан выбирал девяносто членов совета. Прежде всего все поголовно должны избрать представителей высшего класса; уклонившийся же подвергается установленному наказанию. После голосования следует записать имена избранных. На другой день избирают представителей второго класса таким же образом, как происходило избрание накануне. На третий день все желающие голосуют за представителей третьего класса, однако
трем первым классам это вменяется в обязанность, четвертый же d
класс, как самый низший, остается свободным от наказания, если кто из граждан этого класса не захочет голосовать. На четвертый день все голосуют за представителей четвертого, самого низшего класса; однако, если гражданин четвертого или третьего класса не захочет голосовать, он не подвергается наказанию. Неголосовавшие граждане первого и второго класса должны понести на-
казание: принадлежащие ко второму классу — наказание втрое e
больше первоначального, принадлежащие к первому — вчетверо больше. На пятый день должностные лица выносят списки с именами избранных для обозрения всем гражданам. Всякий снова должен голосовать за кого-нибудь из них под страхом повторения первоначального наказания. Когда таким образом от каждого класса окажутся избранными сто восемьдесят человек, половина их устраняется путем жеребьевки, остальные же на этот год становятся членами совета.

Выборы, производимые таким образом, занимают средину между монархическим и демократическим устройством: государственное устройство вообще должно всегда придерживаться сре-
дины.[7] Ведь рабы никогда не станут друзьями господ, так же как 757

люди никчемные никогда не станут друзьями людей порядочных,
хотя бы они занимали и равные по почету должности. Ибо для не-
равных равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надле-
жащая мера. По обеим этим причинам государства наполняются
междоусобицами. Истинна древняя пословица, что равенство
создает дружбу; это сказано и вполне правильно, и складно.[8] Но
b какое именно равенство обладает такой силой, не слишком ясно,
и это приводит нас в большое смущение. Есть два вида равенства;
они хоть и одноименны, но на деле во многом чуть ли не противо-
положны между собой. Из этих двух видов первому может отвести
почетное место всякое государство и всякий законодатель, руко-
водя его распределением с помощью жребия: таково равенство
меры, веса, числа. Но любому человеку нелегко усмотреть самое
истинное и наилучшее равенство, ибо это — суждение Зевса. Лю-
c дям его уделяется всегда немного, но, поскольку оно уделено госу-
дарству или частным лицам, оно создает все блага. Большему оно
уделяет больше, меньшему — меньше, каждому даря то, что сораз-
мерно его природе. Особенно большой почет воздает оно всегда
людям наиболее добродетельным; противоположное же оно соот-
ветственно уделяет тем, кто в добродетели и воспитанности им
противоположен.

У нас все относящееся к государственному устройству посто-
янно совпадает со справедливостью. Мы, Клиний, уже теперь дол-
жны стремиться к этому равенству, имея в виду устроить наше
d растущее теперь государство. Если кто-то когда-нибудь будет
устраивать другое государство, то и ему надо будет издавать зако-
ны, постоянно имея в виду именно это — справедливость, а не ти-
ранов — одного или немногих — и не народовластие. В этом-то и
заключается только что высказанная нами мысль о равенстве,
установленном в каждом отдельном случае для неравных согласно
природе.

Впрочем, всякому государству, если оно хочет избежать внут-
e ренних волнений, необходимо воспользоваться и другим видом
равенства, заимствовавшим свое имя от первого. Ведь пристойная
снисходительность при своем осуществлении вопреки надлежа-
щей справедливости оказывается нарушением строгого совершен-
ства. Поэтому вследствие недовольства большинства необходимо
применять равенство путем жребия, причем бога и благую судьбу
надо молить, чтобы они устроили жеребьевку согласно высшей
758 справедливости. Так-то и приходится пользоваться обоими вида-
ми равенства, однако тем из них, которым правит случайность,
надо пользоваться как можно реже.[9]

Вот как, друзья мои, неизбежно приходится поступать госу-
дарству, если оно хочет себя сохранить. Подобно тому как ко-
рабль, плывущий в море, нуждается в постоянном страже и днем
и ночью, точно так же и государство держит свой путь среди бур-
ного натиска остальных государств, рискуя подвергнуться всевоз-
можным козням.[10] Поэтому неустанно, с утра до ночи и с ночи до b
утра, правители должны приходить на смену правителям, а стражи
должны сменять стражей. Толпа никогда не сумеет быстро доби-
ться этого. Правда, необходимо допустить, чтобы большинство
членов совета значительную часть времени занимались своими де-
лами и приводили в порядок свое хозяйство. Однако каждая две-
надцатая их часть поочередно должна быть на страже — соответ-
ственно двенадцати месяцам. Они были бы к услугам каждого
приходящего из чужих земель или с гражданина самого государст- c
ва, если он захочет сообщить о чем-то либо, наоборот, узнать
что-нибудь из числа тех вещей, о которых одному государству по-
добает давать ответы другим государствам или же, напротив, по-
лучать от них ответы на свои вопросы. В особенности они должны
предупреждать всякий раз внутренние волнения в государстве, ко-
торые обычно возникают по самым различным поводам; в случае d
их возникновения государство должно как можно скорее позабо-
титься о том, чтобы они улеглись. Поэтому верховные правители
государства должны обладать постоянным правом созывать и рас-
пускать собрания, как установленные законами, так и те, необхо-
димость в которых возникает внезапно. Всем этим пусть ведает
двенадцатая часть совета, прочие же одиннадцать частей пусть от-
дыхают остальную часть года. Двенадцатая часть совета постоян-
но стоит на страже государства вместе с остальными правителями.

Для города этих установлений, пожалуй, достаточно. Каковы
же будут попечение обо всей остальной стране и установленный e
в ней распорядок? Раз весь город разделен на двенадцать частей,
то не должно ли и всю страну также разделить на двенадцать час-
тей? Не следует ли поставить каких-либо попечителей над дорога-
ми, жилищами, постройками, гаванями, рынком, источниками,
равно как и над священными участками, святилищами и всем тому
подобным?

Клиний. Конечно, следует.

Афинянин. Скажем же, что в святилищах должны быть смотри- 759
тели,[11] жрецы и жрицы. А что касается дорог, построек и поддер-
жания там порядка — чтобы люди и животные не причиняли вреда
в черте города и в предместьях и чтобы в государстве осуществля-
лось все надлежащее, — надо выбрать три рода должностных лиц:

для только что указанного — так называемых астиномов, для на-
блюдения за рынком — агораномов.[12] Если в некоторых семьях
жреческий сан — наследственный и переходит по мужской или
b женской линии, этого порядка не следует нарушать. Впрочем, во
вновь основываемом государстве это, конечно, вряд ли может
у кого-нибудь быть, разве что у немногих. Поэтому следует тем, у
кого это не установлено, назначить жрецов и жриц, чтобы они от-
правляли храмовую службу. Их назначение частью должно быть
выборным, частью происходить путем жеребьевки. При этом на-
род и те, кто к нему не принадлежит,[13] дружественно объединяют-
ся между собой в каждой части страны и в каждом городе, чтобы
достичь сколь возможно большего согласия. Что касается жрецов,
c то надо самому богу предоставить возможность выбрать тех, кто
ему угоден, поручив это с помощью жребия божественной судьбе.
Однако всякий раз надо подвергать докимасии того, на кого выпал
жребий, проверяя его телесное здоровье[14] и законность рождения,
а самое главное — происходит ли он из почтенной семьи, чист ли
он от убийства и не преступили ли он или его отец и мать другие
подобные божественные установления. Относительно всего боже-
ственного надлежит взять законы из Дельф и пользоваться ими,
d назначив для этих законов истолкователей. Каждое жреческое зва-
ние должно быть годичным, никак не более. Тот, кто хочет, соглас-
но священным законам и как надлежит, отправлять богослужение,
должен иметь у нас не менее шестидесяти лет. Такое же законопо-
ложение пусть будет и относительно жриц.

Каждые четыре филы пусть трижды избирают четырех истол-
кователей, всякий раз по одному от каждой филы. Трое получив-
ших наибольшее количество голосов подвергаются докимасии,
все девятеро посылаются в Дельфы, чтобы из каждой тройки был
e избран один. Докимасия эта и положенный истолкователю возраст
пусть будут такими же, как у жрецов, но они будут истолкователя-
ми пожизненно. А вместо выбывшего пусть доизберут другого те
четыре филы, откуда он был.

Из высших классов изберут по три казначея для самых боль-
760 ших святилищ, для меньших — двух, для самых скромных — од-
ного. Они будут ведать священной казной, священными участка-
ми и доходами с них, а также будут полномочны отдавать их
в аренду. Избрание и докимасия казначеев пусть происходят так
же, как у стратегов. Таков будет порядок относительно святилищ.

Пусть по мере сил ничего не остается без надзора. Надзор и по-
печение над городом будут осуществляться стратегами, таксиар-
b хами, гиппархами, филархами, пританами, а также астиномами и

агораномами, когда они будут у нас как следует выбраны и назначены. А вся остальная страна будет охраняться так: вся она будет разделена на двенадцать по возможности равных участков. Каждая фила получает по жребию один участок; ежегодно фила доставляет пять агрономов и фрурархов.[15] Каждый из этих пяти изби- c
рает в своей филе двенадцать молодых людей не моложе двадцати пяти лет и не старше тридцати; между ними по жребию распределяются участки страны, каждому на один месяц, чтобы все они на опыте познакомились со всей страной и приобрели знания. Управление и надзор поручаются смотрителям и начальникам на два года. Получив вначале по жребию какой-либо участок, они ежеме- d
сячно сменяют его на соседний, по кругу слева направо, под руководством начальников стражи, справа при этом будет восток. Чтобы возможно большее количество надзирателей ознакомилось со страной не только в течение какого-то одного времени года, но узнало бы кроме страны также все происходящее в любом месте в любое время года по истечении года, на другой год тогдашние руководители снова поведут их, но теперь уже налево, постоянно e
меняя место, пока не пройдет второй год. На третий год надо избрать пять новых агрономов и фрурархов — попечителей тех двенадцати молодых людей. Во время их пребывания в каждой данной местности попечение их будет состоять приблизительно в следующем: прежде всего страна должна быть как можно сильнее укреплена против врагов. Для этого следует выкопать там, где надо, рвы, насыпать валы, чтобы этими сооружениями заградить по возможности путь тем, кто так или иначе попытается причинить зло стране и ее достоянию. Для этого можно использовать местных вьючных животных и рабов, так что первые будут трудиться, а вторые ими управлять, причем по возможности для этого 761
следует выбирать то время, когда они свободны от домашних работ. В стране все надо сделать непроходимым для врагов, для друзей же возможно более проходимым — и для людей, и для вьючных животных, и для стад. Надо заботиться о дорогах, чтобы они были как можно более благоустроенными, а также о дождевых водах, чтобы они не вредили стране, но приносили большую пользу, b
стекая с вершин во впадины горных ущелий. Надо заградить насыпями и рвами истоки, чтобы там скапливались и вбирались дождевые воды, образуя для всех нижележащих полей и местностей источники и ключи, которые даже самые сухие места обильно снабжали бы водой. Родниковые воды — будь то речные или ключевые — надо привести в порядок как можно лучше с помощью насаждений и сооружений; надо соединить их непересыхающими c

круглый год каналами, чтобы вся окружающая местность стала плодородной. Если поблизости находится роща или же священный участок, то туда следует отвести воду, чтобы украсить святилища богов. Повсюду в таких местах молодые люди должны устраивать себе гимнасии, а старикам — горячие стариковские
d бани. Для этого надо собирать большое количество высохших и ставших совершенно сухими дров, на пользу людям больным и изнурившим свое тело земледельческим трудом. Последние нашли бы там гораздо лучший прием, чем со стороны не слишком сведущего врача.

Так-то вот и таким образом вместе с приятным развлечением осуществлялись бы польза и порядок в этих местах. Серьезная же сторона дела заключается вот в чем: каждые шестьдесят человек будут охранять свои места не только от врагов, но и от тех, кто называет себя другом. Если кто-либо из соседей или из остальных
e граждан — свободных или рабов — станет наносить друг другу обиды, то в маловажных случаях пятеро должностных лиц сами рассудят дело потерпевшего; в случае же более важных жалоб, когда речь идет об иске размером до трех мин, дело разбирается с присоединением двенадцати лиц, уже семнадцатью. Ни один судья и ни одно должностное лицо не должны действовать бесконтрольно, за исключением тех, кто, точно цари, выносит окончательное решение. Равным образом и агрономы, если они как-либо
762 оскорбят тех, кто вверен их попечению, если неравномерно распределят задания или попытаются захватить и унести что-либо из земледельческих орудий без согласия на то владельца, а также если они станут брать дары от желающих подольститься или будут несправедливо распределять наказания, они будут как люди нестойкие перед лестью заклеймены позором по всему государству. Что касается остальных допущенных ими нарушений в отношении к местным жителям, то за нарушения, оцениваемые в одну мину,
b если агрономы согласны, они смогут подвергнуться суду соседей и деревенских жителей. В случае же если нарушение менее значительно, но агроном не желает добровольно дать ответ, надеясь избегнуть суда ввиду ежемесячного перехода на новое место, либо в случае более весомого нарушения, пострадавший должен обратиться в общий суд. Если он выиграет дело, то с агронома, пытавшегося бежать и не желавшего добровольно подчиниться, в наказание взыскивается пеня в двойном размере.

Правители и агрономы в течение двух лет ведут следующий образ жизни. Прежде всего в каждой местности будут совместные
c трапезы, в которых все будут сообща столоваться. Кто без распо-

ряжения должностных лиц или без основательной причины не бу-
дет в этом участвовать хотя бы только один день или отлучится на
ночь и пятеро обнаружат это, они запишут его имя и выставят на
площади как имя нерадивого стража. Он подвергнется посрамле-
нию как человек, изменивший в своем деле государству; любой,
кто пожелает, сможет невозбранно его побить. Если же кто из са- d
мих должностных лиц совершит нечто подобное, то об этом сле-
дует уже позаботиться всем шестидесяти. Если заметивший и уз-
навший об этом не возбудит дела, он подпадает под те же законы и
наказывается более, чем молодые должностные лица: он лишается
права занимать все должности, доступные этим лицам. Стражи за-
конов пусть тщательно наблюдают за этим, чтобы ничего такого
либо не возникало в самом начале, либо, раз это уже возникло, что-
бы за этим следовало достойное наказание.

Каждый человек должен мыслить обо всех без исключения лю- e
дях так: не может стать достойным похвалы господином тот, кто
не был раньше подвластным; поэтому более, чем умением хорошо
властвовать, дóлжно хвалиться умением хорошо подчиняться,
прежде всего — умением подчиняться законам, что будет означать
подчинение богам; затем — умением юношей подчиняться стар-
шим, честно прожившим всю свою жизнь. Далее, ставший агроно-
мом должен в течение двух лет ежедневно отведывать тяжкой
и бедственной жизни. В самом деле, после того как двенадцать
будут избраны, пусть они соберутся совместно с пятью на сове-
щание, ведь они, точно слуги, уже не будут иметь других слуг и ра- 763
бов, не будут пользоваться для своих частных нужд услугами оста-
льных земледельцев и поселян, но только для общественных
надобностей. В прочем же пусть сами они обратят внимание друг
друга на то, что им предстоит самим себя обслуживать; к тому же
им зимой и летом придется во всеоружии обследовать всю свою
область как для охраны, так и для постоянной осведомленности о
всех местных событиях. Отчетливое знание каждым человеком b
своей страны — это наука, которая, пожалуй, не хуже всякой иной.
Поэтому молодежь должна предаваться псовой или какой-то иной
охоте не меньше, чем остальным удовольствиям, сопряженным с
возникающей из них для каждого человека пользой. Тех, кто зани-
мается этим (по роду их занятия), мы назовем разведчиками, или
агрономами, или каким-либо другим подходящим именем, но вся- c
кий намеревающийся надлежащим образом поддерживать свое го-
сударство пусть ревностно занимается этим по мере сил.

Затем нам следует поговорить об избрании должностных лиц:
астиномов и агораномов. Шестидесяти сельским смотрителям

пусть соответствуют трое городских смотрителей, которые разде-
лят на три части двенадцать частей города; городские смотрители
будут подражать сельским в заботе как о городских улицах, так и о
больших дорогах, ведущих в город; в заботе о постройках, чтобы
d все они возводились согласно законам, а равным образом и о воде,
чтобы количества ее, посылаемого и передаваемого ими попече-
нию стражей порядка, хватило бы для источников и чтобы она
была чистой и служила украшению и пользе города. Кроме того,
астиномы, чтобы заботиться об общем благе, должны быть состоя-
тельными и иметь досуг. Поэтому каждый из высших классов
пусть выставляет желаемых лиц для выборов в городские смотри-
e тели; избрание довершается путем поднятия рук. Когда число лиц,
получивших большинство голосов, дойдет до шести, те, кому над-
лежит, будут выбирать из них троих путем жребия. Их прошлое
подвергается проверке, и они правят согласно установленным для
них законам. После них надо произвести выборы пяти смотри-
телей рынков из второго и первого классов. Во всем прочем их
выбор производится так же, как городских смотрителей: путем
поднятия рук выбирается десять человек, и уже из них путем жере-
бьевки выделяют пятерых, проверяют их прошлое и наконец объ-
являют их должностными лицами. Пусть каждый избиратель уча-
ствует в каждом голосовании, производящемся путем поднятия
764 рук. Уклонившийся, лишь только должностные лица будут изве-
щены об этом, подвергнется пене в пятьдесят драхм и, кроме того,
прослывет дурным гражданином.

Всякий желающий может посещать народные сходки или соб-
рания. К этому посещению обязываются члены второго и первого
классов под угрозой пени в десять драхм за доказанное непосеще-
ние. Для граждан третьего и четвертого классов посещение не обя-
зательно; им не угрожает пеня, разве лишь когда должностные
лица вследствие какой-либо надобности объявят присутствие всех
обязательным.

b Агораномы должны охранять на рынке порядок, предписан-
ный законами, заботиться о находящихся на городской рыночной
площади святилищах и источниках, чтобы никто ни в чем не тер-
пел обиды; нарушителя же надо наказывать, если он раб или чуже-
земец, палочными ударами и тюремным заключением, если же
станет бесчинствовать местный житель, то агораномы выступают
полномочными судьями в тяжбах, не превышающих ста драхм;
присуждать обидчика к пене в двойном размере по отношению
c к этому они могут лишь сообща с астиномами. Такое же право на-
лагать пени и наказание будет и у астиномов в подначальной им

местности; пеню до одной мины они могут налагать сами, в двойном размере — совместно с агораномами.

Затем следует назначить должностных лиц, ведающих мусическим и гимнастическим искусствами, — тех и других по два: одного — для обучения, другого — для состязаний. Под первыми закон понимает попечителей над гимнасиями и училищами, поставленных для наблюдения за порядком, воспитанием, посещаемостью и пребыванием там мальчиков и девочек; под вторыми — судей над d
участниками гимнастических и мусических состязаний. Эти последние будут опять-таки двоякого рода: одни — судьи в мусическом искусстве, другие — в телесных состязаниях. При состязаниях людей или коней присуждать награду будут одни и те же судьи, но при мусических состязаниях одни будут присуждать награды в одиночном пении и в мимическом искусстве, то есть рапсодам, кифаристам, флейтистам и подобным им мастерам, дру- e
гие же будут присуждать награды за хоровое пение. Сначала надо выбрать руководителей хоровых игр, то есть хоров мальчиков, мужчин и девушек, их плясок и других видов искусства, воспитателей их мусическои стройности. Для этого достаточно одного руководителя не моложе сорока лет. Для одиночного пения будет 765
также достаточен один руководитель не моложе тридцати лет; он будет допускать к состязаниям и судить состязающихся. Руководителя и устроителя хороводов надо выбирать так: те, кто возымел к этому делу склонность, должны явиться на собрание под угрозой наказания в случае неявки; при этом судьями будут стражи законов. Для остальных это не обязательно, если они не желают. Выдвигать для избрания надо сведущих лиц; равным образом при b
докимасии, отводе или утверждении будет приниматься во внимание одно лишь это обстоятельство, а именно принадлежит ли избранный по жребию к числу сведущих лиц или нет. Из числа десяти лиц, предварительно избранных путем поднятия рук, по жребию после докимасии избирается на год руководитель хоров. Таким же образом, после такой же процедуры из числа явившихся избирается на тот же год руководитель одиночного пения и сопровождения на флейте, причем его избрание будут подтверждать судьи. c

После этого надо из второго и третьего класса избрать распорядителей-судей для гимнастических состязаний людей и коней.

Участвовать в выборах обязуются все принадлежащие к первым трем классам, а самый низший класс пусть останется безнаказанным, если не примет участия в выборах. Пусть будет выбранных по жребию только трое, а всех лиц, предварительно избранных путем поднятия рук, — двадцать. Из этих двадцати трое

выбираются по жребию, только если они получат в свою пользу
d голоса лиц, производящих докимасию. Если же тот, на кого пал
жребий и о ком надо принять решение, будет при докимасии за-
бракован, на его место надо избрать иных людей тем же самым
способом и так же подвергнуть их докимасии.

У нас остается еще одна государственная должность (касаю-
щаяся того, о чем речь была выше), состоящая во всевозможном
попечении о воспитании мальчиков и девочек. Пусть во главе это-
го дела стоит, согласно законам, одно должностное лицо, достиг-
шее не менее пятидесяти лет и имеющее законнорожденных детей,
лучше всего и сыновей, и дочерей или по крайней мере хоть ко-
e го-то из них. Как избиратель, так и избираемый должны понимать,
что эта должность гораздо значительнее самых высоких долж-
ностей в государстве. В самом деле, первый отпрыск любого рас-
тения, хорошо направленный, получает возможность усовер-
шенствовать качества, свойственные его природе. Это касается не
766 только всех растений и животных, как диких, так и ручных, но и
людей. Мы считаем человека существом кротким. Да, если его
счастливые природные свойства надлежащим образом развиты
воспитанием, он действительно становится кротчайшим и божест-
веннейшим существом. Но если человек воспитан недостаточно
или нехорошо, то это — самое дикое существо, какое только рож-
дает земля.[16] Поэтому законодатель не должен допускать, чтобы
воспитание детей было чем-то второстепенным и шло как попало.
Напротив, это первое, с чего должен начать законодатель. Если он
хочет создать должное попечение о детях, ему надо выбрать из
числа граждан человека, наилучшего во всех отношениях, и по
b возможности именно его назначить попечителем о детях. Итак,
пусть все должностные лица, кроме членов совета и пританов,
собравшись в святилище Аполлона, изберут путем тайного голо-
сования из числа стражей законов того, кто, по мнению избирате-
лей, лучше всего мог бы руководить вопросами воспитания. После
докимасии, произведенной всеми избравшими его должностными
лицами, кроме стражей законов, получивший наибольшее число
голосов отправляет свою должность в течение пяти лет, а на шес-
c той год таким же способом избирают ему преемника.

Если кто-либо из отправлявших общественную должность
умрет ранее чем за тридцать дней до истечения срока его полно-
мочий, пусть те, кому надлежит, назначат точно таким же обра-
зом другого на эту должность.[17] Если сироты лишатся опекуна,
то родственники с отцовской и материнской стороны, прожи-
вающие в стране, вплоть до двоюродных братьев, должны в тече-

ние десяти дней назначить другого опекуна. Иначе каждый из
них будет наказан пеней в одну драхму за каждый день до тех пор, d
пока они не назначат опекуна.

Судопроизводство и судьи

Всякое государство перестает быть государством, если суды в нем не устроены надлежащим образом. В свою очередь, по нашему мнению, никогда не будет в состоянии осуществлять правосудие безгласный судья, не высказывающий во время разбирательства более того, что говорят тяжущиеся стороны; это бывает только при частном посредничестве. Вот почему при многочисленных судьях трудно осуществлять правосудие, так же как и при немногих, если они дурны. Нужно всегда уметь понять то, что оспаривается
сторонами; полезно предварительно, исподволь и неоднократно, e
в течение некоторого промежутка времени вести разбирательство, чтобы выяснить спорный вопрос. Для этого тяжущиеся стороны должны обращаться к своим соседям, друзьям, вообще к тем, кто
более всего знаком с делом. Если при этом получится суждение не- 767
удовлетворительное, должно обратиться к другому суду. Если ни один из этих судов не сумеет разрешить дела, пусть третий вынесет окончательное решение.

Назначение судов известным образом относится к избранию правителей. В самом деле, каждый правитель в определенных случаях выступает как судья; судья же, не будучи правителем, тем не менее становится им — и притом далеко не последним — в тот день, когда своим приговором заканчивает судебное дело. Поэто-
му причислим и судей к правителям и посмотрим, какие качества b
им надлежит иметь, что им подсудно и сколько должно их быть в каждом отдельном случае.

Самым важным пусть будет тот суд, который назначат для себя тяжущиеся стороны, выбрав его сообща. Кроме того, пусть будут еще два суда: один для разбора дел между частными лицами, чтобы тот, кто считает себя оскорбленным другим человеком, мог по
желанию обратиться к правосудию; другой же суд — для тех слу- c
чаев, когда, по мнению гражданина, кем-нибудь нарушаются интересы общества и он желает прийти им на помощь.

Надо также сказать о том, кто будет судьями и какими качествами должны они обладать. Первый суд у нас будет общим для всех тех частных лиц, которые в третий раз ведут тяжбу по своему делу. Этот суд будет устроен примерно так: должностные лица всех рангов, избранные на годичный и более срок, перед началом нового года, в месяц, следующий за летним солнцестоянием, накануне этого дня должны собраться в одном святилище,

d принести клятву богу и выделить как первое приношение из каждой правительственной должности в качестве судьи одно лицо, проявившее себя в этой должности наилучшим образом; можно ожидать, что лицо это самым лучшим и благочестивым образом будет творить правосудие в течение предстоящего года среди граждан.

Избиратели сами производят докимасию среди этих избранных. Если кто из них будет забракован, следует таким же способом взамен него выбрать другого. Прошедшие докимасию творят суд над теми, кто уклоняется от прочих судов. Голосование в этом
e суде должно производиться открыто. Члены совета и прочив должностные лица, избравшие судей, непременно должны быть слушателями и зрителями в этих судилищах, а также и все другие желающие из граждан. Если кто станет жаловаться на умышленное нарушение правосудия со стороны судьи, обвинение следует направлять к стражам законов. Уличенный в этом должен заплатить пострадавшему половину суммы, в которую оценивается убыток. Если окажется, что виновный заслуживает большего наказания, стражи законов, приговору которых он подлежит, решают, что именно сверх этого должен он претерпеть и чем может он возместить ущерб как обществу, так и пострадавшему, обратившемуся в суд.

Обвинения в государственных преступлениях должны сперва
768 передаваться на решение народа. Когда наносят обиду государству, пострадавшими оказываются все граждане; они справедливо негодовали бы, если бы остались непричастными к решению суда. Поэтому-то начало подобного дела и окончательное решение по нему предоставляются народу, но разбирательство и обсуждение производятся тремя высшими должностными лицами по соглашению истца и ответчика. Если эти последние не могут прийти к соглашению, совет сам назначает судей из числа лиц, выбранных обеими сторонами.

b Что касается разбора частных дел, то по мере сил все должны принимать и в нем участие. Кто не использует возможность общего отправления правосудия, тот считается вовсе не имеющим отношения к государству. Поэтому необходимо, чтобы и в каждой филе были суды, где судили бы судьи, непреклонные к просьбам и избираемые по жребию. Окончательным же для всех подобных дел будет тот суд, который, как мы сказали, окажется наиболее беспристрастным, насколько это в человеческих силах; суд этот
c предназначается для окончания тех дел, которые не могли быть разрешены ни судом соседей, ни судом филы.

Вот все, что касается судов. Как мы уже сказали, нелегко разобраться, являются ли судьи государственными должностными лицами или нет. Мы уже отчасти как бы набросали внешний очерк судопроизводства; кое-что, однако, осталось незатронутым. Впрочем, всего правильнее было бы уже под конец законодательства подробно остановиться на вопросе о судебных законоположениях и подразделениях судов. Это-то и ждет нас в конце. Что же касается d
назначения остальных должностных лиц, то большей частью это уже, пожалуй, осуществлено нами в законодательстве. Однако невозможно полностью, и притом точно, выяснить все до единого вопросы, касающиеся государства и устройства всех его дел, прежде чем наше рассмотрение не придет к концу, охватив все к нему относящееся — как главные, так и второстепенные и средние по значению вещи. В настоящее время можно ограничиться e
сказанным выше, вплоть до избрания должностных лиц. Теперь же начнется установление законов; нет уже больше нужды для отступлений и разных задержек.

Клиний. Все сказанное тобой, чужеземец, вполне отвечает моим желаниям. Но еще более приятно, что ты покончил с этим и начинаешь говорить о дальнейшем.

Афинянин. Значит, до сих пор нам прекрасно удалось наше ра- 769
зумное старческое развлечение.

Клиний. Сдается, что не развлечение, а прекрасное и серьезное занятие зрелых людей.

Афинянин. Весьма возможно. Если ты согласен со мной, то обрати внимание на следующее...

Клиний. На что же? И из какой области?

Афинянин. Ты знаешь, что работа художников над своими произведениями не имеет никакого предела; художник так и этак расцвечивает картину, наносит оттенки (так это, кажется, называют ученики живописцев) — словом, он беспрестанно улучшает кар- b
тину до тех пор, пока она не станет безукоризненно прекрасной и выразительной.

Клиний. Я приблизительно улавливаю то, о чем ты говоришь, хотя совершенно незнаком с этим искусством.

Афинянин. Ты от этого ничего не потерял. Однако воспользуемся этим подвернувшимся нам теперь наблюдением. Дело вот c
в чем: если кто замыслил написать сколь возможно прекрасную картину, такую, чтобы и в последующее время она не потеряла своих достоинств, но казалась бы еще лучше, он, как ты понимаешь сам, должен оставить по себе преемника (сам-то ведь он смертен), чтобы тот подправлял его картину, если она пострадает

от времени, и чтобы он мог с блеском восполнить упущения, оказавшиеся в картине из-за несовершенства искусства ее творца. В противном случае безмерный его труд долго не просуществует.[18]

Клиний. Верно,

d *Афинянин.* Что же? Разве не таков же и замысел законодателя? Прежде всего законодатель хочет с достаточной по мере сил тщательностью записать законы. С течением времени его набросок проверяется на опыте. Так неужели же, по-твоему, законодатель может быть настолько безрассуден, чтобы не признать неизбежно пропущенным много такого, что нуждается в дальнейшем исправлении? Только таким образом намеченный законодателем госу-
e дарственный строй и порядок может стать не хуже, а лучше.

Клиний. Разумеется. Всякий, естественно, будет желать именно этого.

Афинянин. Если бы кто знал средство, как словесно или на деле обучить другого человека, сколько именно внимания надо обращать на то, каким образом следует охранять и исправлять законы, — неужели он не сообщил бы этого средства, прежде чем окончить свой век?

770 *Клиний.* Конечно, сообщил бы.

Афинянин. Поэтому и нам с вами надо сейчас это сделать.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Мы намерены дать законы. У нас выбраны стражи законов. Мы находимся на закате нашей жизни,[19] они, сравнительно с нами, еще молоды. Поэтому, как мы и говорим, нам надо одновременно с законодательством попытаться по мере сил создать из них законодателей и стражей законов.

b *Клиний.* Ну что ж, если это только в наших силах.

Афинянин. По крайней мере надо попытаться ревностно этим заняться.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Так обратимся же к ним с такими словами: «Друзья, вы — спасители законов. Мы сделаем очень много упущений в каждом устанавливаемом нами законе. Это уж неизбежно. Правда, мы по мере сил сделаем как бы общий набросок важных вопро-
c сов. Вашей задачей будет дорисовка этого наброска. Поэтому выслушайте, на что вы должны обращать внимание, когда будете это делать: мы с Мегиллом и Клинием уже неоднократно говорили друг другу об этом и признаем правильность наших воззрений. Мы хотим, чтобы вы их разделяли и вместе с тем чтобы вы стали нашими учениками. Обратите же внимание на то, что́, по нашему
d общему признанию, есть цель законодателя и стража законов. Вот

что мы признали самым главным: человек должен стать хорошим,
он должен обладать подобающей ему душевной добродетелью,
основанной на тех или иных обычаях или нравах, на том, чем он
владеет, и на определенном стремлении, мнении или познании.
В человеческом общежитии все — мужчины, женщины, молодые,
старые — должны со всевозможным рвением в течение всей своей
жизни стремиться к осуществлению указанной нами цели. И пус-
кай никто не предпочтет то, что может этому воспрепятствовать. e
Наконец, и все государство, если обнаружится неизбежность неу-
рядиц, не пожелает пребывать под рабским игом, не допустит, что-
бы у власти встали худшие: граждане скорее предпочтут покинуть
свое государство и отправиться в изгнание; они предпочтут пре-
терпеть и другие подобные вещи, пока не изменится тот государ-
ственный строй, которому свойственно делать людей худшими.
В этом мы уже согласились раньше, а теперь вы, стражи законов,
должны подвергнуть одобрению или порицанию наши законы,
имея в виду, однако, оба этих воззрения. Порицайте те законы, ко-
торые не могут вести к этой цели, а те, что могут, приветствуйте, 771
примите их благосклонно и живите под ними. Что же касается
остальных обычаев и всего того, что ведет к другим так называе-
мым благам, с ними следует распроститься».

Религия, хороводы, браки

Далее, начало законов пусть будет пример-
но следующим. Начнем с вопросов божест-
венных. Прежде всего, однако, нам надо
вспомнить о числе 5040: на сколько удобных частей оно дели- b
лось — да и делится — как вообще, так и по филам? Каждая фила
составляет, как мы положили, одну двенадцатую часть этого числа
и образуется всего правильнее путем умножения числа двадцать
один на двадцать. Общее наше число разделяется на двенадцать
частей. На столько же делится число, составляющее филу. Следует
вдуматься в то, что каждая получающаяся таким образом часть —
это священный дар бога: она соответствует месяцам и обращению
Вселенной. Вот почему всякое государство считает эти подразде-
ления священными по своей природе. Другие законодатели других
государств, быть может, правильнее произвели подразделение и
более счастливо освятили его. Впрочем, мы и теперь скажем, что c
мы в высшей степени верно выбрали раньше это число 5040, ведь у
него есть различные делители, начиная от единицы до двенадцати,
за исключением числа одиннадцать. Но и здесь очень легко по-
мочь беде: если от пяти тысяч сорока очагов отнять два, то все при-
дет в порядок. Что это действительно так, легко покажет неболь-
шое доказательство, которое мы дадим на досуге, а сейчас примем

d на веру разумность этого откровения. Произведем сообразно с ним
подразделение и посвятим каждую часть богу или одному из детей
богов. Мы воздвигнем им алтари со всей относящейся к ним утва-
рью. Мы учредим жертвенные собрания у этих алтарей дважды
в месяц. Первые двенадцать таких собраний будут соответство-
вать разделению каждой филы, вторые двенадцать — членению
самого государства. Эти собрания должны совершаться, во-пер-
вых, во имя милости богов и всего божественного, а затем и ради
нашей собственной близости, знакомства и, так сказать, всяческо-
го общения.

e В самом деле, при брачных отношениях и сочетании надо избе-
гать неосведомленности относительно того, из какой семьи ты бе-
решь себе жену или в какую семью отдаешь свою дочь. Надо очень
и очень ценить безошибочность в подобного рода вопросах, —
конечно, насколько это возможно. Ради этой важной цели надо уч-
772 редить хороводные игры юношей и девушек, где у них были бы ра-
зумные и подобающие их возрасту поводы видеть друг друга обна-
женными — в пределах, дозволяемых скромной стыдливостью
каждого. Попечителями, упорядочивающими все это, будут руко-
водители хороводов, а также законодатели и стражи законов, они
будут исправлять допущенные нами упущения. Ведь законодатель
b неизбежно, как мы сказали, пропускает много мелочей в подоб-
ного рода вопросах. Поэтому сведущие лица, с каждым годом
приобретающие все больше опыта, постоянно должны делать
исправления и ежегодно вносить перемены, пока не окажется, что
достигнут предел для этих установлений и обычаев. Десятилетний
срок будет достаточен и соразмерен для приобретения опыта
в жертвоприношениях и хороводах как в целом, так и в подробно-
стях. При жизни законодателя, установившего все это, изменения
c производятся сообща с ним. После его смерти каждое должност-
ное лицо само доводит до сведения стражей законов об упущениях
в его области, нуждающихся в исправлении. Так продолжается,
пока все не достигнет окончательной завершенности. После же
этого все устанавливается уже незыблемо и применяется наряду с
остальными законами, изначально установленными законодате-
лем. Впредь уже никогда не допускается никакое добровольное
нарушение в этих вещах; если же в будущем возникнет необходи-
d мость в изменениях, то всем должностным лицам надо сойтись на
совещание и обратиться за советом как ко всему народу, так и к бо-
жественным прорицаниям. Если все будут согласны, можно про-
извести изменение, в противном же случае — никоим образом и
никогда: согласно закону, любой протест здесь имеет силу.

После того как человек, достигший двадцатипятилетнего возраста, посмотрит невест и они посмотрят его, пусть он выберет по желанию женщину и уверится, что она подходит для рождения и совместного воспитания детей, и тогда пусть женится — не позд- e
нее тридцати пяти лет. Однако сперва пусть он выслушает, как он должен отыскивать подходящее и подобающее. Как говорит Клиний, каждому закону следует действительно предпослать соответственное вступление.

Клиний. Твое напоминание, чужеземец, превосходно и кажется мне вполне подходящим. Ты кстати выбрал момент в нашей беседе.

Афинянин. Отлично. «Дитя, — так скажем мы сыну честных родителей, — тебе надо вступить в брак, который вызвал бы одоб- 773
рение разумных людей. Они не посоветуют тебе при заключении брака избегать бедных и слишком гнаться за богатыми. При прочих равных условиях следует предпочесть скромное состояние и тогда заключить брачный союз. Ведь это было бы на пользу и данному государству, и будущим семьям».

В самом деле, с точки зрения добродетели равное и соразмерное бесконечно выше чрезмерного. Человеку, сознающему себя дерзким и вместе с тем склонным быстрее должного приниматься b
за разные дела, надо усердно стремиться стать свойственником умеренных людей, а кто от природы обладает противоположными качествами, тому надо и в свойственниках искать противоположное. Относительно всякого брака пусть соблюдается одно предписание: каждый человек должен заключать брак, полезный для государства, а не только очень приятный ему самому. От природы так устроено, что всякий человек всегда склоняется к тому, что всего более с ним сходно; отсюда по всему государству возникает c
несоответствие, как имущественное, так и в отношении нравов. Поэтому в большинстве государств очень часто случаются нежелательные для нас вещи. Однако если бы мы в соответствии со сказанным буквально законом предписали богатому не вступать в брак с богатой, могущественному — с женщиной из могущественной семьи или если бы мы стали принуждать сочетаться между собой живые характеры и медлительные, мы возбудили бы этим не только смех, но и негодование большинства людей. Ведь нелегко понять, что государство должно быть смешано наподобие напитка d
в кратере, где бурлит налитое неистовое вино, а другое, трезвое божество его сдерживает, так что получается добрый, смешанный в меру напиток.[20] Что то же самое бывает и при бракосочетании, заметить этого никто, так сказать, не в силах. Поэтому нельзя принуждать к этому законом, а надо попытаться как бы заворожить

людей и убедить, что в браке каждый человек должен выше всего ставить взаимное соответствие своих детей, а не стремиться нена-
e сытно к имущественному равенству. Кто при браке всячески обращает внимание лишь на имущественное положение, того мы попытаемся отвратить от этого путем порицания. Однако мы не станем принуждать его с помощью писаного закона.

Ограничимся этими увещаниями относительно браков. Упомянем еще только сказанное выше, а именно: человек должен следовать своей вечнотворящей природе, поэтому он должен оставлять по себе детей и детей своих детей, постоянно доставляя богу
774 служителей вместо себя. Вступая надлежащим образом в разговор, помимо всего этого можно было бы еще много сказать о браке и о том, как надо его заключать.

Но если кто не будет повиноваться по доброй воле, станет вести себя как чужеземец, непричастный данному государству, и не женится по достижении тридцати пяти лет, он будет ежегодно платить пеню: гражданин, принадлежащий к высшему классу, — сто драхм, ко второму — семьдесят, к третьему — шестьдесят, к четвертому — тридцать.[21] Деньги эти будут посвящены Гере.[22] Не вы-
b плачивающий их ежегодно будет принужден заплатить в десятикратном размере. Взыскивать их будет казначей богини; если же он не взыщет, то сам будет должен их выплатить. Это принимается в соображение при его отчетах. Итак, не желающий жениться подвергнется подобной денежной пене; что касается почета, то младшие будут подвергать его всевозможному поруганию.[23] Пусть никто из молодых не слушается его добровольно, если же он попытается принудить кого-либо, то всякий должен прийти на помощь и защитить обижаемого. Кто, будучи свидетелем подобного принуждения, не придет на помощь, тот, по закону, будет назван трусом и дурным гражданином.

О приданом было сказано уже ранее. Повторим снова: людей бедных надо наставить,[24] что взаимное равенство заключается в том, чтобы не брать и не давать вследствие имущественной нужды приданого. Необходимое есть у всех граждан нашего государства; поэтому из-за денег там меньше возникает дерзости у женщин и низкого, неблагородного порабощения ими мужей. Повинующийся совершит тем самым прекрасный поступок, а неповинующийся, давший или получивший приданое на приобретение одежды, если стоимость его больше, чем пятьдесят драхм, должен уплатить в общественную казну одну мину, если он принадлежит к четвертому классу, три полумины — если к третьему, две мины — если ко второму, и вдвое больше последнего, если он

принадлежит к высшему классу. А данное или полученное приданое посвящается Гере и Зевсу. Казначеи этих двух божеств взыс- e
кивают его таким же образом, как это было сказано о взыскании казначеями Геры постоянной пени с неженатых, иначе казначеи сами выплачивают пеню.

При помолвке полномочным является поручительство прежде всего со стороны отца, затем — деда, наконец, — со стороны единокровных братьев. Если никого из них нет, то так же точно полномочно поручительство с материнской стороны. Если произойдет какой-нибудь необычный случай, то полномочны всегда ближайшие родственники и опекуны. Что касается предварительных брачных жертвоприношений и других священнодействий, кото- 775
рые подобает совершать во время брака, до него или после, то каждый должен вопросить истолкователей и, выполнив их предписания, считать, что все совершено соответствующим образом.

На брачные пиршества каждая сторона должна приглашать не более пяти друзей или подруг, и таким же должно быть число родственников и домочадцев с обеих сторон. Издержки ни у когоде должны быть бóльшими, чем это позволяет состояние, а именно: для граждан самого богатого класса — одна мина, для второго — полмины и так далее, согласно уменьшению имущественного цен- b
за. Тому, кто повинуется закону, все должны выразить одобрение; неповинующегося подвергают наказанию стражи законов как человека, лишенного чувства прекрасного и не воспитанного в законах о свадебных музах. Пить до опьянения не подобает никогда, за исключением празднеств в честь бога — дарителя вина;[25] к тому же это и небезопасно для человека, серьезно относящегося к браку. Здесь и жениху, и невесте подобает быть очень разумными, c
ведь это немалая перемена в их жизни. Да и потомство должно произойти от наиболее разумных родителей; между тем ведь почти неизвестно, в какую ночь — или день — будет с помощью бога зачат ребенок. Поэтому зачатие не должно совершаться, когда тело расслаблено от вина. Напротив, ребенок должен зародиться, как это и подобает, крепким, спокойным, в утробе он не должен блуждать. А пьяный человек и сам мечется во все стороны, и увлекает все за собой; он неистовствует и телом, и душой; стало быть, d
тот, кто пьян, не владеет собой и не годится для произведения потомства. Естественно, что ребенок иной раз рождается ненормальным, не внушающим доверия и неудачным как по характеру, так и телом. Поэтому как в течение целого года, так и в течение всей своей жизни, а всего более тогда, когда наступает время родить, дóлжно остерегаться и не совершать по доброй воле ничего вред-

ного, дерзкого и несправедливого. Ибо все это неизгладимо отпечатлевается в душе и теле ребенка, и дети рождаются плохими во
e всех отношениях. Особенно надо воздерживаться от этого в тот день и в ту ночь, когда совершается брак. Ибо божественное начало, заложенное в человеке, спасает все, если каждый подобающим образом его чтит.

Тот, кто вступает в брак, должен считать один из своих домов,
776 входящих в его надел, местом рождения и воспитания детей. Там он женится или выходит замуж, расставшись с отцом и матерью; это — место, где живет и питается он сам и его дети. В самом деле, если в дружеских отношениях присутствует род страстного влечения, он связует и скрепляет различные характеры. А пресыщенность совместной жизнью, в которой не возникает время от времени этого влечения, вызывает взаимное отчуждение. Поэтому, предоставив матери, отцу и родственникам жены их жилища, сами новобрачные должны отправиться как бы в коло-
b нию. Однако они навещают своих родителей, и те навещают их. Родив и воспитав детей, они передают им — одни другим — жизнь, словно факел,[26] тем самым постоянно оказывая богам согласное с законом почтение.

Рабовладение

Далее, обладание какого рода имуществом является наиболее благоприятным? Относительно большинства предметов это нетрудно сообразить, да
c и приобрести это нетрудно. Но вопрос о рабах труден во всех отношениях. Причиной служит то, что мы как-то неправильно говорим о рабах и тем не менее до известной степени правильно. В самом деле, наши выражения относительно рабов то противоречат тому, как мы пользуемся ими, то в свою очередь согласуются с этим.

Мегилл. Что это мы опять говорим? Чужеземец, мы не понимаем, о чем ты спрашиваешь!

Афинянин. Это очень естественно, Мегилл. Чуть ли не всем эллинам лакедемонская илотия[27] доставила бы величайшее затруднение и возбудила бы споры: по мнению одних, это хорошее учреждение, по мнению других — плохое. Меньше споров было бы
d о рабском положении мариандинов, порабощенных гераклеицами, а также о фессалийском племени пенестов.[28] Если мы обратим внимание на подобные явления, как мы должны будем поступить с рабовладением? Я в своей речи мимоходом коснулся этого; ты, естественно, задал мне вопрос, что́ я тут разумею. А вот что: все мы сказали бы, как известно, что надо обладать лучшими и самыми благожелательно к нам настроенными рабами. Действительно,

многие рабы оказались по своим достоинствам лучше братьев
и сыновей своих господ, так как спасли и своих господ, и их иму- e
щество, и все их жилище. Именно это, как мы знаем, иной раз рас-
сказывают о рабах.

Мегилл. Действительно.

Афинянин. Однако утверждают и обратное, то есть что душа раба лишена всего здравого и что никогда человек, обладающий разумом, не должен доверять такой породе людей. Это выразил и самый мудрый из наших поэтов, говоря о Зевсе:

> Тягостный жребий печального рабства избрав человеку, 777
> Лучшую разума в нем половину Зевс истребляет.[29]

Стало быть, люди держатся различных воззрений: одни ни в чем не доверяют породе слуг и делают их души рабскими, воздействуя на них стрекалами и бичами, точно это дикие звери, причем совершают это не по три раза, а многократно. Другие же поступают прямо наоборот.[30]

Мегилл. Конечно.

Клиний. Раз все это так различно, что же делать нам, чужезе- b
мец, в нашей стране с рабами — как владеть ими и как наказывать их?

Афинянин. В чем дело, Клиний? Раз человек — существо с нелегким нравом, то, думается мне, ясно, что он ни за что не захочет добровольно подвергнуться этому необходимому разграничению — на свободных господ и рабов. Владение рабами тяжко. Это
многократно было доказано возникновением частых и ставших c
обычными восстаний мессенцев.[31] Сколько случается бедствий в государствах, которые обладают большим числом рабов, говорящих на одном языке! Добавим еще разнообразные хищения и ущерб, причиняемый в пределах Италии так называемыми пиратами. Взглянув на все это, иной затрудился бы сказать, как надо поступать во всех этих случаях. Остается только два средства: во-первых, чтобы рабы лучше подчинялись, они не должны быть
между собой соотечественниками,[32] а, напротив, должны по воз- d
можности больше разниться по языку; во-вторых, надо воспитывать рабов надлежащим образом, и не только ради них самих, но и ради своей собственной чести. Это воспитание заключается в том, чтобы не позволять себе никакой резкости в отношении к рабам и по возможности причинять им еще меньше обид, нежели тем, кто нам равен. Ведь именно в отношениях с теми людьми, которых легко обидеть, и обнаруживается вполне, кто по природе, а не ради видимости чтит справедливость и подлинно ненавидит несправед-

ливость. Итак, кто в своих привычках и действиях по отношению
e к рабам окажется незапятнанным нечестием и несправедливостью, тот будет самым достойным сеятелем на ниве добродетели. То же самое будет правильным сказать о господине, о тиране и о любом другом виде господства над более слабыми. Впрочем, дóлжно наказывать рабов по справедливости и не изнеживать их, как свободных людей, увещаниями. Почти каждое обращение
778 к рабу должно быть приказанием.[33] Никоим образом и никогда не надо шутить с рабами — ни с женщинами, ни с мужчинами. Многие весьма безрассудно изнеживают рабов; этим они лишь делают более трудной их подчиненную жизнь, да и себе затрудняют управление ими.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Итак, мы допускаем, что граждане будут снабжены достаточным по мере сил количеством рабов, а качества рабов будут пригодны для помощи в любой работе. Теперь надо описать и жилища граждан.

Клиний. Конечно.

Градостроительство и строительство храмов

b *Афинянин.* К тому же позаботиться о строительстве жилищ в новом и дотоле не заселенном государстве — это, скажем прямо, естественно. Каким же образом будут устроены стены и все относящееся к святилищам? Эти законы, Клиний, должны были бы предшествовать законам о браках. Но поскольку наше государство возникает пока лишь словесно, вполне уместно и сейчас об этом поговорить. Когда же государство будет основываться на деле, тогда, если богу угодно, мы осуществим это еще до брачного зако-
c нодательства и увенчаем этим последним все остальное. А сейчас мы дадим только краткий набросок.

Клиний. Отлично.

Афинянин. Храмы надо построить вокруг всей торговой площади. Да и весь город надо расположить кругами, поднимающимися к возвышенным местам, ради хорошей защищенности и чистоты. Рядом с храмами надо расположить помещения для правителей и судилищ. Там-то как в самых священных местах и будет вершиться правосудие частью постольку, поскольку жало-
d бы касаются благочестия, частью же потому, что рядом находятся храмы соответствующих богов. Здесь будут и те суды, в которых будут разбираться дела об убийстве и присуждаться наказания за преступления, достойные смертной казни.

Что касается городских стен, Мегилл, то я бы сослался на Спарту, а именно: пусть стены покоятся в земле и пусть их не вос-

станавливают.[34] И вот по какой причине: прекрасно сказано о них
в слове поэта, что стены скорее должны быть медными и желез- e
ными, нежели земляными;[35] однако что до нас, то мы справедливо
вызвали бы великий смех после того, как ежегодно посылали
бы молодых людей для устройства там и сям то рвов, то окопов,
в иных же местах — и каких-то сооружений для ограждения
от врагов, чтобы не допустить неприятеля преступить границу
нашей страны, и вдруг возвели бы вокруг города стену. Прежде
всего это совсем не полезно для государств, так как обычно при-
водит души жителей в расслабленное состояние, ведь стены 779
приглашают граждан укрываться за ними и не давать отпора
врагам. Поэтому граждане не спасаются тем, что постоянно, день
и ночь, некоторые из них стоят на страже, но, на оборот, почи-
вают, считая себя огражденными стеной и вратами, словно они
и на самом деле обрели в этом средство спасения и словно они
родились не для трудов: им невдомек, что на самом деле облег-
чение явилось результатом трудов. Из постыдных же поблажек
и малодушия, думаю я, обычно снова возникают труды. Но если
уж нужны людям какие-нибудь стены, то надо с самого начала,
при строительстве жилищ, так располагать частные дома, чтобы b
весь город представлял собой одну сплошную стену; при этом
доброй защитой будет служить однородность и сходство всех до-
мов, выходящих на улицу. Приятно было бы видеть город, имею-
щий облик единого дома; к тому же его, весь в целом, было бы
чрезвычайно легко охранять и таким образом сберечь. Заботиться
о том, чтобы сохранились постройки, воздвигнутые вначале,
следовало бы больше всего самим обитателям. Астиномы также
пекутся об этом, принуждают и наказывают нерадивого; они же c
пекутся и о чистоте всех частей города, а также о том, чтобы ни
одно частное лицо не захватывало городской земли для своих
построек и рвов. Астиномам надо заботиться и о хорошем стоке
дождевых вод, а также обо всем внутри и вне города, что подлежа-
ло бы устроению. Стражи законов тоже будут наблюдать за всем
этим и по мере надобности устанавливать дополнительные законы d
относительно всего, что могло быть пропущено законом ввиду
трудности.

После того как у нас будут воздвигнуты эти здания, а также и те, что расположены вокруг рыночной площади, и после того как гимнасии, всякого рода училища и театры будут устроены и станут лишь ожидать посетителей или зрителей, мы продолжим наше законодательство в той части, что идет прямо за браком.

Клиний. Конечно.

Общественная жизнь. Супружество и положение женщин

Афинянин. Итак, Клиний, допустим, что браки у нас уже заключены. После этого надо коснуться образа жизни, который
e будут вести молодые супруги до появления детей в продолжение не менее года. Как дано будет им жить в государстве, столь отличном от большинства государств? Это имеет близкое отношение к тому, о чем мы уже сейчас высказались. Однако договориться здесь не так-то легко, народ примет это еще неохотнее, чем многие прежние законы подобного рода. Во всяком случае, Клиний, следует высказать то, что представляется верным и истинным.

Клиний. Конечно.

780 *Афинянин.* Неверно рассуждает тот, кто замыслил дать государствам законы о жизненных правилах поведения в общественном и всенародном обиходе, но не счел необходимым коснуться частной жизни и предоставил всем и каждому возможность проводить свои дни как угодно; не прав тот, кто не считает, что вообще все должно быть упорядочено, надеясь, что граждане, несмотря на то что частная их жизнь осталась неузаконенной, все-таки пожелают в общественной и всенародной жизни поступать согласно законам. Для чего я говорю это? Вот для чего: молодые супруги,
b утверждаем мы, не должны пользоваться преимуществами и будут так же, как и до брака, питаться за общими трапезами. Этот закон вначале возбуждал удивление, когда впервые появился в ваших краях. По-видимому, он был вызван какой-то войной или каким-нибудь другим обстоятельством, влияющим так же, как и война, когда людей мало и они пребывают в большой нужде. Вынужденные воспользоваться сисситиями и их вкусить, они признали,
c что закон этот очень важен для жизни. Как-то так и установился у вас этот обычай сисситий. Клиний. Вероятно.

Афинянин. Вот почему я и сказал, что обычай этот некогда возбуждал удивление и рискованно было его предписать. Но в наше время уже не так трудно было бы его узаконить, если кто-нибудь этого пожелает. Зато дальнейшее — что было бы естественно осуществить, хотя сейчас этого нигде нет, — заставляет законодателя, как говорят в шутку, чесать шерсть в огонь[36] и заниматься тысячью
d других бесполезных вещей подобного рода. Об этом нелегко говорить, а сказавши, нелегко это довести до конца.

Клиний. Что же это такое, чужеземец? Ты хочешь что-то сказать и, по-видимому, сильно колеблешься.

Афинянин. Так слушайте же, чтобы не было у нас много разговоров из ничего. Всевозможные блага в государстве производит

то, что причастно порядку и закону. А беспорядок или плохие по-
рядки разрушают большую часть других, хороших порядков. На
этом основано и то, о чем у нас сейчас речь. У вас, Клиний и Ме-
гилл, как я сказал, словно по какой-то божественной необходимо-
сти, на удивление прекрасно установились сисситий. Однако они e
предназначены только для мужчин. А для женщин сисситии нигде
как следует не узаконены, и этот обычай не появился на свет. Меж- 781
ду тем женский пол — это часть нашего человеческого рода; прав-
да, ввиду своей слабости он уродился более скрытным и лукавым.
К тому же он беспорядочен, так что попустительство законодателя
здесь неправильно. Поэтому, если оставить женщин в стороне,
многое от нас ускользнет. Гораздо лучше было бы и для них издать
законы, чем то положение, которое существует ныне. Если оста-
вить все касающееся женщин неупорядоченным, то мы просмот-
рим более половины необходимых законов. Ведь насколько жен-
ская природа по своему достоинству хуже нашей, мужской, насто-
лько же она превосходит нас своей многочисленностью — чуть ли b
не более чем вдвое. Следовательно, для благополучия государства
лучше повторно возвращаться к этому вопросу, производить здесь
улучшения и все обычаи устанавливать одинаково как для жен-
щин, так и для мужчин. Однако в наше время род людской отно-
сится к этому неблагосклонно, так что разумному человеку нельзя
даже и упомянуть об этом в иных краях и в тех государствах, где
вовсе отсутствуют сисситии как государственное установление. c
Как же не возбудит смеха чья-нибудь попытка на самом деле за-
ставить женщин на людях, у всех на виду принимать пищу и пи-
тье? Ведь нет ничего, к чему женский пол относился бы с большим
отвращением, чем к этому. Женщины привыкли жить, укрывшись
в тени; если насильно вытащить их на свет, они станут оказывать
всяческое сопротивление и победят законодателя. Поэтому-то я и d
сказал, что в других местах не перенесут без громкого крика даже
самого упоминания об этом, — разве что, быть может, здесь.[37]
Если решить, что рассуждение наше о государственном строе в це-
лом не является неудачным, ибо цель его разумна, то мне хотелось
бы сказать, что такое постановление будет хорошим и подходя-
щим, если только вы не откажетесь слушать. В противном случае
оставим это.

Клиний. Да нет же, чужеземец, оба мы очень хотим послушать.

Афинянин. Ну, так давайте! Но нисколько не удивляйтесь, если
вам покажется, что я пытаюсь повести речь издалека. Ведь мы на- e
слаждаемся досугом, и нам нечего торопиться. Поэтому мы можем
со всех сторон рассмотреть вопрос о законах.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Итак, вернемся к сказанному раньше. Всякий человек должен хорошо поразмыслить хотя бы над тем, что род люд-
782 ской либо вовсе не имел никакого начала, так что не будет ему и конца, но он был всегда и всячески будет, либо, что со времени его возникновения протекло неизмеримое количество времени.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Итак, мы должны считать, что по всей земле происходили всевозможные образования и разрушения государств, разнообразные по своему порядку или, наоборот, беспорядочности в отношении обычаев, а также потребностей в еде, питье и жилье;[38] происходили и разные повороты времен, при которых живые су-
b щества, естественно, подверглись многочисленным изменениям.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Дальше. Разве мы не поверим, что виноградная лоза когда-то появилась, а раньше ее не было? То же самое можно сказать и об оливковом дереве, о дарах Деметры и Коры; разве мы не поверим, что некий Триптолем[39] был при этом прислужником? И не будем считать, что в то время, когда ничего этого не было, живые существа обратились, как, впрочем, и теперь, к взаимному пожиранию?

Клиний. Почему же так не считать?

c *Афинянин.* Пережитки того, что люди приносили друг друга в жертву, мы и сейчас видим у многих народов.[40] И наоборот, по слухам, в иных местах не осмеливаются вкушать говядины, не приносят богам в жертву живых существ, но лишь лепешки, плоды, увлажненные медом, и тому подобные чистые приношения. Там воздерживаются от мяса, точно нечестиво есть его и осквернять жертвенники богов кровью. Тогдашние люди жили некоей так называемой орфической жизнью; всего неодушевленного они
d придерживались в пище, а от всего а одушевленного, напротив, воздерживались.[41]

Клиний. О том, что ты говоришь, часто рассказывают; все это достаточно убедительно.

Афинянин. Но, скажут, к чему мы все это сейчас вспомнили?

Клиний. Верное замечание, чужеземец.

Афинянин. Итак, Клиний, если я смогу, я попытаюсь сообщить то, что за этим следует.

Клиний. Пожалуйста, говори.

Афинянин. Я вижу, что у людей все зависит от тройной нужды и вожделения. Когда все это идет правильно, рождается добродетель, когда же неправильно — происходит противоположное.

Прежде всего это вожделение к еде и питью, возникающее с само- e
го дня рождения; всякое живое существо яростно стремится к еде
и питью и уже не слушает, если кто советует ему поступать иначе,
а не только и делать, что удовлетворять этого рода вожделения и
наслаждаться, постоянно устраняя всякого рода страдание. Третья
же величайшая наша нужда и самое яростное стремление овладе- 783
вает нами позднее; оно воспламеняет людей неистовством и сжи-
гает их на огне всевозможных бесчинств. Это — стремление к про-
должению рода. Три эти болезни надо направить к высшему благу,
отвратив их от так называемого высшего наслаждения. Надо по-
пытаться сдержать их с помощью трех могущественнейших
средств: страха, закона и правдивого слова, пользуясь при этом
также музами и богами — покровителями состязаний, дабы пога-
сить рост и наплыв этих страстей. b

Итак, после речи о браках поговорим о рождении детей, а по-
сле этого — об их вскармливании и воспитании. Может статься,
что, продолжая таким путем нашу беседу, мы доведем до конца
все законы и дойдем тем самым и до сисситий. Когда мы ближе по-
дойдем к этого рода союзам, нам станет яснее, должны ли они со-
стоять из одних мужчин или также из женщин, — и тогда мы, быть
может, скорее увидим, чтó здесь остается пока неузаконенным, c
и продвинем это вперед. Как было сейчас сказано, мы яснее уви-
дим, какие более подходящие и подобающие законы здесь надо
установить.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Так сохраним же в нашей памяти только что сказан-
ное. Быть может, все это нам когда-нибудь пригодится.

Клиний. Что именно советуешь ты запомнить?

Афинянин. То, что мы определили тремя слова ми: мы говори-
ли о пище, затем о питье и, в-третьих, о любовных потрясениях. d

Клиний. Мы хорошенько запомним, чужеземец, то, что ты нам
советуешь.

Афинянин. Прекрасно. Перейдем же к речи о новобрачных. Мы
наставим их, как надо производить детей: если мы их не убедим,
мы будем угрожать им соответствующими законами.

Клиний. Каким образом?

Афинянин. Новобрачные должны подумать о том, чтобы дать
государству по мере сил самых прекрасных и наилучших детей. e
Все люди, в какой бы работе они ни участвовали, делают все хоро-
шо и прекрасно, пока они внимательны к своей работе, а также
к самим себе. Когда же они невнимательны или не обладают разу-
мом, все происходит наоборот. Пусть же молодой супруг обратит

внимание на свою жену и на деторождение. То же самое пусть делает и молодая супруга, в особенности в тот промежуток времени,
784 когда дети у них еще не родились. Блюстительницами тут будут женщины, которых мы изберем; число их может быть бо́льшим или меньшим по усмотрению правителей, точно так же и срок их деятельности. Они будут ежедневно собираться к святилищу Илифии[42] приблизительно на треть дня и здесь сообщать друг другу то, что каждая из них заметила относительно разных мужчин и женщин, производящих детей, а именно: не обращают ли те своих взоров на что-либо иное, а не на то, что было установлено свадебными
b священными жертвоприношениями. Срок для рождения детей и охраны лиц, их рождающих, пусть будет десятилетний, не более, в том случае, когда течение рождений идет хорошо. Если же в продолжение этого времени у некоторых супругов не будет потомства, то они, для взаимной пользы, расходятся, посоветовавшись сообща с родными и женщинами-надзирательницами. Если же возникнет какое-либо сомнение в том, что́ Полезно и подобает
c обеим сторонам, они должны выбрать из числа стражей законов десятерых и исполнять их предписания и постановления. Женщины-надзирательницы, посещая дома новобрачных, частью увещевают их, частью же прибегают к угрозам для прекращения невежества и нарушений. Если они окажутся тут бессильными, они обращаются к стражам законов, рассказывают им все, а уже те принимают меры. Но если и стражи окажутся в чем-то бессильными, то они объявляют это всенародно, возбуждают судебное дело и клянутся, что такого-то и такого-то они оказались не в силах исп-
d равить. Если на суде обвиняемый не убедит своих обвинителей, он лишается гражданских прав в таком отношении: он не может посещать свадеб и празднеств в честь рождения ребенка; если он туда явится, всякий желающий может невозбранно наказать его палочными ударами. Те же самые узаконения будут и относительно женщин. Если женщина таким же образом будет обвинена в бесчинстве и если на суде она не оправдается, она не может участвовать в женских шествиях, не может занимать почетных женских должностей и участвовать в посещении свадеб и дней рождения
e детей. Если супруги произведут по закону детей, а затем муж для этой же цели сойдется с чужою женой, а жена — с чужим мужем, то, если они сойдутся с людьми, по возрасту своему еще предназначенными для рождения детей, они подвергаются тем же наказаниям, что были указаны для тех, кто еще рождает детей. А когда уже минет этот возраст, то рассудительный во всем этом мужчина и рассудительная женщина будут пользоваться доброй славой.

В противном случае и почет будет противоположным, вернее, они подвергнутся бесчестью. Если большинство проявляет в этом от- 785
ношении умеренность, закон обходит это молчанием, но если совершаются бесчинства, то устанавливаются правила сообразно установленным раньше законам.

Начало жизни каждого — его первый год. Это начало жизни мальчика или девочки надо записать в родовых святилищах. Пусть в каждой фратрии на выбеленной стене рядом с этой записью обозначат имя правителя, по которому именуется год;[43] живых членов фратрии всегда будут записывать близко друг к другу; имена же b
покинувших жизнь будут стираться.

Срок вступления в брак для девушки будет с восемнадцати до двадцати лет: это — самое позднее; для молодого человека — с тридцати до тридцати пяти лет. Для занятия государственных должностей устанавливается возраст: для женщины — сорок лет, для мужчины — тридцать. Военную службу мужчина должен нести с двадцати до шестидесяти лет, а женщина (если будет решено и их привлекать к ратному делу, установив там дополнительно то, что им подходит и подобает) — лишь после того, как она уже родит детей, и до пятидесяти лет.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Афинянин. После речи о рождении детей мужского и женско- 788
го пола всего правильнее было бы сказать об их воспитании и образовании. Оставить это неразобранным невозможно; но то, что мы выскажем, будет скорее похожим на некое поучение и увещание, чем на законы. В самом деле, в частной и в семейной жизни каждого человека есть много мелочей, совершающихся не на виду у всех; здесь, под влиянием личного страдания, удовольствия и вожделения, легко возникают явления, противоречащие b
советам законодателя, почему нравы граждан оказываются разнообразными и непохожими друг на друга, а это — беда для государств. Однако было бы неблаговидно и вместе с тем непристойно давать тут законы и устанавливать наказания, настолько явления эти незначительны, хоть и часты. С другой стороны, если люди привыкнут поступать противозаконно в часто повторяющихся мелочах, то это поведет к гибельной порче самих законов, пусть и установленных в письменной форме. Поэтому, хотя и за- c
труднительно дать здесь законы, тем не менее промолчать невозможно. Однако надо выяснить мою мысль, выставить ее, точно об-

разчик,[1] на свет, а то ведь сейчас мы, по-видимому, находимся как бы во тьме.

Клиний. Совершенно верно.

Воспитание детей

Афинянин. Итак, было правильно сказано, что надлежащее воспитание должно оказаться в силах сделать и тела и души прекраснейшими и наилучшими.[2]

Клиний. Как же иначе?

d *Афинянин.* Чтобы тело стало прекраснейшим, нужно, думаю я, просто-напросто взрастить его с малых лет наиболее правильным образом.

Клиний. Безусловно.

Афинянин. Но разве мы не замечаем, что у всякого живого существа ранний рост бывает самым большим и сильным? Это заставило многих утверждать, что величина человеческого тела с пятилетнего возраста не удваивается в продолжение остальных двадцати лет.

Клиний. Правда.

Афинянин. Так что же? Разве мы не знаем, что сильный рост
789 причиняет тысячи телесных недугов, если при этом не сопровождается многими соответствующими телесными нагрузками?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Следовательно, тело нуждается в наибольших телесных нагрузках именно тогда, когда получает наибольшее питание?

Клиний. Чужеземец, неужели мы в самом деле предпишем наибольшие телесные нагрузки детям, только родившимся на свет и самым маленьким?!

Афинянин. Нет, не им, а сначала тем, кто питается в утробе матери.

Клиний. Друг мой, что ты говоришь? Неужели ты разумеешь утробных младенцев?

b *Афинянин.* Да. Нет ничего удивительного, если вы не знаете о телесных упражнениях применительно к младенцам такого возраста. Как бы это ни было странно, я хотел бы все-таки разъяснить вам этот вопрос.

Клиний. Действительно, это очень странно.

Афинянин. Это легче заметить у нас, так как тут более, чем дóлжно, некоторые люди предаются забавам. У нас не только дети, но даже кое-кто и из старших воспитывает домашних птенцов и приучает этих животных к боям друг с другом. Однако люди эти невы-
c соко ставят трудные упражнения в движениях, которые с предназначены лишь для того, чтобы обучить птицу сражаться; так вот,

кроме упражнений эти люди берут птиц — маленьких в ладони, больших захватывают руками — и так-то, неся птицу под мышкой, отправляются гулять далеко, на много стадий, во имя здоровья — не своего собственного тела, а этих вот птенчиков.[3] Для человека, способного соображать, отсюда становится ясным хотя бы то, что d
для всякого тела полезны эти беспрестанные сотрясения и толчки в разных направлениях, — все равно, само ли оно их над собой производит или испытывает их на качелях, на море, либо при верховой езде, либо, наконец, несомое движением любых тел. Благодаря этому пища и питье бывают для нас питательнее, и, стало быть, эти упражнения могут доставить нам здоровье, красоту и другую силу.

Раз все это так, то как же, спросим мы себя, надо нам поступать? Хотите, мы с улыбкой скажем, что устанавливаем следую- e
щие законы: беременная женщина должна гулять; младенца надо лепить, словно он сделан из воска, пока он гибок, и пеленать до двухлетнего возраста. Точно так же и кормилиц мы под страхом наказания принудим законом постоянно выносить младенца в поля, или к святилищам, или куда-нибудь к родственникам до тех пор, пока он не сможет стоять на ногах. Но и тогда кормилицам надо остерегаться, как бы малолетние дети не искривили свои члены, когда они сильно опираются на что-то; кормилица и тогда должна еще чуть-чуть потрудиться и носить ребенка, пока он не достигнет трех лет. Она должна по возможности обладать силой и не быть одна при ребенке. Ну а если все эти условия не будут выполняться? Не назначить ли нам наказаний? Или вовсе не стоит 790
этого делать? В самом деле, эта мера вызвала бы в изобилии то, о чем мы только что говорили.

Клиний. А именно?

Афинянин. Мы вызвали бы много смеха; кроме того, женский и рабский нрав кормилицы не дал бы себя убедить.

Клиний. Но в таком случае для чего же мы решили об этом сказать?

Афинянин. Вот для чего: услышав все это, господа и свободные люди в государстве придут, весьма возможно, к здравому созна- b
нию, что тщетно было бы надеяться на прочность законодательства в вопросах общественных, если не предусмотрен надлежащий распорядок в частной жизни. Сообразив это, господа и свободнорожденные люди стали бы пользоваться только что указанными законами и, пользуясь ими, хорошо устроили бы свой дом и государство и были бы счастливы.

Клиний. Твои слова очень правдоподобны.

Афинянин. Поэтому-то мы не оставим этой части с законода-
c тельства, пока не установим занятий, касающихся души даже младенцев, — так же как мы стали доводить до конца нашу речь о телесных упражнениях.

Клиний. Вполне правильно.

Афинянин. И в том и другом случае, то есть и для тела, и для души младенцев, возьмем за первоначало кормление грудью и движения, совершаемые по возможности в течение всей ночи и дня. Это полезно всем детям, а всего более самым младшим, — так, чтобы они постоянно жили, если это возможно, словно на
d море. Всячески надо стремиться именно так поступать с новорожденными младенцами. Удостовериться в этом можно и из того, что именно это усвоили на опыте и признали полезным кормилицы младенцев и женщины, совершающие священное врачевание корибантов.[4] В самом деле, когда матери хотят, чтобы заснуло дитя,
e а ему не спится, они применяют вовсе не покой, а, напротив, движение, все время укачивая дитя на руках. Они прибегают не к молчанию, а к какому-нибудь напеву, словно наигрывая детям на флейте. Подобным же образом врачуют и вакхическое исступление, применяя вместе с движением пляску и музыку.

Клиний. Но что же, чужеземец, служит здесь главной причиной?

Афинянин. Это не так трудно узнать.

Клиний. Каким образом?

Афинянин. То и другое состояние сводится к страху, страх же возникает вследствие дурного расположения души. Когда к подоб-
791 ным состояниям примешивается внешнее сотрясение, это внешнее движение берет верх над движением внутренним, состоящим в страхе и неистовстве. Одержав верх, оно как бы создает в душе безветрие и успокоение. Тяжкое сердцебиение прекращается, а это во всяком случае желательно. На детей это наводит сон, а тем, кто бодрствует, пляшет и играет на флейте, это дает возможность с помощью богов, которым они приносят благоприятные жертвы, сме-
b нить свое неистовство на разумное состояние. Хотя мы сказали об этом лишь вкратце, но и тут есть некое веское основание.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Если все это производит такое действие, то мы должны вдуматься в то, что можно заметить и на себе: всякая душа, которой свойствен с младенчества страх, с течением времени еще больше к нему приучается. И любой скажет, что здесь происходит упражнение не столько в мужестве, сколько в трусости.

Клиний. Да, так.

Афинянин. И наоборот, мы сказали бы, что занятие, с малых лет развивающее мужество, заключается в уменье побеждать на- c
падающие на нас боязнь и страх.

Клиний. Правильно.

Афинянин. Мы скажем также, что упражнения младенцев в движениях окажут у нас сильное влияние на одну из частей душевной добродетели.

Клиний. Конечно.

Афинянин. В самом деле, спокойное душевное настроение — это немалая часть хорошего состояния души, точно так же как тяжелое расположение духа — немалая доля дурного душевного состояния.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Каким же образом можно сразу внушить новорож- d
денному это желательное нам настроение? Надо попытаться выяснить, насколько здесь можно будет достигнуть успеха.

Клиний. Да.

Афинянин. Я приведу господствующее у нас мнение: изнеженность делает характер детей тяжелым, вспыльчивым и очень впечатлительным к мелочам; наоборот, чрезмерно грубое порабощение детей делает их приниженными, неблагородными, ненавидящими людей, так что в конце концов они становятся непригодными для совместной жизни.

Клиний. Каким же образом все государство в целом может рас- e
тить детей в том возрасте, когда они еще не говорят и не способны вкусить также прочее воспитание?

Афинянин. Примерно так: первый звук всякого новорожденного существа — крик; это не меньше касается и всего человеческого рода, которому кроме крика особенно свойствен плач.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Поэтому кормилицы, желая узнать, чего хочет ребенок, заключают об этом, поднося ему разные вещи. В самом 792
деле, если ребенок замолчит, заметив подносимую вещь, они считают, что хорошо отгадали; если же плач и крик продолжаются, значит, не отгадали. Дети обнаруживают свою любовь или ненависть плачем и криком — знаками далеко не удачными. А между тем время это длится не меньше трех лет; немаловажно, как провести эту часть жизни: худо или получше.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Разве вам не кажется, что ребенок с тяжелым нра- b
вом, никогда не бывающий радостным, склонен к плачу и хныканью гораздо больше, чем это нужно хорошему человеку?

Клиний. По-моему, да.

Афинянин. Что же? Если попытаться в течение указанных трех лет применять всякие средства, чтобы наш воспитанник по мере сил возможно меньше подвергался боли, страху и любому страданию, — разве, по-нашему, это не сделает его душу веселой и радостной?

Клиний. Видимо, да; в особенности же, чужеземец, если ему
c доставлять много удовольствий.

Афинянин. Здесь, дорогой мой, я уже не последую за Клинием, потому что, действуя так, мы сильно испортим ребенка, что весьма часто случается в начале воспитания. Посмотрим, говорю ли я дело.

Клиний. Скажи, что ты разумеешь?

Афинянин. У нас идет сейчас речь о предмете немаловажном. И ты, Мегилл, рассуди нас. Согласно моему утверждению, в правильной жизни и не надо стремиться к наслаждениям, и в свою
d очередь не следует совсем избегать страданий. Надо довольствоваться чем-то средним, о чем я сейчас упомянул, обозначив это как радостное; такое расположение духа все мы, согласно некоему священному откровению, метко приписываем и богу. Я утверждаю, что тот из нас, кто намерен стать божественным человеком, должен стремиться к подобному состоянию, так, чтобы ни самому не стремиться к одним только удовольствиям (ибо не миновать ему и страданий), ни всем нам остальным — старикам и юношам, мужчинам и женщинам — не позволять стремиться к тому же, а всего меньше по мере сил новорожденному ребенку. Ведь
e главные черты характера каждого человека складываются в силу привычки именно в этом возрасте. И я, если бы не показалось только, что я намерен шутить, сказал бы, что все беременные женщины также должны во время беременности особенно заботиться о том, чтобы не испытывать многочисленных неистовых наслаждений, а равно и страданий; желательно, чтобы этот промежуток времени они прожили в радостном, безмятежном и кротком настроении.

793 *Клиний.* Тебе, чужеземец, вовсе не надо спрашивать Мегилла, кто из нас обоих более прав. Я сам уступаю тебе: да, в жизни все должны избегать неумеренных страданий и удовольствий и всегда придерживаться середины. Ты это прекрасно сказал, и я с тобой согласен.

Афинянин. Очень хорошо, Клиний. Но кроме того, давайте обсудим все втроем еще вот что.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Все то, что мы сейчас разобрали, относится к неписаным обычаям, как называет их большинство. То, что именуют b
дедовскими законами, есть не что иное, как совокупность подобных правил. Осенившая нас сейчас мысль о том, что в этих случаях нельзя говорить о законах, хотя, с другой стороны, нельзя также оставить все это невысказанным, прекрасно выражена. Обычаи эти связуют любой государственный строй; они занимают середину между письменно установленными законами и теми, что будут еще установлены. Попросту это как бы дедовские, чрезвычайно древние узаконения. Если хорошо их установить и ввести в жизнь, они будут в высшей степени спасительным покровом для современных им писаных законов. Если же по небрежности переступить при этом границы прекрасного, все рушится; это все равно c
как если бы удалили внутренние основы возведенного строителями здания; и так как одно поддерживает другое, то при ниспровержении древних оснований обваливается и все позднейшее великолепное сооружение. Мы, Клиний, должны с этим считаться; поэтому тебе нужно всячески укрепить новое государство, не упуская по возможности ни великого, ни малого из того, что назы- d
вается законами, обычаями или привычками. Ибо все это связует государство; ни одно из этих начал не может быть прочным без другого. Поэтому не следует удивляться, если законы у нас становятся пространнее из-за наплыва многочисленных узаконений и привычек, которые кажутся на первый взгляд мелочными.

Клиний. Ты говоришь верно; мы будем держаться такого же образа мыслей.

Афинянин. Следовательно, для малолетних воспитанников будет очень полезно, если к ним будут не между прочим, но очень e
тщательно применять все эти правила вплоть до достижения мальчиком или девочкой трехлетнего возраста. Впрочем, по своему душевному складу трехлетние, четырехлетние, пятилетние и даже шестилетние дети нуждаются в забавах. Но надо избегать изнеженности, надо наказывать детей, однако так, чтобы не задеть их самолюбия; здесь следует поступать так, как обычно и делают в отношении рабов, о чем мы уже говорили: не надо позволять тем, кто наказывает, оскорблять подвергающегося наказанию, так как 794
это вызовет у него раздражение, но нельзя и баловать отсутствием наказаний. Точно так же надо поступать и с детьми свободнорожденных. У детей этого возраста забавы возникают словно сами собой; когда дети собираются вместе, они придумывают их даже сами. Все дети этого возраста, то есть от трех до шести лет, пусть собираются в святилищах по поселкам, так, чтобы дети всех жите-

лей поселка были там вместе. Кормилицы также должны смотреть,
чтобы дети этого возраста были скромными и не распущенными.
Над самими же кормилицами и над всей этой детской стайкой бу-
b дут поставлены двенадцать женщин — по одной на каждую стай-
ку, чтобы следить за ее порядком; их будут ежегодно назначать из
числа упомянутых раньше кормилиц стражи законов. Выборы их
будут производить главные попечительницы о браках. Среди сво-
их ровесниц они выберут по одной из каждой филы. Назначенная
на эту должность будет ежедневно посещать какое-нибудь святи-
лище и всякий раз налагать наказание, если кто провинится; раба
и рабыню, чужеземца и чужеземку она накажет сама с помощью
государственных рабов, а гражданина, если он станет противиться
c наказанию, она поведет на суд астиномов; если же гражданин не
противится, она и его наказывает сама. После того как дети достиг-
нут шестилетнего возраста, полы разделяются. Мальчики прово-
дят время с мальчиками, точно так же и девочки с девочками. Но и
те и другие должны обратиться к учению. Мальчики поступают
к учителям верховой езды, стрельбы из лука, из пращи, метания
дротиков. Если девочки согласятся, они также занимаются этим,
d по крайней мере до тех пор, пока не обучатся; в особенности же
следует им научиться употреблению оружия. Здесь никто почти не
отдает себе отчета в установившемся положении.

Клиний. В чем именно?

Афинянин. Считают, будто правая и левая рука у нас от приро-
ды употребляются для различных действий. Между тем ясно, что
ноги и вообще нижние конечности вовсе не различаются в смысле
e работы. Что же касается рук, то здесь каждый из нас может стать
калекой по неразумию кормилиц и матерей. В самом деле: приро-
да почти уравновесила те и другие конечности, и уже мы сами пу-
тем привычки сделали их различными, пользуясь ими ненадлежа-
щим образом.[5] При некоторых действиях разница эта невелика;
так, лиру мы держим в левой руке, а плектр — в правой[6] и так да-
лее, здесь это не имеет значения. Однако это может служить нам
примером, что было бы почти безумием полагать, будто не сле-
795 дует поступать так же и при других действиях. Доказывается это
и обычаем скифов: они не держат лук только в левой руке, а стрелу
только в правой, но пользуются и для того и для другого поочеред-
но обеими руками. Весьма много других примеров можно найти
в искусстве управлять колесницами и в любом другом мастерстве.
Из этих примеров можно понять, что поступают вопреки природе
те, кто развивает правую руку в ущерб левой. Как мы сказали, при
b роговых плектрах и тому подобных орудиях это несущественно.

Но это очень важно, когда приходится пользоваться для военных целей железными орудиями, луками, дротиками, вообще оружием. А всего важнее это в тех случаях, когда оружием надо отражать оружие. Здесь огромная разница между человеком, усвоившим это и не усвоившим, между тем, кто в этом упражнялся, и тем, кто не упражнялся. Так, человек, вполне искусный в панкратии,[7] в кулачном бою или в борьбе, бывает в состоянии бить и слева, но если он этим пренебрежет, то станет спотыкаться и волочить ногу, если противник переменит направление и заставит его нападать с дру- c
гой стороны; то же самое, думаю я, нужно по праву ожидать и при вооруженной борьбе, и во всех остальных случаях. Ведь человек обладает двумя руками, чтобы отражать нападения и нападать на противника самому; поэтому ни одну из них по мере сил нельзя оставлять бездеятельной и нетренированной. И если кто родится подобным Гериону или Бриарею, то он должен быть в состоянии всей сотней своих рук метать сотню стрел.[8]

Обо всем этом должны заботиться должностные лица — жен- d
щины и мужчины. Первые станут наблюдать за этим при играх и воспитании, вторые — при обучении, чтобы все юноши и девушки приобрели ловкость ног и рук и по мере сил ничуть не извратили дурными привычками своих природных свойств.

Обучение надо давать, так сказать, двоякое: тело следует обучать гимнастическому искусству, а душу — для развития ее добродетели — мусическому. То, что относится к гимнастическому искусству, в свою очередь подразделяется на два вида: во-первых,
это пляска, во-вторых — борьба. Один вид пляски воспроизводит e
язык Музы, сохраняя величественность и вместе с тем благородство; другой вид служит для придания здоровья, ловкости и красоты членам и частям самого тела с помощью подобающих каждому из них сгибаний и разгибаний, причем из ритмических движений состоит вся пляска, которая непрерывно с ними связана.

Что касается борьбы, то для участия в войне вовсе не полезно и 796
не достойно словесных прикрас то, что из бесчестного честолюбия приняли в этом искусстве Антей и Керкион, а Эпей и Амик[9] — в кулачном бою. В борьбе стоя, когда стараются высвободить [из захвата] затылок, руки, бока и ревностно и стойко трудятся ради благообразной мощи, а также здоровья, это полезно во всех отношениях. Такой борьбой нельзя пренебречь; напротив, ее надо
предписать как ученикам, так и учителям, когда мы в нашем за- b
конодательстве дойдем до этого места. Учителя пусть благосклонно все это преподают, а ученики с благодарностью воспринимают.

Нельзя оставить в стороне и того, что есть подобающее в хороводных плясовых подражаниях. Таковы здешние вооруженные игры куретов, а в Лакедемоне — Диоскуров.[10] И у нас Дева-Владычица, возрадовавшись хороводной забаве, не сочла возможным ликовать с пустыми руками, но, украсившись полным вооружением,
c в нем и исполнила свою пляску.[11] Юношам и девушкам подобало бы всячески этому подражать, чтя милость богини, а также ради военных надобностей и празднеств.[12] Малым детям, пока они еще не идут на войну, надо было бы во время шествий и торжественных процессий в честь всех богов[13] всегда украшаться оружием, усаживаться на коней, в пляске и движении, то быстрее, то медленнее, возносить молитвы богам и детям богов. Состязания и подго-
d товительные упражнения к ним надо устраивать именно ради этого, а не чего-то иного. Эти состязания полезны и в мирное время, и во время войны как для государства, так и в частном быту. Все же остальные труды, забавы и заботы о теле несвойственны свободнорожденным людям, Мегилл и Клиний.

В предшествующей речи я указал, что надо исследовать гимнастическое искусство. Теперь я его почти разобрал. Будем считать это исчерпанным. Но если вы можете предложить нечто лучшее,
e то сообщите это для общего сведения.

Клиний. Нелегко, чужеземец, отклонить сказанное тобой и предложить нечто лучшее для гимнастического искусства и состязаний.

Афинянин. Итак, что касается следующего вопроса о дарах Муз и Аполлона, то мы полагали тогда, будто всё уже высказали и остается только вопрос о гимнастике. Но теперь ясно, в чем заключается этот вопрос, а также и то, чтó о нем надо говорить в первую очередь. Так перейдем же сразу к нему.

Клиний. Отлично, перейдем.

797 *Афинянин.* Выслушайте меня так, как вы слушали и раньше. Теперь тоже придется с большой осторожностью сказать и выслушать нечто странное и необычное. Поэтому я не без страха скажу свое слово; однако же я соберусь с духом и не отступлю.

Клиний. О чем ты говоришь, чужеземец?

Афинянин. Я утверждаю: ни в одном государстве никто не знает, что характер игр очень сильно влияет на установление законов и определяет, будут ли они прочными или нет. Если дело по-
b ставлено так, что одни и те же лица принимают участие в одних и тех же играх, соблюдая при этом одни и те же правила и радуясь одним и тем же забавам, то все это служит незыблемости также серьезных узаконений. Если же молодые колеблют это единообра-

зие игр, вводят новшества, ищут постоянно перемен и считают
приятными разные вещи, если они недовольны всегда своим внеш-
ним обликом и убором, не признают раз навсегда установленных
правил о том, что благообразно и что́ безобразно, но особенно c
высоко чтят тех людей, которые постоянно вводят какие-то нов-
шества, что-то иное, непривычное во внешний облик, в цвета и в
другие подобные вещи, то мы полностью вправе сказать, что для
государства нет ничего более гибельного, чем все это. В самом
деле, все это незаметно изменяет нравы молодых людей и застав-
ляет их бесчестить старое и почитать только новое. Я снова повто-
ряю: для всех государств нет худшего наказания, чем подобного
рода мнения и установки. Выслушайте, насколько, по-моему, ве-
лико это зло.

Клиний. Ты говоришь о презрении к старине в государствах? d

Афинянин. Да, именно об этом.

Клиний. В таком случае мы будем внимательными и очень со-
чувствующими слушателями этой твоей речи.

Афинянин. Естественно.

Клиний. Только бы ты продолжал.

Афинянин. Давайте же скажем друг другу, что сейчас нам надо
быть особенно внимательными. В самом деле, мы найдем, что пе-
ремены во всем, за исключением злых бедствий, — это самое нена-
дежное дело: это касается и смены всех времен года, и смены
ветров, и перемен в укладе телесной жизни, в характере — словом,
изменений не в чем-то одном, но решительно во всем, исключая, e
как я сейчас сказал, лишь злые бедствия. Если взглянуть на тело,
можно заметить, как оно привыкает к разной еде, разным напит-
кам, к трудам. Сперва все это вызывает расстройство, но затем, с
течением времени, из этого возникает соответствующая всему это-
му плоть; тело знакомится, свыкается с этим укладом жизни, лю- 798
бит его, испытывает при нем удовольствие, здоровеет и чувствует
себя превосходно. И если такое тело будет вынуждено когда-ни-
будь снова изменить тот или иной привычный ему уклад, то снача-
ла оно переживает расстройство и с трудом восстанавливается,
когда привыкнет к новому виду питания. Надо думать, что то же
бывает и с образом мыслей и душевной природой людей. Законы,
на которых они были вскормлены, стали по прошествии долгого b
времени неколебимыми благодаря некой божественной судьбе,
так что никто не помнит да и не слышал, чтобы с законами дело об-
стояло когда-то иначе, чем теперь. Любая душа благоговейно бо-
ится поколебать что-либо из установленных раньше законов. Так
вот законодателю и надо придумать какое-то средство, чтобы в его

государстве каким-то способом было осуществлено именно это. Что касается меня, то я усматриваю это средство в следующем. Ведь изменения в играх молодых людей все считают, как мы говорили раньше, просто игрой, в высшей степени несерьезной и не
c влекущей за собой никакого вреда, и потому они не отвращают от этого молодых, но снисходительно сами в этом за ними следуют. Здесь не принимают в расчет вот чего: те дети, которые вводят новшества в свои игры, неизбежно станут взрослыми и при этом иными людьми, чем те дети, что были до них; а раз они станут иными, они будут стремиться и к иной жизни и в этом своем стремлении пожелают иных обычаев и законов. Никто из них не боится, что вслед за этим для государства наступит величайшее бедствие,
d о котором сейчас идет речь. Правда, иные изменения, касающиеся лишь внешнего облика, произвели бы не столько бед. Но если дело идет об изменении нравов, когда люди нередко начинают хвалить то, что раньше порицали, и порицать то, что раньше хвалили, то, думаю я, к этому более, нежели к чему-то другому, надо бы отнестись с величайшей осмотрительностью.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Что же? Убеждены ли мы и до сих пор в том, что утверждали раньше, то есть что все относящееся к ритмам и вообще любому мусическому искусству — это подражание человеческим характерам, как лучшим, так и худшим? Так ли обстоит дело
e или иначе?

Клиний. Именно так и не иначе; по крайней мере таково наше мнение.

Афинянин. Следовательно, мы утверждаем, что надо найти всевозможные средства, чтобы дети не стремились у нас в плясках или в напевах к другим подражаниям и чтобы никто не побудил их к этому соблазном будущих удовольствий.

Клиний. Ты совершенно прав.

799 *Афинянин.* Есть ли у кого-нибудь из нас для этого лучший прием, чем у египтян?

Клиний. О каком приеме ты говоришь?

Афинянин. Он заключается в том, чтобы всякую пляску и всякое пение сделать священными. Для этого сначала были установлены празднества, рассчитанные на целый год, причем было установлено, какие празднества и в какое время надо справлять и в честь каких богов, их детей или даймонов; кроме того, какое песнопение надо возносить при каждом жертвоприношении, и какой
b хороводной пляской следует почтить богов при этой жертве. Сперва были установлены некоторые песни и пляски. Но коль скоро

они установились, то все граждане стали сообща совершать жертвоприношение Мойрам и всем остальным богам и во время возлияния освящать каждое песнопение в честь каждого из богов и из остальных высших существ.[14] Если же вопреки этому кто-нибудь пытался вводить другие гимны или хороводные пляски в честь кого-либо из богов, то его удерживали жрецы и жрицы вместе со стражами законов, следуя в этом благочестию и закону. Если же человек этот не подчинялся, то в течение его жизни всякий желающий мог привлечь его к суду за нечестие.

Клиний. Правильно.

Афинянин. В этом месте нашей беседы нам придется испытать c
то, что свойственно нашим летам.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Всякий юноша, не говоря уже о стариках, увидев или услыхав что-то редкостное и необычное, не уступит легко в трудном споре и не примет сразу решение, но остановится, очутившись словно бы на распутье. Один ли он совершает свой путь
или с другими людьми, но, раз он не слишком хорошо знает доро- d
гу, он будет спрашивать и самого себя, и других о том, что его затрудняет, и двинется дальше не прежде, чем исследует основательно свой путь и то, куда он ведет. И нам теперь надо поступить точно так же. Раз нам встретилось сейчас странное утверждение о законах, нам надлежит всесторонне его исследовать, а не спешить легкомысленно высказаться по столь важному вопросу, словно мы в силах немедленно решить что-то с полной ясностью, ведь не таковы уже наши годы.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Предоставим же это времени; мы дадим обоснова- e
ние всему, когда достаточно это рассмотрим. И чтобы не сбить понапрасну порядка законов, которые нам следует теперь завершить, мы доведем до конца их рассмотрение. Очень возможно, если только угодно богу, что, когда наше рассмотрение в целом будет окончено, оно достаточно разъяснит это временное затруднение.

Клиний. Чужеземец, ты говоришь превосходно. Мы поступим так, как ты сказал.

Афинянин. Вот мы и говорим: пусть будет допущено это странное обстоятельство, что песнопения станут у нас законами.[15] Ведь название это — «номы» — древние, как видно, прилагали к тому,
что исполнялось певцом под сопровождение кифары. Очень мо- 800
жет быть, что они не так уж были далеки от нашего нынешнего утверждения: кто-то тогда, во сне или наяву, пробудившись от пророческой грезы, предугадал его. Итак, наше решение пусть бу-

дет следующим: никто не должен петь либо плясать несообразно со священными общенародными песнями и всеми принятыми у молодежи плясками. Этого надо остерегаться больше, чем нарушений любого другого закона. Кто будет это соблюдать, останется безнаказанным; ослушника же будут наказывать, как мы сказали
b сейчас, стражи законов, жрецы и жрицы. Пусть же будет так постановлено в этой нашей беседе.

Клиний. Пусть будет постановлено.

Афинянин. Как же установить этот закон, чтобы не возбудить слишком сильных насмешек? Обратим внимание здесь на следующее: самое безопасное — сначала создать эти законы словесно, сделав с них как бы пробный оттиск. Так вот, я представляю себе один такой оттиск примерно в следующем роде: если, допустим,
c после совершенного по закону жертвоприношения и сожжения жертвенных животных чей-нибудь сын или брат по собственному почину встанет подле алтаря и жертв и всячески начнет злословить, неужели, спросим мы, это не породит уныния в его отце и в остальных родственниках и не явится дурным предзнаменованием и предвещанием?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Между тем это у нас случается, можно сказать, чуть ли не во всех государствах. Когда какое-либо должностное лицо совершает от лица государства какое-то жертвоприношение, то вслед за этим являются туда хоры — не один, а несколько, —
d становятся неподалеку от алтаря, а иной раз и подле него самого и начинают извергать всяческое злословие по адресу священнодействия, смущая души слушателей своими словами, ритмами и жалобнейшими гармониями; и кто больше всего вызывает слез у тех, кто только что совершил жертвоприношение, тот получает победную награду. Неужели мы не отменим этот обычай? Если когда-то граждане и должны выслушивать подобные вопли, например в не-
e счастливые и нечистые дни, то для этого следует выступать скорее каким-нибудь иноземным хорам, состоящим из нанятых певцов, подобно тому как на похоронах нанятые люди сопровождают покойника карийскими плачами;[16] нечто подобное подобало бы и упомянутым песнопениям. И погребальным песнопениям подобали бы не венки и не позолоченные уборы, но длинное одеяние. Чтобы возможно скорее покончить с этим, скажу, что все здесь должно быть совсем иным. Нам же самим я снова задам вопрос: угодно ли нам установить сначала этот первый образец для песнопений?

Клиний. В чем именно он состоит?

Афинянин. В благоречии.[17] Пусть род песнопений будет у нас во всех отношениях благоречивым. Нужно ли еще говорить об 801
этом или можно считать это уже установленным?

Клиний. Разумеется, установи это. Ведь закон этот собрал все голоса.

Афинянин. Что же будет вторым законом мусического искусства после благоречия? Не молитвы ли тем богам, которым мы каждый раз приносим жертвы?

Клиний. Да, так.

Афинянин. А третьим законом, думаю я, будет вот какой: Поэты должны знать, что молитвы к богам — это просьбы; и они должны обратить всяческое внимание на то, чтобы под видом добра b
не попросить нечаянно зла. Смешное бы создалось положение, думаю я, если бы исполнилась такая молитва!

Клиний. Еще бы.

Афинянин. Немного раньше в нашей беседе мы пришли к убеждению, что в государстве не должно быть места серебряным и золотым запасам.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Почему мы привели в нашей речи этот пример? Не потому ли, что не весь род поэтов способен вполне отличить благо от зла? Значит, если какой-то поэт в своем сочинении, в напеве или c
в словах в этом отношении погрешит, такие молитвы будут неправильны, и это заставит наших граждан в самых серьезных делах молиться не о том, о чем следует. Как мы говорили, не много можно найти погрешностей больших, чем эта. Установим же и это правило как один из образцов и законов Музы.

Клиний. Какое именно правило? Скажи нам яснее.

Афинянин. Поэт не должен творить ничего вопреки обычаям государства, вопреки справедливости, красоте и благу.[18] Свои тво- d
рения он не должен показывать никому из частных лиц, прежде чем не покажет их назначенным для этого судьям и стражам законов и не получит их одобрения. У нас уже почти имеются лица, назначенные для этого: это выбранные нами законодатели в деле мусического искусства и попечитель о воспитании. Что же? Я повторяю свой вопрос не впервые: установим ли мы это как третий закон, образец и оттиск? Или вы другого мнения?

Клиний. Установим. Как же иначе?

Афинянин. Далее, вполне правильно было бы воспевать гимны e
богам и хвалебные песни вместе с молитвами и точно так же вслед за богами возносить подобающие молитвы и хвалебные песни даймонам и героям.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. После этого сразу можно установить закон, который не встретит возражений: следовало бы почитать хвалебными песнями тех из почивших граждан, кто телом или душой совершил прекрасные, трудные дела и был послушен законам.

Клиний. Конечно.

802 *Афинянин.* Небезопасно чтить хвалебными песнями и гимнами
живых людей, пока они не пройдут весь свой жизненный путь и не
увенчают его прекрасным концом. Все это будет у нас одинаково
касаться как мужчин, так и женщин, которые проявят свою добро-
детель. Песнопения и пляски надо устраивать так: в мусическом
искусстве есть много прекрасных древних сочинений старых поэ-
тов, а для тела точно так же есть много плясок. Ничто не мешает
выбрать из них то, что подобает и соответствует устрояемому го-
b сударству. Оценщиками их будут избраны лица не моложе пятиде-
сяти лет. Они произведут выбор из древних сочинений и допустят
те, что окажутся подходящими; вовсе неподходящие сочинения
они совершенно отринут; сочинения с недостатками они много-
кратно подвергнут исправлению. Для этого они привлекут поэтов
и музыкантов, используя их поэтическое дарование; и они не бу-
c дут считаться с их вкусами и страстями — разве лишь в немногих
случаях, — но как можно лучше истолкуют им намерения законо-
дателя, дабы в этом духе были составлены пляски, песнопения
и все относящееся к хороводам. То занятие Музами, где строй при-
ходит на смену нестройности, всегда бесконечно лучше, даже если
здесь и нет сладостной Музы. А приятность есть общее свойство
всех Муз. Человек, который, начиная с детства и вплоть до разум-
d ного, зрелого возраста, сживается с рассудительной и умеренной
Музой, услышав враждебную ей Музу, презирает ее и считает не-
благородной; кто же воспитался на расхожей, сладостной Музе,
тот говорит, что противоположная ей Муза холодна и неприятна.
Поэтому, как сейчас было сказано, в смысле приятности или неп-
риятности ни одна из них не превосходит другую. Зато первая
чрезвычайно улучшает людей, на ней воспитавшихся, вторая
же — ухудшает.

Клиний. Это ты хорошо сказал.

Афинянин. Еще надо было бы определить характер, которым
мужские песнопения отличаются от песнопений, свойственных
e женщинам. Необходимо установить для них подобающие гармо-
нии и ритмы. Нехорошо, если напев идет вразрез с гармонией в ее
целом, если нарушается ритм и ничто не соблюдено в напевах как
следует. Надо и здесь установить законом определенные формы.

И мужчинам и женщинам надо уделить обе эти необходимые формы — [гармонию и ритм], но при этом женщинам надо принять во внимание, что́ именно соответствует природным особенностям женского пола. Вот это-то и надо выяснить. Следует признать, что все величавое и склоняющее к смелости имеет мужественное обличье, то же, что тяготеет к скромности и благопристойности, более сродни женщинам; поэтому и было бы разумно уделить им это по закону. Примерно таким будет это установление.

Затем надо поговорить относительно обучения этому — как 803
передать все это другим и каким образом, кому и в какое время надо все это делать. Подобно тому как кораблестроитель, делая набросок для начала постройки, намечает форму киля судна, так же точно, кажется мне, поступаю и я, пытаясь очертить образ человека (σχήματα τῶν βίων). При этом я основываюсь на душевном складе каждого; он действительно образует киль жизни. Я, конечно, стараюсь верно учесть, с помощью каких средств и способов b
мы всего лучше проведем жизнь во время того плавания, каким является наше существование.[19] Правда, человеческие дела не заслуживают особых забот, но все же необходимо о них заботиться, хотя счастья в этом нет. Но раз уж мы очутились в таком положении, было бы, пожалуй, целесообразно выполнить нашу задачу подобающим образом. Впрочем, к чему я все говорю? Кто-нибудь мог бы с полным правом прервать меня этим вопросом.

Клиний. Это верно. c

Афинянин. Я утверждаю, что в серьезных делах надо быть серьезным, а в несерьезных — не надо. Божество по своей природе достойно всевозможной блаженной заботы, человек же, как мы говорили раньше, это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением. Этому-то и надо следовать; каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекраснейшие игры, хотя это и противоречит тому, что теперь принято.

Клиний. В каком смысле? d

Афинянин. Теперь думают, что серьезные заботы должны существовать ради игр. Так, считают, что серьезные вопросы, связанные с войной, надо хорошенько упорядочить ради мира. Но ведь то, что бывает на войне, это по своей природе вовсе не игра и не воспитательное средство, достойное нашего упоминания, и сейчас оно не таково, и впредь не будет таким. А мы-то говорим, будто для нас это самое важное. Каждый должен как можно дольше и лучше провести свою жизнь в мире. Так что же, наконец, правильно? Надо жить играя. Что ж это за игра? Жертвоприношения, пес- e

ни, пляски, чтобы уметь снискать к себе милость богов, а врагов отразить и победить в битвах. Но с помощью каких песен и плясок можно осуществить то и другое? Образцы для этого были указаны и проложены как бы пути, которыми надо идти, если считать, что и поэт был прав, говоря:

804 Многое сам, Телемак, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан.[20]

Точно так же должны мыслить и наши питомцы, считая, что отчасти им уже вдоволь дано указаний о жертвоприношениях и
b хороводных плясках, отчасти же даймон и бог внушат им, в честь кого и в какое время надо их совершать, чтобы, играя, снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы, ведь люди в большей своей части — куклы и лишь немного причастны истине.[21]

Мегилл. Ты полностью принижаешь наш человеческий род, чужеземец!

Афинянин. Не удивляйся, Мегилл, прости меня! Я взирал на бога и под этим впечатлением сказал сейчас свои слова. Если тебе
c угодно, будем считать наш род не презренным, но достойным некоторого попечения.

Далее пойдет речь о постройке гимнасиев и вместе с тем школ в трех местах посредине города. Затем — об устроении, опять-таки в трех местах, но уже вне города, в окрестностях, ипподромов и площадок, хорошо приспособленных для стрельбы из лука и других упражнений в метании. Они будут устроены для обучения и вместе с тем для упражнения молодых людей. Если раньше об этом было сказано недостаточно, пусть теперь это будет не только сказано, но и постановлено законом. Во всех этих школах наемные учителя из числа оседлых чужеземцев будут обучать приходящих
d учеников[22] всем военным наукам и мусическому искусству; при этом училище будет посещать не только тот, у кого этого желает отец, — у кого же он не хочет, тот, мол, может и отстраниться от воспитания, — но, как говорится, и стар, и млад должны по мере сил непременно его получить, ведь дети больше принадлежат государству, чем своим родителям. Все это мой закон предписал бы
e одинаково и для женщин, и для мужчин: первые таким же образом должны упражняться. Я ничуть не побоялся бы утверждать то же самое о верховой езде и о гимнастике; разве это подобает только мужчинам, а женщинам нет? Слыша древние предания, я убеждаюсь в своей правоте, да, к слову сказать, и сейчас, я знаю, есть

бесчисленное множество женщин в области Понта — их называют
савроматидами,[23] — которым предписано наравне и сообща с муж-
чинами упражняться не только в верховой езде, но и в стрельбе из 805
лука и в применении другого оружия. Сверх того, у меня есть еще
вот какие соображения по этому поводу: я утверждаю, что коль
скоро это вообще возможно, то в высшей степени неразумно по-
ступают теперь в наших местах, когда не приучаются к этому изо
всех сил единодушно и одинаково как мужчины, так и женщины.
Чуть ли не всякое государство становится таким образом половин-
ным, вместо того чтобы быть вдвое бóльшим благодаря единству
трудов и цели. Конечно, это странная погрешность со стороны за- b
конодателя.

Клиний. Кажется, так. Однако, чужеземец, очень многое из
высказанного нами теперь противоречит обычному государст-
венному устройству. Впрочем, ты был весьма дальновиден,
сказав, что надо предоставить нашей беседе хорошенько раз-
виться, а затем, когда она разовьется, выбрать из нее то, что будет
признано дельным. Так что мне приходится теперь упрекать
самого себя за то, что было мной сказано. Так говори же даль- c
ше все, что тебе по сердцу!

Бытовое и военное равноправие мужчин и женщин

Афинянин. Мне, Клиний, по сердцу то, о чем
я говорил и раньше. Если мой замысел недо-
статочно обоснован на деле, пожалуй, най-
дутся против него возражения! Но сейчас
тому, кто совсем не приемлет этот закон, надо поискать что-то
другое. Но при этом не будет забыто наше пожелание, чтобы жен-
щины у нас наравне с мужчинами подлежали воспитанию и всему
остальному, в самом деле, Мы должны здесь мыслить примерно
так. И скажи: если женщины непричастны наравне с мужчинами d
всем сторонам жизни, не правда ли, для них надо установить ка-
кой-нибудь иной распорядок?

Клиний. Это необходимо.

Афинянин. Какой же образ жизни из числа указанных нами
выше мы сейчас установим для женщин, раз мы теперь предписы-
ваем им участие в жизни вместе с мужчинами? Тот ли, что у фра-
кийцев и у многих других племен, использующих женщин в земле- e
делии, скотоводстве, овцеводстве, для домашних услуг, — словом,
не делающих никакого различия между женщинами и рабами?
Или тот, что у нас и у всех жителей наших мест?[24] У нас теперь
дело обстоит так: все наше, так сказать, [семейное] имущество мы
сносим в какое-нибудь одно жилище и вручаем его женщинам;
они распоряжаются им, руководят тканьем и пряжей шерсти. Ла-

кедемонские же порядки, Мегилл, занимают, не правда ли, середи-
806 ну между двумя этими крайностями. Девушки должны участвовать в гимнастических упражнениях,[25] а вместе с тем и в занятиях мусическими искусствами. Женщины же, хоть и не трудятся над пряжей шерсти, должны плести жизнь, полную упражнений и вовсе не ничтожную и малоценную; здесь опять-таки они занимают некую середину в попечении о хозяйстве и воспитании детей,[26] но в ратном деле они не участвуют. Поэтому в случае необходимости сражаться за государство и за детей они не умеют применять лук,
b как это делают амазонки; не искусны они и в других метательных орудиях; они не могут, взявши щит и копье, подражать богине, чтобы гордо противостоять разорению своей родины или хотя бы навести страх на врагов, представ перед ними в воинском строю. Ведя такой образ жизни, они, конечно, не осмелятся подражать савроматидам, ведь женщины савроматов в сравнении с женщина-
c ми вообще могут показаться мужчинами. Итак, если кто хочет, пусть хвалит ваших законодателей. Я же высказал бы свое прежнее мнение: законодатель должен быть последовательным до конца, а не останавливаться на полдороге. Поэтому он не должен допускать, чтобы женщины предавались неге, расточительности и вели бестолковую жизнь, ведь, до конца позаботившись лишь о мужчинах, законодатель тем самым дает государству, пожалуй, половину счастливой жизни вместо двойной.

Мегилл. Как нам поступить, Клиний? Позволить ли этому чужеземцу делать подобный набег на Спарту?

d *Клиний.* Да, придется позволить, раз ему предоставлена полная свобода слова, — пока мы не разберем законы достаточно и всесторонне.

Мегилл. Ты прав.

Афинянин. Таким образом, пожалуй, уже мое дело попытаться выяснить и дальнейшее.

Клиний. Конечно.

Образ жизни. Распорядок дня и ночи

Афинянин. Какой же образ жизни станут вести люди, в должной мере снабженные всем необходимым? Ремесла там поручены чужеземцам; земледелие предоставлено рабам,
e собирающим с земли в жатву достаточную, чтобы люди жили в довольстве; общие трапезы устроены отдельно для мужчин, а невдалеке — для их домочадцев: детей женского пола и матерей. Должностным лицам мужского и женского пола там предписано каждодневно пристально наблюдать за поведением сотрапезников и затем распускать эти собрания, причем должностное лицо и все

остальные совершают возлияние богам, которым посвящены тог- 807
дашний день или ночь. После этого все отправляются по домам. Но неужели не осталось ни одного необходимого и вполне приличного дела для людей, соблюдающих такой распорядок? Или каждый из них должен лишь жить, жирея наподобие скота? Нет, утверждаем мы, это и несправедливо, и нехорошо, да и невозможно, чтобы живущего так не постигла должная кара. А состоит она
в том, что праздное и беспечно разжиревшее существо становится b
добычей другого существа, закаленного мужеством и трудами. Если мы будем тщательно, как мы это и делаем, вести наше исследование, то, возможно, этого и не произойдет до тех пор, пока каждый из нас будет иметь собственную жену, детей, жилища и вообще будет обладать частной собственностью. Значит, если осуществится менее совершенный строй,[27] о чем сейчас и идет речь,
то при этом, конечно, будет соблюдена надлежащая мера. Мы c
утверждаем, что людям, живущим указанным образом, остается на долю очень немаловажное дело; наоборот, оно самое важное из всего, что предписывается справедливым законодательством. В самом деле, даже у тех, кто домогается победы в Пифийских или Олимпийских играх, вовсе нет досуга для прочих житейских дел; вдвое или еще больше недосуг тому, кто проводит свою жизнь в заботах о всяческой добродетели, телесной и душевной, как это
и было впол не правильно указано. Поэтому никакие посторонние d
занятия не должны служить помехой для того, что дает телу подобающую закалку в трудах, душе же — знания и навыки. Кто станет осуществлять именно это и будет стремиться достичь достаточного совершенства души и тела, тому, пожалуй, не хватит для этого всех ночей и дней.

Раз дело обстоит так по самой природе, то для всех свободно-
рожденных надо установить распорядок на все время дня. Начи- e
наться этот распорядок должен чуть ли не с самого утра и продолжаться без перерыва до следующего утра, иначе говоря, до восхода солнца. Показалось бы некрасивым, если бы законодатель стал говорить обо всех мелочах, частых в домашнем обиходе вообще, и особенно о ночном бдении, подобающем лицам, которые намерены до конца тщательно охранять государство. Впрочем, все должны считать позорным и недостойным свободного человека, если
он предается сну всю ночь напролет и не показывает примера 808
своим домочадцам тем, что всегда пробуждается и встает первым. Назвать ли это законом или обычаем — безразлично. Точно так же если хозяйка дома заставляет служанок будить себя, а не сама будит всех остальных, то раб, рабыня, слуга и — если только это воз-

можно — весь дом целиком должен говорить между собой об этом
b как о чем-то позорном. Всем надо пробуждаться ночью и заниматься множеством государственных или домашних дел: правителям — в государстве, хозяевам и хозяйкам — в собственных домах. Долгий сон по самой природе не подходит ни нашему телу, ни нашей душе и мешает как телесной, так и душевной деятельности. В самом деле, спящий человек ни на что не годен, он ничуть не лучше мертвого. А кто из нас больше всего заботится о разумности
c жизни, тот пусть по возможности дольше бодрствует, соблюдая при этом, однако, то, что полезно его здоровью. Если это войдет в привычку, то сон людей будет недолог. Правители, бодрствующие по ночам в государствах, страшны для дурных людей — как врагов, так и граждан, — но любезны и почтенны для людей справедливых и здравомыслящих; полезны они и самим себе, и всему государству.

Ночь, проведенная подобным образом, кроме всего, что указано раньше, внедрила бы мужество в душу каждого гражданина.
d Утром, на рассвете, дети должны отправляться к учителям. Без пастуха не могут жить ни овцы, ни другие животные; так и дети не могут обойтись без каких-то руководителей, а рабы — без господ. Но ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем меньше разум ребенка направлен в надлежащее русло, тем более становится он Шаловливым, резвым и вдобавок превосходит дерзостью все остальные существа. Поэтому
e надо обуздывать его всевозможными средствами, и прежде всего тогда, когда из рук кормилицы и матери он в малолетстве отдается попечению руководителя, а впоследствии и учителям разных наук, подобающих свободнорожденному человеку. Если же ребенок принадлежит к сословию рабов, то любой встречный из свободнорожденных людей пусть наказывает как самого ребенка, так и его пестуна или учителя, когда кто из них в чем-либо погрешит. Если же такой встречный не наложит справедливого наказания, пусть его, во-первых, постигнет величайший позор, а затем пусть тот из
809 стражей законов, кто был избран на должность попечителя детей, наблюдает за прохожим, о котором идет речь, раз тот не наказал кого нужно, хоть и должен был это сделать, или же наказал, но не так, как следует. Такой страж законов должен быть у нас зорким, он должен очень заботиться о воспитании детей, исправлять их характер и всегда направлять их ко благу согласно законам.

Но каким же образом сам закон воспитает у нас, как дóлжно, самого этого стража законов? Ведь пока мы не сказали ничего до-
b статочно ясного; кое о чем уже шла речь, но о прочем — нет. Меж-

ду тем закону нельзя по возможности опускать ничего; надо рас-
толковать каждое слово, чтобы закон этот служил предостерегаю-
щим и воспитующим примером для остальных. Относительно
хоровых песен и плясок уже было сказано, а именно о том, какой
характер они должны носить, как их надо выбирать, исправлять и
освящать. Но мы еще не сказали, какие именно сочинения пись-
менные, хоть и не стихотворные, станешь ты использовать,
наилучший из попечителей детей, для занятий со своими воспита- c
нниками и каким именно образом будешь ты это делать. Впрочем,
относительно ратного дела ты уже знаешь из нашей беседы, чтó
должны изучать воспитанники и в чем они должны упражняться.
Грамоте же прежде всего, затем игре на кифаре и счету по крайней
мере, поскольку они применяются в ратном деле, домоводстве и
в государственном управлении, как мы сказали, следует обучаться
каждому, а кроме того, получать полезные сведения о божествен-
ных круговоротах — звезд, Солнца и Луны, раз всякому государ-
ству необходимо иметь установления относительно этого... но о d
чем, собственно, у нас сейчас идет речь? О распорядке дней в зави-
симости от месячных обращений Луны и распорядке месяцев
в каждом году, чтобы всем временам года, жертвоприношениям и
празднествам было уделено то, что каждому из них подобает по са-
мой природе; чтобы это животворило и будоражило государство;
чтобы богам воздавался почет, а люди становились бы разумнее
в этих делах — все это, друг мой, пока недостаточно изложено для
тебя законодателем. Так обрати же внимание на то, о чем будет e
речь дальше! Мы сказали, что у тебя прежде всего нет достаточ-

Мусическое и гимнастическое воспитание

ных указаний относительно грамоты. Что
же мы ставим в упрек нашему изложению?
Вот что: тебе не было указано, должен ли
любой, кто намерен стать достойным граж-
данином, вдаваться в подробности этой науки, или он может к ней
даже не прикасаться. То же самое и относительно игры на кифаре.
Итак, мы утверждаем теперь, что он должен этому обучаться. На-
чиная с десятилетнего возраста ребенок должен учиться грамоте в
течение примерно трех лет; тринадцатилетний возраст подходит 810
для начала обучения игре на кифаре; это обучение займет еще три
года. Но ни отцу ребенка, ни самому ребенку — любит ли он уче-
ние или его ненавидит — не разрешается ни увеличивать, ни уме-
ньшать этот срок, преступая тем самым закон. Ослушник пусть бу-
дет лишен права на те почести за образованность, о которых мы
будем говорить несколько позже. Но чему должны учиться моло-
дые люди в указанный промежуток времени у своих учителей?

b Это-то вот и надо прежде всего усвоить тебе самому. Над грамотой ребенку следует трудиться до тех пор, пока он не сможет писать и читать. Что же касается беглости или красоты, то на этом не надо настаивать, если природа ребенка не содействует этому в установленный срок. Что же касается изучения не имеющих музыкального сопровождения записанных поэтических сочинений, частью стихотворных, частью же не имеющих размера, иначе говоря,
c прозаических, лишенных гармонии и ритма, то некоторыми авторами с оставлены нам здесь опасные сочинения. Как используете вы их, лучшие из стражей законов? Или: чем именно предпишет пользоваться законодатель и при каких условиях его предписание будет правильным? Я предвижу, что он будет в большом затруднении.

d *Клиний.* В чем дело, чужеземец? Кажется, ты действительно в затруднении и говоришь сам с собой?

Афинянин. Хорошо, что ты прервал меня, Клиний. Вы ведь вместе со мной участвуете в установлении законов, поэтому перед вами и надобно изложить, что мне кажется легкоосуществимым, а чтó нет.

Клиний. Так что же? О чем ты сейчас говоришь л и что тебя к этому побудило?

Афинянин. Ну, так и быть, скажу, да ведь совсем нелегко высказывать то, что нередко противоречит тысячеустой молве.

Клиний. Но как же? Разве то, что мы сказали раньше о законах, немного или совсем чуть-чуть противоречит мнению большинства?

Афинянин. Тут ты совершенно прав. Ты велишь мне, как кажется, следовать тем же самым путем, ставшим ненавистным для многих, но, впрочем, и любезным, может быть, не меньшему числу людей, а если и меньшему, то по крайней мере это не худшие
e люди; ты побуждаешь меня смело идти вместе с ними, презирая опасности, и не отступать в нашем законодательстве от того пути, что намечен нами в этой беседе.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Итак, я не отступлю. Я говорю, что у нас есть очень много поэтов, пользующихся в своих сочинениях гекзаметром, триметром и другими так называемыми размерами; одни из этих поэтов творят всерьез, другие — чтобы рассмешить. Тысячи людей нередко утверждают, что именно сочинениями всех этих поэтов, выученными целиком наизусть, следует кормить и насыщать получающих должное воспитание молодых людей, чтобы путем чтения они услыхали о многом, знали бы и усвоили многое. Дру-

гие выбирают из всех поэтов самое главное, составляют сборники 811
изречений и утверждают, что именно это должен запомнить и выучить наизусть всякий, кто хочет стать у нас достойным и мудрым благодаря большой опытности и знаниям. Итак, ты велишь мне откровенно высказаться, в чем они правы и в чем — нет?

Клиний. Да, именно так.

Афинянин. Что же мне сказать, чтобы в одном слове ответить b
на все вопросы? Я думаю, вот что — и всякий тут со мной согласится: каждый из этих поэтов высказал много прекрасного, но много и очень плохого, а раз дело обстоит так, то, утверждаю я, большие знания здесь для детей опасны.

Клиний. Так что же посоветовал бы ты стражу законов?

Афинянин. В каком отношении?

Клиний. На что должен он взирать как на образец? Что он пре- c
доставит для изучения всем молодым, а что запретит? Скажи немедля.

Афинянин. Добрый мой Клиний, мне выпала, кажется, в некотором роде удача.

Клиний. Какая же?

Афинянин. Да та, что я не совсем в неведении относительно этого образца. Сейчас, оглядываясь на беседу, которую мы вели с утра и до этого времени, — причем, как мне кажется, не без некоего божественного вдохновения, — я нахожу, что речи наши во многом подобны поэзии. И быть может, ничего удивительного нет
в том, что, взирая на мои речи в целом, я испытываю радостное d
чувство. В самом деле, из большинства сказанных речей, которые я знаю или слышал в стихах или в прозе, они мне показались самыми сообразными и наиболее подходящими для слуха молодых людей. Поэтому и для стража законов и воспитателя я не нашел
бы, думаю, лучшего образца, чем именно этот: пусть учителя e
обучают детей по моему совету. Если случится, проходя сочинения поэтов, письменную прозу или же просто устные творения, встретить такие же речи, родственные нашим суждениям, то никак нельзя этого упускать, но надо записывать. Прежде всего надо заставить самих учителей усвоить и одобрить это. Не надо поль-
зоваться помощью учителей, которым это не нравится; помощью 812
же тех, кто одобряет и соглашается, надо воспользоваться. Именно им надо вручить молодых людей для обучения и воспитания. На этом я кончу свое слово об учителях грамоты и о самой грамоте.

Клиний. Что же касается нашей задачи, то мне кажется, чужеземец, что мы не свернули с пути, намеченного нашей беседой.

Удержимся ли мы до конца на нашем пути, сейчас, пожалуй, трудно решить.

Афинянин. Это, конечно, обнаружится, Клиний, когда, как часто уже говорилось, мы дойдем до конца нашего рассуждения о законах.

b *Клиний.* Верно.

Афинянин. Итак, вслед за учителем грамоты нам надо поговорить о кифаристе?

Клиний. Да.

Афинянин. Припомнив наши прежние рассуждения, мы, думается мне, уделим кифаристам подобающее место в образовании и вместе с тем в любом виде подобного воспитания.

Клиний. О чем ты сейчас говоришь?

Афинянин. Помнится, мы утверждали, что шестидесятилетние певцы, участники дионисийского хора,[28] должны стать очень вос-
c приимчивыми к ритму и гармоническим сочетаниям, чтобы в песенных подражаниях отличать хорошие подражания душевным состояниям от плохих. Кто может отличить подобия благого душевного состояния от подобий дурного, тот эти отвергнет, а первые возьмет для своего выступления; он станет петь и зачаровывать души юных людей, побуждая с помощью таких подражаний каждого следовать за собой и стяжанию добродетели.

Клиний. Ты совершенно прав.

d *Афинянин.* Итак, ради этого кифарист и его воспитанники должны воспользоваться сопровождением лиры — ввиду ясности ее звуков, — подлаживая звучания лиры к звукам напева. Однако разноголосица и разнообразие звучаний лиры, когда струны издают один напев, а поэт сочинил другую мелодию, когда добиваются созвучий и противозвучий сочетанием плотности и разреженности, ускорения и замедления, повышения и пониже-
e ния и точно так же приспосабливают пестрое разнообразие ритмов к звучаниям лиры, — все это не приносит пользы при обучении детей, раз им надо быстро, в течение всего лишь трех лет, овладеть тем, что есть полезного в музыке. В самом деле: противоположности, вносящие взаимную путаницу, создают лишь трудности для усвоения, молодые же люди должны усваивать все как можно лучше. И предписанные им обязательные науки вовсе не незначительны и их немало, как со временем покажет дальнейший ход рассуждения. Так вот, пусть у нас воспитатель именно так позаботится относительно музыки. Что же касается самих напевов, а также слов, каким должны обучать наставники
813 хоров, то это все у нас уже было разобрано раньше. Мы сказали, что они должны быть священными; напевы и слова должны

сообразоваться с определенными празднествами; они должны принести государствам благое удовольствие и в то же время пользу.

Клиний. Это тоже сказано верно.

Афинянин. И даже очень. Пусть же воспримет эти наши слова должностное лицо, выбранное для попечения над музыкой, и пусть его заботы об этом увенчаются полным успехом. Мы же разберем еще кое-что в дополнение к сказанному раньше о пляске
и гимнастических упражнениях. Подобно тому как мы разобрали b
все пропущенное прежде относительно обучения музыке, так же точно поступим мы и с гимнастикой. И мальчики, и девочки должны обучаться пляскам и гимнастическим упражнениям. Не так ли?

Клиний. Да.

Афинянин. Для упражнения было бы более целесообразно, чтобы у мальчиков были учителя пляски, а у девочек — учительницы.

Клиний. Пусть будет так.

Афинянин. Давайте снова призовем попечителя детей, хотя c
у него и будет очень много работы, ведь он печется как обо всем в деле музыки, так и обо всем в деле гимнастики, так что досуга у него будет мало.

Клиний. Между тем это человек почтенного возраста. Как же сможет он осуществить свое попечение о столь многом?

Афинянин. Очень просто, мой друг. Закон дал и даст ему право привлекать для этого попечения тех из граждан — мужчин или женщин, — кого он захочет. А он уже будет знать, кого здесь надо привлечь; он не захочет оказаться небрежным, так как разумно посовестится, понимая значение своей должности, да, кроме того, d
примет в соображение то обстоятельство, что все у нас пойдет как следует, если молодые получили или получают хорошее воспитание. Если же этого нет... впрочем, не стоит заканчивать: мы не станем говорить об этом, считаясь с теми людьми, которые привыкли при возникновении нового государства во всем усматривать предзнаменования.

Итак, мы уже много сказали и об этом, то есть о том, что имеет отношение к пляскам и всевозможным гимнастическим упражнениям. В самом деле, мы считаем, что гимнастические упражнения включают также телесные упражнения в ратных трудах: стрельбу из лука, всякие виды метания, обращение с легким и различным e
тяжелым оружием, строевой порядок, умение отправиться в любой поход, разбить лагерь, а также все знания по верховой езде. Всему этому должны обучать общественные учителя, состоящие на жалованье у государства. Их учениками будут граждане —

мужчины и мальчики, девочки и женщины, причем девочки должны прилежно обучаться пляскам в полном вооружении и бою,
814 женщины же приступают к боевому порядку, строю, надеванию и сниманию оружия. Это следует делать если не ради чего-то иного, то ради тех случаев, когда всенародному ополчению приходится, оставив город, выступать в поход за его пределы. В этих случаях они должны уметь хоть настолько владеть оружием, чтобы защитить детей и государство, да и в противоположных случаях (а ведь никак нельзя поручиться, что их не будет), когда неприятель вторгнется извне с огромной мощью — все равно, будут это варвары или эллины, — надо выказать готовность стоять до конца уже за самое государство. При этом великим бедствием для государства
b будет такое позорное воспитание женщин, что они не пожелают умереть или претерпеть всяческие опасности ради детей, в то время как это делают даже птицы, сражаясь за своих детенышей с любым из самых сильных зверей. Женщины же тотчас устремляются к святилищам, заполняют все храмы, окружают алтари, распространяя о человеческом роде славу как о самом по своей природе трусливом из всех существ.[29]

Клиний. Клянусь Зевсом, чужеземец, если где это случится, го-
c сударству не будет славы, не говоря уж о вреде.

Афинянин. Значит, мы установили этот закон в следующих пределах: женщины не должны пренебрегать ратным делом, но все, как граждане, так и гражданки, должны о нем печься.

Клиний. Я по крайней мере с этим согласен.

Афинянин. Далее, мы говорили уже о борьбе. Но мы не коснулись того, что я назвал бы самым важным, правда, нелегко выразить это словами, без показательных телодвижений. Поэтому мы
d будем судить об этом только тогда, когда слово будет сопровождаться делом и выяснится нечто определенное как относительно остального, о чем шла речь, так и относительно нашего мнения, что такая борьба значительно больше других движений действительно родственна бою. Особенно же станет ясным, что борьбой надо заниматься ради войны, но не следует изучать ратное дело ради борьбы.

Клиний. Это-то очень верно.

Афинянин. Пока ограничимся сказанным о значении борьбы. Что же касается всех прочих движений тела — бо́льшую их часть
e правильно было бы назвать своего рода пляской, — то здесь надо различать два рода: первый воспроизводит, с возвышенной целью, движения более красивых тел; второй же воспроизводит, с низменной целью, движения тел безобразных. В свою очередь низ-

менный род пляски распадается на два вида, да и серьезный род — тоже на два. Из видов серьезной пляски один воспроизводит движения красивых тел и мужественной души на войне или в тягостных обстоятельствах, а другой — те движения, с которыми рассудительная душа предается благим делам и умеренным удовольствиям. Такую пляску можно, согласное ее природой, назвать мирной. Воинственную же пляску, противоположную мирной, 815
правильно было бы назвать «пиррихой».[30] Путем уклонений и отступлений, прыжков в высоту и пригибаний она воспроизводит приемы, помогающие избегнуть ударов и стрел; пытается она воспроизводить и движения противоположного рода, пускаемые в ход при наступательных действиях, то есть при стрельбе из лука, при метании дротика и при нанесении различных ударов. Когда подражают движениям хороших тел и душ, правильным b
будет прямое и напряженное положение тела с устремлением всех членов тела, как это по большей части бывает, прямо вперед; противоположное же этому положение тела неправильно. В свою очередь при любой мирной пляске надо обращать внимание, правильно ли и не вопреки ли природе берется кто за эту прекрасную пляску и должным ли образом проводит он время в хороводах законопослушных мужей. Стало быть, прежде всего следует отделить сомнительный вид пляски от пляски, не вызывающей никаких сомнений. Какой же будет эта последняя и по какому при- c
знаку надо отделить один ее вид от другого? Что касается вакхической пляски и примыкающих к ней других видов, называемых плясками нимф, панов, силенов и сатиров, где, как считается, подражают тем, кто захмелел, причем справляются эти пляски во время обрядов очищения и некоторых других таинств, то нелегко определить, мирный ли весь этот род пляски или воинственный и какова его цель. Мне кажется, всего правильнее будет определить его так: отделив этот род как от воинственной, так и от d
мирной пляски, мы скажем, что он не имеет отношения к государственной жизни.[31] Поэтому мы и оставим его в покое и перейдем к воинственной и мирной пляскам, что уже, несомненно, наше дело.

То, что относится к невоинственной Музе, когда люди плясками почитают богов и детей богов, составляет один род пляски, он возникает на основе людских представлений о благополучии. В свою очередь мы снова разделили бы его на два вида: первый свойствен людям, избежавшим трудностей и опасностей и достиг- e
шим блага, от него получают большие удовольствия. Второй же вид свойствен людям, сохраняющим и умножающим прежние бла-

га, этот вид несет с собой более спокойные удовольствия, чем пер-
вый. В этих условиях каждый человек производит более или менее
сильные телодвижения в зависимости от того, испытывает он бо-
лее или менее сильное удовольствие. Чем более человек умерен
и более закален в мужестве, тем меньше движений он производит;
816 если же он труслив и не упражнен в рассудительности, то в его
движениях больше изменений и они сильнее. Вообще не всякий
может сохранять свое тело в покое, когда он издает звуки — при
пении ли или при разговоре. Поэтому-то подражание жестам гово-
рящих и породило все в совокупности искусство пляски. Однако
движения у одних из нас бывают складными, у других же совер-
b шаются невпопад. Если вдуматься, то нельзя не одобрить как
многих других древних названий, прекрасно данных согласно
природе, так и того названия, что было дано пляскам людей благо-
получных, но умеренных в своих удовольствиях. Как верно и
изящно назвал их тот — кто бы он ни был, — который с полным
основанием дал всякой такой пляске название «эммелия»![32] Он
установил два вида прекрасных плясок: первый, военный, — «пир-
c риха» и второй, мирный, — «эммелия»; каждому виду он дал под-
ходящее и подобающее ему название.

Законодатель должен на примерах растолковать характер этих
плясок. И страж законов должен их придумывать, а придумав,
соединять с остальными видами мусического искусства и распре-
делять между всеми праздничными жертвоприношениями, на
пользу каждому празднеству. Так он должен их все по порядку
освятить, чтобы впредь уже ничего не менять ни в пляске, ни в пе-
нии и чтобы одно и то же государство и те же самые граждане про-
d водили время в одних и тех же удовольствиях, оставаясь, сколь
возможно, себе подобными и живя хорошо и счастливо.

Итак, мы покончили с разбором того, какими должны быть хо-
роводные пляски людей, прекрасных телом и благородных душой.
Что же касается возбуждения смеха и шуточного подражания
в слове, пении и пляске действиям людей, безобразных телом и
со скверным образом мыслей, то это еще нужно рассмотреть
и объяснить.

В самом деле, без смешного нельзя познать серьезного;[33] и во-
e обще противоположное познается с помощью противоположного,
если только человек хочет быть разумным. Зато одновременно
осуществлять то и другое невозможно, если опять-таки человек
хочет быть хоть немного причастным добродетели. Но именно
потому-то и надо ознакомиться со всем этим, чтобы по неведению
не сделать и не сказать когда-то совершенно некстати чего-то

смешного. Подобные подражания надо предоставить рабам и чужеземным наемникам. Никогда и ни в коем случае не следует заниматься этим серьезно; свободные люди — мужчины ли или женщины — не должны обнаруживать подобных познаний. То, что здесь воспроизводится, постоянно должно казаться новым. Следовательно, вот этот закон и в таком выражении мы и установим относительно смешных забав, называемых всеми нами 817
комедией.

Что же касается творцов трагедий, считающихся серьезными, то, если кто из них, придя, задаст такой вопрос: «Чужеземцы, приходить ли нам в ваше государство и в вашу страну или нет? Вводить ли нам у вас свои произведения? Или вы приняли иное решение?» — какой ответ мы были бы вправе дать божественным этим людям? Мне кажется, такой. «Достойнейшие из чужеземцев, — b
сказали бы мы им, — мы и сами — творцы трагедии, наипрекраснейшей, сколь возможно, и наилучшей. Ведь весь наш государственный строй представляет собой подражание самой прекрасной и наилучшей жизни. Мы утверждаем, что это и есть наиболее истинная трагедия. Итак, вы — творцы, мы — тоже творцы. Предмет творчества у нас один и тот же. Поэтому мы с вами соперники и по искусству, и по состязанию в прекраснейшем действе. Один лишь истинный закон может по своей природе завершить наше дело; на c
него у нас и надежда. Так не ожидайте же, что когда-нибудь мы так легко позволим вам раскинуть у нас на площади шатер и привести сладкоголосых артистов, оглушающих нас звуками своего голоса; будто мы дадим вам витийствовать перед детьми, женщинами и всей чернью и об одних и тех же занятиях говорить не то же самое, что говорим мы, но большей частью даже прямо противоположное. В самом деле, мы — да и все государство в целом, — пожалуй, совершенно сошли бы с ума, если бы предоставили вам d
возможность делать то, о чем сейчас идет речь, если бы должностные лица не обсудили предварительно, допустимы ли и пригодны ли ваши творения для публичного исполнения или нет. Поэтому теперь вы, потомки изнеженных Муз, покажите сначала правителям ваши песнопения для сравнения с нашими. Если они окажутся такими же или если ваши окажутся даже лучшими, мы дадим вам хор. В противном случае, друзья мои, мы этого никогда не сможем сделать».[34]

Итак, относительно хоровых плясок и обучения им пусть бу- e
дут, если вы согласны, установлены законами именно эти обычаи — отдельно для рабов, отдельно для господ.

Клиний. Как же нам с этим не согласиться?!

Обучение арифметике и астрономии

Афинянин. Итак, для свободных людей остаются еще три предмета обучения: счет и арифметика составляют один предмет; измерение длины, плоскости и глубины — второй; третий касается взаимного движения небесных светил
818 и свойственных их природе круговращений. Трудиться над доскональным изучением всего этого большинству людей не надо, но только лишь некоторым. Кому же именно — об этом у нас пойдет речь потом, под самый конец: там это будет уместнее. Однако правильно говорится, что позорно, если большинство людей не имеют необходимых сведений в этой области и пребывают в невежестве; вдаваться же здесь в подробные изыскания нелегко, да и вообще невозможно. Но необходимое отбрасывать здесь нельзя. Тот, кто
b первым пустил в ход поговорку о боге, а именно что бог никогда не борется с необходимостью, имел, надо думать, в виду божественную необходимость.[35] Если же дело идет о человеческих необходимостях — а ведь именно это имеет в виду большинство людей, высказывая такое суждение, — то подобное утверждение будет самым нелепым из всех.

Клиний. Какие же из необходимостей при обучении, чужеземец, будут не человеческими, а божественными?

Афинянин. По-моему, это те, без осуществления, а также
c усвоения которых решительно никто не стал бы для людей богом, даймоном или героем и не смог бы ревностно печься о людях. Многого недостает человеку, чтобы стать божественным, если он не может распознать, что такое единица, два, три и вообще, что такое четное и нечетное; если он вовсе не смыслит в счете; если он не в состоянии рассчитать ночь и день; если он ничего не знает об об-
d ращении Луны, Солнца и остальных звезд. Поэтому большая глупость думать, будто все это не суть необходимые познания для человека, собирающегося обучиться хоть чему-нибудь из самых прекрасных наук.[36] Прежде всего надо надлежащим образом определить, чему именно из этого, в каком объеме и когда надо обучаться, в какой последовательности — вместе или отдельно от прочего, — словом, каково должно быть сочетание изучаемых предметов. Только после этого можно перейти к остальному, руководствуясь при обучении перечисленными науками. Так утверж-
e дает свои природные права необходимость, с которой, как мы говорим, ныне не борется — и никогда не будет бороться — ни один из богов.

Клиний. Кажется, чужеземец, эти твои слова правильны и согласны с природой.

Афинянин. Так обстоит дело, Клиний. Однако трудно устанавливать законы после того, как мы заранее выдвинули все это. Если угодно, мы в другое время подробнее этим займемся.

Клиний. Кажется, чужеземец, ты опасаешься, что мы невежественны в подобных вопросах. Но твои опасения неосновательны. Попытайся же высказаться, ничего не утаивая по этим причинам.

Афинянин. Да, я опасаюсь и того, о чем ты сейчас говоришь, но 819
еще более боюсь я людей, прикоснувшихся к этим наукам, но прикоснувшихся плохо. Полное невежество вовсе не так страшно и не является самым великим из зол, а вот многоопытность и многознание, дурно направленные, — это гораздо более тяжелое наказание.[37]

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Итак, надо сказать, что свободные люди должны обучаться каждой из этих наук в таком объеме, в каком им обуча- b
ется наряду с грамотой великое множество детей в Египте.[38] Прежде всего там нашли простой способ обучения детей счету, во время обучения пускаются в ход приятные забавы: яблоки или венки делят между бóльшим или меньшим количеством детей, сохраняя при этом одно и то же общее число; устанавливают последовательность выступлений и группировку кулачных бойцов и борцов; определяют по жребию, как это обычно бывает, кому с кем стать в пару. Есть еще и такая игра: складывают в одну кучу сосуды — золотые, бронзовые, серебряные и из других сходных материалов — столько, чтобы при разделе было целое число, и, как я ска- c
зал, в процессе игры происходит необходимое ознакомление с числами. Для учеников это полезно, так как пригодится в строю при передвижениях, перестройках и даже в хозяйстве. Вообще это заставляет человека приносить больше пользы самому себе и делает людей более бдительными. Кроме того, путем измерения дли- d
ны, ширины и глубины люди освобождаются от некоего присущего всем им от природы смешного и позорного невежества в этой области.

Клиний. О каком невежестве ты говоришь?

Афинянин. Друг мой Клиний, я и сам был удивлен, что так поздно узнал о том состоянии, в котором все мы находимся. Мне показалось, что это свойственно не человеку, но скорее каким-то свиньям. И я устыдился не только за самого себя, но и за всех эллинов. e

Клиний. Объясни, чужеземец, что ты этим хочешь сказать.

Афинянин. Хорошо, объясню. Впрочем, это выяснится, если я буду тебе задавать вопросы, а ты будешь отвечать, но только кратко. Ты знаешь, что такое длина?

Клиний. Да.

Афинянин. А ширина?

Клиний. Конечно, знаю.

Афинянин. А также и то, что это составляет два [измерения], третьим же [измерением] будет глубина?

Клиний. Разумеется, так.

Афинянин. Не кажется ли тебе, что все это соизмеримо между собой?

Клиний. Да.

Афинянин. А именно что по самой природе возможно измерять
820 длину длиной, ширину — шириной и точно так же и глубину?

Клиний. Вполне.

Афинянин. А если бы оказалось, что это возможно лишь отчасти, поскольку кое-что несоизмеримо ни полностью, ни чуть-чуть, ты же считаешь все соизмеримым, — в какое положение, по-твоему, ты бы попал?

b *Клиний.* Ясно, что в незавидное.

Афинянин. Так что же? Разве все мы, эллины, не полагаем, что длина и ширина так или иначе соизмеримы с глубиной или что ширина и длина соизмеримы друг с другом?

Клииий. Да, именно так мы полагаем.

Афинянин. И вот если снова окажется, что это никоим образом невозможно, между тем как, повторяю, все мы, эллины, полагаем, что это возможно, то разве это не достаточная причина, чтобы устыдиться за всех них? Разве не стоит сказать им: «Лучшие из эллинов, это и есть одна из тех вещей, не знать которые, как мы сказали, позорно; впрочем, такое знание, коль скоро оно необходимо, еще не есть что-то особенно прекрасное».

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Кроме этого есть и другие родственные этим вещи,
c в отношении которых у нас возникает опять-таки много заблуждений, сродных первым.

Клиний. Какие же это вещи?

Афинянин. Это причины, по которым, согласно природе, возникает соизмеримость и несоизмеримость. Необходимо иметь их в виду и различать, иначе человек будет совсем никчемным. Надо постоянно указывать на это друг другу. Таким образом люди проводили бы время гораздо приятнее, чем старики при игре в шашки: ведь старикам прилично, состязаясь в этой игре, коротать свое время.

d *Клиний.* Возможно. Итак, по-видимому, игра в шашки не столь далеко отстоит от этих наук?[39]

Афинянин. Поэтому-то, Клиний, я и утверждаю, что молодые люди должны этому обучаться. В самом деле, это не приносит вреда и нетрудно, обучение, сопряженное с игрой, будет полезно и ничуть не повредит нашему государству. Впрочем, надо выслушать, нет ли каких возражений?

Клиний. Да, надо.

Афинянин. Если обнаружится, что дело обстоит именно так, то ясно, что мы примем это; если же окажется, что это не так, это будет отвергнуто.

Клиний. Ясно. Как же иначе? e

Афинянин. Итак, чужеземец, постановим это, так как предмет этот относится к числу тех наук, которые обязательно должны изучаться, чтобы не было пробелов в наших законах. Но только пусть это будет принято в государственное устройство как некий вклад, который может быть вновь изъят из всего государства, если это вовсе не понравится ни нам, учредителям, ни вам, для кого это учреждено.

Клиний. Твой закон справедлив.

Афинянин. После этого рассмотрим, будет ли соответствовать нашим желаниям или не будет, чтобы молодежь изучала упомянутую науку о звездах?

Клиний. Продолжай.

Афинянин. Тут положение очень странное и совершенно недопустимое.

Клиний. В чем же дело? 821

Афинянин. Мы говорим, будто не следует заниматься суетными изысканиями и исследованиями относительно верховного божества и всего космоса в целом, а также не надо доискиваться причин, ибо это будто бы нечестиво. Но по-видимому, в действительности дело обстоит как раз наоборот.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. То, что я скажу, покажется, пожалуй, неожиданным и неподходящим для старика. Однако если находишь какую-нибудь науку прекрасной, истинной, полезной для государства и вполне любезной богу, то никак невозможно это не высказать. b

Клиний. Естественно. Но найдем ли мы что-либо подобное в науке о звездах?

Афинянин. Друзья мои, ныне, сказал бы я, все мы, эллины, заблуждаемся относительно великих богов — Солнца и Луны.

Клиний. В чем же состоит это заблуждение?

Афинянин. Мы говорим, что они никогда не движутся одним и тем же путем, так же как и некоторые другие звезды, и потому мы их называем блуждающими.[40]

c *Клиний.* Клянусь Зевсом, чужеземец, ты говоришь правильно. Однако я в своей жизни нередко наблюдал, как Утренняя звезда, Вечерняя[41] и некоторые иные никогда не совершают бега по тому же пути, но блуждают повсюду; Солнце же и Луна проделывают то, что нам всем постоянно известно.

Афинянин. Поэтому-то, Мегилл и Клиний, я утверждаю сей-
d час, что наши граждане и молодые люди должны узнать все это о небесных богах хотя бы в таком объеме, чтобы не поносить их, но всегда славословить при жертвоприношениях и сохранять благочестие в молитвах.

Клиний. Это верно, если только прежде всего возможно узнать то, о чем ты говоришь. Затем, раз мы кое в чем ошибаемся относительно этих богов, обучившись же, перестанем делать ошибки, то и я уступаю тебе в том, что подобную науку надо усвоить по крайней мере в таком объеме. А ты попытайся всячески растолковать нам, что дело действительно обстоит таким образом. Усвоив это, мы за тобой последуем.

e *Афинянин.* Хотя и нелегко понять, о чем я говорю, однако и не так уж трудно. Да и времени это не требует особенно долгого. Вот вам доказательство: немолодым и не так давно узнал я об этом, однако я мог бы теперь объяснить это вам, и притом за короткое время. А ведь будь это трудно, я никогда не сумел бы объяснить это вам, учитывая мои и ваши преклонные годы.

822 *Клиний.* Это верно. Но о какой науке говоришь ты такие странные вещи? Ей должна обучаться молодежь, между тем как нам она неизвестна? Попробуй хоть немного разъяснить это.

Афинянин. Надо попробовать. Друзья мои, это мнение о блуждании Луны, Солнца и остальных звезд неправильно. Дело обстоит как раз наоборот. Каждое из этих светил сохраняет один и тот же путь; оно совершает не много круговых движений, но лишь одно. Это только кажется, что оно движется во многих направлениях. Опять-таки неверно считать самое быстрое из этих светил
b самым медленным, а самое медленное — самым быстрым.[42] Природа устроила это по-своему, а мы держимся иного мнения... Если бы в Олимпии при конных ристаниях или при состязании людей в длинном пробеге мы держались подобного образа мыслей и считали бы самого быстрого бегуна самым медленным, а самого медленного — самым быстрым, то мы стали бы воздавать побежденному хвалу за победу. Я думаю, было бы неправильно и неприятно для бегунов, если бы мы стали так раздаривать наши хвалы, а ведь
c бегуны — только люди. Если же мы и по отношению к богам впадем в такую ошибку, то разве мы не сообразим, что то, что было

смешно и неправильно в первом случае, окажется вовсе не смешным теперь, когда речь идет о богах. Богам неприятно, если мы поем им ложную славу.

Клиний. Несомненно, если дело обстоит так.

Афинянин. Следовательно, если мы докажем, что дело обстоит именно так, то все подобные науки надо будет изучать хотя бы в таком объеме. Если же мы этого не докажем, то придется эти науки оставить. Пусть так и будет у нас постановлено.

Клиний. Безусловно. d

Законы об охоте

Афинянин. Итак, надо сказать, что мы покончили с законами по поводу преподавания наук. Об охоте и всех подобных вещах надо судить таким же образом. Обязанность законодателя может оказаться шире, и он не должен, дав законы, считать свою задачу выполненной. Кроме законов есть и нечто иное, занимающее по своей природе среднее место между наставлением и законом. Это иное уже часто вторгалось в нашу беседу: таким, например, был вопрос о воспитании e
малолетних детей. Мы утверждаем, что нельзя оставить это невысказанным, но, с другой стороны, считать все, что мы выскажем, установленными законами значило бы преисполниться великого безумия. После того как определенным образом будут намечены законы и весь государственный строй, все же нельзя будет считать совершенной похвалой выдающемуся своей добродетелью гражданину, если о нем скажут, что он лучше всех служит законам и больше всех им повинуется и, следовательно, он — хороший человек. Более совершенным будет такой отзыв: «Вот человек, проводящий всю свою жизнь в повиновении законодателю, все равно, даны ли его предписания в виде законов или же только в виде 823
одобрения и порицания». Это будет самым точным выражением похвалы гражданину. Действительно, законодатель должен не только начертать законы, но и, кроме того, включить в свой набросок мнение о том, чтó прекрасно и чтó нет. А образцового гражданина это должно обязывать ничуть не меньше, чем предписания, за неисполнение которых законы грозят наказанием.

Мы можем сослаться на то, чем мы теперь заняты. Это скорее всего выяснит наше намерение. Охота — это нечто очень разнооб- b
разное, но в наше время все это охватывает одно название. Есть много видов охоты на водяных животных, много видов охоты на птиц, а также очень много видов охоты на сухопутных зверей. Впрочем, охота может быть не только на зверей, но и на людей, как это бывает на войне. Ведь и это заслуживает, если вдуматься, названия охоты. Много есть видов охоты, вызванных любовью: одни

из них похвальны, другие — нет. Далее, грабежи, как разбойни-
c ков, так и одного войска другим, — это тоже виды охоты. Законодателю, издающему законы об охоте, нельзя не выяснить это, но, с другой стороны, невозможно для всего этого установить грозные законы и добавить к ним различные распоряжения и наказания.

Как же поступить в этих случаях? Одному, то есть законодателю, следует выразить свое одобрение или порицание трудам и занятиям молодежи, касающимся охоты; с другой стороны, молодому человеку следует выслушать его указания и повиноваться им, чему не должны препятствовать ни удовольствия, ни труд-
d ности; в особенности следует уважать и выполнять то, что одобрено и предписано законодателем, — больше, чем постановления, сопровождаемые угрозами наказания.

После такого предисловия уместно было бы прямо перейти к одобрению или порицанию тех или иных видов охоты.[43] Заслуживает одобрения тот вид охоты, который совершенствует души юношей; порицания же заслуживает противоположный вид. Затем обратимся к молодым людям с таким пожеланием: «О, если бы,
e друзья, вас никогда не охватывала страстная жажда морской охоты, уженья рыбы, вообще охоты на водных животных, совершается ли это безделье днем или ночью, с помощью верши! И пусть не охватывает вас стремление к ловле людей и морскому разбою, которое сделало бы из вас жестоких и беззаконных охотников! Пусть вам в голову не приходит даже отдаленная мысль заняться воровством в своей стране и в своем государстве. Пусть никого из моло-
824 дых людей не охватит лукавая страсть к охоте на птиц, совсем не подходящая свободнорожденному человеку. Нашим любителям состязаний остается только охота и ловля наземных животных; однако и здесь недостойна похвалы так называемая ночная охота, во время которой лентяи поочередно спят, а также и та охота, где допускаются передышки и где побеждает не сила трудолюбивого духа, а тенета и силки, с помощью которых побеждают силу диких животных. Стало быть, остается лишь один наилучший для всех вид охоты — конная и псовая охота на четвероногих животных; в ней люди применяют силу своего тела; те, кто печется о божественном мужестве, одерживают там верх; они несутся вскачь, наносят удары, стреляют из лука и собственными руками ловят добычу».

Слово наше может служить похвалой и порицанием всем этим видам охоты, закон же будет такой: этим в самом деле священным охотникам пусть никто не препятствует заниматься где и как угод-

но псовой охотой. Ночному же охотнику, полагающемуся на свои тенета и западни, пусть никто никогда и нигде не позволяет охоту. Птицелову пусть не мешают охотиться в бесплодных местах и в горах, но первый встречный пусть прогонит его с обрабатываемых священных земель. Рыбаку дозволяется ловить рыбу везде, за исключением гаваней, священных рек, озер и прудов, лишь бы он не употреблял смеси соков, мутящих воду.

Теперь можно утверждать, что законы об обучении пришли к концу.

Клиний. Прекрасно.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Прочие узаконения (празднества, военные, мусические и гимнастические состязания)

Афинянин. После этого надо перейти к уч- 828
реждению и празднеств с помощью Дельфийских прорицаний; надо определить, какие жертвоприношения и каким богам будут полезнее и лучше для государства, в какое время надо их совершать и в каком количестве. Наше дело также, пожалуй, установить здесь некоторые законы.

Клиний. По крайней мере мы должны установить количество праздников.

Афинянин. Итак, прежде всего определим их количество.
Пусть празднеств будет не менее трехсот шестидесяти пяти, чтобы b
всегда какое-нибудь одно должностное лицо совершало жертвоприношение какому-нибудь богу или даймону за государство, за граждан и за их достояние. Пусть толкователи, жрецы, жрицы и прорицатели соберутся вместе со стражами законов и определят то, что неизбежно пропустит законодатель. Потому-то им и надо знать толк во всем том, что законодателем было пропущено. Закон
же гласит так: пусть будет двенадцать празднеств в честь двенад- c
цати богов, имена которых носят двенадцать фил. Каждому из этих богов пусть совершаются ежемесячные жертвоприношения; пусть устраиваются хороводы и мусические состязания; что же касается гимнастических состязаний, то их надо добавить положенным образом, соответственно всем этим богам и временам года. Надо определить, на какие женские празднества не допускаются мужчины, а на какие допускаются. Кроме того, почитание подземных богов не следует смешивать с почитанием богов, которых следует назвать небесными, и их спутников. Напротив, это надо раз-

граничить, и почитание подземных божеств приурочить к двенад-
d цатому месяцу — месяцу Плутона.[1]

Воины не должны питать отвращения к этому богу; нет, им
надо его почитать, ведь это во всех отношениях самый благой бог
для человеческого рода. В самом деле, общность души и тела ни-
чуть не лучше их разобщения,[2] я это серьезно готов утверждать.
К тому же тем, кто потом внесет здесь должное разграничение,
надо поразмыслить о том, что в смысле досуга и необходимых для
жизни средств едва ли кто отыщет среди существующих теперь го-
829 сударств другое такое, как наше. Поэтому государство наше, как и
любой отдельный в нем человек, должно жить счастливо, а те, кто
счастливо живет, по необходимости должны прежде всего не оби-
жать друг друга и не подвергаться обидам со стороны других. Пер-
вое из двух этих условий не столь уж трудное, но очень трудно об-
ладать такой силой, чтобы не подвергаться обидам. Достичь этого
полностью возможно не иначе как став совершенно добродетель-
ным. Точно так же бывает и с государством: у государства, став-
шего добродетельным, жизнь бывает мирной, а у государства
порочного — мятежной вовне и внутри. И раз дело обстоит таким
b образом, каждый должен упражняться в войне не на войне, а в
мирной жизни. Поэтому разумное государство должно уделять во-
инским упражнениям в лагерях каждый месяц не меньше одного
дня, лучше же — больше, если так решат правители; при этом не
надо бояться ни холода, ни жары. Если правители решат устраи-
вать эти упражнения всенародно, то граждане должны выходить
на них со своими женами и детьми; в других случаях в упражне-
ниях будет участвовать только часть граждан. С жертвоприноше-
ниями надо объединять приятные забавы; надо, чтобы при этом
c происходили торжественные бои, по возможности наглядно вос-
производящие настоящие. Для каждого отдельного состязания
надо установить победные награды и отличия. Граждане будут
восхвалять друг друга или порицать, смотря по тому, каким кто
себя выкажет на состязаниях да и вообще в своей жизни. Того, кто
будет признан самым лучшим, будут увенчивать, а самого худше-
го подвергать порицанию. Не всякий поэт будет иметь право вос-
певать эти подвиги; прежде всего он должен иметь не менее пяти-
десяти лет от роду и не должен принадлежать к числу тех, кто хотя
и обрел в себе поэтический дар, однако никогда не совершил ни
одного прекрасного поступка. Пусть поются, хоть и не очень
складные, сочинения тех поэтов, что и сами по себе хорошие
d люди, и пользуются почетом в государстве за мастерство в пре-
красных делах. Суждение об этих поэтах должен иметь воспита-

тель и остальные стражи законов; лишь таким поэтам предоставят они как почетный дар полную свободу для сочинительства, остальных же поэтов лишат этой возможности полностью. Никто не осмелится воспевать презренную Музу, не получившую одобрения стражей законов, даже если он будет петь слаще Орфея или Фамиры.[3] e
Допускаются лишь сочинения в честь богов, признанные священными, и хвалы либо порицания, составленные добродетельными людьми, поскольку будет признана их сообразность.

То, что я говорил о воинской службе и о свободе сочинительства, должно одинаково касаться как мужчин, так и женщин. Законодателю надо все это взвесить и рассуждать про себя так: «Прекрасно, государство-то я устроил, но какими должен я воспитать его граждан? Разве не борцами в величайшем сражении, где у них будет много тысяч противников?» «Конечно, так», — правильно 830
было бы на это ответить. «Так что же? Если бы мы воспитывали кулачных бойцов, панкратистов и тому подобных борцов, неужели мы вышли бы на состязание, ни разу перед тем ни с кем не сразившись? Или раз уж мы кулачные бойцы, то мы задолго до состязания в течение многих дней будем учиться сражаться и приложим много трудов, чтобы усвоить все те приемы, что пригодятся нам b
потом для победы? Научимся подражать им как можно лучше: вместо ремней мы наденем на руки шары, чтобы как можно лучше изучить удары и способы их отражения. Если у нас будет недостаток в товарищах по гимнастике, то мы станем упражняться, заменив противника подвешенным неодушевленным чучелом. Неужели же мы не осмелимся сделать это, убоясь смеха неразумных людей? Наконец, если у нас не будет живых противников и никаких неодушевленных предметов, если нам придется упражняться c
в пустыне, разве не посмеем мы это делать наедине, в самом деле борясь уже со своей тенью? Разве нельзя сказать, что так и бывает, когда мы привыкаем к различным движениям рук?»

Клиний. Пожалуй, чужеземец, дело обстоит именно так, как ты сейчас сказал.

Афинянин. Что же? Хуже ли этих борцов будет подготовлено воинство нашего государства? Во всяком случае оно в любое время отважно двинется в самый тяжелый бой, сражаясь за жизнь, за детей, за имущество и за все государство. Поэтому законодатель не убоится того, что подобные упражнения по двое могут показаться кому-то смешными; напротив, он предпишет еще и каждо- d
дневные небольшие походы, пусть без оружия, и приспособит к этому хороводы и всю вообще гимнастику. Он предпишет также гимнастические упражнения, более или мерее тяжелые, не реже

чем раз в месяц. По всей стране граждане должны будут вступать
друг с другом в борьбу, борясь за захват каких-нибудь мест, устра-
e ивая засады и вообще подражая военным действиям. Они будут
метать ядра и пускать стрелы, по возможности подобные настоя-
щим, пользуясь не совсем безопасными снарядами, чтобы это
была не просто безопасная взаимная забава, но присутствовал бы
и страх, тогда обнаружится, у кого есть присутствие духа, а у кого
нет. Первым оказывается почет, вторые же предаются бесчестью.
831 Таким образом, все государство, пока оно существует, все время
должным образом подготовляется к настоящему бою. Если при
этом кто-нибудь даже лишится жизни, то, поскольку убийство
произошло невольно, руки убийцы считаются чистыми, после того
как он по закону совершит очищение. Законодатель держится того
мнения, что смерть немногих людей будет восполнена рождением
других, притом не худших, чем были погибшие. Если же исключить
здесь страх, то нельзя будет найти средство отличать лучших людей
от худших, а это будет для государства значительно большей бедой.

b *Клиний.* По крайней мере, чужеземец, мы готовы согласиться, что всякое государство должно установить законом все эти упражнения и превратить занятия ими в обычай.

Афинянин. Неужели же все мы так и не поняли, почему хоровые пляски и все подобные состязания почти совсем не в ходу в теперешних государствах — разве лишь в крайне ничтожных размерах? Не из-за невежества ли большинства людей и тех, кто устанавливает для них законы?

Клиний. Весьма возможно.

Афинянин. Нет, вовсе нет, дорогой Клиний. Надо сказать, что тут есть две вполне достаточные причины.

c *Клиний.* Какие?

Афинянин. Первая заключается вот в чем: из-за страсти к бо-
гатству, поглощающей весь досуг, люди не заботятся ни о чем,
кроме своего собственного достатка. Душа всякого гражданина
привязана к этому и больше уже ни о чем не заботится, кроме как о
каждодневной выгоде. Всякий про себя полон готовности изучить
те науки и те занятия, что ведут к этой цели, все же прочее у них
подвергается осмеянию. Это и следует признать одной из причин,
почему государства не желают серьезно вводить как упомянутые
d обычаи, так и вообще любой другой достойный обычай. Из нена-
сытной страсти к золоту и серебру всякий готов прибегнуть к лю-
бым уловкам и средствам, достойные ли они или нет, лишь бы
разбогатеть. Благочестив ли поступок или нечестен и безусловно
позорен, это его не трогает, лишь бы только обрести обильную

пищу, питье и, словно зверь, предаваться всевозможному сладострастию. e

Клиний. Верно.

Афинянин. Следовательно, то, о чем я говорю, и есть одна из причин, не дающих государствам развивать хорошие навыки в чем бы то ни было, в том числе и в военном искусстве. Из людей, по природе своей вообще-то порядочных, она создает купцов, корабельщиков, всевозможных прислужников; из храбрецов — разбойников, подкапывателей стен, святотатцев, драчунов и тиранов; иной раз они даже вовсе не плохи, но так уж им не посчастливилось. 832

Клиний. Как ты говоришь?!

Афинянин. Да как же не назвать их совсем несчастными, если всю свою жизнь они обречены на душевную нищету и ненасытность?

Клиний. Итак, это одна из причин. Что же ты считаешь второй, чужеземец?

Афинянин. Хорошо, что ты мне напомнил.

Клиний. Первая причина, по твоим словам, состоит в постоянной и ненасытной алчности; при этом всякому недосуг да и трудно упражняться как должно в военном деле. Пусть так. Укажи, какая b
же вторая причина.

Афинянин. Уж не думаешь ли ты, что я в затруднении и потому медлю ее назвать?

Клиний. Нет. Но мне кажется, что, когда речь зашла о ненавистных тебе нравственных свойствах, ты более, чем дóлжно, подверг их бичеванию.

Афинянин. Ваш упрек, чужеземцы, вполне справедлив. Все-таки выслушайте и следующее.

Клиний. Говори, говори.

Афинянин. Я утверждаю — и говорил об этом не раз в предшествующей беседе, — что причиной служит также и государственный строй: демократический, олигархический, тиранический. Впрочем, ни то, ни другое, ни третье не есть даже государственный строй (πολιτεία), все это скорее может быть названо длитель- c
ной междоусобицей (στασιωτεία), ибо ни одно из этих устройств не принимается добровольно, но держится постоянным насилием и произволом, подавляющим волю подданных. Властитель же, опасаясь своих подданных, добровольно никогда не допустит, чтобы они стали достойными, богатыми, сильными, мужественными и вообще сведущими в ратном деле. Таковы две главные причины почти всех бед, в особенности же того, о чем мы упоми-

нали. Однако ни той, ни другой причине нет места в том государстве, о котором у нас идет речь и для которого мы устанавливаем законы. У граждан там будет величайший досуг; они не будут зависеть друг от друга; думаю, что при наших законах они совсем не
d будут сребролюбивыми. Поэтому только такое государственное устройство из всех существующих ныне, естественное и одновременно разумное, сможет осуществить то воспитание, о котором мы говорили, и те военные забавы, обсуждение которых мы правильно завершили в нашей беседе.

Клиний. Прекрасно.

Афинянин. Вслед за этим разве не надо упомянуть о гимнастических состязаниях? Поскольку некоторые из них пригодны для ратного дела, в них должны быть установлены победные награ-
e ды; остальные же состязания придется оставить. О каких именно состязаниях идет речь, лучше сказать заранее и подтвердить законом. Прежде всего, что касается состязаний в беге на скорость, разве их не следует допустить?

Клиний. Конечно, следует.

Афинянин. В самом деле, подвижность тела, в частности ног и рук, имеет первостепенное значение в воинском деле. Скорость ног пригодится при бегстве, а также преследовании; при рукопаш-
833 ных схватках требуется крепость и сила рук.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Однако без оружия от всего этого немного пользы.

Клиний. Еще бы.

Афинянин. Прежде всего у нас глашатай на состязаниях, как это делают и теперь, станет вызывать бегуна на ристалище. Тот выйдет с оружием: для состязающихся без оружия мы не установим наград. Первым выйдет тот, кто примет участие в одинарном пробеге с оружием; вторым — состязающийся в двойном пробеге; третьим — состязающийся в беге на конной дистанции; четвер-
b тым — состязающийся в длинном пробеге; пятого же мы сначала выпустим вооруженным на дистанцию в шестьдесят стадий[4] по направлению к святилищу Ареса; следующему же, дав ему имя гоплита и вооружив тяжелее, предложим более ровный путь; еще один стрелок в полном своем уборе пусть состязается в беге на сто стадий по гористой местности в направлении к святилищу Аполлона и Артемиды. Начав это состязание, мы будем ожидать их воз-
c вращения и каждому из победивших дадим награду.

Клиний. Прекрасно.

Афинянин. Мы разделим эти состязания на три разряда: первый разряд будет для мальчиков, второй — для юношей, третий —

для взрослых мужчин. Юношам мы назначим две трети пробега;
мальчикам — половину двух третей, и они выступят в состязании
как стрелки и гоплиты. Что касается женщин, то для не достигших
зрелости девушек мы установим одинарный пробег, двойной про-
бег на конной дистанции, длинный пробег — все это без оружия.
Девушки с тринадцати лет вплоть до замужества, то есть не более d
как до двадцати лет, но и не менее чем до восемнадцати, будут вы-
ходить на эти состязания одетые надлежащим образом.

Пусть таким образом будут устроены состязания в беге муж-
чин и женщин. Что касается состязаний в силе, то вместо борьбы
и других принятых теперь тяжелых упражнений будет введен бой
с оружием: один на один, два против двух и так далее — до десяти
против десятерых. Что касается приемов и нападения и защиты,
ведущих к победе, то точно так же, как для борьбы теми, кто ею ве- e
дает, устанавливается, что считать правильным, а что нет, так и
для боя с оружием установление правил надо поручить тем, кто
в нем отличился. Они установят условия победы и поражения, до-
пустят те или иные приемы нападения и защиты. То же самое отно-
сится и к состязаниям женщин до их замужества. Кулачные бои
для них следует заменить полными состязаниями пелтастов с при- 834
менением стрел, легких щитов, дротиков, пращей или ручного ме-
тания камней. Относительно всего этого надо также установить
правила. Кто лучше всех будет их соблюдать, тот получит почет-
ные дары и награды.

Вслед за этим надо установить правила конных состязаний.
Впрочем, у нас — ведь дело идет о Крите — не будет особой нуж-
ды в конях.[5] Поэтому будет неизбежно меньше забот об их разве- b
дении и о состязаниях в конном пробеге. У нас совсем не будет лю-
дей, разводящих коней для упряжек; следовательно, ни у кого не
будет оснований для подобного рода честолюбия. Устраивать та-
кие несообразные с местными условиями состязания было бы со-
вершенно лишено смысла. Все же мы установим, сообразуясь
с природой страны, состязания для скаковых коней, молочных
жеребят и для тех лошадей, что занимают середину между молоч- c
ными жеребятами и взрослыми конями. Пусть, согласно закону,
между ними устраиваются соревнования и состязания; общее же
суждение обо всех пробегах и соревнованиях с оружием будет
принадлежать филархам и гиппархам. А невооруженным было бы
правильно запретить участие как в гимнастических, так и в этих
соревнованиях. Критский же конный стрелок может пригодиться,
то же самое и метатель дротика. Поэтому, для забавы, пусть между d
ними также будет соперничество и состязание. Женщин не стоит

принуждать законами и предписаниями к участию в таких состязаниях. Впрочем, если кто из девочек или девушек благодаря воспитанию к этому привык и природа их это приемлет и не негодует, можно допустить их участие и не следует за это их порицать.

Все связанное с состязаниями и с гимнастическим воспитанием как во время общественных игр, так и при повседневных за-
e нятиях с учителями теперь уже выяснено. Точно так же разобрана
до конца и большая часть того, что относится к мусическому искусству. Правила для рапсодов и всего с ними связанного, а также для соревнований праздничных хоров надо установить впоследствии, когда будут приурочены месяцы, дни и годы к различным богам и их спутникам. Именно тогда и выяснится, дóлжно ли эти состязания устраивать каждые три года или один раз в пять лет, мы будем следовать в этом указаниям, данным нам богами. Надо ду-
835 мать, что тогда будут установлены устроителями состязаний, воспитателем молодежи и стражами законов также разные мусические состязания. Для этого указанные лица соберутся все вместе и сами станут законодателями; они установят, в какое время, какие и в каком составе надо устраивать состязания всевозможных хоров — песенных и плясовых. А какими должны быть в каждом отдельном состязании слова, песни и гармонии, смешанные с рит-
b мами и плясками, это не раз уже было сказано первым законодателем. Того же самого должны придерживаться и все последующие законодатели, чтобы уделять каждому жертвоприношению в надлежащее время подобающие состязания и таким образом установить для государства надлежащие празднества. Нетрудно понять, каким образом все подобные вещи могут быть упорядочены законом; кроме того, различные перестановки не принесут здесь ни особой выгоды, ни вреда государству.

Совместное воспитание мужчин и женщин

Однако в важных вещах убедить чрезвычай-
c но трудно. Всего более это подходит богу,
если бы только было возможно от него самого получить предписания. В наше время для этого, видно, нужен очень отважный человек, который особо бы чтил откровенность и не скрыл бы своего мнения относительно высшего блага для государства и граждан, который установил бы среди людей с порочной душой должные правила поведения, соответствующие всему государственному порядку. Ему пришлось бы восстать против самых сильных страстей; ни один человек не пришел бы ему на помощь; в полном одиночестве он следовал бы одним лишь доводам разума.

Клиний. О чем это опять зашла у нас речь, чужеземец? Мы d
что-то не понимаем.

Афинянин. Это естественно. Впрочем, попытаюсь понятнее
вам это разъяснить. Когда я в своем рассуждении подошел к во-
просу о воспитании, я увидел юношей и девушек в дружественном
общении. И вот, как это и понятно, у меня возник страх при мысли
о том, как может использовать каждый из них такое государствен-
ное устройство. Ведь в нашем государстве юноши и девушки бу-
дут отлично вскормлены, свободны от нудного и унизительного e
труда, который лучше всего усмиряет дерзость; единственной их
заботой в жизни будут жертвоприношения, празднества и хорово-
ды. Каким же образом в таком государстве уберечься им от стра-
стей, ввергающих в крайности многих людей? Между тем доводы
разума велят воздерживаться от этих страстей, причем доводы эти
силятся стать законом. И ничего удивительного, если прежде уста-
новленные обычаи одержат верх над большей частью страстей.
В самом деле, невозможность сильного обогащения послужит не- 836
малым подспорьем для рассудительности. С этой же целью были
даны соответствующие законы для всего воспитания в целом;
тому же служит надзор правителей, обязанных не спускать с моло-
дежи глаз и постоянно оберегать ее. Итак, все это умеряет естест-
венные страсти людей. Но вот из-за влечения мальчиков к девоч-
кам, женщин к мужчинам и мужчин к женщинам проистекают b
несметные беды как для отдельных людей, так и для государств.
Как же от этого уберечься? Какое придумать снадобье в каждом
из этих случаев, чтобы избегнуть подобной опасности? Да, Кли-
ний, это во всех отношениях трудно. В самом деле: во многих дру-
гих вещах весь целиком Крит и Лакедемон оказали нам довольно
большую помощь, дав нам законы, отличные от большинства обы-
чаев. А вот что касается любовных влечений — ведь мы тут одни и
это можно сказать, — Крит и Лакедемон полностью с нами расхо-
дятся. Поэтому верным, пожалуй, было бы слово того человека, c
который одобрил бы, следуя в этом природе, закон, бывший до
Лая.[6] Человек этот рек бы: мужчины не должны сходиться с юно-
шами, как с женщинами, для любовных утех, это правильно; и он
подтвердил бы свои слова указанием на животных, у которых сам-
цы не касаются самцов, так как это противоречит природе. Но это
совсем не подходит вашим двум государствам. В то же время ваши
обычаи не согласуются с тем, что, по нашим словам, обязательно d
должен соблюдать законодатель. В самом деле, мы постоянно
смотрим, какие из установленных нами законов ведут к добродете-
ли, а какие — нет. Допустим, мы установили бы сейчас все эти

вещи законом как прекрасные и совсем не позорные; чем бы способствовало, однако, все это добродетели? Уж не тем ли, что осуществление всего этого вселит в душу человека, покорно давшего склонить себя на подобное дело, дух мужества, а в душу того, кто склонит на это другого, некий род рассудительности? Нет, этому никто никогда не поверит. Скорее совсем наоборот: всякий станет
e осуждать мягкотелость человека, который уступает удовольствиям и не в состоянии им сопротивляться. И разве любой не подвергнет порицанию того человека, который решается на подражание образу женщины? Кто же из людей решится все это возвести в закон? Решительно никто, по крайней мере из тех, кто помышляет об истинном законе. Но как нам убедиться в истинности нашего взгляда? Кто хочет здесь правильно мыслить, тому необходимо
837 рассмотреть природу дружбы, вожделения и вместе с тем того, что называют любовным влечением. В самом деле, трудность и неясность здесь создает то, что одним общим названием охвачены все эти [виды], хотя на самом деле их два, и уж из этих двух возникает особый вид, третий.

Клиний. Как это?

Афинянин. Иногда мы говорим так: подобное дружественно подобному по своим качествам, равное дружественно равному. С другой стороны, и недостаточное мы называем дружественным избыточному, хотя по своей природе оно ему противоположно; когда же то и другое становится очень сильным, мы называем это любовью.

b *Клиний.* Верно.

Афинянин. Итак, дружба, основанная на противоположностях, страшна, дика и редко приводит к общности нас, людей. Дружба же, основанная на сходстве, кротка и едина всю жизнь. В дружбе, возникшей из смешения этих двух видов, прежде всего нелегко распознать, к чему стремится человек, испытывающий этот третий вид влечения. Далее, положение такого человека затруднительно, так как два вида [чувства] влекут его в противоположные стороны: одно побуждает его коснуться цветущей юности, другое ему это
c запрещает. Ведь кто вожделеет тела и алчет цветущей юности, словно созревшего плода, тот стремится ею насытиться; он вовсе не ценит душевных свойств своего возлюбленного. А у кого вожделение к телу является чем-то побочным, тот скорее созерцает, чем вожделеет, так как душой страстно стремится к душе другого и считает бесспорной дерзостью удовлетворять свое тело телом любимого. Он стыдливо чтит рассудительность, мужество, вели-
d кодушие и разумность, и единственное его желание — это всегда

хранить чистоту вместе с таким же чистым своим возлюбленным. Таков этот третий вид влечения, смешанный из тех двух; в качестве третьего вида мы его и разобрали. Но раз есть столько видов влечения, неужто надо их все запретить законом и от них отказаться? Нет, ясно, что мы желали бы, чтобы в государстве нашем бытовал тот вид влечения, который сопряжен с добродетелью и заставляет юношу стремиться к достижению высшего совершенства. А остальные два вида влечения мы запретили бы, если только это возможно. Каково твое мнение, дорогой Мегилл?

Мегилл. Ты, чужеземец, прекрасно все это выразил. e

Афинянин. Очевидно, мой друг, я достиг своей цели — добиться с тобой согласия. Мне не стоит доискиваться, в каком смысле установлен у вас закон относительно всего этого; мне только нужно было добиться твоего согласия с моим рассуждением. А потом я попытаюсь убедить в этом и Клиния, зачаровывая его словами. Пусть же так и будет с вашей легкой руки. Обратимся снова к общему разбору законов.

Мегилл. Ты совершенно прав.

Афинянин. Что касается установления этого закона при нынешних обстоятельствах, то у меня есть один прием, отчасти лег- 838
кий, хотя, с другой стороны, он и очень труден.

Мегилл. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Мы знаем, что и в наше время большинство людей, пусть даже незаконопослушных, с большой тщательностью воздерживаются от общения с красивыми, причем вовсе не против воли, но добровольно.

Мегилл. Что ты говоришь?!

Афинянин. Да вот если у кого окажутся красивые брат или сестра, а также сын или дочь. Здесь, собственно, неписаный закон b
отлично удерживает от тайных и явных связей, а также от всяких иных поползновений. У большинства людей в этих случаях нет даже вожделения к подобного рода связям.

Мегилл. Это правда.

Афинянин. Значит, простое слово гасит подобные удовольствия?

Мегилл. Какое такое слово?

Афинянин. Слово, гласящее, что подобные отношения нечестивы, богопротивны и что они позорнее всего позорного. А причи- c
на здесь та, что никто не высказывает иного мнения; каждый из нас с самого дня рождения всегда и повсюду слышит подобное мнение как в комедиях, так и в трагедиях, где это повторяется со всей серьезностью, когда перед нами выводят Фиестов, Эдипов или же Макареев: Макарей тайно вступил в связь со своей сестрой, а потом,

когда это обнаружили, наложил на себя руки, чтобы искупить свое преступление.[7]

Мегилл. Ты прав, указывая на какую-то странную силу молвы, d раз никто никогда не пробует даже вздохнуть вопреки обычаю.

Афинянин. Значит, мы правильно сказали сейчас, что законодателю легко распознать тот способ, с помощью которого можно подавить какую-то страсть из числа тех, что особенно порабощают людей, надо только сделать всеобщую молву священной для всех — для рабов, для свободных, для женщин, детей и вообще e для всего государства; так законодатель сделает свой закон неколебимым.

Мегилл. Совершенно верно. Надо бы, однако, иметь возможность всем людям вселить желание выражать подобные мнения...

Афинянин. Твое возражение очень метко. Вот именно об этом-то я и говорил, когда заметил, что у меня есть искусный способ для установления закона о том, чтобы соитие, предназначенное для деторождения, происходило лишь сообразно природе. От мужского пола надо воздерживаться и не губить умышленно человеческий род; не надо также ронять семя на скалы и камни, где оно никогда не пустит корней и не получит естественного развития. 839 Надо воздерживаться и от всех тех женщин, на чьей пашне ты не хотел бы, чтобы произрастал твой посев. Этот закон, если он всегда будет действовать и возобладает в той степени, как теперь возобладал закон против сношений с родителями, а также если он справедливо возобладает в отношении всех остальных видов подобных сношений, принесет с собой тысячи благ. Прежде всего он согласен с природой; затем он заставит воздержаться от любовных борений, неистовств, от всякого рода прелюбодеяний, от чрез- b мерного пристрастия к питью и еде; мужей он сделает близкими друзьями их жен. И какое было бы еще множество благ, если бы человек овладел этим законом! Впрочем, возможно, какой-нибудь молодой и крепкий мужчина, отягченный обилием семени, услышав об установлении такого закона, встанет перед нами и, оглашая все своим криком, начнет поносить нас за то, что мы, мол, установили нелепые и невыполнимые узаконения. Так вот, имея в виду c именно это, я и сказал, что прием, которым я располагаю, с одной стороны, самый легкий из всех, с другой же стороны, чрезвычайно трудный в том смысле, чтобы закон этот, будучи установлен, оставался в силе. В самом деле, очень легко сообразить, что этот закон осуществим, а также каким образом это сделать. Мы утверждаем, что достаточно объявить его священным, чтобы он поработил любую душу и вообще заставил человека с ужасом повиноваться

установлениям. Но в настоящее время дело дошло до того, что осуществить это считается невозможным; правда, точно так же не поверили бы в осуществимость обычая, касающегося сисситии, и в то, что все государство в целом все время своего существования d
станет придерживаться такого обычая. Но опровержением здесь служит то, что у вас есть такие сисситии; впрочем, даже в ваших государствах пока считают, что природа женщин не позволяет распространить этот обычай также на них. Именно из-за такого сильного недоверия я и сказал, что невероятно трудно, чтобы обычай этот получил законную силу.

Мегилл. И в этом ты прав.

Афинянин. Хотите, я приведу вам одно сказание, не лишенное правдоподобия, с целью пояснить, что все это не превышает человеческих сил и вполне может быть осуществлено?

Клиний. Конечно, хотим.

Афинянин. Какой человек скорее воздержится от любовных e
утех и согласится умеренно пользоваться ими в установленных законом пределах — тот ли, чье тело в хорошем состоянии и всесторонне развито, или тот, чье тело в плохом состоянии?

Клиний. Гораздо скорее тот, чье тело хорошо развито.

Афинянин. Не правда ли, мы знаем понаслышке, что тарентинец Икк[8] ради Олимпийских игр и других состязаний ни разу не 840
касался ни женщин, ни мальчиков в то время, когда усердно готовился к состязаниям? Причиной здесь было его честолюбие, преданность своему искусству, а также и то, что наряду с рассудительностью он обладал и душевным мужеством. То же самое рассказывают о Крисоне, Астиле, Диопомпе[9] и об очень многих других, хотя души их были воспитаны куда хуже, чем у наших с тобой, Клиний, граждан, а тело их гораздо больше было преис- b
полнено жизненных сил.

Клиний. Да, это правда: то, что древние рассказывают об этих атлетах, действительно было ими совершено.

Афинянин. Что же? Они отважились воздерживаться от того, что большинство называет блаженством, ради победы в борьбе, в беге и других таких состязаниях; так неужели же наши дети не совладают с собой ради гораздо лучшей победы? Чарующую красоту этой победы мы, естественно, станем изображать им с самого c
детства в мифах, изречениях и песнях.

Клиний. Какая же это победа?

Афинянин. Победа над удовольствиями, которая сделает блаженной их жизнь; уступка же удовольствиям повлечет за собой жизнь совершенно иную. Да, кроме того, неужели же для того,

чтобы совладать с собой, как совладали те, кто был хуже, чем наши граждане, не будет иметь значения страх перед тем, что отсутствие такого самообладания вовсе не благочестиво?

Клиний. Конечно, и это будет иметь значение.

d *Афинянин.* Я утверждаю, что хоть мы остановились на том месте законов, которое затруднило нас из-за испорченности большинства людей, все же наш этот закон должен действовать, выражая ту мысль, что гражданам нашим не подобает быть хуже птиц и многих других животных, рожденных в больших стадах, которые вплоть до поры деторождения ведут безбрачную, целомудренную и чистую жизнь. Когда же они достигают должного возраста, самцы и самки по склонности соединяются между собою попарно и все остальное время ведут благочестивую и справедливую

e жизнь, оставаясь верными своему первоначальному выбору. Наши граждане должны быть лучше животных. Однако, если их развратят остальные эллины и большинство варваров, у которых они увидят так называемую беспутную Афродиту[10] и услышат о ее великой силе, тогда стражам законов придется стать законодателями и придумать для них другой закон.

841 *Клиний.* Какой же закон ты им посоветуешь установить, если будет нарушен тот, который мы сейчас учредили?

Афинянин. Ясно, Клиний, что этот второй закон будет непосредственно примыкать к первому.

Клиний. Но в чем он будет состоять?

Афинянин. Он с помощью труда будет по возможности умерять развитие удовольствий, сдерживая их наплыв и рост и давая потребностям тела противоположное направление. Это может удаться, если не будут любовные утехи бесстыдными. Если люди

b из стыдливости будут редко им предаваться, это ослабит власть бесстыдства благодаря редкому обращению к любовным утехам. Тайное занятие ими пусть будет узаконено для наших граждан как нечто прекрасное; пусть будет признано именно это обычаем и неписаным законом. Напротив, пусть считается позорной явность таких отношений,[11] однако не сами эти отношения как таковые. Позорное или прекрасное в этих делах намечается, таким образом, в нашем законе лишь как нечто вторичное, так как и сами эти отношения с точки зрения их правильности считаются нами вторичными. Все развращенные по своей природе люди — мы их называем побежденными собственной слабостью — составляют один род;

c остальные три рода граждан окружают их со всех сторон и принуждают не преступать законов.

Клиний. Какие это три рода граждан?

Афинянин. Те, кто благочестив, далее — те, кто честолюбив, и, наконец, те, кто страстно вожделеет не к телу, но к прекрасным свойствам души. Правда, все эти наши слова остаются пока лишь благим пожеланием вроде тех, что выражаются в сказках; однако насколько лучше было бы, если бы это осуществилось во всех государствах. Если будет на то воля бога, мы, весьма возможно, принудим соблюдать в любви одно из двух: либо пусть гражданин d
не смеет касаться никого из благородных и свободнорожденных людей, кроме своей законной жены; пусть он не расточает своего семени в незаконных, не освященных религией связях с наложницами, а также в противоестественных и бесплодных связях с мужчинами. Или же мы совершенно исключим связи с мужчинами, а что касается связей с женщинами, то если кто помимо жены, вступившей в его дом с ведома богов, путем священного брака, станет жить с другими женщинами, купленными или приобретен- e
ными иным каким-либо способом, причем это явно обнаружится перед всеми мужами и женами, то мы как законодатели, думается мне, правильно сделаем, лишив его всех почетных гражданских отличий как человека, действительно чуждого нашему государству. Итак, пусть будет установлен этот закон относительно любовных утех и всего относящегося к разным видам любви — все равно, будет ли это считаться одним законом или двумя. Закон этот 842
определяет, какие поступки при взаимоотношениях, возникающих под влиянием таких вожделений, правильны, а какие неправильны.

Мегилл. Я весьма охотно принял бы этот твой закон, чужеземец. Что касается Клиния, то пусть он сам выскажет свое мнение.

Клиний. Я это сделаю, Мегилл, когда улучу подходящее время. А сейчас предоставим нашему гостю излагать дальше свои законы.

Мегилл. Хорошо.

Совметные трапезы (сисситии) и добывание пищи

Афинянин. Так вот, теперь нам надо перейти b
к устройству совместных трапез Если, как мы считаем, в иных краях их трудно установить, то на Крите всякий считает, что должны быть именно общие трапезы. Но как их устроить? Так ли, как они существуют здесь, или так, как в Лакедемоне?[12] Или же наряду с двумя этими видами сисситии есть еще и третий вид, лучший, чем эти? Мне кажется, нетрудно придумать и третий вид, однако это не принесет никаких преимуществ. Ведь удачны и те устройства, которые существуют теперь.

С сисситиями связан вопрос о добывании съестных припасов. c
Каким образом это будет устроено? Во всех остальных государст-

вах съестные припасы бывают различны и добываются отовсюду, так что источников там вдвое больше, чем у наших граждан. Ведь большинству эллинов пищу доставляют и суша, и море, у нас
d же — только суша. Для законодателя это легче: законы станут больше чем наполовину короче; вдобавок они больше будут подходить свободнорожденным людям. В самом деле, законодатель нашего государства может распроститься с большей частью законов о морской крупной и мелкой торговле, о гостиницах, таможнях, о рудниках, о кредите и о сложных процентах, а также с бесчисленным множеством других тому подобных установлений. Он будет устанавливать законы лишь для земледельцев, пастухов,
e пчеловодов, для их хранилищ и для надзирателей за [сельскохозяйственными] орудиями. Ведь мы уже установили самые важные законы — о браках, рождении детей и их взращивании, а кроме того, законы о воспитании и об учреждении государственных должностей. Теперь законодателю необходимо обратиться к вопросам о пище и о тех, кто ее добывает.

Земледелие, ремесла, торговля

Начнем с законов, носящих название земледельческих. Первый закон, закон Зевса — охранителя рубежей,[13] будет гласить так: пусть никто не нарушает земельных границ своего ближайшего соседа, будь то гражданин или чужеземец, если чей-то участок лежит на окраине, так что граничит с его землей. Пусть каждый счи-
843 тает, что это поистине будет нарушением того, что нельзя нарушать. Пусть каждый скорее попробует сдвинуть огромную скалу, чем межевой столб или даже маленький камень, заклятый перед лицом богов и размежевывающий вражду и дружбу. Для гражданина свидетелем здесь будет Зевс Единоплеменный, для чужеземца — Зевс Гостеприимный,[14] которые могут наслать яростнейшую вражду. И тот, кто будет повиноваться этому закону, не изведает от него зла, тот же, кто им пренебрежет, понесет двойную ответственность: первую и главную — перед богами, вто-
b рую — перед законом. Вот почему пусть никто не нарушит добровольно границ соседей; если же кто это сделает, всякий желающий может донести об этом землевладельцам, а те привлекают его к суду.

Если кто окажется виновным в том, что тайно и насильственным путем стал делить заново землю, то суд определяет, какое наказание должен понести или какую пеню должен выплатить проигравший дело. Бывает, что соседи причиняют друг другу много мелочного вреда, и это, часто повторяясь, порождает тягостное
c чувство вражды, так что соседство становится невыносимым и с

горьким.[15] Поэтому каждый сосед должен всячески остерегаться, чтобы не подать соседу повода к вражде как вообще, так в особенности при запашке чужой земли. Причинить вред вовсе не трудно — это может всякий, а вот оказать помощь доступно не каждому. Кто запашет землю своего соседа, то есть преступит межу, тот должен возместить причиненный вред и, кроме того, заплатить пострадавшему в двойном размере, дабы и самому исцелиться от d
бесстыдства и неблагородных наклонностей. В этих и во всех им подобных случаях разбирать, судить и назначать пеню будут агрономы; в случае больших нарушений, как было ранее сказано, — все должностные лица данного округа, составляющего двенадцатую часть всей страны; в случае меньших нарушений — местные начальники стражи. Если же кто захватит чужие пастбища, то судить и назначать возмещение за убытки будут те же лица, после того как убедятся воочию в нанесенном ущербе. Если кто присвоит чужие рои пчел, зная, чем их приманить, и, когда рой сядет по- e
близости, его огребет, он возместит убыток. Если кто станет выжигать свой лес, не думая о соседском, пусть он будет наказан по усмотрению должностных лиц. Если же кто станет делать посадки, не сохранив определенного промежутка между своей и соседней землей, то он подвергнется наказанию, как это уже было указано многими законодателями: надо здесь использовать и их законы.

Нельзя требовать, чтобы верховный устроитель государства установил законы для всех мелочей — такие законы по плечу и любому законодателю. Прекрасен древний закон о воде, установ- 844
ленный для земледельцев, и не стоит давать иного направления нашей беседе: нет, пусть тот, кто хочет провести воду на свою землю, отводит ее из общественных водохранилищ, но пусть ни в коем случае не берет воды из источников, несомненно принадлежащих частному лицу; отводить воду он может в любом направлении, за исключением мест, занятых домами, святилищами и гробницами; при этом не нужно портить окрестной земли, а надо ограничиться местом для водопровода. Если в иных местностях природные d
свойства земли таковы, что она лишена воды, а потому сильно впитывает дождевую влагу и там не остается исто́чников питьевой воды, то надо рыть водоемы на своем собственном участке вплоть до глинистого слоя земли; если же и на такой глубине нигде не будет воды, надо брать воду у соседей — столько, сколько необходимо для каждого члена семьи. Если же у соседей самих едва хватает воды, то порядок ее доставки устанавливается агрономами: кто должен ежедневно ходить за водой и таким образом пользоваться ею вместе с соседями. Если кто из живущих под горой загородит c

сток дождевых вод и причинит этим вред обработанной земле расположенного выше или рядом участка соседа либо, наоборот, живущий на горе станет как попало отводить воду, так что нанесет вред нижнему своему соседу, то, если они не захотят договориться друг с другом, пусть всякий желающий призовет астинома (если дело происходит в городе) или агронома (если в деревне), чтобы установить, как здесь должен поступить каждый. Кто не станет соблюдать установленного порядка, тот будет обвинен в завистливо-
d сти и несговорчивости; если он окажется виноватым, то должен будет возместить пострадавшему ущерб в двойном размере за то, что не захотел послушаться должностных лиц.

Что касается участия всех граждан в осеннем сборе плодов, то здесь надо соблюдать следующее. Богиня милостиво дарует нам два вида даяний: во-первых, виноград — недолговечную дионисическую забаву, а во-вторых, виноград, по своим природным свойствам заготовляемый впрок.[16] Пусть будет установлен такой закон об урожае: кто вкусит сельских плодов, винограда ли или смокв,
e до наступления времени сбора (а это совпадает с восходом Арктура), все равно, на своей ли земле или чужой, тот должен заплатить штраф в пользу Диониса: пятьдесят драхм[17] в случае, если он сорвал плоды на своей земле, и одну мину, если он сделал это на земле у соседей; если же он сорвет плоды у кого-то другого, он должен заплатить две трети мины. Кто захочет собрать плоды виноградной лозы, называемой теперь благородной, или благородной смоковницы, тот может пользоваться ими сколько и когда угодно, если это его собственность; если же это чужое и владелец не дал позволения, то человек этот немедленно будет подвергаться наказанию по закону, запрещающему трогать то, что положено не
845 тобой. Если раб без разрешения владельца земли прикоснется к таким вещам, он будет наказан палочными ударами соответственно числу виноградин в грозди и числу смокв. Метек может пользоваться, если ему угодно, плодами благородной лозы, но за плату. Если же прибывший чужеземец пожелает, проезжая дорогами, отведать плодов, пусть пользуется, если ему угодно, благородной
b лозой бесплатно — он сам и один из его спутников, это будет законом гостеприимства. Что касается так называемой полевой лозы и других подобных плодов, то наш закон запрещает их рвать даже и чужеземцу. Если же чужеземец или его раб, не зная закона, коснутся запретного, то раба наказывают ударами, а свободнорожденного чужеземца отпускают, но делают ему выговор и поучают тому, что можно касаться лишь всех других видов лозы, непригодных для заготовки изюмного вина, и лишь тех смокв, что не годят-

ся для сушки. Пусть не считается позорным тайком срывать груши, яблоки, гранаты и другие такие с плоды, однако пойманный на c
этом подвергнется побоям, если он моложе тридцати лет. Впрочем, не надо наносить ему ран. Кроме этих побоев свободнорожденный человек не подвергнется никакому суду. Чужеземцу дозволяется пользоваться этими плодами таким же образом, как виноградом. Если же гражданин старше тридцати лет сорвет эти плоды, чтобы тут же их съесть, но ничего не унесет с собой, то он может это сделать на равных правах с чужеземцем. Ослушник же этого закона ри- d
скует быть исключенным из соревнования в добродетели, если об этом напомнят судьям, когда будут присуждаться награды.

Вода имеет наибольшее значение для садоводства, но она легко портится. Дело в том, что землю, солнце и ветры, которые вместе с водой влияют на то, что произрастает из почвы, нелегко испортить; их нельзя отравить, отвести в сторону, украсть, а с водой все это можно сделать, такова ее природа. Поэтому здесь должен прийти на помощь закон. Так вот, пусть будет действовать следующий закон о e
воде: если кто умышленно испортит чужую воду, ключевую ли или дождевую, которая была собрана, отравит ее, отведет в сторону с помощью подкопа или украдет, то пострадавший должен обратиться за правосудием к астиномам, оценив нанесенный ему убыток. Кто будет уличен в том, что портит воду какой-то отравой, тот кроме возмещения убытка должен будет очистить водоем или источник воды. В каждом отдельном случае истолкователи законов будут указывать, как именно надо произвести эту очистку.

Что касается сбора плодов, то всякому желающему дозволяется собирать их по всей местности, лишь бы только он не причинял этим никому никакого ущерба и не извлекал тройной выгоды из ущерба, который потерпит сосед. Должностные лица должны раз- 846
бираться в этом, а также во всем том, чем гражданин сознательно — тайно или явно — наносит вред другому против его воли — ему самому или его имуществу. Обо всем этом надо доводить до сведения должностных лиц, которые и назначают кару, если убыток не превышает трех мин. В случае серьезных обвинений дело поступает в общий суд, который и определяет наказание для обидчика. b

Если окажется, что кто-либо из должностных лиц назначил несправедливую пеню, пострадавший взыскивает с него судом вдвое большую сумму. Каждый желающий может подать в общий суд жалобу на неправильные действия должностных лиц.

Есть еще тысячи мелких узаконений, на основании которых надо назначать наказания, учинять тяжбы, вызывать в суд, приво-

дить свидетелей для истца — с двух ли или столько, сколько их нужно, — и так далее в том же роде. Нельзя оставить все это без законов. Но престарелому законодателю не стоит этого делать.
c Пусть установят здесь законы более молодые люди, подражая до мелочей установленным ранее важным законам. Необходимость таких мелких законов они узнают на опыте, пока не будет решено, что все устроено так, как надо. Тогда они незыблемо установят эти законы и будут жить, умеренно ими пользуясь.

С ремесленниками надо поступить так: прежде всего пусть никто из местных жителей, а также их рабов не занимается ремесла-
d ми. Дело в том, что гражданину достаточно владеть тем искусством, которое одновременно нуждается в упражнении и во многих познаниях, это — умение поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство. Гражданин не может этим заниматься так, между прочим. Усердно же предаваться двум занятиям или двум искусствам не способен, пожалуй, по своей природе ни один человек, так же как никто не может и сам упражняться в чем-то как надо, и одновременно руководить упражнениями
e других. Вот это-то и должно осуществиться в государстве. Ни один кузнец не должен одновременно заниматься и плотничьим делом; в свою очередь и плотник не должен заботиться о чужом для него кузнечном деле больше, чем о своем собственном ремесле, под тем предлогом, что, управляя многочисленными работающими на него рабами, он, естественно, должен иметь большее попечение об их занятиях, поскольку доход от их кузнечного дела превышает доход от его собственного ремесла. Нет, в государстве каждый должен владеть только одним ремеслом, кото-
847 рое и доставляет ему средства к жизни.[18] Астиномы должны усердно следить за соблюдением этого закона. И если кто из местных жителей больше склоняется к какому-то ремеслу, чем к заботам о добродетели, астиномы должны его удержать, угрожая бесчестьем, пока он не исправится и не последует своей дорогой. Если кто из чужеземцев станет заниматься двумя ремеслами, то его под страхом тюрьмы, денежной пени и высылки из государства принуждают быть одним человеком, а не многими сразу. Что ка-
b сается оплаты заказов и их выкупа, когда кто-нибудь несправедливо обойдется с мастером или сам будет им обижен, то астиномы разбирают эти дела, если они не превышают пятидесяти драхм. Сверх этой суммы решение выносит, согласно закону, общий суд.

Никто в государстве не должен платить никакой пошлины ни за ввозимые товары, ни за те, что вывозятся. Не допускается ввоз

ладана и других чужеземных курений, употребляемых при богослужении, и ввоз пурпура и окрашенных тканей, которых не производит страна, а также всего того, что нужно для ремесел, работающих на чужеземных товарах, раз в этом нет ровно никакой c
необходимости. Точно так же не разрешается вывоз таких предметов, наличие которых необходимо в стране. Во всем этом должны разбираться стражи законов; они же будут всем этим ведать — первые двенадцать по возрасту, за исключением пяти старших. Что касается оружия и всех других военных орудий, то, если для этого понадобится ввоз чужеземных изделий, дерева, металла, d
предметов, годных для скрепления, или животных, гиппархи и стратеги распоряжаются ввозом или вывозом всего того, что производит или в чем нуждается государство. Стражи законов и в этом случае установят подходящие и удовлетворительные законы. Но здесь, как и во всем остальном, по всей нашей земле, во всем государстве не будет места мелкой торговле с целью наживы.

Распределение продуктов питания и устройство жилищ

Что касается пищи и распределения доставляемых страной припасов, то правильным e
здесь было бы, конечно, осуществить порядок, близко напоминающий критский закон.[19] Все эти припасы должны быть всеми разделены на двенадцать частей и соответственно должны потребляться. А каждая двенадцатая часть — например, пшеницы, ячменя и всего того, что созреет, а также всех тех животных, которые у каждого идут на продажу, — будет, согласно расчету, разделена еще на три части: первая часть назначается для свободнорожден- 848
ных людей, вторая — для их рабов, третья — для ремесленников и вообще чужеземцев, как для тех переселенцев, что поселились у нас из нужды в пропитании, так и для тех, что всякий раз приезжают к нам по государственным или частным делам. Только эту третью часть, выделенную из необходимых припасов, придется пустить в продажу; из остальных же двух частей нет никакой необходимости что бы то ни было продавать. Но как всего правильнее произвести подобное разделение? Прежде всего ясно, что части эти в одном отношении будут между собой равны, а в другом неравны. b

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Неизбежно, что одни из припасов уродятся лучше, другие хуже.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Раз это так и раз всех частей три, то часть, предназначенная для господ, ничем не должна быть обильнее остальных двух частей, предназначенных для рабов, а равным образом и для

чужеземцев. Надо произвести разделение так, чтобы все части
были вполне равны и в отношении качества. Каждый из граждан
получает две части и производит распределение припасов между
рабами и свободнорожденными людьми, количество и качество
c распределяемого он определяет по своему желанию. Излишек
надо распределить соответственно по числу живых существ, пищу
которым доставляет земля.

Гражданам надо отвести отдельные жилища. Тут был бы при-
годен такой порядок: должно быть двенадцать поселков, по одно-
му в середине каждой филы, составляющей двенадцатую часть
страны. В каждом селении надо прежде всего выделить площадь
для святилища богов и для их спутников-даймонов. Это будут
либо местные боги магнетов,[20] либо иные древние боги, память о
которых хранят сохранившиеся строения; их-то и будут почитать
d граждане так же, как чтили их в старину. Повсюду надо воздвиг-
нуть святилища Гестии, Зевса, Афины и того бога, что для каждой
двенадцатой части страны является главным. Вокруг этих святи-
лищ надо прежде всего на самом возвышенном месте воздвигнуть
здание, которое будет самым надежным приютом для стражей по-
рядка. Ремесленников надо разделить на тринадцать частей и рас-
пределить их по всей стране; одну же, тринадцатую, их часть надо
e поселить в городе, разделив и ее соответственно двенадцати час-
тям всего государства. Все остальные ремесленники поселятся
в окрестностях, за пределами города, так что в каждом поселке
вместе с земледельцами будет жить полезное для них сословие
мастеров. За всеми ними будут надзирать начальники агрономов.
Они будут смотреть, сколько и какого рода мастеров требует каж-
дая местность и какое место их жительства причинит земледель-
цам меньше всего неприятностей и больше всего доставит им
пользы. За мастерами, живущими в городе, будут смотреть во всех
этих случаях правители-астиномы.

Рыночные площади и торговля с чужеземцами

За рыночной площадью должны иметь над-
849 зор агораномы. Помимо заботы о том, чтобы
никто не осквернял святилищ, расположен-
ных на площади, этот надзор будет состоять
в охране необходимого достояния людей; кроме того, они должны
быть на страже рассудительности и противодействовать наглости,
а также наказывать тех, кто нуждается в наказании. Что касается
товаров, то агораномы должны смотреть, чтобы вся продажа го-
родскими жителями своих товаров чужеземцам происходила со-
гласно закону. А закон таков: первого числа каждого месяца те из
чужеземцев или рабов, кто получил поручение от горожан, достав-

ляют на рынок часть товаров, предназначенную для продажи чужеземцам, то есть прежде всего двенадцатую часть всего коли- b
чества хлеба. В этот первый рыночный день чужеземец должен закупить для себя на весь месяц хлеб и всю остальную пищу. Десятого числа каждого месяца производится в достаточных размерах продажа и покупка жидких товаров на целый месяц, двадцать третьего числа — продажа животных. Каждый продает или покупает, что ему нужно; земледельцы продают утварь и различные вещи — шкуры, любую одежду, ткани, войлок и все подобное, чужеземцам же приходится приобретать все это путем покупки. Пусть никто не c
торгует этим в розницу, так же как и ячменной или пшеничной крупой. Пусть никто не продает ничего из других припасов ни горожанам, ни их рабам; если же кто продает, пусть никто у него не покупает. Чужеземец может продавать на рынке вино и хлеб чужеземцам, ремесленникам и их рабам; это то, что большинство называет торговлей в розницу. Мясники пусть торгуют в розницу раз- d
деланными на части тушами; пусть они продают их чужеземцам, ремесленникам и их слугам. Так же точно чужеземец может каждодневно себе покупать, если ему угодно, разного топлива у тех лиц, которым в данной местности поручена эта продажа; затем он сам может продать топливо другим чужеземцам в любое время и сколько угодно. Продажу разных других вещей и утвари в размерах, необходимых каждому, можно производить на общем рынке в любом месте, которое стражи законов и агораномы вместе с ас- e
тиномами обозначат как подходящее, установив предельную цену товарам. В этих пределах и будут обмениваться монеты на вещи и вещи на монеты; продавец и покупатель не будут откладывать обмена на будущее. А кто откладывает обмен, тот, очевидно, доверяет другому и надеется получить свое; если же он не получит того, что должно, пусть не ропщет: правосудие не распространяется на подобного рода взаимный обмен.

Если товар будет куплен или продан в большем количестве или по более высокой цене, чем установлено законом, который определил и уступку, и прибыль и запретил выходить за эти пределы, то излишек записывается у стражей законов, а недоста- 850
ча зачеркивается. То же самое касается и записи имущества переселенцев.

Метеки (чужеземные поселенцы)

Желающий переселиться может это сделать лишь на определенных условиях. Чужеземец, который хочет и может поселиться,[21] получит жилище, если он владеет ремеслом, и останется в стране не более как на двадцать b
лет, считая со времени записи. Никакой пошлины за право пере-

селения с него не возьмут; от него требуется лишь рассудительность. За право торговли с него также не взыщут пошлин. Но зато по истечении срока он должен взять свое имущество и удалиться. Если же в течение этих лет ему удастся обратить на себя внимание своими добрыми делами для государства; если он верит, что может убедить совет и народное собрание и что просьба его об отсрочке выселения будет уважена, даже если он испросит позволения пожизненно остаться в стране, — то пусть он высту-
c пит перед советом и народным собранием и, коль скоро он убедит государство, пусть исполнится то, в чем он его убедил. А у детей метеков, если они знают ремесла и достигли пятнадцати лет, срок переселения исчисляется с пятнадцатилетнего возраста. Затем, по прошествии двадцати лет, они должны удалиться, куда им угодно. Если же они захотят остаться, то должны точно так же убедить государство. До удаления из государства надо вычеркнуть ту запись их имущества, которую ранее произвели должност-
d ные лица.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Учение о преступлениях и наказаниях

Афинянин. Естественный распорядок за-
853 конов приводит нас, далее, к вопросу о судебной ответственности, сопутствующей всем вышеуказанным деяниям. За какие именно деяния дóлжно нести ответственность перед судом, отчасти уже было сказано, поскольку это касается земледелия и смежных с ним областей, но еще ничего не было сказано относительно величайших проступков. Поэтому в дальнейшем следует последовательно разобраться именно в этих проступках, отдельно обсудить каждый из них, чтобы прийти к выводу, какое наказание здесь следует назначать и каким судьям это будет
b подсудно.

Клиний. Верно.

Афинянин. Впрочем, даже как-то позорно то, что мы собираемся теперь делать, то есть устанавливать подобные законы в таком государстве, которое, по нашему признанию, будет устроено хорошо и вообще получит правильное направление в смысле добродетельных навыков его граждан. И вдруг мы предполагаем, что в подобном государстве появится человек, причастный таким величайшим проступкам, которые во всех остальных государствах являются следствием испорченности. Приходит-

ся, таким образом, законодательствовать, предвосхищая события: угрожать — на тот случай, если подобный человек встретится. c
Устанавливать законы для предотвращения подобных проступков и наказания за них, коль скоро они совершены, в предположении, что такие люди непременно встретятся, — вот в этом-то, повторяю, и есть что-то позорное. Мы ведь не то что древние законодатели. Те были, как теперь рассказывают, и сами божественного происхождения, да и законы свои они давали детям богов, героям, то есть существам также божественным. Нет, мы — люди и даем теперь законы семени людей; поэтому мы вправе
бояться, что у нас ветретятся граждане с природой неподатли- d
вой, точно рог,[1] так что их ничем не проймешь. Как те семена, что не поддаются огню, так и они неподатливы законам, даже столь сильным. Эти люди побуждают меня сказать о непривлекательном законе относительно святотатства — на случай, если кто отважится на такое дело. Впрочем, не хотелось бы даже думать, что получивший правильное воспитание гражданин может когда-либо остро заболеть этой болезнью, зато много попыток подобного рода можно ожидать со стороны принадлежащих гражданам слуг, чужеземцев и их рабов. Из-за них в осо-
бенности — впрочем, и вообще-то остерегаясь человеческой 854
слабости, — я назову закон о святотатстве и о всех подобных преступлениях, поскольку они трудноисцелимы или даже вовсе не исцелимы.

Согласно вышеустановленному правилу, и здесь надо предпослать вступление, однако по возможности краткое. Вот что можно сказать в увещание, когда беседуешь с человеком, которого злая страсть к святотатству одолевает днем и не дает покоя ночью:
«Странный ты человек, это не человеческое и не божественное зло b
побуждает тебя идти теперь на святотатство; нет, это какое-то жало, внедрившееся в людей из-за старых, не искупленных очищением проступков; оно-то губит и терзает тебя; его надо всеми силами остерегаться. Узнай, в чем состоит такая осторожность. Когда тебе придет в голову подобного рода мысль, прибегни для ее отвращения к жертве Зевсу. Прибегни как умоляющий к святыням богов, отвращающих несчастья. Прибегни к общению с людьми,
признаваемыми у вас хорошими. То слушай их речи, то пробуй c
сам говорить о том, что всякий человек должен почитать прекрасное и справедливое. Без оглядки беги общества дурных людей. Если от исполнения всего этого уймется твоя болезнь, тем лучше; если же нет, считай, что для тебя лучше смерть, и простись с жизнью!»

Уголовные законы

Вот как гласит наше вступление, данное для людей замышляющих всякие нечестивые и пагубные для государства деяния. Тому, кто повинуется, закон ничего не скажет; ослушнику же вслед за вступлением он громко
d глаголет: «Кто будет уличен в святотатстве, тому, если это раб или чужеземец, отметят лицо и руки клеймом его злополучия, подвергнут его стольким ударам, сколько решат судьи, и в нагом виде выгонят за пределы страны». Возможно, что такое наказание исправит и образумит его. Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, наказание производит одно из
e двух действий: оно делает наказываемого либо лучшим, либо менее испорченным. Но если будет обнаружено, что подобный поступок совершен каким-нибудь гражданином, который нанес великое, несказанное оскорбление богам, своим родителям или государству, то судье придется считать его неисцелимым: он знает, какое воспитание получил этот гражданин, как он был взращен с детства, а между тем он не удержался от величайшего зла. Наказание такому человеку — смерть, и это еще наименьшее из зол.
855 Для остальных граждан полезным примером станет бесславие преступника и то, что его труп будет выброшен за пределы страны. Его, детям и его роду, если они не будут походить нравом на своего отца,— честь и слава; все будут говорить, что они хорошо и мужественно перешли от зла к добру. Имущество кого-либо из таких преступников государству не подобает конфисковывать, раз наделы в нем всегда должны оставаться одними и теми же и одинаковыми. Зато его надо наказывать денежной пеней, когда окажется, что проступок можно искупить деньгами; эту пеню взимают из
b того имущества, которое окажется излишним сравнительно с наделом, однако размер денежной пени не должен превышать этого излишка. Для этой цели стражи законов должны тщательно просматривать записи и всякий раз сообщать точные данные судьям, чтобы никто никогда не оказался лишенным надела из-за недостатка денег. Если кто-нибудь будет признан заслуживающим большей пени, причем его друзья не захотят за него поручиться и в складчину внести за него деньги, чтобы его освободить, то его наказывают долговременным тюремным заключением и вдобавок какими-нибудь явными поношениями.

c Вообще никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни было проступок, даже если совершивший его бежал за пределы государства. Наказанием должны быть смерть, тюремное заключение, палочные удары, унизительные места для сидения и стояния или стояние возле святилищ на окраине страны;

либо наказанием должна быть денежная пеня, как мы сказали ра-
нее.[2] Судьями, назначающими смертную казнь, пусть будут стра-
жи законов и особый суд, выбранный из наиболее отличившихся
в прошлом году должностных лиц. Последующим законодателям d
надлежит иметь попечение о таких вопросах, как подача жалобы,
вызов в суд и тому подобное, — вообще о том, как все это должно
совершаться. Нашей же задачей будет установить закон относи-
тельно подачи голосов. Голосование пусть будет открытое. Еще до
начала его судьи должны занять места прямо против истца и обви-
няемого, возможно более соответственно своему возрасту. Все
граждане, у которых есть досуг, пусть отнесутся с сугубым внима-
нием к такому суду. Сперва слово предоставляется истцу, затем e
обвиняемому. После их речей старейший из судей начинает до-
прос, обращая особое внимание на их показания, а затем и все
остальные судьи последовательно должны разобрать, что им жела-
тельно так или иначе узнать из показаний или умолчаний обеих тя-
жущихся сторон. У кого из судей нет такого желания, тот передает
дальнейшее ведение допроса другому. Запись показаний, которые
окажутся идущими к делу, следует запечатать, скрепив ее печатью
всех судей, и положить на жертвенник Гестии. На другой день су- 856
дьи снова собираются вместе и точно так же, путем расспросов,
разбирают дело и скрепляют своей печатью запись показаний.
Так поступают трижды; затем, когда собрано достаточно дока-
зательств и показаний свидетелей, каждый судья подает свой
священный голос, обязуясь перед Гестией судить по мере сил
справедливо и верно. Подобным образом и заканчиваются такие
судебные дела.

После преступлений против богов идут преступления, касаю- b
щиеся ниспровержения существующего государственного строя.
Кто стремится сделать законы рабами людей и заставляет государ-
ство подчиняться партиям, того, раз он при этом прибегает к наси-
лию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым
отъявленным врагом всего государства в целом. А кто, хотя и не
имеет ничего общего ни с кем из подобных людей, при отправле-
нии главнейших государственных должностей не обратил внима-
ния на такие явления или, хотя и обратил, из трусости не встал на
защиту отечества, — такого гражданина следует числить на вто- c
ром месте в смысле испорченности.

Всякий человек, если он хоть на что-то годен, должен опове-
щать правителей о заговорах, имеющих целью насильственное
и вместе с тем противозаконное изменение государственного
строя, и должен привлекать заговорщика к суду. Судьями пусть

будут для них те же лица, что и для святотатцев. Весь ход судебного дела будет тоже такой, как и в первом случае. Большинством го-
d лосов присуждают виновного к смертной казни. Посрамление и наказание отца не распространяется ни на кого из детей, исключение составляют те дети, чей отец и дед, и отец деда — все подряд были присуждены к смерти. Государство подвергает таких лиц высылке обратно на их родину, в исконное их государство, причем они сохраняют свою собственность, за исключением обработанного ими надела. Но если у гражданина не один сын, а несколько, причем всем им исполнилось уже десять лет, то по жребию из них выбирают десять человек, в пользу которых высказался отец или дед со стороны отца либо матери; имена вынувших жребий сооб-
e щаются в Дельфы. Кого изберет бог, тот вступает в дом в качестве наследника с лучшей надеждой на счастье, чем была у тех, кто оставил дом.

Клиний. Отлично.

Афинянин. В-третьих, тот же закон будет касаться судей, которым придется судить по таким делам, и способа судопроизводства в тех случаях, когда кого-нибудь привлекут к суду по обвинению в измене. Также и относительно пребывания в стране потомков преступника и их выезда на родину будет установлен один закон,
857 одинаковый для всех трех видов преступлений: для измены, святотатств и насильного ниспровержения законов страны.

Для вора, уворует ли он что-нибудь большое или какую-нибудь мелочь, будет опять-таки установлен один закон и одно судебное взыскание, одинаковое для всех воров. Прежде всего вору придется в двойном размере возместить стоимость украденного, раз он будет уличен в воровстве и его имущество сверх надела позволит ему выплатить такую пеню; в противном случае он будет подвергнут тюремному заключению, пока не уплатит деньги или
b не примирится со своим обвинителем. Если кто будет уличен в краже публично, он может освободиться из тюрьмы, лишь получив прощение со стороны государства или уплатив двойную стоимость украденного.

Клиний. Хорошо ли мы говорим, чужеземец, что для вора вовсе не надо делать различий, украдет ли он что-нибудь большое или
c же мелочь и будет ли это кража жертвоприношений или священных предметов и так далее? Все эти виды кражи совсем небезразличны, а раз так, то, следовательно, и законодателю надо установить совершенно различные наказания.

Афинянин. Очень хорошо, Клиний, что ты как бы разбудил
e меня и не дал слишком далеко занестись. Ты напомнил мне то, о

чем и раньше у меня возникала мысль: все относящееся к законодательству ни в коей мере и никогда не было еще правильно разработано до конца, по крайней мере в затронутом теперь случае. Но опять-таки, что тут сказать? Неплохо было бы сравнить всех нынешних людей, для которых устанавливаются законы, с рабами, которых лечат также рабы. Надо твердо усвоить следующее: если бы какой-нибудь врач из числа тех, что врачуют по опыту, а не на основе знаний, застал свободнорожденного врача в беседе со сво- d
им, тоже свободнорожденным, больным, причем этот врач в речах своих приближался бы к философии, затрагивая самый источник болезни и, следовательно, обсуждая природу тел вообще, то врач-раб тотчас же бы расхохотался и обратился бы к другому врачу с такими словами, какие всегда бывают в подобных случаях на языке у большинства таких вот врачей: «Ах ты, чудак, — сказал бы он, — да ты не лечишь больного, а чуть ли не обучаешь его, словно e
ему надо не выздороветь, а стать о врачом![3]»

Клиний. Разве он не был бы прав, говоря это?

Афинянин. Быть может, если бы при этом он думал, что тот, кто разбирает вопрос о законах так, как разбираем сейчас мы, обучает граждан, а не только дает им законы. Не кажется ли тебе уместным такой его взгляд?

Клиний. Пожалуй.

Афинянин. Мы находимся в настоящее время в благоприятном положении.

Клиний. Почему?

Афинянин. Потому что у нас нет никакой необходимости давать законы; нет, мы сами занимаемся рассмотрением всего, что 858
касается государственного строя, и пытаемся распознать, каким образом может быть осуществлено то, что всего лучше и что всего более необходимо. Вот и сейчас мы можем, конечно, если хотим, рассмотреть то, что является наилучшим; или опять-таки, если хотим, мы можем рассмотреть, что является самым необходимым в законах. Выберем же одно из двух.

Клиний. Смешной выбор нам предстоит, чужеземец. Вот уж когда мы уподобились бы тем законодателям, которых настоя- b
тельная необходимость заставляет законодательствовать немедленно, так как завтра уже нельзя будет этого сделать. А ведь мы, слава богу, можем, словно каменщики или те, что начинают какое-нибудь иное строительство, собрать груду строительного материала и выбрать оттуда все, что подходит для будущей постройки; выбор этот мы можем произвести на досуге. Итак, допустим, что мы сейчас не те люди, которых необхо-

димость заставляет строить дом, а те, кто на досуге то сравнивает один материал с другим, то пробует эти материалы сос-
c тавлять вместе. Стало быть, мы с вправе сказать, что часть законов уже установлена, другие же поставлены рядом для сравнения.

Афинянин. Итак, Клиний, предпочтем естественный общий обзор законов. Обратим, ради богов, внимание вот на что относительно законодателей...

Клиний. На что же?

Афинянин. В государствах есть много писаний и записанных произведений, сочиненных разными людьми; в том числе есть писания и сочинения законодателей.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Неужели мы станем обращать внимание только на
d писания остальных лиц — поэтов, писавших в стихах, или сочинителей, изложивших для памяти свои взгляды на жизнь, а на сочинения законодателей не обратим внимания? Или, напротив, всего более на них?

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Не должен ли из всех писателей только законодатель изложить свои взгляды на прекрасное, благое и справедливое? Не должен ли он объяснить смысл этих вещей и то, как их надо применять тем, кто намеревается быть счастливым?

Клиний. Разумеется.

e *Афинянин.* Разве более позорно Гомеру, Тиртею и прочим поэтам плохо изложить в своих сочинениях взгляды на жизнь и на ее устроение, чем Ликургу, Солону и вообще тем, кто, став законодателем, написал сочинения? Или правильнее, чтобы из всех сочинений, имеющихся в государствах, сочинения, написанные о законах, чаще развертывались читателем, так как они гораздо прекраснее и лучше? И чтобы сочинения остальных писателей были согласованы с этими или в случае расхождений считались бы
859 достойными осмеяния? Не таково ли наше убеждение относительно того, как в государствах должна происходить запись законов? Эти записи должны походить на людей разумных и любвеобильных, подобных отцу и матери. Неужели надо считать дело оконченным, если на стенах будут начертаны законы, подобные тирану и деспоту, полные угроз?

Так вот, давайте мы с вами разберем теперь нашу попытку высказывать именно такие убеждения относительно законов. По
b силам ли это нам или нет, все равно таково наше ревностное желание. Если, идя этим путем, мы должны будем кое в чем постра-

дать,— что ж, пострадаем, ведь это было бы благом, и, если будет на то воля бога, это именно так и осуществится.

Клиний. Прекрасные слова. Мы поступим так, как ты говоришь.

Афинянин. Следовательно, как мы и попытались, сначала надо тщательно рассмотреть вопрос о святотатцах, всякого рода воровстве и всех других преступлениях. Не надо беспокоиться, если в ходе законодательного труда мы одно уже сумели установить, c
другое же пока только подвергаем рассмотрению. Ведь мы еще не законодатели; мы только ими становимся и, возможно, скоро станем. Итак, давайте, если вы согласны приступить к рассмотрению, рассмотрим то, о чем я говорил, и именно так, как я сказал.

Клиний. Разумеется, мы согласны.

Учение о справедливости как о прекрасном и о добровольной и невольной

Афинянин. Относительно всего о справедливости прекрасного и справедливого попробуем распознать следующее: в чем мы здесь сейчас между собой согласны, а в чем мы не согласны даже с самими собой ведь мы высказали бы живейшее желание хоть этим, уж если не чем другим, отличить себя от толпы. Затем опять-таки посмотрим, в чем здесь согласна или не согласна сама с собой толпа. d

Клиний. Какие же ты заметил у нас разногласия?

Афинянин. Попробую разъяснить. Относительно справедливости вообще, справедливых людей, поступков и деяний мы все как-то согласны, что все это прекрасно. Стало быть, если утверждать, что все справедливые люди, даже с безобразным телом, прекрасны именно этими своими справедливейшими нравственными качествами, то, пожалуй, в этих словах не окажется ничего несооб- e
разного.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Возможно. Теперь, раз все причастное справедливости прекрасно, посмотрим, относятся ли у нас ко всему этому и претерпевания почти наравне с действиями.

Клиний. И что же?

Афинянин. Ведь всякое справедливое действие, пожалуй, лишь постольку причастно справедливому, поскольку оно причастно прекрасному.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Следовательно, и претерпевание, причастное справедливому, становится в силу этого прекрасным? Если мы согла- 860
симся с этим, то в нашем рассуждении не будет противоречия.

Клиний. Верно.

Афинянин. Если же мы решим, что претерпевание справедливо, но безобразно, то получится противоречие между справедливым и прекрасным, коль скоро мы соглашаемся, что в данном случае справедливое является самым безобразным.

Клиний. Как, как ты говоришь?

Афинянин. Очень легко сообразить. Дело в том, что установленные нами немного раньше законы могли бы показаться идущими совершенно вразрез со всем нынешним рассуждением.

Клиний. С каким именно?

b *Афинянин.* Мы установили, что святотатец справедливо должен умереть; то же самое и враг хорошо установленных законов. Собираясь установить великое множество таких узаконений, мы приостановились, видя, что в таком случае будет бесконечно много очень больших претерпеваний, которые, правда, наиболее справедливы из всех претерпеваний, но зато и наиболее безобразны из них. Не будет ли казаться нам справедливое и прекрасное то одним и тем же, то совершенно противоположным?

Клиний. Чего доброго, случится и так.

c *Афинянин.* Вот почему большинство и выражает такие небрежные и несогласованные мнения о прекрасном и справедливом.

Клиний. По-видимому, так, чужеземец.

Афинянин. Значит, Клиний, давайте снова посмотрим, как обстоит у нас дело в смысле согласованности мнений на этот счет.

Клиний. В смысле согласованности чего с чем?

Афинянин. В предшествующей беседе, думается мне, я с полной определенностью высказался об этом; если же это было не так, позвольте мне сказать сейчас...

Клиний. Что именно?

d *Афинянин.* Вот что: все дурные люди бывают дурными во всем лишь против воли. А раз это так, то отсюда необходимо вытекает и дальнейшее следствие.

Клиний. Какое?

Афинянин. Человек несправедливый дурен, но дурной человек бывает таким против воли. Совершать против воли что-либо добровольное не имеет смысла. Итак, тому, кто установил, что несправедливость совершается против воли, человек, совершающий несправедливость, должен казаться совершающим это невольно. С этим я также должен согласиться; дело в том, что и я утверждаю: все совершают несправедливости лишь против воли. Если же кто из соперничества или честолюбия станет утверждать, что Люди
e бывают несправедливы с против воли, но все-таки многие добровольно совершают несправедливости, то я соглашусь с первым

утверждением, но не со вторым. Однако в чем состоит лад моих слов? Не зададите ли вы мне, Клиний и Мегилл, следующий вопрос: «Если дело обстоит так, чужеземец, то каков будет твой совет относительно законодательства для государства магнетов? Стоит ли здесь законодательствовать или нет?» «Конечно, стоит», — отвечу я. «Следовательно, ты разграничишь добровольные и невольные несправедливые поступки, и мы установим большие наказания за добровольные погрешности и несправедливости, а за недобровольные — меньшие? Или же за все мы назначим 861
равные наказания, раз уже вовсе нет добровольных несправедливостей?»

Клиний. Конечно, ты прав, чужеземец; но как же нам применить то, что теперь сказано?

Афинянин. Прекрасный вопрос. Мы это применим прежде всего вот как...

Клиний. Да?

Афинянин. Вспомним, что раньше мы прекрасно сказали: относительно справедливости у нас царит полнейшая сумятица и неразбериха. Исходя из этого, снова зададим сами себе вопрос: «Раз- b
ве мы не выбрались из этого затруднительного положения и не разграничили, чем разнятся между собой добровольные и невольные поступки? Ведь во всех государствах всеми когда-либо бывшими законодателями признано существование двух видов несправедливых поступков: одни — добровольные, другие — невольные. Неужели же так это и будет установлено законом и мы ограничимся лишь тем, что выскажем сейчас известное положение, словно это изречение бога, но вовсе не обоснуем его правильность, а прямо-таки возведем в закон?» Нет, это невозможно; необ- c
ходимо, прежде чем давать законы, разъяснить эти два вида проступков и их различие, чтобы всякий, когда будет назначать наказание за проступок, относящийся к первому или второму виду, мог руководиться установленным положением и был бы в состоянии так или иначе судить о том, подходит ли данное установление или нет.

Клиний. Мне кажется, ты прав, чужеземец. И вот нам предстоит одно из двух: либо отказаться от утверждения, что все несправедливые поступки совершаются против воли, либо же сначала d
определенно выяснить правильность нашего утверждения.

Афинянин. Из этих двух возможностей первая — отказаться от утверждения того, что считаешь истинным, — для меня совсем неприемлема. В самом деле, это было бы и противозаконно, и нечестиво. Надо попробовать каким-то образом разъяснить, можно

ли по какому-либо иному признаку разделить эти проступки на два вида, если уж отказаться от различения их по тому, что одни из них добровольны, а другие совершаются против воли.

Клиний. Мы, чужеземец, совершенно не можем мыслить об этом как-то иначе.

e *Афинянин.* Пусть так и будет. Ну вот хотя бы при взаимном общении и знакомствах — граждане тогда, конечно, немало причиняют друг другу вреда, причем и здесь в изобилии встречается добровольное и невольное.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так вот, пусть не считают при рассмотрении любого вреда, нанесенного несправедливостью, что здесь бывает два вида несправедливых поступков: во-первых — умышленные, во-вторых — неумышленные. Дело в том, что вред, причиняемый невольно, встречается не реже и вредит не меньше всякого рода
862 добровольно наносимого вреда. Посмотрите, имеют ли мои слова какое-нибудь отношение к заданию, которое я себе поставил, или же вовсе не имеют? Дело вот в чем: я, Клиний и Мегилл, утверждаю, что, когда один человек, совсем того не желая, невольно причиняет вред другому, он совершает несправедливый поступок, однако совершает его невольно. Поэтому, законодательствуя, я установлю законом, что поступок этот есть невольная несправедливость. Но я вовсе не стану относить этот вид причинения вреда к несправедливости вообще, все равно, в каких бы размерах и кому бы ни был он нанесен. Если мое мнение победит, то мы часто будем утверждать, что несправедливый поступок совершен и тем, кто является виновником какой-нибудь оказанной неправильно
b услуги. Дело, пожалуй, друзья мои, вот в чем: не потому приходится попросту считать одно справедливым, а другое несправедливым, что человек дал кому-нибудь что-то свое или, наоборот, отнял у кого-нибудь что-то; нет, законодателю надо смотреть, каковы были по отношению к справедливости намерения и образ действий человека, когда он оказал кому-нибудь услугу или нанес какой-нибудь вред. Надо обращать внимание на две различные стороны: на несправедливость и на вред. С помощью законов надо, насколько возможно, возместить нанесенный вред, спасая то, что
c гибнет, поднимая то, что по чьей-то вине упало, и леча то, что умирает или ранено. Коль скоро проступок искуплен возмездием, надо попытаться с помощью законов из каждого случая раздоров и вреда сделать повод для установления между виновником и пострадавшим дружеских отношений.

Клиний. До сих пор все прекрасно.

Афинянин. В свою очередь что касается несправедливого нанесения вреда из-за корысти, когда кто-то, причиняя другому несправедливость, обогащается, то, поскольку здесь зло исцелимо, его надо исцелить, считая это душевной болезнью. Надо признать, что, по-нашему, исцеление от несправедливости клонится вот в какую сторону...

Клиний. В какую?

Афинянин. Всякого совершившего большой или малый не- d
справедливый поступок закон наставит и принудит либо никогда более не отваживаться на повторение подобных поступков по доброй воле, либо совершать это в значительно меньшей степени; кроме того, надо возместить нанесенный вред. Делом или словом, удовольствием или страданием, почетом или бесчестьем, пенями или дарами — словом, вообще каким бы то ни было образом заставить человека возненавидеть несправедливость и полюбить или по крайней мере не питать ненависти к природе справедливости — e
это и есть задача наилучших законов. Если законодатель заметит, что человек тут неисцелим, то какое наказание определит он ему по закону? Законодатель сознает, что для самих этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью; тем самым они принесли бы двойную пользу всем остальным людям: они послужили бы для других примером того, что не следует поступать несправедливо, а к тому же избавили бы государство от присутствия дурных людей. Таким образом, законодатель вынуж- 863
ден назначить в наказание таким людям именно смерть, а не что-то иное.

Клиний. Кажется, ты очень удачно все это выразил, однако мы с удовольствием послушали бы это еще в более ясном изложении, а именно мы хотим знать разницу между несправедливостью и вредом и в каком виде сюда включается добровольное и невольное.

Афинянин. Попытаюсь в своей речи исполнить ваше желание. Дело вот в чем. Ясно, что вы в своих беседах держитесь такого b
взгляда на душу: в самой душе по природе есть либо какое-то состояние, либо какая-то ее часть — яростный дух; это сварливое, неодолимое свойство внедрилось в душу и своей неразумной силой многое переворачивает вверх дном.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. А удовольствие мы не отождествляем с яростным духом. Оно владычествует, говорили мы, благодаря силе, противоположной этому духу. С помощью убеждения, соединенного с насилием и обманом, оно осуществляет все, чего только не пожелает.

Клиний. Конечно.

c *Афинянин.* Не будет ошибкой в качестве третьей причины проступков указать на невежество. Со стороны законодателя было бы лучше разделить это невежество на два вида: простое невежество, которое можно считать причиной легких проступков, и двойное, когда невежда одержим не только неведением, но и мнимой мудростью,[4] — точно он вполне сведущ в том, что ему вовсе неведомо. Если сюда присоединяется сила и мощь, то это можно считать
d причиной крупнейших и грубейших проступков; если же сюда присоединяется слабость, то возникают детские и старческие заблуждения. Законодатель должен признавать это проступками, но в этом случае законы относятся к виновным очень мягко и снисходительно.

Клиний. То, что ты говоришь, естественно.

Афинянин. Пожалуй, мы все признаем, что одни из нас сильнее удовольствий и ярости, а другие — слабее. Вот как обстоит дело.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Но неслыханно, чтобы одни из нас были сильнее невежества, а другие — слабее.

e *Клиний.* Сущая правда.

Афинянин. Все эти три свойства — [яростный дух, склонность к удовольствиям и невежество] — заставляют нас искать удовлетворения их желаний и нередко влекут нас в противоположные стороны.

Клиний. Да, это часто бывает.

Афинянин. Так вот, теперь я могу ясно и прямо определить, как я понимаю различие между справедливостью и несправедливостью. Тираническое господство в душе ярости, страха, удовольствия, страдания, зависти и страстей я считаю несправедливостью
864 вообще, все равно, наносит ли это кому-нибудь вред или нет. Напротив, господство в душе представления о высшем благе, каких бы воззрений ни держалось государство или частные лица на возможность его достижения, делает всякого человека порядочным. Хотя бы он и совершил какой-нибудь ложный шаг, все равно надо считать вполне справедливым поступок, совершенный подобным образом, и все, что происходит под руководством такого начала, является наилучшим для всей человеческой жизни. Многие относят такое нанесение вреда к невольной несправедливости. Мы сейчас не станем спорить из-за названий, зато в первую очередь как
b можно лучше запомним выяснившееся сейчас наличие трех видов проступков. Итак, страдание, которое мы обозначили как ярость и страх, составляет у нас один их вид.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Второй вид проступков проистекает из-за удовольствий и, с другой стороны, из-за страстей; третий вид связан со стремлением к осуществлению надежд и правильного мнения о наивысшем благе. Разделив этот третий вид снова на три части, мы получим пять видов проступков, как это сейчас получается. Для c этих пяти видов надо установить два различных рода законов.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Один — для явно насильственных действий, другой — для поступков, совершаемых втайне, среди мрака, путем обмана. Впрочем, бывают поступки, где налицо и то и другое. В этом случае законы должны были бы быть наиболее суровыми, если только они соблюдают правильное соотношение.

Клиний. Естественно.

Афинянин. Возвратимся далее снова к тому, что было нашим исходным пунктом, и будем продолжать установление законов. Помнится, мы установили законы относительно святотатцев, d изменников и тех, кто извращает законы с целью ниспровержения существующего государственного строя. Человек может, пожалуй, совершить подобный поступок под влиянием безумия, болезней или глубокой старости, все это ничем не отличается от детского состояния. Если о преступлении поставлены будут в известность судьи, избираемые в каждом отдельном случае, причем об этом заявит либо сам преступник, либо его защитник, и если будет признано, что человек преступил законы, находясь в одном из указанных состояний, то он должен будет попросту возместить тот e вред, который он кому-то нанес, а от всей прочей судебной волокиты он будет избавлен. Исключение составляет тот случай, когда убийца не очистил своих рук от убийства; в этом случае он должен удалиться в другую страну, в другое место и там провести целый год в отлучке. Если он вернется до истечения определенного законом срока и ступит где бы то ни было на родную землю, то стражи законов должны посадить его в государственную тюрьму, причем он может быть выпущен из нее по истечении двух лет.[5]

Наказания для убийц. Кары за другие виды насилия

Раз мы уже начали говорить об убийстве, 865 попробуем установить до конца законы относительно всех его видов. Прежде всего поговорим об убийствах насильственных и невольных. Если кто на состязании или на государственных играх невольно убьет человека, с которым находится в дружеских отношениях, — все равно, последует ли смерть сразу или потом из-за нанесенных ударов, — или если кто убьет точно так же на войне либо при воинских упражнениях, когда во-

енные действия воспроизводятся либо с применением оружия,
b либо без него, — то человек должен очиститься согласно получен-
ному на этот случай из Дельф закону, а затем он считается уже чис-
тым.[6] Это касается и всех врачей, если против их воли умрет боль-
ной; в этом случае, согласно закону, врач считается чистым. Если
же кто убьет кого-нибудь хоть и невольно, но собственноручно,
силой своего тела или оружием, стрелой или тем, что даст ему
что-нибудь выпить и съесть, а также тем, что прибегнет к огню или
холоду или лишит человека дыхания, — словом, собственной
c силой или с помощью иных тел, — все равно он считается челове-
ком, убившим собственноручно. Наказание ему будет следующее:
если он убьет раба, приняв его за своего, он должен возместить хо-
зяину умершего раба причиненный вред и убыток, иначе ему при-
дется в наказание в двойном размере оплатить стоимость умерше-
го. Определение стоимости дадут судьи. Очищений в этом случае
будет больше, и они многочисленнее, чем для убивших на играх.
d Решить этот вопрос правомочны избранные богом истолкователи.
Если же кто убьет своего раба, то по совершении очищений ему,
согласно закону, убийство не ставится в вину. Кто невольно убьет
свободнорожденного человека, пусть прибегнет к тем же очище-
ниям, что и человек, убивший раба. Однако пусть он отнесется при
этом с почтением к одному старинному поверью из числа самых
древних: рассказывают, что насильственно умерщвленный чело-
век, проведший свою жизнь с тем образом мыслей, какой свойст-
вен свободнорожденному человеку, гневается на убийцу за свою
e раннюю смерть и, будучи полон страха и ужаса из-за испытанного
насилия, наводит страх на убийцу, если видит, что тот продолжает
жить в местах, привычных для покойного.[7] Полный тревоги сам,
покойник изо всех сил тревожит убийцу и вносит тревогу во все
его дела, причем союзником ему в этом служит память. Поэтому
убийца должен уступить своей жертве и удалиться из всех родных
для покойного мест его отечества на целый год.[8] Если покойный
866 был чужеземец, в течение того же срока убийца не должен посе-
щать его страну. Кто добровольно повинуется этому закону, того
ближайший родственник покойного, бывший свидетелем всего
происшедшего, должен простить и вообще с ним примириться.
Если же ослушник, который еще не очистился от убийства, посме-
ет отправиться в святилища и приносить жертвы да вдобавок не
b пожелает выдержать указанного срока отлучки, ближайший род-
ственник покойного должен преследовать его по суду за убийство.
В случае обвинительного приговора все меры наказаний удвоят-
ся. Если же этот ближайший родственник не возбудит судебного

преследования за происшедшее, то всякий желающий может возбудить против него дело как против человека, на которого перешла скверна и обратилось мучение пострадавшего; в этом случае пусть он по закону покинет свое отечество на пять лет.

Если чужеземец невольно убьет чужеземца из числа проживающих в государстве, его может преследовать по суду всякий желающий на основании тех же самых законов. Если это метек,[9] c
пусть он удалится на один год; если же он просто чужеземец, то в случае убийства чужеземца, метека или же горожанина он должен помимо очищения на всю жизнь покинуть страну, где действуют эти законы. Если вопреки законам он возвратится, пусть законодатели накажут его смертью, а имущество, какое у него есть, пусть передадут ближайшему родственнику пострадавшего. Коль скоро он возвратится против своей воли, например если морской бурей будет выброшен на берег этой страны, он может раскинуть d
палатку, однако лишь на краю берега, так, чтобы вода касалась его ног; здесь он должен подстерегать случай для отплытия. Если же кто насильно поведет его в глубь страны, пусть его освободят первые встречные должностные лица и отправят целым и невредимым обратно в прибрежную полосу.

Если кто собственноручно убьет свободнорожденного, причем это будет сделано в ярости, здесь надо различать два случая, а именно: совершен ли поступок в состоянии ярости, так, что человеку причиняют смерть ударами или чем-то другим подобным внезапно и непреднамеренно, под влиянием мгновенного порыва, а затем тотчас же возникает раскаяние в совершенном поступке. e
Точно так же под влиянием ярости действуют и в том случае, когда замышляют отомстить за нанесенную раньше словами или бесчестными делами обиду и потом с намерением убить действительно убивают обидчика; в этом случае не возникает раскаяния в совершенном поступке. Стало быть, по-видимому, надо различать два вида убийства, и чуть ли не оба этих вида совершаются под влиянием ярости; всего справедливее было бы сказать, что они занимают середину между умышленными и неумышленными преступ- 867
лениями. Впрочем, нет, эти виды убийства имеют сходство — одно с умышленным, другое с неумышленным действиями. Ведь тот, кто подавляет ярость, не действует сразу, но намеренно откладывает свое мщение на будущее; действия такого человека подобны умышленным. Напротив, человек, необузданный в гневе, сразу ему подпадающий и не отдающий себе отчета в своих намерениях, подобен действующему невольно, хотя и он действует не вполне так, здесь только внешнее сходство с невольным поступком. Вот

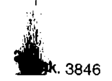
b почему трудно разграничить те случаи убийств, когда они совершены под влиянием ярости, с точки зрения того, какие из этих убийств должен закон признать умышленными, а какие — неумышленными. Всего лучше и согласнее с истиной было бы судить о них по признаку сходства и различать оба вида преступлений с точки зрения их преднамеренности или же непреднамеренности, а затем назначать по закону для тех, кто в гневе совершил преднамеренное убийство, наказание более тяжелое, а для тех, кто совершил это непреднамеренно и внезапно, — более легкое. В самом деле, за большее зло естественно назначить большее наказание, а за меньшее — меньшее. Так должны поступить и мы в наших
c законах.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Снова вернувшись к нашему предмету, скажем следующее: если кто собственноручно убьет свободнорожденного человека и совершит это непреднамеренно, в состоянии гнева, то виновный должен подвергнуться всем тем же наказаниям, что и тот, кто убил без ярости, а именно ему придется на два года отправиться в изгнание в виде кары[10] за свою запальчивость. Если же кто совершит убийство, пусть в состоянии ярости, но преднамеренно, он
d подвергнется всем тем наказаниям, что указаны в первом случае, но вместо двух лет изгнания ему назначается три года, то есть более продолжительный срок за более сильную степень ярости. Что же касается обратного возвращения этих лиц, то здесь пусть соблюдается следующее: вполне точные законы дать тут трудно; бывают случаи, когда из этих двух видов убийства тот вид, который признан законом более тяжким, на самом деле оказывается более легким, и, наоборот, тот вид, который признан законом более легким, на деле оказывается более тяжелым, причем во всех обстоятельствах, связанных с убийством, один человек действует более жестоко, другой — более мягко. Впрочем, большей частью все происходит так, как мы сейчас говорим. Во всем этом должны
e разбираться стражи законов. После того как истекут сроки изгнания для каждого из этих двух видов преступников, пусть они пошлют двенадцать судей к границам страны, с тем чтобы за это время они еще точнее рассмотрели деяния изгнанников и вынесли решение относительно их совестливости и обратного их допущения в государство. Изгнанники со своей стороны должны будут подчиняться решениям 868 этих должностных лиц. Если же по
868 своем возвращении кто-нибудь из бывших в изгнании, поддавшись гневу, снова совершит тот же самый проступок, то ему назначается изгнание без права возвращения; если же он все-таки воз-

вратится, то его надо подвергнуть тому же, чему подвергается чужеземец в случае возвращения после высылки.[11]

Кто убьет своего собственного раба, пусть подвергнется очищениям; кто же в состоянии ярости убьет чужого раба, пусть вдвойне возместит убытки его владельцу. Всякий убийца, не подчинившийся закону, не подвергшийся очищению, оскверневший своим присутствием рыночную площадь, игрища и все остальные святыни, может быть привлечен к суду любым желающим, равным b образом может быть привлечен и родственник покойного, допускающий, чтобы убийца все это делал: его можно принудить по суду уплатить в двойном размере пеню, а также вдвойне подвергнуть прочим мерам взыскания. Полученная пеня поступает по закону в пользу того, кто подал дело в суд. Если раб в состоянии ярости убьет своего господина, то близкие покойного могут сделать с убийцей все, что им угодно, но никоим образом не должны оставить раба в живых — в этом случае они будут чисты от вины. c Если же какой-нибудь раб убьет свободнорожденного человека в состоянии ярости, то господа этого раба пусть передадут его близким покойного, те же обязаны умертвить убийцу каким им угодно способом. Бывает, — правда, редко, — что отец или мать в ярости причиняют ударами или другим каким-то насильственным образом смерть своему сыну или дочери; тогда они должны прибегнуть к тем же самым очищениям, что и все прочие, и отправиться в изгнание на три года. По возвращении убившая должна расстаться с мужем, а убивший — с женой; впредь они не должны d вместе производить детей, не могут быть членами семьи, которую они лишили потомка или брата, и не должны принимать участия в почитании общих святынь. Нечестивый ослушник, который не считается с этим, может быть любым желающим привлечен к суду по обвинению в нечестии. Если муж в гневе убьет свою законную жену либо жена совершит такой же точно проступок в отношении мужа, то они должны прибегнуть к указанным очищениям и про- e быть в изгнании три года. По возвращении человек, совершивший подобное преступление, не должен принимать участия в священных обрядах вместе со своими детьми и не может иметь с ними общего стола. Ослушник же, будь то отец или сын, опять-таки может быть привлечен к суду по обвинению в нечестии любым желающим. Если брат в ярости убьет брата или сестру или также сестра — брата или сестру, очищения и сроки изгнания будут те же самые, что назначены для родителей и их детей; они также не могут быть членами той семьи, в которой у братьев отняли брата, а у родителей — сына, и не могут принимать вместе с ними участия



к. 3846

в священных обрядах. К ослушнику можно правильно и по справедливости применить упомянутый закон о нечестии. Если кто будет настолько несдержан и запальчив по отношению к своим родителям, что в припадке неистового гнева осмелится убить одного из них, убийца, если покойный до своей кончины добровольно простил ему, должен прибегнуть лишь к тем очищениям, что предписаны для невольных убийц; совершив и все остальное, что предписано делать тем, он будет считаться чистым от вины. Но если покойный не простил, тогда человек, совершивший что-либо подобное, подсуден многим законам, ведь он будет судим по самому тяжкому обвинению в оскорблении действием, а равным образом в нечестии и святотатстве, коль скоро он посягнул на жизнь своего родителя. Значит, весьма справедливо было бы подвергнуть отцеубийцу и матереубийцу, совершившего убийство по причине ярости, многократной смертной казни, если бы только было возможно одному и тому же человеку умереть много раз. Ибо закон запрещает человеку защищаться, даже если родители угрожают ему смертью, и ни один закон не позволяет детям убить отца или мать, произведших их на свет. Поэтому закон предпишет человеку сдержаться и вынести все, лишь бы не совершить такого поступка. Раз это так, то к какой же иной ответственности привлечет закон человека, убившего отца или мать? Нет, пусть будет установлено, что для того, кто в ярости убил отца или мать, наказанием будет смерть.[12] Если же брат убьет брата во время стычки при междоусобице или при обстоятельствах, подобных этим, причем он будет лишь обороняться от зачинщика схватки, то он считается чистым от вины так же, как если бы он убил неприятеля. То же самое, если при подобных обстоятельствах гражданин убьет гражданин или чужеземец чужеземца. Если гражданин, обороняясь, убьет чужеземца или чужеземец — гражданина, то, согласно тому же правилу, он считается невиновным. То же самое, если раб убьет раба. Напротив, если раб, хотя бы и обороняясь, убьет свободнорожденного, он подпадает под действие тех же законов, что и отцеубийца. То, что сказано относительно прощения отцом своего убийцы, одинаково касается и всех этих случаев. Если человек по доброй воле простит своего убийцу как совершившего это дело невольно, пусть преступник прибегнет к очищениям и по закону выселится на один год из страны.

Относительно убийств насильственных или непреднамеренных, а также происходящих под влиянием ярости достаточно сказано. Затем нам надо поговорить о случаях намеренного убийства или убийства, происходящего под влиянием крайней необуздан-

ности, а также о злом умысле, возникающем из-за приверженности человека к удовольствиям и из-за страстей и зависти.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. И в этом случае мы сначала по мере сил укажем,
сколько здесь может быть видов. Самое великое зло — это господ- 870
ство страсти, когда душа дичает от вожделений. Всего более это
проявляется в том, к чему у большинства имеется самое глубокое
и сильное вожделение, то есть в силе, которая вследствие дурных
природных свойств и воспитания порождает тысячи побуждений
к ненасытному и беспредельному стяжанию имущества либо де-
нег. Причиной же невоспитанности служит распространенное
среди эллинов и варваров мнение, превратно восхваляющее богат-
ство. Признавая богатство первым из благ — между тем как на са-
мом деле оно стоит лишь на третьем месте, — они портят и самих b
себя, и свое потомство. Насколько лучше и прекраснее было бы,
если бы во всех государствах господствовал истинный взгляд на
богатство: оно существует ради тела, тело же существует ради
души. Раз имеются блага, ради которых и существует богатство,
значит, его надо поставить на третье место — после телесных и ду-
шевных качеств. Положение это учит, что человек, желающий
быть счастливым, должен не стремиться к обогащению, но быть
богатым, сохраняя справедливость и рассудительность. В этом c
случае в государствах не было бы убийств, которые требуют для
своего искупления других убийств. А теперь, как мы и заметили
вначале, есть одно, и притом величайшее, зло,[13] требующее вели-
чайшего наказания за намеренно совершенное убийство. На вто-
ром месте стоит честолюбие, порождающее в одержимой им душе
зависть, которая с трудом уживается прежде всего со своим вла-
дельцем, а затем и с лучшими людьми в государстве. На третьем
месте стоят низменные и неправедные страхи, которые вызывают
много убийств, когда человек хочет, чтобы никто, кроме него, не
знал о совершении им — теперь или в прошлом — тех или иных d
поступков, вот он и устраняет путем умерщвления всех тех, кто
мог бы о них донести.

Пусть все это послужит вступлением к такого рода законам.
Вдобавок можно напомнить учение, которому многие люди очень
верят, когда слышат его из уст тех, кто во имя него ревностно зани-
мается священными таинствами. Учение это утверждает, что за
все подобного рода поступки человека ожидает расплата в Аиде, а
когда он снова вернется на Землю, ему придется расплатиться со-
гласно природному правосудию, то есть испытать участь постра- e
давшего от него лица, в своей тогдашней жизни он подобным же

образом будет убит другим человеком. Кто повинуется и уже на основании самого вступления всячески страшится этого правосудия, тому совсем не нужно, чтобы и закон это провозглашал. Но для ослушника пусть будет дан следующий закон, и притом
871 в письменном виде.

Кто с заранее обдуманным намерением и противозаконно собственной рукой убьет кого-либо из своих соплеменников, тот прежде всего лишается покровительства законов, не смеет осквернять своим присутствием ни святилищ, ни рыночной площади, ни гаваней, ни иных общих мест собраний; при этом все равно, запретил ли кто преступнику туда вход или нет, ведь сам закон запрещает ему это и будет выражать такой запрет всегда в защиту всего государства. Кто из родичей покойного, включая двоюродных
b родственников по мужской или по женской линии, не возбудит судебного преследования против преступника и не потребует прекращения всякого общения с ним, на того прежде всего обращается скверна и вражда богов, как об этом предупреждает слово закона. Во-вторых, всякий желающий отомстить за покойного может привлечь к суду преступника. Человек, желающий отомстить, пусть выполнит все, что касается тщательного совершения очистительных омовений и прочих обычаев, предписанных богом. Далее, пусть сделает предупреждение, а затем уже он может заста-
c вить преступника подвергнуться законному правосудию. Законодателю легко показать, что все это должно сопровождаться некими молитвами и жертвоприношениями определенным богам, которые пекутся о том, чтобы в государствах не совершалось убийств. Стражи законов совместно с толкователями, прорицателями и божеством установят, каким образом надо учинять подобные дела, и издадут законы о том, каким богам это подвластно и какой способ ведения таких судебных дел всего вернее соответст-
d вует божественному праву. Судьи здесь будут те же, которые, как было сказано, правомочны в суде над святотатцами.

В случае признания виновности преступник наказывается смертью; его не следует хоронить в стране пострадавшего, так как кроме нечестия преступник выказал еще и бесстыдство. Кто не пожелает подвергнуться суду и с помощью бегства от него уклонится, пусть навсегда остается в изгнании. Если же преступник снова где-нибудь вступит в страну убитого, то первый встречный, будь то член семьи умершего или же кто-нибудь из остальных граждан,
e может его невозбранно убить либо, связав, передать для казни правителям, являющимся судьями в таких делах. Истец пусть вместе с тем требует, чтобы лицо, которому он предъявляет иск, представи-

ло поручителей. Ответчик же пусть представит тех поручителей, которых данные судьи признают достойными, иначе говоря, трех верных поручителей, которые поручатся, что обвиняемый явится в суд. Того, кто не желает или не может представить поручителей, власти задерживают, берут под стражу и предоставляют решению суда. Если кто убил не собственноручно, а лишь замышлял кого-нибудь умертвить и, став из-за этого своего желания и замысла 872
виновником смерти этого человека, продолжает жить в государстве, не очистившись от убийства, то разбор дела и в этом случае происходит так же, за исключением поручительства. Виновному дозволяется быть погребенным у себя на родине, все же остальное здесь происходит точно так же, как там. Это одинаково касается отношений как между чужеземцами, так и между гражданами и чужеземцами; касается это и отношений между рабами, как в случае убийства собственной рукой, так и в случае намерения убить. b
Исключением здесь является лишь поручительство; поручители, как уже было сказано, требуются только тем, кто собственноручно совершил убийство. Тот, кто обвиняет кого-либо в таком убийстве, должен одновременно требовать и поручительства. Если раб намеренно убьет свободнорожденного человека, собственноручно ли или замыслив это убийство, и будет признан виновным, пусть государственный палач отведет его к надгробному памятнику умершего, так, чтобы он мог видеть могилу, и здесь подвергнет его стольким ударам бича, сколько предпишет обвинитель; если раб не умрет во время бичевания, его предают смерти. Если же кто убьет раба, не совершившего ничего дурного, из опасения, как бы c
он не донес о позорных и злых делах этого человека или по какой-нибудь другой подобной причине, то убийца раба подвергнется такому же наказанию, как за убийство гражданина.

Бывают случаи, при которых очень страшно и нелегко издавать законы, между тем как не издать их невозможно. Таковы случаи намеренного и во всех отношениях несправедливого убийства, собственноручного или подстроенного, которое случается между d
родственниками. В большинстве случаев это бывает в плохо устроенных и диких государствах, но отдельные случаи такого рода могут встретиться и там, где их меньше всего ожидаешь. Поэтому надо повторить то, что мы недавно сказали, чтобы тот, кто нас слушает, по этой причине лучше добровольно воздержался от тех убийств, которые во всех отношениях самые нечестивые. Ведь древние жрецы ясно рекли слово или сказание — как бы это ни называть — о том, что за пролитие крови родичей мстит блюститель- e
ница Правда;[14] пользуясь только что названным законом, она пред-

писывает, чтобы человек сам неизбежно подвергся тому, что он совершил. Если кто убил когда-нибудь своего отца, то настанет час и ему придется со стороны своих детей подвергнуться такому же насилию. Если же он убил свою мать, то ему неизбежно суждено вновь родиться уже в виде женщины, а впоследствии лишиться жизни от собственного же чада. Ибо нет иного способа очиститься от пролитой родной крови; кровавое пятно нельзя смыть до тех пор, пока душа виновного не искупит своего преступления тем же самым образом: подобное подобным, убийство — смертью от
873 руки убийцы — и не успокоит тем самым гневный дух родни. Поэтому каждому следует воздерживаться от таких преступлений из страха перед божественным возмездием. Если же иных людей все-таки постигнет эта несчастная судьба и они намеренно и добровольно осмелятся разлучить с телом душу своего отца, матери, брата или ребенка, то на этот случай смертным законодателем издается следующее установление. После предупреждения об иске
b люди эти объявляются вне закона; поручительство они должны представить таким же образом, как в упомянутых раньше случаях. И если человек будет уличен в подобном преступлении, то есть если он действительно убил кого-нибудь из своих родичей, его предают смертной казни служители судей и должностные лица, а тело его обнаженным должно быть выброшено за пределы государства, на отведенный для этого перекресток. Затем все должностные лица от лица всего государства пусть принесут каждый по камню и бросят его в голову трупа, чтобы таким образом очистить все государство.[15] После этого труп выносят к крайним пределам страны и здесь выбрасывают, причем по закону он лишается по-
c гребения.

Чему же в таком случае должен подвергнуться человек, убивший то, что всего ближе и, как говорится, всего дороже? Я говорю о самоубийцах, которые насильно лишают себя того, что им суждено судьбой, хотя их к этому не приговаривало государство, не вынудила неотвратимым страданием несчастная случайность или выпавший на их долю тягостный стыд, делающий невозможной жизнь, сами над собой творят они этот неправедный суд из-за своей слабости и отсутствия мужества. Что касается очищения и
d погребения такого человека, то обычаи эти ведомы богу. Поэтому ближайшие родственники должны обратиться к толкователям и вместе с тем к законам, касающимся этих дел, и поступить согласно их предписаниям. Погребать самоубийц надо прежде всего в одиночестве, а не вместе с другими людьми. Далее, столь бесславных людей надо хоронить на пустырях, не имеющих имени, на

границах двенадцати частей государства, не отмечая при этом места их погребения ни надгробными плитами, ни надписями.[16]

Если подъяремная скотина или иное какое-нибудь животное убьет человека (исключение здесь составляют те случаи, когда это e
постигает атлета, выступающего на общегосударственном состязании), то родственники должны выступить судебным порядком против убийцы; дело разбирают агрономы, выбранные в любом числе каким-нибудь родственником. Уличенное животное убивают и выбрасывают за пределы страны. Если же неодушевленный предмет лишит человека души, за исключением молнии и тому подобных перунов божеств, иными словами, если предмет своим падением убьет человека или человек сам на него упадет, пусть родственник выберет в судьи для этого дела своего самого близко- 874
го соседа и перед ним очистит себя и всю свою родню; виновный же предмет надо выбросить вон, как это было указано для животных.

Если, с другой стороны, обнаружена чья-нибудь смерть, но неясно, кто убийца, и даже после тщательных розысков не смогут его найти, то вступают в силу те же самые предупреждения, что и в остальных случаях. Совершившего объявляют виновным в убийстве, решение суда провозглашается на рыночной площади: «Убивший такого-то осужден за убийство и не имеет доступа b
в святилища и вообще в страну, где жил пострадавший; если он появится и будет опознан, он будет предан смертной казни и без погребения выброшен вон за пределы страны пострадавшего». Пусть у нас действует один такой главный закон об убийстве.

Вот как до сих пор обстоит дело с такими вещами. Что же касается того, при каких условиях убийство какого-нибудь человека не ставится в вину убившему, то здесь пусть будет постановлено следующее: если кто ночью убьет вора, захватив его при попытке ограбить дом, тот невиновен; кто, обороняясь, убьет грабителя, тот невиновен; если кто-то пытается изнасиловать свободнорож- c
денную женщину или отрока, того может невозбранно убить лицо, подвергнувшееся насилию, а так же отец, братья или сыновья. Если муж застанет кого-нибудь, пытавшегося изнасиловать его жену, то по закону он невиновен, коль скоро убьет насильника;[17] если кто совершит убийство, защищая своего отца, не сделавшего ничего нечестивого, или свою мать, детей, братьев, супругу, то он совершенно невинен.

Мы уже установили законы о воспитании и образовании жи- d
вой души, делающих для нее приемлемой жизнь (для души, лишенной их, жизнь невозможна), а также относительно смертной

казни, являющейся карой за насилие; сказано нами также о телесном уходе и воспитании. Вслед за тем надо рассмотреть намеренные и невольные насильственные деяния, учиняемые друг другу людьми. Надо по мере сил определить, каковы они, сколько их [видов] и какие наказания были бы полезны в этих случаях.[18] Вот о
e чем, видимо, правильно было бы установить дальше законы.

На втором месте после убийства всякий, даже самый неумный из законодателей, поставил бы ранения, а также увечья от ран. Как мы различили разные виды убийства, так нужно различать и виды ранений: одни из них причиняются невольно, другие — в состоянии ярости, третьи — под влиянием страха, четвертые — с сознательным умыслом. Относительно всего этого надо предварительно сказать вот что: людям необходимо установить законы и жить по законам, иначе они ничем не будут отличаться от самых диких
875 зверей. Причина здесь та, что природные свойства человека далеко не достаточны, чтобы распознать все полезное для человеческого общежития или, даже распознав это, всегда быть в состоянии осуществлять высшее благо и стремиться к нему. Прежде всего трудно распознать, что истинное искусство государственного правления печется не о частных, но об общих интересах — ведь эта общность связует, частные же интересы разрывают государство — и что как для того, так и для другого, то есть для общего и для частного, полезно, если общее устроено лучше, чем частное.
b Во-вторых, если даже кто и распознает, что от природы все это обстоит именно так, и усвоит это в достаточной мере на деле, то впоследствии, став неограниченным и самовластным главой государства, он ни в коем случае не сумеет остаться при этих взглядах и не сочтет нужным всю свою жизнь поддерживать в государстве общие нужды, предоставляя частным нуждам следовать за общими. Нет, его смертная природа всегда будет увлекать его к корысти и служению своим личным интересам. Безрассудно избегая страданий и стремясь к удовольствиям, она поставит их выше того, что
c более справедливо и лучше. Себя самое она ввергнет в мрак и в конце концов преисполнит всяческим злом и себя, и все государство в целом. Ведь если бы по воле божественной судьбы появился когда-нибудь человек, достаточно способный по своей природе к усвоению этих взглядов, то он вовсе не нуждался бы в законах, которые бы им управляли. Ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоят выше знания. Не может разум быть чьим-либо послушным рабом; нет, он должен править всем, если только по
d своей природе подлинно свободен. Но в наше время этого нигде не встретишь, разве что только в малых размерах. Поэтому надо при-

нять то, что после разума находится на втором месте, — закон и порядок, которые охватывают своим взором многое, но не могут охватить всего. Все это было сказано с такой именно целью.

Теперь мы установим, чему должен подвергнуться или что должен уплатить человек, ранивший другого или нанесший ему какое-нибудь повреждение. У каждого вполне основательно возникнет здесь много вопросов: куда нанесена рана, кого ранили, как и когда — все надо им объяснить, ведь здесь есть несчетное количество случаев, сильно отличающихся друг от друга. Поручить e
суждение обо всем этом судам невозможно, отнять у них это право тоже нельзя. Зато одно необходимо предоставить их решению, а именно, произошло ли действительно ранение, или его вовсе не было. Впрочем, ничего не предоставлять их усмотрению из вопросов о наказании и должной каре обидчику, но самому установить законы о всех существенных и незначительных видах ранений 876
тоже едва ли возможно.

Клиний. Что же нам на это сказать?

Афинянин. А вот что: часть вопросов надо предоставить судам; другую же часть им предоставить нельзя, а надо самому установить здесь законы.

Клиний. О чем же надо установить законы и что можно передать на решение судей?

Афинянин. Правильнее всего было бы сказать вот что: в государстве, где негодные, безгласные суды скрывают свои мнения и втайне принимают решения или, что еще более ужасно, выносят b
их не спокойно, но среди страшного шума, точно в театре, криками поощряя или порицая каждого из выступающих ораторов, — в таком государстве обычно создается трудное положение. Необходимость давать законы таким судам не приносит никакой радости. Однако, если кто все-таки вынужден устанавливать законы для подобного государства, нужно бóльшую часть их подробно оговорить самому, судьям же предоставить установление c
наказаний лишь по самым пустячным делам. Зато в государстве, где суды по мере сил устроены надлежащим образом, где те, кто собирается стать судьями, хорошо воспитаны и их прошлое подвергнуто тщательной проверке, там в большинстве случаев предоставление судьям решения, какому наказанию должны подвергаться виновные или какую пеню уплатить, будет делом правильным и прекрасным. Поэтому нам нельзя сейчас поставить в упрек, что мы не даем им самых важных и многочисленных пред- d
писаний, ведь даже получившие не очень хорошее воспитание судьи могут сообразить, какое нужно установить наказание за то

или иное преступление, чтобы оно было достойно совершенного проступка и вызванного им страдания. А раз мы считаем судей, для которых мы устанавливаем законы, ничуть не хуже тех, о которых сейчас сказали, то им можно предоставить весьма многое. Впрочем, как мы нередко указывали и как мы поступали раньше, устанавливая законы, надо и здесь дать общий обзор и типы взыс-
e каний, которые служили бы судьям образцами и препятствовали бы им выходить за пределы правосудия. Тогда это было правильно; и теперь надо, поступив точно так же, снова вернуться к законам.

Иск по делам о ранении будет у нас установлен так: если (за исключением тех случаев, когда это допускается законом) кто с заранее обдуманным намерением хотел убить мирного обитателя, но не смог этого сделать, а лишь ранил его, такого человека, злонамеренно нанесшего рану, не стоит жалеть, без всякого зазрения со-
877 вести его надо привлечь к суду точно так же, как и убийцу. Однако из уважения к его не совсем злой судьбе и к божеству, которое смилостивилось над ним и над раненым, отвратив от одного из них смертельную рану, а от другого — проклятую участь и несчастье, в благодарность этому божеству, чтобы ему не противиться, надо избавить от смертной казни того, кто нанес рану, и заменить ее пожизненной высылкой в соседнее государство с сохранением права
b пользования всем принадлежащим ему имуществом. Если же он нанес раненому увечье, то обязан его возместить согласно оценке суда, которому подлежит это дело. Это тот самый суд, куда поступило бы дело об убийстве, если бы пострадавший скончался от нанесенной раны. Если сын умышленно ранит своих родителей, а раб — своего господина, то наказанием назначается смертная казнь. Если точно так же брат ранит брата или сестру или сестра — брата или сестру и будет доказана умышленность нанесения раны,
c то наказанием назначается смертная казнь. Жена, ранившая своего мужа, или муж — свою жену — с заранее обдуманным намерением убить — должны отправиться в вечное изгнание. Об имуществе изгнанного, если его сыновья или дочери малолетние, позаботятся опекуны и возьмут под опеку детей как сирот. Если же дети уже взрослые, то они наследуют собственность родителей, причем без обязательства содержать изгнанника. Если такое несчастье постигнет человека бездетного, то родственники изгнанника,
d вплоть до двоюродной степени родства с обеих сторон как по мужской, так и по женской линии, должны собраться вместе и назначить наследника этого дома — одного из пяти тысяч сорока домов в государстве, — посоветовавшись со стражами закона и жрецами

и приняв в соображение следующее правило: ни один дом из числа
пяти тысяч сорока не является собственностью его обитателя или
его семьи, но скорее частной собственностью всего государства.
А государственные дома должны быть по мере сил как можно бо-
лее благочестивыми и счастливыми. Если какой-нибудь из этих
домов впадает в такое нечестие и несчастье, что владелец не оста- e
вит в нем детей, будучи холостым или бездетным в браке, и в то же
время будет изобличен в умышленном убийстве или в ином пре-
ступлении против богов либо граждан, за которое законом ясно
определена смертная казнь, или будет отправлен в вечное изгна-
ние, то по закону надо прежде всего совершить очищение этого
дома и принести искупительные жертвы Зевсу. Затем домочадцы,
как было только что сказано, должны собраться вместе со стража- 878
ми законов и рассмотреть, какая семья в государстве снискала себе
наилучшую славу своей добродетелью и счастливой судьбой, при-
том что в ней есть несколько детей: одного из этих детей надо сде-
лать приемным сыном отца покойника и всех предков этого рода и
дать ему доброе имя, дабы он при более счастливых предзнамено-
ваниях, чем его отец, стал отцом семейства, домохозяином и за-
ботливым исполнителем благочестивых священнодействий. По-
молившись таким образом, его назначают законным наследником,
а преступник остается без имени, без детей, без надела, коль скоро
его постигло такое несчастье. b

Конечно, не у всего, что существует, предел соприкасается
с пределом, бывают промежутки, внедренные в пределы, предше-
ствующие им и оказывающиеся между ними. То же самое можно
сказать и о намеренных или невольных поступках, совершенных
в состоянии ярости. Итак, если кто будет уличен в том, что именно
в этом состоянии он нанес рану другому, то прежде всего он дол- c
жен в двойном размере возместить ущерб, если рана излечима;
если же неизлечима, он должен возместить ущерб в четверном раз-
мере. Если рана излечима, но раненый понес великий позор и по-
ношение, виновный должен возместить ущерб в тройном размере.
Если же ранение вредит не только пострадавшему, но и государст-
ву, так как раненый лишился возможности защищать родину от
врагов, виновник сверх остальных наказаний возмещает ущерб,
нанесенный им государству: кроме собственной воинской повин-
ности он несет ее также и за увечного, заместив его в военном d
строю. Если он не исполнит этого, любой желающий может
привлечь его по закону к суду за уклонение от воинской службы.
Судьи, назначенные путем голосования, определяют двойное,
тройное или четверное возмещение за нанесенный ущерб. Если

брат ранит брата указанным образом, родственники со стороны
его отца и матери, вплоть до двоюродной степени родства по жен-
ской и мужской линии, собираются вместе — и мужчины, и жен-
щины — на совет, а определение наказания поручают его родите-
e лям. Если степень наказания вызывает споры, берет верх решение
родственников по мужской линии. Если же и они не в силах этого
сделать, то в конце концов они поручают это стражам законов. Не-
обходимо, чтобы судьи по делам о ранениях, нанесенных родите-
лям детьми, уже переступили за шестьдесят лет и имели бы детей,
не приемных, а своих собственных. Если кто будет уличен в пре-
ступлении, надо определить, должен ли такой человек быть просто
казнен, подвергнут чему-то еще большему или же должен понести
немного меньшее наказание. Из родственников преступника ни-
кто не имеет права участвовать в суде, даже если он достиг поло-
879 женного законом возраста. Если раб в припадке ярости ранит сво-
бодснорожденного человека, его владелец передает этого раба
раненому — пусть тот поступит с ним как угодно. Если же он не
передаст раба, то сам должен искупить нанесенный ущерб. Если
он обвиняет раба и раненого в заговоре и какой-нибудь уловке,
он может начать тяжбу. Если он не выиграет, он втройне оплачи-
вает ущерб, а если выиграет, то тот, кто хитрил вместе с рабом,
подпадает под обвинение в незаконном присвоении раба. Кто не-
b вольно ранит другого, тот просто возмещает ему ущерб, потому
что никакой законодатель не волен над судьбой. Судьями пусть
будут те же лица, которые указаны для случаев ранения детьми ро-
дителей, они определяют размер возмещения убытка за понесен-
ный ущерб.

Все указанные нами сейчас действия являются насильствен-
ными. Всякий вид оскорбления действием есть также насилие.
Каждый мужчина, женщина и ребенок должны всегда мыслить об
этом так: престарелые люди гораздо больше заслуживают почте-
ния, чем молодые, в глазах богов, а также людей, желающих быть
c счастливыми и невредимыми. Позорное для государства и ненави-
стное богам зрелище, когда младший бьет старшего. Если же ста-
рик ударит молодого человека, тот должен терпеливо подавить
свой гнев, имея в виду, что и ему самому, когда он состарится, бу-
дет предоставлено такое же преимущество. Итак, пусть действует
такое постановление: всякий и в делах, и в речах должен у нас со-
веститься тех, кто старше его. Каждого мужчину и каждую жен-
щину, на двадцать лет старших себя, надо считать отцом или ма-
терью и бережно к ним относиться. Ради богов — покровителей
рождения надо удерживаться от оскорбления всех тех, кто по свое-

му возрасту мог бы тебя родить и произвести на свет. По этой при- d
чине не следует оскорблять даже чужеземца, все равно, давно ли
тот поселился в стране или же прибыл недавно, ни по собствен-
ному почину, ни ради защиты не дóлжно вразумлять ударами че-
ловека такого возраста. Если же кто находит, что надо обуздать
чужеземца, нагло и бесстыдно напавшего на него с ударами, то
он может его задержать и отвести к правителям-астиномам, но
сам пусть воздержится от побоев. Тем более он должен остерегать-
ся дерзко ударить когда-нибудь своего земляка. Чужеземца, со-
вершившего это, астиномы задерживают и производят разбор e
дела, бережно относясь к богу — покровителю чужеземцев. Если
они решат, что чужеземец несправедливо бил местного жителя,
они назначат ему столько же ударов бичом, сколько он нанес
сам, — за его чужеземную дерзость, этим дело и ограничивается.
Если же чужеземец поступил по справедливости, то астиномы,
пригрозив и вынеся порицание тому, кто его вызвал в суд, отпус-
кают обоих.

Если сверстник побьет своего сверстника или человека старше
себя, но не имеющего детей, или если старик побьет старика либо 880
юноша — юношу, то разрешается естественная защита, но без ору-
жия, лишь голыми руками. Если же человек, переступивший за со-
рок лет, осмелится с кем-нибудь драться, сам являясь зачинщиком
или только обороняясь, его будут считать грубым, неблагородным
и подобным рабу, и такое порицание будет подобающим ему нака-
занием. Если он повинуется такому увещанию, его легко обуздать.
А неповинующийся, не обращающий никакого внимания на введе-
ние к этим законам, пусть будет готов к принятию следующего
узаконения: если кто побьет человека старше на двадцать лет, чем
он сам, и более, то прежде всего свидетель этого происшествия, b
если он не ровесник и не моложе дерущихся, должен их разнять,
иначе он прослывет по закону дурным гражданином. Если же он
ровесник тому, кого бьют, или еще моложе его, он должен прийти
к нему на помощь как к своему брату, отцу или вообще обиженно-
му старшему родственнику. Кроме того, как было указано, осме-
лившийся бить старшего подпадает под обвинение в оскорблении
действием. Если он будет уличен, его приговаривают к тюремно-
му заключению не меньше чем на год. Если же судьи назначат c
больший срок, пусть этот назначенный ему срок войдет в силу.
Если чужеземец или метек побьет человека, на двадцать или более
лет старшего, чем он сам, тот же самый закон точно так же призы-
вает всех вступиться за пострадавшего. Проигравший судебное
дело, раз он чужеземец, а не местный житель, подвергается в на-

казание двухлетнему тюремному заключению; если же метек не послушался законов, то он заключается в тюрьму на три года, коль
d скоро суд не назначит ему большего срока. Свидетель такого происшествия, не пришедший, однако, на помощь, как это предписывает закон, подвергается пене в размере одной мины, если он принадлежит к высшему классу, в пятьдесят драхм — если он принадлежит ко второму классу, тридцати — если к третьему, двадцати — если к четвертому. Суд над такими людьми состоит из стратегов, таксиархов, филархов и гиппархов.

По-видимому, одни из законов устанавливаются ради людей порядочных с целью научить их, каким образом надо общаться
e друг с другом, чтобы жить в мире; другие же законы даются для людей, не получивших воспитания и обладающих неподатливой природой, которую ничем нельзя смягчить,— даются с той целью, чтобы люди эти не предались окончательно пороку. Именно такие люди и заставляют нас высказать то, что будет сказано. Законодатель дает им законы только вынужденно и предпочел бы, чтобы законы эти никогда не применялись.

Если кто осмелится применить насилие и оскорбить отца, мать или их родителей, не убоявшись ни гнева вышних богов, ни возмездия, ожидающего, как считается, человека в Аиде; если такой
881 человек, словно зная все то, чего он вовсе не знает, презирает древние, всеми рассказываемые предания и поступает вопреки законам, то, чтобы отвратить такого человека от преступления, нужны крайние меры. Смерть не будет еще такой крайней мерой; скорее уж муки, которые существуют, как говорят, в Аиде, и даже еще что-нибудь горшее. Однако даже учения, возвещающие высшую истину,[19] не производят никакого впечатления на подобные души и не отвращают их от преступления. Ведь иначе не существовало бы ни матереубийц, ни дерзкого и нечестивого нанесения побоев другим своим старшим родичам. В этих случаях наказание, еще при жизни постигающее подобных людей за такие поступки,
b ничем, насколько это возможно, не должно уступать наказанию в Аиде.

Теперь надо сказать так: если кто, не будучи охвачен безумием, осмелится бить своего отца или мать или их родителей, то прежде всего любой встречный должен прийти тем на помощь, как и в указанных раньше случаях. Метек или чужеземец, оказавший такую помощь, получает право занимать почетные места во время состязаний. Лица же, не оказавшие помощи, навсегда изгоняются из страны. Неметек, оказавший помощь, получает похвалу; не ока-
c завший ее подвергается порицанию. Раб, оказавший помощь, ста-

новится свободным; не оказавшего такой помощи раба агораномы
наказывают сотней ударов плетью, если преступление произошло
на рыночной площади; если же оно совершилось вне площади,
где-нибудь в городе, то дело астиномов наказать того, кто здесь
живет. В случае если это происходит где-то в деревне, наказание
осуществляют начальники агрономов. Каждый встречный мест-
ный житель — мужчина ли, мальчик или женщина — обязан да-
вать отпор такому человеку, считая его нечестивым. Не давший d
отпора навлекает на себя по закону проклятие Зевса, покровителя
родственных связей и отцовских прав.[20] Кто будет уличен в жесто-
ком обращении с родителями, тот прежде всего навсегда изгоняет-
ся из города в другие места страны и не допускается ни к каким
святилищам. Когда он туда явится, агрономы наказывают его по-
боями и любым другим способом по своему усмотрению. Если
же он вернется назад, наказанием ему будет смертная казнь. Кто
из числа свободнорожденных людей станет пить или есть вместе
с таким человеком или иным каким-нибудь образом вступит с ним
в общение, или даже, встретив его наедине, добровольно к нему e
прикоснется, тот не должен входить в святилище, посещать
рыночную площадь и вообще город, пока не очистится, так как
он должен считать, что соприкоснулся с пагубной судьбой. Если
он не послушается закона и вопреки ему осквернит святилище
и город, должностное лицо, заметившее это и не привлекшее
его к суду, берет на себя ответственность за нарушение своих
обязанностей и, конечно, достойно наказания. Если раб побьет 882
свободнорожденного человека, все равно гражданина или чуже-
земца, первый встречный должен прийти тому на помощь, иначе
он заплатит указанную нами раньше пеню согласно своему иму-
щественному цензу. Случившиеся там люди вместе с потерпев-
шим должны связать его и передать этому потерпевшему. Тот же,
получив своего обидчика, может, заковав его в колодки, бичевать b
его, сколько ему угодно, лишь бы только не причинить этим ущер-
ба господину раба; затем он передает его господину, и пусть тот
владеет им по закону. А закон таков: если кто, будучи рабом,
побьет свободнорожденного человека без приказания на то дол-
жностных лиц, то хозяин, получив своего раба от пострадавше-
го, держит его в оковах и освобождает не раньше, чем раб убедит
пострадавшего в том, что он достоин жить на свободе. Все эти c
законы равным образом касаются взаимоотношений женщин,
отношений женщин с мужчинами и отношений мужчин с жен-
щинами.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Общий закон для всех видов насилия. Другие правонарушения

884 *Афинянин.* После рассмотрения вопроса об оскорблениях действием дадим примерно такое узаконение, одинаковое для насилия любого рода: никто не должен ни похищать ничего из чужого имущества, ни пользоваться чем бы то ни было из того, что принадлежит соседям, без разрешения на то со стороны владельца. В самом деле, в зависимости от этого возникли, происходят и будут происходить все вышеуказанные бедствия. Из прочих зол величайшим является распущенность и дерзость молодежи, в особенности велико зло, если это проявляется по отношению к государственным святыням или святыням, общим для членов филы
885 и других подобных объединений. Вторыми по степени важности являются оскорбления, наносимые частным святыням и могилам. На третьем месте стоит дерзость в отношении к родителям; когда такая дерзость проявляется,[1] ее следует отличать от вышеупомянутых оскорблений действием. Четвертый род дерзости — когда человек, небрежно относясь к должностным лицам, похищает их вещи или пользуется чем-то им принадлежащим без их на то разрешения. На пятом месте можно поставить нарушение гражданских прав любого гражданина, это влечет за собой вызов в суд. Для каждого из этих случаев должен быть издан во имя общего блага закон.

Преступления против богов. Три типа неправильного отношения к богам

Мы уже разобрали вкратце вопрос о наказании за святотатство, если оно проявляется
b в насильственном и тайном похищении священных предметов. Но законам о каре, которую должен понести человек, словом или делом оскорбляющий богов, надо предпослать наставление. А наставление это будет таким: никто из тех, кто, согласно с законами, верит в существование богов, никогда намеренно не совершит нечестивого дела и не выскажет беззаконного слова. Человек может это сделать в одном из трех случаев: либо, повторяю, если он не верит в существование богов, либо (второй случай) хотя и верит в их бытие, но отрицает их вмешательство в людские дела,[2] либо, наконец (третий случай), если человек полагает, будто богов легко склонить в свою пользу и умилостивить жертвами и молитвами.

c *Клиний.* Как же нам поступить с такими людьми и что о них сказать?

Афинянин. Прежде выслушаем, дорогой мой, их самих. Я угадываю, что они станут шутливо говорить в сознании своего превосходства над нами.

Клиний. Что же именно?

Афинянин. Поддразнивая нас, они, возможно, скажут следующее: «Афинский чужеземец, ты, лакедемонянин, и ты, кносец, вы говорите правду. В самом деле, некоторые из нас совершенно не признают богов, а другие признают их такими, как вы говорите. Мы считаем справедливым, чтобы вы, прежде чем грозить нам су- d
ровыми карами, попробовали сперва — как вы это сочли нужным сделать с законами — убедить и наставить нас в том, что боги существуют и что они слишком благи, чтобы их можно было вопреки справедливости преклонить и прельстить какими-нибудь дарами. Ведь ныне мы слышим именно такое мнение или подобное ему от лучших и самых признанных поэтов, ораторов, прорицателей, жрецов и бесчисленного множества других людей. Поэтому большинство из нас заботится не о том, чтобы не совершать несправедливости, но лишь старается изо всех сил загладить уже совершен- e
ные. Мы считаем справедливым, чтобы законодатели, объявившие себя кроткими, а не свирепыми, применили сначала по отношению к нам убеждение. Если вы будете говорить о существовании богов даже немногим лучше, чем говорят остальные, все же это будет лучше в отношении к истине. И может статься, мы легко дадим себя убедить. Однако попытайтесь, если мы не говорим чего-то несообразного, ответить на наш призыв».

Доказательство существования богов

Клиний. Но, чужеземец, не кажется ли тебе, что довольно легко доказать правоту тех, кто утверждает, что боги существуют?

Афинянин. Каким образом? 886

Клиний. Да прежде всего доказывают это Земля, Солнце, звезды, вся вообще Вселенная, весь этот прекрасный распорядок времен, подразделение на годы и месяцы. Затем — все греки и варвары признают существование богов.[3]

Афинянин. Боюсь я, мой милый, негодных людей (не скажу никогда, будто я их стыжусь), как бы они не отнеслись к нам с презрением. Ведь вы не знаете, чем они отличаются, вы полагаете, что души их преданы нечестивой жизни только из-за своей необуздан- b
ности в удовольствиях и страстях.

Клиний. Что же еще, чужеземец, может служить причиной?

Афинянин. А то, чего вы, живущие в других условиях,[4] пожалуй, не знаете: это остается от вас скрытым.

Клиний. О чем это ты сейчас говоришь?

21 Зак. 3846

Афинянин. О некоем весьма тяжком невежестве, кажущемся величайшей разумностью.

Клиний. Как понять твои слова?

Афинянин. У нас, афинян, есть сказания о богах, закрепленные письменно — частью в стихах, частью в простом изложении. У вас
c их нет благодаря, насколько я могу судить, хорошему государственному строю. Древнейшие из сказаний повествуют о происхождении первой природы неба и всех остальных вещей. Вслед за тем сказания переходят к происхождению богов и повествуют о взаимоотношении богов после их возникновения.[5] Впрочем, если в известном смысле эти сказания плохо влияют на слушателей, в этом трудно их укорять ввиду их глубокой древности. Я по крайней мере никогда не похвалил бы их, говоря, что они полезны и способствуют попечению о родителях и их почитанию или что в них рассказывается полностью правдивая быль.[6] Однако довольно о
d древних сказаниях. Распростимся с ними, и пусть они повествуются лишь постольку, поскольку они любезны богам. Но зато пусть подвергнутся нашему порицанию сочинения нового поколения мудрецов, поскольку они являются причиной зол. Вот что влекут за собой сочинения подобных людей: мы с тобой, приводя доказательства существования богов, говорим об одном и том же — о Солнце, Луне, звездах, Земле — как о богах, о чем-то божественном. Люди же, переубежденные этими мудрецами, станут возражать: все это — только земля или камни и, следовательно, лишено
e способности заботиться о делах человеческих.[7] Приукрасив словами это мнение, они делают его весьма убедительным.

Клиний. Ты натолкнулся, чужеземец, на трудный довод, даже если бы он был только один. Но таких доводов множество, поэтому дело становится теперь еще труднее.

Афинянин. Что делать! Однако как же нам ответить и как поступить? Станем ли мы защищаться, точно нас кто-то обвиняет перед нечестивыми людьми, снующими вокруг законодательства и утверждающими, будто мы совершаем нечто необычайное, уста-
887 навливая законы в убеждении, что боги существуют? Или мы распростимся с этими людьми и обратимся снова к законам, чтобы наше вступление не получилось длиннее самих законов? Ведь изложение нашего учения вовсе не будет кратким, если мы людям, стремящимся к нечестию, станем, с одной стороны, спокойно доказывать то, о чем, по их мнению, следует в этом случае говорить, а с другой стороны, станем наводить на них страх и возбуждать в них отвращение ко всему тому, что его заслуживает, и лишь после всего этого станем законодательствовать!

Клиний. Но, чужеземец, мы часто в течение короткого времени b высказывали ту мысль, что в настоящей беседе вовсе не надо предпочитать краткость речи ее пространности. Ведь, как говорится, никто за нами не гонится. Было бы смешно, да и плохо, если бы оказалось, что мы выбрали вместо наилучшего то, что покороче. А ведь очень важно, чтобы наше утверждение того, что боги существуют, что они благи и несравненно больше, чем люди, почитают правосудие, приобрело во всяком случае некую убедительность. Это было бы у нас чуть ли не самым лучшим и прекрасным вступ- c лением в защиту всех вообще законов. Итак, совсем не проявляя нетерпения и торопливости и ничего не упуская по мере сил, разберем как следует этот важный вопрос, применив всю силу убеждения, какой мы располагаем.

Афинянин. Произнесенное сейчас тобой слово побуждает, кажется мне, к молитве — столько живого участия ты проявил! Нечего медлить долее! Да и в самом деле: кто без волнения сможет утверждать бытие богов? Не выносить и ненавидеть людей, которые были и поныне являются причиной этих наших речей, неиз- d бежно. Люди эти не верят сказаниям, слышанным ими с детства, когда они питались еще молоком кормилиц и матерей, рассказывавших им эти предания и для забавы, и всерьез, как если бы они пели им зачаровывающие песни. Они слышали эти предания в молитвах при жертвоприношениях. Они видели соответствующие зрелища, весьма приятные как для глаз, так и для слуха молодых людей. Они видели, как их родители с величайшим тщанием относились к принесению жертв, обращаясь за самих себя и за своих детей с молитвами и просьбами к божествам и этим показывая свое глубокое убеждение в бытии богов. Они знают понаслышке, e да и видят сами, что эллины и все варвары как при различных несчастьях, так и при полном благополучии преклоняют колени и повергаются ниц при восходе и закате Солнца и Луны, показывая этим не только полную свою уверенность в бытии богов, но и то, что у них на этот счет даже не возникает сомнения. Однако ко всему этому люди эти относятся с презрением без какого-либо основания, что признаёт всякий, у кого есть хоть немного разума, и вынуждают нас сейчас говорить то, что мы говорим. Сможет ли тут 888 кто-нибудь быть кротким в увещеваниях, если приходится, уча о богах, начинать с доказательства их бытия! Однако отважимся на это! Ибо не подобает, чтобы одни из нас неистовствовали из-за ненасытной страсти к удовольствиям, а другие — в негодовании на подобного рода людей. Итак, хладнокровно обратимся с наставлением к людям со столь испорченным образом мыслей. Станем го-

ворить кротко, подавив свой гнев, словно мы действительно беседуем с одним из них. «Дитя, ты еще молод. С течением времени
b тебе придется изменить многие из твоих теперешних взглядов на противоположные. Поэтому отложи до того времени свое суждение о столь важных предметах. Самое же главное, о чем ты сейчас вовсе не думаешь,— это чтобы человек имел правильное представление о богах, от этого зависит, счастлив или несчастлив он в жизни. Не будет ложью, если я тебе сделаю сперва по этому поводу одно важное замечание: не ты один и не только твои друзья впервые возымели подобное мнение о богах; всегда встречается большее или меньшее число людей, одержимых этой болезнью. Я был знаком со многими из них, и вот что я сказал бы тебе: никто
c из тех, кто в юности держался мнения, будто боги не существуют, никогда не сохранил до старости подобного образа мыслей. Две же остальные напасти остаются — правда, не у большинства людей, а лишь у некоторых: это, во-первых, мнение, будто боги, хотя и существуют, не пекутся о человеческих делах; во-вторых, будто боги хотя и пекутся о людях, однако их легко можно склонить в свою пользу жертвоприношениями и молитвами. Если ты мне поверишь, тебе станет ясным, насколько возможно, этот взгляд на богов; ты отложишь подробное рассмотрение вопроса, обстоит ли
d дело так или иначе, и станешь выспрашивать у других людей, особенно же у законодателя. А тем временем не отваживайся ни на какое нечестие в отношении богов. Тому же, кто издает для тебя законы, надо сейчас попытаться еще раз наставить тебя относительно истинного положения вещей».

Клиний. Все сказанное тобой до сих пор, чужеземец, превосходно.

Афинянин. Совершенно верно, Мегилл и Клиний, но незаметно для самих себя мы натолкнулись на странное учение.

Клиний. О каком учении ты говоришь?

e *Афинянин.* О том, которое большинство людей считает самым мудрым из всех.

Клиний. Выразись яснее.

Афинянин. Некоторые учат, что все вещи, возникающие, возникшие и те, что должны возникнуть, обязаны своим возникновением частью природе, частью искусству, а частью случаю.[8]

Клиний. Что ж, разве это неправильно?

Афинянин. Конечно, естественно, чтобы учение мудрых лю-
889 дей[9] было правильным. Последуем же за ними и посмотрим, к какому образу мыслей приходят такие люди.

Клиний. Отлично.

Афинянин. Они говорят, что, по-видимому, величайшие и прекраснейшие из вещей произведены природой и случаем, а менее важные — искусством. Искусство получает из рук природы великие и первичные ее творения уже в готовом виде, оно обрабатывает и ваяет лишь то, что менее важно, — это все мы и называем его произведениями.[10] b

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Выражусь еще яснее: огонь, вода, земля и воздух — все это, как утверждают, существует благодаря природе и случаю; искусство здесь ни при чем. В свою очередь из этих [первоначал], совершенно неодушевленных, возникают тела — Земля, Солнце, Луна и звезды. Каждое из этих [первоначал] носилось по воле присущей ему случайной силы, и там, где они сталкивались, они прилаживались друг к другу благодаря некоему сродству: теплое к холодному, сухое к влажному, мягкое к твердому.[11] Словом, все c необходимо и согласно судьбе смешалось путем слияния противоположных [первоначал]; так-то вот, утверждают они, и произошло все небо в целом и все то, что на нем, а также все животные и растения. Отсюда будто бы пошла и смена времен года, а вовсе не благодаря уму или какому-нибудь божеству либо искусству, они учат, повторяю, будто все это произошло благодаря природе и случаю.[12] Искусство же возникло из всего этого позднее; оно смертно само и возникло из смертного позднее, в качестве некой забавы, не слиш- d ком причастной истине, неких сродных всему этому смертному призраков, какие порождают обычно живопись, мусическое искусство и другие искусства, сотрудничающие с ними. Стало быть, из искусств только те порождают что-либо серьезное, которые применяют свою силу сообща с природой, таковы, например, врачевание, земледелие и гимнастика. Ну а в государственном управлении, утверждают эти люди, разве лишь незначительная какая-то часть причастна природе, большая же часть — искусству. Стало быть, и всякое законодательство обусловлено будто бы не природой, но искусством, вот почему его положения и далеки от e истины.[13]

Клиний. Как ты говоришь?

Афинянин. О богах, мой милый, подобного рода люди утверждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причем в различных местах они различны сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства.[14] Точно так же и прекрасно по природе — одно, а по закону — другое; справедливого же вовсе нет по природе.[15] Законодатели пребы-

вают относительно него в разногласии и постоянно вносят здесь все новые и новые изменения. Эти изменчивые постановления законодателей, каждое в свой черед, являются господствующими
890 для своего времени, причем возникают они благодаря искусству и определенным законам, а не по природе.[16] Вот все это-то, друзья мои, и говорят мудрые люди, поэты ли они или простые повествователи, молодым людям, утверждая, что высшая справедливость — это когда кто-то силой одержит верх. Отсюда у молодых людей возникают нечестивые взгляды, будто нет таких богов, признавать которых предписывает закон.[17] Из-за этого же происходят и смуты, так как каждый увлекает других к сообразному с природой образу жизни, а такая жизнь будто бы поистине заключается в том, чтобы жить, одерживая верх над другими людьми, а не находиться в подчинении у других, согласно законам.

b *Клиний.* Какое учение изложил ты, чужеземец! Сколько здесь пагубного для молодых людей как в общегосударственной жизни, так и в частной, семейной!

Афинянин. Ты говоришь правду, Клиний. Что же, по твоему мнению, должен сделать законодатель? Ведь такое положение вещей сложилось уже давно. Должен ли он стать посреди города и только и делать, что грозить всем людям подряд: мол, если даже они не признáют существования богов и не будут считать богов именно такими, какими их признает закон (то же самое и относи-
c тельно прекрасного, справедливого и вообще всего самого важного, того, что направляет к добродетели или к пороку), все равно надо следовать письменным указаниям законодателя как в мыслях, так и в действиях. А кто выкажет себя непослушным законам, тех, мол, он присудит: одного — к смертной казни, другого — к побоям и тюрьме, третьего — к лишению гражданских прав, прочих же накажет лишением имущества в пользу казны и изгнанием? Или же надо одновременно с установлением для людей законов по возможности смягчить свою речь с помощью убеждения?

d *Клиний.* Разумеется, чужеземец, если представляется случай, хотя бы и незначительный, убедить людей в подобных вещах, то любой хоть чего-то стоящий законодатель вовсе не должен считать себе это в тягость, но, наоборот, как говорится, должен возвысить голос, чтобы словом своим послужить древнему закону и доказать существование богов, а также всего того, что ты только что разобрал. Он должен прийти на помощь самому закону и искусству и показать, что оба они — творения природы или не ниже природы хотя бы потому, что являются порождениями ума, согласно

тому, как мне кажется, здравому положению, которое ты сейчас привел и с которым я согласен.

Афинянин. О, неутомимый Клиний! Как? Легко ли следовать за e
положениями, предназначенными для толпы, да к тому же еще бесконечно длинными!

Клиний. Что поделать, чужеземец! Если мы терпеливо выдержали наши собственные пространные рассуждения об опьянении и о мусическом искусстве, неужели же мы не выдержим их, когда речь пойдет о богах и других подобных предметах? Несомненно, это окажется величайшей помощью для законодательства, сопряженного с разумом. Дело в том, что записанные относительно законов наставления будут стоять непоколебимо и в любое время 891
послужат доказательством. Поэтому не надо бояться, если усвоить их вначале будет затруднительно: кто непонятлив, тот сможет часто возвращаться к их рассмотрению. И не надо бояться их пространности — лишь бы они были полезны. Поэтому ни у кого нет основания не оказать по мере сил поддержки этим положениям. К тому же мне это представлялось бы просто нечестивым.

Мегилл. Чужеземец, мне кажется, Клиний говорит отлично.

Афинянин. Да, очень хорошо, Мегилл; и надо поступить имен- b
но так, как он говорит. Ведь если бы подобные учения не были распространены, так сказать, среди всех людей, то не было бы и нужды защищать учение о бытии богов. Но теперь это необходимо. И кому же более всего, как не законодателю, подобает прийти на помощь высочайшим законам, извращаемым дурными людьми?

Мегилл. Некому.

Афинянин. Но повтори мне еще раз, Клиний, ведь ты должен быть участником этих рассуждений: приверженцы упомянутых c
учений, как кажется, смотрят на огонь, воду, землю и воздух как на первоначала всех вещей, и именно это-то они и называют природой. Душу же они выводят позднее из этих первоначал. Впрочем, вероятно, это не только так кажется, но и на самом деле подобный взгляд утверждается этим учением.

Клиний. Да, безусловно.

Афинянин. Так вот мы и нашли, клянусь Зевсом, как бы источник бессмысленного мнения людей, когда-либо бравшихся за исследования о природе. Рассмотри и внимательно разбери все это учение! Было бы очень важно, если бы оказалось, что зачинатели d
этих нечестивых учений совсем не безукоризненно, но, наоборот, ошибочно ведут рассуждение. А мне кажется, что это обстоит именно так.

Клиний. Хорошо сказано, но попытайся разъяснить, в чем их ошибка.

Афинянин. По-видимому, нам придется начать с менее обычных рассуждений.

Клиний. Но это не причина для колебаний, чужеземец. Я понимаю, что ты думаешь, будто, коснувшись этого, мы выйдем за пределы законодательства. Но так как нет другого способа заставить людей согласиться с представлением о богах, даваемым ныне законом, то надо, друг мой, испробовать и этот путь.

Афинянин. В таком случае я скажу, вероятно, необычное слово, а именно: учения, под влиянием которых развивается душа нечестивого человека, объявляют то, что служит причиной возникновения и гибели всех вещей, не первичным, а возникшим позднее; то же, что на самом деле возникло позднее, они объявляют первичным. Отсюда и проистекают их заблуждения относительно истинной сущности богов.

892 *Клиний.* Я пока не понимаю.

Афинянин. Что такое душа, мой друг, это, кажется, неведомо почти никому — какова она, какое значение она имеет, каковы прочие ее свойства, в особенности же каково ее возникновение, ведь она — нечто первичное, возникшее прежде всех тел, и потому она более чего бы то ни было властна над всякого рода изменениями и переустройствами тел. Раз дело обстоит так, не правда ли,
b необходимо, чтобы то, что сродно душе, возникло прежде того, что принадлежит телу, так как душа старше тела?[18]

Клиний. Конечно, это необходимо.

Афинянин. Следовательно, мнение, забота, ум, искусство и закон существовали раньше жесткого, мягкого, тяжелого и легкого. Рано возникли и великие первые творения, и свершения искусства, так как они существуют среди первоначал; а то, что существует по природе, и сама природа — впрочем, это название неправильно применяют — возникло позднее из искусства и разума и им подвластно.

c *Клиний.* А в чем состоит неправильность?

Афинянин. Людям этим угодно называть природой возникновение первоначал. Но если обнаружится, что первоначало и есть душа, а не огонь и не воздух, ибо душа первична, то, пожалуй, всего правильнее будет сказать, что именно душа по преимуществу существует от природы. Вот как обстоит дело — если только кто докажет, что душа старше тела, — и никак не иначе.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Итак, не приступить ли нам далее к самому доказательству?

Клиний. Конечно. d

Афинянин. Нам надо всячески остеречься, как бы это лукавое учение, подобающее лишь молодым людям, не переубедило нас, стариков, и не поставило бы нас в смешное положение, ускользнув из наших рук; как бы не показалось, что мы промахнулись даже в малом, хотя метили в большое. Видите ли, если бы нам всем втроем надо было преодолеть стремительное течение реки, то я как самый младший и опытный в переправах через потоки сказал бы, что сперва следует попробовать переправиться мне одному, самому по себе, оставив вас в безопасном месте на берегу, и по- e
смотреть, возможна ли здесь переправа также и для вас, людей более пожилых, или как вообще обстоит дело. Если переправа оказалась бы возможной, я позвал бы вас и помог бы вам своей опытностью при переправе; если же для вас она невозможна, опасности подвергся бы я один. Такая предосторожность показалась бы уместной. Так и теперь: предстоящее рассуждение еще более стремительно? и переправа через него, пожалуй, почти невозможна при ваших силах. Как бы у вас, людей непривычных к ответам, не закружилась голова и не потемнело в глазах при виде такого стреми- 893
тельного потока вопросов. Чтобы не случилось такой некрасивой, неподобающей неприятности, мне кажется, я и теперь должен поступить именно так: вы будете в безопасности слушать, а я сначала буду сам себе задавать вопросы, а затем опять-таки сам на них отвечать. Таким образом проведем мы все это исследование, пока не наступит ясность относительно души и не будет доказано, что душа первичнее тела.

Клиний. Твое предложение, чужеземец, прекрасно, выполни же его.

Афинянин. Отлично. Но если когда нам и было необходимо b
призвать на помощь бога, то это в особенности сейчас. Итак, с всевозможным рвением призовем тех, бытие которых мы должны доказать! Словно обвязавшись этим надежным канатом, пустимся в открытое море нашего рассуждения! Если меня станут изобличать следующими вопросами, то всего надежнее, кажется мне, отвечать следующим образом. Когда кто-нибудь спросит:

— Чужеземец, разве все стоит на месте и ничего не движется? Или как раз наоборот? Или часть вещей движется, а часть пребывает в покое?

Я отвечу:

— Да, часть вещей движется, а часть пребывает в покое. c

— Конечно, стоящие предметы стоят, а движущиеся движутся в каком-нибудь пространстве?

— Разумеется.

— При этом часть вещей движется в каком-нибудь одном месте, а другая часть — во многих местах?

— Говоря о движении на одном месте, — ответим мы, — ты разумеешь те вещи, у которых покоится центр, например, когда вращается окружность колеса, о самом колесе говорят, что оно стоит.

— Да.

— Мы понимаем, что при таком вращении одно и то же движение, вращая одновременно и самую большую, и самую малую
d окружность, распределяется соответственно величине этих кругов, так что оно то уменьшается, то увеличивается соразмерно им. Поэтому-то такое движение и служит источником всевозможных удивительных [явлений]: оно одновременно сообщает большим и малым кругам согласованные между собой медленность и скорость вращения, между тем как иной счел бы это невозможным.

— Ты совершенно прав.

— Под предметами же, движущимися во многих местах, ты, мне кажется, разумеешь такие, которые путем перемещения постоянно меняют свое место на новое и то обретают одно основа-
e ние, или средоточие, то благодаря тому, что перекатываются, — многие. Между всеми этими вещами происходят столкновения, при этом несущиеся предметы раскалываются о сто́ящие; если же встречаются между собой предметы, несущиеся с двух противоположных сторон навстречу друг другу, они сливаются воедино, образуя нечто среднее между прежними двумя.

— Я согласен, что это бывает так, как ты говоришь.

— При такого рода объединении предметы увеличиваются, а при раскалывании погибают, это бывает, когда устанавливается
894 определенное состояние вещей; если же оно не устанавливается, вещи погибают в силу обеих этих причин. А при каком состоянии происходит возникновение всех вещей? Ясно, что это бывает тогда, когда первоначало, приняв приращение, переходит ко второй ступени, а от нее — к ближайшей следующей; дойдя до этой третьей, оно становится ощутимым для тех, кто способен ощущать. Так вот, путем таких переходов и перемещений и возникает все; это уже есть подлинное бытие, поскольку оно устойчиво; при переходе же в другое состояние оно полностью погибает.

b Не правда ли, друзья мои, мы назвали все виды движения, допускающие перечисление, за исключением двух?

Клиний. Каких же?

Афинянин. Чуть ли не тех, мой друг, ради которых мы и предприняли все это исследование.

Клиний. Скажи яснее.

Афинянин. Не ради ли души предприняли мы его?

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так вот, одним из этих видов движений пусть будет такое, которое может приводить в движение другие предметы, а само себя — никогда. Другим же, опять-таки отдельным среди всех видом движения, будет такое, которое всегда может приводить в движение и себя, и другие предметы — при слиянии и расщеплении, приращении и уменьшении, возникновении и уничтожении. c

Клиний. Пусть будет так.

Афинянин. То движение, что постоянно движет другие предметы и само изменяется под влиянием их, не назовем ли мы девятым видом движения? А движение, которое движет и само себя, и другие предметы и согласуется с любыми действиями и состояниями, подлинно именуют изменением и движением всего существующего; это движение мы обозначим, пожалуй, как десятый вид.

Клиний. Безусловно.

Афинянин. Из этих десяти видов движения какое всего правильнее было бы счесть самым могущественным и особенно действенным? d

Клиний. Необходимо признать, что движение, способное двигать само себя, неизмеримо выше других; все остальные виды движения стоят на втором месте.

Афинянин. Хорошо. Следовательно, нам придется сделать одно или два изменения в том, что сейчас было не вполне правильно сказано.

Клиний. О каких изменениях ты говоришь?

Афинянин. Пожалуй, мы не вполне правильно назвали этот вид десятым.

Клиний. В каком смысле неправильно?

Афинянин. Согласно нашему рассуждению, этот вид движения является первым как по своему происхождению, так и по мощи; а e тот вид, который только что нескладно был назван девятым, будет после него вторым.[19]

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Вот что: если один предмет у нас производит изменение в другом, а тот, другой, в свою очередь всегда производит изменение в третьем, то найдется ли среди подобных предметов такой, который впервые произвел это изменение? И может ли предмет, движимый иным предметом, стать первым из предметов, вызывающих изменения? Ведь это невозможно. Зато когда предмет движет сам себя и изменяет другой предмет, а этот другой —

895 третий и так далее, то есть когда движение сообщается бесчисленному количеству предметов, то найдется ли какое-нибудь иное начало движения всех этих предметов, кроме изменения этого движущего самого себя предмета?

Клиний. Ты совершенно прав. С этим надо согласиться.

Афинянин. Зададим себе еще такой вопрос и сами же на него ответим: если бы все вещи тотчас же после своего возникновения остались неподвижными, как это осмеливается утверждать большинство людей, какое движение из перечисленных выше должно
b было бы необходимо возникнуть среди них первым? Разумеется, то, что движет само себя.[20] В самом деле: до того времени оно не могло подвергнуться изменению под влиянием другого [предмета], потому что в вещах тогда вовсе не было перемен. Следовательно, первоначало всех видов движений, первым зародившееся среди стоящих вещей и движимых, есть, по нашему признанию, самодвижущееся, наиболее древнее и сильное из всех изменений; а ту вещь, что изменяется под влиянием другой и затем приводит в движение другие вещи, мы признаем вторичной.

Клиний. Сущая правда.

c *Афинянин.* Раз мы в нашем рассуждении дошли до этого места, ответим вот на что...

Клиний. Да?

Афинянин. Если бы мы увидели зарождение этого первоначала в земляной, водной или огнеобразной среде[21] — все равно, в чистом ли виде будет эта среда или в смешанном, — как бы мы назвали подобное состояние?

Клиний. Ты меня спрашиваешь, назовем ли мы это жизнью, раз оно само себя движет?

Афинянин. Да.

Клиний. Конечно, жизнью — чем же иным?

Афинянин. Что же, когда мы в чем-либо замечаем душу, не дóлжно ли согласиться, что это — то же самое, то есть жизнь?

Клиний. Конечно.

d *Афинянин.* Запомни же это, ради самого Зевса! Не допустишь ли ты также, что о каждой вещи мы можем мыслить трояко?

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Во-первых, сущность вещи, во-вторых, определение этой сущности, в-третьих, ее название. И относительно всего бытия могут быть заданы два вопроса.

Клиний. Какие?

Афинянин. Можно предложить название какой-либо вещи, а спросить относительно ее определения или же, наоборот, пред-

ложить ее определение, а спросить относительно имени. Не правда ли, о чем-то подобном хотим мы и теперь сказать?

Клиний. О чем же именно?

Афинянин. О двучленности всех вещей, а также и числа. Применительно к числу это получает название «четное». Определение же этого названия: «число, делящееся на две равные части». e

Клиний. Да.

Афинянин. Вот на это-то я и хочу указать. Не правда ли, мы обозначаем одно и то же как в том случае, когда у нас спрашивают определение, а мы даем название, так и тогда, когда у нас спрашивают название, а мы даем определение? Ведь мы обозначаем одну и ту же вещь с помощью названия «четный» и посредством определения «число, делящееся на две части».

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Каково же определение того, чему имя «душа»? Разве существует другое какое-либо определение, кроме только что 896
данного: «душа — это движение, способное двигать само себя»?[22]

Клиний. Как, ты утверждаешь, что «способное двигать само себя» есть определение той самой сущности, которую все мы называем душой?

Афинянин. Да, утверждаю. А если это так, станем ли мы считать, будто требуется еще что-нибудь для полного доказательства того, что душа есть то же самое, что первое возникновение и движение вещей существующих, бывших и будущих, а равным образом и всего того, что этому противоположно, — коль скоро выяснилось, что она — причина изменения и всяческого движения b
всех вещей?

Клиний. Нет. Вполне доказано, что душа старше всех вещей, коль скоро она возникла как начало движения.

Афинянин. Не правда ли, движение какого-либо предмета, вызванное другим предметом и никогда и ни в чем не проявляющееся как движение само по себе, вторично? И какими бы незначительными числами ни измеряли мы продолжительность этого движения, все же оно останется изменением на самом деле неодушевленного тела.

Клиний. Верно.

Афинянин. Значит, мы выразились бы правильно, вполне основательно, всего более согласно с истиной и наиболее совершенно, c
если бы сказали, что душа возникла у нас раньше тела, тело же — позже и потому оно вторично, так что властвует душа, а тело по своей природе должно находиться у нее в подчинении.

Клиний. Да, это вполне соответствует истине.

Афинянин. Вспомним же то, о чем мы согласились раньше: если окажется, что душа старше тела, то и все относящееся к душе будет старше всего относящегося к телу.

Клиний. Конечно.

d *Афинянин.* Стало быть, нравственные свойства, желания, умозаключения, истинные мнения, заботы и память возникли раньше, чем длина тел, их ширина, толщина и сила, — коль скоро душа возникла раньше тела.

Клиний. Это необходимо так.

Афинянин. Но после этого не нужно ли будет согласиться, что душа — причина блага и зла, прекрасного и постыдного, справедливого и несправедливого и всех других противоположностей, если только мы решим считать ее причиной всего?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Не следует ли признать, что душа, правящая всем
e и во всем обитающая, что многообразно движется, управляет также и небом?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Но одна ли [душа] или многие? Я отвечу за вас: многие. Ибо мы никак не можем предположить менее двух — одной благодетельной и другой, способной совершать противоположное тому, что совершает первая.

Клиний. Ты очень верно сказал.

Афинянин. Прекрасно. Итак, душа правит всем, что есть на небе, на земле и на море, с помощью своих собственных движений, названия которым следующие; желание, усмотрение, забота,
897 совет, правильное и ложное мнение, радость и страдание, отвага и страх, любовь и ненависть. Правит она и с помощью всех родственных этим и первоначальных движений, которые в свою очередь вызывают вторичные движения тел и ведут все к росту либо к уничтожению, к слиянию либо к расщеплению и к сопровождающему все это теплу и холоду, тяжести и легкости, жесткости и мяг-
b кости, белизне или черному цвету, к кислоте или сладости. Пользуясь всем этим, душа, восприняв к тому же поистине вечно божественный ум, пестует все и ведет к истине и блаженству. Встретившись же и сойдясь с неразумием, она ведет все в противоположном направлении.

Что же, постановим ли мы, что все это так, или будем пока пребывать в сомнении, не обстоит ли это как-то иначе?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Итак, какой род души признаем мы господствующим над небом, землей и всем круговращением: разумный ли и ис-

полненный добродетели или же не обладающий ни тем ни другим? Желаете ли вы, чтобы мы так ответили на этот вопрос... c

Клиний. Как именно?

Афинянин. Чудак, скажем мы, ведь если путь перемещения неба, со всем на нем существующим, имеет природу, подобную движению, кругообращению и умозаключениям Ума, если то и другое протекает родственным образом, значит, очевидно, должно признать, что о космосе в его целом печется лучший род души и ведет его по наилучшему пути.

Клиний. Правильно.

Афинянин. Если же [космос] движется неистово и нестройно, d то надо признать, что это — дело злой души.[23]

Клиний. И это верно.

Афинянин. Какую же природу имеет движение Ума? Вот на этот вопрос, друзья мои, уже трудно разумно ответить. Поэтому справедливо будет, если я помогу вам в этом.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Подобно тому как те, кто среди бела дня смотрит прямо на Солнце, чувствуют себя так, словно кругом ночь, и мы не скажем, будто можем когда-либо увидеть Ум смертными очами и достаточно его познать. Безопаснее мы усмотрим это, если станем e взирать на образ того, о чем нас спрашивают.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. В качестве такого образа возьмем из десяти перечисленных нами видов движений то, к которому всего более приближается Ум. Я напоминаю вам этот вид и затем вместе с вами отвечу.

Клиний. Так будет всего лучше.

Афинянин. Мы помним, между прочим, как мы установили раньше, что часть предметов движется, другая же часть пребывает в покое.

Клиний. Да.

Афинянин. В свою очередь часть движущихся предметов движется на одном месте, другая же часть носится по многим местам. 898

Клиний. Так.

Афинянин. То из двух этих видов движений, которое совершается на одном месте, по необходимости всегда происходит вокруг какого-то центра, как некое подражание волчку. Оно-то, насколько это только возможно, во всех отношениях подобно и всего более близко к кругообращению Ума.

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Надеюсь, мы не покажемся плохими творцами словесных образов, если скажем, что оба, и разум, и совершающееся

b на одном месте движение, движутся наподобие выточенного волчка тождественным образом, на одном и том же месте, вокруг одного и того же [центра], постоянно сохраняя по отношению к одному и тому же одинаковый порядок и строй?

Клиний. Ты сказал очень правильно.

Афинянин. Точно так же разве не было бы сродни всяческому неразумию движение, никогда не совершающееся тождественным образом, в одном и том же месте, вокруг одного и того же, — движение без определенного отношения к одному и тому же [центру], происходящее в беспорядке, без всякой последовательности?

Клиний. Сущая правда, это было бы сродни неразумию.

c *Афинянин.* Теперь уже очень легко с точностью сказать, что раз душа производит у нас круговращение всего, то по необходимости надо признать, что попечение о круговом вращении неба и упорядочивание его принадлежит благой душе. Или же злой?

Клиний. Чужеземец, из сказанного сейчас вытекает, что нечестиво даже было бы утверждать иное. Нет, такое круговращение — дело души, обладающей всяческой добродетелью, одна ли есть такая душа или, быть может, их несколько.

Афинянин. Ты прекрасно понял мою мысль, Клиний. Обрати
d же еще внимание на следующее.

Клиний. А именно?

Афинянин. Если душа вращает все, то, очевидно, она же вращает и каждое в отдельности — Солнце, Луну и другие звезды.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Рассудим о чем-то одном из этого; наше рассуждение окажется приложимым и ко всем остальным звездам.

Клиний. Что же мы возьмем?

Афинянин. Всякий человек видит тело Солнца, душу же его никто не видит. Равным образом никто вообще не видит души тел одушевленных существ — ни живых, ни мертвых. Существует
e полная возможность считать, что род этот по своей природе совершенно не может быть воспринят никакими нашими телесными ощущениями и что он лишь умопостигаем. Примем же, с помощью одного только ума и размышления, следующее положение...

Клиний. Какое?

Афинянин. Коль скоро душа вращает Солнце, то мы вряд ли ошибемся, если предположим, что она делает одно из трех...

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Либо она, находясь внутри этого кажущегося круглым тела, вызывает любые его движения, подобно тому как и наша

душа всячески нами движет.[24] Либо, по учению некоторых, приобретя себе откуда-то извне огненное или какое-то воздушное тело, 899
она насильно теснит тело телом, либо, наконец, она сама лишена тела, но обладает зато какими-то иными удивительными возможностями и таким образом правит Солнцем.

Клиний. Да, несомненно, душа руководит всем одним из этих трех способов.

Афинянин. Эту душу, все равно, провозит ли она Солнце в колеснице, давая всем свет, или же воздействует на него извне, либо действует каким-то другим образом, всякий человек должен почитать выше Солнца и признавать богом. Не правда ли?

Клиний. Да, по крайней мере всякий, кто не дошел до послед- b
них пределов неразумия.

Афинянин. Относительно же всех звезд, Луны, лет, месяцев, времен года какое иное рассуждение можем мы привести, как не подобное этому, а именно: ввиду того что душа или души оказались причиной всего этого и к тому же они обладают всеми нравственными совершенствами, мы признаём их божествами, все равно, пребывают ли они, как живые существа, в телах или еще где-то и другим способом управляют небом. Найдется ли человек, который, согласившись с этим, стал бы отрицать, что «все полно богов»?[25]

Клиний. Не найдется никого, чужеземец, столь превратно мыс- c
лящего.

Афинянин. Закончим же, Мегилл и Клиний, это наше рассуждение, указав границы тому, кто раньше отрицал богов:

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Ему придется доказать нам, что мы неправильно сочли душу возникшей прежде всего, а также и опровергнуть все то, что мы высказали вслед за этим. Или же, если он не в силах сказать что-либо лучшее, чем то, что было сказано нами, пусть послушает нас и впредь живет, признавая богов. Итак, посмотрим, достаточно e
ли мы доказали бытие богов тем, кто их отрицает, или же нам чего-то недостает?

Клиний. Более чем достаточно, чужеземец.

Критика теории неучастия богов в человеческих делах

Афинянин. Итак, закончим на этом наше рассуждение. Нам следует неучастия богов перейти к увещанию того, кто признает бытие богов, но отрицает их промысл над людскими делами.[26] «Дорогой мой, — скажем мы ему, — то, что ты признаешь богов, — это, быть может, благодаря некоему сродству между твоей и божественной природой ведет тебя к их почитанию и признанию их бытия. Однако тебя при-

e водит к нечестию частная и общественная участь злых и неспра-
ведливых людей. Эта участь поистине далека от счастья; между
тем она, хоть и неправильно, считается, по общепринятому мне-
нию, в высшей степени счастливой; ее вопреки должному про-
славляют в песнопениях и во всевозможных речах. Или, может
быть, тебя приводит в смущение зрелище того, как нечестивые
люди доживают до глубокой старости и достигают предела своей
900 жизни, оставляя детей своих окруженными величайшими почестя-
ми? Может быть, ты видел все это, знал понаслышке или же, нако-
нец, сам случайно был очевидцем многочисленных страшных
и нечестивых поступков, с помощью которых многие люди низко-
го звания достигали величайших почестей и даже тирании? Ясно,
что, не желая из-за своего сродства с богами бросать им упрек,
b будто они виновники всего этого, ты под влиянием какого-то недо-
мыслия дошел до нынешнего своего состояния и не находишь
в себе сил негодовать на богов; ты признаёшь их существование,
но думаешь, что они свысока и с небрежением относятся к делам
человеческим. И вот, чтобы в нынешнем твоем воззрении не пере-
весило нечестие и ты не дошел бы до еще более болезненного
состояния, мы, если только можно найти в себе силы загладить
с помощью речей — словно очистительной жертвы — расту-
щее нечестие, попытаемся, соединив дальнейшее рассуждение
с тем, которое мы проделали от начала до конца, обращаясь к тому,
c кто совершенно не признает бытия богов, воспользоваться им
сейчас». Ты же, Клиний, и ты, Мегилл, отвечайте, как и рань-
ше, за этого молодого человека. А если внезапно появится
какое-то препятствие в рассуждении, то я замещу вас и переведу
через реку.

Клиний. Ты прав. Поступай именно так, а мы тоже по мере сил
будем делать, как ты говоришь.

Афинянин. Доказать, что боги пекутся о малом не меньше,
а даже больше, чем о великом, — это, пожалуй, будет совсем не-
d трудно. Ведь наш противник присутствовал здесь и выслушал
только что сказанное, а именно что боги всеблаги и, значит, им
в высшей степени свойственно иметь попечение обо всем.

Клиний. Конечно, он слышал это.

Афинянин. Далее, исследуем все вместе, о какой добродетели
говорили мы, когда согласились, что боги всеблаги. Не правда ли,
мы признаем, что рассудительность и обладание умом относятся
к добродетели, а все противоположное — к пороку?

e *Клиний.* Признаем, Афинянин. Что же еще? Мужество не при-
надлежит ли к добродетели, а трусость — к пороку?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Не назовем ли мы первое прекрасным, а второе — безобразным?

Клиний. Несомненно.

Афинянин. И не скажем ли мы, что одному мы причастны — тому, что дурно; о богах же мы скажем, что они непричастны этому ни в малой, ни в большой степени?

Клиний. Всякий согласится, что это так.

Афинянин. В чем же дело? Небрежение, праздность и негу поместим ли мы в число добродетелей души? Или как, по-твоему?

Клиний. Возможно ли это?

Афинянин. Значит, ты отнесешь все это к тому, что добродетели противоположно?

Клиний. Да.

Афинянин. А то, что́ противоположно этому, — опять-таки 901
к противоположному?

Клиний. Да, к противоположному.

Афинянин. Дальше. Не правда ли, всякий, кто празден, изнежен и нерадив, кто, по выражению поэта, в высшей степени похож на «трутней, лишенных жала»,[27] и в самом деле таков?

Клиний. Это сравнение очень верно.

Афинянин. Итак, не следует говорить, будто бог обладает нравственными свойствами, которые ему самому ненавистны. Если кто-либо попытается высказывать что-то подобное, этого нельзя допускать.

Клиний. Конечно, нет. Как можно!

Афинянин. На каком основании стали бы мы хвалить,— не впа- b
дая притом в грубейшую ошибку,— того, кому более других подобает действовать и заботиться, а его разум печется о великом, малым же небрежет? Рассмотрим это следующим образом: не правда ли, тот, кто это делает, бог ли он или человек, должен так поступать по двум причинам?

Клиний. По каким же?

Афинянин. Либо он полагает, что для целого не будет никакой разницы, если малое находится в небрежении, либо, если он считает, что разница есть, он не заботится о малом по нерадивости c
и изнеженности. Или, может быть, есть какие-то другие причины небрежения? Ведь если действительно невозможно иметь попечение сразу обо всем, то это уже не будет небрежением со стороны того, кто не печется о малом или великом; я говорю о том случае, когда бог или какое-либо низшее существо по своим силам оказывается не в состоянии о чем-то заботиться.

Клиний. Но это невозможно.

Афинянин. Ныне пусть отвечают нам троим оба ваших против-
d ника: они согласны признать бытие богов, но один утверждает, что богов можно склонить в свою пользу, другой же, — что они небрегут малым. Прежде всего признайте оба, что боги знают, видят и слышат все и от них не может укрыться ничто из того, что доступно ощущению и познанию. Допускаете ли вы, что это так, или не допускаете?

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Что же дальше? Признаёте ли вы, что боги могут делать все, что только доступно смертным или бессмертным?

Клиний. Как же не согласиться и с этим?

e *Афинянин.* Итак, мы все пятеро согласились, что боги благи и даже всеблаги.

Клиний. Безусловно.

Афинянин. Но если они таковы, каковыми мы их признали, то уже невозможно, не правда ли, считать, что они делают что-либо нерадиво и неохотно? Ведь праздность в нас есть порождение трусости, а нерадивость — праздности и неги.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Никто из богов не бывает небрежен по нерадивости и праздности, ибо трусость им совсем не присуща.

Клиний. Вполне правильно.

902 *Афинянин.* Значит, если боги небрегут малым и незначительным во Вселенной, остается считать, что они поступают так в сознании, что вообще не до́лжно иметь о таких вещах попечение. В противном случае им остается как раз обратное, то есть отсутствие [всякого] понимания?

Клиний. Да, не иначе.

Афинянин. Итак, не предположить ли нам, о достойнейший и превосходнейший наш противник, что ты утверждаешь одно из двух: либо что боги находятся в неведении и вследствие этого не заботятся об исполнении своего долга, либо же что они сознают свой долг, но не исполняют его наподобие самых презренных людей, которые, как говорится, знают, что действуют не лучшим об-
b разом, однако под влиянием удовольствий или страданий как надо не делают.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Не правда ли, человеческие дела причастны одушевленной природе и равным образом человек есть самое благочестивое из всех живых существ?

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Мы признаём, что все смертные существа, равно как и все небо, — это достояние богов.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Пусть же теперь кто угодно утверждает, будто вещи эти слишком малы или слишком велики для богов. И в том и в дру- c
гом случае нашим всеблагим и заботливым господам не следовало бы нами пренебрегать. Но рассмотрим к тому же еще вот что...

Клиний. А именно?

Афинянин. Ощущение и способность действовать. Не правда ли, они от природы противоположны друг другу в смысле легкости и трудности?

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Видеть или слышать малое труднее, чем большое. Наоборот, для всякого нести малое и незначительное, управлять им, заботиться о нем легче, чем о большом и весомом.

Клиний. Гораздо легче. d

Афинянин. Если врачу, желающему и умеющему лечить, будет поручен весь организм в целом, а он станет заботиться только о значительном, незначительными же частностями пренебрежет, то в хорошем ли состоянии окажется организм?

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Точно так же ни у кормчих, ни у военачальников, ни у домохозяев, ни у каких бы то ни было государственных деятелей, вообще ни у кого из подобного рода людей не окажется ничего великого или многого, если они пренебрегут малым и незначительным. Ибо, как говорят каменщики, большие камни не ложатся хо- e
рошо без малых.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Не будем же считать, будто бог стоит ниже смертных мастеров, которые, чем они лучше, тем более тщательно и совершенно, с помощью одного только искусства, выполняют и малые, и большие свойственные им работы.[28] Неужели же бог, существо мудрейшее, желая и имея возможность заботиться о малом, вовсе о нем не печется наподобие человека праздного или труса, падающего духом при виде трудностей, — между тем как именно о малых вещах заботиться легче, — а печется лишь о ве- 903
щах великих?

Клиний. Мы никоим образом не допустим такого мнения о богах, чужеземец. Ибо подобный образ мыслей был бы во всех отношениях нечестив и не соответствовал бы истине.

Афинянин. Мне кажется, что любителю упрекать богов в небрежении мы теперь вполне доказали его неправоту.

Клиний. Да.

Афинянин. Мы принудили его нашими доказательствами при-
b знать, что он не прав. Однако мне кажется, что он нуждается еще
кое в каких зачаровывающих сказаниях.

Клиний. В каких же, мой друг?

Афинянин. Мы станем убеждать юношу следующими довода-
ми: «Тот, кто заботится обо всем, устроил все, имея в виду спасе-
ние и добродетель целого, причем по возможности каждая часть
испытывает или совершает то, что ей надлежит. Над каждой из
этих частей, вплоть до наименьших, поставлен правитель, ведаю-
щий мельчайшими проявлениями всех состояний и действий, все
c это направлено к определенной конечной цели. Одной из таких ча-
стиц являешься и ты, пусть чрезвычайно малой, жалкий человек, и
ты влечешься, постоянно имея перед глазами целое. Ты и не заме-
чаешь, что все, что возникло, возникает ради всего в целом, с тем
чтобы осуществилось присущее жизни целого блаженное бытие,
и бытие это возникает не ради тебя, а, наоборот, ты ради него. Ведь
любой врач, любой искусный ремесленник все делает ради целого,
направляя все к общему благу, а не создает целое ради части. Ты
d же досадуешь, не зная, каким образом то, что для тебя, в силу все-
общего становления оказывается наилучшим, согласуется с целым
и с тобой самим. Затем, так как душа соединяется то с одним те-
лом, то с другим и испытывает всевозможные перемены как сама
по себе, так и под влиянием других душ, то правителю этому, по-
добно игроку в шашки, не остается ничего другого, как переме-
щать характер, ставший лучшим, на лучшее место, а ставший худ-
шим — на худшее, размещая их согласно тому, что им подобает,
e так, чтобы каждому достался соответствующий удел».

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Мне кажется, я говорил так для того, чтобы ясна
была легкость, с которой боги обо всем пекутся. Ведь если бы кто
стал все преобразовывать и творить, постоянно взирая на целое,
например сотворил бы из огня одушевленную[29] воду, из одного
904 многое или из многого одно, то путем первого, второго и третьего
возникновения получилось бы бесконечное множество перемен
и переустройств. В этом и состоит удивительная легкость этого
дела для того, кто заботится обо всем.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Вот что: верховный правитель видел, что все наши
дела одухотворены и что в них много добродетели, но много и по-
рока; видел он также, что то, что раз возникло, то есть душа и тело,
уже не погибает, хотя они и не вечны, как боги, существующие со-

гласно закону (ведь если бы душа или тело погибли, то не было бы b
возникновения живых существ), и что все, что есть в душе добро-
го, от природы всегда полезно, а злое всегда вредно. Обратив вни-
мание на все это, он придумал такое место для каждой из частей,
чтобы во Вселенной как можно вернее, легче и лучше побеждала
бы добродетель, а порок бы был побежден. Для всего этого он при-
думал, какое место должно занимать все возникающее. Что касает- c
ся качества возникающего, то он предоставил это воле каждого из
нас, ибо каждый из нас большей частью становится таким, а не
иным сообразно с предметом своих желаний и качеством своей
души.

Клиний. Это естественно.

Афинянин. Итак, все, что причастно душе, изменяется, так как
заключает в самом себе причину изменения; при этом все переме-
щается согласно закону и распорядку судьбы. То, что меньше из-
меняет свой нрав, движется по плоской поверхности; то же, что из-
меняется больше, и притом в сторону несправедливости, падает
в бездну и попадает в те места, о которых говорят, что они нахо- d
дятся внизу, и которые называют Аидом и тому подобными име-
нами. Люди их сильно боятся, они им мерещатся и при жизни, и
после отрешения души от тела. Если же душа, по своей ли собст-
венной воле или под сильным чужим влиянием, изменяется боль-
ше в сторону добродетели, то, слившись с божественной доброде-
телью, она становится особенно добродетельной и переносится на
новое, лучшее и совершенно святое место. В противном же слу- e
чае — изменившись в сторону зла — она переносит свою жизнь
туда, куда подобает.

Вот каково правосудье богов, на Олимпе живущих.[30]

А тебе, молодой человек, кажется, что боги о тебе не пекутся.
Если ты станешь хуже, то отправишься к дурным душам, если же
лучше, то к лучшим. Вообще и при жизни, и после смерти каждый
испытывает и делает то, что ему свойственно. Ни ты, ни кто-либо 905
другой, если ему не повезет, не сможет похвалиться, будто стоит
выше этого правосудия богов. Того правосудия, которое установи-
ли верховные учредители, дóлжно особенно остерегаться. Ибо оно
никогда не оставит тебя в покое: так ли ты мал, что можешь погру-
зиться в глубины земли, или так высок, что в состоянии подняться
до неба, — все равно ты понесешь назначенное богами наказа-
ние — здесь ли, на земле, будучи ли перенесен в Аид или в еще бо- b
лее лютое место.[31] То же самое относится и к тем, кто на твоих гла-

зах путем нечестивых или вообще дурных поступков из людей незначительных стали великими или из людей несчастных — счастливыми. И ты еще думал, будто в их поступках, как в зеркале, можно усмотреть общую небрежность богов! Ты не знал, что и у этих
c людей есть доля в участи Вселенной. Как можешь ты, мужественнейший из людей, думать, что тебе не следует этого знать? Кто не понимает этой причастности, тот никогда не найдет образца для своей жизни и не будет в силах отдать себе отчет в том, от чего зависит счастливая или несчастная доля. Если вот Клиний и весь наш совет старейшин убедили тебя в том, чего ты сам не знал, когда говорил о богах, то это сам бог чудесным образом пришел тебе на помощь. Если же ты нуждаешься еще в каком-нибудь доказате-
d льстве, то выслушай, что мы станем говорить третьему нашему противнику, коль скоро у тебя есть хоть какой-то ум. Я сказал бы, что мы не так уж плохо доказали бытие богов и их заботу о людях. Но мы не можем также ни с кем согласиться и всячески будем оспаривать мнение, будто боги принимают дары и что люди неправедные могут их умилостивить.

Клиний. Прекрасно сказано. Сделаем же так, как ты говоришь.

Критика мнения о возможности привлекать богов к соучастию в злых делах

Афинянин. Ради самих богов давай рассмотрим, каким способом их можно умилости-
e вить, если только это вообще вероятно. Кто они и каковы они? Те, кто действительно управляет всем небом, неизбежно становятся ведь его правителями?

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. Но кому из правителей они подобны или кто подобен им? Ведь мы можем сравнивать меньшее с большим. Не подобны ли им возничие, управляющие соревнующимися колесницами, или кормчие судов? Возможно, что они сходны с военачальниками. Их можно было бы также сравнить с врачами, которые оберегают тело, опасаясь сопротивления со стороны бо-
905 лезней; или с земледельцами, со страхом поджидающими обычно неблагоприятных для произрастания злаков времен года; или же с пастухами, пасущими стада. Так как мы согласились сами с собой, что небо полно многих благ, но также — впрочем, не в большом количестве — и зол, то, утверждаем мы, между ними происходит нескончаемая борьба, требующая чрезвычайной бдительности. Наши союзники — это боги, а равным образом и даймоны, мы же в свою очередь — достояние тех и других. Нас губит не-
b справедливость и дерзость, соединенная с неразумием, спасает же справедливость и рассудительность вместе с разумностью. Эти

добродетели живут в душевных свойствах богов, а в нас живет лишь малая их часть, как это всякий с очевидностью может усмотреть вот из чего: ясно, что некоторые звероподобные души, которые живут на земле и которым присуща неправедная корысть, обращаются к душам стражей — сторожевые ли это псы, пастухи или даже самые высокие владыки — и убеждают их посредством льстивых слов или каких-либо обетов и заклинаний, как это широ- c
ко утверждают дурные люди, позволить им быть корыстолюбивыми среди людей и не подвергаться в то же время ничему тяжкому. Мы же утверждаем, что только что упомянутое преступление — корыстолюбие, когда речь идет о телах из плоти, именуется болезнью, когда о временах года — мором, когда же о государствах и гражданских делах, имя это меняет свой облик и звучит как «несправедливость».

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Тот, кто говорит, будто боги всегда готовы простить несправедливых людей и тех, кто творит несправедливые по- d
ступки, лишь бы кто-то из них уделил им часть своей неправедной добычи, необходимо должен утверждать следующее: если бы волки уделяли малую часть своих хищений собакам, те, будучи укрощены дарами, позволили бы расхитить все стадо. Разве не таково рассуждение тех, кто утверждает, что богов можно умилостивить?

Клиний. Да, именно таково.

Афинянин. Но кто из людей не вызвал бы смеха, сравнивая богов с кем-то из только что упомянутых стражей? Например, с кормчими, которые, будучи подкуплены «возлиянием вина и дымом e
курений»,[32] губят и корабль, и корабельщиков?

Клиний. Такое сравнение невозможно.

Афинянин. Или, например, с возничими на состязаниях, которые, будучи подкуплены дарами, предоставили бы победу другим упряжкам?

Клиний. Странное сравнение ты бы придумал для своего рассуждения!

Афинянин. Богов нельзя сравнить ни с военачальниками, ни с врачами, ни с земледельцами, ни с пастухами, ни тем паче с собаками, которых заворожили волки...

Клиний. Прекрати злоречье — как это можно! 907

Афинянин. Но все боги — не суть ли они величайшие из стражей и не охраняют ли они самое великое?

Клиний. Бесспорно.

Афинянин. Поставим ли мы тех, кто охраняет прекраснейшие вещи и всех превосходит бдительностью в отношении добродете-

ли, ниже собак или обычных людей, которые никогда не изменят справедливости ради даров, нечестиво предлагаемых неправедными людьми?

b *Клиний.* Никоим образом. Подобная речь неприемлема, и того, кто держится такого мнения, можно по всей справедливости счесть чуть ли не самым скверным и нечестивым из всех нечестивых людей.

Афинянин. Можем ли мы сказать, что теперь полностью доказаны выдвинутые раньше три положения, а именно: бытие богов, их промысл и полнейшая их неумолимость в отношении несправедливого?

Клиний. Как же иначе? Мы согласны с этими доказательствами.

Афинянин. Возможно, они были высказаны слишком резко
c из-за склонности дурных людей к спорам. Этот спор, дорогой Клиний, был поднят ради того, чтобы дурные люди ни в коем случае не подумали, будто, победив в доказательствах, они могут делать все, что хотят, согласно тому, чтó они думают о богах. Поэтому в наших речах появилось почти юношеское рвение. Если мы хоть отчасти принесли пользу и убедили подобного рода людей возненавидеть самих себя и возлюбить противоположный образ мыслей,
d то наше вступление к законам о нечестии сделано удачно.

Клиний. По крайней мере можно на это надеяться. Если же и нет, то все равно подобный род рассуждения нельзя поставить в упрек законодателю.

Наказания за нечестие

Афинянин. Вслед за вступлением мы можем выставить требование, правильно истолковывающее законы и повелевающее нечестивым людям переменить свой образ жизни на благочестивый. Для ослушников же пусть будет следующий закон о нечестии: если
e кто-либо скажет или сделает что-либо нечестивое, любой присутствующий должен этому воспротивиться и донести об этом должностным лицам, а из этих те, кто первый узнает об этом, должны, согласно с законами, привести виновных в суд, назначенный для разбора такого рода дел. Если же какое-нибудь должностное лицо, будучи извещено, не сделает этого, всякий желающий заступиться за законы может привлечь это лицо к суду. Если кто окажется виновным, суд должен назначить соответствующее наказание за
908 каждый отдельный проступок нечестивых людей. Каждый виновный должен быть заключен в тюрьму, которых в государстве будет три: одна — на площади, общая для большинства задержанных, предназначенная для охраны личной безопасности большинства;

другая тюрьма — невдалеке от места заседаний Ночного собрания — будет называться софронистерием;[33] третья же — посреди страны, в каком-нибудь пустынном и совершенно диком месте — получит имя, которое будет выражать возмездие. Так как люди становятся нечестивыми по трем упомянутым нами причинам и
каждая такая причина создает два рода нечестивцев, то всего полу- b
чилось бы шесть различных родов людей, заблуждающихся по поводу богов. Все они должны подвергнуться различным и неравным наказаниям. Ибо те, кто совершенно отрицает бытие богов, но от природы обладает справедливым характером, ненавидят дурных людей и из-за глубокого отвращения к несправедливости не склонны к совершению несправедливых поступков, избегают лю-
дей несправедливых, а справедливых любят. Другой же род — это c
те, у кого к мнению, будто Вселенная лишена богов, добавляется невоздержанность в удовольствиях и страданиях, хотя они и обладают сильной памятью и прекрасной восприимчивостью к наукам. Общая болезнь тех и других та, что они не признают богов; но первые творят меньше зла на пагубу остальных людей, чем вторые! Они в своих речах преисполнены дерзости в отношении богов,
жертвоприношений, клятв и смеются также надо всем остальным; d
быть может, они и других людей сделали бы такими же, если бы их не настигало вовремя правосудие. Вторые держатся того же мнения, что и первые, слывут за людей одаренных, но исполненных коварства и злокозненных. Из этого рода людей выходят многие прорицатели, люди, занимающиеся всевозможной ворожбой, а иногда и тираны, демагоги, военачальники, основатели частных таинств, а также и изощренные так называемые софисты. Разно-
видностей подобного рода людей много, но особого законополо- e
жения достойны две из них: те, кто принадлежит к одной из них, а именно лицемеры, заслуживают смертной казни, и не одной и даже не двух, а сразу многих; люди же второй разновидности нуждаются в увещании и тюремном заключении.

Точно так же и взгляд, отрицающий промысл богов, порождает два рода людей; людей, придерживающихся мнения, будто богов можно умолить, тоже два рода. Ввиду существующей между ними разницы судья, опираясь на закон, должен присудить тех, кто впал в нечестие по неразумию, а не по злому побуждению и нраву, к за-
ключению в софронистерии не меньше чем на пять лет. В течение 909
этого времени никто из граждан не должен иметь к ним доступа, кроме участников Ночного собрания, которые будут его увещевать и беседовать с ним ради спасения его души. Когда же истечет срок заключения, тот из них, кто покажет себя рассудительным,

пусть получит свободу и живет вместе с другими рассудительны-
ми людьми. В противном же случае, то есть если он снова заслу-
жит подобное наказание, его следует покарать смертью. Тем же,
b которые, кроме того что не признают богов и их промысла или
считают их умолимыми, вдобавок еще уподобляются животным
и, презирая людей, обольщают некоторых из них при жизни, уве-
ряя, будто могут вызывать души умерших, или, обещая склонить
богов посредством жертвоприношений, молитв, заклинаний и
колдовства, пытаются ради денег в корне развратить как отдель-
ных лиц, так и целые семьи и государства, — им, оказавшимся ви-
новными в чем-либо подобном, пусть суд назначит наказание
c в виде заключения в тюрьму, находящуюся посреди страны. Никто
из свободных никогда не должен приходить к подобному челове-
ку. Назначенную ему стражами законов пищу он должен получать
от рабов. В случае смерти тело его выбрасывается непогребенным
за пределы страны. Если же кто-нибудь из свободных людей
погребет его, то любой желающий может привлечь его к суду за
нечестие. Если он оставит после себя детей, полезных государст-
ву, то пусть попечители о сиротах позаботятся о них как о настоя-
d щих сиротах — и притом не хуже, чем об остальных, — начиная
с того дня, как их отец был осужден.

Кроме всего этого надо учредить еще один общий закон, кото-
рый, запрещая богослужения, не предусмотренные законом, заста-
вил бы многих совершать на деле и па словах меньше проступков
по отношению к богам и стать более разумными. Попросту говоря,
вот какой закон должен касаться всех: пусть никто не сооружает
святилищ в частных домах. Если же у кого явится намерение при-
нести жертву, пусть он идет в общественные храмы и там прино-
сит ее, вручив свое приношение жрецам или жрицам, которые за-
e ботятся о чистоте жертв. К их молитвам пусть он присоединит
свои, а также и всякий желающий пусть помолится вместе с ним.
Так должно быть по следующим причинам. Учреждать святилища
и богослужения нелегко; правильно это можно делать только по
зрелом размышлении. Между тем повсюду у многих — особенно
у женщин, у больных людей, у тех, кто подвергается опасности
или каким-либо лишениям, а также и в противоположных случаях,
когда на чью-либо долю выпадает какое-нибудь благополучие, —
910 есть обычай посвящать то, что у них в это время есть под рукой,
богам, даймонам и детям богов; при этом они дают обеты принес-
ти жертвы или соорудить святилища. Точно так же те, кто в страхе
просыпался от явленных во сне знамений, вспоминая многочис-
ленные видения, сооружает каждому из увиденных призраков ал-

тари или святилища в качестве средства для своего спасения; они наполняют этими святилищами все дома и поселки, сооружая их и на чистых местах и где придется. Ради всего этого и надо поступать сообразно только что указанному закону, а кроме того, и из-за b
людей нечестивых, чтобы они не совершали этого тайно, то есть не сооружали бы незаметно святилищ и алтарей в частных домах и, полагая, будто богов можно умилостивить жертвами и молитвами, не дошли бы до крайних пределов несправедливости, ведь таким образом они навлекут осуждение богов как на себя, так и на тех, кто лучше их, но допускает, чтобы они все это делали, да и все государство по справедливости подвергнется участи нечестивых людей. Законодателя же бог не станет порицать. Поэтому пусть будет такой закон: не следует иметь в частных домах святилищ богов. Если же обнаружится, что кто-либо их имеет или тайно почитает другие святилища, а не общественные, то в случае, если ви- c
новный — мужчина ли он или женщина — не совершил никаких серьезных и нечестивых проступков, пусть тот, кто это заметил, известит стражей законов, а те пусть распорядятся перенести частное святилище в общественное место, ослушника же пусть наказывают, пока он этого не сделает. Если же обнаружится, что кто-либо совершил какой-нибудь нечестивый поступок не по-детски, но так, как свойственно взрослым людям, — все равно, воздвиг ли он святилище в частном доме или же приносил в общественном храме жертвы каким-то богам, — то, поскольку он не d
был чист при совершении жертвоприношения, его следует приговорить к смерти. Стражи законов, обсудив, детское ли это нечестие или нет, и препроводив виновного в суд, должны привести в исполнение установленное за это нечестие наказание.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Гражданские отношения. Законы об охране частной собственности

Афинянин. После этого нам следовало бы 913
внести надлежащий порядок в деловые взаимоотношения людей. Основное правило здесь простое: пусть никто по мере возможности не касается моего имущества и не нарушает моей собственности, даже самым незначительным образом, раз нет на то всякий раз моего особого разрешения. И я буду точно так же относиться к чужой собственности, пока я в здравом уме.

Поговорим прежде всего о сокровищах, которые кто-либо откладывает или припрятывает для себя или своих близких. Если

этот человек не принадлежит к моим предкам, я никогда не стал бы
b молить богов о том, чтобы мне найти такой клад; а если бы нашел,
я не тронул бы его. С другой стороны, я не стал бы сообщать об
этом так называемым прорицателям, которые так или иначе посоветовали бы мне изъять из земли этот вверенный ей залог. Дело
в том, что при таком изъятии я не так много выиграю в имущественном отношении: гораздо больше я выиграю в смысле душевной
добродетели и справедливости, если воздержусь от такого изъятия. Я стяжаю себе одно имущество вместо другого, лучшее в лучшей области — справедливость в душе, а не богатство в деньгах.
Пусть то, что прекрасно сказано применительно ко многим случаям, — а именно что не следует касаться неприкосновенного, —
c будет применено и к данному случаю. К тому же надо верить и мифам, в которых говорится, что все это не приносит пользы потомству. Но если встретится человек, не заботящийся о потомстве,
и он, не обратив внимания на законодателя, присвоит себе вещь,
отложенную не им самим и не кем-то из его предков, притом без
разрешения на то со стороны отложившего, то он нарушит не только самый прекрасный и простой из законов, но также и законоположение весьма достойного мужа, сказавшего: «Не бери себе то,
d что но ты положил».[1] Если человек пренебрежет обоими законодателями и присвоит себе вещь, не им самим положенную, к тому же
не какую-нибудь малость, но, как это бывает, очень большие ценности, что он должен претерпеть? Что касается кары богов, то это
ведомо только богу. Но первый, кто заметит этого человека, должен донести об этом астиномам, если это произойдет в городе, агораномам — если это случится где-либо на городском рынке, нако-
914 нец, агрономам и их начальникам, если это произойдет где-либо
в другом месте страны. Когда об этом будет заявлено, пусть государство обратится в Дельфы, и что решит бог относительно денег
и лица, их присвоившего, то пусть и исполнит государство, помогая прорицаниям бога. В случае такого доноса свободнорожденный человек стяжает славу за свою добродетель, в обратном же
случае прослывет порочным. Коль скоро донесет раб, государство
имеет основание дать ему свободу, выплатив соответствующую
сумму его хозяину; если же раб не донесет, он будет наказан
смертью.

b Вслед за этим установим следующее узаконение, одинаково
касающееся как крупных, так и мелких вещей. Если кто нарочно
или нечаянно потеряет что-то ему принадлежащее, пусть тот, кто
найдет этот предмет, оставит его лежать, считая, что божество дорог охраняет вещи, которые закон ему посвятил.[2] Если же вопреки

этому какой-либо ослушник поднимет эту вещь и унесет к себе домой, то в случае, если это сделает раб и предмет малоценен, пусть первый встречный, не моложе тридцати лет, накажет его многочисленными ударами. Если же это сделает кто-нибудь из свобод- c
норожденных людей, то, кроме того, что он прослывет человеком, недостойным этого звания и стоящим вне законов, пусть он выплатит владельцу сумму, в десять раз превышающую стоимость взятого предмета.

Если кто станет обвинять другого человека в том, что у него находится большая или меньшая часть его имущества, и обвиненный признает, что у него действительно это имущество есть, но скажет, что оно вовсе не принадлежит обвинителю, пусть обвинитель, если только его законная собственность записана у правителей, вызовет обвиняемого пред лицо властей, а тот пусть явится. Когда дело будет оглашено и по рассмотрении записей выяснится, кому из них принадлежит спорная вещь, пусть владелец вступит d
в свои права и удалится. Если же окажется, что вещь принадлежит кому-то третьему, здесь не присутствующему, пусть тот из двух, кто представит надежного поручителя в том, что он отдаст спорную вещь по принадлежности, возьмет ее себе. Если же спорная вещь окажется не занесенной в списки правителей, пусть она находится у трех старших из правителей до судебного разбирательства. Если спорная вещь — домашнее животное, пусть сторона, выигравшая судебное дело, заплатит правителям за его содержание. e
Правители же произведут судебное разбирательство в течение трех дней.

Любой человек, находящийся в здравом уме, может задержать своего беглого раба и делать с ним что угодно, лишь бы это не нарушало благочестия. Можно также задержать беглого раба своих родственников или друзей ради сохранности их имущества. Если же в тот момент, когда кого-то задерживают как раба, кто-то возвратит ему свободу, пусть тот, кто его задержал, его отпустит, человек же, возвративший рабу свободу, пусть представит трех достойных поручителей, только таким образом может он дать свободу рабу, никак не иначе. Если же кто-нибудь вопреки этому отпустит на волю раба, он будет повинен в насилии и, если будет 915
уличен, должен выплатить пострадавшей стороне сумму вдвое большую, чем обозначенный истцами убыток. Можно задерживать также и вольноотпущенников, если кто из них недостаточно или совсем не заботится об отпустивших их на свободу. Забота же эта заключается вот в чем: вольноотпущенник должен три раза в месяц навещать очаг человека, отпустившего его на волю, предлагая

ему свои услуги для исполнения всего, что только справедливо и вместе с тем возможно. Точно так же и вступать в брак он должен лишь с согласия бывшего своего господина. Равным образом воль-
b ноотпущеннику не разрешается стать богаче отпустившего его господина, излишек пусть будет собственностью господина. Вольноотпущенник не должен оставаться в государстве более двадцати лет; по прошествии этого времени пусть он, подобно остальным чужеземцам, удалится, захватив с собой все свое имущество, если только не получит разрешения на дальнейшее пребывание от правителей и от того, кто его отпустил. Если же имущество вольноотпущенника или кого-либо из остальных чужеземцев возрастет до такой степени, что превысит имущественный ценз граждан третьего класса, то в течение тридцати дней, начиная с того дня, как случилось превышение, он должен удалиться, взяв то, что ему
c принадлежит. Правители не должны соглашаться ни на какие его просьбы о разрешении ему дальнейшего пребывания в стране. Ослушники пусть подвергнутся суду и, в случае признания виновности, пусть будут наказаны смертью; имущество их будет отобрано в пользу государства. Подобные дела должны подлежать суду фил, если только обе стороны не освободятся еще до того от взаимных обвинений при посредстве суда соседей или выбранных для этого судей.

Если кто-либо заявит притязание на какое-нибудь домашнее животное или на другую какую-нибудь якобы принадлежащую
d ему вещь, пусть владелец приведет его к человеку, который ему эту вещь продал, подарил или передал каким-либо другим правомочным способом, — конечно, если человек этот достоин доверия и справедлив. Если человек этот гражданин или метек из числа живущих в государстве, пусть владелец сделает это в течение тридцати дней; если же речь идет о вещи, переданной чужеземцем, то дело надо закончить в течение пяти месяцев, из которых на средний приходится поворот солнца от лета к зиме.

Законы о торговле

Всякий взаимный обмен, производимый путем купли и продажи, должен происходить на месте, особо отведенном для каждого вида обмена на городской площади. Стоимость должна быть выплачена непременно тут
e же; всякая купля и продажа в кредит запрещается. Если какой-то обмен происходит другим способом или в другом месте и продавец предоставляет кредит покупателю, они могут это делать, но пусть знают, что по закону не принимаются никакие обращения в суд со стороны людей, не выполнивших только что указанного требования.

То же самое относится к товариществам, основанным на паях: желающие могут их устраивать среди друзей, но если возникнет какое-либо разногласие по поводу взносов, то надо знать, что никто и никоим образом не может начать судебного дела об этом.

Тот, кто продает на сумму не менее пятидесяти драхм, обязан переждать в городе десять дней; покупатель должен знать место- 916
жительство продавца ввиду бывающих в подобных случаях жалоб и на случай законного возвращения покупки. Возврат будет законным либо незаконным по следующим признакам. Если кто продает раба чахоточного, страдающего каменной болезнью, затрудненным мочеиспусканием или больного так называемой священной болезнью[3] или каким-то другим, скрытым от большинства, тяжким и трудноизлечимым телесным либо душевным недугом, то, коль скоро покупатель — врач или учитель гимнастики, возврата быть не может; равным образом и в том случае, если прода- b
вец заранее предупредил об этом покупателя. Если же покупатель обычный человек, а продавец, наоборот, сведущ в болезнях, покупку можно возвратить в течение шести месяцев. Исключением является священная болезнь; в этом случае возврат производится в течение одного года. Дело подлежит разбирательству выбранных сообща обеими сторонами врачей. Виновный должен уплатить двойную стоимость покупки. Если и покупатель, и продавец — обычные люди, возврат и судебное разбирательство c
должны совершаться так же, как в только что указанном случае, но виновный должен просто выплатить стоимость покупки. Если же проданный раб — убийца и покупатель и продавец оба знали это обстоятельство, то при такой продаже возврата не может быть. Если же об этом заранее не знал покупатель, то, лишь только он это узнает, он может вернуть раба. Дело должно подлежать суждению пяти младших стражей законов. Если будет признано, что продавец знал это обстоятельство, он должен произвести очищение дома покупателя согласно постановлению истолкователей d
и выплатить ему тройную стоимость раба.

При обмене денег на деньги или на что-либо другое — живность ли то или нет, — согласно закону, ни с той, ни с другой стороны нельзя ничего подделывать. Относительно возможного здесь зла желательно также дать вступление, как мы это делали для других законов. Всякий человек должен считать вещами одного порядка любую подделку, ложь и обман; между тем большинство обычно высказывает совершенно превратный взгляд, будто иной раз — и даже нередко — все это вполне допустимо, если только e
совершается кстати; при этом остается неустановленным и неоп-

23 Зак. 3846

ределенным, когда же именно и где это бывает кстати. Большинство людей из-за такого взгляда и сами во многом терпят ущерб и причиняют его другим. Законодателю непозволительно оставить это неустановленным: всегда следует ясно определять тут более или менее широкие границы. Поэтому и мы сейчас это определим.

Кто не желает стать в высшей степени ненавистным богам, пусть ни словом, ни делом не допускает никакой лжи, обмана или подделки, призывая в свидетели род богов, а ведь бывает, что кто-то клянется ложными клятвами, ничуть не заботясь о богах. Далее идет тот, кто лжет в присутствии людей, стоящих выше его самого. Лучшие люди выше худших, старики вообще выше юношей, поэтому и родители выше детей, мужчины выше женщин и детей, правители выше подвластных. Ко всем этим людям остальные должны относиться с почтением, — как тогда, когда они вообще отправляют какие-нибудь должности, так в особенности — должности государственные, что и составляет исходный пункт нынешней нашей беседы. Всякий продающий на рынке
b что-либо поддельное лжет и обманывает; призывая в свидетели богов, он клятвами нарушает законы и предостережения агораномов, не стыдясь людей и не почитая богов. Прекрасен вообще обычай — не осквернять пустыми призывами имена богов, раз находишься в таком отношении к богам в смысле чистоты и непорочности, в каком нередко бывает большинство из нас.[4] Кого все это не убеждает, вот закон: торгующий чем-либо на рынке никогда не должен назначать двух цен своему товару, а только одну-единст-
c венную. Если он по этой цене не найдет покупателя, он вправе унести свой товар с рынка, но в один и тот же день он не должен расценивать свой товар то дороже, то дешевле. И пусть не будет расхваливания и клятв по поводу любой продающейся вещи. Ослушника же первый встречный горожанин, достигший тридцати лет, имеет право бить безнаказанно, карая его за его клятвы. Кто пренебрежет этим своим правом, тот будет подвергнут хуле за измену законам. Если кто окажется не в силах послушаться наших нынешних слов и станет продавать что-либо поддельное, то пер-
d вый узнавший об этом человек пусть изобличит его, если только может, пред правителями. Раб или метек в этом случае получает в свою собственность подделанный товар. Свободнорожденный человек, если он не изобличает подделку, объявляется дурным гражданином, ибо в этом случае он выходит из повиновения богам; если же он ее изобличает, он должен посвятить подделанный товар богам — покровителям рыночной площади.

Продавец, уличенный в подделке, кроме того, что лишается своего подделанного товара, будет еще наказан на рыночной площади столькими ударами бича, сколько драхм он требует за свой d
товар, причем глашатай огласит, за что он подвергается этому наказанию. Агораномы и стражи законов, справляясь относительно каждого отдельного случая подделки и злостного обмана у людей, сведущих в этом, должны письменно определить, что надлежит делать продавцу и чего не надлежит. Стелу, на которой начертаны эти законы, они должны поставить перед агораномием,[5] так, чтобы все люди, имеющие дела на рынке, ясно их видели.

Относительно астиномов достаточно сказано выше. Если, од- 918
нако, покажется, что нужны какие-то добавления, пусть астиномы, опять-таки сообща со стражами законов, запишут то, что кажется пропущенным, на стеле, поставленной в астиномии[6] и содержащей как основные, так и дополнительные узаконения, касающиеся их должности.

За подделкой непосредственно следует занятие мелкой торговлей. Мы сначала дадим совет относительно всего этого занятия в целом и приведем разумные доводы, а уже после этого, установим закон.

Всякая мелкая торговля по своей природе вовсе не направлена ко вреду государства, — совсем напротив. Разве не благодетель b
любой человек, приводящий к соразмерности и единообразию любую разнообразную и несоразмерную собственность? Надо признать, что это происходит благодаря свойству денег; равным образом этому способствуют купцы, наемные работники, содержатели гостиниц и представители других занятий, из которых одни более, другие менее благовидны. Все это может помочь удовлетворению c
наших нужд и привести к единообразию нашу собственность. В чем же причина того, что занятие это не признано ни прекрасным, ни благовидным? Почему оно на дурном счету? Рассмотрим это, чтобы хоть отчасти, если уже не в целом, исправить положение с помощью закона. Дело это, по-видимому, нелегкое и требует немалой добродетели.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Дорогой Клиний, лишь небольшая часть исключительных по своей природе людей, получивших превосходное вос- d
питание, может держать себя в надлежащих границах, когда сталкивается с какими-нибудь нуждами и вожделениями. Люди эти могут остаться трезвыми, когда представляется возможность добыть много денег, могут предпочесть умеренное многому. Огромное большинство людей поступает как раз наоборот: их желания

неумеренны, и, хотя возможно извлекать умеренную прибыль, они предпочитают быть ненасытными. Вот почему находятся на плохом счету и признаются чрезвычайно постыдными занятия мелкого торговца, крупного купца и содержателя гостиницы. Но если бы кто-нибудь (чего да не случится и никогда не будет!) принудил — это смешно сказать, однако все-таки пусть это будет сказано —
e людей, во всех отношениях наилучших, заняться некоторое время корчмарством, мелкой торговлей или вообще чем-либо подобным или если бы женщинам суждена была необходимость принять участие в этих занятиях, мы узнали бы, как все эти занятия хороши и желательны. И если бы они не подвергались извращению, но совершались на разумных основаниях, то пользовались бы почетом, каким пользуются матери или кормилицы. Но в наши дни содержатели гостиниц ради мелкой торговли строят свои жилища в пус-
919 тынных местах, где скрещивается много дальних дорог; здесь они дают желанный приют нуждающимся в нем путникам, доставляют им теплый и безмятежный кров, если те бывают гонимы сильными зимними бурями, или отдых в прохладе, если их гонит со двора зной. Но после содержатель гостиницы вовсе не считает, что он принял своих друзей и оделил их дружескими подарками; нет, он относится к ним как к попавшимся в плен врагам и отпускает их на волю лишь за огромный неправедный и грязный выкуп. Вот
b такие-то бесчинства во всех этих делах и являются причиной того, что подобные занятия правильно бывают на плохом счету, хотя они должны были бы помогать людям в затруднительных положениях. Так вот и для этого, как всегда, законодателю надо приготовить лекарство.

Впрочем, давно уже правильно сказано, что трудно сражаться сразу с двумя, да вдобавок еще противоположными бедами, как это бывает при болезнях и во многих других случаях. И теперь нам предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатст-
c вом. Богатство развратило душу людей роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства. Как же помочь этой болезни в разумном государстве? Во-первых, по мере сил надо пользоваться как можно меньшим числом торговцев; во-вторых, это занятие надо предоставить тем людям, чья испорченность не причинила бы великого вреда государству; в-третьих, надо изобрести средство для тех, кто занимается этим делом, избавляю-
d щее их от легкого перехода к бесстыдству и низости. После этих предварительных соображений установим, в добрый час, следующий закон: среди магнетов, поселение которых во имя преуспеяния снова устраивает бог, пусть ни один землевладелец из тех, что

входят в состав пяти тысяч сорока очагов, не становится по доброй воле или против воли ни мелким торговцем, ни крупным купцом; пусть никто не оказывает каких-либо услуг частным лицам, занимающим иное, чем он сам, общественное положение; исключение e
составляют отец, мать, их родственники по восходящей линии, все вообще старшие, если они свободнорожденные люди и живут действительно так, как это таким людям свойственно. Впрочем, нелегко точно разграничить законом то, что свойственно свободнорожденным людям, и то, что им несвойственно. Судить об этом будут люди, получившие почетные дары за свою добродетель, причем они будут основываться на своей склонности или на своем отвращении. Если же кто, прибегнув к какой-либо уловке, станет заниматься несвойственной свободнорожденным людям торговлей, пусть всякий желающий возбудит против него обвинение в своего рода бесстыдстве перед лицами, признанными выдающимися в смысле добродетели. Если окажется, что этот человек действительно запятнал отцовский очаг недостойным занятием, то путем годичного заключения его принуждают от этого занятия отказаться. В случае повторения проступка ему грозят два года за- 920
ключения. Вообще при каждом его заключении время удваивается по сравнению с предшествующим.

А вот и второй закон: тому, кто собирается торговать, надо быть метеком или чужеземцем. Далее идет третий закон: в лице торговца мы должны в нашем государстве иметь возможно лучшего жителя или по крайней мере возможно менее плохого. Поэтому стражам законов надо рассудить, что они охраняют не только тех людей, которых легко оберечь от нарушений законов и испорченности, ведь такие люди и без того хорошо подготовлены как своим происхождением, так и воспитанием. Нет, скорее надо охранять не b
их, а тех, кто занимается такими делами, которые имеют сильную склонность к тому, чтобы делать людей плохими. В этом отношении торговля очень разнообразна — она включает в себя много подобных занятий. Мы примем в расчет только те ее виды, которые будут признаны крайне необходимыми для государства. С этой целью придется опять-таки стражам законов собраться вместе с лицами, опытными в каждом отдельном виде торговли, — подобно тому как мы раньше предписали это относительно c
подделки товаров, сродной таким занятиям. На этом собрании надо будет рассмотреть, какого рода приход и расход обусловливают торговцу соразмерную прибыль; надо письменно закрепить соотношение расхода и прихода, а за соблюдением этих правил будут следить частью агораномы, частью астиномы, а ча-

стью агрономы. Примерно такая постановка торговли принесла бы пользу всем гражданам и по возможности меньше вредила бы тем, кто ею занимается в государствах.

Отношения ремесленников и заказчиков

d Если кто при заключении договора не выполнит его условий (договоры, запрещаемые законами или постановлением народного собрания, исключаются), или каким-нибудь несправедливым насилием будет принужден заключить договор, или если кто, несмотря на свою добрую волю выполнить условия договора, встретит к этому непредвиденные препятствия, судебное разбирательство этого и всех остальных случаев невыполнения договора будет происходить в судах фил, коль скоро дело не могло быть раньше разрешено судом посредников или соседей.

Сословие ремесленников находится под покровительством Гефеста и Афины,[7] ведь ремесленники своим общим трудом дают
e нам возможность жить. Под покровительством Ареса и опять-таки Афины находятся люди, которые своим оборонительным искусством сохраняют изделия ремесленников;[8] стало быть, сословие воинов по справедливости посвящено этим богам. То и другое сословия постоянно пекутся о стране и о народе: одни заведуют военными состязаниями, другие за плату производят изделия и орудия. Последним не пристало допускать обман в своем труде,
921 пусть они посовестятся богов, своих прародителей. Если же кто из ремесленников злостно не выполнит в указанный срок своего заказа; если он ничуть не посовестится при этом дарующего ему жизнь бога, считая, что тот, в силу своей близости к нему, его простит; если он ничего не узрит своим умом, — то прежде всего его постигнет божий суд. Во-вторых, пусть будет установлен следующий закон: стоимость изделий он должен заплатить обманутому им заказчику и снова выполнить в указанный срок заказ, но даром. Принимающему заказ закон дает такой же совет, какой он давал
b продавцу: не пытаться повышать цену, но просто оценивать работу по ее действительной стоимости. Дело в том, что ремесленник знает действительную стоимость своей работы; следовательно, в государствах свободнорожденных людей ремесленнику никогда не следует хитростью уловлять несведущего человека; нет, его ремесло — дело ясное и чуждое по своей природе обмана. Если же кто обижен, он может начать судебное дело против обидчика.
c Если заказчик не выплатит ремесленнику суммы, правильно причитающейся ему по договору, заключенному согласно законам, то есть если он нанесет бесчестье градодержцу Зевсу и Афине,[9] при-

частным устроению государств, — иными словами, если он, возлюбив ничтожную выгоду, нарушит великую связь, то пусть вместе с богами на помощь единству, связующему государство, придет закон: пусть будет взыскана плата в двойном размере с заказчика, если он не уплатил в установленный срок платы ремесленнику, а между тем уже получил от него готовый заказ. В нашем государстве все остальное имущество не приносит процентов, если дано кем-то взаймы, но в данном случае заказчик, если истечет год со времени получения им выполненного заказа, должен уплатить и наросшие проценты, а именно с каждой драхмы ежемесячно шес- d
тую ее часть, то есть один обол. Судебное разбирательство по этим делам будет происходить в судах фил.

Раз уж мы вообще упомянули о мастерах, то справедливо будет коснуться мимоходом и тех из них, что заняты военным трудом, который доставляет спасение государству: это военачальники и все те, кто искусен в военном деле. Так вот и для них есть закон, словно и они своего рода ремесленники, как вышеупомянутые: кто из них, предприняв полезное для всего государства дело — все равно, по своей ли доброй воле или по предписанию, — e
исполнит его прекрасно, тому государство воздаст по справедливости почести, которые служат наградой военным людям, да и закон неустанно будет его восхвалять. Если же этот человек заранее взял на себя исполнение какого-нибудь прекрасного деяния на войне, но его не осуществил, он подвергается порицанию. Итак, пусть будет установлен этот закон, смешанный у нас с похвалой за такого рода деяния. Закон этот не навязывает, но советует большинству граждан оказывать почет — правда, пока не самый высокий — тем добрым людям, которые оказываются спасителями все- 922
го государства благодаря ли своему мужеству или своей военной изобретательности. Однако величайший почетный дар надо уделить прежде всего тем людям, которые сумели с особенным почетом отнестись к предписаниям хороших законодателей.

Законы о сиротах и опекунах. Наследственное право

Мы изложили почти все важнейшие деловые отношения, в которые вступают между собой люди. Остается вопрос относительно положения сирот и попечения о них со стороны опекунов. Это и придется так или иначе разобрать вслед за тем, что было изложено раньше. Здесь надо b
начать с завещаний, составлять которые склонны люди, близкие к смерти, и с тех случайностей, которые иногда совершенно не дают возможности такое завещание сделать. Я говорю, Клиний, что здесь необходимо установить порядок, так как я вижу затрудните-

льную и тяжкую сторону этого дела. Действительно, невозможно оставить это неупорядоченным. Если позволить, чтобы всякое завещание попросту считалось действительным независимо от того, в каком состоянии находился при его составлении человек, близ-
c кий к концу своей жизни, то все завещания имели бы различный вид, в них вкрались бы противоречия законам, обычаям тех, кто жив, да и выраженным ранее мыслям самого завещателя, которых он держался до тех пор, пока не собрался написать завещание. Дело в том, что большинство из нас, когда видит, что смерть близка, впадает в неразумие и расслабленность.

Клиний. Как ты это понимаешь, чужеземец?

Афинянин. Трудно, Клиний, иметь дело с человеком, близким к смерти: он полон мыслей ужасных и несносных для законодателя.

Клиний. А именно?

d *Афинянин.* Он желает сам распорядиться всеми своими делами и потому обычно гневается.

Клиний. А что он говорит?

Афинянин. «О боги, какой ужас! — говорит он. — Свое собственное имущество я не вправе отказать или не отказать тому, кому хочу: одному больше, другому меньше, сообразно с тем, насколько плохо или хорошо относились ко мне люди, ведь я достаточно все это испытал и обнаружил во время болезней, в старости и при разных других обстоятельствах».

Клиний. Разве тебе не кажется, чужеземец, что он прав?

e *Афинянин.* Мне кажется, Клиний, что древние законодатели были слишком снисходительны, да и законодательствовали-то они, обращая внимание лишь на малую часть человеческих дел.

Клиний. Как так?

Афинянин. Да, друг мой, они побоялись этих слов, и установленный ими закон позволяет попросту распоряжаться своим иму-
923 ществом, как каждый пожелает. Ну, а мы с тобой как-то иначе, более складно ответим тем из граждан твоего государства, которые готовятся к смерти.

«Друзья, — скажем мы им, — сегодня вы здесь, а завтра вас здесь не будет. Вам нелегко разобраться сейчас в вашем имущественном положении, да и в самих себе (как советует Пифийская надпись[10]). И вот я как законодатель устанавливаю: вы не принадлежите самим себе и это имущество не принадлежит вам. Оно — собственность всего вашего рода, как его предшествовавших, так и последующих поколений; более того, весь ваш род и имущест-
b во — это собственность государства. Раз это так, я по доброй воле не допущу, чтобы кто-нибудь подкрался к вам, когда вас обурева-

ют болезни или старость, и убедил вас сделать завещание в противоречии с наилучшей целью. Нет, я установлю законы, приняв в расчет все то, что наиболее полезно всему государству и всему роду в целом. Этой цели я справедливо подчиню интересы каждого отдельного гражданина. А вы благосклонно и внимательно следуйте тем путем, который свойствен человеческой природе. Нашей же задачей будет позаботиться о прочих ваших делах, что мы и сделаем по мере возможности с величайшей тщательностью,
ничего не упуская из виду». Вот каковы, Клиний, предваритель- c
ные наставления, обращенные к еще живым гражданам и к тем, кто уже близок к кончине. Закон же будет следующий.

Если у кого есть дети, то при составлении завещания и распределении своего имущества следует назначить, по своему усмотрению, первым наследником надела того из сыновей, кого завещатель сочтет достойным. Что касается остальных детей, то, если другой гражданин согласен усыновить кого-нибудь из сыновей,
пусть это также будет записано в завещании. Если же у завещате- d
ля останется еще один сын, не приписанный ни к какому наделу, и если есть надежда отправить его, согласно закону, в колонию, то отцу дозволяется наделить его, чем он хочет, из остального имущества, за исключением наследственного надела и всего относящегося к этому наделу инвентаря. Если сыновей несколько, пусть отец разделит между ними на какие ему угодно части все то, что не входит в состав надела. Однако нельзя отказывать своего имущества тому сыну, который обзавелся своим домом. Так же точно нельзя отказывать своего имущества и дочери, если она обручена со своим будущим супругом; если же она не обручена, то можно.
Если после того, как завещание уже будет составлено, у кого-ни- e
будь из сыновей или дочерей окажется в стране земельный надел, то пусть они откажутся от причитающейся им по завещанию части имущества в пользу главного наследника завещателя. Если у завещателя есть только дочери и нет потомства мужского пола, пусть он откажет свой надел одному из зятьев, по своему выбору, и обозначит его в завещании как своего сына и наследника. Если у кого умрет сын, собственный или приемный, до достижения того возра-
ста, когда его можно считать мужчиной, пусть завещатель упомя- 924
нет в завещании об этом несчастье и обозначит, кого следует считать его вторым сыном с лучшими надеждами на судьбу. Если завещатель совершенно бездетен и хочет кого-то одарить, то пусть он изымет десятую часть из своего благоприобретенного имущества и раздаст ее в дар кому хочет; все остальное он должен передать тому, кто им усыновлен, чтобы, согласно с намерением зако-

на, безупречно приобрести себе в нем благодарного сына. Если чьи-то дети нуждаются в опекунах, то по смерти завещателя, назначившего детям известное число определенных опекунов по своему желанию (причем эти намеченные им лица добровольно
b соглашаются быть опекунами его детей), его выбор должен быть признан, согласно завещанию, имеющим законную силу. Если кто умрет, совершенно не оставив завещания, или упустит указать избранных им опекунов, то опекунами становятся ближайшие родственники с отцовской и материнской стороны: двое со стороны отца и двое со стороны матери. К ним надо добавить еще одного опекуна из числа друзей покойного. Этих лиц стражи законов поставят опекунами над нуждающимися в опеке сиротами. Всеми
c делами об опеке и о сиротах постоянно ведают пятнадцать самых престарелых стражей законов. Соответственно своему старшинству они подразделяются на группы, по три человека в каждой. Трое назначаются на первый год, на другой год — следующие трое и так далее, пока не будет пройден полный круг всех пяти групп; насколько возможно, эти последовательности не следует никогда прерывать.

Если кто умрет, вовсе не оставив завещания и оставив детей, еще нуждающихся в опеке, те же самые законы помогут разоб-
d раться в их затруднительном положении. Если кого постигнет неожиданный несчастный случай, причем останется потомство женского пола, пусть он извинит законодателя, если тот из трех обязанностей отца выполнит только две, а именно выдаст дочерей замуж за лиц, связанных свойством с данным родом, и позаботится о сохранении за ними надела. Что же касается третьей обязанности их отца, — ведь он стал бы подыскивать подходящего для себя сына, а для своей дочери — жениха, учитывая характер и свойства
e всех граждан, — это законодатель оставляет в стороне, так как ему невозможно произвести подобное рассмотрение. Поэтому пусть будет установлен по мере возможности следующий закон для подобных случаев. Если кто умрет без завещания, оставив по себе дочерей, то дочь и надел покойного пусть возьмет себе единокровный или единоутробный брат умершего, коль скоро он не имеет надела. Если нет брата, пусть точно так же возьмет дочь умершего сын его брата, если только он и дочь покойного подходят друг другу по возрасту. Если же нет никого, кроме сына сестры покойного, пусть и он поступит таким же образом. На четвертом месте стоит брат отца покойного, на пятом — сын этого брата, на шестом — сын сестры отца покойного. Иными словами, если останется женское потомство, всегда надо продолжать род, основываясь на

кровной близости, то есть начинать надо с братьев и племянников 925
по мужской линии этого рода и уж потом переходить к женской линии. Вопрос о сообразности или несообразности времени вступления в брак будет решать судья, осматривая лиц мужского пола в нагом виде, а лиц женского пола — обнаженными до пояса. Если у членов семьи так мало родственников, что нет даже ни внучатных племянников, ни сыновей деда, тогда дочь покойного пусть выберет, вместе с опекунами, кого-либо из остальных граждан себе в женихи, по своей склонности, если и жених имеет к ней склонность: этот гражданин станет наследником покойного и су- b
пругом его дочери. В самом государстве нередко может встретиться много разных затруднений при выборе таких лиц. Так вот, если дочь, затрудняясь произвести выбор из местных граждан, обращает свои взоры на человека, отправленного в колонию, и ей по сердцу, чтобы именно этот человек стал наследником ее отца, то такой человек вступит во владение наделом согласно законному порядку, если он находится с ней в родстве; если же между ними такого родства нет, да и среди граждан, живущих в государстве, у нее тоже нет родных, то он вправе жениться на ней, согласно вы- c
бору опекунов и самой дочери покойного, вернуться на родину и получить надел ее отца, раз тот не оставил завещания.

Если же скончается, не оставив завещания, человек совершенно бездетный, то есть не имеющий ни дочерей, ни сыновей, то во всем остальном поступают согласно указанному раньше закону; в опустевший же его дом пусть войдут женщина и мужчина из его рода, на правах законных супругов, и надел пусть поступит к ним во владение. Здесь на первом месте стоит сестра покойного, на d
втором — дочь его брата, на третьем — дитя сестры, на четвертом — сестра отца покойного, на пятом — дитя брата отца покойного, на шестом — дитя сестры его отца. Они будут жить вместе с ближайшими родственниками согласно правилам, установленным ранее данными нами законами. Не скроем тягостной стороны таких законов: тяжело это предписание, чтобы члены рода покойного женились на своей родственнице. По-видимому, здесь упускается из виду, что среди людей подобные требования встретят тысячи препятствий; им не захотят повиноваться, скорее согла- e
шаясь подвергнуться чему угодно, чем вступить в брак против воли, в особенности с лицами больными или увечными телесно или духовно. Возможно, некоторым покажется, будто законодатель совсем не взвесил этого. Но это предположение неверно. Итак, в защиту законодателя и тех людей, кому он дает законы, надо предпослать, пожалуй, некое общее вступление и обратиться

к подвластным с просьбой извинить законодателя, если он в своих заботах об общем благе не всегда вместе с тем сможет устранить
926 личные несчастья, случающиеся с каждым из граждан. С другой стороны, надо извинить и тех людей, которым законодатель дает законы, если иной раз они не смогут выполнить его предписания, ведь он дает их, не зная наперед многих обстоятельств.

Клиний. Как же, чужеземец, было бы всего сообразнее поступить, раз встречаются такие трудности?

Афинянин. Необходимо, Клиний, избрать посредников между этими законами и теми людьми, для которых они даны.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Иногда бывает, что племянник, сын богатого отца,
b не хочет добровольно взять замуж дочь своего дяди: он изнежен и рассчитывает на лучший брак. Бывает также, что он вынужден ослушаться законодателя, коль скоро от него требуют смириться с большим несчастьем, заставляя жениться на сумасшедшей родственнице или на такой, которая обладает иными телесными либо душевными недостатками, так что с ней и жизнь становится не в жизнь. Пусть наши соображения по этому поводу будут выраже-
c ны в виде такого закона: если кто жалуется на существующие законы о завещаниях по поводу брака или по какому-нибудь иному поводу, если кто утверждает, что сам законодатель, будь он здесь и будь он жив, никогда в этом случае не принудил бы к такому деянию, то есть к женитьбе или выходу замуж, а между тем действующие законы к этому принуждают, то кто-нибудь из членов семьи или из опекунов может возразить на это, что законодатель назначил пятнадцать стражей законов посредниками и отцами для сирот
d обоего пола. К этим-то стражам законов и надо обращаться для разбора любого сомнительного вопроса, и их решение подлежит исполнению. Если кто найдет, что тем самым придается слишком большое значение стражам законов, пусть он передаст дело на суд отобранных для этой цели судей, дабы они разобрали сомнительные стороны вопроса. Кто проиграет дело, тот подвергается порицанию и поношению со стороны законодателя; для человека с умом это более тяжкое наказание, чем большая денежная пеня.

А теперь поговорим как бы о вторичном рождении сирот. Ведь
e о вскармливании и воспитании после первого их рождения была речь раньше. После вторичного их рождения, когда они лишились родителей, следует подумать, каким образом сделать для них сиротскую долю как можно менее жалкой и несчастной. Прежде всего, говорим мы, закон дает им вместо родителей стражей законов в качестве не худших отцов. К тому же мы предпишем этим стра-

жам постоянно заботиться о сиротах как о членах своей семьи. К ним и к опекунам мы обращаемся с подобающим случаю предупреждением относительно взращивания сирот. Мне кажется, мы кстати упомянули в предшествующей речи о том, что души покой- 927
ных сохраняют и после кончины какую-то способность заботиться о делах человеческих. Все это верно, но требует длинного рассуждения. Здесь надо верить многочисленным и очень древним преданиям. С другой стороны, надо верить и законодателям, — коль скоро они не совсем выжили из ума,— что дело обстоит именно так. Если дело обстоит так по самой природе, то стражи законов b
и опекуны должны прежде всего страшиться вышних богов, которые видят одиночество сирот, затем надо страшиться душ почивших, природе которых свойственна особая заботливость о своих потомках. Души эти благосклонны к тем, кто их почитает, к тем же, кто их не чтит, неблагосклонны. К тому же надо страшиться душ живых людей, достигших старости и величайшего почета, ведь где процветает государство с благими законами, там потомки нежно относятся к этим людям, украшая этой нежностью свою жизнь. Люди эти чутко прислушиваются к сиротам, зорко смотрят за ними и благосклонны к тем, кто справедливо к ним относится. c
Зато особенно негодуют они на тех, кто грубо обходится с сиротами, ведь их они считают самым священным и ценным залогом. Правителю-опекуну следует над всем этим поразмыслить, если только он не совсем лишен этой способности, и соблюдать осторожность в вопросах взращивания и воспитания сирот, оказывая по мере сил всевозможные благодеяния, этим он как бы делает взнос в свою пользу и в пользу своих детей. Кто будет послушен речи, предпосланной закону, и не совершит ничего грубого по отношению к сиротам, тому не придется быть свидетелем гнева законодателя. Зато ослушник, допустивший несправедливость по отношению к сироте, оставшемуся без отца и матери, возместит весь понесенный сиротой убыток в двойном размере по сравнению с тем, что он должен был бы возместить, если бы обидел ребенка, у которого живы отец и мать.

Что касается остальных законов об опекунах и сиротах и о присмотре должностных лиц за опекунами, то у них есть образец для взращивания свободнорожденных детей: это те приемы, которые они применяют, взращивая своих собственных детей и заботясь о своих имущественных делах. Здесь имеются соответствующим e
образом составленные законы. Если бы не это, то был бы некоторый смысл установить какие-то законы об опекунстве, имеющие много своеобразных особенностей, с тем чтобы они внесли разно-

образие в уклад жизни сирот в сравнении с несиротами. Но ведь теперь у нас положение сирот во всех этих отношениях не очень отличается от положения детей, имеющих родителей, и лишь в смысле почета и бесчестия, а также заботы положение детей, имеющих родителей, совершенно несравнимо с положением си-
928 рот. Именно поэтому закон и отнесся особо ревностно к положениям, касающимся сирот, и прибег к увещаниям и угрозам. Очень уместно было бы еще и следующее указание: тот, кто поставлен опекуном над девочкой или мальчиком, и тот из стражей законов, кто присматривает за опекуном, должны любить ребенка, которому выпало на долю сиротство, не меньше, чем своих собственных детей. И об имуществе воспитанника они должны заботиться не
b хуже, чем об имуществе членов своей семьи. Желательно даже, чтобы они более ревностно заботились об имуществе воспитанника, чем о своем собственном. Всякий опекун должен действовать, руководствуясь только этим законом о сиротах. Если же кто из упомянутых станет действовать здесь иначе, вопреки этому закону, то опекуна наказывает должностное лицо, а само должностное лицо может быть опекуном привлечено к суду отобранных для этой цели судей и наказано пеней, вдвое большей по сравнению с определенным судом ущербом. Если членам семьи либо кому-нибудь из граждан покажется, что опекун небрежен или причиняет вред опекаемому, его привлекают к этому же самому суду. Причи-
c ненный ущерб он возмещает вчетверо, причем половина этой суммы поступает в собственность ребенка, а другая — в пользу того, кто возбудил судебное дело. Достигнув зрелости, сирота может, если считает, что его плохо опекали, в течение пяти лет после истечения срока опеки привлечь своих опекунов к суду. Если кто-нибудь из опекунов будет в этом уличен, суд решает, какому наказанию его подвергнуть. Если же кто-либо из должностных лиц будет
d уличен в том, что своим небрежением повредил сироте, суд решает, что ему надлежит выплатить ребенку. Если же кроме этого это лицо изобличено в несправедливости, то сверх пени его отстраняют от должности стража законов. Общее собрание граждан назначает взамен него другого стража законов для государства и всей страны.

Семейные отношения. Почитание родителей

Несогласия отцов со своими детьми и детей с родителями происходят в бо́льших размерах, чем подобает. При этом отцы считают, что законодатель должен был бы установить такой закон: отцу разрешается, если он пожелает, оповестить всех с помощью глашатая, что он отрекается от сына, так что, согласно закону, он уже не будет считаться его сы-

ном. Сыновья со своей стороны ожидают, что им будет позволено e
обвинить отца в безумии, когда он окажется разбит болезнью или
старостью. Так действительно обычно бывает там, где нравы лю-
дей никуда не годны. Когда же беда бывает только наполовину, —
например, когда отец не плох, а сын плох или наоборот, — тогда не
случается таких несчастий и нет такой огромной вражды. В госу-
дарствах с иным строем сын, от которого публично отрекся отец,
не обязательно выбывает из страны. Но при нашем государствен-
ном строе, когда будут действовать эти законы, сыну, таким обра-
зом лишившемуся отца, неизбежно придется выселиться в другую
страну. Дело в том, что у нас нельзя прибавить к пяти тысячам со- 929
рока семьям ни одной лишней семьи. Поэтому не только отец, но и
весь род должен отречься от такого человека, раз он по праву за-
служил эту участь. Здесь следует поступать согласно такому зако-
ну, кого охватила — все равно, справедливо ли или нет, — несча-
стная страсть освободиться от родственных уз с тем, кого он поро-
дил и взрастил, тому не разрешается осуществить это сразу и
попросту; нет, сначала пусть он соберет свою родню, вплоть до
двоюродных братьев и сестер, а равным образом и родню своего b
сына со стороны матери. Пусть он перед ними выскажет свои об-
винения и покажет, что сын действительно заслуживает, чтобы от
него публично отреклись все члены рода. И сыну пусть будет пре-
доставлено слово, притом наравне с отцом, чтобы он мог показать,
что вовсе не заслуживает подобного отношения. Если отцу удаст-
ся убедить родственников и он получит за себя более половины их
голосов (причем не считаются голоса отца, матери и обвиняемого,
из остальных же родственников могут голосовать лишь достигшие
зрелости женщины и мужчины), то, при соблюдении этих правил, c
отцу разрешается публично отречься от своего сына, но никак не
иначе.

Нет закона, который бы запрещал усыновить того, от кого от-
реклась родня, если кто из граждан пожелает это сделать. Дело
в том, что характер молодых людей обычно подвергается многим
переменам в продолжение жизни. Если в течение десяти лет никто
не пожелает усыновить того, от кого отреклись родные, то попечи-
тели о потомстве, предназначенном для выселения в колонию, d
должны позаботиться о таких людях, чтобы они должным образом
приняли участие в этом выселении.

Если кто, под влиянием какой-нибудь болезни, старости, тяже-
лого нрава или всего, вместе взятого, станет сильно отличаться от
большинства людей своим неразумием, причем для остальных это
будет незаметно и лишь члены его семьи, живущие с ним вместе,

сумеют это заметить, или если он владеет всеми своими способностями, но разоряет свою семью, а сын стесняется и медлит возбудить против него в суде обвинение в слабоумии, то на этот случай устанавливается закон: прежде всего сын должен обратить-
e ся к самым престарелым из стражей законов и изложить им несчастье своего отца. Они же, достаточно рассмотрев это дело, дадут ему совет, надо ли возбуждать такое обвинение или нет;[11] если они посоветуют это сделать, они одновременно становятся и свидетелями против обвиняемого, и вместе с тем членами суда. Человек, признанный слабоумным, становится на все будущее время неправомочным распоряжаться своей собственностью, даже в мелочах, и остальную свою жизнь проводит на положении ребенка.

Если муж и жена совсем не подходят друг другу из-за несчаст-
930 ных особенностей своего характера, то такими делами всегда должны ведать десять стражей законов среднего возраста, а также десять женщин из числа тех, что ведают браками. Если супруги могут примириться, их примирение будет иметь законную силу. Если же душевные бури их захлестывают, надо по возможности отыскать для каждого из них более подходящих супругов. Конечно, такие супруги не отличаются кротким нравом. Вот и нужно попробовать соединить с каждым из них характер более глубокий и кроткий. Если супруги находятся в разногласии между собой и к тому же бездетны или у них мало детей, то к новому супружест-
b ву следует прибегнуть и ради детей. Если же количество детей достаточно, то развод и новое заключение брака следует произвести ради спокойной старости друг подле друга и взаимных забот.

Если жена скончается, оставив детей женского и мужского пола, то закон не принуждает, но советует, чтобы отец растил оставшихся детей, не вводя в свой дом мачехи. Если детей нет, необходимо вступить в новый брак, пока не народится достаточное
c количество детей для семьи и для государства. Если же муж умрет, оставив достаточное количество детей, то мать пусть продолжает жить в доме умершего мужа и растить детей. Если же она окажется слишком молодой для того, чтобы без вреда для здоровья оставаться незамужней, то ее близкие должны переговорить с женщинами, заботящимися о брачных делах, и исполнить то, что будет решено ими и этими женщинами. Если у молодой жены нет детей, то она должна вступить в новый брак ради детей. Один мальчик и одна девочка считаются по закону уже достаточным количеством детей.

Если нет сомнений, от каких родителей ребенок появился на d
свет, но нужно еще решить, кому из них надо отдать ребенка,
то при связи рабыни с рабом, свободнорожденным человеком или
вольноотпущенником ребенок в любом из этих случаев признает-
ся принадлежащим хозяину рабыни. Если же свободнорожденная
женщина сойдется с рабом, ребенок принадлежит хозяину раба.
Если ребенок родится от собственной рабыни или от собственного
раба, причем это будет совершенно явным, то ребенка, прижитого
свободнорожденной женщиной от раба, пусть женщины отошлют
в другую страну вместе с его отцом; ребенка же свободнорожден- e
ного человека, прижитого от рабыни, пусть стражи законов отпра-
вят в другую страну с его матерью.

Пренебрегать родителями никому не посоветует ни бог, ни ка-
кой бы то ни было человек, обладающий разумом. Надо усвоить,
что это предварительное слово относительно почитания богов на-
правлено к верному пониманию вопроса о почитании или непочи-
тании родителей. Древние законы относительно богов у всех наро-
дов двояки. Мы почитаем тех богов, которых видим воочию; дру- 931
гих богов мы чтим в изображениях, воздвигая им статуи, причем
считаем, что этим своим почитанием неодушевленных изображе-
ний мы снискиваем благорасположение и милость богов одушев-
ленных. Так вот, у кого в доме есть драгоценный клад в виде отца,
матери или их обремененных старостью родителей, тот не должен
думать, будто у него может появиться более значительная святы-
ня: нет, родители в его доме составляют святыню его очага, если
хозяин дома должным образом оказывает им почтение.

Клиний. А в чем же состоит эта правильность? b

Афинянин. Об этом я сейчас и скажу, потому что, друзья мои,
подобные вещи стоит послушать.

Клиний. Только бы ты говорил!

Афинянин. Мы утверждаем, что Эдип, покрытый бесчестьем,
взмолился о той участи для своих детей, которая их и постигла: зна-
чит, правильно говорят все, что он был услышан богами.[12] Разгне-
ванный Аминтор проклял своего сына Феникса, Тесей —
Ипполита.[13] Можно было бы привести бесчисленное множество та-
ких с примеров, из которых явствует, что боги внимают моль- c
бам родителей, обращенным против детей.[14] Действительно,
проклятие родителя своим детям справедливо, как никакое иное.
Раз бог внимает покрытому бесчестьем отцу или матери в их молит-
вах, направленных против детей, то неужели же не естественно,
если отец, чрезвычайно обрадованный почтением со стороны своих
детей, станет в своих молитвах неустанно желать им всякого добра

24 Зак. 3846

d и боги также внемлют этой молитве и уделят нам это благо? В противном случае боги не были бы справедливыми подателями всяческих благ, что, как мы утверждаем, всего менее подобает богам.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так поразмыслим же над тем, что мы сказали немного ранее: у нас не может быть никакой святыни, более ценной пред лицом богов, чем отец или дед, согбенные старостью; такое же значение имеет и мать. Если человек их почитает, бог радуется; иначе он не внял бы их мольбам. Чудесная это у нас святыня — наши
e предки, в особенности по сравнению с неодушевленными статуями. Одушевленные святыни присоединяют свои молитвы к нашим, если мы оказываем им почтение, и не присоединяют свои молитвы к нашим, если их не почитают; статуи же не делают ни того ни другого. Стало быть, человеку действительно надо прибегать к отцу, к деду и другим подобным им лицам, раз у него есть такие самые значительные из всех святынь, для обретения участи, любезной богам.

Клиний. Прекрасно сказано!

Афинянин. Всякий человек, имеющий разум, страшится родительских молитв и чтит их, так как знает, что у многих они много раз исполнялись. Коль скоро это природой устроено именно так,
932 то для хороших людей находка — престарелые предки, достигшие крайних пределов жизни, а их ранний уход из жизни — потеря; для людей же дурных такие предки очень и очень страшны. Поэтому пусть теперь все, поверив нашим словам, оказывают всевозможный почет своим родителям. Если же кто будет глух к мыслям, выраженным в подобных вступлениях, то на этот случай правильно было бы установить следующий закон: если кто в нашем государстве пренебрежет своим долгом по отношению к родителям и не станет поощрять и исполнять все их желания скорее, чем желания
b своих сыновей, всех своих детей и даже чем свои собственные, пусть пострадавший известит, сам или через посланного, трех самых престарелых стражей законов, а также трех женщин — попечительниц браков. Они уж позаботятся и накажут обидчиков побоями и тюрьмой, если те молоды: это касается мужчин до тридцати
c лет, а женщин же можно подвергать тем же наказаниям, если они еще на десять лет старше. Коль скоро люди, перешедшие за этот возраст, не оставят небрежности в отношении к родителям, но станут причинять им зло, они привлекаются к суду самых престарелых граждан числом сто один человек. Суд этот решит, какому наказанию должен подвергнуться виновный; при этом не запрещаются никакие взыскания и пени из тех, которым только можно подвергнуть человека.

Если же терпящие зло родители не в силах известить стражей d
законов, пусть всякий узнавший об этом гражданин из числа свободнорожденных людей их уведомит. В противном случае он будет признан плохим гражданином, и всякий желающий может привлечь его к суду за вредный образ действия. Если донесет об этом раб, он получает свободу. Если раб этот принадлежит обидчику или обиженному, власти просто отпускают его на волю; если же он принадлежит кому-то другому из граждан, государственная казна выплачивает его стоимость владельцу. Пусть правители позаботятся, чтобы никто не обидел его, мстя за донос.

Различные другие правонарушения

Что касается вреда, причиняемого друг дру- e
гу людьми с помощью разных снадобий, то мы уже разобрали вопрос о смертоносных ядах. Но остался еще совсем не разобранным вопрос о разных других способах наносить вред при помощи напитков, яств, мазей, если человек добровольно и с заранее обдуманным намерением к ним прибегает. Дело в том, что есть два вида отрав, применяемых человеческим родом; это-то обстоятельство и мешает внести здесь ясность. Тот вид, о котором мы только что высказались с полной
определенностью, заключается в нанесении естественного вреда 933
одному телу с помощью другого. Второй вид — нанесение вреда с помощью ворожбы, заклинаний и так называемых магических узлов — убеждает людей, отваживающихся таким путем наносить вред, в том, что они действительно в состоянии это сделать, а других — в том, что они более всего понесли вреда именно от людей, умеющих пускать в ход чары. Трудно узнать, что именно происходит в подобных случаях; впрочем, даже если кто и узнает, трудно убедить в этом других. Не стоит и пытаться воздействовать на
души людей, подозревающих друг друга в подобных вещах. Если b
они увидят где-нибудь у дверей, на перекрестках или у могильных памятников своих родителей вылепленные из воска изображения, не стоит советовать им не обращать на это внимания, ведь у них такие неясные представления обо всем этом![15]

Разделим на две части закон об отраве и ворожбе соответственно с тем, к какому виду ворожбы или отравы человек прибегает.
Прежде всего надо просить, увещевать и советовать не делать это- c
го и не устрашать большинство робких, словно дети, людей. С другой стороны, не следует заставлять законодателя и судью врачевать подобные людские страхи, ведь пытающийся отравлять не знает, чтó именно он делает с телом, раз он несведущ в врачевании; то же самое касается и ворожбы, раз человек не является
прорицателем и гадальщиком. Закон же об отравлении и ворож- d

бе будет выражен так: если кто применяет отраву не с целью причинить смерть человеку или его домочадцам, но с целью нанести какой-то вред или даже смерть его стадам или роям пчел, то, если отравитель врач и будет уличен судом в отравлении, он будет наказан смертью. Если же это обычный человек, суд решит, какому наказанию или штрафу его подвергнуть. Если окажется, что человек из-за своих магических узлов, заговоров и заклинаний уподобился тому, кто наносит другому вред, пусть он умрет, если он прорицатель или гадальщик. Если же он чужд искусства прорицания и все-таки будет уличен в ворожбе, пусть его постигнет та же участь, что и отравителя из числа обычных людей; пусть суд решит, какому наказанию его следует подвергнуть.

Что касается вреда, наносимого друг другу воровством или насилием, то, чем больше вред, тем больше и возмещение убытков в пользу пострадавшего, а чем меньше вред, тем меньше и наказание. Говоря в целом, наказание должно возместить причиненный ущерб. За каждое злодеяние надо расплачиваться последующим
934 возмездием, ради вразумления. Возмездие будет легче, если злодеяние совершено по неразумию, когда преступник молод и поддался чьему-либо внушению, а также в других подобных случаях. Тяжелее оно будет, если преступление совершено по собственному неразумию, из-за невоздержанности в удовольствиях и страданиях, из страха и робости, из-за страстей, зависти и неисцелимого гнева. Такого человека правосудие постигнет не за совершенное деяние — ведь совершившееся никогда уже не сможет стать несовершившимся, — но ради того, чтобы в будущем он либо пол-
b ностью возненавидел несправедливость, — а также чтобы возненавидели ее все те, кто видел суд над ним, — либо хотя бы частично избавился от подобного несчастья. Ради всего этого законы должны, имея в виду такие вещи, прицеливаться, как хороший стрелок, чтобы определить размер наказания за каждый проступок в отдельности и присудить преступника к тому, чего он заслуживает. Судья занимается тем же самым и должен помогать законодателю, когда закон предоставляет суду решить, чему подвергнуть подсудимого или что с него взыскать. А законодатель,
c точно живописец, должен сделать набросок деяний, следующих за его записанным словом. Это и надо, Мегилл и Клиний, нам теперь сделать, причем как можно лучше и совершеннее. Нам надо наметить те наказания, которые должны следовать за воровством и всевозможным насилием, чтобы боги и дети богов разрешили нам издавать законы.

Сумасшедшие не должны показываться в городе. Их близкие пусть охраняют их в своем доме как умеют В противном случае они должны будут уплатить пеню: принадлежащий к высшему d классу — сто драхм, если он оставляет без присмотра раба или свободнорожденного; принадлежащий ко второму классу — четыре пятых мины; третий класс — три четверти мины; четвертый — две трети. С ума сходят многие и по-разному: одни, о которых мы и говорим, — из-за болезней; бывает это из-за дурной природы духа и дурного воспитания; иные при возникновении незначительной неприязни сильно возвышают голос и начинают поносить и ругать e других. Ничего подобного ни в коем случае не должно происходить в благоустроенном государстве.

Относительно злословия пусть будет один закон для всех, а именно следующий: пусть никто никого не злословит. Если же, беседуя, люди расходятся во мнениях, то надо их понять и наставить — как противника, так и всех присутствующих, — всячески воздерживаясь от злословия. Дело в том, что из взаимных поношений вырастает женская привычка обзывать друг друга позорными именами; таким образом, из пустяка, из легковесных сначала слов вырастает действительная ненависть и самая 935 тяжкая вражда. Спорщик с удовольствием отдается неприятному чувству гнева. Своей злобе он дает плохую пищу: снова становится дикой та часть его души, которая была некогда укрощена воспитанием. Озверев, он живет в раздражении, зато он пожал горькую радость гнева. Опять-таки при спорах все привыкают переступать границы и подымать на смех своего противника. b А кто к этому привык, тот либо вовсе утрачивает серьезность характера, либо во многом теряет возвышенный склад ума. Поэтому в священных местах никто не должен никогда произносить ничего подобного; точно так же и при общенародных жертвоприношениях, на состязаниях, на торговой площади, в суде или общих собраниях. Правитель, ведающий этими делами, пусть невозбранно карает каждого провинившегося. Иначе он не может претендовать на отличия, ибо он не заботится о законах и не испол- c няет предписаний законодателя. Если кто-нибудь станет браниться в других местах, хотя бы даже обороняясь, и не удержится от злых слов, пусть на защиту закона выступит любой, кто старше годами, и ударами — другим злом — изгонит тех, что так склонны к гневу. В противном случае он подвергнется установленному наказанию.

Мы сейчас сказали, что человек не может не искать повода поднять на смех своего противника, когда тот его поносит, но мы d

порицаем это тогда, когда насмешка сопровождается гневом. Но
как же так? Ведь и сочинители комедий стремятся подымать лю-
дей на смех. Допустим ли мы их выступления в тех случаях, когда
они без гнева высмеивают в комедиях граждан? Не разграничить
ли нам здесь две стороны: забаву и ее противоположность? Напри-
мер, в виде забавы всякому будет дозволено говорить о любом че-
ловеке смешные вещи, однако без гнева; тому же, кто высмеивает
e с неприязнью и гневом, это не будет разрешено, как мы только что
и сказали. Вопрос этот никак нельзя оставить в стороне: надо опре-
делить законом, кому разрешается осмеяние, а кому нет. Комиче-
скому, ямбическому или мелическому поэту вовсе не разрешается
ни на словах, ни с помощью жестов, все равно, делается ли это
с гневом или без гнева, высмеивать кого-либо из граждан. Ослуш-
ника устроители состязаний изгоняют из страны в тот же день.
936 В противном случае они должны будут заплатить три мины, посвя-
щаемые тому богу, в честь кого происходило состязание. Что же
касается тех лиц, которые могут, как мы сказали раньше, делать
это друг по отношению к другу, то им такое высмеивание разреша-
ется, однако лишь в том случае, если оно совершается без гнева, как
забава. Всерьез и с гневом это не разрешается. Различать это пору-
чается попечителю всего в целом воспитания молодежи: что он
одобрит, тó человек, сочинивший шутку, может использовать пуб-
лично; а что он отвергнет, того этот человек не должен никому по-
казывать и не должен дать застигнуть себя на том, что он научил
b этому другого, раба ли или свободнорожденного. В противном слу-
чае он будет признан плохим гражданином и ослушником законов.

Сострадание вызывает не просто тот, кто голоден или испыты-
вает другую подобную нужду, но тот, кто рассудителен, обладает
какой-нибудь добродетелью или ее частью и при этом все же по-
пал в беду. Поэтому было бы удивительно, если бы человек с таки-
ми качествами оказался в полном пренебрежении и дошел бы до
крайней нищеты (причем все равно, раб это или свободнорожден-
ный) в стране с приличным государственным устройством. Зако-
c нодателю надо установить примерно такой незыблемый закон: ни-
щих совсем не будет в нашем государстве; если кто попытается
нищенствовать, снискивая себе пропитание нескончаемыми
прóсьбами, того агораномы прогонят с торговой площади, астино-
мы — из города, из остальной же части страны его вышлют за пре-
делы государства агрономы, чтобы страна совершенно очистилась
от подобных лиц.

Если раб или рабыня причинят какой-либо вред чужому иму-
d ществу — по своей неопытности или из-за какого-нибудь иного

вида безрассудства, причем без всякой вины самого пострадавшего,— то хозяин нанесшего вред раба должен либо полностью возместить причиненный ущерб, либо передать пострадавшему самого раба, сделавшего это. Если же хозяин, которому предъявлено обвинение, станет утверждать, что оно предъявлено ему для того, чтобы отнять у него раба, и что это вообще уловка со стороны нанесшего вред раба и пострадавшего лица, пусть он привлечет к суду того, кто заявил о злостно нанесенном ему вреде. Если он выиграет дело, то получит двойную стоимость раба по оценке суда; если проиграет, то должен возместить причиненный ущерб, e
а также передать пострадавшему и раба. Равным образом надо возместить ущерб, причиненный соседу чьим-то вьючным животным, лошадью, собакой или другими домашними животными.

Судебное дело

Если кто не хочет добровольно явиться свидетелем в суд, его вызывает тот, кому нужен свидетель. После вызова он должен явиться в суд; если он знает что-нибудь по делу и может дать свидетельские показания, пусть будет свидетелем; если же он заявит, что ничего не знает, то должен поклясться тремя богами — Зевсом, Аполлоном и Фемидой,[16] 937
что он действительно ничего не знает; тогда он отпускается из суда. Если же кто вызван для дачи показаний, но не явился по вызову, то он ответствен по закону за причиненный ущерб. А если кто-нибудь выставляет в качестве свидетеля кого-то из судей, то судья после дачи показаний уже не имеет права голоса в этом деле. Свободнорожденной женщине разрешается быть свидетельницей, выступать в качестве защитницы (если ей уже минуло сорок лет) и вести судебное дело, если у нее нет мужа. При жизни мужа ей разрешается выступать только как свидетельнице. Рабу, рабыне и ребенку разрешается быть свидетелями и выступать в качестве за- b
щитников лишь по делам об убийстве, если только они представят достойного поручителя в том, что не уклонятся от суда, коль скоро свидетельство их будет признано ложным. Каждая из тяжущихся сторон может, до окончательного решения суда, обвинить в ложных показаниях и всех свидетелей в целом, и их часть. Обвинения эти хранятся у должностных лиц за печатями той и другой стороны и доставляются, когда идет разбор ложности свидетельских показаний. Если кто будет дважды уличен в лжесвидетельстве, закон c
далее уже не привлекает его для дачи свидетельских показаний; если же трижды — он впредь вообще лишается права давать свидетельские показания. Если же пойманный трижды в лжесвидетельстве осмелится выступать со свидетельскими показаниями, пусть на него донесет правителям всякий желающий. Правители

предадут его суду, и, если он окажется виновным, он будет наказан смертью. Если судом будет установлена ложность показаний тех свидетелей, которые обеспечили победу лицу, выигравшему
d судебное дело, причем таких лжесвидетелей окажется бóльшая половина, судебное дело, выигранное при подобных условиях, признается недействительным и спорным и производится его пересмотр, все равно, будет ли выноситься решение при тех же условиях или нет, но в чью бы пользу оно ни было принято, пусть так и будет, и этим заканчивается предшествующее дело.

Хотя есть много прекрасного в жизни человеческой, но к очень многим вещам как бы пристали язвы, которые пятнают и марают их красоту. Да вот хотя бы правосудие — какое это прекрасное
e дело среди людей! Оно смягчило все человеческие отношения. Но раз оно так прекрасно, как не быть прекрасной также и защите? Однако, несмотря на это, некая злостная клевета затмевает прекрасное имя искусства, утверждая прежде всего, что существует некая уловка в судебных делах, состоящая в том, что судишься ли сам или защищаешь в суде другого, можно выиграть дело незави-
938 симо от того, прав ли человек или нет: мол, если хорошо заплатишь, то и получишь в дар как это искусство, так и основанные на нем речи. Следовательно, нам в нашем государстве — и это будет самое лучшее — надо особенно следить за тем, чтобы не допускать такого рода искусства или, вернее, уловки, приобретаемой долгим опытом. Либо надо, чтобы оно послушалось просьб законодателя и не высказывалось бы против правды; либо, что еще лучше, пусть отправляется в другую страну. Послушных закон обходит молча-
b нием, для ослушников же он гласит так: если окажется, что человек пытается отвратить души судей в сторону, противоположную справедливости, и растягивает судебное дело либо неуместно выступает с защитой, всякий желающий может обвинить его в злоупотреблении судом или в злонамеренной защите. Тогда дело решается в суде отобранных для этой цели судей. Если обвиненный будет уличен, суд выясняет, что побудило его к такому поступку: корыстолюбие или честолюбие? Если окажется, что честолюбие, то суд определяет, на какой срок виновный лишается права предъ-
c являть иск или выступать как защитник; если же его побудило корыстолюбие, то чужеземец должен покинуть страну и никогда больше не возвращаться, иначе он будет наказан смертью; гражданин же должен быть казнен за свое корыстолюбие, которое он ценил превыше всего. Смертная казнь назначается и в том случае, если кто-нибудь будет признан вторично действовавшим под влиянием честолюбия.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Международные отношения

Если кто самозванно выступит в чужом государстве в качестве государственного посла либо глашатая или если какой-нибудь посол известит не о том, что ему было поручено, а также неверно передаст ответы, полученные от друзей или неприятелей, — иными словами, если человек явно зло употребит своим званием посла или глашатая, против него надо возбудить судебное дело, так как он вопреки законам нечестиво нарушил поручения и наставления Гермеса и Зевса. В случае признания его виновным надо определить ему то или иное наказание либо пеню. 941 b

Воровство

Кража чужой собственности — поступок неблагородный, а грабеж — бессовестное дело. Никто из сынов Зевса не прибегал, для собственного удовольствия, ни к тому, ни к другому ни путем обмана, ни путем насилия. Стало быть, никто не должен дать себя убедить и обмануть ни поэтам, ни другим сочинителям басен, утверждающим, будто можно пренебрегать этими вещами:[1] нельзя, совершая кражу или насилие, считать, что в этих поступках нет ничего позорного, на том основании, что так поступают и сами боги. Это далеко от истины и неправдоподобно. Нет, кто поступает так беззаконно, тот не бог и не сын бога. Здесь законодателю подобает иметь больше све- c
дений, чем всем поэтам, вместе взятым. Итак, кто послушен нашему учению, тот благоденствует, и пусть благоденствует он всегда! Ослушнику же пусть противостоит примерно следующий закон: того, кто украдет что-нибудь из общегосударственного достояния, будет ли это большая вещь или маленькая, — того в обоих случаях постигнет одинаковое наказание. Дело в том, что при мелкой краже побуждение то же самое, только сил у вора меньше. Чело- d
век, похитивший что-то крупное, отложенное не им самим, совершает в высшей степени несправедливый поступок. Итак, закон требует в том и в другом случае одинакового наказания независимо от размеров кражи. При этом имеется в виду, что в одних случаях преступник еще может, пожалуй, исправиться, в других же он неисправим. Если, таким образом, при судебном разбирательстве уличат в краже общегосударственного достояния какого-нибудь чужеземца или раба, он, естественно, еще может 942
исправиться: пусть суд решит, какому наказанию его надо подвергнуть или какую пеню он должен уплатить. Зато гражданина, воспитывавшегося должным образом, надо, пожалуй, как неисправимого покарать смертью, если он будет уличен в насильствен-

ном расхищении отечества; при этом безразлично, захватят ли его на месте преступления или нет.

Законы о военнообязанных

Что касается военных походов, то здесь надо многое Осудить, да и законов придется дать немало. Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника — ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто
b не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда — и на войне и в мирное время — надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например по первому его приказанию останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться и пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений. Даже в самых опасных обстоятельствах нельзя преследовать врага или отступать иначе как по разъяснению начальников.
c Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей. Ибо нет и никогда не будет ничего лучшего, более полезного и искусного в деле достижения удачи и победы на войне. Упражняться в этом надо с самых ранних лет, причем и в мирное время. Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято
d из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям.[2] Надо заниматься всеми видами хоровых плясок, поскольку это приводит к военным отличиям. Ради той же цели надо развивать подвижность и ловкость, воздержанность в пище и в питье, выносливость в зимнюю стужу и во время летнего зноя, умение спать на жестком ложе. Самое же главное — не следует портить силу головы и ног, облекая их лишними покровами, ведь этим губят данные
e нам природой головные уборы и подметки. Поддержание этих крайних частей в здоровом состоянии имеет весьма важное значение для всего тела, плохое же их состояние очень вредно: ноги служат всякому телу главными исполнителями, голова же — самым главным начальником, так как природа именно в ней сосредоточила основные ощущения.

943 Для слуха молодого человека полезна такая похвала воинской жизни, а также следующие законы: кто будет зачислен по спискам или назначен в какой-нибудь отряд, тот должен выступить в поход. Если же кто уклонится от этого по злостной небрежности, без разрешения на то военачальников, то, когда войско вернется из по-

хода, его надо привлечь к суду военных должностных лиц за уклонение от воинской службы. Все участники похода принимают участие в суде по категориям: отдельно — суд гоплитов, отдельно — b
суд всадников и отдельно — суды представителей каждого другого рода войска, причем провинившихся гоплитов надо привлекать к суду гоплитов, провинившихся всадников — к суду всадников и так далее. Признанный виновным навсегда исключается из состязаний в доблести, не может привлекать к суду другого по обвинению в уклонении от военной службы, не может выступать обвинителем в подобных делах. Кроме того, суд назначит ему дополнительно какое-нибудь наказание или денежную пеню. После того как будет закончено судебное разбирательство по вопросу об уклонении от военной службы, начальники каждого рода войск снова созывают собрание, на котором всякий желающий принимает участие в присуждении знаков отличия своим товарищам c
по оружию. При этом нельзя ссылаться на предшествовавшую войну, приводить ее в подтверждение своего права и подкреплять это свидетельскими показаниями: надо основываться только на походе, совершенном в последний раз. Победным отличием для каждого будет служить венок из листьев оливы. Его можно посвятить, по своему выбору, богам — покровителям войны с надписью, свидетельствующей, за какое отличие был на всю жизнь присужден этот венок. То же самое можно сделать и с наградой, полученной за второе и третье места.

Если кто отправится в поход и до истечения срока вернется до- d
мой, между тем как правители еще не дали распоряжения о возвращении, то против него возбуждается обвинение в дезертирстве и дело это решается теми же судьями, что ведают делами об уклонении от военной службы. Для признанных виновными назначаются те же наказания, что и в первом случае. При назначении любого наказания (δίχην) любому человеку каждый должен по возможности остерегаться назначить его незаслуженно — ни умышленно, ни невольно. Ибо Правда (Δίχη) справедливо слывет e
теперь, да и раньше слыла девственной дочерью Совестливости, а ложь, естественно, ненавистна как Совестливости, так и Правде.[3] Следовательно, и в остальных вопросах надо остерегаться нарушения правосудия, особенно же так следует поступать при разборе дел о потере оружия на войне, чтобы не ошибиться и не счесть достойным порицания позором настоятельную необходимость, ведь тогда наказание недостойно будет присуждено человеку, его не заслуживающему. Правда, здесь очень нелегко разграничить то и другое; однако закон так или иначе должен попытаться произве- 944

сти это разграничение в отдельных случаях. Привлечем на помощь мифы и приведем примеры: если бы Патрокл, принесенный к шатру без оружия, пришел в себя, как это бывало с воинами бесчисленное множество раз, случившимся тогда подлым людям можно было бы упрекнуть сына Менетия в том, что он бросил оружие, поскольку то исконное вооружение Пелея, которое, как говорит поэт, боги даровали в приданое Фетиде, когда она вступила с ним в брак, оказалось у Гектора.[4] Затем можно упомянуть всех тех, кто
b потерял свое оружие при падении с кручи, на море или в местах, подверженных бурям, когда на воинов вдруг изливаются обильные потоки воды. Словом, есть бесчисленное множество подобных случаев, приводя которые можно извинить себя, отговориться и прикрасить свою беду, которая так легко дает пищу клевете. Поэтому по мере сил надо отграничить случаи действительно тягостного несчастья от им противоположных. Впрочем, некоторое разграничение заключено уже чуть ли не в самом словоупотреблении при выражении порицания: дело в том, что во многих случаях правильно было бы говорить не о «бросившем свой щит», но лишь о «потерявшем свое оружие». Ведь не в одинаковом положе-
c нии бывает «бросивший свой щит», когда щит у него был отнят насильно или когда он сам его кинул; здесь огромная разница по существу.

Поэтому закон пусть гласит так: если кого захватят враги, он же не обратит против них своего оружия, не даст отпора, а добровольно уступит или бросит свое оружие, то есть предпочтет сохранить свою позорную жизнь, а не снискать себе прекрасную и блаженную мужественную кончину, то при подобной «потере
d оружия» он подлежит обвинению как бросивший его; в указанном же раньше случае пусть судья прекратит разбирательство. Надо всегда карать человека дурного, чтобы его исправить, но не надо карать несчастного: это ни к чему не ведет. Однако какое наказание может оказаться полезным для человека, который получил оружие для защиты, а вместо того, напротив, его кинул? Ведь невозможно придать человеку противоположные качества, как это, согласно мифу, некогда совершил бог, превративший фессалийскую женщину в мужчину — Кенея.[6] Для человека, бросившего
e свой щит, всего более подобало бы обратное превращение, то есть из мужчины в женщину, это и было бы наказанием. Но поскольку он очень близок к этому из-за своего чрезмерного жизнелюбия, то для того, чтобы остальную свою жизнь он не подвергался опасностям, но жил как можно дольше, покрытый позором, пусть будет издан следующий закон: муж, уличенный в позорной утрате

воинского оружия, не будет использован никаким стратегом и никаким иным военачальником как воин и не будет зачислен ни в ка- 945
кой военный отряд; в противном случае, то есть коль скоро такого негодного человека кто-нибудь зачислит в отряд, пусть евфин[7] оштрафует виновного на тысячу драхм, если он принадлежит к самому высшему классу, на пять мин — если ко второму, на три мины — если к третьему и на одну мину — если к четвертому. Что b
же касается человека, изобличенного в трусости, то, кроме того что из-за своей природы он будет избавлен от опасностей, которым подвергаются мужественные люди, он должен уплатить пеню в размере тысячи драхм, если принадлежит к высшему классу, пяти мин — если ко второму, трех мин — если к третьему и одну мину — если к четвертому: одним словом, наказание такое же, как для виновного в зачислении.

Финансовое дело

Чем следовало бы нам руководствоваться при назначении евфинов?

Ведь одни из должностных лиц у нас назначаются по жребию сроком на год, другие — на большее количество лет путем косвенных выборов. Можно ли быть удовлетворительным евфином для таких должностных лиц? Ведь не исключено, что кто-то из них, изнемогая под бременем своей должности, выскажет или сделает что-либо неправое или у него не хватит сил для достойного отправления своей должности. Вовсе не легко найти правителя над c
правителями, притом еще выделяющегося своей добродетелью. Однако надо все-таки попытаться найти таких божественных евфинов: этого требует дело. В государственном устройстве имеется немало приспособлений, оберегающих его от распада, все равно как канаты и скрепы на корабле или сухожилия у какого-нибудь живого существа. Хотя называются они по-разному, суть у всех них едина. Одно из таких приспособлений, благодаря которому государство сохраняется, без которого же распадается и гибнет, состоит в следующем: всякая страна и государство благоденствуют и d
процветают, если евфины в них лучше, чем подотчетные им должностные лица, и если там господствует безупречная справедливость. Если же дело с подотчетностью должностных лиц обстоит иначе, если нарушена справедливость, связующая воедино все органы государственного управления, тогда власть разлагается, в отправлении должностей наступает разноголосица, не преследуется общая цель, а это ведет к уничтожению государственного единст- e
ва, наполняет государство междоусобицами и ведет его к скорой гибели. Поэтому-то евфины и должны особенно отличаться всяческой добродетелью.

Учредим назначение евфинов следующим образом: ежегодно
после поворота солнца от лета к зиме все государство собирается
на священном участке, посвященном Гелиосу и Аполлону.[8] Там
946 пред лицом бога пусть каждый назовет того, кого он считает во
всех отношениях наилучшим, за исключением самого себя, —
причем названный должен быть не моложе пятидесяти лет. Всего
таких лиц надо избрать три. [Порядок избрания следующий]:
из числа предложенных лиц, получивших наибольшее число голосов, следует отобрать не менее половины, если общее их число
четное. Если же оно нечетное, то надо изъять одного, именно того,
кто получил за себя всего менее голосов, а из оставшихся отвергнуть большинством голосов половину. Если же некоторые получат равное число голосов и общее количество таких лиц превысит
b половину, надо излишек отвергнуть, начиная с самых младших,
а остальных поставить на голосование еще раз, пока трое из них не
получат неравного числа голосов. Если же у всех троих или у двух
из них получится равное число голосов, то надо обратиться к благой судьбе и жребию и с его помощью определить, кто одержал
верх, кто стоит вторым и кто третьим, после чего увенчать их масличным венком, воздать им всем почести и провозгласить во всеуслышание: «Государству магнетов снова, с божьей помощью,
удалось спастись: оно представило Гелиосу из своей среды троих
наилучших мужей. Их оно, согласно древнему закону, и посвя-
c щает как лучшую свою часть Аполлону и Гелиосу на все то
время, пока не истечет срок их избрания».

Эти лица назначат на первый год двенадцать евфинов, которые
и останутся в должности, пока им не исполнится семидесяти пяти
лет.[9] На будущее же время надо ежегодно назначать еще троих
евфинов. Они поделят все государственные должности на двенадцать частей и подвергнут их всевозможным пригодным для свободнорожденных людей испытаниям. Пока евфины отправляют
d свою должность, они будут жить на священном участке Аполлона
и Гелиоса, где они и были избраны. Отчасти каждый в отдельности, отчасти же сообща друг с другом они подвергнут рассмотрению деятельность всех должностных лиц и доложат об этом государству, поместив на площади свои записи относительно каждой
государственной должности с указанием, чему дóлжно подвергнуть, по мнению евфинов, то или иное должностное лицо или
какую на него следует наложить пеню. Если какое-нибудь должностное лицо усомнится в справедливости этого суждения, оно
может привлечь евфинов к суду отобранных для этой цели судей и,
e если докажет неправильность отчетов, может обвинить самих ев-

финов. Если же вина должностного лица будет доказана и ему будет назначена евфинами смертная казнь, пусть это лицо будет попросту казнено, коль скоро невозможно умереть дважды; другие же наказания, которые можно удвоить, пусть назначаются в двойном размере.

Однако надо выслушать, какова будет подотчетность самих евфинов и каким образом она будет осуществляться. При жизни евфинов им будут оказываться знаки почета со стороны всего государства. Так, им будут предоставлены первые места на всех 947
всенародных праздничных собраниях; затем при общеэллинских жертвоприношениях и театральных представлениях или при каких-либо других общих священнодействиях именно из их среды посылают лиц, возглавляющих феорию.[10] Только они одни из граждан имеют право быть украшенными лавровым венком. Все они будут жрецами Аполлона и Гелиоса, а один из них ежегодно будет избираться верховным жрецом на год. Имя верховного жреца будет ежегодно отмечаться, так что это послужит мерой для ис- b
числения времени до тех пор, пока существует государство. Для скончавшихся евфинов назначаются похороны — выставление тела, вынос его и погребение, — отличные от похорон прочих граждан: покойник будет облачен во все белое; не будет ни плача, ни рыданий; хоры из пятнадцати девушек и другой, из юношей, стоя вокруг ложа, будут поочередно возносить песенную хвалу вроде гимна скончавшемуся жрецу, прославляя его таким образом c
целый день. На другое утро ложе с покойником отнесут к гробнице сто юношей из числа посещающих гимнасии, по выбору родственников покойника. Впереди пойдут неженатые молодые люди, все в воинском облачении, затем — всадники на конях, гоплиты во всеоружии и точно так же все остальные. Отроки, тесно обступая самый перед ложа, будут петь отечественный гимн. За ложем по- d
следуют девы, а также женщины, уже не могущие быть матерями. Далее последуют жрецы и жрицы, которые могут участвовать в этом не оскверняющем их погребении, тогда как при всех остальных погребениях они исключаются; впрочем, участие жрецов и здесь допускается только в том случае, если на это даст свое согласие Пифия.[11] Склеп для евфинов будет устроен под землей, в виде вытянутого в длину свода, из камней пористых, но как можно более прочных; там, друг подле друга, будут стоять каменные ложа, куда и надо возложить того, кто стал причастен блаженст- e
ву.[12] Кругом следует насыпать холм, обсадив его со всех — кроме одной — сторон древесной рощей. Одну сторону надо оставить, чтобы склеп с этой стороны мог быть расширен в будущем, когда

понадобится больше места для почивших. В честь евфинов будут учреждены ежегодные мусические, гимнастические и конные состязания.

Таковы почести, воздаваемые тем, чьи отчеты будут признаны безупречными. Если же кто из них, пользуясь тем, что он избран в евфины, начнет проявлять свою человеческую природу и после избрания окажется порочным, то, согласно закону, каждый
948 желающий может возбудить против него дело. Само судопроизводство пусть происходит следующим образом: прежде всего в состав такого суда входят стражи законов, затем — все, кто ранее состоял евфинами, и, наконец, специально отобранные судьи. Обвинитель предъявляет следующее обвинение: такой-то недостоин знаков отличия и своей государственной должности. Если обвиняемый будет признан виновным, он лишается этой должности, погребения и остальных оказываемых ему почестей; если же истец не получит в свою пользу пятой части голосов, он должен за-
b платить двенадцать мин, коль скоро он принадлежит к высшему классу, восемь мин — если ко второму, шесть — если к третьему и две — если к четвертому.

Еще о судебных делах и международных отношениях

Достоин восхищения так называемый Радамантов способ[13] разрешения тяжб. Радамант заметил, что тогдашние люди твердо верили в существование богов; это было естественно, так как в то время большинство принадлежало к числу потомков богов, одним из которых был, по преданию, и сам Радамант. Вот он и решил, что суд нельзя поручать никому из людей, но только богам; поэтому судебные решения выносились у него просто и быстро. Судьям, сомневающимся в каком-нибудь деле, обвиняемый давал клятвенное заверение относи-
c тельно вызывающего сомнение вопроса;[14] этим дело и кончалось, быстро и нерушимо. Но в наше время, как мы говорили, часть людей вовсе не признает богов, другие полагают, что боги о нас не пекутся, а мнение огромного большинства, состоящего из наихудших людей, таково: боги, получив незначительные жертвы и выслушав льстивые моления, содействуют крупным хищениям и в большинстве случаев помогают освободиться от больших наказаний. Поэтому Радамантов способ правосудия уже не подходит
d для нынешних людей: раз у них изменились представления о богах, следует изменить и законы.

Разумно установленные законы должны устранить из судопроизводства клятвенные заверения обеих тяжущихся сторон. При подаче любого обвинения.надо лишь письменно изложить свою

жалобу, не сопровождая ее клятвами. Точно так же и ответчик должен письменно изложить свои оправдания и, не подтверждая их клятвой, передать правителям. Ужасно сознавать, что при обилии судебных дел в государстве чуть ли не половина тех граждан, которые легко общаются друг с другом во время совместных трапез, в разных сообществах и частным образом, — клятвопреступники. Поэтому пусть будет установлен такой закон: судья, собирающийся судить, должен принести клятву. Должен это делать и тот, кто путем снятия с жертвенника табличек для голосования и клятвенного провозглашения имен назначает должностных лиц для всего 949
государства. Кроме того, это входит в обязанности судьи хороводных и вообще всех мусических состязаний, а также руководителей и распорядителей гимнастических и конных состязаний. Одним словом, это разрешается делать во всех тех случаях, когда, по мнению людей, клятва не может принести выгоды. Зато в случаях, когда какое-нибудь отрицание, скрепленное клятвой, может явно принести большую выгоду, тяжущиеся стороны должны разрешать свои дела судебным порядком, без клятв. Вообще председатели судов не должны никому позволять подтверждать клятвой b
убедительность своих слов, проклинать самих себя и свой род, прибегать к некрасивым мольбам и к женским воплям: нет, надо поучительно и внятно, сохраняя благопристойность речи, доказывать свою правоту и так вести дело до конца. В противном случае председательствующие должны все время возвращать оратора, как отклоняющегося от предмета своей речи, назад к ее существу. Впрочем, двум чужеземцам разрешается, если им угодно, как это принято и теперь, спокойно обмениваться друг с другом клятвами, c
ведь они не живут до старости в нашем государстве и большей частью не свивают себе здесь гнезда; следовательно, они не могут дурно повлиять на живущих рядом с ними хозяев страны. Что касается [их] взаимных исков, то здесь порядок будет один и тот же для всех.

Когда свободнорожденный человек оказывается ослушником распоряжений государства, однако проступок его не заслуживает ни побоев, ни тюремного заключения, ни смертной казни (это касается хороводов во время некоторых шествий, процессий и других общих праздников и торжеств — одним словом, всего того, d
что совершается либо ради мирных жертвоприношений, либо для взносов на военные надобности), то здесь на первый раз наказание еще не является неотвратимым. С ослушников же возьмут залог те, кому государство и вместе с тем закон предпишут произвести взыскание. Если кто будет упорствовать, несмотря на то что иму-

щество его взято в залог, то это заложенное имущество поступает в продажу, а вырученные деньги поступают в государственную казну. Если необходимо еще большее наказание, то каждое должностное лицо налагает на ослушников соответствующие наказания и направляет дело в суд, с тем чтобы упорствующие в конце
e концов выполнили то, что им предписано.

Государству, которое не ведет ни внутренней торговли (разве лишь земледельческими продуктами), ни внешней, необходимо взвесить, как поступать при отбытии граждан за пределы страны и при допущении в нее приезжих чужеземцев. Здесь прежде всего должен дать свой совет законодатель, пытаясь по мере сил действовать убеждением.

Сношения государств с другими государствами обычно ведут
950 к смешению нравов, так как чужеземцы внушают местным жителям различные новшества. Это принесло бы величайший вред гражданам, обладающим благодаря правильным законам хорошим государственным устройством. Между тем для большинства государств, коль скоро там вовсе нет правильных законов, безразлично это смешение при приеме у себя чужеземцев и при отправлении ватаг своих граждан в другие государства — стоит лишь только человеку пожелать, и он может отправляться куда и когда угодно, все равно, молод ли он или стар. С другой стороны, не принимать у себя иноземцев и самим не ездить в чужие страны совер-
b шенно недопустимо. Вдобавок это показалось бы остальным людям грубой и суровой мерой: они сочли бы это за проявление тяжелого нрава и самоуправства и прозвали бы это суровым словом «изгнание чужеземцев» (ξενηλασίας).

Нельзя относиться безразлично к мнению о нас остальных: считают ли они нас хорошими или нет. Дело в том, что большинство людей не в такой же мере лишено способности разбираться в других людях — худы те или хороши, — в какой оно лишено добродетели. Даже плохие люди обладают некой чудесной сметливостью, имеющей божественное происхождение, так что многие
c из них, даже самые худшие, прекрасно различают в своих отзывах и в своем мнении людей хороших и дурных. Поэтому хорошо было бы требовать от большинства государств, чтобы они дорожили своей доброй славой в глазах большинства. Впрочем, самое правильное и самое главное — это действительно быть хорошим и таким образом снискать своей жизнью добрую славу; иным путем этого нельзя добиться, коль скоро человек стремится к совершенству. В особенности следовало бы нашему основываемому на Крите го-
d сударству снискать себе у остальных людей самую прекрасную

и высокую славу добродетели. Можно, очевидно, надеяться, что спустя короткое время Солнце и остальные боги узрят среди благоустроенных государств и стран и наше государство, коль скоро оно будет иметь разумные законы.

Итак, относительно путешествий в чужие края и страны и допущения к себе чужеземцев надо поступать следующим образом. Прежде всего, кто не достиг сорока лет, тому вовсе не разрешается путешествовать куда бы то ни было. Затем вообще не разрешается никому путешествовать по частным надобностям, а только по общегосударственным: речь идет о глашатаях, послах и феорах.[15] e
При этом нельзя причислить к государственным выездам переходы границ во время войны или походов. В Пифийский храм Аполлона, в Олимпию к Зевсу, в Немею и на Истм надо для участия в жертвоприношениях и состязаниях в честь этих богов[16] посылать людей по мере сил в самом большом количестве, самых прекрасных и достойных, то есть таких, которые могут стяжать добрую славу своему государству как в этих мирных и священных видах общения, так и в том, что соответствует его военной доблести. 951
Вернувшись на родину, эти люди укажут молодым, что законы, определяющие государственный строй иных государств, уступают нашим. Других феоров посылают в чужие земли по своему усмотрению стражи законов. Если кто из граждан пожелает в течение большего срока наблюдать жизнь других людей, никакой закон им в этом не может препятствовать. Ведь государство, из-за своей необщительности не ознакомившееся на опыте с хорошими b
и дурными людьми, никогда не сможет быть достаточно кротким и совершенным. Да и законы невозможно соблюдать, если они будут восприняты не сознательно, а лишь в силу привычки. Среди прочих постоянно выделяются люди с божественным нравом, вполне достойные общения. Правда, их немного, и в государствах с благими законами они встречаются не чаще, чем там, где законы плохи. Человек, живущий в государстве с благими законами, должен постоянно, странствуя по морю и по суше, разыскивать следы таких людей, кто не испорчен, дабы с их помощью укрепить хоро- c
шие стороны узаконений, а упущения исправить. Без таких поисков государство не может быть вполне устойчивым, как и тогда, когда поиск выполняется плохо.

Клиний. Но как осуществить то и другое?

Афинянин. Вот как: прежде всего такой феор должен у нас уже переступить за пятьдесят лет и, кроме того, быть из числа людей, снискавших себе добрую славу, — как вообще, так и на войне, — чтобы предстать перед остальными государствами образцовым d

стражем законов. Кто уже переступил за шестьдесят лет, тот не может быть феором. В пределах этого десятилетия феор может производить наблюдения столько лет, сколько он хочет. По возвращении на родину он должен предстать пред собранием лиц, надзирающих за законами. Собрание это состоит из молодых и престарелых людей и собирается ежедневно, обязательно на заре, до восхода солнца. В него прежде всего входят жрецы, получившие знаки отличия, затем десять стражей законов, всегда старейших; далее, в нем участвуют вновь назначенный попечитель всего в целом воспитания и лица, уже освобожденные от этой должности. При этом каждый член собрания участвует в нем не только сам по себе, но и вводит в него по своему выбору молодого человека между тридцатью и сорока годами. Эти люди постоянно собираются вместе и обсуждают законы как своего государства, так и чужие, если они узнают, что в чужих краях законы отличаются от местных и что в науках там достигнуто что-то такое, что принесет пользу и просветит тех, кто их изучает (ведь не изучившие их как бы бродят впотьмах, и все касающееся законов представляется им неясным). И все, что из этого будет старейшими членами собрания введено в нашем государстве, то́ младшие обязаны ревностно изучить. Если кто-нибудь из приглашенных младших членов окажется недостойным приглашения, то все собрание в целом выносит порицание лицу, его пригласившему. Зато молодых людей, снискавших себе добрую славу, охраняет весь остальной город; все граждане с почтением взирают на них и особенно их берегут. За хорошее поведение их чтят выше, чем остальных, но зато и сильнее бесчестят, если они совершают поступки, худшие, чем поступки большинства людей.

Тот, кто наблюдал законы чужеземцев, сразу по возвращении должен отправиться в это собрание. Он сообщает всем его членам свои соображения или слышанные им от других лиц разъяснения относительно законодательства, образования и воспитания. Если окажется, что он возвратился ничуть не худшим, чем был ранее, хотя и не стал лучше, ему выражают одобрение по крайней мере за его большое усердие. Если же он стал значительно лучше, ему еще при жизни воздают хвалу, а по смерти собрание оказывает ему надлежащие почести. Однако если окажется, что он вернулся испорченным, вообразив себя мудрецом, его не допускают общаться ни с молодыми, ни со старыми. Коль скоро он будет послушен правителям, пусть себе живет как частное лицо; в противном случае он карается смертью, особенно если суд уличит его в том, что он вводит суетные новшества в дело воспитания и в законы. Если же

никто из должностных лиц не заключит в тюрьму заслужившего это наказание человека, то при присуждении отличий должностным лицам будет вынесено порицание.

Вот каким условиям должен удовлетворять тот, кому позволен выезд за пределы страны. Теперь надо подумать о прибывающих чужеземцах. Есть четыре рода чужеземцев, заслуживающих упоминания. Первый род совершает путешествия большей частью e
летом, точно это перелетные птицы. Большинство таких людей действительно словно перелетают море: они занимаются торговлей ради обогащения и слетаются в другие государства, пользуясь благоприятным временем года. Их должны принимать специально назначенные для этого должностные лица — на рынках, в гаванях и общественных зданиях, расположенных вне города, но близ него — из осторожности, как бы кто-нибудь из таких чужеземцев 953
не ввел каких-нибудь новшеств. Они по справедливости воздадут им должное, но как можно реже будут к ним обращаться — только по необходимости.

Второй род чужеземцев состоит из охотников посмотреть и послушать что можно из произведений Муз. Для всех таких людей должны быть приготовлены пристанища у святилищ, где они и встретят полное гостеприимство. Жрецы и храмовые служители должны заботиться о таких гостях, ухаживать за ними, пока те, пробыв здесь соответствующее время, не уедут, чтобы они не причинили никакого вреда и не потерпели его во время своего пребы- b
вания, но увидели и услышали все то, ради чего приехали. Если кем-то из них или кому-нибудь из них будет нанесена обида, судить здесь будут жрецы, — во всех делах, не превышающих пятидесяти драхм. Если у них возникает тяжба по большему делу, судебное разбирательство производят агораномы.

Третий род чужеземцев — приезжающих из другого государства. но его поручениям — надо принимать от имени государства. Их должны принимать только стратеги, гиппархи и таксиархи; заботиться об их приеме надо совместно с пританами каждому, c
у кого остановится такой чужеземный гость.

Чужеземцы четвертого разряда могут приезжать разве лишь изредка. Это те, что прибывают к нам из чужих краев также для наблюдения. Прежде всего такой чужеземец должен иметь не менее пятидесяти лет. Кроме того, он должен стремиться увидеть у нас что-нибудь лучшее, нежели в остальных государствах, что-нибудь отличающееся своей красотой и указать на что-то подобное своему государству. Такой человек и без приглашения дол- d
жен быть вхож в дома богатых мудрецов, раз он и сам таков. Пусть

он прямо направится в дом попечителя воспитания в уверенности встретить там полное гостеприимство, достойное подобного гостя, или же в дом человека, одержавшего победу на состязании в добродетели. Общаясь с ними, он и сам их наставит, и от них получит наставления, и отправится обратно, дружественно почтенный дарами и надлежащими почестями.

Вот руководствуясь какими законами надо принимать всех чу-
e жеземцев и чужеземок из иных стран и посылать в эти страны своих граждан. Мы почтим Зевса Гостеприимного тем, что не отлучим чужеземцев от нашего стола и жертвоприношений, как поступают теперь питомцы Нила, и не оскорбим их грубыми распоряжениями.

При поручительстве, если кто дает таковое, надо подробно перечислить все пункты, оговорив их письменно, в присутствии не менее трех свидетелей, если дело идет о сумме не выше тысячи драхм; если же сумма выше, то нужно не менее пяти свидетелей.
954 При покупке какой-нибудь вещи посредник выступает в качестве поручителя. Если она неправильно поступает в продажу или вообще не подлежит продаже, то и посредник, и продавец подлежат суду.

Если кто хочет произвести у кого-нибудь обыск, он может это сделать, войдя в дом этого человека нагим или в коротком неподпоясанном хитоне и предварительно принеся установленную законом клятву, что он действительно надеется найти здесь свою вещь. Подозреваемый в утайке вещи должен предоставить для обыска свой дом и все в нем находящееся — как то, что запечатано, так и то, что лежит без печати. Если кто не даст произвести обыска же-
b лающему это сделать, пусть последний при влечет его к суду, оценив стоимость разыскиваемой вещи. Если подозреваемый будет уличен, он должен возместить ущерб в двойном размере. Если хозяин дома находится в отсутствии, обитатели дома имеют право предоставить с целью розыска все незапечатанные вещи; тот же, кто обыскивает, может приложить свою печать к запечатанным вещам и приставить кого хочет к ним на пять дней стражем. Если же хозяин будет отсутствовать большее время, обыск надо произво-
c дить вместе с астиномами, вскрывая запечатанные вещи и снова точно так же их запечатывая при астиномах и обитателях этого дома.

Что касается вещей, принадлежность которых спорна, то законом будет установлен срок, после которого у обладателя уже нельзя оспаривать эту вещь. Относительно земельных участков и жилищ не может возникнуть спора в нашем государстве. Зато если

кто владеет чем-нибудь иным и явно обнаруживает, что он пользуется этой вещью — в городе, на рынке и в святилищах, причем никто этого не оспаривает, между тем как хозяин вещи заявляет, что он все это время ее разыскивал, хотя ее обладатель вовсе не скрывался, — иными словами, если целый год один человек обла- d
дал вещью, а другой ее разыскивал, то по прошествии года никто не вправе заявлять свои притязания на эту вещь. Если же обладатель не пользовался ею в городе и на рынке, но явно пользовался ею в деревне, причем не встретился с ее хозяином в течение пяти лет, то по прошествии пяти лет хозяину уже нельзя заявлять свои притязания. Если кто пользовался вещью в городе, но лишь у себя дома, то срок давности устанавливается трехлетний; если же кто e
пользовался такой вещью втайне в деревне, — десятилетний; для такого же случая, но в чужих краях срока давности нет, если хозяин где-нибудь эту вещь отыщет.

Если кто насильственно воспрепятствует своему противнику или его свидетелям явиться в суд, то в случае, если подвергся насилию раб — все равно, собственный или чужой,— судебное решение совершенно теряет силу. Если насилию подвергся свободнорожденный человек, то, кроме того что решение теряет свою силу, 955
виновник заключается в тюрьму на год, и любой желающий может возбудить против него обвинение в порабощении. Если кто насильно воспрепятствует своему сопернику явиться на состязание в гимнастическом или мусическом искусстве или в любом ином виде состязаний, пусть любой человек уведомит распорядителей состязаний, а те должны будут предоставить свободный доступ на состязания всякому желающему. Если они не смогут этого сделать и если победит на состязании тот, кто воспрепятствовал явиться своим противникам, то награду за победу надо вручить пострадавшему и записать его имя как победителя в тех святилищах, в каких b
он сам пожелает. Насильнику же запрещается делать какое-либо приношение в храм и помещать там надпись о таком состязании; его можно привлечь по обвинению в нанесенном ущербе, все равно, будет ли он побежден на состязании или же сам победит.

Если кто сознательно укрывает украденную вещь, он подлежит наказанию наравне с вором. Укрывательство изгнанника карается смертью. Пусть каждый человек считает своим другом или врагом того же, кого таковым считает и государство. Если кто по c
частному почину заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-то войной без общегосударственного решения, то и ему наказанием будет смерть. Если какая-нибудь часть государства заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-либо войной, то виновных

в этом стратеги привлекут к суду и в случае изобличения им грозит смертная казнь.

Тот, кто служит своей родине, не должен принимать за свою службу дары. Здесь не может быть никаких предлогов, никаких, даже всеми одобряемых, причин и разговоров, будто во имя хорошей цели можно принимать дары, а во имя плохой — нет. Ведь
d в этом трудно разобраться и, даже разобравшись, нелегко с собой совладать. Всего вернее слушаться закона, повиноваться ему и не оказывать никаких услуг за дары. Ослушник подвергается смертной казни, лишь только он будет изобличен на суде.

Что касается денежных взносов в общегосударственную казну, то есть многие причины, по которым каждый должен оценивать свое имущество. Члены фил должны в письменной форме сообщать агрономам относительно ежегодного прироста их имущества, чтобы, поскольку существует два вида взносов, казна могла
e воспользоваться тем из них, который ей желателен в данном году, — либо частью всего подвергшегося оценке имущества, либо частью приносимого им ежегодного дохода. Расходы на совместные трапезы при этом исключаются.

Человек умеренный должен делать богам умеренные приношения. Земля и домашний очаг каждого посвящены всем богам. Итак, пусть никто не посвящает богам вторично того, что и так уже им посвящено. В других государствах возбуждают зависть золото
956 и серебро в частных домах и в святилищах. Слоновая кость — этот остаток тела, лишившегося души,— неподходящее приношение; а железо и медь — это орудия войны. Поэтому пусть всякий желающий посвящает в общенародные храмы деревянные изделия из цельного дерева, по своему выбору, а также изделия из камня. Посвящаемые ткани по своему размеру должны быть не больше таких, над которыми работала одна женщина в течение месяца. Белый цвет подобает богам и вообще хорош, в том числе и для тканей. Окрашенных тканей нельзя посвящать; их надо применять
b только для воинских украшений. Самые божественные дары — птицы и изображения, которые один художник может выполнить в течение дня. При остальных приношениях сообразуются с этими же правилами.

На сколько частей подразделяется государство, каковы должны быть эти части и какими будут законы по поводу главных видов деловых отношений людей, — обо всем этом уже было сказано. Но необходимо еще сказать о судопроизводстве.

Первый вид суда составляют судьи, сообща выбранные ответ-
c чиком и истцом; таким судьям больше подходит имя посредников.

Второй вид судов состоит из членов поселков и фил соответственно двенадцатичастному делению страны. Если дело не получает разрешения в первом суде, то прибегают к этим судьям, коль скоро желают добиться большего наказания. Если ответчик вторично проиграет дело, он должен дополнительно уплатить пятую часть стоимости вчиненного ему иска. Если же кто-либо, будучи недоволен и этими судьями, желает в третий раз пересмотреть дело, то d
он может передать его в суд особо отобранных для этого судей. Если он снова проиграет дело, он оплачивает в полуторном размере предъявленный ему иск. Если истец, проиграв свое дело в первом суде, не успокоится, но обратится ко второму суду, то в случае выигрыша дела он получает дополнительно пятую часть; в случае же проигрыша ответчик оплачивает такую же часть иска. Если тяжущиеся, не удовлетворенные предшествующими судами, обратятся к третьему суду, то в случае проигрыша ответчик, как было указано, оплачивает иск в полуторном размере, а истец — в половинном. Что касается избрания судей по жребию и пополнения e
состава суда, назначения помощников каждому из судей, сроков, в которые должны решаться дела, способа подачи голосов, отсрочек и других подобных вещей, свойственных судопроизводству, а также что касается первого и повторного вчинения иска, необходимых судебных прений и так далее, — обо всем этом мы говорили ранее. Впрочем, по пословице, не мешает и дважды, и трижды повторить прекрасное.

Если престарелый законодатель пропустит какие-то мелкие 957
узаконения и это легко заметить, пусть это восполнит молодой законодатель.

Суды по делам частных лиц было бы целесообразно устроить таким образом, как было сказано. Что же касается судов по делам общественным и таких, к которым должны обращаться должностные лица, чтобы надлежащим образом выполнять свою службу, то относительно всего этого во многих государствах встречается немало хороших законоположений, составленных подходящими для этого дела людьми. Заимствовать оттуда то, что подходит к учреждаемому теперь государству, должны стражи законов, которые b
проверят эти законоположения на опыте, обсудят их и будут подвергать исправлениям до тех пор, пока каждое из них не станет вполне удовлетворительным. Тогда все считается законченным, незыблемость этих законоположений скрепляется печатью и ими пользуются в течение всей жизни.

Что касается молчания судей, их благоречия, то о том, что противоположно этому, — одним словом, обо всем, что отличается от

обычаев, нередко слывущих в прочих государствах справедливыми, благими и прекрасными, кое-что уже было сказано, а кое-что
c придется еще сказать под конец нашей беседы. Кто намеревается
быть справедливым судьей, тот должен считаться со всем этим,
понимать в этом толк и иметь при себе письменное изложение всего этого. Ведь из всех наук более всего совершенствует человека,
ими занимающегося, наука о законах; по крайней мере так должно
быть, если правильны ее положения, ведь не напрасно божественный и чудесный закон (νόμος) получил бы у нас название, близкое
к слову «ум» (νόος). И все остальные сочинения, похвалы или по-
d рицания чему-либо, изложенные в стихах либо обычным образом,
иной раз записанные, а иной раз просто возникающие при каждодневных общениях, когда из страсти к спорам одни что-либо подвергают сомнению, а другие из-за уступчивости, подчас суетной,
с ними соглашаются, — для всего этого великолепным пробным
камнем являются сочинения законодателя. Хороший судья должен впитать в себя эти сочинения как средство, предохраняющее
от прочих учений, и совершенствовать как самого себя, так и свое
государство с целью уготовить хорошим людям сохранение спра-
e ведливости и ее развитие, а людям дурным — искоренение невежества, распущенности, трусости, короче говоря, всевозможной
несправедливости, насколько это в его силах и насколько подда-
958 ются исцелению превратные мнения порочных людей. Для душ же
тех людей, которым суждено иметь такие мнения, только смерть
может быть исцелением. Потому-то мы вправе часто это повторять — судьи и их руководители, приводящие такой приговор в исполнение, достойны похвалы со стороны всего государства.

После того как ежегодные судебные дела будут разрешены, исполнение судебных приговоров будет совершаться по следующим
законам: власть, творящая суд, пусть отдаст все имущество приговоренного, за исключением самого необходимого, тому, кто выиг-
b рал дело, сразу после голосования; результат каждого из голосований провозглашает глашатай в присутствии судей. Если после
месяцев, назначенных для судопроизводства, пройдет еще один
месяц и проигравший дело не произведет полюбовного расчета
с выигравшим его, творящая суд власть, защищая права выигравшего дело, передает ему имущество проигравшего. Если проигравшему дело неоткуда взять денег или их недостает — не менее
одной драхмы, — то он может не ранее судиться с кем-нибудь дру-
c гим, как уплатив тому, кто выиграл дело, весь свой долг. В то же
время все остальные вправе судиться с ним. Если осужденный станет чинить препятствия осудившей его власти, то лица, несправед-

ливо встретившие здесь препятствия, пусть привлекут его к суду стражей законов. Если кто будет уличен в таком преступлении, его карают смертью, так как он губит законы и все государство.

Законы о погребении

Человек рождается, получает воспитание, порождает детей, воспитывает их, вступает должным образом в деловые отношения, подвергается наказаниям, если он кого-то обидел, налагает нака- d
зания на других людей — словом, живет согласно законам. Затем неизбежно, по воле судьбы, он стареет и, естественно, наступает его кончина. Относительно скончавшегося — мужчина ли то или женщина — правомочны дать указания истолкователи, толкующие обычаи, которые надлежит исполнять в честь подземных и здешних богов.

Нельзя устраивать гробниц на возделываемой земле; нельзя там воздвигать никаких — ни больших, ни малых — памятников. Хоронить тела покойных надо там, где почва по своим природным e
свойствам только для этого и годится; делать это надо, не причиняя никаких неудобств живым. Земля — наша мать, она охотно доставляет людям пропитание. Поэтому пусть никто — ни живой, ни покойный — не лишает этого нас, живых. Нельзя насыпать могильный холм выше, чем это могут сделать пять человек в течение пяти дней. Каменные могильные плиты надо делать такой величины, чтобы там уместилась похвала жизни покойного, выраженная не более чем в четырех героических стихах.[17]

Выставлять тело внутри дома надо не дольше того срока, в те- 959
чение которого становится ясным, что покойный действительно умер, а это, по нашим человеческим расчетам, будет, пожалуй, трехдневный срок; по истечении его и надо устроить вынос тела к месту погребения. Надо верить законодателю как вообще, так и в том, что душа совершенно отлична от тела и что даже в этой жизни каждого из нас поддерживает не что иное, как душа, тело же следует за каждым из нас как ее видимое проявление. Поэтому b
прекрасно говорят о мертвых, что тело их есть лишь образ, сущность же каждого из нас бессмертна: она именуется душой, которая отходит к иным богам, чтобы отчитаться там перед ними; как гласит дедовский закон, для человека хорошего этот отчет не страшен, а для дурного очень страшен и никакой серьезной помощи после смерти он ожидать не может. При жизни человеку должны помогать все его близкие, чтобы он был как можно справедливее и жил благочестиво, а по смерти не оказался бы провинившимся c
в тяжких проступках и не подвергся бы наказанию в той жизни, которая наступит после этой. Коль скоро дело обстоит таким обра-

зом, не следует особенно тратиться в ущерб своему хозяйству
и считать, что в этой груде плоти погребаешь своего близкого; нет,
надо считать, что твой сын, брат, вообще тот, о ком в особенности
тоскуют при погребении, закончил, исполнил свою земную участь
и отошел от нас; теперь будет хорошим поступком ограничиться
d умеренными издержками на этот бездушный жертвенник подзем-
ных богов. Надлежащую меру всего лучше угадает законодатель.
Пусть будет такой закон: издержки на все погребение человека
высшего класса не должны превышать пяти мин, для человека вто-
рого класса — трех мин, для человека третьего класса — двух и од-
ной мины — для человека четвертого класса. Это были бы доста-
точно умеренные издержки. Стражам законов придется выполнять
много иных задач, заботиться о многом: они должны думать преж-
e де всего о детях, а также о взрослых — вообще заботиться о живых
людях любого возраста; однако при кончине каждого гражданина
должен присутствовать один из этих стражей — тот, кого выберут
в попечители домочадцы скончавшегося. Ему поставят в заслугу,
если все нужное для покойника будет исполнено хорошо и уме-
ренно, если же нехорошо, это послужит ему в порицание. Выстав-
ление тела и все остальное пусть совершается согласно закону.
Однако государственный закон должен сделать следующую
960 уступку: было бы неблаговидно предписывать или запрещать
оплакивание покойников,[18] зато надо запретить испускать вопли
и стенания за пределами дома. Надо не дозволять нести мертвое
тело открыто по улицам, и при этом уличном шествии не должно
быть места стенаниям. Надо, чтобы еще до наступления дня шест-
вие вышло за черту города. Пусть именно таковы будут обычаи.
Повинующийся свободен от наказания; ослушавшийся же одного
b из стражей законов наказывается ими всеми: они сообща устанав-
ливают ему наказание. Что касается особых видов погребения по-
койных или даже лишения их погребения, то все дела об отцеубий-
цах, святотатцах и им подобных были разобраны нами раньше
и законы для них уже установлены. Таким образом, наше законо-
дательство, пожалуй, окончено.

Проблема охраны законов

Впрочем, всякое дело заканчивается не тем,
чтобы что-нибудь выполнить, приобрести,
учредить: нет, вполне законченным надо
считать то дело, которое выполняется лишь тогда, когда найдены
c средства, способствующие сохранению того, что появилось на
свет, иначе целому чего-то недостает.

Клиний. Ты прекрасно сказал, чужеземец, но разъясни, к чему именно из только что сказанного относятся твои слова?

Афинянин. Клиний, многое, что было у наших предков, прекрасно прославлено, и, пожалуй, не меньше другого имена Мойр.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Первое из них — Ла́хесис, второе — Клото, третье — Атропос, хранительница жребиев. Эти имена уподоблены закрепляемой пряже, которая уже не раскручивается. Такое свой- d
ство должно не только дать государству и его строю телесное здоровье и сохранность, но и поселить благозаконие в душах, а еще более — дать сохранность самим законам. Мне кажется, что нашим законам явно недостает именно этого. Каким образом законы приобретут, согласно с их природой, эту способность оставаться неколебимыми?

Клиний. Ты упомянул о чем-то очень существенном, если только вообще возможно найти средство придать чему бы то ни было это свойство.

Афинянин. Однако, как я сейчас ясно увидел, это действитель- e
но возможно.

Клиний. Так давайте неотступно отыскивать это средство, пока не найдем его для изложенных нами законов. Ведь было бы смешно понапрасну трудиться над чем-нибудь и не достичь ничего прочного.

Афинянин. Твой совет правилен, во мне ты найдешь человека таких же взглядов.

Клиний. Хорошо. В чем же, по-твоему, состояло бы спасение для государства и наших законов? Каким образом это могло бы осуществиться?

Сверхгосударственный орган охраны (Ночное собрание). Принципы его основания

Афинянин. Разве мы не сказали, что в нашем 961
государстве должно быть собрание, устроенное так: десятеро самых престарелых стражей законов и все те, кто имеет отличия, должны его основания постоянно собираться вместе? Кроме того, люди, путешествовавшие с целью разыскать, нет ли где чего-нибудь подходящего для охраны законов, и вернувшиеся на родину, после того как они подвергнутся испытанию со стороны вышеуказанных лиц, могут быть достойными участниками этого собрания. Сверх того, каждый из них должен привести с собой одного молодого человека, однако достигшего уже тридцати лет: обсудив сначала, достоин ли b
он этого по своей природе и воспитанию, его вводят в среду остальных, и, если все согласны, он становится участником собрания. В противном случае для остальных граждан и особенно для само́го отвергнутого должно остаться тайной состоявшееся решение. Это

собрание будет собираться рано утром, пока каждый всего более
c свободен от своих личных и от государственных дел. Таковы были наши прежние указания.

Клиний. Да, именно таковы.

Афинянин. Возвращаясь опять к этому собранию, я сказал бы вот что: я утверждаю, что, если им воспользоваться как якорем для всего государства, оно спасло бы все то, что нам желательно, так как в нем сосредоточено все полезное.

Клиний. Как так?

Афинянин. Сейчас представляется удобный случай дать надлежащие разъяснения, я должен сделать это с особым усердием.

Клиний. Прекрасно сказано! Осуществи же свой замысел!

d *Афинянин.* Надо принять во внимание, Клиний, что у всякой вещи есть то, что ее сохраняет; так, в живом существе самое главное — это душа и голова.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Хорошие голова и душа спасают все живое.

Клиний. Как?

Афинянин. Душе кроме всего прочего присущ ум, а голове — зрение и слух. Короче говоря, ум, слитый воедино с прекраснейшими ощущениями, с полным правом можно было бы назвать спасением всякого существа.

Клиний. Да, видимо, это так.

e *Афинянин.* Очевидно. Но на что направлен ум, смешанный с ощущениями, когда он, например, спасает суда во время бури или при ясной погоде? Не правда ли, кормчий, ведущий корабль, и моряки — это все равно что единство ощущений с ведущим их умом, благодаря чему они спасаются сами и спасают корабль со всем, что на нем есть?

Клиний. Несомненно.

Афинянин. Вовсе нет нужды в многочисленных примерах. Обратим внимание хотя бы только на ратное дело и на ту цель, которую ставят себе военачальники, а также любые служители вра-
962 чебного искусства, чтобы достичь спасения. Не правда ли, у военачальников целью будет победа и одоление врага, а у врачей и их служителей — доставление телу здоровья?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Но если бы врач не знал того состояния тела, которое мы обозначили сейчас как здоровье, или если бы военачальник не знал, что такое победа и так далее, разве возможно было бы им проявить здесь свой ум?

Клиний. Нет, невозможно.

Афинянин. А как же обстоит дело с государством? Если бы кто обнаружил незнание той цели, к которой должен стремиться государственный муж, разве можно было бы, во-первых, признать его b по праву правителем, а затем — разве мог бы он спасти то, цель чего ему совсем неизвестна?

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Вот и теперь, как видно, если только мы намерены завершить устройство поселения в нашей стране, у нас должно быть нечто такое, что само по себе ведало бы прежде всего цель этого поселения, как у нас это обычно ведомо государственному мужу. Далее, надо знать, каким образом следует приняться за дело, чтó именно в самих законах, а затем и в людях может пригодиться, а чтó не может. Если государство не будет всего этого иметь, не бу- c дет ничего удивительного, коль скоро, лишенное ума и ощущений, оно в каждом деле станет отдаваться на волю случая.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Так вот, в какой части или в каком обиходе нашего государства существует такой достаточно способный к охране орган? На что можем мы указать?

Клиний. Это еще не совсем ясно, чужеземец. Насколько можно догадаться, кажется мне, твои слова клонятся к тому собранию, которое, как ты только что сказал, должно собираться ночью.

Афинянин. Твое замечание совершенно верно, Клиний. Это со- d брание, как показывает наше нынешнее рассуждение, должно обладать всевозможной добродетелью. Самое же главное состоит в том, чтобы не блуждать, преследуя разные цели, но иметь в виду что-нибудь одно и все стрелы метать всегда в этом направлении.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Теперь мы поймем, что нет ничего удивительного в блуждании государственных узаконений, раз в каждом государстве цели законодательства разные. Неудивительно также, что большей частью определяют справедливое положение вещей следующим образом: в одних государствах считают справедливой власть нескольких лиц независимо от того, лучше или уже они e остальных людей; в других — возможность обогащаться независимо от того, становятся ли при этом люди рабами других или нет; в третьих все стремление направлено к свободной жизни; законодательство четвертых имеет две цели: самим быть свободными и владычествовать над другими государствами. Наконец, есть государства, считающие себя самыми мудрыми, однако они сразу преследуют все эти цели и не могут указать той главной и единой цели, на которую должно быть направлено все остальное.

963 *Клиний.* Следовательно, чужеземец, правильно наше давнее утверждение: мы сказали, что все наши законы должны всегда иметь в виду единую цель. И мы совершенно правильно согласились, что цель эта — добродетель.

Афинянин. Да.

Клиний. Но мы различали четыре вида добродетели.

Афинянин. Конечно.

Клиний. Всеми ими руководит ум; ему должно подчиняться все остальное, в том числе и эти три вида добродетели.

Афинянин. Ты прекрасно следил за нашими рассуждениями,
b Клиний, поступай так и впредь. Мы указали ту единую цель, которую должен иметь в виду ум — ум кормчего, врача или военачальника. Сейчас мы исследуем ум государственного мужа. Хорошо было бы обратиться к нему, как к человеку, с таким вопросом: «О удивительный, какова же твоя цель? Что такое это единственное, что ясно смог указать врачебный ум? И неужели же ты не можешь этого сделать, хотя ты с полным правом мог бы сказать, что выделяешься среди всего разумного?» Мегилл и Клиний, не можете ли вы, произведя должное различение, ответить мне вместо
c него, какова эта цель? Ведь я часто давал вам подобные определения в других случаях.

Клиний. Нет, чужеземец, это невозможно.

Афинянин. Но по крайней мере можете ли вы сказать, что надо ревностно стремиться к отысканию этой цели, и указать, в чем ее надо искать?

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Например, если, согласно нашему утверждению, существует четыре вида добродетели, то ясно, что каждый из них необходимо признать единым, хотя всех и четыре.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Однако все это, вместе взятое, мы также считаем единым. Ведь и мужество мы признаём добродетелью, и разумность, и остальные два вида, причем считаем, что это все по существу не множественно, но составляет определенное единство,
d а именно добродетель.

Клиний. Безусловно.

Афинянин. Совсем нетрудно указать, чем различаются между собой эти две добродетели — мужество и разумность, почему они получили особые наименования и так далее. Но не так легко понять, почему то и другое, а также прочие добродетели нарекли единое.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Вовсе не трудно разъяснить то, о чем я говорю. Давайте разделимся с вами так: одни будут спрашивать, другие — отвечать.

Клиний. Опять-таки что ты хочешь этим сказать?

Афинянин. Спроси меня, почему, признав единство добродете- e
ли, мы снова отдельно обозначаем эти два ее вида — мужество и разумность. Я тебе укажу причину: первый вид касается страха, и ему причастны даже звери — это мужество; можно его заметить и в характере совсем маленьких детей. Ведь мужество сообщается душе и без участия разума, просто как природное свойство. С другой стороны, душа без разума не может быть разумной и обладать умом, этого не было, нет и никогда не будет, ибо это иное свойство.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Чем различаются эти два вида добродетели и поче- 964
му их именно два, ты понял из моих слов. В чем же состоит их единство и тождество, это уже твой черед мне указать. Представь, что ты должен ответить, почему эти четыре вида составляют единство; спроси же у меня, почему их четыре, раз ты показал, что это — одно? Затем рассмотрим, можно ли человеку, обладающему достаточными знаниями о чем-то имеющем имя, а также определение, знать только одно это имя, определения же не знать? Или же позорно для человека, хоть что-то собой представляющего, не знать всего этого о предметах, выдающихся своими размерами и b
красотой?

Клиний. По-видимому, позорно.

Афинянин. Для законодателя, для стража законов, для всякого, кто хочет отличиться добродетелью и за победу в ней получает почетные награды, нет ничего важнее того, о чем мы сейчас ведем речь, — мужества, рассудительности, справедливости и разумности.[19]

Клиний. Несомненно.

Афинянин. Разве не должны наставлять в этом того, кто нуждается в знании и понимании, истолкователи, учители, законодатели и охранители всех людей? Разве не должны они наказывать и по- c
рицать того, кто ошибается? Наконец, разве не должны они всячески разъяснять значение, которое имеют порок и добродетель, и этим выделяться из среды остальных людей? Неужели же лучше этих людей, победивших во всех видах добродетели, окажется любой явившийся в государство поэт или любой человек, выдающий себя за воспитателя юношества? Далее, не будет удивительным, если государство, где стражи недостаточно владеют словом и плохо умеют действовать, хотя и достаточно знают о добродетели, ис-

d пытает, будучи лишено охраны, то, что терпит большинство нынешних государств.

Клиний. Конечно, это не будет удивительным.

Афинянин. Итак, следует ли нам осуществить то, о чем у нас сейчас идет речь? Каким образом надо подготовить стражей, чтобы они и в своих речах, и на деле тщательнее берегли добродетель, чем большинство граждан? Каким способом наше государство уподобится голове и ощущениям разумных людей, имея у себя такую охрану?

Клиний. Как это, чужеземец? Можем ли мы сравнивать наше государство с такими вещами?

e *Афинянин.* Ясно, что само государство представляет собой некое вместилище: отборные и самые одаренные молодые люди из стражей занимают его вершину; обладая душевной зоркостью, они озирают кругом все государство; эти молодые стражи передают свои ощущения памяти, когда сообщают старшим
965 все то, что делается в государстве. Старцы, которых мы сравнили с разумом, так как они по преимуществу размышляют о многих значительных вещах, дают свои советы, пользуются услугами молодых людей и их советами, и таким образом те и другие сообща действительно спасают все государство в целом. Скажем ли мы, что это именно так должно быть устроено или как-то иначе? Неужели мы не будем делать различия между теми, кто имеет эти знания, кто на них воспитан и ими вскормлен,[20] и теми, кто их не имеет?

Клиний. Нет, удивительный ты человек, это невозможно.

b *Афинянин.* Следовательно, надо стремиться к более основательному образованию, чем раньше.

Клиний. Быть может.

Афинянин. Но то образование, которого мы сейчас слегка коснулись, не есть ли именно такое, в каком мы нуждаемся?

Клиний. Разумеется, да.

Афинянин. Разве мы не сказали, что в каждом деле выдающийся демиург и страж должен не только быть в силах наблюдать за многим, но должен еще стремиться к какой-то единой цели, знать ее и сознательно направлять к ней все, что он охватывает своим взором?

Клиний. Это верно.

c *Афинянин.* Разве есть более точный способ созерцания, чем когда человек в состоянии отнести к одной идее множество непохожих вещей?

Клиний. Возможно, ты прав.

Афинянин. Не возможно, а действительно прав, мой друг: никто из людей не располагает более ясным методом.

Клиний. Доверяю тебе, чужеземец, и уступаю. Продолжим же нашу беседу в этом направлении.

Афинянин. Итак, по-видимому, надо принудить стражей нашего божественного государства прежде всего научиться тщательно различать то, что состоит из четырех частей, на самом же деле со- d
ставляет единство и тождество: оно включает в себя, как мы говорили, мужество, рассудительность, справедливость и разумность и заслуженно носит единое имя добродетели. Если угодно, друзья мои, будем теперь делать особый упор на это положение и не оставим его рассмотрение, пока не разъясним в достаточной мере, что же представляет собой цель, к которой надо стремиться: одно ли это что-то, или совокупность [многого], или то и другое одновременно — одним словом, что́ это такое по своей природе. Если это от нас ускользнет, можно ли ожидать, что вопрос о добродетели будет решен у нас удовлетворительно? Ведь мы не в состоянии бу- e
дем выяснить, множественна ли добродетель, существуют ли четыре ее вида или она едина? Если мы послушаемся своего собственного совета, мы любыми средствами постараемся внедрить эти знания в нашем государстве; если же вы решите, что это вообще нужно оставить, то так и следует поступить.

Клиний. Чужеземец, клянусь богом, покровителем чужеземцев, это нельзя оставить ни в коем случае! Нам кажется, ты был вполне прав. Но как придумать средство для осуществления этого?

Афинянин. Пока еще не будем говорить о средствах. Прежде 966
всего нам надо самим прийти к согласию и прочно установить, следует ли нам вообще это делать или не следует.

Клиний. Конечно, следует, если только это возможно.

Афинянин. Что же дальше? Мыслим ли мы точно так же о прекрасном и о благом? До́лжно ли учить наших стражей, что то и другое множественно, или они должны считать каждое из этого единым? Вообще каково это?

Клиний. Пожалуй, естественно и необходимо считать все это единым.

Афинянин. И что же? Достаточно ли только так мыслить или b
надо еще уметь доказать с помощью рассуждения?

Клиний. Конечно, следует это доказать. Иное подобало бы разве лишь рабу.

Афинянин. Дальше. Разве не то же самое скажем мы о любой заслуживающей внимания вещи? Кто хочет стать настоящим стражем законов, тот должен действительно знать об этом истину

и быть в состоянии словесно ее излагать и подкреплять соответствующими делами, различая то, что прекрасно по своей природе и что нет.

Клиний. Как же иначе?

c *Афинянин.* Но разве не одна из самых прекрасных вещей — это [понятие] о богах, которое мы усердно разобрали, а именно о том, что они существуют, и явное обладание великой силой такого познания — насколько это возможно для человека. Большинство же граждан можно извинить, если они только следуют слову закона. Зато тем, кто собирается стать стражами, нельзя доверять этой должности, пока они тщательно не укрепят своей веры
d в существование богов. Никогда не следует избирать в стражи законов и включать в число граждан, испытанных своею добродетелью, человека не божественного и не потрудившегося на этом поприще.

Клиний. Твое требование — отрешить людей, неспособных к познанию и бездеятельных, от прекрасного — справедливо.

Афинянин. Итак, мы знаем, что относительно богов есть два убедительных довода, которые мы уже разобрали.[21]

Клиний. Какие это доводы?

Афинянин. Один касается, как мы указывали, души и гласит,
e что она самая старшая и божественная из всех вещей, движение которых, соединившись со становлением, создало вечную сущность. Другой довод касается всеобщего движения: в нем наблюдается стройный порядок, так как над светилами и прочими телами господствует все упорядочивающий ум. Не существует такого безбожного человека, который, рассмотрев все это основательно и без предубежденности, не вынес бы впечатления, прямо противоположного тому, какое выносит большинство людей. Ведь они
967 думают, будто те, кто занимается наукой о звездах и другими необходимыми примыкающими к ней науками, становятся безбожниками, так как замечают, что все происходящее, возможно, совершается по необходимости, а не в силу разумной воли, направленной к осуществлению блага.

Клиний. А как это обстоит на самом деле?

Афинянин. Я уже сказал, что в наше время понимание этих вещей прямо противоположно тому, которое существовало, когда мыслители считали все это неодушевленным. Впрочем, и тогда уже преисполнялись удивлением и подозревали здесь то, что те-
b перь действительно установлено людьми, тщательно этим занимавшимися, ведь уже тогда предполагали, что при неодушевленности тел, не обладающих умом, не могли бы быть выполнены

столь удивительно точно все расчеты. Некоторые даже отваживались уже тогда выставлять рискованное положение, что ум привел в стройный порядок все то, что находится на небе.[22] Но те же самые люди снова допустили ошибку в понимании природы души и того, что она старше тел. Считая, напротив, ее моложе, они c
снова, так сказать, повернули все вспять, особенно же самих себя. Все то, что проносилось по небу у них на глазах, показалось им наполненными камнями, землей и многими иными неодушевленными телами, на которые разделились первоначала космоса. Это-то и вызвало тогда появление безбожия и отвращение к такого рода занятиям. Сюда добавилось также поношение: поэты стали сравнивать философов с собаками-пустолайками и твердить другие бессмыслицы.[23] А сейчас, как было сказано, все обстоит на- d
оборот.

Клиний. Как именно?

Ночное собрание осуществляет в государстве космические законы

Афинянин. Никто из смертных не может стать твердым в благочестии, если не усвоит двух только что указанных положений. Первое — что душа старше всего, что получило в удел рождение; она бессмертна и правит всеми телами;[24] второе — что в звездных телах, как мы не раз говорили, пребывает ум всего существующего. e
Следует усвоить предваряющие эти положения необходимые знания, чтобы заметить их общность с мусическими искусствами и воспользоваться ими для нравственного усовершенствования в согласии с законами и чтобы быть в состоянии отдать себе разумный отчет во всем том, что разумно. А кто не в состоянии в допол- 968
нение к гражданским добродетелям приобрести эти знания, тот едва ли когда-нибудь будет удовлетворительным правителем всего государства: он будет только слугою другим правителям. Теперь, Клиний и Мегилл, нам нужно посмотреть, следует ли ко всем указанным раньше и разобранным нами законам добавить еще такой: следует установить, согласно закону, охранный [орган] для спасения государства — Ночное собрание должностных лиц, приобщившихся к указанному образованию. Так ли мы b
поступим?

Клиний. Как же, мой друг, нам этого не добавить, если это хоть сколько-нибудь возможно.

Афинянин. Так вот, мы все и поведем упорную борьбу за это. Я тоже охотно буду вашим помощником в этом деле. Кроме себя я, может быть, найду и других помощников благодаря моей большой опытности в этом деле и настойчивому его исследованию.

Клиний. Да, чужеземец, надо всячески стараться идти по этому
c пути, раз чуть ли не сам бог ведет нас по нему. Теперь надо указать и исследовать, какой образ действий здесь был бы правильным.

Афинянин. Для этих вещей, Мегилл и Клиний, невозможно устанавливать законы, пока все это еще не устроено. Лишь потом надо будет установить законом полномочия членов собрания. Но и предварительное наставление сопряжено с необходимостью подробных бесед, если приняться за дело как следует.

Клиний. Как это понимать?

Афинянин. Прежде всего надо составить перечень лиц, пригод-
d ных для такой охранительной службы по своему возрасту, по силе своих знаний, нравственным качествам и привычкам. После этого нелегкой задачей будет найти, что же именно надо изучать; нелегко также стать учеником того, кто это нашел. Вдобавок есть еще определенный срок, предназначенный для усвоения. Устанавливать все это письменно было бы напрасно. Ведь даже самим обучающимся неясно, какое требуется время для изучения, пока каж-
e дый в глубине души не приобрел знаний по данному предмету. Если сказать, что никакие сокровенные знания недоступны, то это будет неправильно, ибо они недоступны в том смысле, что им нельзя предпослать предварительных разъяснений.

Клиний. Но раз это так, чужеземец, как же нам поступить?

Афинянин. Согласно поговорке, друзья мои, истина лежит посередине. Если бы мы захотели рискнуть всем государственным строем, то нам надо было бы поступить так, как говорят игроки в кости: либо выбросить трижды шесть, либо три единицы.[25]
969 Я хочу рискнуть вместе с вами в том отношении, что я поясню и растолкую мои взгляды на образование и воспитание, снова затронутые в этой беседе. Да, риск здесь большой, и кому-нибудь другому он был бы не по плечу. Но тебе, Клиний, я советую приняться за это дело. Ведь ты либо стяжаешь величайшую славу за правильное устройство государства магнетов (а быть может, оно по воле
b божьей получит другое имя), либо неизбежно покажешься чрезвычайно мужественным всем последующим людям. Если же, дорогие мои друзья, это божественное собрание будет у нас создано, то ему надо вручить государство. Об этом, так сказать, нет спора между нынешними законодателями. Действительно, только тогда вполне, можно сказать, наяву осуществится то, чего мы коснулись в нашей предшествующей беседе как бы во сне, слив воедино образ главы и ума. Пусть члены этого собрания будут у нас тщатель-
c но подобраны и надлежащим образом воспитаны. Получив такое воспитание, они поселятся на акрополе, возвышающемся над всей

страной, и будут совершенными стражами по охране добродетели, каких мы не видывали в прежней жизни.

Мегилл. Друг мой Клиний, приняв во внимание все только что сказанное, нам надо либо оставить мысль об устроении государства, либо не отпускать этого чужеземца, но всевозможными просьбами и средствами заставить его принять в этом устроении участие.

Клиний. Ты совершенно прав, Мегилл; я так и сделаю, а ты мне d
помоги..

Мегилл. Помогу.

ПОСЛЕЗАКОНИЕ

Клиний, Афинянин, Мегилл

973

Рассуждение о высшей мудрости

Клиний. Ну вот, чужеземец, мы и сошлись,
как было условлено, все втроем — я, ты и
наш Мегилл, — чтобы рассмотреть, как нам
исследовать вопрос о разумности. Если поразмыслить, то исследо-
вание этого вопроса всего лучше может направить человека по
пути разума (в той степени, в какой это вообще для него возмож-
b но). В самом деле, можно признать, что мы разобрались во всем
остальном, касающемся установления законов; но вот чтó всего
важнее отыскать и сказать, а именно, чему должен обучиться
смертный человек, чтобы стать мудрым, этого мы и не нашли и не
высказали. Давайте попробуем сейчас не упустить этого. Дело
в том, что иначе мы, пожалуй, не закончим то, ради чего все мы
двинулись в путь, надеясь выяснить всё от начала до конца.

Афинянин. Хорошо ты говоришь, дорогой Клиний. Но думает-
ся мне, тебе предстоит услышать странную речь. Впрочем, с дру-
c гой стороны, она и не так странна. Многие люди, причем с боль-
шим жизненным опытом, держатся того взгляда, что человеческий
род никогда не будет счастливым и блаженным. Следуй за мной
и посмотри, не покажется ли тебе, однако, что я, как и они, оказы-
ваюсь здесь прав. Я также отрицаю возможность для людей, за
исключением немногих, стать счастливыми и блаженными.[1] Но
я ограничиваю это пределами нашей жизни. У человека есть пре-
красная надежда, что после смерти он достигнет всего того, ради
чего он при жизни стремился жить по мере сил как можно лучше,
d дабы, окончив жизнь, достигнуть подобного конца. Говоря это,
я не высказываю ничего мудреного; нет, так или иначе все мы —
и эллины, и варвары — признаем это; каждому живому существу
с самого начала тяжко появиться на свет. Прежде всего тяжело
быть причастным утробному состоянию, затем идет само рожде-
ние, далее — взращивание и воспитание; всё это, как мы признаём,
974 сопряжено с тысячью тягот. Жизнь наша краткотечна, даже если

не принимать в расчет каких-то особых бедствий, но лишь такие, что выпадают на долю каждого в скромных размерах. Краткотечность эта позволяет человеку свободно вздохнуть только, как кажется, в середине его жизни. А быстро подступающая старость заставляет каждого, кто только не преисполнен детских чаяний, отказаться от желания вновь возвратиться к жизни, ведь человек принимает в расчет прожитую им жизнь. На что я здесь могу сослаться? На то, что такова уж сама природа обсуждаемого сейчас b
вопроса. Мы выясняем, каким образом мы можем стать мудрыми, словно каждый человек имеет эту возможность. Между тем мудрость убегает от нас, когда мы приближаемся к разумности так называемых искусств, ученых занятий и других тому подобных вещей, относимых нами к знаниям, тогда как ничто из этого не заслуживает такого обозначения, раз вся мудрость этих занятий обращена на человеческие дела. А ведь душа человека твердо уверена в этой мудрости и заявляет, что по своей природе она каким-то образом может ее обрести. Однако она не очень-то может найти, в чем состоит эта мудрость, когда она появляется и каким c
образом приходит. Не правда ли, именно на такое состояние человеческой души очень походит наше теперешнее затруднение в вопросе о мудрости и все это наше исследование? Возникающие здесь у каждого человека трудности превосходят все ожидания; по крайней мере так бывает у тех среди нас, кто оказывается в состоянии разумно и складно исследовать как самих себя, так и других людей с помощью всевозможных способов рассуждения. Согласимся ли мы, что это действительно так? Или нет?

Клиний. Согласимся, однако все же мы надеемся, чужеземец, что со временем с твоей помощью составим себе наиболее истин- d
ное мнение об этом.

Афинянин. Итак, нам надо прежде всего разобрать все остальные так называемые знания, которые отнюдь не делают мудрым человека, их усвоившего и ими обладающего. Покончив с ними, мы попробуем для сравнения изложить — а после изложения и усвоить — те знания, что нам необходимы.

Таким образом, прежде всего рассмотрим начатки знаний, в высшей степени необходимые смертному племени, так что, пожалуй, они поистине первые. Однако человек, овладевший ими, e
даже если он когда-то, вначале, и казался мудрым, теперь уже вовсе не покажется таковым, а эти его знания скорее навлекут на 975
него упрек. Давайте укажем, в чем эти начатки знаний состоят и почему чуть ли не всякий, кто стремится к тому, чтобы быть признанным человекам самых высоких достоинств, избегает этих зна-

ний путем достижения разумности и упражнения в ней. Первое из этих знаний — то, которое, как говорит предание, с одной стороны, совершенно отучило нас от свойственного всем живым существам взаимного пожирания, а с другой — приучило нас к обычной пище. Да не прогневаются на нас за это прежние поколения!
b Впрочем, они относятся к нам благосклонно, ибо мы приветствуем тех из них, кто впервые установил то, о чем мы говорим.[2] Хотя производство ячменной крупы и пшеничной муки и питание ими великолепно, все же это никогда не сможет сделать человека вполне мудрым. Дело в том, что самое название «производство» указывает лишь на трудность получения самих предметов. Примерно то же самое относится и к любым видам земледелия. Ведь оказывается, что все мы беремся за обработку земли не благодаря искусству, но просто так, по самой природе, и в этом нам помогает бог. Кроме
c того, строительство домов и всякого рода зодчество, а также изготовление разной утвари, кузнечное дело, выделка орудий для плотничьего ремесла, для лепки, плетения и тому подобных занятий полезны народу, но нельзя сказать, чтобы все это имело отношение к добродетели. Точно так же любого рода охота, ставшая столь разнообразной и искусной, все же не дает величия, соединенного с мудростью. Равным образом и искусство прорицания и все в целом искусство истолкователей. Дело в том, что эти искусства знают только то, чего они касаются, причем вовсе не задаются вопросом, истинно это или нет. До сих пор мы рассматривали до-
d бычу предметов первой необходимости с помощью искусства; при этом выяснилось, что во всех без исключения случаях занятие это не делает человека мудрым. Нам остается рассмотреть теперь забаву, большей частью состоящую в подражании и во всех отношениях несерьезную. Люди пользуются подражанием как с помощью многих орудий, так и путем не очень-то изящных телесных движений. Далее, они создают повествовательные и разного рода стихотворные подражания, а также те, матерью которых является живопись, а ведь ее произведения бывают чрезвычайно разнообразны в зависимости от того, каким она пользуется материалом — сырым или сухим. И хотя бы человек занимался любым этим мастерством с величайшей тщательностью, все равно подражательное искусство никого не сделает мудрым.

e Правда, все эти творения в конце концов могли бы оказать огромную помощь неисчислимому количеству людей. В этом отношении величайшее и самое полезное искусство то, которое носит имя военного и военачальнического; его распространенность снискала ему наибольшую славу. Но зато оно всего более нуждает-

ся в счастливом стечении обстоятельств, да и по своей природе большим обязано мужеству, нежели мудрости. Искусство, име- 976
нуемое врачебным, приносит пользу всем живым существам, когда их природа страдает от холода или жары, если они наступают несвоевременно, или от чего-нибудь подобного; однако и здесь ничто не служит приобретению наиболее истинной мудрости: дело в том, что врачебное искусство лишено надлежащей меры и полно смутных предположений. Также мы должны будем признать, что кормчие, а вместе с ними и моряки в известном смысле оказывают нам помощь, но никто не уверит нас, будто хоть один из них — человек мудрый. Ведь никто из них не ведает причин b
гневного напора ветра или его ласкового дуновения; между тем такое знание было бы весьма любезно всему искусству кораблевождения. Точно так же обстоит дело с людьми, которые, по их утверждению, помогают нам силой своего красноречия вести судебные дела. Путем развития памяти и постоянного упражнения они все свое внимание обращают на нравы, но они очень далеки от понимания подлинной справедливости.

Кроме мнимой мудрости остается еще одна странная способность, которую большинство назвало бы скорее природным свойством, чем мудростью. Она состоит в быстрой сообразительности, в легком усваивании, в обширной и твердой памяти, c
схватывающей то, что полезно человеку. Благодаря этому человек сразу поступает так, как подсказывают обстоятельства. Все эти способности одни люди считают природным свойством, другие — мудростью, третьи — природной сметкой. Однако ни один разумный человек никогда не захочет признать действительно мудрым того, кто ими обладает.

Высшая мудрость — это наука о числе

Так вот, надо обнаружить такое какое-то знание, обладание которым делало бы человека действительно, а не только по видимости мудрым. Посмотрим, что это за знание. Мы беремся во всяком случае за трудное исследование, раз мы хотим найти помимо d
вышеуказанных знаний такое, которое в действительности и на достаточном основании следовало бы признать мудростью, — знание, обладатель которого будет не глупым ремесленным исполнителем, но мудрым и добрым гражданином; правитель ли он в своем государстве или подвластный — все равно он будет справедлив и добропорядочен.

Сперва рассмотрим знание, с выходом которого из человеческого обихода и выключением его из ряда других ныне существующих знаний человек превратился бы в самое бессмысленное

и безрассудное существо. Знание это не очень трудно заметить.
e В самом деле, если сравнить, так сказать, одно знание с другим,
таким оказывается только то знание, которое дало всему смертно-
му роду число. Я думаю, что его нам дал для нашего спасения
скорее бог, чем какой-то случай. Надо сказать, какого бога я имею
в виду. На первый взгляд он покажется странным, на деле же он
вовсе не таков. В самом деле, как не считать его виновником
977 всех вообще благ, в том числе величайшего из них — разумнос-
ти! Так кого же из богов славлю я, Мегилл и Клиний? Пожа-
луй, это — Небо, и всего справедливее почитать его и преимущест-
венно к нему обращаться с молитвами; так поступают и все прочие
божественные существа и боги. Все мы согласились бы, что Небо
стало для нас виновником и всех других благ. Мы действитель-
но утверждаем, что оно дало нам число, да и в будущем даст,
b если кто захочет последовать его указанию. В самом деле, кто
обратится к правильному его созерцанию — Космосом ли, Олим-
пом или Небом ему угодно будет его называть (и пусть назы-
вает!), — тот узрит, как это Небо, расцвечивая себя и вращая
содержащиеся в нем звезды, вызывает смену времен года и достав-
ляет всем питание. Итак, мы будем утверждать, что Небо дает
нам и прочую разумность вместе с числом вообще, да и все осталь-
ные блага. Самым же главным будет, если человек, получив
от него в дар числа, разберется в его круговращении в целом.[3]
Однако вернемся немного назад в нашем рассуждении и вспом-
c ним, как правильно мы заметили, что никогда не стали бы разум-
ными, если бы исключили число из человеческой природы. Дело
в том, что душа живого существа, лишенного разума, вряд ли смо-
жет овладеть всей добродетелью в совокупности. Ведь существу,
не знакомому с тем, что такое «два», «три», «нечет» или «чет»,
совершенно неведомо число как таковое, а потому такое существо
вряд ли сможет дать себе отчет в том, что приобретено только
d путем ощущений и памяти. Правда, это ничуть не препятствует
тому, чтобы иметь прочие добродетели — мужество и рассуди-
тельность; но тот, кто не умеет правильно считать, никогда не ста-
нет мудрым. А у кого нет мудрости, этой самой значительной
части добродетели, тот не может стать вполне благим, а значит,
и блаженным. Поэтому необходимо класть в основу всего число.
Для разъяснения этой необходимости потребовалось бы рассужде-
ние более пространное, нежели все сказанное до сих пор. Впрочем,
и теперь будет правильным сказать, что из всех остальных так
называемых искусств, разобранных нами, — допустим, что все это
e действительно искусства, — не осталось бы ни единого, но все они

совершенно исчезли бы, если бы вдруг исчезло искусство арифметики.

Бросив взгляд на искусства, кто-нибудь может, пожалуй, предположить, что род человеческий нуждается в числе ради незначительных целей. Правда, важно уже и это. Если же кто примет во внимание божественность и бренность становления, в силу чего в нем можно распознать и священное начало, и действительно сущее число, то окажется, что далеко не всякий может познать все 978
в совокупности число — настолько велико для нас его значение, вызываемое его соприсутствием в нас.[4] Ясно ведь, что и во всем мусическом искусстве надо исчислять движения и звуки, но самое главное то, что число — виновник всех благ. Что число не вызывает ничего дурного, это легко распознать, как это вскоре и будет сделано. Ведь чуть ли не любое нечеткое, беспорядочное, безобразное, неритмичное и нескладное движение и вообще все, что причастно чему-нибудь дурному, лишено какого бы то ни было числа. Именно так должен мыслить об этом тот, кто собирается b
блаженно окончить свои дни. Точно так же никто, не познав [числа], никогда не сможет обрести истинного мнения о справедливом, прекрасном, благом и других подобных вещах и расчислить это для самого себя и для того, чтобы убедить другого.

Давайте рассмотрим, как мы выучились считать. Скажите: откуда у нас появилось понятие единицы, двойки? Почему только c
мы одни из всех живых существ по своей природе можем иметь такое понятие? Ведь у многих иных живых существ природа не приспособлена к этому, так что они не могут от своих отцов научиться считать. А нам впервые привил бог понимание того, что нам показывают, а затем он показал нам [число] и показывает до сих пор. Если сравнивать одно с другим, то можно ли созерцать нечто более прекрасное, нежели день? Далее человек переходит к другой части — к ночи; здесь пред ним совсем иное. Происходит беспре- d
станная смена многих ночей и дней; Небо совершает это беспрестанно, научая людей единице и двойке, так что, наконец, и самый неспособный человек оказывается в состоянии усвоить счет. Созерцая это, каждый из нас может получить понятие о числах «три», «четыре» и о множественности. Одно [из небесных тел] — Луну бог сделал такой, что она кажется то большей, то меньшей, посто- e
янно являя день иным, вплоть до пятнадцатого дня и ночи. Таково круговращение Луны, если кому угодно полный кругооборот считать единицей. Короче говоря, даже самое непонятливое существо усвоит это, если только оно принадлежит к тем, кому бог дал природу, способную к усвоению. До этих пределов любое живое су-

979 щество в состоянии хорошо считать, наблюдая все единичное само по себе. Зато, думается мне, бог с более высокой целью сделал так, чтобы человек всякий раз отдавал себе отчет во взаимных соотношениях чисел. Здесь, как мы сказали, он заставил Луну то прибывать, то идти на убыль. Он составил из месяцев год, и всякий человек начал, в добрый час, сравнивать путем наблюдения любое число с другим. Благодаря всему этому у нас наливаются плоды, утучняется земля, так что все живые существа получают пропитание, если ветры и дожди бывают умеренны, а не чрезмерны. Если
b же, напротив, дело идет к худшему, то здесь приходится винить не божественную природу, а человеческую, которая несправедливо распределяет свои жизненные блага.

Когда мы производили наше исследование законов, мы, можно сказать, установили, что во всем остальном людям легко распознать самое для них наилучшее, так что всякий человек вполне способен понять и осуществить сказанное, если только он знает, что́ для него действительно полезно и что вредно. Мы решили и до
c сих пор держимся того мнения, что все прочие навыки не очень трудно приобрести, но зато чрезвычайно трудно решить, каким образом люди могут стать хорошими. Опять-таки, как мы указываем, приобретение всего остального хорошего возможно и нетрудно: всякий понимает, в каком размере следует — или не следует — обладать имуществом, какими телесными свойствами и какими благими душевными качествами надо отличаться. Любой человек согласится с другим, что душа должна быть справедливой, рассудительной, мужественной, а также и мудрой, но какова эта
d мудрость — здесь, как мы только что разобрали, большинство людей совершенно расходится друг с другом во взглядах. А теперь кроме всех указанных ранее видов мудрости мы нашли еще одну, и притом не какую-нибудь ничтожную: человек кажется мудрым, когда усваивает то, что мы разобрали. Но действительно ли мудр и благ человек, знающий в этом деле толк, вот в чем надо дать себе отчет.

Клиний. Естественно, чужеземец, что о столь важных вещах ты попытаешься сказать что-то важное.

e *Афинянин.* Да, Клиний, во всяком случае немаловажное. Но еще большую трудность представляет то, что это во всех отношениях истинно.

Клиний. Разумеется, чужеземец. Однако не откажи изложить свой взгляд.

Афинянин. Хорошо, а вы оба не откажите выслушать.

Клиний. Очень охотно, я отвечаю тебе от лица нас обоих.

Ступени числового познания мира (космоса)

Афинянин. Прекрасно. Итак, по-видимому, 980
прежде всего надо коснуться вопроса, можем ли мы обозначить одним именем то, что мы понимаем под мудростью. Если сделать это для нас очень трудно, то возникает другой вопрос: каковы виды мудрости и сколькими из них надо овладеть человеку, чтобы он был, согласно нашему мнению, мудрым?

Клиний. Говори же.

Афинянин. Далее, законодателю для уподобления не зазорно будет установить нечто более прекрасное и достойное богов, нежели сказанное о них ранее, указать, как ему — в виде прекрасной забавы — проводить свою жизнь, почитая богов и старясь в песно- b
нениях и блаженстве.

Клиний. Прекрасны твои слова, чужеземец! Пусть это будет венцом твоих законов! Да проведешь ты чистую жизнь, услаждая богов, и да получишь в удел наилучшую и наипрекраснейшую кончину!

Афинянин. Так как же мы скажем, Клиний? Решить ли нам, что песнопениями мы отлично почитаем богов, и потому с молитвой приступить к самым прекрасным о них высказываниям? Так или нет?

Клиний. Да, именно так. Доверившись богам, мой друг, помо- c
лись и выскажи приходящие тебе на ум прекрасные мысли о богах и богинях!

Афинянин. Пусть будет так, лишь бы только нами руководил бог! Помолись и ты вместе со мной!

Клиний. А теперь говори!

Афинянин. Итак, поскольку мои предшественники, видимо, плохо изложили происхождение богов и живых существ, мне прежде всего придется изложить это лучше в соответствии с на-
шим прежним рассуждением.[5] Мне придется повторить то доказа- d
тельство, с которым я пытался обратиться к нечестивцам, утверждая, что боги существуют и пекутся обо всем — как о малом, так и о великом, а также, что они непреклонны во всех делах, касающихся справедливости. Помнишь ли ты это, Клиний? Ведь вы делали и записи для памяти.[6] Да, высказанное тогда было вполне истинным. Самым главным из этого было то, что любая душа старше любого тела. Помните ля вы это? Действительно, так ли оно на
самом деле? Разве не убедительно, что то, что лучше, — древнее e
и более богоподобно в противоположность худшему,[7] которое моложе и менее почтенно? Ведь повсюду тот, кто правит, старше подвластного и руководитель во всех отношениях старше руково-

981 димого. Итак, признаем, что душа старше тела.[8] Раз это так, то, пожалуй, вполне убедительно, что первоначало у нас старше первого порождения. Установим же, что начало начал более благообразно и что мы вступили на правильный путь, ведущий к высочайшим вершинам мудрости, коснувшись происхождения богов.

Клиний. Пусть по мере сил это будет так.

Афинянин. Скажи, разве не будет согласным с природой и вполне истинным утверждение, что живое существо возникает тогда, когда сочетание души и тела порождает единую форму?

Клиний. Верно.

b *Афинянин.* Такое существо можно по всей справедливости называть живым.

Клиний. Да.

Афинянин. Надо сказать, что, согласно весьма правдоподобному мнению, есть пять видов объемных тел, из которых всего прекраснее и лучше создавать формы; весь же остальной род тел имеет лишь одну форму. Нет ничего бестелесного и вовсе не имеющего окраски, из чего могло бы возникнуть нечто иное, за исключением действительно божественного рода души. Одному ему
c подобает лепить и создавать формы, телу же, как мы и говорим, подобает только поддаваться лепке, рождаться и становиться видимым. Роду души подобает (повторим снова — ведь это стоит сказать не раз) быть незримым и умопостигаемым, причастным памяти и умению учитывать чередование четного и нечетного.

Итак, есть пять тел. Здесь надо назвать, во-первых, огонь, во-вторых — воду, в-третьих — воздух, в-четвертых — землю, в-пятых — эфир. Смотря по главенству того или иного тела, получается много разных живых существ. Для каждого отдельного слу-
d чая это надо понимать так: прежде всего установим единый земной род; это — все люди, все многоногие и безногие животные, все, что способно передвигаться или пребывает на месте, будучи прикреплено корнями. Единство здесь надо мыслить так: все эти существа состоят из разных родов, но большая часть каждого из них состоит из земли и из твердой природы.[9] В качестве другого рода живых существ следует установить тот, что также рождается и может быть видим. В нем всего больше огня, хотя есть также
e земля, воздух и незначительные доли всех остальных тел; поэтому надо признать, что из этого разряда возникают разнообразные и видимые живые существа.[10] Надо опять-таки думать, что таков род живых существ на небе: весь божественный род звезд — им уделено прекраснейшее тело и блаженнейшая и наилучшая душа. Им следует приписать одну из двух возможных участей: каждое из

них может быть либо неуничтожимым, бессмертным и в силу необходимости во всех отношениях божественным, либо может иметь долгую жизнь, достаточную для своего существования, так что оно вовсе не нуждается в ее продлении. 982

Прежде всего разберемся в только что сказанном. Мы утверждаем, что существует два рода живых существ. Затем мы опять-таки утверждаем, что оба этих рода видимы. Первый, как это может показаться, состоит из огня, весь целиком, второй — из земли. Земной род движется в беспорядке, а огненный — в полном порядке. Тот род, что движется в беспорядке, надо считать лишенным разума; таково большинство окружающих нас животных. Дви- b
жение же, совершающееся на небе в строгом порядке, обнаруживает разумность. Достаточным доказательством разумности существования служат самотождественное движение, действие и состояния. Наличие здесь души, наделенной умом, является необходимостью, превосходящей все прочие необходимости. Ведь она законодательствует как правительница, а не как подвластная. Неизменное же, — когда душа, по совету наивысшего ума, изби- c
рает себе наилучшее, — становится, согласно тому же уму, совершенством: даже адамант[11] не крепче этого совершенства и не более неизменен. Три Мойры[12] на самом деле поддерживают этот порядок и наблюдают, чтобы то, что приобретено по наилучшему совету [ума], было совершенным у каждого из богов. Людям же доказательством того, что звезды и все их движения обладают умом, надо считать постоянную, длящуюся непостижимо долго, предписанную издревле тождественность их действий. Звезды не меняют d
своего направления, не движутся то вверх, то вниз, не делают то одного, то другого, не блуждают и не изменяют своих круговращений. Между тем именно это многих из нас привело к обратному заключению, — будто звезды не имеют души, раз их действия тождественны и единообразны. За этими безумцами последовала толпа и предположила, что человеческий род обладает разумом и жизнью, коль скоро он находится в движении, род же богов не обладает разумом, раз он всегда одинаково перемещается. Однако человеку было дано подняться до лучшего, более прекрасного и e
отрадного взгляда и понять, что признаком разума следует считать как раз то постоянное самотождественное действие, совершающееся вследствие одних и тех же причин. Именно такова природа звезд, столь прекрасных на вид: движение их и хороводы прекраснее и величественнее всех хороводов;[13] они совершают то, что надлежит всем живым существам. Впрочем, в подкрепление справедливости наших слов об одушевленности звезд, подумаем прежде 983

27 Зак. 3846

всего об их величине. Ведь в действительности они вовсе не так малы, как это кажется; напротив, размер каждой из них огромен. Этому стоит верить, так как это достаточно доказано. Безошибочно можно мыслить Солнце, все в целом, гораздо бо́льшим, чем вся в целом Земля. Да и все движущиеся звезды обладают удивительной величиной. Так вот и рассудим, каким образом можно было бы заставить столь великую массу совершать кругообразное движение всегда в одно и то же время, как это совершается и посейчас? b Какая природа могла бы это сделать? Я утверждаю, что виновником здесь может быть только бог, иначе это невозможно. Ведь и одушевленными звезды стали лишь при посредстве бога, как мы это выяснили. Раз бог в состоянии это совершить, то для него совсем уж легко было создать сначала любое живое тело, любую массу, затем заставить это двигаться в том направлении, какое он признает наилучшим. Короче говоря, молвим теперь единое ис- c тинное слово обо всем этом: невозможно, чтобы Земля, небо, все звезды и тяжелые небесные тела столь точно совершали свой годичный, месячный и дневной путь и чтобы все существующее существовало для всех нас столь благим, если всему этому не присуща душа, рожденная для каждого из этих тел.

Сколь бы ни был ничтожен человек, ему надлежит высказывать ясные воззрения, а не болтать вздор. Между тем он не скажет ничего ясного, если назовет причиной всего этого стремительное движение тел, или их природу, или что-нибудь другое подобное. d Но надо вполне разобраться в том, что мы сказали. Имеет ли наше рассуждение смысл или вовсе лишено его, когда мы прежде всего утверждаем, что есть два рода сущностей: душа и тело? То и другое имеет много разновидностей, которые все несходны между собой; нет ничего иного, третьего, что было бы общим этим двум сущностям. Душа отличается от тела: она обладает разумом, а тело — как мы установили — не обладает; она правит, тело подчиняется; она — причина всего, тело же не бывает причиной како- e го-либо состояния. Стало быть, какая нелепость, какое безрассудство утверждать, будто небесные явления имеют какую-нибудь другую причину, а не представляют собой порождения души и тела! Итак, если мы должны победить существующие воззрения на все это учение и убедительно показать божественность всех этих явлений, то из двух возможностей следует выбрать одну: либо 984 надо с полным правом прославлять небесные тела как богов, либо допустить, что они стали образами богов, своего рода изваяниями, созданными самими богами, — ведь это дело не каких-либо несмышленых и недалеких существ. Как сказано, нам надо устано-

вить одну какую-нибудь из этих возможностей: коль скоро это будет установлено, небесным телам следует оказывать больший почет, чем другого рода божественным изваяниям. Ведь никогда не найдется более прекрасных и более общих для всего человечества изваяний, воздвигнутых в столь великолепных местах и отличающихся чистотой, величавостью и вообще жизненностью, именно b
таковы небесные тела.

Итак, мы приступаем теперь к вопросу о богах следующим образом. Мы заметили два рода видимых нами живых существ: один из них мы признали бессмертным, другой, то есть весь земной род, оказался смертным. Далее надо попытаться высказаться о трех средних родах (всего их пять), находящихся между указанными двумя. Они всего более ясны на основании обычных представлений. После огня мы поместим эфир и установим, что душа образует из него живые существа, обладающие теми же свойствами, c
что и остальные роды, но составленные большей частью из своей собственной природы и лишь в небольшой части — для связи — из остальных родов. После эфира душа образует другой род живых существ, из воздуха, и третий род, из воды. Произведя все это, душа, естественно, наполнила небо живыми существами. Она использовала каждый род в соответствии с его возможностями, причем все они стали причастны жизни. Образовав второй, третий, четвертый и пятый род живых существ — причем начала она d
с рождения видимых богов, — душа закончила свое дело нами, людьми.

Что касается богов — например, Зевса, Геры и всех остальных, — то их можно распределить согласно тому же закону, лишь бы прочно было усвоено это учение.[14] Но первыми — зримыми, величайшими и почтеннейшими из богов, зорко все обозревающими, — надо признать звезды и все то, что мы воспринимаем вслед за ними.[15] Непосредственно после них, ступенью ниже, надо поместить даймонов — воздушное племя, занимающее третье, среднее e
место. Даймоны — истолкователи; их надо усердно почитать молитвами за их благие вещания.[16] Оба этих рода живых существ, тот, что из эфира, а также тот, что из воздуха, совершенно прозрачны; даже их близкое присутствие для нас неявно. Оба они причастны удивительной разумности, так как это племя понятливое и 985
памятливое. Мы сказали бы, что они знают все наши мысли и чудесным образом приветствуют тех из нас, кто прекрасен и благ, а очень дурных людей ненавидят как уже причастных страданию. Между тем бог, достигший совершенства в своей божественной участи, находится за пределами удовольствия и страдания и во

b всем причастен лишь разумности и познанию. Коль скоро небо наполнено живыми существами, эти даймоны служат всем посредниками — вышним богам и друг другу, — легко носясь по земле и по всему свету. Пятый род, рожденный из воды, правильно можно было бы уподобить полубогам. Они иногда зримы, иногда же скрываются, делаясь неразличимыми, что для слабого зрения представляется чудом.[17]

c Эти пять родов живых существ действительно существуют, в чем пришлось убедиться некоторым из нас либо во сне, в сновидении, либо слыша слова откровения и прорицания, когда бываешь здоров или болен или когда приходишь к концу жизни. Представления эти разделяются как частными людьми, так и государством. Вот почему сооружено да и впредь будет сооружаться множество святилищ многим божествам. Законодатель, хоть чуть-чуть обладающий умом, никогда не отважится производить здесь нововведения и не допустит, чтобы его государство поддер-
d живало новые, еще неясные культы. Он не станет препятствовать жертвоприношениям, установленным отеческими обычаями, так как он ровно ничего не понимает в этих делах, ведь смертной природе невозможно все это знать. Но что касается действительно видимых нами богов, то не заставляет ли то же самое учение признать чрезвычайно дурными тех людей, которые не отваживаются признаться и обнаружить то, что они уклоняются от обрядового служения и другим богам и не воздают им подобающих почестей?

Астрономия как опора и источник благочестия

e А теперь случается так, как если бы кто из нас, заметив Солнце или Луну, взирающих на всех людей, ничего не сообщил бы об этом, хотя мог бы это сделать,[18] и светила эти оказались бы лишенными почитания. Если бы он не проявил никакого желания, насколько это от него зависит, учредить в честь этих божеств на почетном месте празднества и жертвоприношения и назначить сроки, а также выделить
986 для этого времена бóльших и меньших годов,[19] разве не заслужил бы он по праву названия дурного человека, вредного и для самого себя, и для другого, кто это сознает?

Клиний. Конечно, заслужил бы, чужеземец. Это был бы в высшей степени дурной человек.

Афинянин. Так вот, дорогой Клиний, знай, что именно в таком положении нахожусь сейчас я.

Клиний. Что это ты говоришь?!

Афинянин. Узнайте, что на всем небе есть восемь сил, братски
b родственных между собой. Я их созерцал. Однако в этом нет ниче-

го мудреного: это легко заметит и всякий другой. Из этих сил одна — это сила Солнца, другая — Луны, третья — звезд, о которых мы упомянули немного ранее. Остается еще пять.

Обо всех звездах и о тех силах, что заложены в них, — все равно, сами ли они движутся или совершают свой путь на колесницах,[20] — всякий из нас будет мыслить только таким образом: одни из них — боги, другие — нет; одни связаны между собой родством, другие же таковы, что о них и молвить никому из нас не дозволено. Лучше скажем, что все они, по нашему утверждению, братья и участь их — братская. Воздадим им почет, однако не так, c
что одному посвятим целый год, другому — месяц, а третьему не отведем совсем никакой доли и времени, в которое они проходят свой кругооборот, ведь все они содействуют зримому мировому порядку, установленному разумом, наиболее божественным из всего. Человек блаженный сперва поражен этим порядком, затем начинает его любить и стремится усвоить его, насколько это возможно для смертной природы, полагая, что таким образом он всего лучше и благополучнее проведет свою жизнь и по смерти при- d
дет в места, подобающие добродетели. Такой человек на самом деле примет истинное посвящение, овладеет единой разумностью, коль скоро и сам он един, и все остальное время станет созерцать прекраснейшие [явления], какие только доступны зрению.

А теперь нам остается указать, сколько этих [богов] и каковы они. Ведь мы ни в коем случае не окажемся лжецами; на этом-то по e
крайней мере я твердо настаиваю. Я опять-таки утверждаю, что таких [богов] восемь. О трех из них мы уже говорили; остаются еще пять. Четвертый вид перемещения и круговращения, а также пятый по своей скорости почти равны круговращению Солнца: во всяком случае они не медленнее и не быстрее его. Вообще всякий достаточно разумный человек должен признать, что существует три [кругооборота]. Мы считаем таковыми [кругооборот] Солнца, Утренней звезды и еще третьего [светила], назвать которое нельзя, так как имя его неведомо. Причина этого та, что первый заметивший его был варваром. Дело в том, что древний обычай воспитал первых людей, обративших на это внимание, под воздействием 987
красоты летнего времени, которым так богаты Египет и Сирия. Люди там постоянно видят все звезды, так сказать, ясно, потому что в этой части света никогда не бывает облачности и влажности. Отсюда сведения эти распространились по всему миру, в том числе они дошли и до нас, причем подкрепленные не прекращающимся многие тысячелетия наблюдением. Поэтому надо смело включить это в законы. В самом деле, не считать ценным то, что боже-

b ственно и ценно,[21] — это явное неразумие. Надо, однако, указать причину, по которой отсутствуют некоторые названия. Впрочем, [светила] заимствовали свои имена у богов: так, Утренняя звезда, она же и Вечерняя, пожалуй, не без основания носит имя Афродиты, что вполне в духе сирийского законодателя. А то светило, что совершает свой путь вместе с Солнцем, почти наравне с ним, получило имя Гермеса. Есть еще три кругооборота, совершающихся слева направо вместе с [кругооборотами] Луны и Солнца. Надо указать еще на один [кругооборот], именно на восьмой; его скорее всего можно было бы признать космосом. Он совершается в направлении, противоположном пути перечисленных сейчас светил, и не ведет за собой все остальные, как могло бы показаться людям, мало во всем этом сведущим. Однако необходимо высказать то,
c о чем у нас имеется достаточно сведений. Мы так и поступим. Ибо действительно сущая мудрость каким-то образом обнаруживается перед человеком, хотя бы немного причастным правильному, божественному пониманию. Остаются три звезды; из них одна отличается от прочих своею медлительностью, и некоторые дают ей имя Кроноса; следующую за ней в смысле медленности движения надо назвать именем Зевса; наконец, третью — именем Ареса: она одна из всех них имеет красноватый оттенок. Коль скоро кто-ни-
d будь укажет на эти светила, нет уже никакого труда их заметить; но лишь только это будет усвоено, следует мыслить об этом именно так, как мы указали.[22]

Всякий эллин должен, поразмыслить над тем, что местность, занимаемая нами, эллинами, чуть ли не лучше всех остальных по своим прекрасным свойствам. Здесь надо отметить то ее преимущество, что она занимает среднее место между странами с суровой зимой и странами с жарким климатом. Раз природа тех мест, как мы сказали, превосходит нашу родину летней жарой, естественно, что нам позже были переданы сведения об этих богах мира. Одна-
e ко мы должны признать, что эллины доводят до совершенства все то, что они получают от варваров. С этим надо считаться также и при обсуждении того, что мы сейчас исследуем. Хотя и трудно отыскать здесь бесспорную истину, однако у нас есть большая
988 светлая надежда, что эллины прекраснее и по существу справедливее позаботятся обо всех этих богах, почитание которых, по преданию, перешло к нам от варваров. Эллины могут применить здесь свою образованность, дельфийские прорицания и весь культ богов, основанный на законах. И пусть никто из эллинов не пугается мысли, будто не следует заниматься божественными делами, раз мы смертны; нет, надо думать как раз обратное, а именно: божест-

венное не лишено разума, оно знает человеческую природу и ведает, что под влиянием его наставлений она последует за ним и усвоит то, чему оно учит. А что божество наставляет нас — например, учит числу, счету, — это ему, конечно, ведомо. Всех неразумнее был бы тот, кто этого не знает. Ведь, как говорится, он действительно не знал бы в этом случае самого себя, сердился бы на того, кто в силах усвоить эти знания, не радовался бы, без зависти, успехам того, кто благодаря богу стал благим. Есть много прекрасных доводов в пользу того, что в ту пору, когда у людей зароди- c лись первые представления о богах, — как они произошли, какими стали и какие деяния совершали, — все эти воззрения были бы не по вкусу и не по сердцу людям рассудительным. То же самое относится к воззрениям следующих поколений, утверждавших наибольшую древность огня, воды и всех прочих тел и относивших к позднейшему времени чудо души, а также считавших главным и самым почтенным то движение, которое тело получает само по себе путем нагревания, охлаждения и тому подобного, и отрицавших важность того движения, которое сообщает телу и самой себе душа. А теперь, коль скоро мы утверждаем, что душа, стоит ей d оказаться в теле, движет (в этом нет ничего удивительного!) и перемещает как его, так и самое себя, уже не остается никаких доводов против того, что душа в состоянии перемещать любую тяжесть. Вот почему мы и теперь считаем душу причиной всего, в том числе и всех благ, а все дурное — иным по своим свойствам. Ничего удивительного нет в том, что душа — причина всякого рода перемещения и движения; перемещение и движение в сторо- e ну блага есть свойство совершенной души, а в противоположную сторону — свойство души противоположной. Впрочем, благо должно всегда брать верх над тем, что ему противоположно.

Все это мы высказали согласно справедливости, мстящей за нечестие.[23] Что же касается предмета нашего исследования, то мы должны верить в то, что следует считать мудрым человека благо- 989 го. Что касается этой мудрости, которую мы давно уже отыскиваем, то давайте посмотрим, мыслима ли она в том обучении или искусстве, при недостатке которого мы были бы невеждами в вопросах справедливости, а значит, и невеждами вообще. Мне кажется, что мыслима, и сейчас я об этом скажу. Дело в том, что я повсюду искал причину, сделавшую для меня это ясным, и я попытаюсь вам ее изложить. Состоит она в том, что самое главное в добродетели осуществляется нами нехорошо, что, как я вполне уверен, вытекает из только что сказанного. В самом деле, никто b никогда нас не уверит, что есть область добродетели, более важная

для смертного племени, чем благочестие. Следует сказать, что оно
не появилось даже у наилучших натур из-за величайшего невеже-
ства. А наилучшие натуры — это те, что встречаются чрезвычайно
редко; зато, если они встретятся, они очень полезны. Дело в том,
что душа, в умеренной степени наделенная медлительностью
и противоположной ей природой, была бы обходительна, восхи-
c щалась бы мужеством, была бы послушна рассудку и, что самое
главное, при этих своих природных свойствах была бы понятлива,
памятлива и могла бы спокойно радоваться своей любознательно-
сти. Правда, подобные натуры не очень легко появляются на свет,
но коль скоро они встречаются, то, получив должное образование,
они могут удерживать в надлежащих пределах натуры худшие
и более многочисленные с помощью разумности своего поведения
и отдельных указаний насчет богов — как и когда надо совершать
жертвоприношения и очищения пред богами и людьми. Они дале-
ки от всякого рода наружной рисовки, но поистине чтят доброде-
d тель. А это самое главное для любого государства. Вот мы и утвер-
ждаем, что такие натуры по своей природе наиболее значительны
и способны к наилучшему усвоению тех знаний, которые им пре-
подают. Между тем преподавать невозможно без божественного
руководства. Стало быть, если кто принимается за обучение не
так, то лучше ничего и не усваивать. Впрочем, из тех же слов выте-
кает необходимость для подобных натур все это усвоить; мне же
e необходимо определить, чтó это за наилучшие натуры. Давайте
попробуем основательно разобраться в свойствах указанного
предмета и в способах его усвоения. Я по мере моих сил буду ука-
990 зывать, а тот, кто может, пусть выслушает, каким образом усваи-
вается благочестие. Пожалуй, придется услышать нечто не совсем
обычное. Ведь мы сказали бы, что наука, о которой идет речь, —
чего никогда не предположил бы человек, не сведущий в этом
деле, — называется астрономией. Вам неведомо, что величайшим
мудрецом по необходимости должен быть именно истинный астро-
ном, — не тот, кто занимается астрономией по Гесиоду и ему подоб-
ным, ограничивающимся наблюдением над заходом и восходом
светил, но тот, истинный астроном, который из восьми кругообоіро-
b тов наблюдает преимущественно семь, при которых каждое светило
совершает свой круговой путь так, что это нелегко смог бы усмот-
реть любой человек, непричастный свойствам чудесной природы.[24]
Мы укажем, согласно нашему утверждению, надлежащий способ и
путь усвоения. Прежде всего пусть будет сказано следующее.

Луна очень быстро совершает свой кругооборот и проходит
свои фазы начиная с полнолуния. Затем надо поразмыслить о

Солнце, которое совершает повороты в течение всего круговращения, и о его спутниках. Чтобы не повторять все время одного и того же обо всех этих светилах, скажем, что путь остальных светил, c
указанных нами ранее, понять нелегко. Чтобы подготовить натуры, способные усвоить эти знания, следует предварительно многому их научить и с детского и отроческого возраста приучить к настойчивому труду. Следовательно, должны существовать науки. Главная и первая из них — это наука о самих числах, но не о тех, что имеют предметное выражение, а вообще о зарождении [понятий] «чет» и «нечет» и о том значении, которое они имеют по отношению к природе вещей. Кто это усвоил, тот может перейти d
к тому, что носит весьма смешное имя геометрии.[25] На самом деле ясно, что это наука о том, как выразить на плоскости числа, по природе своей неподобные. Кто умеет соображать, тому ясно, что речь идет здесь прямо-таки о божественном, а не человеческом чуде. Вслед за этой наукой идет еще одна, ей подобная; люди, ею занимающиеся, назвали ее стереометрией. Наука эта изучает тела, имеющие три измерения и либо подобные друг другу по своей объемной природе, либо неподобные, приводимые к подобию с помощью искусства.

Но что действительно удивительно и божественно для вдумчи- e
вого мыслителя, так это присущее всей природе удвоение числовых значений и обратное ему отношение, что наблюдается во всех видах и родах [вещей]. Первый вид удвоения — это отношение 991
единицы к двойке: в результате получается вдвое большее числовое значение. При переходе к трехмерным осязаемым телам происходит опять-таки удвоение, причем здесь от единицы восходят к восьми.[26] Второй вид удвоения занимает среднее место между двумя крайними членами, будучи больше меньшего крайнего члена и меньше большего; второй средний член находится в таком же отношении к крайним членам, превосходя величиною один из них и уступая другому. Так, среди чисел, находящихся между шестью и двенадцатью, есть два числа: первое из них образовано прибав- b
лением половины числа шесть, второе — прибавлением трети того же числа.[27] Значение этих чисел, занимающих среднее место между двумя крайними членами, научило людей согласованности и соразмерности ради ритмических игр и гармонии и даровало это блаженному хороводу Муз.

Так вот, пусть именно в таком порядке совершается усвоение этих наук. Завершением их должно служить рассмотрение божественного происхождения и прекраснейшей и божественной природы зримых вещей. Бог дал созерцать ее людям, но без только что c

разобранных наук никто этого не может, хотя бы кто и похвалялся
тем, что он легко все схватывает. Вдобавок при любом общении
надо путем вопросов сравнивать единичное с видовым, изобличая
каждый раз того, кто плохо ответил. Это действительно во всех
отношениях наилучший и самый первый у людей способ исследо-
вания; прочие же способы недостоверны: несмотря на свою при-
влекательность, с ними одна морока. Далее, нам надо познать
точность времени, а именно, с какой точностью совершаются все
d небесные кругообращения, чтобы поверить, что истинно слово,
утверждающее старшинство души над телом и вместе с тем ее бо-
лее божественную сущность, а также чтобы считать прекрасным и
достаточно обоснованным утверждение, что все полно богов и что
мы никогда не испытываем небрежного отношения со стороны вы-
сших сил из-за их забывчивости и нерадивости.

Обо всем этом надо мыслить так: правильное понимание этих
вещей в определенном смысле очень полезно для человека; в про-
e тивном же случае лучше постоянно призывать бога. Вот в каком
отношении — это надо указать — все это полезно: всякая геомет-
рическая фигура, любое сочетание чисел или гармоническое един-
ство имеют сходство с кругообращением звезд; следовательно,
единичное для того, кто надлежащим образом его усвоил, разъяс-
няет и все остальное.[28] Впрочем, как мы говорим, это будет лишь
в том случае, если он правильно усваивает, производя свое наблю-
дение над единичным. Перед вдумчивыми людьми здесь обнару-
992 жится естественная связь всех этих вещей. Если же человек как-то
иначе берется за это дело, ему надо, как мы сказали, призвать на
помощь удачу. В самом деле, без этих знаний человек с любыми
природными задатками не станет блаженным в государствах. Есть
только один этот способ, только такое воспитание, только эти нау-
ки,— легки ли они или трудны, их надо преодолеть. Не дóлжно
пренебрегать богами, раз уж стало ясным касающееся их открове-
b ние, ведущее к блаженству.[29] Я считаю поистине мудрейшим
человека, охватившего таким путем все эти знания. И в шутку,
и всерьез я стану настойчиво утверждать, что такой человек, даже
восполнив смертью удел своей жизни, на смертном своем одре не
будет, как теперь, иметь множества ощущений, но достигнет еди-
ного удела, из множественности станет единством, будет счаст-
лив, чрезвычайно мудр и вместе с тем блажен. Все равно, будет ли
он жить на материке или на островах, являясь блаженным, он все-
c гда получит в удел такую судьбу. Занимался ли он при жизни госу-
дарственными делами или своими частными, боги также дадут
ему эту участь. Впрочем, и сейчас остается в силе наше первонача-

льное правдивое утверждение, что людям, за редким исключением, невозможно стать совершенно блаженными и счастливыми: это было правильно нами указано. Но люди божественные, рассудительные и причастные по своей природе всей остальной добродетели, а вдобавок еще овладевшие всем, что имеет отношение d
к блаженной науке (мы уже указали, в чем это состоит), — такие люди, и только они одни, получают в удел обладание всеми божественными дарами. Итак, людям, именно таким образом потрудившимся (мы сейчас говорим об этом частным порядком, но одновременно устанавливаем это в качестве государственного закона), и следует предоставлять главные государственные должности, лишь только они достигнут преклонного возраста. Все же остальные вслед за ними должны благоговейно относиться ко всем богам и богиням.

Мы же, достаточно распознав и проверив членов Ночного собрания, призываем их всех к наилучшему пониманию этой e
мудрости.

ПИСЬМА

I

309 **Платон[1] желает Дионисию благополучия**

Проведя у вас столь долгое время и занимаясь устроением вашей власти,[2] я, которому было оказано доверия больше, чем кому бы то ни было (от чего вам были немалые выгоды), вынужден был подвергаться нареканиям и тягостной клевете. Я стойко перенес это, ведь я знал, что ни одна жестокость не покажется вам совер-
b шенной с моего согласия: мои свидетели — все, вместе с вами принимавшие участие в управлении государством. За многих из них я заступился сам, избавив их от немалого наказания. И вот, столько раз облеченный неограниченной властью, хранитель вашего государства, я выслан из него, подвергшись при этом бесчестью, какое не выпадает даже на долю нищего: вы велите мне отплыть восвояси — мне, проведшему с вами столь долгое время!

Да, в дальнейшем я обдумаю собственный образ жизни, который еще более отдалит меня от людей; ты же, «оказавшись таким
c тираном, останешься в одиночестве».[3] Твой «щедрый» денежный дар, данный мне в путь, везет тебе обратно Бакхей,[4] податель сего письма, ведь его мало даже на путевые расходы, да и для остальной жизни пользы от него никакой. Тебе, дарителю, он принесет полное бесславие, да и мне не меньшее, если я его возьму. А потому я его и не беру. Тебе же, очевидно, все равно, что получить, что дать столь «великую» сумму; а посему, приняв доставленное, окажи этим услугу кому-либо другому из твоих друзей, как ты хотел оказать ее мне, ведь я уже не раз получал от тебя такие одолжения.
d И кстати, на случай, если другие дела твои пошатнутся, я хочу привести тебе один стих Еврипида:[5]

Молить ты будешь, муж чтоб был такой с тобой.

Хочу тебе напомнить это, потому что и многие другие трагики, когда выводят тирана умирающим от чьей-либо руки, заставляют его восклицать:

Друзей лишенный, горе мне, погиб ведь я.[6] 310

Но никто еще из поэтов не вывел человека, погибающего от недостатка золота. И вот какие стихи «неплохо иметь в виду людям, имеющим разум»:[7]

Золота блеск — не редкость в жизни смертных несчастной,
Ни адамант, ни серебряной утвари блеск, столь чтимый
людьми, пред очами;
И тучных пажитей, нив плодоносных для жизни не надо
Так, как разумного слова мужей, меж собою согласных.[8]

Будь здоров и постарайся обдумать свою немалую предо мною b
вину, чтобы по отношению к другим ты вел себя лучше.

II

Платон желает Дионисию благополучия

Я услыхал от Архедема, что ты считаешь, будто по отношению к тебе не только я, но и мои близкие должны сохранять спокойствие и ни говорить о тебе, ни делать в отношении тебя ничего плохого: ты исключаешь только одного Диона.[1] Это твое замечание, c
ставящее Диона в особое положение, указывает, что я не распоряжаюсь своими близкими. Если бы я имел такое влияние на других, в том числе и на тебя с Дионом, всем нам, утверждаю я, да и всем эллинам было бы больше пользы. Теперь же я вменяю себе в заслугу лишь то, что следую своему разуму. Говорю я это потому, что Кратистол и Поликсен[2] не сказали тебе ничего здраво-
го. Передают, что один из них утверждал, будто в Олимпии[3] d
многие из тех, кто был со мной, говорили о тебе плохо. Возможно, слух у него лучше, чем у меня, ведь я этого не слыхал. Мне кажется, в дальнейшем тебе следует поступать так: если кто-нибудь будет о ком-то из нас говорить нечто подобное, тебе надо, послав письмо, спросить об этом меня. Я же и не побоюсь, и не постыжусь сказать правду. Ведь таковы наши с тобой отношения: если так можно выразиться, каждому эллину о нас известно и
дружба наша у всех на слуху. Так имей же в виду, что и впредь о e
ней молчать не будут. Ведь людям, которым эта дружба сделалась

известна, она не может не представиться чем-то значительным и
бурным.

Но к чему я это сейчас говорю? Скажу, начав издалека. По са-
мой природе разум и великая власть стремятся соединиться вмес-
те;[4] каждое из них гонится за другим, стремится к нему и с ним со-
четается. А потом людям доставляет удовольствие, когда они сами
говорят об этом или слышат от других в частных беседах или
311 в произведениях поэтов. Например, когда люди говорят о Гироне
и о Павсании Лакедемонском,[5] они радуются, повествуя об их
дружбе с Симонидом и сообщая, чтó Симонид сделал для тех или
им сказал. Обычно они восхваляют также Периандра Коринфско-
го и Фалеса Милетского, Перикла и Анаксагора, Креза и Солона
как мудрецов, а Кира — как властелина.[6] Подражая этому, поэты
b объединяют Креонта с Тиресием, Полиида — с Миносом, Агамем-
нона и Нестора — с Одиссеем и Паламедом; и, как мне кажется, по
той же причине древние люди соединили Прометея с Зевсом.[7] Од-
них они показывают находящимися в разногласии, других — во
взаимной дружбе, а иных — то в дружбе, то во вражде и воспевают
их то как единомышленников, то как противников. Все это я гово-
c рю к тому, что хочу показать: когда мы умрем, и о нас самих не
умолкнут речи. Так что об этом надлежит позаботиться. Необхо-
димо, по-видимому, подумать и о будущих временах. Именно
в силу какого-то природного свойства люди с рабской душой ни-
сколько об этом не заботятся, а люди достойные делают все, чтобы
в будущем о них хорошо отзывались. И это я считаю неким свиде-
d тельством, что умершие ощущают происходящее здесь, на земле:
лучшие души обладают предчувствием, что дело обстоит именно
так, а никчемные этим предчувствием не обладают. При этом, ко-
нечно, важнее предчувствие божественных людей, чем тех, кото-
рые не таковы. И я думаю о тех, о ком говорил выше, что, если бы
им возможно было исправить свои взаимные отношения, они бы
очень о том порадели, дабы о них шла лучшая молва, чем теперь.
Также и нам, с божьей помощью, можно пока, если что в наших
прежних отношениях было нехорошего, выправить это и словом,
и делом. Тем самым установится истинное мнение относительно
e философии, и если мы сами будем вести себя достойно, то и слава
о нас будет лучше, если же мы будем плохими, то и слава будет
дурна. Коль скоро мы станем об этом заботиться, мы поступим
самым благочестивым образом, если же не станем — самым нечес-
тивым.

Как все это должно быть и чего требует справедливость, я сей-
час скажу. Когда я прибыл в Сицилию,[8] мне сопутствовала слава,

что я во многом превосхожу тех, кто занимается философией; при-
дя в Сиракузы, я хотел и тебя заполучить в свидетели этого, дабы 312
в моем лице философия почиталась и в глазах большинства. Но все
случилось не в добрый час. Причиной этого я считаю не то, что
могли бы счесть многие, но другое: оказалось, что ты не очень до-
веряешь мне и хочешь каким-то образом меня отослать, а пригла-
сить других, причем ты стремился узнать, каковы мои цели, как
мне кажется, не питая ко мне доверия. Таких, кто громко об этом
кричал, было много; они говорили, что ты презираешь меня и что b
мысли у тебя направлены на другое. Эта крикливая молва распро-
странилась. Выслушай же, что в этом случае следует делать, дабы
затем я мог ответить на твой вопрос, как должны сложиться наши
взаимоотношения. Если ты вообще пренебрегаешь философией,
брось ее; если же ты слыхал от другого или сам нашел то, что тебе
нравится больше моего учения, держись этого; а если тебе нравит-
ся мое учение, то тебе нужно и мне оказывать высокий почет. Так
же, как поначалу, ты веди, а я последую за тобой. Чтимый тобой, я c
буду чтить тебя, если же я у тебя не заслуживаю почета, то, устра-
нившись, я удалюсь на покой. Оказывая мне почет и подавая
в этом пример, ты обнаружишь, что чтишь философию; а то, что
ты старался ознакомиться и с другими учениями, принесет тебе
в глазах многих славу как подлинному философу. Если же я стану
оказывать тебе почтение, хотя бы ты меня и не чтил, люди поду-
мают, что я ослеплен богатством и стремлюсь к нему, а мы знаем,
что это ни у кого не заслуживает одобрения. Подводя всему итог,
скажу: если будет почет с твоей стороны, честь и слава обоим;
если же его буду оказывать я один, обоих ждет стыд. Но об этом d
достаточно.

Что касается маленького шара,[9] то дело с ним обстоит не со-
всем правильно; тебе объяснит Архедем, когда придет. Ему также
весьма необходимо дать объяснение и по поводу гораздо более
важного и возвышенного вопроса, ради ответа на который ты его и
послал, чтобы разрешить свое недоумение. По его словам, ты гово-
ришь, что тобой недостаточно воспринято учение о природе пер-
вопричины. Я должен ответить тебе иносказательно, дабы если эта
табличка испытает какие-либо превратности на суше и море, тот,
кому она попадет в руки, ее бы не понял. Вот в чем дело: все тяго- e
теет к царю всего[10] и все совершается ради него, он — причина все-
го прекрасного. Ко второму тяготеет второе, к третьему — третье.
Человеческая душа стремится познать, каково все это, взирая на
то, что ей родственно; однако из родственного ничто ее не удов-
летворяет. Что же касается царя и того, о чем я сказал, то там нет 313

ничего подобного — и вот приходит душа и вопрошает: что же это такое? В этом и заключается твой вопрос, о сын Дионисия и Дориды,[11] и в нем-то причина всех бед, а скорее это прирожденная нашей душе боль, которую если не исторгнуть, никто никогда не постигнет подлинной правды.

Когда мы были в садах, под лаврами, ты мне сказал, что сам до
b этого додумался и это твое открытие. Я же ответил, что, если тебе так кажется, ты можешь освободить меня от многочисленных рассуждений. Я сказал также, что никогда не встречал никого, кто бы это открыл, и что вся моя деятельность была именно на это направлена. Ты же, возможно услыхав это от кого-либо, видно, по божественному определению прямо устремился к этой цели, но необходимых твердых и связных доказательств привести не мог — ведь
c у тебя их не было, — и ты мечешься от одной крайности к другой, подчиняясь воображению, на самом же деле здесь нет ничего подобного. Знай, что случилось это не только с тобой одним: всякий услыхавший от меня впервые это учение вначале испытывал точно такое же состояние. Одним это доставляло немало хлопот, другим меньше, и, хотя наконец они от этих забот избавлялись, все же никому не удавалось сделать это легко.

Раз дело обстоит таким образом, по-моему, мы уже почти нашли ответ на вопрос, который ты поставил передо мной, а именно, какие должны установиться между нами отношения. Поскольку
d ты исследуешь вопрос, призывая на помощь других, и рассматриваешь все это и само по себе, и наряду с их учениями, тобой все это будет усвоено, если только верно велось исследование, — и ты станешь ближе и им, и мне.

Но как же исполнится и это, и все то, о чем мы сказали? Ты правильно сделал, послав Архедема, но в дальнейшем, когда он придет к тебе и сообщит мои речи, у тебя, конечно, возникнут другие сомнения. Так вот, ты снова пошлешь, если только намерения твои правильны, ко мне Архедема, и он, как после торгового путешествия, прибудет к тебе обратно. Когда же ты повторишь это два
e или три раза и хорошо исследуешь мои послания, то я в удивлюсь, если вопрос, по поводу которого ты теперь недоумеваешь, не станет тебе много яснее, чем раньше. Итак, смело действуй таким образом. Ибо не может быть более прекрасной и угодной богам торговли, чем та, с которой ты пошлешь Архедема, а он поедет.
314 Остерегайся только, чтобы все это не стало достоянием людей невоспитанных. Мне кажется, для большинства нет почти ничего, что казалось бы смешнее таких вот мыслей; с другой стороны, для людей благородных духом нет ничего более дивного и вдохнов-

ляющего. Мысли эти часто высказываются и всегда выслуши-
ваются, причем в продолжение многих лет, и, подобно золоту, на-
силу очищаются в результате значительных трудов. И послушай,
что здесь наиболее удивительно. Дело в том, что многие люди,
слышавшие это, причем люди восприимчивые, с сильной па- b
мятью, способные к исследованию и суждению, говорят, что лишь
теперь, уже в преклонные лета, после того как они слыхали это не
меньше тридцати лет назад, то, что им казалось тогда полностью
недостоверным, представляется достоверным и совершенно яс-
ным, а то, что раньше казалось вполне достоверным, представ-
ляется им теперь противоположным. Приняв это в соображение,
остерегайся, как бы тебе не пришлось сожалеть о том, что сказан-
ное теперь недостойным образом получило огласку. Более всего
надо печься о том, чтобы ничего не записывать, но все познавать
и усваивать: ведь невозможно, чтобы написанное не получило
огласки. Поэтому я никогда ничего не писал о таких вещах, и на c
свете нет и не будет никакой Платоновой записи; а то, что теперь
читают, — это речи Сократа,[12] когда он, еще молодой, был прекра-
сен. Будь здоров, слушайся меня, а это письмо, прочтя его несколь-
ко раз, сожги.

Но довольно об этом. Ты удивился, что я послал к тебе Поли-
ксена; я же и о Ликофроне,[13] и о других из твоего окружения гово- d
рил и продолжаю говорить, что в рассуждениях, по способу подхо-
да к ним, а также по своим природным дарованиям, ты очень от
них отличаешься, и ни один из них не допускает охотно, как пола-
гают некоторые, опровержений, но лишь очень нехотя. При этом,
как кажется, ты очень прилично обошелся с ними и удостоил их
почетных даров. Ну и довольно о них: для таких людей этого более
чем достаточно. Что же касается Филистиона, то, если ты сам хо- e
чешь его использовать, всецело им располагай, а также, по воз-
можности, Спевсиппом[14] и потом отошли его. Да и Спевсипп
просит тебя об этом. Филистион обещал мне, что если ты отпус-
тишь его, то он охотно приедет в Афины.

Ты хорошо сделал относительно того, кого ты отпустил из ка-
меноломен.[15] Небольшая также просьба относительно его домаш-
них и относительно Гегесиппа, сына Аристона.[16] Ведь ты написал 315
мне, что, если кто обидит его или их и ты это заметишь, ты не дашь
этим людям спуску. И относительно Лисиклида[17] надо сказать
правду: он единственный из тех, кто, прибыв в Афины из Сицилии,
ничего не извратил в рассказах о наших с тобой отношениях, но го-
ворит все хорошее и старается выставить происшедшее с наилуч-
шей стороны.

III

«Платон Дионисию — радуйся», —

b написав так, правильно ли выразил бы я свое лучшее пожелание?
Или скорее написав по своему обыкновению: «желаю благополу-
чия», как я привык обращаться в письмах к своим друзьям? Как пе-
редали мне участники священного посольства, ты и сам обратился
к богу в Дельфах[1] с таким льстивым выражением и, как говорят,
сделал надпись:

Радуйся! Благостпо жизнь сохраняй ты, довольный, тирану.

c Я же ни в обращении к человеку, ни тем более к богу не выра-
зил бы такого пожелания. Богу — потому что тем самым я побуж-
дал бы его вопреки его божественной природе, ведь божество оби-
тает далеко от удовольствия и страдания; а человеку — потому что
много вреда приносит как удовольствие, так и страдание, порож-
дая невосприимчивость, забывчивость, неразумие и высокомерие.
Вот что хотел я заметить относительно приветствия. Ты же, про-
чтя это, какое хочешь принять приветствие, такое прими.

Немало людей утверждает, что ты говорил некоторым послан-
d цам, будто, когда ты в моем присутствии заявлял, что собираешься
восстановить греческие города в Сицилии и тем облегчить участь
сиракузян, переименовав свою власть вместо тирании в царскую,
я тебе, по твоим словам, воспрепятствовал в этом, хотя ты этого
очень желал, а теперь, мол, я учу Диона сделать то же самое, и, та-
e ким образом, пользуясь твоими же мыслями, мы отнимаем у тебя
твою власть.[2] Есть ли тебе какая польза от таких разговоров, ты
знаешь сам, но, говоря противоположное тому, что было на самом
деле, ты меня обижаешь. Из-за Филиста[3] и других довольно рас-
пространилось обо мне наветов среди наемников и населения Си-
ракуз, а все потому, что я жил с тобой в акрополе, а они вне его,
и любую происходившую ошибку приписывали мне, говоря, что
ты во всем слушаешься меня. Ты же лучше всех знаешь, что о по-
316 литических делах я по собственному почину вел с тобой разговоры
очень редко, и то вначале, когда думал, что могу сделать что-либо
значительное. Всего этого было очень немного; чуть-чуть стара-
ния я приложил к введениям в законы, а все остальное ты приписал
сам либо кто-то другой. До меня доходят слухи, что впоследствии
иные из твоего окружения видоизменили законы, и, конечно, они
будут звучать как чужие для тех, кто может судить о моем характе-
ре. Но, как я сказал только что, не нужно на меня клеветать, говоря

перед сиракузянами или кем-нибудь еще, кого ты надеешься убедить; скорее я нуждаюсь в защите против первой возникшей по по- b
воду меня клеветы и против той, что возникла теперь, позднее, и оказалась значительно более сильной. Итак, против этих двух клевет необходимо провести и две защиты: во-первых, что я сознательно избегал разговоров с тобой о государственных делах; а во-вторых, что ты не говорил, будто с моей стороны был какой-то совет или запрещение и что я не препятствовал тебе, когда ты собирался заселить эллинские города. Итак, сначала выслушай мое c
оправдание по поводу упомянутой мной первой клеветы.[4]

Я прибыл в Сиракузы по приглашению твоему и Диона,[5] которого я очень высоко ставил; он был издавна моим гостеприимцем и по возрасту был уже человеком средних лет, с установившимся характером — как раз то, что нужно тем, кто обладает пусть незначительным умом, но собирается давать советы в таких значительных делах, какие были тогда у тебя. А ты был очень юн и совершенно неопытен в том, в чем тебе необходимо было обладать d
большим опытом, мне же ты был совсем незнаком. После этого человек ли, бог или некая судьба при твоем содействии изгнала Диона и ты остался один. Можешь ли ты думать, что у меня тогда с тобой образовалась общность мыслей по поводу государственных дел, если ты погубил разумного советчика и, как я видел, остался, неразумный, окруженный многими другими негодными людьми? Если я видел, что ты не правитель, но лишь думаешь, что властвуешь, на самом же деле находишься под властью подобных людей? При таких обстоятельствах что было мне делать? Разве лишь то, что я поневоле и делал: отказался на будущее от всяких госу- e
дарственных дел, остерегаясь навлечь на себя клевету завистников, вас же, хотя вы были разобщены между собой и имели разные убеждения, всячески старался сделать по возможности близкими друзьями. Ты сам мне свидетель в том, что, стремясь именно к этой цели, я никогда не отказывался от своего намерения. И с трудом, но все же мы согласились, чтобы я отплыл домой, так 317
как война вас целиком захватила, с тем, чтобы, когда вновь наступит мир, я и Дион вернулись в Сиракузы[6] и ты призвал нас к себе. Вот что можно сказать о моем первом путешествии в Сиракузы и благополучном возвращении домой. А когда установился мир, ты вторично стал приглашать меня, но не так, как было договорено, а послав мне письмо, чтобы я прибыл один, за Дионом же ты, мол, пошлешь потом. Поэтому я не поехал; однако и Дион рассердился тогда на меня; он думал, что было бы лучше, если бы я по- b
слушался тебя и поехал. После этого, год спустя, прибыла триера

и письмо от тебя; главным в этом письме было обещание, что если
я прибуду, то все дела Диона устроятся так, как я мыслю; в против-
ном же случае, писал ты, будет наоборот. Стыдно сказать, сколько
c пришло тогда писем от тебя и от других — по твоему приказу —
и из Италии, и из Сицилии, и от скольких моих знакомых и близ-
ких. Все они настойчиво советовали мне ехать и просили меня во
всем тебе довериться. Действительно, всем, начиная с Диона, каза-
лось, что мне надо незамедлительно плыть. Хотя я и указывал им
на свой возраст и относительно тебя упорно говорил, что ты не су-
меешь противодействовать моим клеветникам и тем, кто захочет
разжечь между нами вражду, ведь я и раньше видел и вижу теперь,
что огромные, чрезмерные состояния как частных лиц, так и мо-
d нархов почти всегда, чем они больше, тем больше воспитывают
число клеветников и добавляют к удовольствиям позорный вред;
это — зло, хуже которого не рождает обогащение и возможность
других злоупотреблений.

Так вот, оставив в стороне все эти соображения, я отправился,
полагая, что никто из моих друзей не должен меня обвинять в том,
будто из-за моей нерадивости их личное имущественное положе-
e ние, которое могло бы не потерпеть ущерба, все же его потерпело.
По моем прибытии (ты ведь сам хорошо знаешь, что затем прои-
зошло) я стал просить, чтобы, согласно твоему обещанию, данно-
му в твоих письмах, ты прежде всего возвратил бы Диона, вернув
ему свое расположение; я говорил о вашем родстве, и если бы ты
послушался меня, то, как подсказывала мне моя прозорливость,
было бы лучше, чем теперь, и тебе, и сиракузянам, и другим элли-
нам. Затем я просил, чтобы имущество Диона ты вернул его род-
318 ным, а не допустил распоряжаться этим имуществом управляю-
щих, которых ты хорошо знаешь. К тому же я полагал, что нужно
каждый год посылать причитающиеся ему деньги; особенно же
я настаивал, чтобы они были посланы во время моего пребывания.
Не добившись ничего, я стал просить тебя об отъезде. Ты же после
этого стал убеждать меня остаться еще на год, говоря, что, продав
все состояние Диона, ты половину денег пошлешь в Коринф,[7] а по-
b ловину оставишь для его сына.

И еще многое мог бы я указать из того, что ты пообещал, но не
сделал; однако ввиду многочисленности таких случаев я это опус-
каю. В самом деле, когда ты произвел продажу всех вещей Диона
безо всякого его на то согласия, — хотя ты и говорил, что без его
согласия не будешь этого делать, — ты увенчал, удивительный ты
человек, все свои обещания чисто мальчишеским поступком, ты
изобрел вещь не очень красивую, не очень складную, несправед-

ливую и бесполезную, чтобы меня запугать (словно я не знал тог-
дашних дел!) и я не добивался бы отправки денег Диону. Ведь, ког-
да ты изгнал Гераклида, это ни сиракузянам, ни мне не показалось c
справедливым, и, так как я вместе с Феодотом и Еврибием[8] просил
тебя не делать этого, ты воспользовался этой просьбой как доста-
точным поводом и сказал, будто тебе уже давно было ясно, что о
тебе я нисколько не забочусь, а лишь пекусь о Дионе и его друзьях
и близких; и теперь, когда Феодот и Гераклид находятся под подо-
зрением, так как это люди, близкие Диону, я, мол, готов применить
все средства, чтобы они не понесли наказания. d

Вот в каком духе были эти мои собеседования с тобой о поли-
тике; если же ты усмотрел какое-то иное разногласие между нами,
знай, что все произошло отсюда. И не удивляйся: всякому разум-
ному человеку я, по справедливости, показался бы совсем никчем-
ным, если бы под влиянием величия твоей власти предал бы ста-
ринного друга и гостя, по твоей милости попавшего в тяжелое
положение; ведь он, так сказать, ничуть не хуже, а я вдруг предпо- e
чел бы тебя, причиняющего ему обиду, и стал бы делать все, как ты
прикажешь, причем было бы ясно, что из-за денег. Никакого дру-
гого основания никто не мог бы привести для моего предательст-
ва, если бы я так переменился. Но все это, происходившее таким
образом, сделало по твоей вине то, что дружба наша напоминала
дружбу волков и не было между нами никакого согласия.

Речь моя теперь непосредственно переходит ко второму мо-
менту защиты, о котором я говорил. Следи и всячески наблюдай, 319
не покажется ли тебе, что я лгу и говорю вопреки истине. Я утвер-
ждаю, что в саду, в присутствии Архедема и Аристокрита,[9] при-
близительно дней за двадцать до моего отъезда из Сиракуз домой,
ты говорил то же самое, что, упрекая меня, говоришь и теперь,
а именно, будто бы я больше забочусь о Гераклиде и обо всех дру-
гих, чем о тебе. И в их присутствии ты спросил меня, помню ли
я, что в самом начале, когда я сюда прибыл, я настойчиво совето- b
вал тебе восстановить греческие города. Я подтвердил, что помню
это и что и теперь мне это кажется наилучшим. Следует упомя-
нуть, Дионисий, и то, что было сказано тогда еще сверх этого.
Я спросил тебя, только ли это одно я тебе советовал или, кроме
того, и что-то другое. Ты же с гневом и в оскорбительной для меня
форме, желая меня обидеть (сейчас-то тогдашняя твоя дерзость со-
вершенно очевидна), сказал, смеясь очень натянуто, как я помню, c
следующее: мол, ты мне советовал делать все, обучившись, или не
делать этого вовсе. Я заметил, что ты все хорошо это помнишь.
«Значит, — сказал ты, — обучившись геометрии, или ты имеешь

в виду что-то иное?» После чего я не сказал того, что хотел сказать, боясь, как бы из-за какого-нибудь небольшого словца путь моего отплытия, на которое я рассчитывал, не стал бы вместо широкого узким.

Но вернемся к тому, из-за чего все это говорится: не клевещи
d на меня, говоря, что я не позволил тебе восстановить разрушенные варварами эллинские города и облегчить положение сиракузян, установив вместо власти тирана царскую власть. Утверждая это, тебе трудно налгать на меня, ибо ты приписываешь мне то, что не соответствует моему характеру. Кроме того, уличая тебя, я мог бы привести еще более явные доводы, если бы существовал сведущий суд. Я сказал бы, что настойчиво тебе советовал, ты же не хотел исполнять. А ведь нетрудно ясно показать, что, будь все так сделано,
e это было бы самым лучшим и для тебя, и для сиракузян, и для всех сицилийцев. Но, милейший, если ты утверждаешь, что не говорил этого, хотя ты это и говорил, я удовлетворен; если же ты признаешься, то сочти мудрецом Стесихора[10] и, подражая его палинодии, измени свои лживые речи на справедливые.

IV

Платон Диону Сиракузскому желает благополучия

320 Думаю, что в течение всего этого времени было очевидным мое рвение относительно всех предстоящих дел и то, что я прилагал много усилий, чтобы помочь тебе привести их к благому концу; делал я это не по какой-либо иной причине, но из-за искреннего честолюбия, направленного на прекрасное. Ведь я считаю
b справедливым, чтобы люди, поистине благородные и поступающие соответственным образом, получили и подобающую им славу. В настоящее время, хвала богу, дела находятся в хорошем положении, что же касается будущего, то предстоит великое состязание.[1] Ведь возможность отличиться храбростью, быстротой, силой может показаться достоянием и других людей, а вот что ка-
c сается справедливости, правдолюбия, великодушия и связанной со всем этим благопристойности, всякий согласился бы, что стремящиеся чтить все это, естественно, отличаются от всех других. То, что я говорю сейчас, ясно; однако нам самим следует помнить, что мы должны отличаться от других людей, несомненно, больше, чем взрослые отличаются от детей. Мы ясно должны показать

всем, что мы такие, как мы говорим, особенно когда, с божьей по-
мощью, это легко сделать. Ведь другим пришлось в силу необхо- d
димости немало поскитаться по разным местам, чтобы стать изве-
стными; твое же положение таково, что взоры людей всей Зем-
ли,— может быть, это смело сказано,— направлены в одну точку,
а в ней главным образом — на тебя. Итак, будучи человеком, на ко-
торого обращено общее внимание, готовься показать себя древ-
ним Ликургом, или Киром,[2] или любым другим, кто когда-либо,
как казалось, отличался и характером, и знанием государственных
дел. Это необходимо, тем более что многие, можно сказать даже e
все живущие в ваших краях, говорят, будто с падением Дионисия
вполне можно ожидать, что дела придут в упадок из-за честолю-
бия твоего, Гераклида, Феодота и других знатных лиц.[3] Самое важ-
ное, таким образом, чтобы никто из вас не мог стать таким, а если
бы кто таким и стал, явись ты врачевателем, и тогда дело непре-
менно должно обернуться к лучшему. Может быть, тебе кажется 321
смешным то, что я говорю, потому что ты и сам хорошо это зна-
ешь. Но даже в театрах я наблюдаю, как дети подбадривают акте-
ров криками, не говоря уже о друзьях: всякий ведь понимает, что
они дают советы из рвения и расположения. Итак, ведите теперь
борьбу сами и, если вам что-нибудь нужно, пишите нам, здесь все
приблизительно в том же положении, как тогда, когда вы тут были.
Пишите, что вами сделано и что еще приходится делать. Ведь мы, b
питаясь слухами, на самом деле пребываем в неведении. Много
писем приходит теперь от Феодота и Гераклида в Лакедемон
и Эгину, мы же, как я сказал, многое слыша о тамошних событиях,
все-таки ничего не знаем.

Подумай и о том, что в глазах некоторых ты кажешься менее
доброжелательным, чем следовало бы быть; пусть же от тебя не
скроется, что благодаря расположению со стороны людей возмож- c
но и действовать; а гордость, наоборот, спутница одиночества. Будь
счастлив!

V

Платон желает Пердикке[1] благополучия

Я посоветовал Евфрею,[2] как ты поручил мне, чтобы он уделял
время заботе о твоих делах; я считаю себя вправе дать тебе друже-
ственный и, как говорят, священный совет и относительно других d
дел, о которых ты мог бы мне сказать, а также о том, как ты должен
использовать Евфрея. Человек этот полезен во многих отноше-

ниях, особенно же в том, в чем ты теперь особенно нуждаешься
как вследствие своего возраста, так и потому, что мало у молодых
людей находится в этом деле советников. Ведь, право, у каждого
политического строя, как и у разных живых существ, свой особый
язык: один — у демократии, другой — у олигархии, а еще иной —
e у монархии. Весьма многие могли бы сказать, что они знают эти
наречия, но, за исключением малого числа людей, никто не может
их понять. Тот государственный строй, который обращается к бо-
гам и к людям на своем собственном языке и совершает соответст-
вующие поступки, всегда процветает и сохраняется невредимым,
тот же, который подражает чужому языку, погибает. И в этом от-
ношении Евфрей был бы для тебя очень полезен, хотя и в других
322 отношениях он человек мужественный; надеюсь, он найдет оправ-
дания для монархии не хуже тех, кто составляет твое окружение.
Если ты употребишь его на это, ты и сам извлечешь пользу, и ему
во многом поможешь.

Если же кто, услыхав это, скажет: «Платон, как кажется, делает
вид, будто он знает, что полезно для демократии; но, хотя ему
можно говорить в народном собрании и советовать народу самое
лучшее, он ни разу не поднялся с места и ни слова не произнес», —
на это надо ответить: «Платон слишком поздно родился для своей
b страны и застал народ постаревшим и вдобавок приученным его
предшественниками делать многое, не соответствующее его мне-
ниям. Он охотно бы, как родному отцу, помогал ему, если бы не
считал, что напрасно подвергает себя опасности, без всякой на-
дежды на успех». Такая же участь, думаю я, постигла бы и совет,
данный мною. Ведь если бы [народу] показалось, что я неизлечимо
c болен, он распростился бы со мной, бросив и думать обо мне са-
мом и моих советах. Будь счастлив.

VI

Платон Гермию, Эрасту и Кориску[1] желает благополучия

Мне кажется, что кто-то из богов, исполненный к вам благо-
склонности, в изобилии послал вам счастливую судьбу, если толь-
ко вы сумеете ею хорошо воспользоваться: все вы живете по со-
седству и имеете полную возможность оказывать друг другу по-
d мощь в самых важных делах. Для Гермия ни количество его коней,
ни иная военная мощь, ни приток золота не могли бы иметь боль-

шего значения во всех случаях жизни, чем поддержка верных
и мыслящих здраво друзей; Эрасту же и Кориску, владеющим муд-
рым учением об идеях, столь прекрасным, как я утверждаю, «хотя
я уже и старик»,[2] недостает умения сохранять себя от дурных и не-
справедливых людей и силы для самозащиты. Ведь они неопытны e
в этом, так как большую часть своей жизни провели с нами, людь-
ми умеренными и непорочными. Я сказал, что им этого недостает,
с той целью, чтобы им не пришлось забросить истинную мудрость
и начать по необходимости заниматься обыденной человеческой
мудростью больше, чем следует. С другой стороны, этим даром,
как мне кажется, обладает Гермий (я говорю это, не будучи с ним
знаком[3]) как от природы, так и в силу умения, добытого опытом. 323

Но к чему я веду свою речь? Так как я знаю Эраста и Кориска
лучше, чем ты, то я говорю тебе, Гермий, настойчиво указываю и
свидетельствую, что нелегко найдешь ты людей с характером, за-
служивающим большего доверия, чем у этих твоих соседей. Поэ-
тому я советую тебе любым справедливым способом держаться
этих людей и не считать это для себя лишним делом. В свою оче-
редь Кориску и Эрасту я советую держаться Гермия и стараться
при помощи столь тесных отношений добиться полного дружеско- b
го слияния. Но если покажется, что кто-нибудь из вас разрушает
этот союз — ведь ничто человеческое не бывает прочным, — при-
шлите сюда ко мне или к моим близким письмо — ходатая по ва-
шим жалобам: думаю, что слова, которые прибудут от нас, осно-
ванные на совести и справедливости, если только разногласие не
окажется слишком сильным, лучше любого заклинания соединят
вас и свяжут вновь, восстановив прежнюю дружбу и общность. c
Если мы все вместе будем стремиться к подобной мудрости, на-
сколько это каждому дано, то наши нынешние пророчества осуще-
ствятся. О том, что будет, если мы этого делать не станем, я молчу.
Я изрекаю лишь слова добра и говорю: все это будет сделано нами
к добру, если захочет бог.

Необходимо, чтобы все трое прочли это письмо, лучше все-
го — сообща; если же это не получится, читайте по двое, по воз-
можности вместе и как можно чаще. Вы должны смотреть на это
письмо как на договор, как на главный закон и по справедливости d
должны принести клятву со всей серьезностью, но не с той серьез-
ностью, которая неприятна, а с родственной ей шуткой, клянясь
именем бога, владыки сущего и предстоящего, и именем могуще-
ственного родителя этого владыки и виновника [существующего],
которого, если мы подлинные философы, мы ясно познаём, наско-
лько это возможно блаженным людям.[4]

VII

Платон родственникам и друзьям Диона желает благополучия

Вы мне написали, что я должен считать и быть уверенным в том, что ваши замыслы — те же самые, какие были у Диона, и что поэтому вы усиленно предлагаете мне, насколько возможно, и сло-
324 вом, и делом оказывать вам содействие. Я же, если у вас то же мнение и те же цели, какие были у него, согласен вместе с вами вести общие дела; в противном случае я еще не раз подумаю. Каковы были его замыслы и цели, об этом я могу сказать не по догадке, а с полной уверенностью. Когда я впервые прибыл в Сиракузы, будучи примерно сорока лет от роду, Дион был такого возраста, как
b теперь Гиппарин;[1] и какого мнения он был тогда, такого же остался и до конца, а именно он считал, что сиракузяне должны быть свободными и жить под управлением наилучших законов. Так что нет ничего удивительного, если кто-нибудь из богов внушил Гиппарину то же самое мнение относительно государственного устройства и сделал его единомышленником Диона. Каким образом родилось это мнение, поучительно послушать и молодым и пожилым; я постараюсь изложить вам это с самого начала. Ведь теперь самое подходящее для этого время.

Когда я был еще молод, я испытал то же, что обычно переживают многие: я думал, как только стану самостоятельным человеком, тотчас же принять участие в общегосударственных делах. Од-
c нако вот что выпало мне на долю в делах государственных: так как тогдашний государственный строй со стороны многих подвергался нареканиям, произошел переворот, во главе которого стоял пятьдесят один человек, из них одиннадцать распоряжались в городе, десять — в Пирее (те и другие наблюдали за рынком и за всем тем, что нужно было привести в порядок в столице и гавани),
d остальные же тридцать обладали неограниченной властью. Некоторые из них были моими родственниками и хорошими знакомыми.[2] Они тотчас же стали приглашать к себе и меня, считая это для меня вполне подходящим делом. Я же, будучи молод, не видел во всем этом ничего необычного. Ведь я был убежден, что они отвратят государство от несправедливости и, обратив его к справедливому образу жизни, сумеют его упорядочить, и потому с большим интересом наблюдал за ними: что они будут делать? И вот я убедился, что за короткое время эти люди заставили нас увидеть
e в прежнем государственном строе золотой век! Вот один из приме-

ров: старшего моего друга, дорогого мне Сократа, которого я, не
обинуясь, могу назвать справедливейшим из живших тогда людей,
они вознамерились послать вместе с другими за кем-то из граждан,
чтобы насильно привести его и затем казнить, — конечно, с той це-
лью, чтобы и Сократ принял участие в их деяниях, хочет ли он того 325
или нет. Но он не послушался их, предпочитая подвергнуться лю-
бой опасности, чем стать соучастником их нечестивых деяний.[3]
Так вот, видя все это и многое другое в том же роде, я вознегодовал
и устранился от всех этих зол. Немного времени спустя пала
власть Тридцати и весь этот государственный строй. Вновь, но b
уже более сдержанно стала меня увлекать жажда общественной и
государственной деятельности. Но и тогда, поскольку времена
были смутные, происходило многое, что могло бы вызвать чье-то
негодование, и потому нет ничего удивительного, что отдельные
лица особенно сильно мстили своим врагам во время переворота.
Однако те, что вернулись тогда в Афины, проявили большую тер-
пимость.[4] Но по какому-то злому року некоторые тогдашние влас-
тители снова вызвали в суд моего друга Сократа, предъявив ему
нечестивейшее из обвинений, менее всего ему подходившее: одни c
выставили его на суд как безбожника, другие же произнесли обви-
нительный приговор и казнили того, кто сам не пожелал в свое
время принять участие в нечестивом обвинении против одного из
друзей-изгнанников, когда и сами изгнанники были в тягостном
положении.[5]

Я видел все это, а также людей, которые ведут государствен-
ные дела, законы и царящие в государстве нравы, и, чем больше
я во все это вдумывался и становился старше, тем все более труд-
ной задачей мне стало казаться правильное ведение государствен- d
ных дел. Без друзей и верных товарищей казалось мне невозмож-
ным чего-то достичь, а найти их, даже если бы они существовали,
было не так легко, ведь наше государство уже не жило по обычаям
и привычкам наших отцов, найти же других, новых людей так за-
просто невозможно. Писаные законы и нравы поразительно извра-
тились и пали, так что у меня, вначале исполненного рвения к заня- e
тию общественными делами, когда я смотрел на это и видел, как
все пошло вразброд, в конце концов потемнело в глазах. Но я не
переставал размышлять, каким путем может произойти улучше-
ние нравов и особенно всего государственного устройства; что же 326
касается моей деятельности, я решил выждать подходящего слу-
чая. В конце концов относительно всех существующих теперь го-
сударств я решил, что они управляются плохо, ведь состояние их
законодательства почти что неизлечимо и ему может помочь разве

только какое-то удивительное стечение обстоятельств. И, восхваляя подлинную философию, я был принужден сказать, что лишь через нее возможно постичь справедливость в отношении как го-
b сударства, так и частных лиц. Таким образом, человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами.[6]

С такими мыслями я прибыл впервые в Италию и Сицилию. Когда же я приехал, тамошняя пресловутая блаженная жизнь, заполненная всевозможными италийскими и сиракузскими пиршествами, никак не пришлась мне по душе. Не понравилось мне и наедаться дважды в день до отвала, а по ночам никогда не спать
c одному и также всякие другие привычки, связанные с подобной жизнью. Естественно, что никто из людей, живущих под этим небом, с юности воспитанный в таких нравах, не мог бы никогда стать разумным; даже если он одарен чудесными природными задатками, он при этих условиях даже не подумает стать рассудительным; то же самое относится и к прочим частям добродетели. В то же время никакое государство не сможет наслаждаться покоем, опираясь на законы, как бы хороши они ни были, если люди будут считать, что все нужно тратить на чрезмерную роскошь и
d что они ни к чему не должны прилагать никаких усилий, разве только к обжорству, пьянству и к любовным утехам. Такие государства неизбежно то и дело меняют формы правления, становятся то тираниями, то олигархиями, то демократиями, и нет этим переменам конца. Властители таких государств не могут слышать даже имени справедливого и равноправного строя. И вот, придя к тако-
e му сознанию сверх прежних моих убеждений, я отправился в Сиракузы, надо думать, по воле судьбы. Видимо, кто-то из высших существ задумал тогда положить начало тому, что ныне случилось с Дионом и Сиракузами; и нужно опасаться, что это случится с еще бóльшим числом людей, если вы теперь не послушаете меня, вторично дающего вам свой совет.

Каким образом, считаю я, мое тогдашнее прибытие в Сицилию
327 послужило толчком ко всем дальнейшим событиям? Я познакомился и сблизился с Дионом, бывшим тогда, как мне кажется, совсем юным. В беседах я излагал ему в рассуждениях то, чтó, по моему мнению, является наилучшим для людей, и советовал ему осуществлять это на практике; видимо, сам того не зная, я каким-то образом бессознательно подготовлял падение тирании. Что же касается Диона, то он был очень восприимчив ко всему, а осо-

бенно к тому, что я тогда говорил; он так быстро и глубоко воспри- b
нял это, как никто из юношей, с которыми я когда-нибудь встречался; возлюбив добродетель больше удовольствий и прочей роскоши, он всю остальную жизнь пожелал прожить не так, как большинство италиков и сицилийцев. Поэтому, становясь все больше ненавистным тем, кто жил по законам тирании, он прожил так вплоть до самой смерти Дионисия [Старшего].[7] Приняв упомянутое решение, он заметил, что не у него одного такой образ мыслей, который он получил, слыша справедливые речи. Присматри- c
ваясь, он замечал, что есть это и у других, правда не очень многих, но все же есть у некоторых, в числе которых, как он решил, мог бы, вероятно, с божьей помощью, быть и Дионисий; действительно, если бы он оказался таким, то и его собственная жизнь и жизнь других сиракузян стала бы несказанно блаженной. Сверх того, он думал, что при всех обстоятельствах я должен возможно скорее прибыть в Сиракузы как соучастник и помощник во всех этих де- d
лах, помня о нашей взаимной дружбе и о том, с какой легкостью получилось, что он почувствовал страстное стремление к прекрасной и совершенной жизни. Вот и теперь, если бы ему удалось вызвать такое настроение у Дионисия, как он попытался, он имел бы большую надежду, без избиений и казней, без всех совершившихся зол, устроить во всей стране счастливую и справедливую жизнь. На основании этих правильных размышлений Дион убедил Дионисия послать за мной и сам, посылая мне письма, просил меня, невзирая на обстоятельства, возможно скорее прибыть, пока другие,[8] находящиеся при Дионисии, не вовлекут его в иную жизнь, e
отвратив от лучшей. Он просил об этом, говоря следующее (хотя передать все это было бы слишком долгим): «Какого более благоприятного времени, — писал он, — можем мы ожидать, чем выпавшее нам теперь на долю по какому-то божественному соизволению?» Далее он перечислял власть над Италией и Сицилией, 328
свое собственное влияние в этом государстве, молодость Дионисия, его стремление к философии и образованию. Он говорил, как легко привлечь его племянников и близких к тому учению и жизни, которые я всегда проповедовал, и что они больше всех других будут способны привлечь к тому же самому и Дионисия. Так что если уж когда-либо может полностью осуществиться надежда, что философы и правители великих государств окажутся одними b
и теми же лицами, то именно теперь. Таковы были тогда его призывы и многие другие заманчивые предложения; меня страшила мысль об их молодости и о том, как все это выйдет, ведь молодые люди скоры в своих стремлениях и часто увлекаются ими в проти-

воположную сторону. Однако я знал характер Диона, природную твердость его духа и установившуюся в нем с возрастом выдержку. Пока я это обдумывал про себя и колебался, нужно ли мне послушаться Диона и ехать или надо поступить как-то иначе, я на-
c конец склонился к тому, что нужно, если только я хочу видеть осуществленными свои мысли о законах и государственном строе. Именно сейчас надо сделать такую попытку; убедив одного, я вполне мог бы выполнить все свои добрые намерения.

В силу такого образа мыслей и подобной решимости я снялся с места, а вовсе не потому, что могли бы подумать некоторые. Мне было очень стыдно перед самим собой, как бы не оказалось, что я способен лишь на слова, а сам никогда добровольно не взялся бы ни за какое дело. Кроме того, еще скорее можно будет подумать,
d что я предал свою дружбу и близость с Дионом, который был тогда в немалой опасности. Если бы он пострадал или если бы, изгнанный Дионисием и другими своими врагами, он, как беглец, пришел ко мне и обратился с такими словами: «О, Платон! Я прихожу к тебе, изгнанник, не потому, что я нуждаюсь в гоплитах или во всадниках, чтоб отражать врагов, но потому, что нуждаюсь в речах и в способности убеждения; я знаю, что именно ты умеешь побуждать молодых людей ко всему доброму и справедливому, а также
e всякий раз умеешь внушить им взаимную дружбу и чувство товарищества. И вот, лишенный этого по твоей вине, я, покинув Сиракузы, теперь прихожу к тебе. Совершенное в отношении меня навлекает на тебя меньше позора, но разве не оказалось, что философия, которую ты всегда превозносишь и говоришь, будто остальные люди относятся к ней без почтения, — эта философия,
329 насколько только возможно, предана тобой наравне с моею судьбой? Ведь если бы случилось так, что я жил в Мегарах,[9] ты, конечно, пришел бы ко мне на помощь, если бы я стал тебя звать, в противном случае ты счел бы себя самым негодным из всех человеком; теперь же, благодаря тому что ты можешь сослаться на дальность пути, на трудность плавания, ты думаешь как-то избежать общего мнения, что ты поступил подло? Нет, тебе это никогда не удастся». Если бы он мне так сказал, какой приличный ответ на это мог бы я дать? Никакого. И вот на основании таких размышлений
b и справедливых, насколько это возможно для человека, доводов я пришел к указанному решению, оставив из-за этого мои философские беседы и исследования, которые так мне нравились, и попал в обстановку тирании, не подобающую ни моему учению, ни мне самому. Придя туда, я исполнил свой долг перед Зевсом-гостеприимцем, проявив безупречное отношение к обязанностям фи-

лософа, ибо я заслуживал бы всяческого упрека, если бы в силу изнеженности и трусости запятнал бы себя столь скверным позором.

Когда я прибыл туда (мне не стоит очень распространяться), я нашел все окружение Дионисия зараженным политическими раздорами и клеветой перед тираном по адресу Диона. Конечно, c
насколько я мог, я его защищал, но я был способен сделать очень немного, и приблизительно на четвертый месяц после моего прибытия Дионисий изгнал Диона под предлогом, что тот злоумышляет против него и стремится к тирании, — изгнал с бесчестьем, посадив на маленькое судно.[10] После этого все мы, друзья Диона, боялись, как бы Дионисий не обратил своего гнева на кого-то еще как на соучастника в Дионовом заговоре. А относительно меня уже распространилась молва в Сиракузах, что Дионисий дал приказ меня казнить как виновного во всем том, что тогда случилось. d
Заметив, что все мы находимся в таком настроении, боясь сам, как бы из-за нашего страха не произошло еще что-нибудь худшее, он стал всех нас милостиво принимать и особенно обращался ко мне, убеждал быть спокойным и всячески просил остаться: если бы я бежал от него, ему от этого не было бы ничего хорошего, зато было бы хорошо, если бы я остался; поэтому он усиленно делал вид, что просит меня об этом. А ведь мы знаем, что просьбы тиранов смешаны с принуждением. И вот он придумал, как помешать e
отплытию, уведя меня в акрополь и поселив там, откуда ни один кормчий не мог бы меня увезти против воли Дионисия; это можно было бы сделать лишь в том случае, если бы он сам поручил ему увезти меня, послав к нему человека с таким приказом. Любой купец, любой начальник пограничных дорог — каждый из них, кто увидал бы меня уходящим одного, без охраны, — схватил бы меня и тут же привел бы назад к Дионисию, тем более что уже опять распространился противоположный прежнему слух, будто бы Диони- 330
сий удивительно как любит и уважает Платона. А что было на самом деле? Нужно сказать правду. С течением времени он все более и более выражал мне свое расположение; чем больше при встречах со мной он узнавал мой образ мыслей и мой характер, тем сильнее он хотел, чтобы я хвалил его усерднее, чем Диона, и чтобы я лишь его отличал как друга, а не Диона, и в этом отношении он проявлял страшную ревность; а вступить на тот путь, каким это лучше всего могло бы осуществиться, если бы это вообще могло быть, а имен- b
но учиться и слушать мои беседы по философии, стать ко мне ближе и иметь со мной постоянное общение, он опасался, страшась злоречья клеветников, внушавших ему, что я могу как-нибудь связать его по рукам и ногам и таким образом Дион может достичь

своей цели. Я все это переносил, твердо, держась того намерения,
с которым я сюда прибыл, а именно, чтобы он почувствовал жела-
ние жить жизнью философа, но его противодействие победило.
Таким-то образом проходила пора первого моего пребывания
c в Сицилии. После этого я опять отбыл в Афины и вернулся назад
в Сицилию лишь по очень настойчивому вызову Дионисия. Поче-
му я это сделал и почему то, что я сделал, было правильным и соот-
ветствующим моему образу мыслей, я вам изложу потом, ибо
многие спрашивают меня, из-за чего я поехал вторично. А теперь,
чтобы второстепенные вещи в моем рассказе не показались глав-
ными, я прежде всего хочу посоветовать вам, чтó следует делать
ввиду сложившихся обстоятельств. Так вот что хочу я сказать:
d ведь если врач дает совет больному, ведущему вредный для здоро-
вья образ жизни, то прежде всего он должен посоветовать ему,
чтобы он переменил свой образ жизни, и, только если тот пожелает
подчиниться, врач будет и дальше давать ему свои наставления.
Если же больной не захочет его послушать, то врача, уклонивше-
гося от советов такому больному, я счел бы настоящим человеком
и сведущим лекарем, а того, кто продолжал бы настаивать на сво-
их советах, я счел бы, наоборот, человеком слабым и неискусным.
То же самое и относительно государства: будет ли во главе его
один человек или несколько, если государственный строй стоит на
e верной стезе и правители пожелали бы спросить совета о том, чтó
может им быть полезным, то было бы разумно дать его таким лю-
дям. Но есть и такие правители, которые полностью сошли с пра-
вильной стези государственного устройства и ни в коем случае не
желают на нее вернуться, причём советующему приказывают
331 оставить их строй неприкосновенным, а если кто будет его касать-
ся, тем грозят смертью, либо они велят ему давать советы, прино-
равливаясь к их прихотям и стремлению самым легким и скорым
путем сохранить на вечные времена свой строй. Так вот, если кто
при таких обстоятельствах продолжал бы давать советы, я счел бы
его человеком слабым; отказывающегося же все это выполнять
я почел бы за настоящего мужа. Такой вот я усвоил себе образ мыс-
лей. И когда кто-нибудь спрашивает у меня совета по жизненно
важным вопросам, например по поводу приобретения денег или
b заботы о теле или душе, если мне кажется, что он в своей повсед-
невной жизни руководится какими-то правилами или что он по-
слушается меня, я охотно даю совет относительно того, о чем он
меня спрашивает, и прекращаю свои беседы, только исполнив
свой долг. Если же он вообще не спрашивает моего совета или
ясно, что он ни за что меня не послушается, то к такому человеку

я не подойду без приглашения со своими советами, а к насилию не стану прибегать, будь даже он мой родной сын. Рабу я бы стал советовать, даже если бы он не захотел меня слушаться, и принудил бы его к этому силой; отца же и мать принуждать к чему-либо си- c
лой я считаю нечестивым,[11] разве только если их охватил недуг безумия. И если они ведут раз навсегда установленный образ жизни, который им нравится, мне же нет, я не должен вызывать их нерасположение, напрасно тревожа их наставлениями, ни, с другой стороны, льстиво прислуживаться к ним, ни, наконец, выполнять все их желания, которые мне самому в моей жизни были бы неприятны.

Так вот, разумный человек должен жить, именно таким образом относясь к своему государству: если ему кажется, что оно управляется нехорошо, он дает совет — в том случае, если ему не d
грозит опасность говорить впустую либо, выступая с речами, подвергнуть себя угрозе смерти; совершать же насилие над родиной в виде государственного переворота он не должен, если перемена к лучшему не может совершиться без изгнания и истребления людей; ему нужно, сохраняя спокойствие, молиться о благе для самого себя и для государства.

Вот в таком духе я бы и стал давать вам советы; так мы с Дионом советовали и Дионисию: прежде всего каждодневно жить таким образом, чтобы как можно больше иметь над собой власти e
и приобретать верных друзей и товарищей, с тем чтобы его не постигла судьба его отца. Тот, захватив много крупных городов в Сицилии, еще раньше совершенно разрушенных варварами, не был в состоянии, восстановив их, учредить в каждом из них надежное правление из дружественных ему людей — каких-либо иноземцев или своих братьев,[12] бывших моложе его, которых он сам вос- 332
питал, а ведь он их из частных лиц сделал властителями и из бедных — людьми богатейшими. Никого из них он не смог сделать соучастником своей власти — ни с помощью убеждения или наставления, ни с помощью благодеяния, ни обращаясь к чувству родства. Его положение оказалось во сто крат хуже положения Дария, который не оказал доверия ни своим братьям, ни тем, кто был воспитан им самим, но лишь тем, кто вместе с ним участвовал в устранении индийского евнуха; он разделил все свое государст- b
во на семь частей, каждая из которых больше всей Сицилии, и в лице своих сподвижников имел верных соправителей, не злоумышлявших ни против него, ни друг против друга; он показал пример, каким должен быть хороший законодатель и царь, ведь, установив законы, он и доныне сохранил неприкосновенной

власть персов.[13] Нужно также привести в пример еще и афинян. Они получили в свое распоряжение много греческих городов, подвергшихся набегам варваров, однако сохранивших свое население, и, хотя не они их основывали, тем не менее они сохраняли там власть в течение семидесяти лет, приобретя верных себе людей в каждом из этих городов. Дионисий же, собрав всю Сицилию в один город и будучи слишком хитрым, чтобы кому-нибудь доверять, с трудом удерживал свою власть: он был беден друзьями и верными людьми, а ведь ничего не может служить лучшим признаком достоинства или порочности человека, чем наличие или отсутствие у него верных людей.

c

Вот подобные советы давали мы Дионисию, я и Дион. Раз

d прежде всего отец передал ему такое наследство, то он, лишенный настоящего воспитания, лишенный подходящих друзей, должен был все усилия направить на то, чтобы приобрести себе других друзей, из числа близких и сверстников, единодушных с ним в стремлении к добродетели, главное же, он должен был прийти к согласию с самим собой, ибо этого он удивительно как не умел. Мы говорили об этом не так открыто — ведь это было небезопасно, — но обиняками, наводя его путем спора на мысль, что

e таким образом всякий человек сберегает и себя, и тех, над кем он стоит правителем, если же он ведет иной образ жизни, то все у него выходит наоборот. Идя тем путем, о котором мы говорим, став человеком разумным и рассудительным, он восстановит опустевшие сицилийские города, свяжет их законами и государственным строем так, чтобы они и ему стали близкими, и друг другу оказыва-

333 ли помощь против варваров; всем этим он не только удвоит полученное от отца государство, но поистине сделает его еще во много раз большим. Если это случится, то карфагеняне подчинятся ему гораздо сильнее, чем в былое их рабство при Гелоне.[14] Во всяком случае с ним не будет, как с его отцом, который, наоборот, должен был платить дань варварам.

Таковы были речи и увещания, обращенные нами к Дионисию, — нами, которые якобы против него злоумышляли. Так как отовсюду шли такие слухи, то они, одолев нас в глазах Дионисия,

b сделали то, что Дион был изгнан, я же устрашен. Чтобы завершить рассказ о многом случившемся тогда за короткий срок, я скажу, что из Пелопоннеса и из Афин прибыл Дион[15] и вразумил Дионисия уже на деле. И вот после того как он дважды освободил город и отдал власть над ним сиракузянам, они по отношению к Диону проявили ту же слабость, что Дионисий. Дион пытался воспитать и вырастить Дионисия как царя, достойного этой власти, и так вме-

сте с ним пройти всю жизнь, а Дионисий верил клеветникам, c
утверждавшим, что Дион злоумышляет против него и что все, что он делал в то время, он делал, мечтая о тирании и надеясь занять ум Дионисия учением, с тем чтобы тот небрежно стал относиться к власти и препоручил ее ему, Диону, который прибрал бы ее к рукам и хитростью лишил бы ее Дионисия. Тогда вторично в среде сиракузян одержали верх подобные речи, и для виновников этой победы она была бессмысленной и позорной. А как все это произошло, надо, чтобы послушали те, кто меня призывает для устройства нынешних дел. d

Я, афинский гражданин, товарищ Диона и его соратник, прибыл к тирану, чтобы вместо войны установить дружбу; в борьбе с клеветниками я был побежден. Но когда Дионисий стал соблазнять меня почестями и деньгами, чтобы я, став ему другом, послужил ему свидетелем благовидности изгнания Диона, то в этом он ошибся самым решительным образом.

Впоследствии, возвращаясь домой, Дион взял с собой из Афин e
двух братьев — своих друзей. Друзьями ему они стали не благодаря общим занятиям философией, но на почве обычного приятельства, такого, какое бывает у большинства друзей, возникая из взаимного гостеприимства и из совместных посвящений во всевозможные мистерии. Так вот и эти двое, отправившиеся вместе с ним в его обратный путь из изгнания, стали его друзьями как вследствие этих причин, так и благодаря услугам, оказанным ему на пути домой. Когда, прибыв в Сицилию, они заметили, что против Диона в среде освобожденных им сицилийцев распространи- 334
лась клевета, будто он замышляет стать тираном, они не только предали своего товарища и гостя, но, можно сказать, почти собственноручно стали его убийцами, ибо с оружием в руках как помощники стояли возле этих последних. Я не обхожу молчанием это позорное и нечестивое деяние, но и не скажу больше ни слова: многие другие постарались его всячески расписать и будут еще b
стараться в будущем. В виде исключения я скажу лишь следующее: утверждают, будто эти люди, поскольку они афиняне, навлекли позор на наше государство; я же говорю, что был афинянином и тот, кто не предал того же самого Диона, хотя он мог получить за это и деньги, и много почестей. Он стал другом Диона не из пошлого приятельства, но вследствие общего обоим благородного воспитания. Всякий разумный человек гораздо больше может положиться на это, чем на родство душ и тел. Так что оба убийцы c
Диона[16] недостойны того, чтобы наложить позор на наше государство: они никогда не были в нем выдающимися людьми.

Все это сказано для назидания друзьям Диона и его родствен-
никам. А сверх этого я в третий раз даю все тот же совет и в третий
раз обращаюсь к вам троим. Учение мое состоит в том, что Сици-
лия, равно как и любое другое государство, не должна находиться
под властью деспотов, но должна управляться законами. Власть
деспота одинаково нехороша как для поработителей, так и для по-
d рабощенных, — для них самих, их детей, внуков и правнуков.
Такая попытка вообще гибельна; это свойство душ мелких и не-
свободных — жадно стремиться к подобного рода выгодам, свой-
ство людей вовсе не ведающих того, чтó такое божественное и че-
ловеческое благо и справедливость в настоящем и будущем.
В этом пытался я сначала убедить Диона, потом Дионисия, а те-
перь, в третью очередь, вас. Слушайтесь же меня ради самого Зев-
са, третьего бога-хранителя,[17] а кроме того, приняв во внимание
e Дионисия и Диона, из которых один, не слушавший меня, хоть
и живет еще, но живет дурно,[18] другой же, слушавшийся, умер
славной смертью, ведь пострадать, стремясь к прекрасному для
себя и для государства, как бы пострадать ни пришлось, — в лю-
бом случае прекрасно и достойно чести человека. Никто из нас
еще не родился бессмертным, и, если бы это с кем-нибудь случи-
лось, он не был бы счастлив, как это кажется многим: добро и зло
335 не имеют цены для бездушных тел, но они важны для каж-
дой души, как сопряженной с телом, так и отделившейся от него.
Воистину надлежит следовать древнему и священному учению,
согласно которому душа наша бессмертна и, кроме того, после
освобождения своего от тела подлежит суду и величайшей каре
и воздаянию. Поэтому надо считать, что гораздо меньшее зло —
претерпевать великие обиды и несправедливости, чем их причи-
b нять. Человек жадный и нищий духом не желает об этом слышать,
а если и слышит, то полагает, что над этим можно смеяться; он
повсюду, словно животное, бесстыдно грабит все, что только захо-
чет; он думает лишь о том, чтобы пить и есть и тешиться до пресы-
щения низменными и мерзкими наслаждениями, которые мы
неверно называем именем Афродиты, оставаясь слепым и не видя,
что его захватничество тесно сопряжено с нечестием и что великое
зло всегда сопутствует каждой несправедливости; совершивший
ее неизбежно тащит зло за собой, живя на земле, а возвратившись
под землю, обречен на позорное и во всех отношениях несчастное
c скитание.

Такими и другими подобными речами я сумел убедить Диона.
На убийц же его и до некоторой степени также на Дионисия
я имею самое законное право гневаться: как те, так и другой и мне

и всем прочим, если можно так сказать, людям причинили величайшее зло; они — тем, что погубили человека, желавшего жить по справедливости, а Дионисий — тем, что за все свое правление никак не пожелал воспользоваться справедливостью, хоть и обла- d
дал великой силой. А между тем, если бы философия действительно могла сочетаться, как положено, с этой силой, они могли бы просиять среди всех людей, эллинов и варваров, и явить всем истинное мнение, что никакое государство и ни один человек никогда не может быть счастливым, если он не руководствуется в жизни разумом и справедливостью, сам ли найдя в себе эти качества или будучи вскормлен и воспитан в справедливых нравах благочестивыми руководителями.

Вот тот вред, который причинил Дионисий; всякий другой e
ущерб сравнительно с этим, на мой взгляд, ничтожен. А убивший Диона не знает, что нанес не меньший ущерб. Ведь я хорошо знаю, — насколько только человек может утверждать это относительно других людей, — что, если бы Дион получил в свои руки власть, он никогда не обратился бы ни к какой другой форме прав- 336
ления, как только к той, которая помогла бы ему прежде всего в Сиракузах, на собственной своей родине, после славного освобождения ее от рабства установить свободный вид правления, а затем всеми способами снабдить граждан прекрасными и подобающими законами. Вслед за этим у него было намерение сделать так, чтобы вся Сицилия была заселена и освобождена от варваров: одних из варваров он собирался изгнать, других подчинить, причем с меньшими усилиями, чем Гиерон.[19] Если бы это было сделано человеком справедливым, мужественным, разумным, фило- b
софом, то у большинства составилось бы то же самое мнение относительно добродетели, которое создалось бы, можно сказать, у всех людей, если бы нас послушался Дионисий. Ныне же либо некий злой гений, либо какая-то пагуба, поразив нас беззаконней и нечестием, а самое главное, дерзким невежеством, из которого возникает и плодится для всех всевозможное зло, в дальнейшем рождающее для тех, кто его создал, горький-прегорький плод,— эта пагуба снова все низвергла и погубила.

Теперь я делаю третью попытку: да избегнем мы нечестия во c
имя доброго знамения! Вместе с тем я советую вам, друзья Диона, подражать его любви к родине, его рассудительности и умеренности и при более счастливых предзнаменованиях попытаться выполнить его замыслы, а каковы они были, вы ясно от меня слыхали и знаете. Всякого из вас, кто не может жить на дорический лад, как жили ваши отцы, но гонится за жизнью убийц Диона, стре- d

мясь к сицилийской роскоши, такого не зовите с собой и не думайте, что он может сделать для вас что-либо надежное или полезное; всех же других зовите к заселению всей Сицилии и к равноправию, зовите из самой Сицилии и из всего Пелопоннеса. Не бойтесь также Афин: есть и там лица, выдающиеся среди других людей добродетелью и ненавидящие дерзость убийц своих друзей. Если, однако, по вашему мнению, все это можно сделать позднее, в на-
e стоящий же момент вас волнуют каждодневно возникающие многочисленные и разнообразные разногласия и раздоры, то всякому надо знать, если только он получил в удел от богов хоть каплю правильного понимания, что при междоусобиях конец бедствиям может быть положен не прежде, чем одержавшие верх перестанут
337 стремиться к изгнанию людей, к их избиению, к мести своим врагам в память о прежнем зле, но научатся себя сдерживать и установят общие законы, изданные не только в их интересах, но и в интересах побежденных. Они заставят их выполнять эти законы под воздействием двух принудительных мер: уважения и страха; страха — потому, что они показали свое военное превосходство, а уважения — потому, что они показали себя более воздержанными в удовольствиях, а также потому, что сильнее хотят и лучше могут подчиняться законам. Другого пути для прекращения зла в госу-
b дарстве, страдающем от внутренних мятежей, нет; раздоры, вражда, ненависть и недоверие всегда угнездятся в государствах, где граждане так друг к другу относятся. И необходимо, чтобы победившие всегда, если только они хотят себя сохранить, сами в своей среде выбрали тех, кого они знают как лучших из эллинов, прежде всего старцев, а затем тех, кто имеет на родине детей и жен, а также предков, славных и именитых во многих поколениях да, кроме
c того, обладающих достаточным состоянием. Таких людей для города в десять тысяч граждан достаточно пятидесяти.[20] Их всевозможными просьбами и обещаниями всякого почета надо вызвать с их родины, а когда они придут и принесут клятву верности, просить и настойчиво требовать, чтобы они составили законы, не дающие преимущества ни победителям, ни побежденным, но равные и общие для всего государства. После того как эти законы будут изданы, дальнейшее будет заключаться в следующем: если победители покажут, что они больше подчиняются законам, чем побеж-
d денные, все преисполнится благополучия и радости и избавления от бедствий; в противном же случае нечего звать ни меня, ни кого-либо другого для участия [в государстве], которое не желает слушаться установленных ныне правил. Все это близко к тому, что совместно пытались из любви к сиракузянам устроить я и Дион.

Это был второй случай. Первый же был тот, когда впервые была
сделана попытка вместе с самим Дионисием создать всеобщее
благополучие, но некий злой рок, более сильный, чем люди, все e
это разметал. Теперь попытайтесь вы с большим успехом все это
выполнить — в добрый час и под покровительством божественной
судьбы.

Да будет это концом моего письменного совета, а также рас-
сказа о первом моем прибытии к Дионисию. Что касается второго
моего плавания и прибытия в Сицилию, то о том, что оно имело до-
статочно оснований и было проделано как подобает, тот, кому
этого хочется, может теперь услышать. Первое время моего пре-
бывания в Сицилии закончилось, как я сказал, раньше, чем я начал 338
давать советы родственникам и друзьям Диона. Я постарался, на-
сколько я мог, убедить Дионисия отпустить меня, и мы сошлись на
том, что это будет, когда наступит мир (тогда шла война в Сици-
лии). Дионисий со своей стороны сказал, что он потом снова по-
шлет за Дионом и за мной, когда добьется большей безопасности
для своего правления, а Диона просил думать, что тогда это было
для него не изгнанием, а просто переселением; на этих условиях b
я согласился потом прибыть. Когда наступил мир, он послал за
мной, Диона же просил подождать еще год; меня же он настойчиво
просил приехать во что бы то ни стало. Дион требовал, чтобы
я плыл, и умолял об этом, так как из Сицилии снова поползли
слухи, будто Дионисий опять охвачен сильнейшей страстью к фи-
лософии; из-за этого-то Дион настойчиво просил нас не отказы-
ваться от приглашения. Я-то знал, что в отношении философии c
у молодых людей часто бывают такие порывы, однако мне тогда
показалось более безопасным самым решительным образом отка-
зать и Диону, и Дионисию. Я вызвал неудовольствие у них обоих,
ответив, что я старик и что ничего из того, о чем мы договорились,
пока что не сделано. По-видимому, после этого к Дионисию при-
был Архит[21] (когда я уезжал, прежде чем отплыть, я познакомил их
и установил дружеские отношения между Архитом и тарентинца-
ми, с одной стороны, и Дионисием — с другой); были в Сиракузах d
и другие слыхавшие о Дионе, и среди них такие, что были напич-
каны случайно услышанными философскими положениями. Мне
показалось, что они пытаются вести с Дионисием рассуждения на
эти темы, считая, что Дионисий прослушал все, что было мной
продумано. Дионисий же вообще не был бездарен в смысле позна-
ния, а к тому же был удивительно честолюбив: ему, конечно, нра-
вилось то, что они говорили, и было бы очень стыдно, если бы ока- e
залось, что он ничего не усвоил из моего учения за то время, что я у

него гостил. Поэтому его охватило желание выслушать все это основательно, а вместе с тем его побуждало и честолюбие. А почему он не слушал всего этого во время первого моего у него пребывания, я изложил только что выше.

Поскольку я счастливо спасся на родину, то, когда он снова стал меня приглашать, я, как я только что сказал, отказался. Мне кажется, что тут у Дионисия особенно заговорило самолюбие —
339 как бы не показалось иным, что я отношусь с презрением к его дарованиям и способностям, а также к его образу жизни, поскольку я все это испытал на себе, и потому, возмущенный, не желаю к нему приехать. И действительно, мне нужно сказать правду и проявить выдержку, даже если кто-нибудь, услыхав, что́ тут произошло, отнесется с презрением к моей философии и решит, что тиран не глуп. И вот Дионисий в третий раз за мной посылает, прислав, чтобы облегчить мне поездку, триеру, а также и Архедема[22] — одного
b из сотоварищей Архита, которого, как он считал, я ставил в Сицилии выше других. Прислал он за мной и других моих сицилийских знакомых. Все они в один голос сообщали мне, что Дионисий целиком отдался философии. Кроме того, он прислал очень длинное письмо, зная, как я расположен к Диону, и зная желание Диона, чтобы я плыл и прибыл в Сиракузы. Ведь на этом и было построено все его письмо, начинавшееся так: «Дионисий Платону
c шлет привет»; потом шли обычные любезности, а затем на первом месте стояло следующее: «Если, послушавшись сейчас меня, ты прибудешь в Сицилию, то прежде всего для тебя все дела Диона будут устроены так, как сам ты того пожелаешь. Твои пожелания, я знаю, будут умеренны, и я на все это соглашусь. В противном случае относительно Дионовых дел ничего не будет сделано так, как ты хочешь, — ни что касается всего остального, ни что касается
d лично его». Вот как он писал; передавать же все остальное было бы и долго, да и некстати. Пришли и другие письма — от Архита и тарентинцев, — восхвалявшие любовь Дионисия к философии; в них сообщалось, что если я теперь не прибуду, то их дружеские отношения с Дионисием, устроенные мной и имеющие большое значение для их государства, окажутся под большим сомнением. Так обстояло дело с тогдашним приглашением: друзья из Сицилии и Италии тащили меня к себе, друзья в Афинах вместе с просьбами
e попросту как бы выталкивали меня вон, и снова, как и раньше, у меня возникло то же соображение, а именно, что нельзя предать Диона и тарентинских друзей и знакомых; кроме того, мне показалось, что ничего удивительного нет в том, что одаренный молодой человек, ранее пропускавший мимо ушей беседы по важным во-

просам, возымел вдруг стремление к совершенной жизни. Нужно,
считал я, все это хорошенько взвесить, чтобы понять, каково на-
стоящее положение дел, и ни в коем случае не навлечь на себя
справедливый упрек в предательстве и великий стыд, если меня
укорят в том, что я действительно послужил причиной чьих-то зад 340
больших неприятностей. Спрятавшись за подобными рассужде-
ниями, я отправлюсь в путь с немалыми опасениями и, естествен-
но, пророча себе все самое худшее. И вот когда я прибыл, то прямо
по пословице: «Третье возлияние — богу-спасителю» — при-
шлось мне счастливо спастись и на этот раз. И за это после бога
надо воздать благодарность Дионисию, так как, хотя многие хоте-
ли меня погубить, он этому помешал и почувствовал какую-то
долю стыда по поводу моего положения.

Итак, когда я туда прибыл, я решил, что прежде всего мне надо b
убедиться в том, действительно ли Дионисий, как пламенем, охва-
чен жаждой философии, или же напрасно все эти бесчисленные
толки распространились в Афинах. Есть один способ произвести
такого рода испытание, он не оскорбителен и поистине подходящ
для тиранов, особенно для таких, которые набиты ходячими фило-
софскими истинами, а я тотчас же по прибытии заметил, что это
в высшей степени относится к Дионисию. Так вот таким людям
надо показать, чтó из себя представляет философия в целом, какие
сложности она с собой несет и какой требует затраты труда. И та- c
кой человек, если он подлинно философ, достойный этого имени и
одаренный от бога, услыхав это, считает, что слышит об удивите-
льной открывающейся перед ним дороге и что теперь ему нужно
напрячь все силы, а если он не будет так делать, то не к чему
и жить. После этого, сам собравшись с силами, он побуждает
и того, кто его ведет, и не отпускает до тех пор, пока либо во всем
не дойдет до конца, либо не получит способность один, без вожа-
того нащупать правильный путь. Таким образом и с такими мысля- d
ми живет такой человек. Какими бы делами он ни занимался, он
продолжает их делать, но вместе с тем твердо держится филосо-
фии. Его каждодневный образ жизни таков, что делает его в вы-
сшей степени восприимчивым, памятливым и способным мыслить
и рассуждать: он ведет умеренную, трезвую жизнь, жизнь же про-
тивоположную этой он навсегда возненавидит. Те же, кого не на-
зовешь подлинными философами, имеют лишь налет кажущегося
знания, как люди, кожа которых покрыта загаром. Увидав, сколь
велико должно быть познание, как огромен труд, каким размерен- e
ным должен быть образ жизни и каким высоконравственным, они,
решив, что это трудно и для них невозможно, оказываются неспо-

341 собными ревностно заниматься философией, некоторые же убеж-
дают самих себя, что они уже довольно наслушались и впредь им
вообще нет никакой нужды в философских занятиях. Это испыта-
ние само по себе совершенно ясное и безопасное по отношению
к тем, кто ведет праздный образ жизни и не имеет сил упорно тру-
диться. Оно никогда не вызовет нареканий на того, кто его приме-
нил, а лишь на самого себя, который не сумел выполнить все тре-
буемое и полезное для занятия философией.

Таким образом, все мной сказанное было применено к Диони-
b сию. Но ни я не излагал ему всего, ни он не просил меня об этом: он
делал вид, что многое и самое главное он уже знает и в достаточ-
ной мере усвоил благодаря тому, что он слышал кое-что от других.
Позднее до меня дошло, что он записал то, что тогда слышал, вы-
давая это за свое учение и ни словом не упоминая о тех, от кого он
это узнал. Однако твердо я этого не знаю. Зато я знаю других, кото-
рые писали по тем же вопросам, однако никто из них не выдавал
это за собственные творения.[23]

Вот что вообще я хочу сказать обо всех, кто уже написал или
c собирается писать и кто заявляет, что они знают, над чем я рабо-
таю, так как либо были моими слушателями, либо услыхали об
этом от других, либо, наконец, дошли до этого сами: по моему
убеждению, они в этом деле совсем ничего не смыслят. У меня са-
мого по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет. Это
не может быть выражено в словах, как остальные науки; только
если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою
d жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возни-
кает в душе это сознание и само себя там питает. И вот что еще
я знаю: написанное и сказанное мною было бы сказано наилучшим
образом, но я знаю также, что написанное плохо причинило бы
мне сильнейшее огорчение. Если бы мне показалось, что следует
написать или сказать это в понятной для многих форме, что́ более
прекрасного могло быть сделано в моей жизни, чем принести
e столь великую пользу людям, раскрыв всем в письменном виде
сущность вещей? Но я думаю, что подобная попытка не явилась
бы благом для людей, исключая очень немногих, которые и сами
при малейшем указании способны все это найти; что же касается
остальных, то одних это совсем неуместно преисполнило бы не-
справедливым презрением [к философии], а других — высокой, но
342 пустой надеждой, что они научились чему-то важному. Мне при-
шло сейчас в голову изложить это более подробно. Может быть,
то, о чем я теперь говорю, стало бы еще яснее. Ведь есть некое не-
опровержимое основание, препятствующее тому, кто решается на-

писать что бы то ни было; об этом я не раз говорил и прежде, но, по-видимому, надо об этом сказать и сейчас.

Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень — это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое — b
это имя, второе — определение, третье — изображение, четвертое — знание. Если ты хочешь понять, что я говорю, возьми какой-то один пример и примени его ко всему. Например, «круг» — это нечто произносимое, и имя его — то самое, которое мы произнесли. Во-вторых, его определение составлено из существительных и глаголов. Предложение: «То, крайние точки чего повсюду одинаково отстоят от центра» — было бы определением того, что носит имя «круглого», «закругленного» и «окружности». На тре- c
тьем месте стоит то, что нарисовано и затем стерто или выточено и затем уничтожено. Что касается самого круга, из-за которого все это творится, то он от всего этого никак не зависит, представляя собой совсем другое. Четвертая ступень — это познание, понимание и правильное мнение об этом другом. Все это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах; благодаря этому ясно, что оно — совершенно иное, чем природа как круга самого по себе, так и тех трех ступе- d
ней, о которых была речь выше. Из них понимание наиболее родственно, близко и подобно пятой ступени, все же остальное находится от нее много дальше. То же самое можно сказать о прямых или округлых фигурах, о цветах, о благом, прекрасном и справедливом, о всяком теле, изготовленном или естественно существующем, об огне, воде и обо всех подобных вещах, о всяком живом существе и о характере душ, о всех поступках и чувствах: если кто не e
будет иметь какого-то представления об этих четырех ступенях, он никогда не станет причастным совершенному познанию пятой. Сверх этого все это направлено на то, чтобы о каждом предмете в равной степени выяснить, каков он и какова его сущность, ибо 343
словесное наше выражение здесь недостаточно. Поэтому-то всякий имеющий разум никогда не осмелится выразить словами то, что явилось плодом его размышления, и особенно в такой негибкой форме, как письменные знаки. То, что я сейчас сказал, нужно постараться понять на том же примере. Любой круг, нарисованный или выточенный человеческими руками, полон противоречия с пятой ступенью, так как он в любой своей точке причастен прямизне. Круг же сам по себе, как мы утверждаем, ни в какой степени не содержит в себе противоположной природы. Мы утверждаем,

что ни в одном из названий всех этих [сделанных человеческими
b руками] кругов нет ничего устойчивого и не существует препятст-
вия для того, чтобы называемое сейчас кругом мы называли потом
прямым и, наоборот, чтобы прямое было названо круглым; в то же
время вещи, называемые то одним, то другим, противоположным,
именем, стойко остаются теми же самыми.

И с определением все та же история, если оно слагается из
имен существительных и глаголов, и в то же время ничто твердо
установленное не бывает здесь достаточно твердым. Можно бес-
конечно долго говорить о каждой из четырех ступеней и о том, как
они неопределенны. Самое же главное, как мы сказали несколько
выше, — это то, что при наличии двух вещей — сущности и каче-
c ства — душа стремится познать не качество, а сущность, но при
этом каждая из четырех ступеней, к которым душа совсем не стре-
мится, предлагает ей словом и делом то, что легко воспринимается
всякий раз ощущениями с помощью определения или указания
и наполняет, если можно так сказать, любого человека недоуме-
нием и сомнением.[24] Так вот когда мы, вследствие плохого воспи-
тания, даже не стремимся отыскать истины, но довольствуемся
предложенным нам изображением, тогда мы не окажемся смеш-
d ными в глазах друг друга, если нас станут спрашивать те, кто, зада-
вая вопрос, может опровергнуть и разнести в пух и прах первые че-
тыре ступени [познания]. Но если мы принуждены давать ответы
относительно пятой ступени и ее разъяснять, то всякий желающий
из числа тех, кто в состоянии нас опровергнуть, одерживает над
нами победу и того, кто выступает истолкователем — устно ли,
письменно ли, с помощью ли ответов, — выставляет в глазах боль-
шинства невеждой в том, о чем он пытается писать или говорить,
причем слушатели эти иной раз и не знают, что подвергается раз-
носу не душа написавшего или сказавшего, но природа каждой из
e указанных четырех ступеней, сама по себе недостаточная. Глубо-
кое проникновение в каждую из этих ступеней, подъем или спуск
от одной из них к другой с трудом порождают совершенное
знание — и то лишь у того, кто одарен по природе. Но если кто от
природы туп, а таково состояние души большинства людей в отно-
344 шении учения и так называемого воспитания нравов, или же спо-
собности его угасли, то сам Линкей[25] не мог бы сделать таких
людей зрячими. Одним словом, человека, не сроднившегося с фи-
лософией, ни хорошие способности, ни память с ней сроднить не
смогут, ибо в чуждых для себя душах она не пускает корней. Так
что те, кто по своей природе не сросся и не сроднился со всем спра-
ведливым и с тем, что именуют прекрасным, — пусть они даже то

в одном, то в другом и проявят способности или память, — как и те, кто сроднился с философией, но не обладает способностями и лишен памяти, никогда не научатся, насколько это вообще возможно, истинному пониманию того, что такое добродетель и что b
такое порок. Всему этому надо учиться сразу, а также тому, что́ есть ложь и что́ — истина всего бытия, причем учиться с большим напряжением и долгое время, как я сказал об этом в самом начале. Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки — имени определением, видимых образов — ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека. Поэтому ни один серьезный человек ни- c
когда не станет писать относительно серьезных вещей и не выпустит это в свет на зависть невеждам. Одним словом, из сказанного до́лжно понять, что, когда кто-нибудь увидит что-то написанное — будь то законы законодателя или другие какие-то письмена, — если он сам серьезный человек, он не сочтет все это чем-то столь уж для себя важным, но поймет, что самое для него важное лежит где-то в более прекрасной области, чем эта. Однако если бы он письменно изложил то, что столь глубоко им было продумано, «тут у него», конечно, не боги, но сами люди «похитили бы d
разум».[26]

Тот, кто внимательно следил за этим отступлением, хорошо поймет, что если бы Дионисий или кто-то другой, стоящий выше или ниже, что-либо написал о первопричинах природы,[27] то, по моему убеждению, он не написал бы ничего из того, что он слышал или чему научился, вполне здравого: так же, как для меня, для него это было бы священным и он не решился бы выпустить это в такую несоответствующую и неподходящую среду. Не стал бы он записывать это ради памяти — ведь нечего бояться, как бы он этого не забыл, раз уж он воспринял это в свою душу, ведь это выражается e
очень кратко. Но сделал бы он это из позорного честолюбия — либо для того, чтобы выдать это за свое произведение, либо чтобы показать, будто он причастен науке, которой на самом деле он был недостоин, так как возлюбил только славу, приходящую благодаря этой причастности. Если бы у Дионисия это получилось от обще- 345
ния со мной, это еще было бы понятно, но как это произошло на самом деле, пусть ведает Зевс, сказал бы фиванец.[28] Беседовал я с ним так, как я говорил, и лишь один раз, позднее же — никогда.

Теперь тому, кому интересно, узнав относительно этого, исследовать, каким образом все это произошло, надо узнать, по ка-

кой причине я не стал распространяться при Дионисии ни во второй раз, ни в третий, ни еще чаще. Может быть, Дионисий думает,
b что, услыхав это один раз, он хорошо все постиг или что он вообще знает достаточно, сам дойдя до этого либо научившись ранее от других,[29] или, далее, что сказанное мной ничего не стоит, или, наконец, что это не для него, что это выше его понимания и по сути он не в состоянии посвятить свою жизнь разуму и заботе о добродетели. Если он считает мое учение ничего не стоящим, то ему придется сражаться со многими свидетелями, утверждающими противное, которые в таких вопросах могли бы быть гораздо более сведущими судьями, чем Дионисий. Если же то, до чего он дошел
c сам или чему научился, достойно воспитания человека свободной души, как мог он, не будучи человеком до крайности странным, так легкомысленно оскорбить своего руководителя, того, кто владеет всем этим знанием? А как он меня оскорбил, я могу теперь рассказать.

Немного времени спустя после моей с ним беседы, в то время как прежде он позволял Диону распоряжаться своим имуществом и пользоваться процентами с него, он вдруг не разрешил своим управляющим посылать эти деньги в Пелопоннес, словно совершенно забыв о своем письме. Он говорил, что все это принадлежит
d не Диону, а его сыну,[30] то есть племяннику Дионисия, а он, Дионисий, является по закону его опекуном. Вот как обстояло дело в то время и до чего это все дошло. Подобные события уже и раньше ясно мне показали, какова любовь Дионисия к философии, и, хочешь не хочешь, мне оставалось только негодовать. Тогда уже было лето и время плавания кораблей; и я подумал, что мне не больше нужно сердиться на Дионисия, чем на самого себя и на тех,
e кто в третий раз заставил меня пройти через пролив Скиллы,

Вновь чтоб измерить мне пропасть ужасной Харибды.[31]

Я стал говорить Дионисию, что мне невозможно оставаться после того, как с Дионом обошлись столь унизительно. Он же старался меня успокоить и просил оставаться, считая, что ему будет не очень хорошо, если я уеду с такой поспешностью, как вестник подобного рода событий. Но так как он не мог меня убедить, то он
346 сказал, что сам позаботится устроить мне отъезд. Я имел в виду отплыть, сев на первые отходящие суда; при этом я был исполнен раздражения и полагал, что готов пойти на все, если мне станут мешать в этом моем намерении, так как было совершенно ясно, что я ничем никого не обидел, но был обижен сам. Дионисий же, видя,

что ничто на меня не действует и я не собираюсь оставаться, устроил вот какую хитрость, задумав помешать моему отплытию. День спустя после этого разговора, придя ко мне, он делает мне с виду
убедительное предложение: «Пусть Дион и все дионовские дела b
перестанут быть так часто яблоком раздора между мной и тобой. Ради тебя я вот что сделаю для Диона: я требую, чтобы он жил в Пелопоннесе, взяв свое имущество, и не как изгнанник, но как человек, которому можно будет вернуться сюда, когда после совместного обсуждения он, я и вы, его друзья, все найдем это возможным. Но возможным будет это лишь в том случае, если он не злоумышляет против меня, а поручителями в этом будете ты и твои близкие, а также живущие здесь друзья Диона; он же в свою
очередь пусть даст вам твердое обещание. Деньги, которые он во- c
зьмет, пусть находятся в Пелопоннесе и в Афинах в руках тех людей, которым он найдет нужным их поручить; проценты пусть получает Дион, но основным имуществом он не вправе распоряжаться без вашего согласия. Я не очень полагаюсь, что он справедливо воспользуется этими деньгами по отношению ко мне — ведь сумма получается немалая, — в тебе же и в твоих близких я больше уверен. Смотри же, нравятся ли тебе мои предложения, и если
да, то останься на этих условиях еще год, а весной уезжай, взяв d
с собой эти деньги. Я знаю, что Дион будет тебе очень благодарен, если ты сделаешь это в его интересах».

Услыхав такие его слова, я вознегодовал, но, подумав, сказал ему, что дам на следующий день ответ о своем решении; на этом мы тогда и согласились. После же, находясь в большом смущении,
я наедине с собой так размышлял. Первой моей мыслью было сле- e
дующее: «Что будет, если Дионисий не собирается сделать ничего из того, о чем он говорит, но если я уеду, а он в убедительной форме напишет Диону — и сам лично, и поручив это многим из своего окружения — и расскажет ему то, что он теперь мне сказал, а именно, будто у него были самые лучшие намерения, а я не пожелал сделать то, к чему он меня побуждал и совершенно пренебрег его, Диона, интересами? А что, если, сверх того, он не пожелает меня
отпустить и сам не даст такого приказания никому из судовладель- 347
цев, но, наоборот, легко даст понять всем, что ему нежелательно, чтобы я отплыл, разве кто-нибудь пожелает отвезти меня отсюда — прямо из дворца Дионисия?» Ведь в довершение ко всем бедам я жил в садах, окружавших дворец, откуда ни один привратник не пожелал бы меня выпустить, если бы Дионисий не прислал ему об этом приказа. «Если же я останусь на год, — думал я, — то буду иметь возможность сообщить Диону, в каком я снова нахо-

жусь положении и как поживаю. И если Дионисий исполнит хоть
b что-нибудь из того, что он обещает, то мои труды окажутся не со-
всем напрасными, ведь состояние Диона, если точно его оценить,
составит талантов[32] сто. Если же произойдет все то, что сейчас мне
мерещится, как этого и естественно ожидать, то я и вовсе не знаю,
что мне тут делать, однако все же необходимо мне как-никак пере-
страдать еще год и на деле попытаться уличить Дионисия в его ко-
варных уловках». Так я решил про себя и на следующий день ска-
c зал Дионисию: «Я решил остаться, но прошу тебя не считать меня
полноправным распорядителем Дионовых дел. Поэтому я прошу
тебя вместе со мной написать ему письмо, сообщающее то, что
нами теперь решено, и спросить, удовлетворяет ли его это, и, если
нет и он хочет и требует чего-то другого, пусть он напишет об этом
возможно скорее, а ты до тех пор не производи никаких изменений
в его положении».

Вот каков был наш разговор, и мы согласились между собой
примерно так, как я сейчас сказал. После этого корабли отплыли,
d и мне уже не на чем было плыть. Тут Дионисий, словно вспомнив
о чем-то, говорит, что половина состояния должна принадлежать
Диону, а другая половина — его сыну; он продаст имущество Дио-
на и половину вырученных денег даст мне отвезти, а половину
оставит сыну Диона; так, мол, будет вполне справедливо. Я был
поражен его словами и считал, что смешно было бы еще возра-
жать, но все же сказал, что нужно подождать письма от Диона и
тогда написать ему об этих новых предложениях. Но тотчас же
e после этого разговора он стал лихорадочно распродавать все иму-
щество Диона, где, как и кому хотел, мне же об этом теперь вооб-
ще не говорил ни слова; конечно, и я в равной мере не беседовал
с ним больше о делах Диона, так как был убежден, что из этого ни-
чего не выйдет.

Вот в какой степени было мной тогда оказано содействие фи-
348 лософии и моим друзьям. После этого так мы жили, я и Дионисий:
я — глядя по сторонам, подобно птице, жаждущей улететь, а он —
придумывая хитрости, чтобы меня запугать и не дать ничего из
имущества Диона. Однако всей Сицилии мы говорили, что мы
друзья. Но вот Дионисий вопреки обычаю отца попытался поса-
дить на более низкое жалованье старейших наемников. Разгневан-
b ные воины собрались вместе и заявили, что они этого не допустят.
Он пытался силой заставить их подчиниться, закрыв ворота акро-
поля, но они тотчас же осадили стены, затянув какой-то варвар-
ский воинственный гимн. Дионисий до смерти этого испугался,
пошел на все уступки и дал собравшимся пелтастам еще больше,

чем они требовали. Тогда быстро распространился слух, что во всем виноват Гераклид.[33] Услыхав об этом, Гераклид незаметно c
исчез; Дионисий пытался его схватить, но, не зная, как это устроить, вызвал Феодота[34] в дворцовый сад; случайно и я там гулял. Что они говорили между собой, я не слышал и не знаю; то же, что Феодот сказал Дионисию в моем присутствии, я знаю и до сих пор помню. «Платон, — сказал он, — я вот убеждаю Дионисия в том, что, если я смогу привести сюда Гераклида для переговоров относительно возводимых на него сейчас обвинений и тут будет решено, что ему не следует жить в Сицилии, пусть он, согласно моему предложению, взяв жену и сына, отплывет в Пелопоннес и живет d
там, не замышляя ничего плохого против Дионисия и пользуясь своим состоянием. Я и раньше посылал за ним, пошлю и теперь, и, может быть, он послушается либо первого моего приглашения, либо теперешнего. Перед Дионисием же я настаиваю и прошу, если кто-нибудь встретит Гераклида в деревне или здесь, в городе, чтобы с ним не случилось ничего плохого, лишь бы он покинул e
страну, пока Дионисий не изменил своего решения». И, обращаясь к Дионисию, он сказал: «Ты соглашаешься на это?» «Я соглашаюсь на то,— сказал Дионисий,— что, если он будет находиться в твоем доме, он не потерпит ничего плохого и данное сейчас обещание не будет нарушено».

Вечером на другой день ко мне спешно пришли Еврибий и Феодот, очень возбужденные, и Феодот говорит: «Платон! Вчера ты был свидетелем того, на что согласился Дионисий относительно Гераклида в моем и твоем присутствии?» «Ну, конечно, да», — сказал я. «А вот теперь, — продолжал он, — повсюду бегают пелтасты, ища Гераклида, чтобы его схватить, а он, видно, находится где-то здесь поблизости. Пойдем же как можно скорее вместе 349
с нами к Дионисию». И вот мы отправились и вошли к нему; и оба они стояли молча, проливая слезы, а я сказал: «Вот они боятся, как бы ты не поступил как-то иначе с Гераклидом, нарушив свое вчерашнее обещание; мне кажется, что он где-то здесь и его видели». Услыхав это, он вспылил, и лицо его то бледнело, то краснело, как это бывает при сильном гневе. Феодот же, припав к его ногам и взяв его за руку, заплакал и стал умолять не делать ничего плохо- b
го. В свою очередь я поддержал его слова и, одобряя, сказал: «Будь спокоен, Феодот; Дионисий не решится сделать что-либо вопреки вчерашнему соглашению». Тут Дионисий, взглянув на меня, как истинный тиран, молвил: «Тебе-то я и вовсе не обещал ничего». «Клянусь богами, — сказал я на это, — ты обещал то, о чем просит тебя Феодот, — что ты ничего не сделаешь Гераклиду». Произнеся

c это, я повернулся и вышел. После этого Дионисий устроил облаву на Гераклида, а Феодот, отправив к Гераклиду гонцов, дал ему совет бежать. Тогда Дионисий, послав Тисия[35] и пелтастов, велел его преследовать, но Гераклид, говорят, опередил его на небольшую часть дня, успев бежать в пределы карфагенских владений.

Теперь старое намерение Дионисия не отдавать денег Диона, казалось, получило веское основание: это была питаемая ко мне вражда, и прежде всего он выслал меня из акрополя под предло-
d гом, что в саду, где я жил, женщины должны справлять десятидневный праздник с жертвоприношениями. Он велел мне все это время жить за пределами акрополя, у Архедема. Пока я там пребывал, Феодот, посылая за мной, часто негодовал на то, что произошло, и порицал Дионисия. Когда тот услыхал, что я бываю у Феодо-
e та, он сделал из этого новый предлог для разрыва со мной, который был родным братом первого. Послав кого-то, он спросил меня, действительно ли я бываю у Феодота, когда он меня приглашает. «Конечно», — ответил я. Тогда посланный сказал мне: «Так вот, он велел тебе передать, что ты очень плохо делаешь, предпочитая ему Диона и Дионовых друзей». Вот что было мне сказано, и больше уже он не приглашал меня к себе во дворец под предлогом, будто ему стало ясно, что я друг Феодота и Гераклида, ему же я враг. Да он и не мог уже думать, что я хорошо отношусь к нему, так как
350 деньги Диона окончательно канули в воду. После этого я жил вне акрополя, среди наемных солдат. Разные лица и некоторые служилые люди родом из Афин, мои сограждане, приходя ко мне, сообщали, что среди пелтастов распространяется против меня клевета и некоторые из них грозятся, если они захватят меня, убить. Тогда я придумываю вот какой способ спасения. Я посылаю к Архиту и другим друзьям в Тарент письмо с рассказом о том, в каком положении я оказался. Они же, под предлогом какого-то посольства от
b имени их государства, посылают тридцативесельный корабль во главе с одним из своих, Ламиском. Прибыв к Дионисию, он стал просить его за меня, говоря, что я хотел бы уехать и что не стоит мне в этом препятствовать. Дионисий дает свое согласие и отпускает меня, дав на дорогу денег; что же касается денег Диона, то и я ничего не просил, и он ничего не дал.

Прибыв в Пелопоннес, в Олимпию, и застав там Диона,[36] смотревшего на игры, я сообщил ему о том, что произошло. Тогда он,
c призвав в свидетели Зевса, сказал мне и моим близким и друзьям, чтобы все мы готовились отомстить Дионисию: я — за оскорбление права гостеприимства (так он тогда говорил и считал), сам же он — за несправедливую высылку и изгнание. Услыхав это,

я предложил ему призвать на помощь и моих друзей, если они согласны. «Меня же, — сказал я, — ты вместе с другими какой-то силой сделал сотрапезником Дионисия, его домочадцем, участником его жертвоприношений. Так как многие клеветали, он, конечно, мог думать, что я вместе с тобой злоумышляю против него и его власти, однако он не убил меня, устыдившись этого. Возраст мой d не таков,[37] чтобы я мог еще с кем-то сражаться, однако я буду заодно с вами, если, нуждаясь когда-либо во взаимной дружбе, вы пожелаете сделать что-то хорошее. Но пока вы хотите зла, скликайте на это других». Вот что я сказал, исполненный горечи при воспоминании о своих сицилийских путешествиях и бедах; они же, не слушаясь меня и не желая выполнять моих указаний, сами оказались виновниками всех своих несчастий. Если бы Дионисий отдал e деньги Диону или же совсем примирился бы с ним, этих несчастий не было бы совсем, насколько это в человеческих силах, а Диона я легко бы сдержал, для чего у меня была и добрая воля, и достаточное влияние. Теперь же, набросившись друг на друга, они все наполнили бедствиями. А ведь Дион питал такие же замыслы, какие, 351 должен сказать, мог бы питать и я, да и всякий другой, кто, будучи человеком умеренным и разумным как в деле собственной власти и власти своих друзей, так и относительно своей родины, считал бы, что, благодетельствуя другим, он окажется на самой вершине власти и почестей. Это совсем другое дело, чем если бы кто сделал себя, своих друзей и город богатыми, устроив заговор и собрав соучастников, притом что он — человек бедный и собой не владеет, а по слабости сдается перед лицом удовольствий и приобретает богатство, убивая людей состоятельных, объявляя их своими вра- b гами; растаскивая их деньги, он раздает их своим соучастникам и друзьям, чтобы никто не мог на него пожаловаться, говоря, что остался беден. Так же мало принесет это славы тому, кто, таким же образом облагодетельствовав государство, почитается в нем за то, что разделил согласно народному постановлению богатство немногих между многими или же, стоя во главе большого города, властвующего над многими малыми, несправедливо отбирает c у этих малых городов деньги для своего, большого. Так что ни Дион, ни кто-либо другой добровольно не примет такую власть, гибельную и для него самого, и для его рода на все времена; напротив, он устремится к государственному строю, основанному на самых справедливых и лучших законах, не прибегая ни к казням, ни к изгнанию хотя бы только совсем немногих. Это-то делал теперь Дион, предпочитая лучше испытать на себе нечестие, чем его совершить; при этом он все же старался ему не подвергнуться. Однa-

d ко он погиб,[38] достигнув своей цели — победил врагов. В том, что
постигло Диона, нет ничего а удивительного. Человек честный, ра-
зумный и вдумчивый вообще-то не может ошибиться относитель-
но душевных качеств бесчестных людей, но неудивительно, если
ему приходится испытать то же, что хорошему кормчему, от кото-
рого не скроется надвигающаяся буря, однако нежданно роковая
сила этой бури все-таки может скрыться, а скрывшись, своей мо-
щью может потопить его. Именно это погубило Диона. От его глаз
нисколько не скрылось, что те, кто его погубил, были скверные
e люди, однако какова сила их дикости, мерзости и ненасытности,
этого он не видел. Сраженный этим, он лежит мертвый, ввергнув
Сицилию в безмерную печаль.

352 После всего сказанного сейчас мой совет вам, я думаю, пока-
жется достаточным. Да будет так! А чего ради я предпринял свою
вторую поездку в Сицилию, мне показалось необходимым расска-
зать вследствие странности и необычности происшедшего. Если
кому-нибудь рассказанное мной станет теперь понятнее и причи-
ны для случившегося покажутся ему основательными, цель моего
рассказа будет, по-моему, достигнута в полной мере.

VIII

b

Платон близким и друзьям Диона желает благополучия

Что, обдумав все хорошенько, вы действительно могли бы до-
биться величайшего благополучия, я по мере сил постараюсь вам
объяснить. Надеюсь, что я дам хороший совет не только вам —
c хотя, конечно, в первую очередь вам, — но и всем сиракузянам,
в-третьих же, вашим врагам и противникам, за исключением тех из
них, кто запятнал себя преступлениями: подобные пороки неисце-
лимы и никто никогда не сумел бы смыть такого пятна. Подумайте
же над тем, что я вам сейчас скажу.

С тех пор как устранена тирания, во всей Сицилии существует
одна-единственная забота: некоторые стремятся вновь захватить
власть, другие — окончательно закрепить изгнание тиранов. Боль-
d шинству при таких обстоятельствах всегда кажется правильным
советовать то, что причинит врагам наибольшее зло, а друзьям —
наибольшее благо. А ведь это вовсе не так легко — сделав другим
много зла, самому не испытать в свою очередь то же самое. Чтобы
ясно это увидеть, незачем далеко ходить: надо взглянуть на то, что

теперь произошло здесь, в Сицилии, когда одни стали стремиться причинить другим зло, другие же — от него защититься.

Если бы вы захотели поведать об этом другим людям, вы ока- e
зались бы при этом хорошими наставниками. Ведь можно сказать, что нет недостатка в подобного рода примерах. Таких же примеров, которые были бы полезны для всех — и для врагов, и для друзей — или которые принесли бы тем и другим наименьшее количество зла, нелегко найти, а найдя, применить в жизни. Поэтому такого рода совет и попытка дать объяснение подобны благочестивой молитве. Пусть же это действительно будет своего рода молитвой — ведь всегда надо начинать с богов, когда ты хочешь 353
что-то сказать или обдумать, — и пусть эта молитва достигнет цели, послужив нам следующим поучением.

С того времени, как началась война, и до сегодняшнего дня вами и вашими врагами правит, можно сказать, одна семейная клика, которой давно уже отдали власть ваши отцы, когда создалось крайне тяжелое положение: в то время над эллинистической Сицилией нависла угроза полного разграбления карфагенянами и установления состояния варварства. Тогда-то они и выбрали Дионисия[1] — юного и воинственного: ему приличествовало заниматься b
ратным делом. А в качестве старшего советника они поставили при нем Гиппарина[2] и назвали их, в качестве спасителей Сицилии, полномочными, как говорится, тиранами. Хочет ли кто считать, что причиной тогдашнего спасения было божественное соизволение и само божество, либо он будет думать, что причиной этой была доблесть начальников или то и другое, соединенное с храбростью граждан, — пусть каждый думает, как он желает: во всяком случае для тогдашнего поколения так явилось тогда спасение. Поскольку эти вожди себя так проявили, то все, естественно, ис- c
пытывали по отношению к своим спасителям благодарность. Если же впоследствии тираническая власть неправильно воспользовалась этим даром государства, то за это она уже несет наказание и долго еще будет нести. Какие же из этих наказаний следовало бы назвать справедливо вытекающими из создавшегося положения? Если бы вы легко могли заставить их отправиться в изгнание, без больших опасностей и трудов, или же если бы они легко могли вновь захватить власть, то было бы совершенно лишним советовать вам то, что я собираюсь сказать. Теперь же и вам, и им надо за- d
думаться и вспомнить, сколько раз то вам, то им уже улыбалась надежда и каждый думал, что вот теперь, можно сказать, уже очень немного остается, чтобы все вышло согласно желанию. Но как раз это немногое всякий раз оказывалось причиной великих и беско-

нечных бед, которым никогда не видно было конца; наоборот, то,
что казалось концом и завершением какого-то предприятия, сме-
нялось началом вновь возникающих дел, и от этого круговорота
e всему — и власти тиранов, и народной партии — грозила полная
гибель. В конце концов получится — и это очень вероятно, хотя и
ужасно, — что эллинское наречие умолкнет по всей Сицилии, под-
павшей под власть и господство финикийцев или опиков.[3] Поэто-
му всем эллинам надо изо всех сил стараться найти против этого
средство.

Если кто может предложить что-то более правильное и луч-
354 шее, чем то, что собираюсь сказать я, то, выставив это на общее об-
суждение, он по справедливости был бы назван благодетелем
эллинов. Но то, что мне теперь в какой-то мере кажется нужным
сказать, я попытаюсь сейчас объяснить со всей откровенностью,
пользуясь доступным для всех справедливым словом. Я обращаю
свой совет наподобие третейского судьи к вам обоим — к тем, кто
пользуется тиранической властью, и к тем, кто находится под вла-
стью тиранов. Совет мой тот же, что и прежде, когда обращался
к каждому из вас в отдельности. И теперь моя речь, обращенная
к любому тирану, будет советом всячески избегать имени тирана и
тиранического образа действий, а если это возможно, то и переме-
b нить власть тирана на царскую власть. А что это возможно, на деле
доказал Ликург — муж мудрый и достойный: увидев, что родст-
венная ему семья в Аргосе и Мессении от царской власти перешла
к власти тиранов и, погубив себя, тем самым погубила и оба горо-
да, он, боясь за собственное свое государство и собственную
семью, ввел в качестве лекарства власть геронтов, а как спаситель-
ное ограничение царской власти — должность эфоров,[4] и вот уже
в течение стольких поколений царская власть сохраняется там со
c славой, так как закон стал верховным владыкой над людьми, а не
люди — тиранами над законами. И моя эта речь обращена ко всем:
с одной стороны, тех, кто стремится к тиранической власти, она
призывает отказываться от такого стремления и бежать без огляд-
ки от этого счастья ненасытно алчных и неразумных людей, а кро-
ме того, попытаться превратить тиранию в царскую власть и под-
чиниться царственным законам, получив высочайший почет из
рук добровольно дающих его людей и от законов; с другой сторо-
d ны, тем, кто стремится к свободному образу жизни и старается из-
бегнуть рабского ярма, которое по существу является злом, я бы
посоветовал, чтобы из-за ненасытной и несвоевременной любви
к свободе они не впали в болезнь своих предков, которой те стра-
дали из-за чрезмерной вольности, так как были охвачены неуме-

ренной любовью к свободе. Ведь до прихода к власти Дионисия и Гиппарина[5] сицилийцы жили, как они тогда думали, очень счастливо, проводя свой досуг в роскоши и одновременно начальствуя над своими начальниками. Они-то и побили камнями десять стратегов,[6] бывших до Дионисия, не предав ни одного из них суду e
по закону, — конечно, чтобы не подчиняться никакому властителю, даже тому, кто властвует по праву или в силу закона, и чтобы в любом случае быть свободными. За это-то у них и появилась власть тиранов. Как подчинение, так и свобода, если они переступают границы, есть величайшее зло, в надлежащей же мере это — великое благо: рабское подчинение богам нормально, людям же — ненормально. Для разумных людей закон — бог, для неразумных — удовольствие. 355

Раз это так, я предлагаю друзьям Диона передать всем сицилийцам то, что я им советую, как общий совет мой и его; я буду, так сказать, переводчиком того, что он, если бы был жив и мог говорить, сказал бы вам теперь сам. Как же, скажет кто-нибудь, звучит совет Диона в отношении нынешнего положения дел? А вот как: «Прежде всего установите, сиракузяне, законы, которые, как вам будет ясно, направят ваши мысли не на наживу и богатство, на что b
прежде толкало вас вожделение; а так как существуют три вещи — душа, тело и деньги, то в ваших законах вы должны выше всего ставить совершенство души, на втором месте — совершенство тела, так как оно стоит ниже души, а на третьем и последнем — почтение к богатству, так как оно — слуга и души, и тела. Поста- c
новление, которое бы это учредило, могло бы считаться у вас правильно изданным законом, делающим истинно счастливыми тех, кто им управляется.[7] А положение, что только богатые счастливы, ничего не стоит: это — глупое мнение женщин и детей, и те, кто его придерживается, сами становятся женщинами. А что я правильно вам советую, вы поймете на деле, если испробуете то, что ныне сказано о законах. А это, по-видимому, самый надежный пробный камень для всего. Когда вы примете такие законы, — ведь Сицилия находится в опасном положении, поскольку вы не d
имеете достаточной власти и сами не находитесь в достаточном подчинении, — было бы справедливо и, конечно, полезно для вас всех пойти средним путем — и для тех, кто хочет избегнуть тягот власти, и для тех, кто вновь жаждет такую власть обрести. Ведь их предки некогда — великое дело! — спасли эллинов от варваров, и им мы обязаны тем, что можем теперь вести речь о государственном строе. Если бы им тогда это не удалось, то не осталось бы ни надежды, ни возможности говорить ни о чем подобном. Так вот те-

e перь для одних будет свобода при царской власти, для других — подотчетная царская власть. Законы будут владыками как над гражданами, так и над самими царями, если они поступят в чем-то противозаконно. Приняв все это во внимание, без задних мыслей и по здравом размышлении установите с божьей помощью царскую власть; царем сначала поставьте моего сына в благодарность за двойную услугу — мою и моего отца: он в те времена освободил
356 государство от варваров,[8] я же теперь дважды освободил его от тиранов, чему вы сами являетесь свидетелями. Затем поставьте царем сына Дионисия, носящего то же имя, что мой отец,[9] — в благодарность за оказанную нам сейчас помощь и за его честный нрав: он, сын отца-тирана, добровольно дал свободу городу, обретя тем самым для себя и своего рода вечную славу вместо мимолетной и несправедливой тирании. В-третьих, надо пригласить царем сиракузян, с его добровольного согласия и по добровольному призыву
b городом, того, кто сейчас стоит во главе вражеского войска, — Дионисия, сына Дионисия,[10] — если он пожелает изменить свое положение на царское из страха перед изменчивой судьбой, из жалости к родине и к оставленным без ухода родным святыням и могилам, а также чтобы из-за честолюбия не погубить всего окончательно на радость варварам. Имея трех царей, вы либо дадите им полномочия лаконских царей,[11] либо, лишив их этих полномочий, договоритесь с ними и учредите правление таким
c образом, как об этом было говорено вам раньше. Послушайте же это еще раз.

Если род Дионисия и Гиппарина захочет для вас и ради спасения Сицилии положить конец теперешним бедствиям, приняв и для себя, и для своего рода и на нынешние, и на будущие времена этот сан, вы на этих условиях, как было сказано раньше, пригласите старцев, каких они пожелают, и дайте им полномочия определять условия мира — будут ли эти старцы из местных жителей, или чужеземцы, или те и другие вместе, причем количество их будет такое, относительно которого они между собой согласятся.
d Пусть эти старцы, придя, прежде всего издадут законы и установят такое правление, в котором царям будет дано полномочие принесения жертв и любое другое, приличествующее бывшим благодетелям государства. А руководителями в вопросах войны и мира надо сделать стражей законов, числом тридцать пять, избрав их совместно с народом и советом. Другие судебные обязанности пусть будут в руках других, но смерть и изгнание пусть присуждаются этими тридцатью пятью стражами.[12] В дополнение к этим пусть будут избраны другие судьи, каждый раз из числа долж-

ностных лиц прошлого года — одного от каждой должности, проя- e
вившего себя лучшим и самым справедливым. Все они в те-
чение следующего года должны служить судьями в делах, ка-
сающихся смерти, заключения и изгнания граждан. Царю же в де-
лах подобного рода не полагается быть судьей, потому что он, 357
являясь жрецом, должен быть чистым от убийств, изгнаний и за-
ключений.

Вот что я думал для вас установить, пока я был жив, и желаю
этого и теперь. И если бы эринии, в облике моих друзей,[13] не поме-
шали этому, я, одержав вместе с вами верх над врагами, все бы
устроил так, как задумал, а затем, если бы все пошло, как было за-
думано, заселил бы всю остальную Сицилию, отняв у варваров ту
часть, которой они теперь владеют, в том случае, если только они
не воевали против власти тиранов во имя общей свободы; и преж- b
них жителей эллинских поселков я вернул бы в их старые, оте-
ческие жилища. Это я вам всем советую и сейчас совместно об-
думать, исполнить и всех призывать на эти дела, а того, кто не
захочет участвовать, считать от имени государства врагом. Все это
выполнимо: оно прочно заключено одновременно в двух душах и
подготовлено у тех, кто, поразмыслив, может принять наилучшее
решение. А тот, кто считает это невыполнимым, видно, не очень c
силен умом. Под двумя с душами я подразумеваю душу Гиппари-
на, сына Дионисия, и душу моего сына.[14] Если они будут между со-
бой согласны, то я думаю, что и все другие сиракузяне, которые,
несомненно, пекутся о своем городе, будут заодно с ними. Итак,
воздав молитвой должное всем богам, а равно и другим, кому это
следует после богов, мы мягко и ласково убеждаем и приглашаем
друзей и недругов: нем отступайтесь, прежде чем не приведете
сказанного нами теперь к благополучному и явно счастливому d
концу, — так, как будто наши слова — это божественное сновиде-
ние, посылаемое тем, кто уже бодрствует».

IX

Платон Архиту из Тарента[1] желает благополучия

К нам прибыли люди от Архиппа и Филонида[2] с письмом, ко- e
торое ты им вручил; они передали мне новости о тебе. С делами,
касающимися вашего города, они покончили без труда, ведь они
не были очень запутанными; что касается тебя, то они рассказали

мне о твоем недовольстве: ты не можешь избавиться от беспокойств и хлопот по общественным делам. Конечно, самое прият-
358 ное в жизни — заниматься собственными делами, особенно если кто избрал для себя такую долю, как ты; это совершенно ясно. Но тебе надо подумать о том, что любой из нас не принадлежит самому себе: на одну часть нашего существа рассчитывает отечество, на другую — наши родители, на третью — иные друзья; многое нужно уделить обстоятельствам, захватывающим нашу жизнь. Когда отечество призывает заняться его делами, было бы странно,
b конечно, не послушаться этого призыва, ведь в таком случае надо освободить место и предоставить поле действия дурным людям, которые далеко не с самыми добрыми намерениями приступают к общественным делам. Но довольно об этом.

Что касается Эхекрата,[3] то мы и теперь заботимся о нем, и будем заботиться в будущем — как ради тебя и его отца Фриниона, так и ради самого юноши.

X

Платон Аристодору[1] желает благополучия

c Я узнал, что ты — один из самых близких друзей Диона и теперь, и был прежде. Ты всегда обнаруживал высокую мудрость в вопросах, касающихся философии. Постоянство, верность и искренность — вот что я называю подлинной философией, другие же качества, относящиеся к другим вещам, такие, как хитрость и изворотливость, кажется мне, я определю правильно, если дам им имя неискренней изощренности.

Ну, будь здоров и придерживайся тех убеждений, которых ты держишься и теперь!

XI

d
Платон Лаодаманту[1] желает благополучия

Я и прежде писал тебе, что в отношении всех дел, о которых ты говоришь, было бы очень важно, чтобы ты сам прибыл в Афины; но так как ты считаешь, что это невозможно, то лучшим после это-

го было бы, чтобы прибыл к тебе я или Сократ,[2] как ты и пишешь в своем письме. Но сейчас Сократ страдает от дизурии. Для меня e
же, если бы я прибыл к вам, было бы весьма неприлично, если бы я не выполнил того, из-за чего ты меня приглашаешь. Сам я не очень надеюсь, что мне это удастся, а потому требуется другое, длинное письмо, которое могло бы тебе все это объяснить. Сверх того, из-за моего возраста я не имею физических сил, достаточных для того, чтобы путешествовать и подвергаться опасностям, которые встречаются и на земле, и на море, а теперь все исполнено опасностей при путешествиях. Однако я могу дать совет тебе и твоим колонистам. То, «что я скажу», по выражению 359
Гесиода, покажется «очень простым», но если подумать, — то очень сложным.[3] Ведь если думают, что с изданием законов, как бы хороши они ни были, уже устроено государство, то это совсем неверно в том случае, если во главе государства не стоит влиятельный человек, заботящийся о нем и о его повседневном образе жизни, о том, чтобы он был разумным и мужественным у рабов и у свободных. Это удастся, если есть люди, достойные такой власти. Но если вы нуждаетесь в ком- то, кто бы вас воспитал, то, думается b
мне, у вас нет ни того, кто станет воспитывать, ни тех, кто захочет его воспитания, и вам остается только молить богов. Ведь примерно таким же образом были основаны и впоследствии хорошо управлялись и прежние города, когда под влиянием совершавшихся великих событий — на войне ли или при других жизненных обстоятельствах — являлся достойный муж, обладатель великой силы. Итак, решительно следует заблаговременно позаботиться c
об этом и одновременно подумать о том, о чем я сказал, но не действовать неразумно, полагая, что все устроится само собой. Желаю успеха.

XII

Платон Архиту из Тарента[1] — желает благополучия

Присланные тобой сочинения[2] я получил с удивительной радостью, и нельзя даже выразить, как я восхищался их автором. Чело- d
век этот показался мне достойным своих древних предков. Говорят, что родом они — мирийцы, это были те троянцы, которые выселились при Лаомедонте,[3] — люди достойные, как показывает предание.

Что касается моих заметок, о которых ты пишешь в послании,
e то они еще не совсем готовы, однако я тебе их выслал в таком виде.
Относительно же того, как их надо беречь, мы оба с тобою единодушны, так что не стоит тебя особо об этом просить.

XIII

360 **Платон Дионисию, тирану Сиракуз,[1]**
желает благополучия

Пусть начало этого письма будет для тебя знаком, что оно — от
меня. Угощая как-то локриисских юношей и сидя далеко от меня,
ты встал, подошел ко мне и благосклонно произнес что-то удач-
b ное, как это показалось тебе и мне, и тому, кто возлежал за столом
рядом со мной (а это был один из местных красавцев). Он сказал
тогда: «И верно, Дионисий, ты получил от Платона большую пользу в отношении философии!» А ты на это ответил: «И во многих
других отношениях; да и из самого того приглашения, что я послал ему, я тоже тотчас же извлек пользу». Вот это и надо нам сохранить, чтобы взаимная наша польза все больше и больше
множилась. И вот я, содействуя этому, посылаю тебе кое-что из
пифагорейских работ и из различений,[2] а также человека, согласно
c прежнему нашему решению, которого вы — ты и Архит, если он
находится у тебя, — сможете использовать. Имя ему Геликон, родом он из Кизика и является учеником Евдокса,[3] отлично осведомленным в его учении. Кроме того, он был в близких отношениях
с кем-то из учеников Исократа, а равно и с Поликсеном, одним из
друзей Бризона.[4] И что особенно редко у таких людей, он очень
приятен в обращении и, видимо, обладает неплохим характером;
так что его даже можно было бы счесть поверхностным и легко-
d мысленным. Говорю я это с опаской, потому что выражаю свое
мнение о человеке по существу своему неплохом, но легко меняющемся (за исключением отношения к очень немногим людям и вещам). Поскольку у меня были опасения относительно этого человека и я не очень ему доверял, я сам при встречах с ним наблюдал
его и расспрашивал его сограждан, и никто ничего дурного мне о
нем не сказал. Но смотри сам и будь осторожен. Особенно же, если
e у тебя будет хоть немного свободного времени, поучись у него и
вообще с ним пофилософствуй. В противном случае пошли кого-нибудь к нему в обучение, чтобы ты, спокойно учась у того на
досуге, усовершенствовался в философии и прославился, и тогда

польза, которую ты получаешь от общения со мной, не убудет. Но довольно об этом.

Что касается того, что ты поручил мне тебе прислать, то я это 361
сделал, и Лептин везет тебе Аполлона, созданного молодым и талантливым художником, имя которому Леохар.[5] Было у него и другое произведение, на мой взгляд очень изящное; я купил его, желая подарить твоей жене[6] за то, что она ухаживала за мной и больным, и здоровым, делая это из уважения ко мне и к тебе. Так вот, передай это ей, если ты не сочтешь нужным поступить как-то иначе. Твоим детям посылаю двенадцать кувшинов сладкого вина
и два кувшина меду. Сушеные смоквы, когда я приехал, были уже b
убраны. Миртовые ягоды, отложенные для тебя, загнили, но я вновь постараюсь заботливо их заготовить. О рассаде же тебе расскажет Лептин.

Деньги на все эти покупки и некоторые налоги в пользу государства я взял у Лептина, говоря ему то, что, казалось мне, было наиболее прилично для нас и соответствовало истине, а именно, что это были наши деньги, которые мы истратили на левкадийский корабль, приблизительно 16 мин; именно эту сумму я взял, а взяв,
истратил на себя и на то, что я вам посылаю. c

Далее выслушай относительно денег, как относительно твоих, которые находятся в Афинах, так и относительно моих. Твоими деньгами, как я тогда тебе говорил, я буду пользоваться так же, как и деньгами других моих близких; пользуюсь же я ими мало, лишь насколько это кажется необходимым, справедливым или приличным, как мне, так и тому, у кого я беру.

Теперь же вот что со мной случилось. У меня есть дочери моих
племянниц, умерших в те времена, когда я не был увенчан, хоть ты d
и приказывал.[7] Их четыре, и одна из них уже в брачном возрасте, второй восемь лет, третьей немного более трех лет, а четвертой нет еще года. Мне и моим близким надо их выдать замуж и тем, до замужества которых я доживу, дать приданое; к тем, до чьего замужества я не доживу, это не относится. Если бы отцы их были богаче меня, то приданое давать было бы необязательно. Но получи-
лось так, что я из них самый богатый, да и матерей я выдал замуж e
как с помощью других, так и при поддержке Диона. Первая из дочерей моих племянниц выходит замуж за Спевсиппа, являясь для него дочерью его сестры.[8] На все это мне нужно не более тридцати мин,[9] ведь приданые эти у нас скромные. Да еще если умрет моя мать,[10] то потребуется не более десяти мин для устройства ее могилы. При таких обстоятельствах вот каковы примерно мои сейчас нужды. Если же придется сделать какой-то еще расход, личный

или государственный, связанный с приездом к тебе (а он потребу-
ется, как я тогда говорил), то я буду изо всех сил стараться, чтобы
362 он был возможно меньше; а если я какого-то расхода не смогу
покрыть, пусть это будет уже за твой счет.

Затем я опять-таки хочу поговорить с тобой о тратах из тех тво-
их денег, что находятся в Афинах. Прежде всего если мне будет
нужда истратить их на хорегию[11] или на что-либо другое подоб-
ное, то ни один твой приятель, как я и думал, их не даст; затем если
для тебя очень важно, чтобы истраченное принесло тебе пользу,
а неистраченное, но отложенное на время, пока кто-нибудь от тебя
не придет, означало бы вред, то дело это и трудное и позорное для
b тебя. Ведь я уже испытал это на себе, послав Эраста к Андромеду
из Эгины;[12] ты приказывал у него, твоего приятеля, взять все, что
мне нужно, я же хотел послать тебе больше того, что ты у меня
просил. Однако он вполне естественно с человеческой точки зре-
ния ответил, что и то, что он раньше истратил для твоего отца, он
с трудом получил, и теперь мог бы дать только немного, что же ка-
сается более значительной суммы, то ее он не даст. Поэтому я и
взял то, что мне было нужно, у Лептина. И потому вполне заслу-
женно надо воздать Лептину хвалу — не за то, что он дал, но за то,
c что он дал так охотно, и за все остальное, что он говорит о тебе и
делает для тебя; можно несомненно сказать, что он тебе друг. Ведь
мне необходимо сообщать тебе как подобные вещи, так и противо-
положные им, чтобы ты знал, как, по моему мнению, тот или дру-
гой человек к тебе относится. Что касается твоих денег, то я буду
с тобой полностью откровенен; это и честно, и вместе с тем я могу
это делать, по опыту зная тех, кто тебя окружает: они всегда тебе
говорят, что если они считают нужным произвести траты, то не хо-
d тят тебе об этом сообщать, опасаясь вызвать твой гнев; приучи же
их и заставь сообщать тебе как об этом, так и о многом другом; сле-
дует, чтобы по возможности ты сам все знал и был судьей во всех
этих делах, не уклоняясь от знания о них. Ведь для твоей власти
это будет лучше всего. Правильно произведенные траты и прави-
льно выплаченные долги — это во всех отношениях хорошее дело;
годится это и для самого приобретения денег, как ты говоришь об
этом сейчас, да и скажешь в будущем. Пусть же не клевещут на
тебя перед людьми твои доброхоты, ведь нет ничего хорошего
e и полезного для твоего доброго имени в том, чтобы казалось, что с
тобой неприятно иметь дело.

После этого я скажу тебе о Дионе. Обо всем другом я не могу
говорить, пока от тебя не придут письма, как ты обещал; но того, о
чем ты не хотел, чтобы я упоминал при нем, я и не упоминал, и не

обсуждал с ним, хоть и пытался узнать, тяжело ли или легко он перенесет, если это случится. Мне показалось, что он будет очень расстроен, если это произойдет.[13] Вообще же, как мне кажется, Дион в словах и на деле настроен в отношении тебя спокойно.

Кратину, брату Тимофея,[14] моему товарищу, давай подарим 363
панцирь из вооружения гоплитов — тонкий, какой носят пехотинцы, дочерям же Кебета — три хитона в семь локтей, не из дорогого аморгского льна, а из сицилийского. Ты хорошо знаешь имя Кебета, он описан в сократовских диалогах беседующим вместе с Симмием[15] о душе с Сократом, он человек всем нам близкий и благожелательный.

Относительно знака, какие письма я посылаю тебе всерьез, b
а какие нет, я думаю, ты помнишь, однако прими это особенно к сведению и будь к этому внимателен. Ведь меня заставляют писать тебе многие, которым нелегко напрямик отказать. Итак, в серьезных письмах вначале упоминается бог, боги же — в несерьезных. Твои послы просили меня писать тебе, и, конечно, это естественно; они весьма усердно повсюду восхваляют тебя и меня,
особенно Филарг,[16] который раньше страдал от болезни руки. c
И Филед, прибывший от Великого царя, говорил о тебе.[17] Если бы мое письмо не было таким длинным, я бы тебе написал, что именно он говорил, а теперь спроси об этом Лептина.

Если ты пошлешь панцирь или что-либо еще из того, о чем я тебе пишу, передай это через кого пожелаешь либо отдай это Териллу;[18] он — человек из числа тех, кто всегда находится в плавании, близкий мне во многих отношениях, но особенно приятный мне в философии. Он зять Тейсона,[19] который тогда, когда я отплыл, был правителем города.

Будь здоров и занимайся философией и более молодых людей
побуждай к тому же. Твоих сотоварищей по игре в мяч приветст- d
вуй от моего имени. Поручи всем, и особенно Аристокриту,[20] если от меня придет к тебе какое-либо сочинение или письмо, позаботиться, чтобы ты возможно скорее узнал об этом, и напомнить тебе, чтобы ты подумал о том, что будет тебе написано. Не забудь теперь отдать деньги Лептину и отдай их возможно скорее, чтобы и другие, глядя на это, еще охотнее были бы готовы служить нам.

Ятрокл, который тогда вместе с Миронидом[21] был отпущен e
мной на свободу, плывет теперь к тебе вместе со всем тем, что я посылаю. Назначь ему какое-нибудь жалованье, расположи его к себе как следует и, если найдешь нужным, используй его. Что же касается письма, подлинного или его списка, то сохрани его и оставайся тем, кто ты есть.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАКОНЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

[1] Если Минос, царь Крита, воспринял свое законодательство от *Зевса*, то Ликург, легендарный спартанский законодатель, действовал по воле *Аполлона Дельфийского*. Ксенофонт в своем сочинении «Лакедемонское государство» рассказывает, что Ликург вместе сознатнейшими гражданами отправился в Дельфы, испрашивая одобрения своим законам, и ввел их в действие только после ответа бога, вещавшего о «безусловной пользе» этих законов (Lac. pol. VIII 5 // Xenophontis scripta minora/Ed. Ruhl. Fasc. II. Lipsiae, 1920). По Геродоту, дельфийская прорицательница даже назвала Ликурга божеством, а сам он заимствовал свои законы с о-ва Крит (I 65 // История. В 9 кн./ Пер. и прим. Г. А. Стратановского Л., 1972). Ср.: *Страбон*. География X 4, 19 (Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964). — *77*.

[2] См.: Одиссея XIX 178 сл. Ср.: *Страбон* XVI 2, 38. — *77*.

[3] О *Радаманте* — судье в загробном мире — см.: *Пиндар*. Олимпийские оды II 58—88. — *77*.

[4] Имеется в виду *святилище Зевса* на отрогах горы Иды, где он, по одному из преданий, родился и воспитывался своей матерью Реей в окружении куретов и корибантов (*Страбон* X 3, 11.19). — *77*.

[5] *Совместные трапезы* (сисситии) — совместная еда за общим столом, символизировавшая у дорян (на Крите и в Спарте) единство свободных граждан в частной жизни. Плутарх (Ликург XII // Сравнительные жизнеописания. Т. 1) подробно описывает эти трапезы, добавляя, что критяне зовут их андриями, а лакедемоняне — фидитиями. В *гимнасиях* молодежь занималась телесными упражнениями. Античный архитектор Витрувий дает подробное описание гимнасия позднего времени (V 11). — *78*.

[6] *Крит* в отличие от *Фессалии* (Сев. Греция) изрезан горными хребтами: на западе — Белые горы, на севере — их отроги, в том числе Берекинф, на востоке — Дикта, в центре острова — Ида, на юге — Кедрий. — *78*.

[7] Об изначальной природе войны и раздора — у Гераклита: «Война есть отец всего, царь всего» (B 53 Diels) и Эмпедокла: «Рождения всего возникшего виновником и творцом является гибельная Вражда» (B 16 Diels). — *78*.

[8] Афинянин, городу которого покровительствует богиня мудрости Афина, тоже причастен ее мудрости. — *79*.

[9] Фраза основана на игре слов-антонимов: χρεῖττον — лучший (сильный) и ἧττων — худший (слабый). — *80.*

[10] *Тиртей,* уроженец Афин, — знаменитый поэт VII в. — прославился военно-патриотическими элегиями. По преданию, его, хромого учителя, афиняне послали по совету Аполлона на помощь к своим союзникам — спартанцам во время их войны с мессенцами. Эмбатерии, военные элегии Тиртея, воодушевили спартанцев, и те одержали победу. — *81.*

[11] Fr. 9 Diehl. — *81.*

[12] Стихи из элегии Тиртея (см. прим. 10). — fr. 10—12 Diehl. — *82.*

[13] Theogn. fr. 77 Diehl. О *Феогниде* см.: т. 1, Менон, прим. 41. — *82.*

[14] Мотив из стихотворения Тиртея. — *83.*

[15] Ср. рассуждения Аристотеля в «Никомаховой этике» о «совершенной добродетели» — *справедливости.* Он пишет: «Одна только справедливость из всех добродетелей, как кажется, состоит в благе, приносящем пользу другому лицу, ибо справедливость всегда относится к другим и приносит пользу другому лицу, будь оно властелин или все общество» (V 3, 1130a 2—5). — *83.*

[16] Градация добродетелей, или благ, — ниже (631c), где видно, почему мужество стоит *на четвертом месте.* — *83.*

[17] Схолиаст поясняет, что *дочери-наследницы* — это круглые сироты, не имеющие братьев. — *83.*

[18] Имеется в виду спартанский обычай посылать юношей воровать с целью воспитания ловкости и смелости. — *85.*

[19] См.: т. 1, Алкивиад I, прим. 41. — *85.*

[20] *Гимнопедии* — праздник, учрежденный в Спарте в VII в., на котором проходили гимнастические состязания молодежи. — *86.*

[21] Диодор Сицилийский подробно описывает волнения в Фуриях (Южн. Италия) и в Милете (Diod. XII 11, XIII 104), где «приверженные к олигархии с помощью лакедемонян свергли демократическое правительство», воспользовавшись беспечностью граждан во время празднеств Диониса и предав смерти на агоре 300 самых богатых человек. — *88.*

[22] Об однополой любви в Греции см.: т. 2, Пир, прим. 31. — *89.*

[23] См.: т. 2, Федр, прим. 40. — *89.*

[24] Дионису было посвящено несколько больших празднеств, среди которых Малые, или сельские, Дионисии (декабрь — январь, месяц Посидеон), Леней (январь—февраль, месяц Гамелион), Анфестерии (февраль — март, месяц Анфестерион) и Великие, или городские, Дионисии (март — апрель, месяц Элафеболион). Именно на Ленеях устраивались процессии на повозках, причем пелись песни, обличительный и язвительный характер которых вошел в пословицы (Luc. Iupp. Trag. 44). — *89.*

[25] *Тарант,* или Тарент, — город в Южн. Италии. — *89.*

[26] Известно, что греки в отличие от «варваров» пили вино, разбавленное водой. У Анакреонта читаем: «Мы — не скифы, не люблю, други, пьянствовать бесчинно» (fr. 43 Diehl); у Горация (пер. Пушкина): «Теперь некстати воздержание, как дикий скиф хочу я пить» (II 7). — *90.*

[27] *Сиракузцы* победили *локров* в 356 г. при Дионисии Младшем. О локрских *законах* см.: т. 3, Тимей, преамбула по Страбону, осаждаемые *афинянами кеосцы* решили умертвить старейших из них, и тогда афиняне сняли осаду (X 5, 6). — *90.*

31 Зак. 3846

[28] Возможно, вместо πυροὺς, «пшеничный хлеб», следует читать τυροὺς, «сыр» (Барнет со ссылкой на Корнария). — *90.*

[29] См.: т. 1, Критон, прим. 13. — *94.*

[30] *Кадм* — основатель Фив (см.: т. 1, Менексен, прим. 45). В битве под Фивами погибли семь вождей со своими воинами, осаждавшими город (*Эсхил.* Семеро против Фив; *Софокл.* Антигона). Павсаний пишет, что и победа фиванцев не обошлась без больших потерь, «поэтому победу, оказавшуюся гибельной для победителей, называют кадмейской или кадмовой» (X 9, 3). — *94.*

[31] Платон устами Сократа восхваляет интерес к философии на Крите и в Лакедемоне, особенно отмечая краткость и остроту слова у спартанцев. См.: т. 1, Протагор 342а—е и прим. 55; о «лаконском немногословии» — там же, 343b и прим. 58. — *94.*

[32] См.: т. 1, Протагор, прим. 38. — *94.*

[33] См.: т. 1, Менон, прим. 19; т. 2, Пир, прим. 59. — *95.*

[34] *Эпименид* — сын Досиада — полулегендарный критский мудрец, очистивший в 596 г. Афины от чумы, явившейся следствием так называемой килоновой скверны (умерщвление Мегаклом, сыном Алкмеона, заговорщиков у алтарей богов) (см.: *Диоген Лаэрций.* жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1968. I 100). Плутарх сообщает, что Эпименид «подружился с Солоном, во многом ему тайно помогал и проложил путь для его законодательства» (Солон XII). Павсаний добавляет» что «гнев бога — покровителя молящих неотвратим», и приводи примеры губительных последствий недозволенных убийств (VII 25, 1 сл.). У Диогена Лаэрция находим биографию Эпименида, где сообщается, что он был автором многих сочинений: «Теогонии», о рождении куретов и корибантов, об аргонавтах, а также автором критского законодательства и поэмы о Миносе и Радаманте (I 112). — *95.*

[35] Ср. VII 803с — о человеке — игрушке богов. Парафразы этого платоновского образа находим у Плавта: «Людьми играют боги, точно мячиком» (Capt. 23). Климент Александрийский, рассуждая об исполнении человеком божественных законов и о свободе воли, скрыто спорит с Платоном, когда пишет о том, что «долг человека — повиноваться богу» (VII 3, 21 // Clementis Alexandrini Opera / Rec. G. Dindorfius. Oxonii, 1869), вместе с тем утверждая, однако, что «божественное обетование осуществляется только через действие человека» (7, 48) и что «некоторые» даже не признавали «за человеческой душой самостоятельности и свободы выбора» и не понимали, что «до полного рабства она доведена быть не может» (3, 15), а в конце концов приходили даже к отрицанию божества (ср.: Законы X 888а—d). Образ же христианина, исполняющего предназначенную ему роль в «драме жизни» (11, 65), тоже, может быть, навеян Платоном. — *97.*

[36] Многие издатели предлагали вместо διαφορᾷ («отличие», «вражда») читать διαφθορᾷ («вред», «пагуба»). — *101.*

КНИГА ВТОРАЯ

[1] О *Музах* см.: т. 2, Федр, прим. 50; об *Аполлоне* — т. 1, Феаг, прим. 15; о *Дионисе* — т. 1, Горгий, прим. 22, Кратил, прим. 62, т. 2, Пир, прим. 26. — *104.*

[2] Текст ненадежен, — *104.*

[3] Древние придавали *ритму* первостепенное значение. Поэтому Аристотель прямо говорил, что «стих, лишенный ритма, имеет не законченный вид» (Риторика III 8, 1408b 26). Стих должен «обладать хорошим ритмом, а не быть лишенным ритма» (1409a 22 сл.). Квинтилиан, ссылаясь на Цицерона, также писал о ритме как непременном компоненте не только поэзии, но и прозы в противоположность «аритмии» (IX 4, 56 // M. F. Quintiliani institutiones oratoriae libri XII / Ed. L. Radermacher, V. Buchheit. I—II. Leipzig, 1971). О *гармонии* см.: т. 1, Алкивиад I, прим. 13. — *103.*

[4] Участники *хоровода* поют и танцуют под музыку. Умение участвовать в хороводе необходимо для воспитания, так как ритм и гармония помогают, по мнению древних, формировать тело и душу человека, воздействуя на него физически и этически. См.: т. 3, Филеб, прим. 16, и Государство III 398 с—403 с — *105.*

[5] Здесь игра близких по звучанию слов: «воспитание» — παιδεία, «игра» — παιδιά. — *107.*

[6] *Десять тысяч* — μυριάδα — было у греков синонимом бесчисленности. Так, Прометей у Эсхила (Прометей прикованный 94) говорит о себе, что он будет страдать «десять тысяч лет», т. е. бесчисленное количество лет. Египет с его древностью всегда вызывал удивление и почтение греков, о чем свидетельствует вся II книга Геродота, который пишет, что египтяне «ничего не заимствуют у иноземцев» (II 79). Египетская архаика у Геродота тоже близка по исчислению к десяти тысячам. От первого царя до последнего, по словам Геродота, прошло 11 340 лет, в течение которых жило 341 поколение, причем за все это время в Египте, по словам жрецов, «не было ни одного человекообразного божества», также «не произошло никакой перемены ни в произведениях земли или реки, ни в свойствах болезней или видах смерти» (II 142). Об устойчивом характере египетского искусства см.: *Лосев А. Ф.* Художественные каноны как проблемы стиля // Вопросы эстетики. 1964. № 6. С. 351—399. — *108.*

[7] *Исида* — египетская богиня, которую греки отождествляли с Афиной (см.: т. 3, Тимей, прим. 19), — почиталась вместе со своим супругом Озирисом всеми египтянами (*Геродот* II 42). В поздней античности с ее монотеистическими тенденциями олицетворяла собою основу мировой субстанции, являясь матерью природы, владычицей стихии, повелительницей мертвых и живых, одной богиней под множеством имен. Именно такую ее характеристику находим у Апулея (Метаморфозы XI 5 // «Метаморфозы» и другие сочинения / Пер. А. Кузнецова. М., 1988). — *108.*

[8] Здесь имеются в виду эпические поэмы. — *109.*

[9] Ср., что пишет Лукреций о методе усвоения трудной, но полезной науки. Он учит поступать как врачи, дающие полезное, но горькое лекарство вместе с медом (О природе вещей IV 10—17), и тем самым представляет учение Эпикура «в сладкозвучных стихах пиэрийских, как бы приправив его поэзию сладостным медом» (21 сл.). — *111.*

[10] *Кинир* — мифический царь Кипра и Ассирии, о *Мидасе* см.: т. 2, Федр, прим. 61. Кинир и Мидас еще, по словам поэта Тиртея (fr. 9 Diehl), славились своим богатством. — *112.*

[11] Цитируются стихи Тиртея (fr. 9, 1—4 Diehl); *фракийский Борей* — северный ветер. — *112.*

[12] Из *посеянных зубов* убитого сидонцем Кадмом дракона появились так называемые спарты (посеянные) — родоначальники пяти знатных фи-

ванских родов. Павсаний сообщает их имена (IX 5, 2—3), а Овидий красочно изображает подвиг Кадма (метаморфозы III 1—131). См. также: т. 2, Софист, прим. 30. — *115*.

[13] См. ниже, 665ab. — *115*.

[14] *Пэаном* (Παιάν) именовался Аполлон (см. прим. 1*). Этимология этого имени неизвестна. Древние связывали ее с глаголом «бью» (παίω). Как к Пэану к Аполлону обращается хор в «Трахинянках» Софокла (205—221). У Еврипида в «Ионе» к Аполлону взывают: «О, пэан, эвое, о, пэан, эвое» (125), соединяя эпитет Аполлона с восклицанием, традиционным для бога Диониса. — *116*.

[15] У Платона, таким образом, ритмом, музыкой и пением пронизана вся жизнь — и частная, и государственная, и космическая (ср.: т. 3, Государство X 617b—d). — *117*.

[16] Спартанская и критская молодежь объединялась с 17-летнего возраста в агелы (ἀγέας), букв, «стада», а у спартанцев такие союзы семилетних детей, по свидетельству Гесихия, назывались βουαί, букв. «стада бычков, телят». Выразительную картину жестокого и сурового воспитания детей в Спарте рисует Плутарх (Ликург XVI). — *118*.

[17] См. выше, 630cd, 631c. — *118*.

[18] Обычно поэты и музыканты строго придерживались необходимых для данного жанра ладов и ритмов. Однако во времена Платона наблюдается упадок строгих правил, особенно в дифирамбической поэзии (Филоксен, Кинесий, Тимофей Милетский, Телест), где была уничтожена антистрофическая структура и повсеместно наблюдалось пренебрежение основами гармонии. Об *Орфее* см.: т. 2, Пир, прим. 36. «Возраст услад» — слова из приписываемых Орфею стихов (1 В 5а Diels). Возможно, это возраст зрелых, здравых суждений в отличие от юношеской неразборчивости. — *122*.

[19] О *ладах* см.: т. 1, Лахет, прим. 22. — *122*.

[20] Характерный для Платона образ. Здесь *законодатель* такой же «ваятель», как в «Тимее» бог — «мастер» (демиург) и «плотник» (29а), а также «устроитель» (28с). — *123*.

[21] Об *Аресе* см.: т. 1, Кратил, прим. 56. — *124*.

[22] Мифограф Аполлодор рассказывает, что, «когда Дионис создал виноградную лозу, Гера наслала на него безумие, и он скитался по Египту и Сирии» (III 5, 1, 1 // Мифологическая библиотека. Л., 1972). — *124*.

[23] *Карфагенский* государственный строй пользовался у греков репутацией одного из лучших. Аристотель, например, считает, что это — «прекрасное государственное устроение», которое «превосходит» другие общества и близко к спартанскому (Политика II 8, 1272b 24—41). — *126*.

КНИГА ТРЕТЬЯ

[1] Платон изображает древнейшее общество с установленным государственным строем и постепенным падением добродетели в Атлантиде. См.: т. 3, Тимей, прим. 28, и Критий, прим. 32, 39. О периодически испытываемых человечеством катастрофах см.: Тимей 22а—23d, а также Критий.

---

* В ссылках на примечания в пределах каждой книги номер книги не указывается.

прим. 47. У Платона возраст древнейших государств исчисляется в пределах 9 (Атлантида) — 11 тысяч лет (первые египетские цари). — *127.*

[2] О *Дедале* см.; т. 1, Ион, прим. 10, и Менон, прим. 45; об *Орфее* — т. 1, Ион, прим. 11; о *Паламеде* — т. 1, Апология Сократа, прим. 56; о *Марсии* — т. 2, Пир, прим. 85; об *Олимпе* — там же, прим. 86; об *Амфионе* — т. 1, Алкивиад II, прим. 10. — *128.*

[3] Имеются в виду следующие стихи из поэмы «Работы и дни» (40 сл.):

Дурни не знают, что больше бывает, чем всё, половина,
Что на великую пользу идут асфодели и мальва.

Пер. В. В. Вересаева.

Древние видели здесь скрытый намек на особые качества мальвы и асфоделей, семена которых затем были использованы Эпименидом из-за их чудесных качеств и «великой помощи» (*Плутарх.* Застольные беседы 14 // Пир семи мудрецов). — *128.*

[4] Од. XI 112—115, пер. В. Жуковского. Судя по данному примеру, династия ограничена законами для одной отдельной семьи, где власть принадлежит отцу. На Гомера ссылается Аристотель (Политика I 1, 1252b 22). — *131.*

[5] Ионийцы — древнейшее греческое племя, населявшее Аттику, малоазиатский берег (города Смирна, Эфес, Милет, Колофон и др.), а также о-ва Самос и Хиос. По преданию, происходили от Иона, сына афинской царевны Креусы, и Ксуфа, отцом которого был Эллин (Аполлодор I 7, 3, 2). См. также: т. 1, Ион, прим. 32. — *131.*

[6] О *власти* старейшего в доме, или, что то же, «ойкоиомической» (οἶχος — дом) власти в семье или роде как простейших ячейках государства, пишет Аристотель (Политика I 1, 125a 8). Именно эту власть родовых старейшин имеет в виду Фукидид, когда упоминает о «наследственной царской власти» (πατριχαί βασιλείαι — I 13, 1). — *131.*

[7] Ил. XX 216—218, пер. В. В. Вересаева. Здесь объединяются две формы государственной власти: *вторая* — в виде отдельных поселений на склонах горы Иды и третья — уже в виде большого и бога того города. Страбон, говоря о периодизации Платона, добавляет, что могут существовать четвертая, пятая формы и даже больше (XIII 1 25). — *133.*

[8] Осада *Трои* изображена в «Илиаде» Гомера и в киклических поэмах «Эфиопида» и «Малая Илиада». Гибель Трои — в киклической поэме «Разрушение Илиона». — *133.*

[9] О событиях на о-ве Итака во время отсутствия царя Одиссея и после его прибытия повествует «Одиссея» Гомера. В «Агамемноне» Эсхила описывается убийство вернувшегося на родину царя Аргоса и Микен. В «Андромахе» Еврипида — гибель Неоптолема, сына Ахилла, в родном доме. — *134.*

[10] *Ахейцами* именовались греческие племена, разрушившие Трою. *Дорийцы,* по одним сведениям, были потомками Дора, сына Эллина (*Аполлодор* I 7, 3, 2 сл.). По другим — дорийцы происходят от Дориея, сына Неоптолема и Леонассы, дочери Клеодея (Androm. 24 // Scholia in Euripidem // Coll. E. Schwartz. Vol. I. Berolini, 1887). Историк Лисимах (FGH III B), на которого ссылается схолиаст, приводит имена братьев Дориея: Пергам, Пандар, Еврилох и Молосс — эпонимы одноименной страны. — *134.*

[11] Указанные здесь цари происходят из рода Гераклидов. Это потомки Геракла и его сына Гилла: *Темен* и *Кресфонт* были сыновья Аристомаха, правнука Гилла, *Прокл* и *Еврисфен* — сыновья Аристодема, т. е. племянники Темена и Кресфонта. См.: т. 1, Менексен, прим. 20. — *134.*

[12] По Платону оказывается, что Троя входила в ассирийскую державу, основание которой *Ниномъ* Геродот (I 96) относит к 1273 г. — *136.*

[13] Первое разрушение Трои приписывается Гераклу: он был разгневан тем, что не получил от царя Лаомедонта, дочь которого он спас от чудовища, обещанной награды — коней, некогда отданных Зевсом царю Тросу как выкуп за похищенного царевича Ганимеда (*Гомер.* Ил. V 266—267; *Аполлодор* II 5, 9, 11—12). У Гомера сын Геракла Тлеполем похваляется перед троянцем Сарпедоном, что его отец

Некогда прибыл сюда за конями Лаомедонта
Только с шестью кораблями, с значительно меньшим отрядом
И разгромил Илион ваш и улицы сделал пустыми.

Ил. V 640—642, пер. *В. В. Вересаева.* — *136.*

[14] Собственно говоря, не сыновья Геракла, а его потомки. — *137.*

[15] *Пелопиды* — потомки царя Пелона — Агамемнон и Менелай, стоявшие во главе ахейского войска, осаждавшего Трою. Их именуют обычно по отцу — Атрею — Атридами. — *137.*

[16] Взятие Трои (XII в.) было в историческом плане последним большим деянием ахейского союза племен — носителей богатейшей микенской культуры с центрами в Микенах, Аргосе и Тиринфе. Пришедшие с севера *дорийцы* вытеснили *ахейцев* на рубеже II и I тысяче летий. — *137.*

[17] Прежде чем утвердиться в Пелопоннесе, Гераклиды многократно вопрошали оракул Аполлона Дельфийского. Так, Гилл-младший, внук Геракла, получив изречение, что он должен ждать третьего плода и пройти в Пелопоннес по узкой воде, пытался пройти через перешеек Истм, но он неправильно истолковал предсказание и пал в битве. Его правнуки Темен и Кресфонт решили, что, как его потомки в третьем колене, они должны вторично проделать тот же путь, но уже по морю вблизи Истма, однако боги воспрепятствовали им, так как пути они совершили насилие над одним прорицателем. По новому совету оракула — поставить во главе похода трехглазого — они избрали вождем одноглазого этолийского царя Оксила, ехавшего им навстречу на муле, затем успешно вторглись в Пелопоннес, убили сына Ореста Тисамена и поделили земли на три государства. — *137.*

[18] Имеется в виду афинский царь *Тесей,* поверивший клевете своей жены Федры, которая обвинила сына Тесея *Ипполита* в преступной к ней любви. Отец проклял невинного сына, и тот был растоптан собственными конями, понесшими его от страха перед чудовищем, высланным Посейдоном по молитве Тесея (*Еврипид.* Ипполит). — *139.*

[19] Эта греч. пословица полностью соответствует лат. Пословице «Neque litteras neque natare didicit». Светоний (Август 64) упоминает, что Август сам обучал своих внуков «и читать, и плавать», т. е. Самому необходимому. — *141.*

[20] См.: т. 1, Горгий, прим. 35. — *141.*

[21] В «Государстве» читаем: «...некоторым людям по самой их природе подобает быть философами и правителями государства, а всем прочим

надо заниматься не этим, а следовать за теми, кто руководит» (V 474с). Таким образом, только философы, по Платону, имеют подлинное притязание на власть. — *141.*

[22] См. прим. 3. — *142.*

[23] Здесь характерное для этического и эстетического сознания классической античности провозглашение меры как принципа жизни вообще. В «Политике» Платов пишет, что все искусства, в том числе и государственное, «остерегаются того, что превышает умеренное или меньше него... потому что это затрудняет свершения: сохраняя таким образом меру, они совершают все хорошее и прекрасное» (284а). У Эсхила хор дружественных Океанид порицает Прометея за то, что он «слишком» (ἄγαν) свободно говорит (Прометей прикованный 180); не менее дружественный Гефест порицает Прометея за то, что он помогал людям «больше того, чем следовало по справедливости» (πέρα δίχης, 30); сам же Прометей оплакивает себя за свою «чрезмерную любовь к смертным» (123). Все, что «слишком», «чрезмерно» и «против законного установления», приводит человека к «дерзости» (ὕβρις), которая всегда карается богами. Здесь у Платона говорится именно о человеке, «ставшем дерзким», «обнаглевшим» (ἐξυβρίζοντα), так как он потерял чувство меры, — *142.*

[24] Т. е. Аполлон Дельфийский, по велению которого получили царскую власть Прокл и Еврисфен (см. прим. 11) и в дальнейшем их потомки, разделившиеся на два рода — Агидов (по Агису — сыну Еврисфена) и Еврипоптидов (по Еврипонту — внуку Прокла). — *143.*

[25] Имеется в виду законодатель Ликург, установивший так называемые герусии из 28 старейшин, — *143.*

[26] Имеется в виду царь Теоиомп, живший, по Плутарху (со ссылкой на Платона), через 130 лет после Ликурга и установивший власть ежегодно сменяемых пяти эфоров (Ликург VII). — *143.*

[27] См. прим. 11 и 17. — *143.*

[28] *Эллада* — Спарта; *одно из них* — Мессения (см. кн. VI, прим. 32). Во время греко-персидской войны после 481 г. аргосцы вопросили Дельфийский оракул о возможном союзе со своими соседями против общего врага, но, узнав, что пифия советует им «сидеть настороже», «удерживать копье дома», «защищать голову, что спасет туловище», потребовали от спартанцев признания их главенства над союзом греческих племен и заключения тридцатилетнего мира. Оскорблепные словами спартанских послов, что аргосский царь может иметь только равный голос вместе со спартанскими царями, аргосцы, как пишет Геродот, «предпочли покориться варварам, нежели уступить лакедемонцам» (VII 148—149). — *144.*

[29] О *видах государственного устройства* см.: т. 3, Государство VIII, прим. 4—9, 12. — *144.*

[30] Имеется в виду *Кир Старший* — персидский царь (559—529); см.: т. 1, Менексен, прим. 21. — *145.*

[31] См. там же. — *145.*

[32] Дарий, собираясь захватить власть и свергнуть Лже-Смердиса, вступил в заговор с шестью знатными персами, т. е. Дарий был седьмым среди них. — *146.*

[33] *Ксеркс* — сын Дария и Атоссы, дочери Кира. Его войска потерпели поражение от греков. О его плачевном возвращении на родину см. трагедию Эсхила «Персы». См.: т. 1, Алкивиад I, прим. 5. — *146.*

[34] Все персидские цари, по обычаю, именовались *Великими.* См.: т. 1, Апология Сократа, прим. 53. — *146.*

[35] Классическим примером противопоставления персидскому деспотизму греческой свободы может служить аллегория из трагедии Эсхила «Персы». Царица Атосса видит во сне двух женщин, одну в персидском, другую в дорийском одеянии, которых царь Ксеркс впряг в свою колесницу.

Одна в наряде рабьем гордо шествует,
Покорно рот поводьям повинуется.
Зато другая вздыбилась. Руками в щепы
Сломала колесницу, сорвала ярмо
И без узды помчалась неподвластная.

181—189, пер. *А. Пиотровского.* — *149.*

[36] Подразумевается предпринятое Солоном разделение граждан по имущественному цензу, а не по знатности рода. Первый класс — пентакосиомедимны, получавшие ежегодно 500 медимнов хлеба (1 медимн = прибл. 52 л); второй — всадники, получавшие 300 мер или содержавшие лошадь; третий — зевгиты, получавшие 200 мер. Эти три класса платили соответственные имуществу налоги, участвовали в управлении государством и занимали высшие должности. Четвертый класс — фоты — не платил налогов, но и не занимал должностей. Феты только присутствовали в народном собрании и могли быть судьями (*Плутарх.* Солон XVIII). — *149.*

[37] *Датис* возглавлял персидский флот и овладел островами Эгейского моря. Однако при Марафоне был разбит греками. См.: т. 1, Менексен, прим. 22, 24, 26. — *149.*

[38] *Эретрчя* находилась на о-ве Эвбея, расположенном вдоль берегов Беотии и Аттики. — *149.*

[39] См.: т. 1, Менексен, прим. 25. — *149.*

[40] *Афон* — гора на п-ове Халкидика, соединенном с материком узким перешейком в 5 м высоты и 3 тыс. шагов ширины. Воины Ксеркса в течение трех лет прорывали здесь канал, так как персидские корабли, огибая Афон, потерпели кораблекрушение. Геродот, сообщивший эти сведения (VII 22—23), добавляет, что Ксеркс приказал перекопать перешеек «из высокомерия, из желания выставить на вид свое могущество и оставить по себе памятник» (VII 24), хотя можно было без труда перетащить корабли через перешеек. *Геллеспонт* — пролив между Фракийским Херсонесом и Троадой в Азии, соединяющий Эгейское море и Пропонтиду. В самом узком месте ширина его около полутора километров. Ныне — Дарданеллы. — *146.*

[41] См.: т. 1, Менексен, прим. 26. — *150.*

[42] *Френ* — заплачка, погребальная песнь. *Пэан* — гимн в честь Аполлона, которому были посвящены также просодии, ном, гипорхема (вместе с мимическими телодвижениями), парфении (Аполлону и Артемиде). *Дионис* сам именовался *дифирамбом.* Этимология этого слова, принадлежащего к эгейскому субстрату древнегреческого языка, неясна. Может быть, *titur — ambos («в четыре шага»), т. е. четырехстопный размер (ср.: *Fi — ambos — «в два шага», triambos — «в три шага». *Hofmann J. B.* Würterbuch des Griechisc-hen. Miinchen, 1950). — *151.*

[43] *Номы* (vojioi), т. е. «законы», — в музыке не что иное, как твердо установленные лады, или гармонии, по-греч. являются омонимом «законов государственных». — *151.*

[44] См. II, прим. 18. — *151.*

[45] Ср. комедию Аристофана «Облака»: по мнению автора, софистическое воспитание приводит к непочитанию родителей, отрицанию древних богов и законов. — *151.*

[46] Люди, по преданию, обладают двойной природой — дионисийской и титанической. *Титаны,* растерзавшие Диониса и вкусившие его тела, были испепелены молниями Зевса, а из копоти появились люди (*Olympiod.* In Pfaaed. 61c // Commentarii in Platonis Phaedonem, ed. Norvin. Lips., 1913). По Оппиану, люди «рождены из божественной крови титанов» (De pise. V 9 сл.), а по Элиану (фр. 189) — «из семени титанов», но Дион Хрисостом считает, что «человеческий род получил свое существование от богов, а не от титанов и гигантов» (XXX, p. 337, 27 сл.).

Цицерон комментирует: «Наш Платон полагает, что из рода титанов происходят те, которые так противятся должностным лицам, как титаны противились небесным богам» (De Legg. II 2, 5). По Гесиоду, титаны были низвергнуты в Тартар Зевсом и олимпийскими богами (Теогония 665—731). — *152.*

[47] Букв, «свалиться с осла» — ἀπὸ ὄνου (см. Suidae). В греч. Это звучит одинаково с ἀπὸ νοῦ, т. е. «с ума», «сойти с ума». Чтобы избежать двусмыслицы, излюбленной комиками, Платон вставляет между предлогом и существительным местоимение: в греч. тексте читаем: «С какого-то осла». — *152.*

[48] Поговорка, которая встречается также в «Федре» (242b) и означает «хорошее известие». — *153.*

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

[1] Если *стадий* около 180 м, то город отстоит от моря примерно на 14 км. — *153.*

[2] Гесиод в «Работах и днях» тоже полагает, что людям «в море пускаться» нет нужды, если «получают плоды они с вив хлебодарных» (236 сл.). Гораций мечтает о богатых, изобильных землях вдали от иноземцев, куда бы не устремлялся корабль аргонавтов и «не направили туда кораблей ни пловцы-финикийцы, ни рать Улисса, много претерпевшего», так как «Зевс уготовил брега те для рода людей благочестных» (Epod. XVI 59—63). — *154.*

[3] Критский царь *Минос* пошел войной на афинян и заставил их платить дань (семь юношей и семь девушек ежегодно), после того как в Афинах был убит его сын Андрогей, превзошедший соперников на состязаниях (*Плутарх.* Тесей XV). — *155.*

[4] О морском владычестве Мивоса — у Геродота (III 122). Фуки-Дид пишет: «Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладел большею частью моря, которое называется теперь Эллинским, достиг госиодства над Кикдадскими островами, старался насколько мог уничтожить на море пиратстве, чтобы тем вернее получать доходы» (I 4). Он «очистил острова от разбойников и тогда же заселил их колонистами» (там же, I 8, 2). — *155.*

[5] Ср. признание поэта Архилоха, наемного воина, ничуть не смущенного тем, что он бросил свой щит:

Носит теперь горделиво саиец мой щит безупречный;
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.

Фр. 6, *пер. В. В. Вересаева.*

Геродот (V 95) сообщает, что поэт Алкей спасся бегством в битве, а оружием его завладели афиняне и новесили его в храме Афины. Алкей, не смущаясь, описал этот случай в стихах и послал другу (fr. 49 Diehl).

У Анакреонта также есть стихи о том, кто бежал,

Бросив щит свой на берегах
Речки прекрасноструйной.

Фр. 51, *пер. В. В. Вересаева. — 155.*

[6] Ил. XIV 96—102. — *156.*

[7] *Пентеконтарх* — начальник 50 гребцов на судне, вообще — командир отряда из 50 человек. — *156.*

[8] См.: т. 1, Менексен, прим. 26. — *156.*

[9] См. там же, прим. 24 и 27. — *156.*

[10] См. там же, прим. 26. — *156.*

[11] В греч. тексте διαχυβερνῶσι, букв, «правят кораблем», т. е. бог, судьба и благовремение — кормчие, а государство — корабль. См.: Политик, прим. 43. — *158.*

[12] *Удачливый,* или счастливый, тиран, как его изображает здесь Платон, не имеет ничего общего со «счастливым» тираном из «Государства» (см.: т. 3, прим. 14 к IX кн.). — *159.*

[13] См.: Политик, прим. 35; см. также: т. 3, Государство IX, прим. 14 — о достоинствах властителей. — *160.*

[14] См.: т. 1, Гиппий Меньший, прим. 4. — *160.*

[15] О Лакедемонском государстве см.: кн. I, прим. 1; т. 1, Критон, прим. 15; т. 3, Государство VIII, прим. 16. — *162.*

[16] Как видно из дальнейшего, речь идет о Кроносе. — *162.*

[17] Платон не раз привлекает мифы для разъяснений важных идей. См., например: т. 1, Протагор, прим. 31, Горгий, прим. 80. Иные мифы он создает сам — см.: т. 2, Пир, прим. 75, Федр, прим. 51. — *162.*

[18] Блаженное царство Кроноса еще Гесиод относил к золотому веку истории, когда люди жили «как боги, с беззаботным сердцем, вдали от трудов и горя». Они не знали старости, владели богатствами в изобилии, а пашня «сама по себе» (αὐτομάτην) рождала им плоды. Умирали они, «будто охваченные сном», становясь после смерти демонами Зевса, дарователями благ и блюстителями правды на земле (*Гесиод.* Работы и дни 109—126). Царство Кроноса, где царит вечность и нет ничего преходящего, мыслится на островах Блаженных, см.: т. 1, Горгий, прим. 80; см. также: Политик 269a—272d. — *163.*

[19] Ср. греч. νόμος — закон и διανομή — разделение, установление, в наст, переводе — определение. — *163.*

[20] Ср.: т. 3, Государство 338е—339а, где софист Фрасимах заявляет, что всякая власть издает законы сообразно с ее пользой и объявляет их справедливыми. — *163.*

[21] Ср.: т. 1, Горгий 483d, где говорит софист Каллякл: «Сама природа... провозглашает, что это справедливо — когда лучший выше худшего и сильный выше слабого». — *163.*

[22] См.: т. 1, Горгий, прим. 35. — *164.*

[23] По Апельту и др., вместо «богам» — «законам». — *165.*

[24] Здесь зоркость, или острота зрения, ὀξὺ βλέπεις, равнозначна зоркости и остроте ума, которых не хватает молодым. См. в «Федоне» (75а), где «мысль возникает и может возникнуть не иначе как при помощи зрения, осязания или иного чувственного восприятия». У Гомера герои обычно «мыслят» глазами, что равносильно видению (Ил. III 21, IV 200, V 95, VI 470, VII 17, XX 419, XXI 49, XXII 136, XXIII 415 и мн. др.). О зрительном восприятии глагола «мыслить» см.: *Лосев А. Ф.* Эстетическая терминология ранней греческой литературы // Ученые записки МГПИ им. Ленина. Т. 83. М., 1954. С. 130—132. — *165.*

[25] Это древнее представление о божестве отмечено схолиастом к данному месту со ссылкой на орфический стих: «Зевс — начало, Зевс — середина, от Зевса все устроено. Зевс — корень (πυθμήν) земли и звездного неба» (fr. 21 Kern.). Ср. также фр. 21a, где Зевс именуется «первым» и «последним», «главой» и «серединой», «корнем моря» (πόντου ῥίξα). — *165.*

[26] См.: т. 3, Тимей 33d — 34d, прим. 34, 44—47, 56. — *165.*

[27] О *правосудии* — Дике см.: т. 1, Горгий, прим. 80, с. 813. О Дике, мстительнице, «носящей меч», поет хор в «Вакханках» Еврипида (992 сл., 1012 сл.). — *165.*

[28] О *мере* см. кн. III, прим. 23; о стремлении *подобного* к *подобному* — т. 1, Горгий, прим. 63. — *166.*

[29] Здесь дается простейшая иерархия божеств, которая в дальнейшем у неоплатоников дошла до утонченной дифференциации. У Ямвлиха (IV в. н. э.), например, есть боги «надмирные», «небесные», или «водительные», которых оказывается 360; 72 ряда «поднебесных» богов; 42 ряда богов «природы», боги «охраняющие» и демоны для отдельных народов и людей (Procl. In Tim. III 197, 12—20 // Procli Diadochi in Platonis Timaeum commentaria / Ed. E. Diehl. Vol. 1—3. Lipsiae, 1903—1906). У неоплатоника Саллюстия (IV в. н. э.) боги делятся на создающих мир (Зевс, Посейдон, Гефест), одушевляющих его (Гера, Деметра, Артемида), упорядочивающих (Афродита, Аполлон, Гермес) и охраняющих (Гестия, Арес, Афина) (Fragmentae philosophorum graecomm. Ed. F. Mullach. III. Paris, 1881, p. 30—50).

Пифагорейцы полагали, что «число — самое мудрое из всех вещей» (58 С 2 D Diels), поэтому они учили о богах в связи с математическими и астрономическими построениями (44 В 19; А 14 Diels). Нечетные числа здесь предназначены небесным богам, так как они не могут дробиться в отличие от четных, уходящих при раздроблении в бесконечность. Так, например, Афина, будучи у неоплатоников принципом неделимости ума (Procl. In Tim. II 145, 18), у пифагорейцев оформляется уже в нечетное (а значит, неделимое) число — пептаду, «пятерицу», или гептаду, «седмерицу» (*Ps.-Jambl.* Theolog. arithm. 41, 18 Falc.= Theologumena arithmeticae / Ed. V. de Faico. Lips., 1922), или гебдомаду (*Philon.* De opificio mundi 33 = Philonis

Alexandrini Opera quae supersunt / Ed. L. Cohn et P. Wendland. I. Bed., 1898). — *166.*

[30] См.: т. 1, Горгий, прим. 80, с. 812. — *167.*

[31] Работы и дни 289—292. — *168.*

[32] О поэтическом творчестве см.: т. 1, Ион и прим. 14, 16. — *168.*

[33] См.; т. 1, Кратил, прим. 86; т. 2, Софист, прим. 18; т. 3, Государство III, прим. 38, X, прим. 2. — *168.*

[34] Это место интересно тем, что здесь Платон отражает действительный факт дифференциации внутри класса рабов в классическом античном обществе, когда среди рабов появился слой, близкий по своим занятиям к свободным. У Платона нам известны знаменитые врачи из свободных — Эриксимах («Пир») и Геродик («Протагор»). — *169.*

[35] Платон придает огромное общественное и государственное значение браку. См.: т. 3, Государство V, прим. 14. — *170.*

[36] Чтение по Асту; вместо «к необходимости», по Штальбауму — «к власти», по Барнету — «к схватке». — *171.*

[37] Платон говорит о «проэмии», т. е. вступлении в песне, прозе или в специальном риторическом произведении; в греческой метрике употребляется еще и другой вид вступления, так называемая анакруза, или затакт. — *172.*

[38] Вероятно, имеется в виду Мегилл. — *172.*

[39] Схолиаст отмечает происхождение пословицы от обычая вторично приносить жертву, после того как в первый раз она была не благоприятной. См.: *Hesich.* Δεύτερον ἀμεινόνων. — *173.*

КНИГА ПЯТАЯ

[1] Платон противопоставляет свой тезис общему мнению о славе и почете олимпийских победителей. Ср.: т. 1, Апология Сократа 36de, где также Сократ считает себя не хуже олимпийских победителей. — *176.*

[2] *Зевс-Гостеприимец* (Ксений), покровитель — сакральный эпитет Зевса. См. у Гомера (Од. XIV 389), Пиндара (Немейские оды XI 9; Олимпийские оды VIII 28), Эсхила (Агамемнон 61, 362; Suppl. 641) и мн. др. — *176.*

[3] *Молящих пощады* защищал Зевс-Гикесий. Ср. обращение к нему в трагедии Эсхила «Умоляющие» (1 сл., 40—43, 86—95, 162—180). — *176.*

[4] Похвала *правде* и осуждение лжи Платоном обращали на себя внимание многих авторов. Так, Плутарх одно из своих сочинений (Quomodo adul. ab amico internosc. 1) начинает ссылкой на Платона. Юлиан, говоря о правде, от которой происходит все благое, вспоминает Платона, Пифагора и Сократа (Orat. VI 188 с // Juliani Imperatoris quae supersunt omnia / Rec. R. Hertlein. Bd 1—2. Lipsiae, 1875—1876). Платон служит примером и для Климента Александрийского (II 4, 18, 1 // Строматы, творение Климента Александрийского / Пер. Н. Корсунского. Ярославль, 1892). — *177.*

[5] См.: т. 2, Федон, прим. 58. — *179.*

[6] По Апельту, в тексте возможно искажение. — *180.*

[7] Ср.: т. 1, Апология Сократа 20ab, где также сравнивается воспитание юношей с выращиванием жеребят и бычков. — *181.*

[8] Платон использует здесь термин ритуального *очищения* для политических реформ государства. Ср. замечания об очищении от скверны, прове-

денном в Афинах Эпименидом (см. кн. I, прим. 34) и Диотимой (т. 2, Пир 201d). — *182.*

[9] В политической борьбе греческих государств часто практиковалось *изгнание* в разных видах, например остракизм (посредством голосования на черепках, «остраконах») граждан, считавшихся особенно опасными по своему влиянию. Так, остракизму подверглись соперники в руководстве греко-персидской войной — Аристид в 483 г. (см.: *Плутарх.* Аристид VII) и Фемистокл в 471 г. (*Фукидид* I 135). Последним из подвергшихся остракизму был, по словам Плутарха, Гипербол во время Пелопоннесской войны (благодаря стараниям Алкивиада и Никия). Перикл, боясь остракизма, в молодости даже не занимался политикой (*Плутарх* Аристид VII // Сравнительные жизнеописания. Т. 1). Плутарх пишет, что остракизм не был наказанием за какой-нибудь низкий проступок: благопристойности ради он назывался «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества» (там же). — *182.*

[10] Здесь имеется в виду выселение граждан при основании колоний. — *182.*

[11] См.: т. 1, Менексен, прим. 20. — *183.*

[12] Ср. слова Сократа у Ксенофонта, что «воздержание есть основа добродетели» (I 5, 4), где, как и у Платона, употребляется один и тот же строительный термин — «цоколь», «основание», «фундамент» (χρηπίς). — *183.*

[13] Герман предлагает вместо μεταβάσεωφ, — «переход» читать τῆς βάσεως — «основание». — *183.*

[14] Здесь также употреблен термин из архитектурно-строительной техники: ἕρμα — «герма», «краеугольный камень», «подпора», «опора», «подставка». Ср. у Плутарха о «прочной опоре города» в трактате «Наставления о том, как следует управлять государством» (17, 814с). — *183.*

[15] Все граждане колонии — *земледельцы,* т. е. геоморы (γεωμόροι — «получившие надел земли»), или, что то же, клерухи (χληποῶλοι — «получившие надел по жребию»); см. также: т. 1, Евтифрон, прим. 12. В Афинах, например, Тесей все население разделил на сословия (*Плутарх.* Тесей XXV) евпатридов («благородных»), геоморов («земледельцев») и демиургов («ремесленников»). У Геродота говорится о сиракузских геоморах (VII 155). — *184.*

[16] О святилищах в *Дельфах* и *Додоне* см.: т. 2, Федр, прим. 27; об *Аммане* — т. 1, Алкивиад II, прим. 14. Геродот рассказывает (II 55), как две черные голубки из египетских Фив прилетели в Ливию и в Додону и человеческими голосами попросили учредить прорицалище Зевсу и Аммону. Без вопрошения этих оракулов не предпринималось ни одно серьезное дело. Недаром Цицерон писал: «Когда же греки посылали колонии в Эодию, Ионию, Азию, Сицилию, Италию, не спросив оракула пифийского или додонского или Аммона? Или начинали войну без совета богов?» (О гадании I 1, 3 // Философ ские трактаты / Пер. с лат. М. И. Рижского. М., 1985). — *184.*

[17] *Тирренские таинства,* по преданию, были установлены пеласгами — древнейшим, догреческим населением Греции, — которые, по свидетельству Геродота (II 51), установили и самофракийские мистерии. *Кипрские таинства* были посвящены Афродите. Павсаний сообщает о том, что ассирийцы первые почитали Афродиту-Уранию, «а после ассирийцев из жителей Кипра — пафийцы» (I 14, 7); см. также: т. 2, Пир, прим. 40. — *184.*

[18] Поговорка, взятая из игры в шашки: так как решительный ход делался на середине доски, это пространство называлось священным. — *185.*

[19] См.: т. 2, Федр, прим. *87.* — *185.*

[20] Ср. образ Матери-Земли у Гесиода (Теогония 177 ел.). См. так же: т. 3, Тимей, прим. 83. — *186.*

[21] Ср. ниже, 818е. — *187.*

[22] Ср.: т. 3, Государство III, прим. 80. — *188.*

[23] *Класс* здесь соответствует имущественному положению граждан (τιμήματα), так что подобное государство начисто отрицает родовой принцип. — *190.*

[24] См.: т. 1, Кратил, прим. 41. — *191.*

[25] Клисфен (VI в.) уничтожил разделение Аттики на 4 племенные филы, поделив ее географически на 10 фил, в свою очередь разделенных каждая на 10 сельских округов — *демов.* Политическую роль рода — *фратрии* — он также уничтожил, оставив за ней религиозное значение. По Аристотелю (Поэтика III 1448а 35—37), афинские демы соответствуют дорийским *кбмам.* Обычно «кома» — селение. — *192.*

[26] Ср.: т. 3, Государство IV 436а—о корыстолюбии египтян и финикиян. — *193.*

[27] Разночтение в рукописях: одно чтение — ἐναίσιοι («благоприятные»), другое — ἀναίσιοι (видимо, «несчастливые») — слово, нигде больше в греческой литературе не встречающееся. Аст предлагает читать ἐξαίσιοι («несправедливые», «чрезмерные»). — *193.*

КНИГА ШЕСТАЯ

[1] Проверка прав граждан, домогающихся правительственных должностей, или юношей, включающихся в списки граждан, называлась в Афинах докимасией. См. ниже, 753е. — *194.*

[2] О возлагании *дощечек* или камешков на алтарь см. у Плутарха; (Фемистий XVIII, Перикл XXXII // Сравнительные жизнеописания. Т. 1. — *196.*

[3] Игра слов: греч. ἀρχή — это и «начало», и «власть». — *197.*

[4] *Гиппарх* — начальник конницы. Отряд, принадлежавший к одной и той же филе, называется «фила», или «таксис» (строй); во главе него стоял *филарх,* или *таксиарх.* — *198.*

[5] По Ксенофонту, войско обычно все решения принимало поднятием рук, см., например, Анабасис III 2, 38. — *198.*

[6] О *притонах* см.: т. 1, Апология Сократа, прим. 26. *Гоплиты* — тяжеловооруженные воины, см.: т. 1, Алкивиад I, прим. 50. — *198.*

[7]Аристотель считает, что платоновское государство есть среднее между демократией и олигархией и «носит название политии» (Политика II 3, 1265b 27), но никак не является соединением демократических и монархических элементов (там же, 1266а 23—25). — *199.*

[8] Ср.: т. 2, Пир, прим. 61. — *200.*

[9] Плутарх в своих рассуждениях о боге Платона, действующем всегда в качестве превосходного геометра (см.: Quaest. conv. VIII 2, 1 // Quaestionum convivalium libri IX // Op. cit. / Rec. C Hubert. Vol. IV. Leipzig, 1971), приходит к мысли, что отношение «арифметического» равенства большинства, характерное для демократии, было справедливо изгнано Ликургом и заменено отношением «геометрического» равенства, основанного на

достоинствах человека, а не на простых количественных соотношениях. Таким образом, равенство в платоновском государстве предусмотрено, если следовать Плутарху, самим богом. По мнению Плутарха, Платон, следуя Ликургу, отдает должное добродетели человека, обусловливая равенство справедливостью, а не ставя справедливость в зависимость от равенства. Геометрические отношения, создающие подлинное равенство, соответствуют закону и здравому смыслу, являясь проекцией божественного установления на земле (VIII 2, 2). Аристотель же в «Политике» (II 3) критикует почти всю законодательную сторону государства у Платона. — *200.*

[10] См.: Политик, прим. 43. — *201.*

[11] Смотрители («неокоры») — служители, «наводящие порядок в храме и подметающие его» (Etym. Magn. Ζάχορος). — *201.*

[12] *Астиномы* — должностные лица, наблюдающие за порядком на улицах города; см. ниже, 763d. *Агораномы* — должностные лица, наблюдавшие за порядком на городских рынках; см. ниже, 763с — *202.*

[13] По Апельту — «низшее сословие народа (демоса) и высшее». К. Риттер также считает, что здесь равнозначны demos и vulgus имен но как низшее сословие и речь совсем не идет о жителях данных округов (демов) и тех, кто в них не входит (Штальбаум, Зуземиль). — *202.*

[14] Ср.: *Плутарх.* Ликург XVI. — *202.*

[15] *Фрурарх* — начальник стражи крепости или городского гарнизона. Здесь это должностное лицо, заботящееся о военной безопасности своей области, в то время как *агроном* в отличие от агораномов (см. прим. 12) — это должностное лицо по сельским и земельным *целям.* — *203.*

[16] Этому замечанию Платона созвучна мысль Аристотеля, гораздо более определенная и четкая. Человек, живущий в системе государственных законов, — «совершеннейшее из творений», а «вне закона и права занимает жалчайшее место в мире». Природа дает человеку интеллектуальную и моральную силу. Однако без нравственных устоев человек «оказывается существом самым нечестивым и диким» (Политика I 2, 1253а 29—37). — *208.*

[17] Следующий далее до конца абзаца фрагмент выпадает из контекста. — *208.*

[18] Примеры из практики живописцев см. у Платона в «Кратиле» (430b—432d, т. 1), «Государстве» (IX 586с, т. 3), «Политике» (277с). — *212.*

[19] Аристотель в «Поэтике» (21, 1457b 23—25), говоря о «вечере жизни», ссылается на выражение Эмпедокла, назвавшего старость «закатом жизни» (31 В 152 Diels). — *212.*

[20] В кратере вино смешивали с водой, т. е. умеряли буйное действие Диониса трезвостью водяного божества. Это место «Законов» часто цитировали поздние писатели (*Plut.* De aud. poet. 1; *Athen.* X 61, 444a; *Псевдо-Лонгин.* О возвышенном XXXII 7 — о метафоре). — *215.*

[21] Ликург в Спарте установил наказание для холостяков, в частности их не пускали на гимнопедии (*Плутарх.* Ликург XV). — *216.*

[22] *Деньги* посвящали *Гере* как покровительнице брака. — *216.*

[23] Плутарх сообщает, что прославленного спартанского полководца Деркиллида оскорбил как холостяка некий юноша, не уступивший ему места и сказавший так: «Ты не родил сына, который бы в свое время уступил место мне» (Ликург XV). — *216.*

[24] У Барнета в тексте γηράσχειν («стареть», «созревать»). Данный перевод соответствует поправке на полях рукописи, которая приводится Барнетом в критическом аппарате: διδάσχειν («воспитывать», «наставлять»). — *216.*

[25] Имеется в виду Дионис. — *217.*

[26] Сравнение взято из обряда лампадодромий, бега с *факелами.* на Великих Панафинеях, когда надо было донести до цели неугасший факел, зажженный у алтаря Эроса, бога любви. — *218.*

[27] См.: т. 1, Алкивиад I, прим. 41. — *218.*

[28] *Гераклейцы* — жители Гераклеи на Понте Евксинском, *мариандины* — народ в с.-з. части М. Азии — Вифинии, *пенесты* — племя в Фессалии, порабощенное завоевателями. — 218.

[29] *Гомер.* Од. XVII 322 сл. пер. В. Жуковского с небольшим изменением, так как у Платона вместо гомеровских слов «половина доблести» стоит «половина разума». — *219.*

[30] У Аристотеля в противоположность Платону — абсолютное признание естественности рабского состояния человека; см.: т. 1, Менексен, прим. 19. — *219.*

[31] *Мессения* — самая ю.-з. часть Пелопоннеса. Завоевана своим восточным соседом — Спартой — в результате ряда войн. Первая — 743—724 гг., вторая — 685 г., третья — 464—455 гг. Известны переселения *мессенцев* на юг Италии, в Тарент и в Навпакт, у Коринфского перешейка. Один из главных источников о мессенских войнах — IV кн. «Описания Эллады» Павсания. — *219.*

[32] Лексикограф Поллукс (Πατριώτης) сообщает: «Варвары именовали друг друга не гражданами (πολίτας), а соотечественниками (πατριώτας)... Платон в «Законах» и греков называет «соотечественниками»». У Гесихия Александрийского читаем: «Соотечественник (πατριώτης) у афинян — варвар, не гражданин (πολίτης)». — *219.*

[33] Ср.: *Аристотель.* Политика I 2, 1255b 33—35. — *220.*

[34] В трактате «О возвышенном» Псевдо-Лонгин приводит эту метафору Платона как пример холодности речи возвышенного стиля (IV 6). — *221.*

[35] Ср. слова Ликурга у Плутарха: «Лишь тот город не лишен укреплений, который окружен мужами, а не кирпичами» (Ликург XIX). — *221.*

[36] Схолиаст поясняет эти слова как пословицу о тех, кто делает что-либо напрасно, тщетно. — *222.*

[37] Аристотель рассказывает: «Когда Ликург, по преданию, попробовал подвести под свои законы и женщин, они стали сопротивляться этому, так что Ликургу пришлось отказаться от своего намерения» (Политика II 6, 1270a 6—8). — *223.*

[38] Возможно, искажение текста. Перевод «жилье» — по Апельту, предложившему вместо βρωμάτων, «пища», читать στρωμάτων, «под стилка», «ложе». — *224.*

[39] *Дары Деметры* (см.: т. 1, Кратил, прим. 56) и *Коры,* ее до чери, — злаки, хлеб. О *Триптолеме* см.: т. 1, Апология Сократа, прим. 54. — *224.*

[40] Ср.: т. 3, Государство VIII 565d — о человеческих жертвах в храме Зевса Ликейского в Аркадии, о чем свидетельствует Павсаний (VIII 38, 7). Павсаний также рассказывает о Ликаоне, зарезавшем на алтаре Зевса младенца: «...сейчас же после этой жертвы он из человека был обращен в вол-

ка» (VIII 2, 3). Плутарх сообщает о человеческом жертвоприношении, совершенном Фемистоклом накануне Саламинской битвы в честь Диониса Оместа — пожирающего сырое мясо» (Фемистокл XIII). — *224.*

[41] Не вкушали мяса орфики и пифагорейцы. В «Послезаконии» Платон пишет о том, что «начатки знаний» — выращивание злаков и производство круп — в значительной мере отучили людей от питания мясом (975ab). — *224.*

[42] См.: т. 2, Пир, прим. 7. — *226.*

[43] Не вполне ясное место. Перевод предположительный. — *227.*

КНИГА СЕДЬМАЯ

[1] Сравнение из торгового обихода. См.: *Hesich.* Δείγματα. — *228.*

[2] Имеется в виду выработка так называемой калокагатии; см.: т. 1, Алкивиад I, прим. 48. — *228.*

[3] Ср.: *Аристофан.* Птицы 1290 — о «птицебезумии» афинян. — *228.*

[4] См.: т. 1, Критон, прим. 19. — *230.*

[5] См. у Аристотеля рассуждение о том, что человек «потому и имеет руки, что он — разумнейшее животное» и что «рука — как бы инструмент инструментов», а тому, «кто может воспринять наибольшее число искусств, природа дала руку, наиболее пригодный из инструментов» (О частях животных IV 10, 687а). — *234.*

[6] См.: т. 1, Лисид, прим. 14. — *234.*

[7]*Панкратий* — борьба в соединении с кулачным боем. Спартанцы не занимались этим видом гимнастических упражнений. — *235.*

[8] См.: т. 1, Евтидем, прим. 52. — *235.*

[9] Об *Антее* см.: т. 2, Теэтет, прим. 33. *Керкион* — сын Посейдона (по схолиасту, сын Бронха и нимфы Аргиопы). Его убил в Элевсине по пути в Афины герой Тесей (*Овидий.* Метаморфозы VII 439). Принуждал к борьбе путников и употребил впервые, по схолиасту, борьбу с помощью ног, в то время как Тесей изобрел кулачный бой. *Эпей* — сын Панопея, прославился как кулачный боец. Победил Евриала на погребальных играх в честь Патрокла (Ил. XXIII 664—691). Известен также как строитель деревянного коня (*Вергилий.* Энеида II 264). *Амик* — сын Посейдона, царь страны Бебриков, заставлявший путников вступать с собой в кулачный бой. Был убит Полидевком (Аполлодор II 1—97; Theocr. XXII). Первый изобрел ремни для обвязывания рук во время боя. — *235.*

[10] *Куреты* — критские «демоны» (жрецы), родственные корибантам; см.: т. 1, Критон, прим. 19. См. также: *Diod.* X 3, 6, 7. 19—21. О *Диоскурах* см.: т. 1, Евтидем, прим. 41; см. также: *Гомер.* Ил. III 236—244. Од. XI 298—304. Игры в их честь — Диоскурии — устраивались также в Афинах. — *236.*

[11] Имеется в виду Афина. Ср. у Лукиана описание *пляски* Афины, *в полном вооружении* появившейся из головы Зевса: «А она уже скачет и пляшет военный танец, потрясает щитом, поднимает копье и вся сияет божественным вдохновением» (Разговоры богов 8). — *236.*

[12] В Лакедемоне девушки устраивали хоры и танцы в честь девы Артемиды Кариатидской (*Павсаний* III 10, 7). — *236.*

[13] Ср. у Аристофана описание разных торжеств в Афинах (Облака 307—309). — *236.*

[14] Имеются в виду низшие божества. О *Мойрах* см.: т. 3, Государство X, прим. 29. — *239.*

[15] См. кн. III, прим. 42. — *239.*

[16] *Нечистые дни* (по словарю Суда и Гесихию) — те, когда приносят жертвы умершим. О нечистых, или «пагубных», днях рассуждает Лукиан. Это дни, «когда должностные лица не отправляют своих обязанностей, когда нельзя ни тяжбы ставить на рассмотрение суда, ни жертвы приносить, ни вообще совершать дела, требующие благих предзнаменований» (Лжец 12).

Как объясняет схолиаст, по одним сведениям, плакальщики *на похоронах* были карийцы (М. Азия), а по другим — само погребальное пение нестройно и похоже на варварское, *карийское.* Гесихий (Καρίναι) объясняет, что плакальщиков, сопровождавших покойника к могиле, называли каринами. — *240.*

[17] *Благоречье,* евфемия — не только благоговейная молитва, но и благоговейное молчание. — *241.*

[18] Ср.: т. 3, Государство III 401a—*с.* — *241.*

[19] Ср. метафору из морской практики в «Федоне» (85d), где говорится о плавании через жизнь на плоту или на более устойчивом судне. — *243.*

[20] *Гомер.* Од. III 26—28. Пер. В. Жуковского. — *244.*

[21] Ср. выше (803с), а также кн. I, 644a и прим. 35. — *244.*

[22] Диодор Сицилийский, описывая законодательство Харонда, сообщает, что «все дети граждан должны были учиться читать и писать, обучаясь за счет государства, нанимавшего учителей» (XII 12). — *244.*

[23] *Савроматиды* — амазонки, от брака которых со скифами произошло племя савроматов (*Геродот* IV 113—116). — *245.*

[24] Имеется в виду Аттика. — *245.*

[25] О *гимнастических упражнениях* девушек и женщин в Спарте читаем у Плутарха (Ликург XIV, сл.). — *246.*

[26] Красочное и детальное описание хозяйственных забот идеальной жены в зажиточной афинской семье находим у Ксенофонта (Домострой 7—9 // Сократические сочинения). — *246.*

[27] Ср. V 739a — е. — *246.*

[28] См. II 665d. — *252.*

[29] В трагедии Эсхила «Семеро против Фив» Этеокл с возмущением говорит о женщинах:

Вас спрашиваю, женщины, несносный род,
Что это: помощь города спасению,
Опора сердцу войска осажденного —
Богов кумиры обнимать, упавших в пыль,
Вопить и плакать? Вы чума для мудрых всех!
И в дни беды и в счастья дни чудесные
Мне с женщинами тошно хороводиться.
Они упрямо-дерзки в торжестве своем.
А в страхе — зло вдвойне семье и городу.

181—190, *пер. А. Пиотровского.* — *254.*

[30] Эта военная пляска метрически выражалась стопой, состоящей из двух кратких слогов (пиррихий), имитирующих быстрые и ловкие движения. — *255.*

[31] Ср. у Ксенофонта (Пир 7) слова Сократа о танцах, которые изображают «такие положения, в которых рисуют Харит, Ор и нимф». Атеней рассказывает о танцовщицах на свадьбе, «одетых, как нереиды и нимфы» (IV 130а). — *255.*

[32] Букв, «находящаяся в согласии с ладом», т. е. «приличная». Гесихий (Ἐμμέλεια) поясняет: «Вид пляски. Платон хвалит ее... Названа так по определенному ладу или по тому, что с ним связано. Пляска трагическая». В комедиях и сатировских драмах были пляски с резкими и непристойными телодвижениями, так называемые кордакс и сикин. — *256.*

[33] Проблема объединения *серьезного* и *смешного* характерна для Платона как ученика Сократа. По этому принципу строится, например, жанр пира, где самые сложные темы преподносятся в обстановке смеха и шуток (см. «Пир» — одноименные сочинения — Платона, Ксенофонта, Плутарха). На единении серьезного и смешного построена также сократовская ирония. Ср.: т. 2, прим. 99 к диалогу «Пир». — *256.*

[34] Ср. этот диалог государственных мужей и трагических поэтов с обращением законодателей идеального государства к изгоняемому Гомеру (Государство III 398а). — *257.*

[35] О *необходимости* и ее силе см.: т. 3, Тимей, прим. 74. — *258.*

[36] Здесь, несомненно, пифагорейская увлеченность Платона наукой о числах, которая дала себя знать во многих диалогах, а особенно в кн. VIII «Государства» (см., напр., прим. 14 к ней в т. 3) и в «Тимее» (см., например, прим. 48 к нему в т. 3). Ср. также представление Платона о боге как геометре — прим. 9 к кн. VI. — *258.*

[37] Ср.: т. 1, Протагор 356е, Горгий 451b. — *259.*

[38] Диодор Сицилийские подробно рассказывает об обучении письму (обычному и священному), арифметике, геометрии и астрологии египетскими жрецами своих сыновей. Дети простых людей обучаются своими родителями или родственниками определенному ремеслу. Обучать чтению имеют право лишь посвященные в искусства. Борьбе и музыке не обучают, так как первая предосудительна, а вторая изнеживает человека (I 81). — *259.*

[39] *Игру в шашки* Платон ставит рядом с арифметикой, искусством счета и геометрией. См.: т. 1, Горгий 450d, прим. 6. — *260.*

[40] *Блуждающие* (πλανήτης), т. е. планеты. — *261.*

[41] *Утренняя заезда* — Геосфор и *Вечерняя* — Геспер — не что иное, как одна и та же планета Венера, или по-греч. Фосфор (несущая свет), которая при удалении к востоку бывает видна после захода солнца как яркая вечерняя звезда, а при удаления к западу перед рассветом — как яркая утренняя. Уже Пифагор знал о тождественности этих светил. — *262.*

[42] О движении планет см.: т. 3, Тимей, прим. 49, 53. — *262.*

[43] О разных видах *охоты* см.: т. 2, Софист, прим. 7. Об охоте и образах охоты у Платона см.: *Classen C. J.* Untersuchungen zu Platens Jagdbildern. Berlin, 1960. — *264.*

КНИГА ВОСЬМАЯ

[1] См.: т. 1, Горгий, прим. 84, а также прим. 46. — *266.*

[2] О взаимоотношении *души* и *тела* см.: т. 1, Горгий, прим. 45 и прим. 80, с. 812—813. — *266.*

[3] См.: т. 1, Ион, прим. П. — *267.*

[4] Аттический *стадий* равен 177,6 м. 60 стадий — около 11 км. — *270.*

[5] *Крит* с его пересеченной местностью был неудобен для конного спорта. — *0271.*

[6] *Лай* — фиванский царь, отец Эдипа, похитивший Хрисиппа, сына Пелопа (*Athen.* XIII 602f // *Athenaeus.* The deipnosophists / By Ch. B. Gulick. I—VII. London, 1957—1963), за что был проклят сам, а также весь его род. Эту же историю рассказывают Аполдодор (III 5, 5, 10) и Элиан (Пестрые рассказы / Пер. С. Поляковой. М.; Л., 1963. XIII 5). См. также изложение мифа у Гигина (fab. 85 Rose). — *273.*

[7] *Фиест* и его дочь Пелопия были родителями Эгисфа (см.: т. 1, Феаг, прим. 10), если судить по примечанию Цеца к сообщению Аполлодора, не указывающего имени дочери (*Apollod.* Epitom. II 14). Об *Эдипе* см.: т. 1, Алкивиад II, прим. 2, 3. По Гигину (fab. 238 Rose), «Эол убил свою дочь Канаку из-за кровосмешения с братом Макареем». — *276.*

[8] Об *Икке* см.: т. 1, Протагор, прим. 24. — *277.*

[9] О *Крисоне* см. там же, прим. 44. *Астил* из Кротона — бегун, победитель на 73-х Олимпийских играх. *Диопомп* — известный бегун, которого схолиаст именует фессалийцем. — *277.*

[10] Имеется в виду *Афродита* Пандемос, см.: т. 2, Пир, прим. 31 и 40. — *278.*

[11] О скромности брачных обычаев в Спарте пишет Плутарх, приписывая Ликургу введение «стыдливости и сдержанности», а также изгнание «пустого бабьего чувства ревности»: он научил «сограждан смеяться над теми, кто мстит... видя в супружестве собственность, не терпящую ни разделения, ни соучастия» (Ликург XV). — *278.*

[12] В Спарте каждый участник общих трапез, сисситий, вносил ежемесячно в установленном размере ячменную крупу, вино, сыр, финики, смоквы и 10 оболов на мясо. На Крите все доходы с общинной земли делились пополам, одна половина шла на управление государством и па храмы, другая — на сисситий. — *279.*

[13] *Зевс* как *охранитель рубежей* встречается крайне редко. Кроме Платона см. у Демосфена об алтаре Зевса — охранителя границ за пределами Херсонеса (VII 39 // *Демосфен.* Речи / Пер. С. И. Радцига. М., 1954). Зевс — охранитель рубежей соответствует термину «божественное олицетворение границы» (*Plut.* Num. XVI). «Охранитель рубежей» не является сакральным эпитетом Зевса и потому не засвидетельствован в изд. «Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur». Coll., disp., ed. C. Bruchmann. Lips., 1893 (отд. изд. и в качестве дополнения в мифологическом лексиконе Рошера). — *280.*

[14] «Единоплеменный» не является сакральным эпитетом Зевса. О *Зевсе Гостеприимном* см. кн. V, прим. 2. — *280.*

[15] Ср. сентенцию Гесиода о *соседях:*

Истая язва — сосед нехороший; хороший — находка.
В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких,
Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы.

Работы и дни 346—348, *пер. В. В. Вересаева. — 281.*

[16] *Богиня* — Деметра или богиня Урожая — Опора. Виноградная лоза посвящена Дионису. См.: Гомеровские гимны VII 39 сл. Пер. В. В. Вересаева //Античные гимны. М., 1988. — *282.*

[17] Созвездие *Арктура,* так называемого стража Большой Медведицы (*Гесиод.* Работы и дни 566—568), иначе еще называли Волопасом (Боотом) (*Гомер.* Од. V 272). *Штраф* вносился в храм Диониса. — *282.*

[18] Ср. строгую регламентацию ремесел в «Государстве», где каждый должен владеть только одним ремеслом, но зато хорошо (II 370bc; III 394c). — *284.*

[19] *Закон* о совместном столе. — *285.*

[20] Колония, о которой идет речь, устраивается на древней земле *магнетов,* выходцев из Фессалии. — *286.*

[21] Т. е. *метек* (см. ниже, 850c, IX 866c) — свободный иностранец, долгое время живущий в Афинах, но ограниченный в правах. Например, метеки не имели в собственности земли, однако несли военную службу и повинности. В Спарте же метекам оседлость не дозволялась (*Xen.* Lac. pol. XIV; *Плутарх.* Ликург XXVII). — *287.*

КНИГА ДЕВЯТАЯ

[1] Здесь метафора, происходящая от поверья, что семя, при посеве попавшее на рог вола, становится таким же твердым. См. у Теофраста (De causis plant. IV 12, 13 Wimmer). — *289.*

[2] Ср. с унизительными наказаниями законодателя Харонда: вместо смертной казни он предписывал одевать мужчин в женское платье и заставлял их сидеть три дня на площади для всеобщего осмеяния и позора. — *291.*

[3] Платон явно противопоставляет ученого и философствующего врача, какими были, например, Эриксимах и его отец Акумен (см.: т. 2, Пир, прим. 16), врачу-эмпирику. Первый лечит человека в целом, второй видит лишь какое-то отдельное заболеваяие. Первый обладает свободно рассуждающим умом, второй рабски зависит от опыта. — *293.*

[4] Букв. δόξα σοφίης — то, что Платон именует «мнением» в отличие от истинного знания и против чего он постоянно борется. Ср.: т. 1, Менон, прим. 44. — *300.*

[5] Как видно, по Платону, преступник, нарушивший закон в безумии или болезни, освобождается от наказания, но возмещает вред — пеней и религиозным очищением. В архаической Греции за преступление, и без смягчающих обстоятельств, даже за убийство, было до статочно пени. У Гомера читаем:

Ведь даже и брат за убитого брата
Вознагражденье берет, и отец за умершего сына!
И средь народа убийца живет, заплатив сколько нужно,
Пеню же взявший и мстительный дух свой, и гордое сердце —
Все укрощает.

Ил. IX 632—636, *пер. В. В. Вересаева. — 301.*

[6] Об очищении в храме Аполлона Дельфийского и недостаточности этого ритуала в случае преднамеренного убийства см.: *Эсхил.* Евмениды. — *302.*

[7] Ср.: *Гомер.* Ил. XXIV 480—484, где убийца внушает ужас тем, с кем он встретился. — *302.*

[8] Об изгнании убийцы читаем у Еврипида:

Нет, хорошо придумали отцы:
Как человек запятнан кровью, встречи
Он должен избегать и не позорить
Согражданам глаза, сначала пусть
Очистится изгнаньем.

Орест 512 — 516, *пер. И. Анненского. — 302.*

[9] См. 8, прим. 21. — *303.*

[10] Выше, 865е, срок изгнания за то же преступление определен в один год. — *304.*

[11] Наказание смертью, см. выше, 866с. — *305.*

[12] Ср. беспощадность афинского законодателя к убийце родите лей и трактовку этой темы у греческих трагиков, особенно у позднейшего из них, Еврипида (в «Оресте»), у которого мудрый Тиндар осуждает «кровавую цепь» убийств, когда вместо судьи над убийцей появляется палач. «...Убийцы не убивай. Иначе загрязнен всегда один последний мститель будет» (516 сл.). — *306.*

[13] Имеется в виду стремление к наживе. — *307.*

[14] Т. е. Дика — богиня справедливости. О ней Платон говорит не раз. См.: т. 1, Горгий, прим. 80, с. 813; т. 2, Федр 247. — *310.*

[15] В трагедии Еврипида «Орест» граждане решают голосованием судьбу Ореста *я* Электры, убивших мать: «Камнями побить иль не побить?» (442). — *310.*

[16] Интересно рассуждение Аристотеля о самоубийце, который, убивая себя «против веления истинного разума», чего не дозволяет закон, совершает преступление «против государства, а не против себя... поэтому-то его и наказывает государство» и налагает на него «известного рода бесчестье» (Никомахова этика V 15, 1138а 9—14). — *311.*

[17] Ср., например, мнение Плутарха, который считал «нелепыми» аттические законы Солона о женщинах, включавшие убийство любовника жевы или штраф в 100 драхм за похищение и изнасилование свободной женщины (Солон XXIII). См. также знаменитую речь Лисия «Об убийстве Эратосфена» (I). Муж, убивший любовника жены, оправдывает себя, ссылаясь на старинный аттический закон. — *311.*

[18] Ср. вышеизложенные рассуждения Платона о наказаниях и книгу V «Никомаховой этики» Аристотеля, посвященные выработке определения справедливости и несправедливости в плане частном и государственном. — *312.*

[19] Возможно, текст искажен. — *318.*

[20] У Еврипида Гермиона призывает Зевса — *покровителя родственных связей* (Андромаха 921), а у Аристофана к нему взывает раб Ксанфий (Ran. 750). — *319.*

КНИГА ДЕСЯТАЯ

[1] Сократ в «Воспоминаниях...» Ксенофонта говорит своему собеседнику, что государство подвергает наказанию и «не допускает к занятию государственных должностей» тех, «кто не почитает родителей». «Если кто не

украшает могил умерших родителей, и об этом государство производит расследование при испытании должностных лиц» (II 2, 13). — *320.*

[2] Взгляд, впоследствии широко распространенный в эпикурей стве с его междумириями, где обитают боги независимо от мира, см. также ниже, 888с. — *320.*

[3] Доказательство *существования богов* в данном месте можно сравнить с рассуждением Протарха в «Филебе» (28е), где для его признания он считает вполне достаточным чувственно представляемый мир с Солнцем, Луною и звездами. Подобную же аргументацию народного верования находим у эпикурейца Лукреция: люди стали верить в богов,

Видя, что ночь и луна по небесному катятся своду,
День, и ночь, и луна, и ночи суровые знаки,
Факелы темных небес и огней пролетающих пламя...

V 1189—1191, *пер. Ф. Петровского.*

Известны также знаменитые строки Цицерона о том, что всякий раз, «как мы смотрим на небо и созерцаем небесные явления», мы не можем «не почувствовать внутренне, что есть существо, превосходящее всех совершенством своего разума, которое всем этим управляет» (О природе богов II 2). В «Тускуланских беседах» Цицерон еще раз повторяет: «Мы верим в существование богов, потому что нет ни одного столь дикого народа, нет никого столь грубого из всех людей, чтобы представление о богах не завладело его умом» (I 13, 30). — *321.*

[4] Здесь, возможно, Афины противопоставляются Спарте и Криту (как это очень часто встречается в «Законах»). Однако, по мнению некоторых, это место надо понимать более отвлеченно, а именно «в другом духовном мире». — *321.*

[5] Имеется в виду поэма Гесиода «Теогония». — *322.*

[6] См. критику гомеровского и гесиодовского представлений о богах у философа-досократика Ксенофана (В 11, 12 Diels). См. также: т. 2, Софист, прим. 24. — *322.*

[7] Имеется в виду учение Анаксагора об Уме, которое не раз упоминается Платоном. См.: т. 1, Горгий, прим. 18. — *322.*

[8] *Некоторые* — философы-досократики, так называемые натур философы. О происхождении всего из *природы* см.: т. 2, Софист, прим. 23. О «случае» и «самопроизвольности» — там же, прим. 45. О соотношении природы и случая в историческом плане см.: *Тахо-Годи А.* Природа и случай как стилистические принципы новоаттической комедии // Вопросы классической филологии. 1971. № 3—4. С. 217—272. — *324.*

[9] Имеются в виду те же натурфилософы. — *324.*

[10] Ср.: т. 2, Софист, прим. 16, 18. — *325.*

[11] Ср.: Тимей 38е — о телах в космосе, связанных «одушевленными узами». — *325.*

[12] Ср. происхождение космических тел и времени в «Тимее» (38с — 39с), где они связаны с деятельностью демиурга, а не *природы* и *случая,* по учению досократиков. — *325.*

[13] Имеются в виду взгляды софистов с их апологией искусства, мастерства, сноровки человека. См.: т. 1, Горгий 448с и прим. 2. — *325.*

[14] Ср.: т. 1, Горгий, прим. *32.* — *325.*

[15] Диоген Лаэрций свидетельствует, что первым учил об этом Архелай, учитель Сократа. У него «справедливое и постыдное существуют не по природе, а по закону» (II 4, 16), т. е. являются вещами относительными, условными, зависимыми от человеческих установлений. У Ксенофвнта софист Гиппий говорит Сократу: «А разве можно придавать серьезное значение законам и повиновению им, когда сами творцы их часто отменяют их и переделывают?» (Воспоминания... IV 4, 14). — *325.*

[16] Противопоставление *природы* и *закона* характерно для софистов. См.: т. 1, Гиппий Больший, прим. 14, Протагор, прим. 46, Горгий, прим. 30. — *326.*

[17] Ср.: т. 1, Апология Сократа, прим. 23, где говорится о том, что в этом же грехе обвиняли Сократа его противники. — *326.*

[18] Ср.: т. 3, Тимей 34с — о *душе,* которая *старше тела* и господствует над ним. — *328.*

[19] См. о семи *видах движения:* т. 3, Тимей, прим. 43. — *331.*

[20] Здесь излагается точка зрения Анаксагора, см.: т. 1, Горгий, прим. 18. — *332.*

[21] Огонь как первоначало — у Гераклита, а вода — у Фалеса. См. также прим. 8. См.: т. 1, Гиппий Больший, прим. 2, 21, Федон, прим. 47. — *332.*

[22] О самодвижущей и вечной душе см.: т. 2, Федр 245с — е: «Вечнодвижущееся бессмертно... Только то, что движет само себя, раз оно не убывает, никогда не перестает и двигаться, и служить источником и началом движения для всего остального, что движется». Аристотель пишет о том, что «познание души может дать много нового для всякой истины, главным же образом для познания природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ» (О душе I 1, 402а 4—6).

Стоически настроенный Цицерон также рассуждает о вечности того, что постоянно движется, не имея ни начала, ни конца движения. То, что «само собой движется», не может «ни работать, ни умереть», а само это и есть не что иное, как душа, и притом, конечно, вечная, сознающая, что она «движется своею, а не чужою силою». Любопытно, что Цицерон, подбирая аргументацию вечности и самодвижности души, полагает, что «плебейские философы», т. е. те, которые не соглашаются с Платоном, Сократом и их последователями, «не только не изложат ничего так точно, но даже этого самого, хоть оно просто изложено, не поймут» (Тускуланские беседы I 23). — *333.*

[23] В «Тимее» Платона сам Тимей, излагающий учение о космической *душе* и демиурге, решительно утверждает его благость, боясь помыслить о том, что он может не быть благим (29а). Сам же космос, или космическая душа, тоже один живой организм (30d), созданный по образу творящего (31ab). Таким образом, представление о двух душах, или демиургических началах, из которых одно благое, а другое противоположно ему, противоречит «Тимею».

Плутарх в трактате «Об Иаиде и Озирисе», рассматривая религии восточных народов — халдеев, персов, египтян, полагает, что «самые мудрые из них» признавали два принципа в основе мира (De Iside et Osiride 40 // Moralia. Vol. II / Rec. et emend. W. Nachstadt — W. Sieveking, J. B. Titchines. Leipzig, 1971). В связи с этим он излагает учение Зороастра о мировой борьбе блага — Ормузда и зла — Аримана. В подтверждение своей мысли Плутарх приводит доказательства из греческой философии (48). Он

перечисляет Эмпедокла с его Любовью и Враждой, Гераклита с его Войной — отцом всех вещей, пифагорейцев с их оппозициями, Анаксагора, у которого есть благой Ум и дурная бесконечность — апейрон. Здесь же находит место Платон, обычно, как отмечает Плутарх, скрывающий свои взгляды, но все-таки признающий одно — неизменное, благое и другое — изменяемое, злое. Однако в «Законах» Платон «без загадок и аллегорий» приходит к выводу о мире, управляемом доброй и злой душой, помещая между ними третью субстанцию, находящуюся всегда под влиянием этих двух мировых душ и выбирающую лучшую из них. На этом основании Плутарх сближает философию Платона с египетской теологией. Климент Александрийский со своей стороны полагает, что намек языческой философии на «дьявольское, демоническое начало заключается в учении о злой душе в десятой книге «Законов» Платона» (Строматы V 14, 92, 5—6). — *335.*

[24] Ср.: Тимей 34b — о душе, вложенной демиургом во вселенную, и 41 de — о душах, которыми он наделил все светила. — *337.*

[25] Ср.: Тимей 38с, 40d—41b, где весь космос наполнен богами. По свидетельству же Аристотеля, еще Фалес высказал мысль о том, что «все полно богов» (А 22 Diels), причем эту же мысль Фалеев подтверждает Аэций: «Бог есть разум мира, вселенная же одушевлена и вместе с тем полна демонов» (А 23 Diels). — *337.*

[26] См. прим. 2. — *337.*

[27] Ср. «Работы и дни» Гесиода, где «боги и люди» негодуют на тех, кто «праздно жизнь проживает, подобно безжальному трутню» (303сл.). — *339.*

[28] Ср. «Тимей», где бог сам именуется демиургом, т. е. ремесленником, *мастером* (28с) и даже строителем (29а). — *341.*

[29] Конъектура. — *342.*

[30] *Гомер.* Од. XIX 43. — *343.*

[31] О судьбе души в связи с мировой справедливостью см.: т. 1, Горгий, прим. 80. — *343.*

[32] *Гомер.* Ил. IX 500. — *345.*

[33] Само название тюрьмы от σώφρων — разумный — указывает на заключение с целью вразумления тех, кто совершил преступление не по злому умыслу, а по невежеству. — *347.*

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

[1] Имеется в виду Солон, который требовал наказать смертью всякого покусившегося на чужое (*Диоген Лаэрций* I 57). — *350.*

[2] Схолиаст к этому месту поясняет, что это может быть Артемида, или Селена, освещающая дороги ночью, или Аполлон-Агией, «Уличный», дающий свет днем, или Гермес — проводник путников. Однако Селена-Луна, как известно, отождествлялась с Гекатой-Тривией, «Владычицей перекрестков», так что, возможно, здесь имеется в виду эта последняя. — *350.*

[3] *Священная болезнь* — эпилепсия. — *353.*

[4] На это место Платона и на авторитет Пифагора и Сократа ссылается Климент Александрийский (Строматы V 14, 99, 1—3), признавая необходимость запрещения клятв. — *354.*

[5] Помещение, где собираются агорономы. — *355.*

[6] Помещение, где собираются астиномы. — *355.*

[7] *Гефест* — покровитель ремесленников, а особенно кузнецов. О его художественных работах см. у Гомера (Ил. XVIII 369—615 — щит Ахилла), Гесиода (Теогония 578—584 — венец Пандоры), Аполлония Родосского (Аргонавтика III 215—235 // Александрийская поэзия/Пер. Г. Церетели. М., 1972 — дворец, источники, медные быки, железный плуг). *Афина* здесь — Эргана, «Работница» (*Павсаний* I 24, 3), почиталась вместе с Прометеем в Академии (I 30, 2). Софокл писал о «рабочем люде, что грозноликой дочери Зевса Эргане» молится (fr. 760 N. — Sn.). См. также: т. 1, Протагор, прим. 33, Кратил, прим. 64. — *358.*

[8] *Арес* — бог войны, покровитель воинов, настолько срастается с представлениями о кровавых сражениях, что даже отождествляется с копьем, несущим смерть (Ил. XII 442—444), или самой битвой (*Эсхил.* Агамемнон 78). Мудрая Афина — покровительница героев, со своей стороны дает воинам разумность в защите государства. Ср.: Anth. Pal. XV 157 Beckby — об Афине Тритогении, которая «мощно хранит» детей города Кекропса. — *358.*

[9] Т. е. *Зевс* Полиух («Градодержец»), или Полней («Городской»), и Афина Полиада, Полиухос («Градозащитница») (Ил. VI 305 — ἐρυσίπτολις —покровители государственности). — *358.*

[10] Имеется в виду надпись на дельфийском храме: «Познай самого себя». См.: т. 1, Алкивиад I 124ab, прим. 46, Протагор 343ab. — *360.*

[11] Отзвуки этого обычая можно найти в знаменитой легенде о Софокле, обвиненном в безумии своим сыном и оправданном судом. Поздний ритор и юрист Квинтилиан подтверждает, что по закону сын может только в том случае обвинить отца, если «причиной будет слабоумие» (VII 4, 10). — *368.*

[12] См.: *Софокл.* Эдип в Колоне 421—460, где изгнанный слепой Эдип проклинает своих сыновей Этеокла и Полиника. — *369.*

[13] В «Илиаде» Гомера (444—480) старый *Феникс* рассказывает о своем отце *Аминторе,* проклявшем его в давние годы после того, как сын вмешался в распрю между отцом и матерью, задумав убить отца, а затем бежал из дома. *Тесей,* обманутый женой, проклял *Ипполита,* погибшего страшной смертью. См.: *Эврипид.* Ипполит. — *369.*

[14] В ответ на проклятие Аминтора и его обращение к Эриниям ему помогли Зевс подземный и Персефона (Ил. IX 457). Посейдон губит Ипполита, помогая Тесею. Алфея молила Аида, Персефону в Эринию о смерти своего сына Мелеагра; Эриния «просьбу ее услыхала в Эребе» (Ил. IX 565—572). — *369.*

[15] О колдовстве и ворожбе см.: *Феокрит.* Идиллия II («Колдуньи»), *Аполлоний Родосский* III 844—868 (Медея готовит зелье Язону), *Вергилий.* Буколики VIII 62—101 (заклятия, обращенные к Дарнису). — *371.*

[16] *Фемида* — богиня правосудия, которая некогда, еще до Аполлона, владела Дельфами и была дочерью Геи-Земли (*Эсхил.* Евмениды 1—8). Фемида даже отождествлялась с Геей-Землей, имея, однако, «один образ под множеством имен» (*Эсхил.* Прометей прикованный 209 сл.). — *375.*

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

[1] Имеется в виду гомеровский гимн III «К Гермесу», сюжет которого — воровство и обманы ловкого малыша, сына Зевса и Майи, Гермеса. — *377.*

[2] Осуждение *безначалия* находим у Софокла:

А безначалье — худшее из зол.
Оно и грады губит, и дома
Ввергает в разоренья, и бойцов,
Сражающихся рядом, разлучает.
Порядок утвержден повиновеньем.
Нам следует поддерживать законы...

Антигона 672—677, *пер. С. Шервинского. — 378.*

[3] У Гесиода читаем:

Есть еще дева великая Дика, рожденная Зевсом,
Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.
Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,
Подле родителя-Зевса немедля садится богиня
И о неправде людской сообщает ему.

Работы и дни 256—260, *пер. В. В. Вересаева. — 379.*

[4] См.: *Гомер.* Ил. XVI 792—800 — Аполлон сбивает шлем с головы *Патрокла,* сына Менетия. XVII 125 — 127 — *Гектор* снял с Патрокла доспехи. Доспехи Ахилла были подарены богами *Лелею* в день его свадьбы с Фетидой (Ил. XVIII 83—85). — *380.*

[5] См.: кн. IV, прим. 5. — *380.*

[6] Как сообщает схолиаст, фессалийца *Кенея,* бывшего некогда девушкой Кенидой, превратил в мужчину Посейдон. Эта история рассказана Овидием в «Метаморфозах» (XII 189—209), где Кенида превращена в мужчину по собственной воле, получив в дар от Посейдона неуязвимость. — *380.*

[7] *Евфины* — 10 должностных лиц в Афинах, проверявших денежные отчеты в государстве. Греч. εὐθύνη — отчет. — *381.*

[8] *Гелиос* — сын титана Гипериона (*Гесиод.* Теогония 371—374), бог-Солнце, с которым позднее отождествляли Аполлона. — *382.*

[9] В греч. тексте остается неясным механизм первоначального избрания *евфинов:* является ли 75-летний возраст пределом пребывания в должности, или он ограничивает лишь возможность участия в выборах; не ясен также и механизм дополнительных выборов евфинов. — *382.*

[10] *Феория* — священное посольство. Например, известны феории, посвященные Аполлону, на о-в Делос. См.: т. 1, Критон, прим. 1, а также т. 2, Федон 58а—*с — 383.*

[11] *Пифия* — пророчица в Дельфийском храме Аполлона (см.: т. 2, Федр, прим. 27). — *383.*

[12] Блаженным после смерти считается добродетельный и безупречный человек. Ср. у Гесиода об умерших людях серебряного века:

После того, как земля поколенье и это покрыла,
Дали им люди названье подземных смертных блаженных.

Работы и дни 140 сл., *пер. В. В. Вересаева. — 383.*

[13] См.: т. 1, Апология Сократа, прим. 54. — *384.*

[14] См. у Гесихия Александрийского и в словаре Суда о Радамантовой клятве (Ραδάμανφυς ὅρχος). — *384.*

[15] Здесь *феор* — блюститель законов. В Мантинее, например, феоры принимали договорные клятвы верности (Фукидид V 479). — *387.*

[16] В *Олимпии* (долина реки Алфея в с.-з. части Греции, Элиде) была роща, посвященная Зевсу, его храм со статуей работы Фидия и стадион, где происходили Олимпийские игры и где некогда победителем оказался сам Аполлон (*Павсаний* V 7, 6—11). В *Немее* праздновались игры, основанные семью вождями во время их похода на Фивы. На *Истмийском* перешейке были роща и храм Посейдона и устраивались игры, основанные Тесеем (*Плутарх.* Тесей 25). В Олимпии победителей увенчивали венком из маслины, в Дельфах — лавром, в Немее — венком из сельдерея, а на Истме — сосновым венком (*Павсаний* VIII 48, 2). См. также: т. 1, Критон, прим. 4, Феаг, прим. 25, т. 2, Федр, прим. 27. — *387.*

[17] *Героический стих* — гекзаметр — шестистопный дактиль с усеченной последней стопой. Им писались героические поэмы. — *395.*

[18] Солон, например, издал закон, запрещавший женщинам вопли и причитания по покойникам и хождение на чужие могилы, кроме как в день похорон (*Плутарх.* Солон XXI). — *396.*

[19] О видах *добродетели* ср.: т. 1, Менон, прим. 8, а также: Протагор, прим. 29, Горгий, прим. 27 и 31. — *401.*

[20] Апельт предлагает поправку: вместо не очень уместного χεχτηἐνους — «имеющих», которое вынуждает переводчика добавлять «эти знания» (в тексте таких слов нет), — читать χεχλημἐνους — «называемых» и переводит: «Будем ли мы называть одинаково?» (т. е. одних и других). — *402.*

[21] См. X, прим. 6. — *404.*

[22] См. там же, прим. 7. — *405.*

[23] Ср.: т. 3, Государство X 607с и прим. 12. — *405.*

[24] См. X, прим. 20. — *405.*

[25] По схолиасту, эта поговорка из комедии Ферекрата «Человеко-муравьи» основана на том, что в игре в кости трижды шесть свидетельствует о «полной победе». — *408.*

ПОСЛЕЗАКОНИЕ

[1] Ср. у Софокла:

> Что нам долгие дни! Они
> Больше к нам приведут с собою
> Мук и скорби, чем радостей.

Или:

> Не родиться совсем — удел
> Лучший. Если ж родился ты,
> В край, откуда явился, вновь
> Возвратися скорее.

Эдип в Колоне 1215—1217, 1224—1227,
пер. С. Шервинского. — *408.*

[2] Текст испорчен. — *410.*

[3] Ср.: т. 3, Тимей 34а — 36е — о числовых законах и соотношениях космоса, который есть не что иное, как божество. — *412.*

[4] Для Платона с его пифагорейскими симпатиями все выразимо через *число.* Ср.: т. 3, Государство, кн. VIII, прим. 14 — о брачном числе. — *413.*

[5] Известны «Теогонии» Гесиода, Ферекида Сирского, Эпименида, орфиков. — *415.*

[6] Неясно, что имеется в виду. Выше об этом не говорилось. — *415.*

[7] Текст древних рукописей испорчен. Перевод по варианту более поздних рукописей, приводимому Барнетом в критическом аппарате. — *415.*

[8] См.: Законы, кн. X, прим. 20. — *416.*

[9] Ср.: т. 3, Тимей, прим. 40, 70 — о геометрическом соотношении элементов и происхождении живых существ. — *416.*

[10] Ср.: т. 3, Тимей, прим. 57. — *416.*

[11] См.: Политик, прим. 46. — *417.*

[12] См.: т. 1, Горгий, прим. 80, с. 812; т. 3, Государство, кн. X, прим. 29. — *417.*

[13] Ср.: т. 3, Тимей 40с. — *417.*

[14] Ср.: там же 40d—41a — о *богах,* произошедших от Земли и Неба. — *419.*

[15] См.: там же 41а—42е — противопоставление богов народной религии «богам видимым», *звездам* и даймонам. — *419.*

[16] О *даймонах* (гениях) см.: т. 1, Апология Сократа 27с — е, прим. 29; т. 2, Пир, 202de. — *419.*

[17] Имеются в виду нимфы вод, рек, источников. — *420.*

[18] Неясное место; перевод «мог бы» — по принятой рядом издателей поправке, даваемой Барнетом в критическом аппарате. В самом тексте у Барнета, как в рукописях: «не мог». — *420.*

[19] Солнечный и лунный год не одинаковы. — *420.*

[20] Ср.: т. 2, Федр, 246b, 247а—с. — *421.*

[21] Не вполне ясное место; в рукописях разночтение. — *422.*

[22] Ср.: т. 3, Тимей 38с и прим. 52 — об именах богов-планет. — *422.*

[23] См.: Законы IX, прим. 13. — *423.*

[24] Ср.: *Гесиод.* Работы и дни 383, 571, 597, 609, 615 ел., 619 сл.— о Плеядах, Сириусе, Орионе, Арктуре. О видах движения ср.: т. 3, Тимей, прим. 49, 52. — *424.*

[25] Слово «геометрия» букв, означает «измерение земли». — *425.*

[26] Ср. учение пифагорейцев о соответствии арифметических чисел и линий на плоскости, где единица соответствует точке, два — линии, определенной двумя точками, четыре — плоскости, определенной четырьмя точками, восемь — трехмерному телу, определенному восемью точками (кубу). — *425.*

[27] Платон здесь имеет в виду числа 9 и 8: 9 состоит из 6 + 3, т. е. 1/2 числа 6, а 8 состоит из 6 + 2, т. е. 1/3 числа 6. — *425.*

[28] Здесь явно учение о восхождении от *единичного* к общему, рейдовому. — *426.*

[29] Имеется в виду изучение законов космоса, неба, движения звезд, открывающих человеку мудрость демиурга, как его понимает Платон в «Тимее». — *426.*

ПИСЬМА

I

Письма адресованы разным лицам. Первые четыре и последнее (XIII) — тирану Сиракуз Дионисию Младшему (правил с 367 по 343 г.), к которому дважды приезжал Платон. Подробности см.: т. 1, *Лосев А. Ф.* Жизненный и творческий путь Платона. С. 24—30. I письмо считают подложным. Автор его, судя по всему, не знает обстоятельств, изложенных в VII письме.

[1] В рукописях разночтение: в одних стоит Платон, в других — Дион. — *428.*

[2] Платон был приглашен Дионисием Младшим в Сиракузы (365) для философских наставлений в управлении государством. — *428.*

[3] Стих неизвестного автора. — *428.*

[4] Имя вымышленное. — *428.*

[5] Fr. 956 N. — Sn. — *428.*

[6] Стих неизвестного автора. Fr. 347 adesp. Diehl. — *429.*

[7] Стих неизвестного автора. — *429.*

[8] Fr. 8 adesp. Diehl. — *429.*

II

Письмо относится ко времени между вторым и третьим посещением Сиракуз или после третьего приезда Платона. Составляет, по Ховальду, одно целое с письмом IV, а по Апельту, оно примыкает к письму XIII, одинаково с ним рисуя обстановку в Сиракузах.

[1] *Архедем* — ученик пифагорейца Архита (см.: т. 2, Парменид, прим. 26). В VII * 339ab упоминаются оба. *Дион,* близкий к Платону государственный деятель, брат жены Дионисия Старшего (см.: VIII, прим. 1), на дочери которого Дион был женат, в 366 г. был изгнан, пытался совершить политический переворот и в результате заговора убит (353). О нем см.: *Плутарх.* Дион. См. также VII, прим. 37. — *429.*

[2] О *Кратистоле* ничего не известно. *Поликсен* — ученик мегарика Бризона (см.: XIII 360d). Ховальд, однако, считает его лицом вымышленным. — *429.*

[3] В *Олимпии* проходило празднество в 364 г. — *429.*

[4] Ср.: т. 3, Государство VI 489bc — о том, что владыки должны приходить к дверям мудрецов. — *430.*

[5] *Гиерон* — тиран Сиракузский /ум. 467 г.), известный своим покровительством искусствам и наукам. Его воспел Пиндар, к нему приезжали Эсхил и Симовид Кеосский (см.: Гиппарх, прим. 1). *Павсаний* — спартанский полководец, правивший государством до совершеннолетия сына Леонида. Победитель над персами при Платеях (см.: т. 1, Мевексен, прим. 27), покоритель Кипра и Византия. Он вступил в конфликт с афинянами, которые заставили его умереть голодной смертью в храме Афины (467). — *430.*

* Здесь и далее в ссылках на Письма указываются только номера писем.

[6] О *Периандре* см.: т. 1, Феаг, прим. 12; о *Фалесе* и *Солоне* — там же, Гиппий больший, прим. 2; о *Перикле* и *Анаксагоре* — там же, Апология Сократа, прим. 27, Феаг, прим. 19, Горгий, прим. 18, 69. *Крез* — лидийский царь VI в., известный своим богатством, но побежденный Киром. О *Кире* см.: Законы, кн. III, прим. 30. — *430.*

[7] *Креонт* — властитель Фив после гибели сыновей Эдипа. *Тиресий* — прорицатель. См.: т. 1, Алкивиад II, прим. 3, 17. *Полиид* — прорицатель в Коринфе и Аргосе, потомок Мелампа и отец прорицательницы Манто. Помог Миносу воскресить его сына Главка (*Аполдодор* III 3, 1—2). О *Миносе* см.: Законы, преамбула к прим. О *Паламеде* см.: т. 1, Апология Сократа, прим. 56; об *Одиссее* — там же, прям. 57; об *Агамемноне* — там же и т. 2, Пир, прим. 4; о *Несторе* — т. 1, Гиппий больший, прим. 4; о *Прометее* и *Зевсе* — т. 1, Протагор, прим. 31. — *430.*

[8] Платон впервые приехал в Сицилию в 389—387 гг. — *430.*

[9] Имеется в виду модель небесной сферы. Ср.: *Цицерон.* О природе богов II 34, 88 — о «шаре, который недавно сделал Посидоний». — *431.*

[10] Автор письма, как проповедник монотеистически понимаемого демиурга, опасается, видимо, навлечь на себя обвинения, подобные предъявленным в свое время Анаксагору и Сократу. Его царь всего — бог, сотворивший мир, «второе» — вечные идеи, «третье» — душа мира, из которой создаются чувственные вещи. См.: т. 3, Тимей 28c, 52ab. — *431.*

[11] *Дорида* из Локр — жена Дионисия Старшего, которую он взял в жены в один и тот же день с Аристомахой, сестрой Диона, после смерти первой жены, дочери полководца Гермократа. — *432.*

[12] Ср. критику мнения «толпы» в «Апологии Сократа», «Критоне», «Горгии» и других диалогах. Отсюда стремление Платона создать эзотерическую науку для посвященных и попытка приписать давно умершему Сократу, герою всех (кроме «Законов») диалогов Платона, многие опасные в глазах «толпы» мысли. — *433.*

[13] Может быть, это софист *Ликофрон,* упоминаемый Аристотелем. — *433.*

[14] *Филистион* — врач при дворе Дионисия. *Спевсипп* (ок. 395—334), племянник Платона, сын его сестры Потоны и Евримедонта, был учеником Платона и его преемником по Академии, которую в 339 г. передал Ксенократу. См.: *Плутарх.* Дион XVII. — *433.*

[15] Возможно, имеется в виду дифирамбический поэт Филоксен (*Элиан.* Пестрые рассказы XII 44), наказанный еще Дионисием Старшим. — *433.*

[16] О *Гегесиппе* ничего не известно. — *433.*

[17] О *Лисиклиде* ничего не известно. — *433.*

III

Письмо, видимо, написано после третьего, последнего путешествия Платона в Сицилию (361—360 гг.) и перед первым изгнанием Дионисия Младшего из Сиракуз, захваченных Дионом.

[1] Имеется в виду посольство к оракулу Аполлону Дельфийскому. — *434.*

[2] Платона обвиняли в сговоре с *Дионом,* которого Дионисий изгнал в 366 г. перед приездом философа. — *434.*

[3] *Филист,* или Филистий, — известный сицилийский историк и государственный деятель, изгнанный Дионисием Старшим, но затем имевший большое влияние при дворе Дионисия Младшего. — *434.*

[4] Построение оправдательной части письма напоминает речь Сократа в «Апологии»: те же два вида клеветы и два типа обвинителей. — *435.*

[5] *Дион* был изгнан в результате происков Филиста в 366 г. и жил в Греции до 357 г., когда он овладел Сиракузами (*Diod.* XVI 6). — *435.*

[6] В этом месте речь идет о первом путешествии (366 г.) при Дионисии Младшем, но в общем счете — это второе путешествие Платона в Сицилию. О какой *войне* здесь идет речь, трудно сказать, так как с Карфагеном Дионисий заключил мир, а война с Луканией (Италия) шла очень вяло и была тоже завершена миром (*Diod.* XVI 5). — *435.*

[7] Вероятно, потому, что *Коринф* был метрополией Сиракуз. — *436.*

[8] *Гераклид* — полководец Дионисия Младшего, союзник Диона и его соперник, командовавший при нем флотом. Был убит с молчаливого согласия Диона незадолго до гибели самого Диона. *Феодот* — дядя Гераклида. См.: *Плутарх.* Дион XLV. О *Еврибии* ничего не известно. — *437.*

[9] Об *Архедеме* см.: II, прим. 1. *Аристокрит* упоминается в XIII 363d. — *437.*

[10] О *Стесихоре* см.: т. 2, Федр, прим. 25. — *438.*

IV

[1] Письмо, видимо, написано в 357 г., когда Дион лишил Дионисия власти. См.: *Плутарх.* Дион XXII — XXX. Интересно, что в подготовке решительных действий приняли участие племянник Платона Спевсипп и ученик Платона Евдем Кипрский. — *438.*

[2] О *Ликурге* см.: Законы, кн. I, прим. 1; о *Кире* — там же, кн. III, прим. 30. — *439.*

[3] См.: III, прим. 8. — *439.*

V

[1] *Пердикка III* — брат Филиппа II, македонский царь, погиб в борьбе с иллирийцами в возрасте немного старше 20 лет. Он правил в 365—360 гг. Письмо, таким образом, написано в промежутке между вторым и третьим приездом Платона в Сицилию. — *439.*

[2] *Евфрей* с о-ва Евбея — ученик Платона, посланный им как советник к царю Пердикке. Погиб, будучи противником македонской , партии Филиппа II. — *439.*

VI

[1] *Гермий* — родом из Вифиний, служил у тирана Евбула, владевшего городами Атарнеем, Ассом и другими, был соправителем Евбула, а после его смерти — тираном Атарнея. Известен своей приверженностью к наукам и искусствам. Был другом Аристотеля, жена того на его племяннице Пифии и посвятившего гимн во славу добродетелей Гермия. При его дворе бывали Ксенократ и другие платоники. Погиб в борьбе с персидским царем

Артаксерксом III. Гермий взял власть в 351 г. Следовательно, письмо написано в последние годы жизни Платона.

Эраст — родом из Скепсиса, близ Атарнея, философ, ученик Платона (*Диоген Лаэрций* III 46), друг Гермия. *Кориск* — родом из Скепсиса, как и Эраст. Философ, друг Аристотеля, отец Нелея, ученика Теофраста, передавшего ему свою библиотеку и книги Аристотеля. По Страбону, Эраст и Кориск — сократики (XIII 1, 54). — *440.*

[2] Слова Софокла: fr. 239 N. — Sn. — *441.*

[3] Страбон (XIII 1, 57) ошибочно, как это доказано, сообщает, что Гермий слушал Платона в Афинах. — *441.*

[4] Толкование этого места спорное. Одни (Апельт) считают, что здесь идет речь о Солнце и высшем божестве (Ср.: Государство VI 508а — 509b), другие же (Ховальд) предполагают в этих образах душу мира (см.: Тимей 37с) и демиурга, создавшего ее (там же, 40а). — *441.*

VII

Подлинность VII письма никем не оспаривается. Оно, видимо, написано после гибели Диона в 354 или 353 г.

[1] Сыну Диона *Гиппарину* в это время около 20 лет. Плутарх (Дион LV) ошибочно сообщает, что сын Диона погиб, едва выйдя из детского возраста. Гшшарин упоминается и в письме VIII 355е. Там же, 356а, есть упоминание о Гиппарине, сыне Дионисия Старшего и Аристомахи, который никак не подходит по возрасту к юному сынуДиона. — *442.*

[2] Платон вспоминает олигархический переворот так называемых тридцати тиранов в 404 г. Одним из главных деятелей этого времени был Критий, дядя Платона. О нем см.: т. 1, Хармид, прим. 4. — *442.*

[3] См.: т. 1, Апология Сократа 32с — е. — *443.*

[4] Имеются в виду демократы и вернувшийся с ними Фрасибул. — *443.*

[5] О процессе Сократа см.: т. 1, Апология Сократа, Критон; т. 2, Федон. Сократ заступился за Леонта Саламинского (Апология Сократа 32с). — *443.*

[6] Ср. эту мысль Платона с его структурой идеального государства, где управляют философы (т. 3, Государство). — *444.*

[7] *Дионисий Старший* умер в 367 г. — *445.*

[8] Возможно, здесь имеется в виду философ-киренаик Аристипп, проповедовавший удовольствия, или родственник Дионисия Поликсен. — *445.*

[9] *Мегары* расположены близ Афин. Платон после смерти Сократа прожил там некоторое время. — *446.*

[10] См.: *Плутарх.* Дион XIV. — *447.*

[11] Ср.: Законы XI 928de. — *449.*

[12] У Дионисия Старшего были *братья* Лептин и Теарид. — *449.*

[13] См.: Законы, кн. III, прим. 30 — 33 и 695bc — о Дарии и его борьбе за престол. — *450.*

[14] *Гелон* — тиран Сиракуз с 491 г. В 480 г. у Гимеры разбил карфагенян, напавших во главе с Гамилькаром на Сицилию. По Геродоту (VII 166), эта битва произошла якобы в один день с Саламинской победой греков над персами. — *450.*

[15] *Дион* вернулся в 357 г. — *450.*

[16] Имеются в виду братья Каллипп и Филострат, из которых первого называли учеником Платона. По Корнелию Непоту (Dion. 9, 6), оба убили Диона. По Плутарху, это сделал один Каллипп. По его словам, Дион был зарезан кинжалом, «словно жертва у алтаря»; сестру его и беременную жену бросили в тюрьму, где последняя родила сына (Дион LIV—LVIII). Плутарх полагает, что Каллипп и Дион были связаны общим посвящением в элевсинские божества, так что Каллипп, убив Диона в праздник Коры, совершил кощунство (LVI). Поэтому поводу Плутарх замечает, что «доблестные люди, которых производят на свет Афины, не знают себе равных в доблести, а порочные — в пороке» (LVIII). По Плутарху, Каллипп был убит пифагорейцем Лептином тем же кинжалом, которым Каллипп убил Диона. — *451.*

[17] См.: т. 3, Филеб, прим. 59. *Дионисий* был изгнан в Италиейские Локры, однако еще раз захватил власть в 346 г., от которой в 343 г. его принудил отречься Тимолеон. Жил затем как частное лицо' в Коринфе. — *452.*

[18] См.: II, прим. 5. — *452.*

[19] Ср.: Законы VI 753de. — *453.*

[20] *Архиг* — философ-пифагореец из Тарента (Ю. Италия) (ок. 400—365 гг.). Известен как механик, математик, геометр, музыкант, а также как талантливый стратег. Друг Платона, постоянно, помогавший ему во взаимоотношениях с Дионисием. В это время жил в Метапонте в Италии. — *454.*

[21] См.: II, прим. 1. — *455.*

[22] См. там же. — *456.*

[23] Неясное место. Ирмшер (Irmscher) переводит: «Мне известно, что по этим вопросам писали. Кто это был и что они писали — не имеет значения» (нем.). В издании Лёба (Loeb): «...однако они сами себя не знают» (англ.), т. е. их сочинения — полная бессмыслица. — *458.*

[24] Здесь излагается теория познания Платона, основанная на диалектике отдельного и общего, части и целого, вида и рода, причем общее всегда качественно отличается от составляющих его отдельных частей. — *460.*

[25] *Линкей* — сын Афарея, мифологический герой, обладавший удивительной зоркостью. — *460.*

[26] См.: *Гомер.* Ил. VII 360, XII 234 и др. — *461.*

[27] Сочинения «О природе» были традиционпы в среде греческих досократиков. — *461.*

[28] Ср.: т. 2, Федон (62а), где эту поговорку фиванцев (с особенностями их речи) произносит фиванец Кебет. — *461.*

[29] При дворе Дионисия бывали ученики Платона — гедонисткиренаик Аристипп, Евдокс с о-ва Книд, математик и астроном, впоследствии сблизившийся с Аристиппом, и сократяк Эсхин (см.: т. 1, Апология Сократа, прим. 39). — *462.*

[30] См. прим. 1. — *462.*

[31] *Гомер.* Од. XII 428. Чудовища *Скилла* и *Харибда,* по позднейшим представлениям, находились в Сицилийском проливе (см.: т. 3, Государство, кн. IX, прим. 15). — *462.*

[32] *Талант* — единица веса (в Аттике — ок. 26,2 кг) и наиболее крупная денежная единица Греции (вообще говоря, количество серебра того же веса), равнялся 60 минам или 6000 драхмам. — *464.*

[33] См.: III, прим. 8. — *465.*

[34] См. там же. — *465.*
[35] О *Тисии* ничего не известно. — *466.*
[36] Это происходило в 360 г. — *466.*
[37] Платону было около 70 лет. — *467.*
[38] См.: VII, прим. 16. — *468.*

VIII

Письмо написано вскоре после письма VII при сложных для Сицилии политических обстоятельствах.

[1] Имеется в виду тиран Сиракуз *Дионисий* Старший, сын Гермократа (431—367). — *469.*

[2] *Гиппарин* — отец Диона. — *469.*

[3] *Финикийцы* — карфагеняне, давние враги сицилийцев. *Опики* (оски), возможно, не кто иные, в устах Платона, как римляне вообще. — *470.*

[4] См.: т. 1, Алкивиад I, прим. 36. — *470.*

[5] Здесь, очевидно, снова идет речь о *Гиппарине,* отце Диона и сподвижнике Дионисия Старшего. — *471.*

[6] *Десять стратегов* скорее всего были казнены в Агригенте, а не в Сиракузах. См.: т. 1, Апология Сократа, прим. 36. — *471.*

[7] Ср.: Законы I 631bc. — *471.*

[8] Ко времени написания этого письма *сын* Диона Гиппарин уже умер, но Платон, видимо, не получил еще этого известия. *Отец* Лиона Гиппарин сражался против карфагенян, будучи полководцем Дионисия Старшего. — *472.*

[9] Т. е. *Гиппарин* — сын Дионисия Старшего и сестры Диона Аристомахи, сводный брат Дионисия Младшего; изгнал из Сиракуз вместе с леонтинцами, друзьями Диона, его убийцу Каллиппа (см.: VII, прим. 16), правившего 13 месяцев. — *472.*

[10] *Дионисий* Младший находился в это время в Италийских Локрах и вернулся в Сиракузы только в 346 г. — *472.*

[11] Иначе — лакедемонских, спартанских *царей.* Их в Спарте было два, власть их ограничивали эфоры (см. 354c). — *472.*

[12] Ср.: Законы VI 752e—753a. — *472.*

[13] Имеются в виду ложные друзья. — *473.*

[14] Здесь попытка вновь объединить оба рода — Гиппарина Старшего и Дионисия Старшего. — *473.*

IX

[1] См. VII, прим. 20. — *473.*

[2] *Архипп* и *Филонид* — пифагорейцы. Вряд ли здесь речь идет об Архиппе, который спасся после разгрома пифагорейцев в Кротоне в 440—430 гг. и удалился в Тарент (46, 1 Diels). — *473.*

[3] Юноша *Эхекрат, о* котором идет здесь речь, вряд ли тот самый пифагореец из Филунта, ученик Филолая, известный по платоновскому «Федону», действие которого происходит спустя месяц после смерти Сократа, а именно в 399 г. — *474.*

X

[1] Личность *Аристодора* неизвестна. — *474.*

XI

[1] *Лаодамант* (или Леодамант) — по Диогену Лаэрцию (III 24), философ с о-ва Фасос, которого Платов обучал аналитическому методу разрешения проблем. Будучи государственным деятелем, он собирался основать колонию на побережье Македонии и обращался за советом к Платону. Отсюда делают вывод о датировке письма 360 г. — *474.*

[2] Видимо, это молодой тезка Сократа, известпый по диалогам Платона «Теэтет», «Софист», «Политик». См.: т. 1, Теэтет, прим. 7. — *475.*

[3] Fr. 223 Rzach. — Wi. — *475.*

XII

[1] Диоген Лаэрций (VIII 80—81) приводит письма, которыми обменялись *Архит* (см. VII, прим. 20) и Платон. Ответ Платона в передаче Диогена и есть то, что считается XII письмом. Однак уже в древности эти письма были под сомнением. — *475.*

[2] Речь идет, вероятно, о найденных якобы сочинениях древнего пифагорейца Оккела из Лукании (48, 4 Diels). — *475.*

[3] *Лаомедонт* — троянский царь, отец Приама. Слово μύριοι букв означает 10 000 или многочисленный, так что, возможно, имеется в виду не племя *мирийцев,* которое более нигде не упоминается, численность переселявшегося народа (так у Мур-Блант). — *475.*

XIII

Письмо написано около 365 г., т. е. между второй и третье поездкой Платона в Сицилию.

[1] Имеется в виду *Дионисий* Младший. — *476.*

[2] Под *пифагорейскими работами,* может быть, подразумеваются «Тимей» или эсотерические поучения Платона, а под *различениями* — «Софист» и «Политик», где устанавливается определение софиста и политика с помощью постепенных разделений и отделений ненужных для главной дефиниции качеств. — *476.*

[3] *Геликон,* судя по Плутарху (Дион XIX), был в Сиракузах во время последнего приезда Платона и предсказал там солнечное затмение 21 мая 361 г., за что и был награжден Дионисием. О *Евдоксе* см.: VII, прим. 29. *Кизик* — милетская колония в Пропонтиде (ныне Мраморное море). — *476.*

[4] Об *Исократе* см.: т. 1, Едидем, прим. 58, о *Поликсене* и *Бризоне* — II, прим. 2. — *476.*

[5] *Лептин* — убийца Каллаппа (см.: VII, прим. 16). *Леохар* — известный греческий скульптор середины IV в. Принимал участие в скульптурных работах Галикарнасского мавзолея. Автор бронзовой статуи Аполлона Вельведерского, дошедшей до нас в римской мраморной копии. — *477.*

[6] *Жена Дионисия* Софросина была дочерью Дионисия Старшего и Аристомахи, сестры Диона, т. е. сводной сестрой Дионисия Младшего. —*477.*

[7] Неясно, о чем речь. Ирмшер переводит: «...не принял венка, хотя ты и настаивал на этом» (нем.). — *477.*

[8] О *Спевсиппе* см.: II, прим. 14. — *477.*

[9] *Мина* — денежная единица, меньшая таланта и большая драхмы и обола (ср.: VII, прим. 32). — *477.*

[10] *Мать Платона* — Периктиона. — *477.*

[11] Для авторитета Дионисия чрезвычайно важно и почетно было на свои средства устраивать роскошные театральные представления или давать деньги на нужды Афин, как это, например, делал Дион, находясь там в изгнании (*Плутарх.* Дион XVII). — *428.*

[12] Об этих лицах ничего не известно. — *428.*

[13] Возможно, что речь идет о разводе Диона и его жены Ареты (дочь Дионисия Старшего и Аристомахи, сестры Диона, т. е. Его племянница), который задумал Дионисий, чтобы уязвить изгнанного Диона. Арета была отдана наемнику Тимократу. Об упоминания Платоном в письме к Дионисию этого дела сообщает Плутарх (Дион XXI). — *479.*

[14] Об этих лицах ничего не известно. — *479.*

[15] *Кебет* и *Симмий,* пифагорейцы, фигурируют в «Федоне» (т. 2), упоминаются в «Критоне» (т. 1) как друзья Сократа. См. о них: в этих диалогах, а также прим. 7 к диалогу «Критон». — *479.*

[16] Лицо неизвестно. — *479.*

[17] О *Филеде* ничего не известно. *Великий царь* — царь Персии (см.: т. 1, Апология Сократа, прим. 53). — *479.*

[18] Лицо неизвестно. — *479.*

[19] Лицо неизвестно. — *479.*

[20] Лицо неизвестно. — *479.*

[21] Лицо неизвестно. — *479.*

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Платон

ЗАКОНЫ, ПОСЛЕЗАКОНИЕ, ПИСЬМА

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Слово о сущем»

Редактор издательства *И. Л. Песенко*
Технический редактор *О. Н. Новикова*
Компьютерная верстка *Н. М. Крыловой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 12.10.12. Подписано к печати 14.10.13.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32.6.
Уч.-изд. л. 33.7. Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3846. С 194

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-025434-3

9 785020 254343